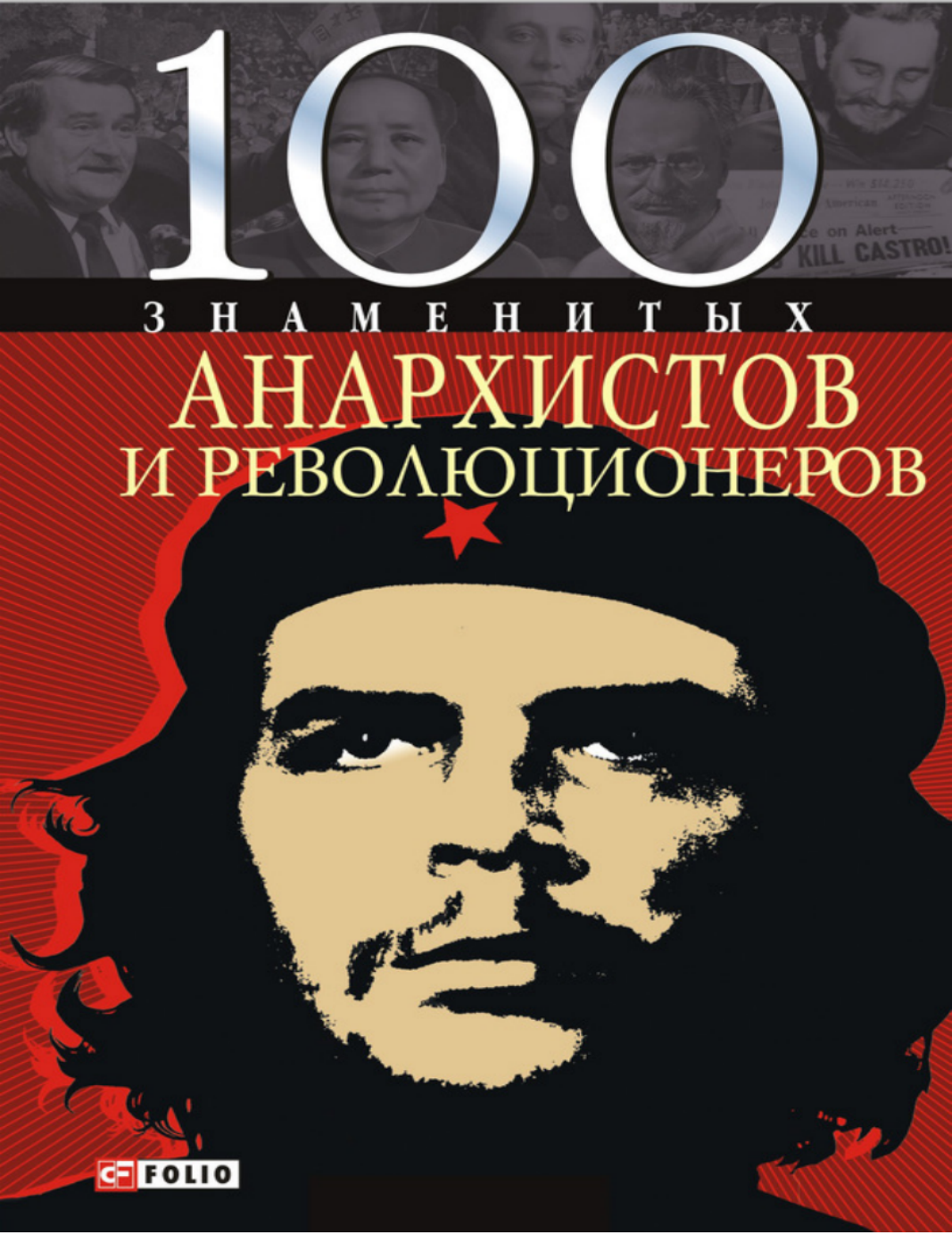
100 ЗНАМЕНИТЫХ АНАРХИСТОВ И РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ



FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Благими намерениями вымощена дорога в ад» – эта фраза всплывает, когда задумываешься о судьбах пламенных революционеров. Их жизненный путь поучителен, ведь революции очень часто «пожирают своих детей», а постреволюционная действительность далеко не всегда соответствует предреволюционным мечтаниям. В этой книге представлены биографии 100 знаменитых революционеров и анархистов начиная с XVII столетия и заканчивая ныне здравствующими. Это гении и злодеи, авантюристы и романтики революции, великие идеологи, сформировавшие духовный облик нашего мира, пацифисты, исключавшие насилие над человеком даже во имя мнимой свободы, диктаторы, террористы… Они все хотели создать новый мир и нового человека. Но… «революцию готовят идеалисты, делают фанатики, а плодами ее пользуются негодяи», – сказал Бисмарк. История не раз подтверждала верность этого афоризма.

- Виктор Савченко
- 100 знаменитых анархистов и революционеров.
-
-
- Аннотация
-
- Вступление
- Знаменитые революционеры
- КРОМВЕЛЬ ОЛИВЕР
-
-
- ВАШИНГТОН ДЖОРДЖ
-
-
- ДЖЕФФЕРСОН ТОМАС
-
-
- МАРАТ ЖАН ПОЛЬ
-
-
- МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЭЛЬ РИКЕТИ
-
-

- РОБЕСПЬЕР МАКСИМИЛЬЕН
- ДАНТОН ЖОРЖ ЖАК
- БОЛИВАР СИМОН
- БЛАНКИ ЛУИ-ОГЮСТ
- МАДЗИНИ ДЖУЗЕППЕ
- ГАРИБАЛЬДИ ДЖУЗЕППЕ
- ГЕРЦЕН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
- МАРКС КАРЛ ГЕНРИХ
- ЭНГЕЛЬС ФРИДРИХ
- ЛАССАЛЬ ФЕРДИНАНД
- БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА
- ЗАСУЛИЧ ВЕРА ИВАНОВНА
- СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
- ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА
- ПЛЕХАНОВ ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

- ЛЬВОВ ГЕОРГИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ
- ГУЧКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
- ГРУШЕВСКИЙ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ
- СУНЬ ЯТСЕН
- ПИЛСУДСКИЙ ЮЗЕФ
- АЗЕФ ЕВНО-МЕЙЕР ФИШЕЛЕВИЧ
- МАХАТМА ГАНДИ
- ГАПОН ГЕОРГИЙ АПОЛЛОНОВИЧ
- ЛЕНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ
- МАРТОВ ЮЛИЙ ОСИПОВИЧ
- РАКОВСКИЙ ХРИСТИАН ГЕОРГИЕВИЧ (СТАНЧЕВ КРЫСТЮ)
- ДЗЕРЖИНСКИЙ ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ
- ВИЛЬЯ ПАНЧО
- САПАТА ЭМИЛИАНО

- СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ
- ПЕТЛЮРА СИМОН (СЕМЕН ВАСИЛЬЕВИЧ)
- САВИНКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ
- ТРОЦКИЙ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ
- ВИННИЧЕНКО ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ
- АТАТЮРК
- КЕРЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ
- РЫКОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ
- АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ
- ЗИНОВЬЕВ ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ
- КАМЕНЕВ ЛЕВ БОРИСОВИЧ
- СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

- СВЕРДЛОВ ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ
- АТАМАН АНТОНОВ
- ТИТО БРОЗ ИОСИП
- МАО ЦЗЭДУН
- КИМ ИР СЕН
- МАРИГЕЛЛА ХУАН КАРЛОС
- КАСТРО РУС ФИДЕЛЬ
- ПОЛ ПОТ
- ЧЕ ГЕВАРА
- КАДДАФИ МУАМАР
- ВАЛЕНСА ЛЕХ МИХАЛ
- Знаменитые анархисты
- ДИОГЕН СИНОПСКИЙ
- ЗЕНОН ИЗ КРИТИОНА

- ГОДВИН ВИЛЬЯМ
- ШТИРНЕР МАКС
- ПРУДОН ПЬЕР ЖОЗЕФ
- БАКУНИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
- ТОЛСТОЙ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
- МИШЕЛЬ ЛУИЗА
- РЕКЛЮ ЭЛИЗЕ
- СОКОЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
- ВЕРЛЕН (ВАРЛЕН) ЛУИ ЭЖЕН
- КРОПОТКИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ
- ЧЕРКЕЗОВ ВАРЛААМ НИКОЛАЕВИЧ
- НЕЧАЕВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ
- МАЛАТЕСТА ЭНРИКЕ
- ФОР ОГЮСТ ЛУИ СЕБАСТИАН

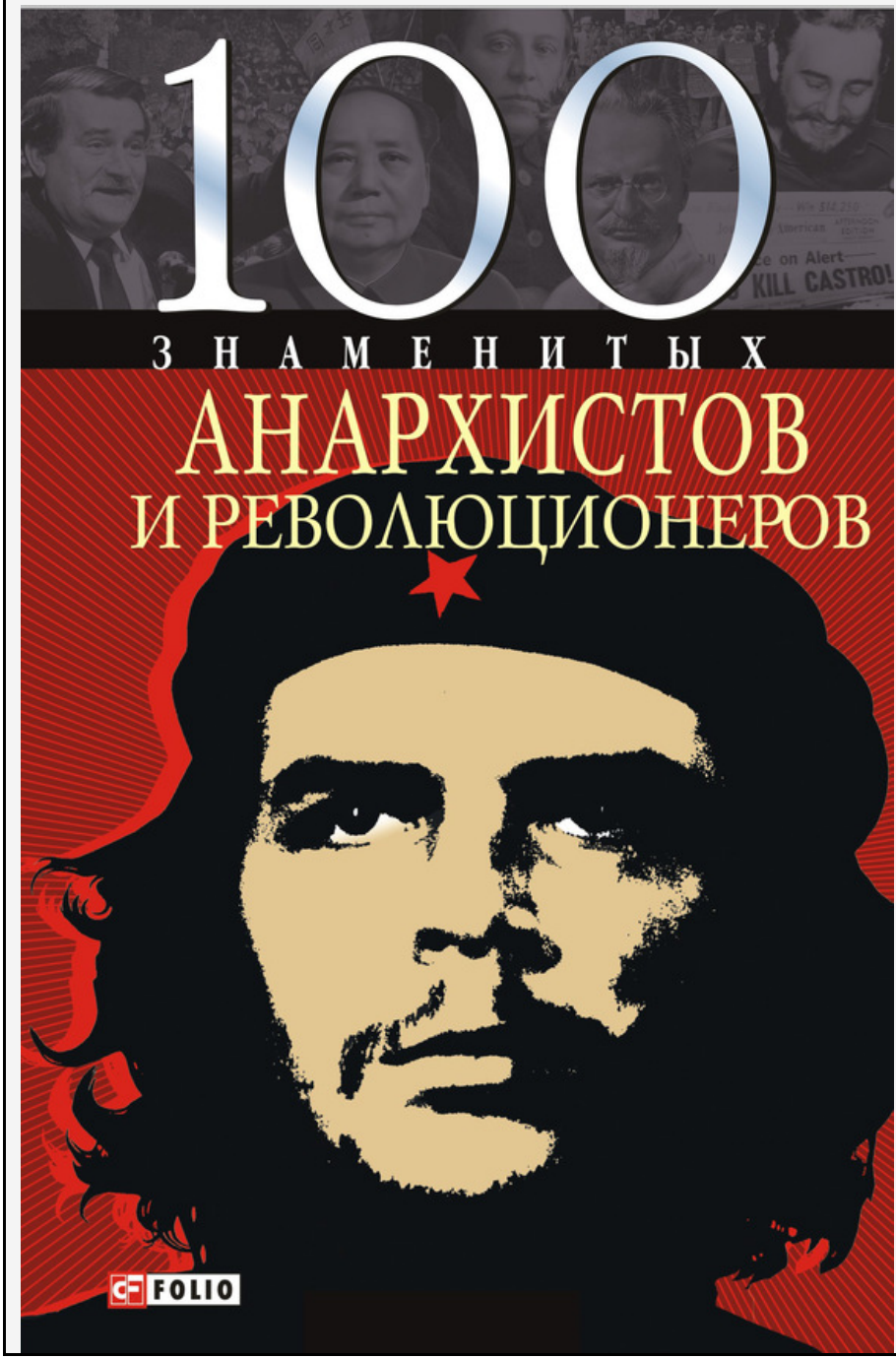
- КАРЕЛИН АПОЛЛОН АНДРЕЕВИЧ
- БРЕШИ ГАЭТАНО
- ГОЛЬДМАН ЭММА
- РОКЕР (РОККЕР) РУДОЛЬФ
- БОРОВОЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
- ТАРАТУТА ОЛЬГА ИЛЬИНИЧНА
- ЧЕРНЫЙ ЛЕОН
- МУЗЕЛЬ (РОГДАЕВ) НИКОЛАЙ ИГНАТОВИЧ
- ВОЛИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ
- НОВОМИРСКИЙ ДАНИИЛ
- ЯРЧУК ЕФИМ ЗАХАРОВИЧ (ЗАХАРЬЕВ ХАИМ)
- ГРОССМАН-РОЩИН ИУДА СОЛОМОНОВИЧ
- МАРУСЯ

- АРШИНОВ (МАРИН) ПЕТР АНДРЕЕВИЧ
- БОГРОВ ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
- ГОРДИН АБА
- СОЛОНОВИЧ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
- МАХНО НЕСТОР ИВАНОВИЧ
- СВЯТОГОР
- АТАМАН ЗЕЛЕНЫЙ
- АРОН БАРОН
- МИШКА ЯПОНЧИК
- ЗАДОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
- ЖЕЛЕЗНЯКОВ (ЖЕЛЕЗНЯК) АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
- ДУРРУТИ БУЕНАВЕНТУРА

-
-
- ХОФФМАН ЭББОТ
-
-
-
- РУБИН ДЖЕРРИ
-
- КОН-БЕНДИТ ДАНИЭЛЬ
-
-
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Виктор Савченко

100 знаменитых анархистов и революционеров.



«100 знаменитых анархистов и революционеров»:

Фолио; Харьков; 2008
ISBN 978-966-03-3878-4

Аннотация

«Благими намерениями вымощена дорога в ад» – эта фраза всплывает, когда задумываешься о судьбах пламенных революционеров. Их жизненный путь поучителен, ведь революции очень часто «пожирают своих детей», а постреволюционная действительность далеко не всегда соответствует предреволюционным мечтаниям. В этой книге представлены биографии 100 знаменитых революционеров и анархистов начиная с XVII столетия и заканчивая ныне здравствующими. Это гении и злодеи, авантюристы и романтики революции, великие идеологи, сформировавшие духовный облик нашего мира, пацифисты, исключавшие насилие над человеком даже во имя мнимой свободы, диктаторы, террористы… Они все хотели создать новый мир и нового человека. Но… «революцию готовят идеалисты, делают фанатики, а плодами ее пользуются негодяи», – сказал Бисмарк. История не раз подтверждала верность этого афоризма.

Вступление

«Благими намерениями вымощена дорога в ад» – эта фраза всплывает в памяти, когда задумываешься о судьбах «пламенных революционеров». Их жизненный путь поучителен, ведь революции очень часто «пожирают своих детей», а постреволюционная действительность частенько не соответствует предреволюционным мечтаниям.

В то же время жизнь человечества без революций невозможна, и не потому, что однообразное благополучие многим кажется пресным, лишенным резких скачков вверх… но и существованием без страстной мечты изменить мир к лучшему. Возможно, без революций человечество еще пребывало бы в феодализме и не догадывалось даже о возможностях Интернета! Но… Людям, не видевшим своими глазами революции, очень трудно справедливо о ней судить. «Да, я наблюдал вблизи это великое историческое представление. Я видел также пролог: последние годы монархического строя. Мы тогда все играли в оппозицию… Собственно, никогда не знаешь, какая страшная революция может выйти из самой мирной, лояльной оппозиции: оппозицию от революции отделяет один шаг… На свете не существует любимых народом правительств. Поэтому все революции вначале популярны. Историки, конечно, будут искать людей, которым можно было бы вменить в вину или заслугу устройство великой революции. Напрасный труд! Говорю как очевидец: никто не устраивает революции и никто в ней не виновен. Или, если хотите, виновны все…» – писал Талейран.

В этой книге представлены биографии 100 знаменитых революционеров и анархистов начиная с XVII столетия и заканчивая ныне здравствующими. «Почему Кромвель, а не Спартак?» – спросит читатель. Если бы эта книга была о бунтарях, то в нее вошли бы и Спартак с Пугачевым… Но революция как политический термин связана с изменением политического и государственного строя, с определенным этапом развития человечества.

Дело в том, что понятия «революционер», «революция» в современном своем толковании стали складываться только в XVII веке. Революционер не просто бунтует, а предлагает новый «проект» мироустройства, революционер – «интеллигент от бунта» – Демиург невиданного мира. Само слово «революция» происходит от латинского *revolutio* — «переворот» и стало употребляться в XVI столетии для обозначения революционных

событий в Голландии и реформации в Германии. Интересно, что тогда, в XVI веке, оно означало не стремление к созданию нового общественного строя, а призыв к возвращению назад, в «светлое» прошлое – к утраченному «золотому веку», к первоначальным ценностям и простоте раннего христианства.

В конце XVIII столетия слово «революция» уже означало глобальное изменение существующего строя, а теория революции представляла собой теорию изменения всего хода истории, что сближает революционные манифесты с книгами по практической магии. Вспомним призрак, что «бродит по Европе»… «Мир обновляется через кровь» – это ужасное пророчество средневековых мистиков начало сбываться в эпоху революций.

Никакого урока нельзя извлечь из смены стихийных, бесцельных разрушений, порожденных разнузданными страстями, в первую очередь, человеческим тщеславием. Например, Великую французскую революцию сделало тщеславие, как утверждают французские историки.

В современной историографии, особенно в современной публицистике, революции отождествляются только с насилием, причинами же революций объявляются деяния «темных», сверхъестественных или злых сил. Сейчас распространилось мнение, что результатом любой революции становится разрушение «нормальной» жизни и обострение проблем, на решение которых революция претендует. А еще заговорили о всемирном заговоре.

Вчерашние апологеты коммунизма тоже говорят о революции не как о «локомотиве истории», а как о диверсии на ее железной дороге. Антиреволюционная риторика порой объединяет либералов, националистов и популистов; милитаристов, правозащитников и людей «здравого смысла». Интересно, что в Украине 2004–2006 годов, в эпоху надежд на перемены, слово «революция» обрело новую комплементарность. Общество, зашедшее в тупик, ищет выход в уничтожении старого и создании нового общественного строя. Так было и с Францией Бурбонов, и с Россией Романовых… Все революции связаны с исторической судьбой того или иного народа. Революция – это расплата за грехи прошлого, за неспособность прошлых режимов нормально управлять страной.

Господа революционеры в 1917 году возлагали ответственность за все произошедшее на гнилой старый строй, на позже расстрелянного царя и на его так же позже понемногу убиваемых министров. Жаль, что господа революционеры не были склонны применить ту же логику к самим себе. Если им на смену является какое-либо жестокое, деспотичное правительство, в

десять раз более жестокое и более деспотичное, чем прежнее царское (а дело было именно так), то виноватыми опять-таки считали не себя, а лишь контрреволюционеров или, еще лучше, того же убитого ими царя.

Большевики проявили огромный талант в деле разрушения, но создать нового не умели; они лишь творили во всем мире культ разрушения – и это, пожалуй, самая скверная и самая вредная часть их дела. Тот ореол, который был создан вокруг Французской революции, позже вокруг Октябрьской, гораздо опаснее для человечества, чем они сами: революции заканчиваются, ореол остается. И видит Бог: как ни отвратительны сами по себе большевики, их подражатели всегда неизмеримо хуже! Это зачастую не только мерзавцы, но вдобавок еще и дураки.

С одной стороны, революции обнаруживают героизм и самопожертвование, с другой – предательство и властолюбие, насилие и жестокость… Не все революционеры достойны своего наименования «преобразователь» и своей миссии. Парадоксально, но многие революционеры изменялись с «точностью до наоборот» после того, как становились господами. Частенько революционный господин, восхваляя свободу и справедливость, устанавливал соответственно тиранию ради «сохранения» призрачной свободы и собственного благополучия.

Революция отправила на эшафот больше революционеров, чем реакционеров. Революции бывают и бескровными, но всякая революция по самой природе своей ужасна и другой быть не может. В душе человека дремлют те самые страсти: зависть, жестокость, тщеславие, жажда разрушения, да просто жажда вседозволенности во всех формах. Закон, власть, государство только для того и нужны, чтобы сдерживать зверя железом.

Бескровная революция – такая же смешная нелепость, как бескровная война, только на войне убивают чужих, а здесь – своих.

В этой книге рассказано о гениях и «злодеях», авантюристах и романтиках революции. Все это многообразие можно типологизировать по ряду особенностей. К первой группе можно отнести великих идеологов, которые сформировали духовный облик нашего мира. Некоторые из них были пацифистами (Ганди, Толстой) и мечтали о нравственном изменении человека, другие не исключали насилия над человеком во имя прогресса и мнимой свободы (Маркс, Энгельс, Лассаль, Прудон, Бакунин, Кропоткин).

Были и революционные практики – диктаторы, которые стремились огнем и мечом изменить мир и во что бы то ни стало создать общество, далекое от реальности (Кромвель, Робеспьер,

Марат, Дантон, Ленин, Сталин, Троцкий, Махно).

Особый тип – революционеры-террористы, прославившиеся благодаря своему презрению к собственной и, особенно, чужой жизни (Нечаев, Таратута, Богров, Никифорова, Савинков). Некоторые из них теряли человеческий облик, превращаясь в палачей по призванию. К людям такого сорта можно отнести и авантюристов от революции – они были готовы на предательство, пытались «сделать деньги» на торговле идеями революции, на крови и страданиях сограждан (Азеф).

«Революцию готовят идеалисты, делают фанатики, а плодами ее пользуются негодяи», – сказал Бисмарк (это же выражение приписывают и Томасу Карлейлу – английскому философу XIX века). Перед казнью Дантон якобы воскликнул: «Во времена революций власть, в конце концов, достается самым большим мерзавцам!»

Как отмечал Гегель, Робеспьер сделал добродетель наивысшим принципом своей тирании. Субъективная добродетель, которая правит, основываясь единственно на принципе личного убеждения, приводит к самой жуткой тирании и террору. Казни без суда и следствия в революционной Франции и революционной России вершились под лозунгами Свободы, Равенства и Братства. А «добрые намерения» экстремистов-революционеров почерпнуты из человеколюбивых и добродетельных книг энциклопедистов и Жан Жака Руссо. Во имя торжества Свободы революционеры закрывали газеты и затыкали рты согражданам, приветствовали доносительство и террор. Якобинцев и ленинцев не волновала судьба конкретных людей, которыми можно пожертвовать во имя призрачного человека будущего. Идеализация грядущего стало революционным мифом, заменила миф о загробной жизни. Революция оказалась не в состоянии создать «нового человека» из существующего «материала» без личного, страстного желания конкретного человека избавиться от присущих ему пороков… И Махатма Ганди, и Лев Толстой были большими революционерами, чем Робеспьер, Ленин, Сталин или Мао, если под революцией понимать «явление в мир» нового человека и новой морали.

Мы не судим этих людей. Их не может судить даже история. Потому что «нет суда истории. Есть суд историков, и он меняется каждое десятилетие; да и в течение одного десятилетия всякий историк отрицает то, что говорят другие. Правду знают одни современники, и только они одни могут судить. Но чем больше революционный деятель прольет крови, тем больше чернил и крови прольют в его оправдание умиленные дураки потомства…» – писал Марк Алданов.

Знаменитые революционеры

КРОМВЕЛЬ ОЛИВЕР

(род. в 1599 г. – ум. в 1658 г.)

«Божий ратник» английской революции, создатель армии «железнобоких», прославившийся жестоким завоеванием Ирландии, с 1653 г. – лорд-протектор Англии.

По-разному оценивали личность Кромвеля историки английской революции во все времена. Для одних он был героем, ему посвящали поэмы (Эндрю Марвел «Поэма на смерть Оливера Кромвеля»), его правление считали одним из славнейших в истории Англии. Каждый год 3 сентября у памятника бывшему лорду-протектору собираются те, кто и ныне считает его «отцом английских парламентских свобод». Для других Кромвель – злодей, достигший власти «по уши в крови», проливавший «как воду кровь своих подданных». Его правление называли «коротким и отвратительным господством», а его самого – «наихудшим типом макиавеллевского лицемера», «сыном дьявола, узурпатором и цареубийцей». Современники Кромвеля с особой жестокостью надругались над его могилой. Наши современники запретили называть его именем корабли и улицы. Кто же он, этот «ничем не примечательный сельский сквайр», ставший символом

Великой английской революции?

Родился Оливер в семье Роберта и Элизабет Кромвель в Хантингдоне близ Кембриджа в Восточной Англии. Несмотря на то что по отцу он состоял в родстве с графом Эссекским, министром Генриха VIII Томасом Кромвелем, а по матери – с шотландским королевским родом Стюартов, учился мальчик в бесплатной средней школе. В 1616 году Кромвель поступил в Сидней Колледж Кембриджского университета, где получали образование дети знатных фамилий. Однако через год, когда умер отец, Оливеру пришлось бросить учебу и вернуться домой, так как он остался единственным мужчиной в семье. Для успешного ведения хозяйства юноша потратил несколько месяцев на изучение права в одной из адвокатских контор Лондона. На этом его образование закончилось. В 1620 году Кромвель женился на Элизабет Бучьер (Буршье), дочери богатого лондонского торговца. Это, пожалуй, и все, что мы знаем наверняка из первого, самого долгого периода его жизни.

Кромвель по семейной традиции был кальвинистом. Кальвин делил все человечество на две части – «избранных и осужденных». Первых ожидало блаженство рая, вторых – муки ада. «Справедливость предопределяет, кто из людей будет спасен, кто должен погибнуть». Причем «осужденного» не спасут ни добрые дела, ни святое причастие, а «избранному не вредят ни грехи, ни преступления». Кромвель, как истый кальвинист, мучился вопросом, к какой категории принадлежит он сам. На эти искания он потратил почти 40 лет жизни, не раз оказываясь на грани нервного срыва. Кромвель страдал частыми депрессиями. «Устойчивая боязнь приближающейся смерти» – такой диагноз ставили ему врачи.

Наконец, к 1636 году Кромвель пришел к убеждению, что Бог определяет и направляет его действия. Он – «избранный», а посему все, что он делает, это Божья воля. Кромвель фанатично верил, что его ведет Провидение. Всю жизнь он служил двум великим идеям: идее самоотречения и идее справедливости, которая должна восторжествовать уже здесь, на земле, а не в обещанном католиками раю. К 1640 году, как писал Е. А. Соловьев, автор одной из интереснейших биографий Кромвеля: «…перед нами с этой минуты сильный общественный деятель, который прекрасно знает, чего он хочет и куда стремится. Он ждал лишь минуты, когда обстоятельства позволят ему высказаться». И время Кромвеля пришло.

В 1625 году умер Яков I и на английский престол взошел Карл I. Он был «прекрасно воспитанный джентльмен, его вкус был превосходен; его манера была преисполнена достоинства;

домашняя жизнь – безукоризненна». Однако, как писал Соловьев: «К сожалению, время было смутное и качеств хорошего джентльмена недоставало, чтобы быть хорошим королем». В это время в Англии боролись и ненавидели друг друга многочисленные церковные партии и секты: паписты, епископалы, пресвитериане, пуритане, староангликане, индепенденты, уравнители. На политической арене партий было не меньше, и борьба их была не менее жестокой. Абсолютисты поддерживали беспредел деспотизма Карла I; умеренные роялисты ратовали за Великую хартию вольностей; пресвитериане – за либеральную конституцию; индепенденты выступали за республику; уравнители были вообще за анархию. При таком разнообразии политических сил резко обострилась борьба в английском парламенте.

«В 1629 году английский народ с удивлением узнал, что его представители, заседавшие в нижней палате, втрое богаче, чем пэры королевства», – писал Е. А. Соловьев. Нижняя палата, состоявшая из третьего сословия (буржуазии), разрешала налоги и обеспечивала правительство деньгами. Отсюда и противостояние: король требовал денег, палата – прав. Король отказывал в правах, палата – в деньгах. Несколько раз распуская парламент, Карл I пытался превратить его в «ничто». С 1629 года по 1640 год парламент не созывался вообще. «Никогда в истории Англии не было одиннадцатилетнего промежутка между парламентами». Своей беспардонной политикой, беспредельным деспотизмом и беззаконием, когда он сам нарушал законы и данные обязательства, Карл I восстановил против себя свой народ. Осуждение Джона Гемпдена (родственника Кромвеля), дворянина, отказавшегося платить незаконно введенный королем корабельный налог, явилось последней каплей терпения. «С этой поры, – говорит Гизо, – народ перестал ожидать чего-либо от властей и законов и, потеряв надежду, приобрел мужество. Вся нация была поражена этим приговором». Так начиналась революция. В делах церковных англичане защищали Реформацию и боролись за чистоту церкви, в делах частных – защищали свое человеческое достоинство. «Уважение к самому себе – величайший дар, полученный англичанами от своей истории». Уважая самого себя, свою личность, англичанин уважает прежде всего свою самостоятельность, неприкосновенность своей личности.

До 1640 года Кромвель был мировым судьей и вел борьбу с правительством за сохранение привилегий общинного самоуправления; боролся с англиканским духовенством за право свободного толкования Библии; был депутатом третьего

парламента; занимался хозяйством. Однако этому деревенскому дворянину было предопределено стать «ратником Божьим» против королевского деспотизма.

3 ноября 1640 года в Вестминстере был созван Долгий парламент. Опасаясь войны с Шотландией, Карл I потребовал денег. Парламент в ответ потребовал лишить короля права распускать его. Карл I вынужден был пойти на такие уступки, что «…к июлю даже тень власти была отнята у короля». В 1641 году в Ирландии вспыхнуло восстание. Недоверие к королю было настолько велико, что парламент лишил его законного права стать во главе армии. Этого оскорбления Карл I снести не мог. 22 августа 1642 года король объявил войну парламенту.

Кромвель начал формировать собственный кавалерийский эскадрон, так как считал, что без сильной кавалерии парламент никогда не одержит победу над армией короля. Он набирал солдат среди пуритан и сектантов. «Они воевали не ради денег, а во имя того, что считали своей целью, – общественного блага». В кавалерии Кромвеля простолюдины могли стать офицерами. Он безжалостно расстреливал за мародерство, ввел в полку общую молитву. Организовав дееспособный полк, Кромвель заставил бояться и уважать себя. Его кавалерия, ставшая ядром будущей армии, была лучшей в Европе. В бой она шла с пением псалмов.

В 1645 году палата общин приняла постановление о создании регулярной армии нового образца. Кромвель из скромного капитана превратился в генерал-лейтенанта. Официально командующим был Ферфакс, но фактически армией командовал Кромвель. Главное отличие его армии было в том, что она состояла не из наемников, как это было раньше, а из англичан, готовых отдать жизнь за вольности и религиозную реформацию. Фанатики в обычной жизни, его индепенденты на службе отличались беспрекословным подчинением, стойкостью, строгой нравственностью. В армии не было ни пьянства, ни драк, ни мародерства. До звания полковника мог дослужиться и сапожник, и котельщик, и извозчик, и корабельный шкипер. «Его войска ходили в бой с точностью машин, пылая в то же время фанатизмом первых крестоносцев. Со времени образования армии до минуты ее расформирования она ни на Британских островах, ни на материке не встречала никогда врага, который мог бы устоять против ее натиска», – писал Е. А. Соловьев.

Однако Кромвелю не всегда удавалось сдерживать своих индепендентов от ненависти к католическим священникам и храмам. Они приходили в бешенство при виде образа или статуи святого. Многие английские соборы хранили следы этой ненависти. «Кто не за меня, тот против меня, а кто против меня,

того надо уничтожить». Как фанатики, индепенденты были грозной силой, и эта сила теперь была в руках Кромвеля.

14 июня 1645 года Кромвель наголову разбил армию роялистов в битве при Нейзби. Карл I бежал к шотландцам, но те продали его парламенту. Возник вопрос: что с ним делать? Пока парламент обсуждал возможность компромисса, в армии вспыхнул мятеж. Индепенденты требовали суда над королем: они боролись за республику. Революционный суд при активном участии Кромвеля признал короля тираном и общественным врагом. Карл I был казнен – Кромвель перешел свой Рубикон. С этого момента военная и политическая власть начала постепенно концентрироваться в его руках. Этот процесс занял 4 года (1649–1653).

После казни короля ситуация в Англии обострилась. Активизировались левеллеры (уравнители). Они во главе с Джоном Лильберном требовали религиозной свободы и народовластия. Для того чтобы успокоить недовольных новой властью, Кромвель отправился на завоевание мятежной Ирландии. Ненависть протестантов к католикам, англичан к ирландцам вылилась в неоправданную жестокость этого похода. При взятии Дрогеды по приказу Кромвеля было уничтожено 2 тыс. человек. Людей, спасавшихся в храме, сожгли заживо, пытавшихся бежать убивали на месте. После этого «славного» похода Ирландия потеряла почти треть населения и получила многовековой незатихающий национально-религиозный конфликт. Пытаясь оправдать свою жестокость, Кромвель писал: «Я убежден, что это совершенно справедливый суд Божий. Я убежден, что это предупредит кровопролитие на будущее время». Интересно: что думал «борец за справедливость», отправляя ирландских женщин и детей в американские колонии в качестве «белых рабов»?

После Ирландии наступил черед Шотландии, которую Кромвель завоевал не столь жестоко, но столь же быстро. На пути к полной узурпации власти у него оставалось одно большое затруднение – сам английский парламент. Но и с этой проблемой он справился. 20 апреля 1653 года силой своих мушкетеров Кромвель просто разогнал Долгий парламент, объявив депутатам: «Час ваш настал: Господь отступился от вас; он избрал для исполнения своей воли орудия более достойные. Господь руководит мною и повелевает мне делать то, что я делаю».

16 декабря 1653 года Кромвель был провозглашен лордом-протектором Англии со всеми диктаторскими полномочиями: глава законодательной и исполнительной власти и главнокомандующий армией. В его правление «вольности»

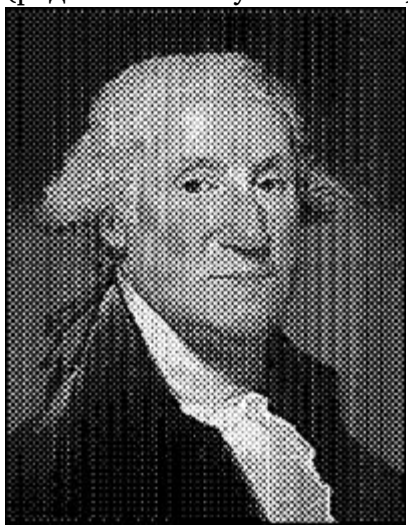
Англии отошли в область преданий. Своему декоративному Собранию «святых» он сказал: «Придет пора, и свободно избранный парламент заменит вас, но я не знаю, когда народ сделается достойным свободных выборов». Игра в демократию закончилась. Казнив короля, Кромвель сжег за собой мосты: теперь он должен был стать всесильным тираном или взойти на эшафот.

По Англии поползли слухи, что Кромвель стремится к королевской власти, хотя сам он это отрицал. Большинство населения уже устало от революции, поэтому все реформы, которые пытался провести Кромвель, не достигали успеха, так как не имели поддержки. Положение внутри страны все ухудшалось: не было денег, росла безработица. Государственный долг Англии к концу правления лорда-протектора достиг 1,5 млн фунтов стерлингов. Чем больше у Кромвеля было власти, тем более одиноким он становился. От него отвернулись даже боевые товарищи. В армии возник заговор, жестоко подавленный протектором. Никогда еще тюрьмы не были так переполнены: 12 тысяч политических заключенных томились в них.

Кромвель становился все более замкнут и мрачен. «В нем развилась мучительная подозрительность, не дававшая ему покоя ни днем ни ночью. Он постоянно был вооружен и носил латы. Та ясность и самостоятельность ума, та страстность и смелость чувства, которые были так привлекательны в Кромвеле, по-видимому, совершенно исчезли». В 1658 году Кромвель тяжело заболел и 3 сентября умер.

ВАШИНГТОН ДЖОРДЖ

(род. в 1732 г. – ум. в 1799 г.)



Первый президент США. Главнокомандующий армией колонистов в борьбе за независимость в Северной Америке в 1775–1783 гг. Председатель Конвента (1787) по выработке Конституции США.

Джордж Вашингтон стоял у истоков национальной истории Соединенных Штатов Америки и был одной из самых выдающихся личностей среди политиков той бурной эпохи. Первый президент США принадлежал к четвертому поколению переселенцев из Англии, т. е., по американским понятиям, являлся аристократом. Его предки во время английской революции за приверженность королю подверглись преследованиям и эмигрировали в Америку. Отец будущего президента был дважды женат. Дети от первого брака – Лоуренс и Августин – воспитывались вспыльчивой и энергичной мачехой, в девичестве Мэри Болл. Джордж – старший среди шестерых детей.

Официальной датой рождения Джорджа Вашингтона считается 22 февраля 1732 года. Раннее детство Джорджа прошло на плантациях Хантинг-Крик и Ферри Фарм близ Фридриксбурга.

Образование Джордж получил весьма скромное. На первых

порах его обучал домашний учитель. Кроме того, мальчик посещал начальную школу во Фридриксбурге. Возможно, он так и остался бы человеком, едва умевшим читать, писать и считать. Но рядом был отец, человек по тем временам очень образованный. Многим Джордж был обязан и матери, которая старалась привить детям строгие нравственные правила. Однако полученных знаний было недостаточно. До конца жизни Вашингтон был не в ладах с орфографией, не знал иностранных языков. Все это, безусловно, наложило отпечаток на его характер, сделав замкнутым и немногословным.

12 апреля 1743 года умер отец Вашингтона. Одиннадцатилетний мальчик остался с матерью, отношения с которой ухудшались год от года.

Неподалеку от имения брата, куда переселился Джордж, находилась школа Вильямса, где можно было приобрести познания в области сельского хозяйства. Этому учебному заведению Джордж обязан хорошими знаниями математики, геометрии и межевания. В свободное время он с увлечением занимался физическими упражнениями, верховой ездой и всегда слыл отличным наездником. Кроме того, составил себе свод правил в обществе, взятых из разных источников.

Зимой 1748/49 года Джордж прошел курс теории в колледже Уильяма и Мэри в Вильямсбурге и получил свидетельство землемера, а вскоре занял штатную должность в графстве Калпепер.

В эти годы Джордж встретил свою первую и единственную, на всю жизнь, любовь. Его друг Джордж Ферфакс женился и привез в Бельвуар молоденькую Салли Кэри – дочь небогатого, но очень образованного плантатора. Судя по единственному сохранившемуся портрету, юная женщина красотой не отличалась. Очевидно, Джорджа пленили ее интеллигентность и изящество. Салли была на два года старше своего немногословного обожателя. Но чем-то он тоже привлек ее внимание. О будущем мечтать не приходилось. Разве мог Джордж предать своего друга? Разве могла Салли нарушить данное ею слово? Так ничем не закончилась эта любовь, длившаяся всю жизнь. Но даже перед собственной свадьбой Вашингтон заверил миссис Ферфакс в том, что по-прежнему любит только ее одну. Она умерла в большой бедности бездетной вдовой в Англии. В то время Вашингтона уже давно не было в живых.

В июле 1752 года умер от туберкулеза горячо любимый им брат Лоуренс, и Джордж стал главным наследником Маунт-Вернона, которому давно принадлежало его сердце. Теперь двадцатилетний Вашингтон мог считаться очень богатым

помещиком. Должность землемера давала еще 50 фунтов стерлингов в год. Он стал солиднее. По обычаю многих сограждан его круга вступил в масонскую ложу.

Но вот спокойная жизнь закончилась. Между английскими и французскими колониями издавна существовал антагонизм, в начале 50-х годов перешедший в открытую войну из-за территорий.

В этой войне Вашингтон принял активное участие. В 1754 году его назначили Главнокомандующим ополчением Виргинии. На этом посту он проявил себя талантливым организатором и храбрым командиром, приобрел опыт ведения военных операций. На него обратили внимание в провинциальном Законодательном собрании и 14 августа 1755 года назначили командиром полка для отражения возможного вторжения французов в Виргинию. Жестокими методами Вашингтон укрепил в полку дисциплину.

Упрочив положение, он выдвинул свою кандидатуру в Законодательное собрание Виргинии от округа Винчестер и выиграл избирательную кампанию.

Примерно в это время Вашингтон решил жениться. Выбор пал на молодую вдову Марту Кастис, обладавшую громадным, по тем временам, состоянием. Своих детей у Джорджа не было. Но сын и дочь Марты от первого брака – их звали Джеки и Патси – неизменно пользовались его горячей привязанностью.

Много времени плантатор уделял сельскому хозяйству и вел его, как сказали бы теперь, на научной основе. Из Англии выписывались специальные книги, производились опыты по посадке растений, использовались сельскохозяйственные машины.

Но, занятый хозяйственными делами, Вашингтон не оставлял и политическое поприще. В течение всех этих лет его регулярно избирали в Законодательное собрание сначала от округа Винчестер, а затем от округа Фэрфакс, в котором находился Маунт-Вернон. Во время выборов он не скупился, каждый раз расходуя от 40 до 75 фунтов стерлингов. Как правило, они шли на оплату массовой выпивки. После подсчета голосов давался грандиозный бал.

Политическая обстановка в стране постепенно накалялась. В мае 1769 года состоялась очередная сессия. На первом же заседании была единогласно принята петиция королю Георгу III с просьбой «вмешаться в пользу попранных прав Америки». В ответ губернатор распустил парламент.

Лето 1774 года ознаменовалось знаменитым «Бостонским чаепитием». Репрессии против бостонцев распространились и на другие провинции. Законодательное собрание Виргинии вновь

было распущено. Однако депутаты особенно не огорчились. Они знали, что на выборах, которые вскоре должны были последовать, их все равно снова выберут. Все дружно направились в уже знакомую таверну и решили связаться с другими колониями по поводу проведения континентального конгресса.

Среди бывших депутатов Вашингтон был едва ли не самым активным. Он громко заявил: «Парламент имеет не больше прав запускать руку в мой карман, чем я в его», а потом вместе с Масоном провел в своем округе собрание, на котором приняли резолюцию о солидарности с Бостоном.

1 августа Вашингтон участвовал в заседании нового Законодательного собрания колонии и в числе семи делегатов был избран на Первый континентальный конгресс, который проходил в Филадельфии. Бурный восторг аудитории вызвало его заявление: «Я готов собрать тысячу человек, вооружить и одеть их за свой счет и во главе их идти на Бостон».

Понимая, что мирными средствами вряд ли можно будет обойтись, колонии готовились к обороне. В Виргинии срочно формировалось ополчение. В конце 1774 года Вашингтону предложили командование семью из десяти созданных рот. Зная по своему опыту, чего стоят такие войска, Джордж рекомендовал сформировать роту стрелков, а в январе уже приступил к ее обучению.

Второй континентальный конгресс начал работу 10 мая 1775 года. Когда встал вопрос о том, кто должен возглавить ополчение колоний, была предложена кандидатура Вашингтона. Конечно, он, при его огромном честолюбии, страстно хотел этого. Нервы не выдержали. Джордж покинул зал и спрятался в библиотеке, пока шло обсуждение. Утром 15 июня было объявлено, что Вашингтон избран генералом для командования всеми континентальными силами, создаваемыми «для защиты Американской Свободы».

В тот период американская армия поражала воображение отсутствием дисциплины. Солдаты набирались на короткий срок и покидали армию, не успев приобрести достаточных навыков. Очень распространено было дезертирство. Генерал вновь начал с укрепления дисциплины. Он разжаловал нескольких офицеров за трусость и воровство, создал военный суд. По его решению провинившиеся наказывались 40 ударами плетью.

В начале 1776 года генерал решил, что армия готова к военным действиям, и 17 марта без боя взял Бостон, а затем двинул войска на Нью-Йорк. Для обсуждения дальнейших планов военной кампании Вашингтону необходимо было прибыть на Конгресс. В конце мая 1776 года он отправился в Филадельфию. В это время политическая обстановка претерпела серьезные

изменения. Правительство Англии известило колонии о своей готовности к примирению. Многие депутаты были склонны пойти на мировую. Генерал же, как и большинство населения, выступал на стороне тех, кто стремился к полной независимости колоний от Англии. Здесь он возглавил комиссию по составлению Декларации независимости. 4 июля 1776 года Конгресс в торжественной обстановке принял этот исторический документ. По приказу Вашингтона были проведены парады, дан орудийный залп, а текст Декларации зачитан перед войском.

12 июля 1776 года часть английского флота вошла в Гудзон, чтобы отрезать колонии от Канады, а Нью-Йорк – от сообщения со страной. Генерал успел укрепить город, выстроив две крепости – форт Вашингтон и форт Ли. Но располагал он только 11 тыс. солдат, тогда как у противника было 30 тыс. Понимая, что в такой ситуации поражение неизбежно, генерал предпочел отступить.

Со временем тактика Вашингтона стала приносить победы. Неприятель был разбит на реке Дэлавер. Американцы взяли города Трентон, Принстон, Нью-Джерси. И все это время, несмотря на стремление Гоу навязать генеральное сражение, Вашингтон всячески избегал этого, понимая, что его неопытная армия не в состоянии противостоять регулярным войскам.

В конце декабря 1776 года генерал на шесть месяцев получил диктаторские полномочия, но пользовался ими очень осторожно. Не в его характере было стремление к власти. Поэтому, когда определенный Конгрессом срок закончился, он не пытался протестовать. Второй раз диктатором Вашингтон стал в августе 1777 года во время боев за Филадельфию. И снова – ни малейшей попытки сохранить за собой власть.

Зима 1777/78 года была самой тяжелой для армии Вашингтона. Обстоятельства вынудили генерала стать на зимние квартиры среди холмов Вэлли-Фордж в тридцати километрах от Филадельфии. Здесь не было жилья, округ был опустошен войной. Собственными силами построили 1100 маленьких домиков с земляным полом. В такой же хижине, только с деревянным полом, зимовал и Вашингтон. Солдаты были голы и босы в буквальном смысле слова. Их разбитые ноги оставляли кровавые следы на снегу. Главнокомандующий назначил премию в десять долларов тому, кто изобретет замену башмакам. Именно здесь, в Вэлли-Фордж, появилось знаменитое слово «санкюлоты», то есть «бесштанники». Так французские офицеры называли солдат американской армии. Вашингтон жаловался на то, что в лагере почти нет мыла, и горько сетовал, что в нем нет особой надобности, так как «лишь у немногих есть больше одной

рубашки, у многих только лохмотья, а иные вообще голы». Люди кутались в дырявые одеяла. Сквозь прорехи виднелось голое тело. Защитники свободы голодали.

Между тем положение английской армии в Филадельфии становилось все более тяжелым. Бездеятельность пагубно влияла на дисциплину. 19 октября 1781 года англичане капитулировали под Йорктауном. Это событие стало фактическим окончанием военных действий. Америка ликовала. Конгресс выразил Вашингтону благодарность. В его честь писались оды. Везде его встречали как спасителя отечества. В армии по приказу главнокомандующего был введен «значок за военные заслуги». Из пурпурной ткани и шелка на грудь солдатам нашивали сердце. Об этом первом в американской армии ордене вскоре забыли, возродив его лишь в 1933 году под названием «Пурпурное сердце».

После войны в стране стали высказываться мнения о необходимости монархического правления. Деятельность Конгресса многих привела к мысли о том, что республика ненадежна. Были предложения сделать королем Вашингтона. Однако главнокомандующий считал, что идеальной формой правления может быть только олигархическая республика при условии укрепления центральной власти.

После подписания Парижского мирного договора, который подтвердил независимость Соединенных Штатов, Конгресс распустил континентальную армию. Вашингтон трогательно простился с офицерами и отправился в Маунт-Вернон.

Несколько лет он прожил в имении, занимаясь расстроенным за время войны хозяйством. Хотя супруги оставались бездетными, в их доме не смолкал детский смех. Генерал усыновил двух детей своего умершего пасынка – Нелли и Джорджа. Кроме того, он заботился о многочисленных племянниках и племянницах. Некоторые из них постоянно жили в его доме.

Но больше всего внимания требовали многочисленные визитеры, часто совершенно незнакомые. Они осаждали Маунт-Вернон. О Вашингтоне слагались легенды. Его называли «Отцом страны», «Основателем американской республики», сравнивали с Ганнибалом и Александром Македонским, причем не в пользу последних. Люди хотели видеть живого героя и приезжали даже из-за океана.

Вашингтону очень много писали. В письмах содержались восторженные панегирики и просьбы о помощи. Он взял за правило лично отвечать на каждое послание и тратил много времени на подготовку ответов, предварительно получив информацию о том или ином ветеране, служившем под его

началом, чтобы удостовериться, что тот действительно имеет права на получение какой-либо помощи.

Но политика не хотела выпускать генерала из своих цепких рук.

В сентябре 1786 года в Аннаполисе собрались представители пяти штатов для согласования текущих экономических проблем. Было решено в мае следующего года провести Конвент для изменения принятых в 1776 году «Статей конфедерации». Первое место в числе делегатов от Виргинии занял Вашингтон.

14 мая 1787 года Конвент начал свою работу, но только к 25-му удалось собрать 55 представителей от семи штатов, среди которых были Бенджамин Франклин и Томас Джефферсон. Им надлежало составить новую Конституцию США. На первом же заседании президентом Конвента был избран Вашингтон, который вполне оправдал ожидания присутствующих.

Он предложил во избежание кривотолков и волнений работу над Основным законом страны производить втайне и жестко добивался этого, следя, чтобы даже случайно информация не просочилась за двери зала заседаний. Это было совсем не лишним, так как предстояла коренная перестройка правительства и усиление его функций. 17 сентября 1787 года проект Конституции США был одобрен, затем его обнародовали. В соответствии с новым законом на начало февраля 1789 года были назначены выборы президента страны.

Ни у кого в то время не возникало сомнений в том, что возглавить страну должен Вашингтон. Празднование 4 июля 1788 года проходило под лозунгом «Вашингтона в президенты!», а на торжественном собрании в Дэлавере было провозглашено: «Пусть фермер Вашингтон, как второй Цинциннат, бросит плуг и пойдет управлять великим народом!»

Бросать плуг не хотелось. Пятидесятисемилетний генерал устал от политических перипетий. Он стремился к покою и тихим семейным радостям. Но отказаться от участия в выборах не мог – слишком велико было давление. Надеялся, что его не выберут. Однако первые президентские выборы в Америке с редким единодушием подтвердили популярность героя войны за независимость среди американцев. Вице-президентом стал Д. Адамс. С первых же дней президентства Вашингтон стремился обдумывать каждый свой шаг. Это проявлялось даже в мелочах. Он никому не наносил визитов, а к себе приглашал только «официальных лиц и выдающихся людей», тщательно следил за манерой поведения и внешним обликом, никому не подавал руки. Даже Марта вынуждена была отказаться от привычных обращений к мужу. Теперь она называла его только генералом и никак иначе.

Президентский быт отличался завидной пышностью, но делалось это не потому, что президент дорвался до государственной кормушки. Просто он считал, что это повышает его авторитет в стране и за рубежом. Достаточно сказать, что ежегодно к тем 25 тыс. долларов, которые составляли его оклад, он прибавлял еще 5 тыс. из своего кармана на содержание резиденции, прислуги и официальные приемы.

Помимо организационных забот и светских удовольствий, Вашингтон много внимания уделял строительству новой столицы, будущему Вашингтону, которая стала вторым в мире после Петербурга специально построенным административным центром государства.

На президентском посту Вашингтон пробыл два срока. Он много ездил по стране. Везде его встречали с восторгом и верноподданическими изысками.

Однако отношение к первому президенту далеко не всегда было восторженным. В марте 1793 года Франция объявила войну Англии и Голландии. По условиям последнего франко-американского договора, США должны были оказать помощь союзнице при нападении на нее. В апреле Вашингтон вызвал к себе министров, чтобы обсудить ситуацию. Кабинет выступил против вступления в войну, так как договор касался только оборонительной ситуации, а в данном случае Франция выступила агрессором. Избрав политику нейтралитета, Вашингтон проявил дальновидность. Соединенные Штаты таким образом не были втянуты в долговременные европейские войны и оказались в большом выигрыше. Однако в печати поднялась буря возмущения. Президента стали называть «лжецом», «крокодилом», «гиеной», «предателем» и другими нелестными эпитетами. В газетах появились карикатуры. На одной из них коронованного президента тащили на гильотину. Намек был ясен – гильотинировать можно не только французского короля.

Даже 4 марта 1797 года, в день ухода Вашингтона с президентского поста, все газеты были полны статьями, приветствовавшими смену президента. «Отца американской нации» величали «тираном».

15 марта 1797 года генерал навсегда уехал в Маунт-Вернон. Он вернулся к любимым занятиям. Но, увы! В полной мере насладиться прелестями частной жизни ему так и не удалось. 13 декабря 1799 года он, как обычно, объезжал фермы. Стояла отвратительная погода. Шел снег с дождем. Вашингтон промок до костей и вечером почувствовал недомогание. На следующий день ему стало хуже, но врача не вызвали. Еще через день воспаление в горле усилилось до такой степени, что стало трудно дышать.

Медицинские средства того времени не помогли. В ночь с 14 на 15 декабря первый президент Соединенных Штатов скончался. Его похоронили в семейном склепе в Маунт-Верноне. Перед смертью он успел привести в порядок свои дела. Новое завещание Вашингтона предусматривало освобождение всех рабов, которые ему принадлежали, правда, после смерти жены. Генерал считал рабство несовместимым с Декларацией независимости. Марта исполнила завещание еще до своей кончины. Умерла она в 1802 году.

Когда о смерти Вашингтона стало известно в Филадельфии, Конгресс прекратил работу. На следующий день спикер открыл заседание следующими словами: «Нашего Вашингтона более не существует. Герой, патриот и мудрец Америки, человек, на которого в минуту опасности обращались все взоры, живет теперь лишь в своих великих деяниях и в сердцах горячо любившего и огорченного народа».

ДЖЕФФЕРСОН ТОМАС

(род. в 1743 г. – ум. в 1826 г.)

Выдающийся политик, ученый, просветитель. 3-й президент США (1801–1809), государственный секретарь (1790–1793), вице-президент (1797–1801). Главный автор проекта Декларации независимости США.

В историю политической деятельности Томас Джефферсон вошел как автор Декларации независимости, что ставит его в один ряд с величайшими идеологами Просвещения. Он также находился у истоков образования Соединенных Штатов Америки и являлся идеологом американской революции.

Томас Джефферсон появился на свет в одном из самых глухих уголков Виргинии, в графстве Албемарл. Его отец, Питер Джефферсон, происходил из семьи английских колонистов, давно обосновавшихся в Америке. Он возглавлял местное ополчение, избирался судьей графства, членом Законодательного собрания Виргинии. Был он человеком образованным, собрал небольшую, но хорошую библиотеку. В 1739 году женился на дальней родственнице Джейн Айшем Рэндольф. 13 апреля 1743 года в усадьбе Шедвел у них родился сын Томас.

Ранние годы мальчик провел на плантации Такахоэ, а в

девятилетием возрасте поступил в начальную школу, принадлежавшую пастору Уильяму Дугласу, где получил поверхностное знакомство с латынью, греческим и французским языками. Через пять лет Томаса перевели в школу Джеймса Моури. Здесь он приобрел систематические знания в английской литературе, познакомился с основами географии, истории, математики, в совершенстве изучил греческий и французский, начал овладевать итальянским языком. Видя стремление своего подопечного к знаниям, учитель открыл ему доступ в свою богатую библиотеку.

Следующим учебным заведением будущего политика стал колледж Уильяма и Мэри, один из лучших в американских колониях Англии. Он находился в Вильямсбурге, административном центре Виргинии. Здесь помимо богословских дисциплин изучали физику, математику, философию, историю, географию, литературу, юриспруденцию. В эти годы Джефферсон увлекся произведениями Вольтера, Монтескье, Руссо и Бэкона. Но любимой книгой Томаса стал «Опыт о человеческом разуме» Локка. Позже этот труд стал основой для его деятельности в качестве идеолога американской революции.

Овладение курсом колледжа требовало немалых усилий. Занятия продолжались пятнадцать часов в сутки. И все же юноша находил время для прогулок и физических упражнений. В эти годы он приобрел полезную привычку: каждое утро окунал ноги в холодную воду, чтобы предупредить простуду. Всю жизнь Томас был уверен, что именно это позволило ему практически не болеть.

Богословская карьера не привлекала юношу. Особого интереса не вызывали также военная служба и торговля. Томас решил стать юристом. Получив образование, Джефферсон добился зачисления в коллегию адвокатов и поступил на работу в юридическую контору своего бывшего преподавателя Уайта, а через пять лет после приобретения необходимых навыков занялся собственной практикой. Скоро Джефферсон стал одним из ведущих адвокатов Виргинии. В числе его клиентов появились богатейшие семьи. Но, став преуспевающим защитником, он никогда не отказывал в юридической помощи бедным. Все это способствовало популярности Джефферсона. Поэтому в мае 1769 года молодого адвоката выбрали членом Законодательного собрания Виргинии. По своим взглядам вновь избранный парламентарий был впереди многих своих более опытных коллег. Он считал, что англичане вообще не должны вмешиваться в дела колоний, первым стал выступать за облегчение участи негров-рабов, против религиозной нетерпимости. Будущий автор

Декларации независимости выступал с острой критикой генерального суда Виргинии. Это была самая ранняя попытка привить на американской почве идеи европейских просветителей о разделении законодательной, исполнительной и судебной властей.

В эти годы Томас встретился с юной вдовой Мартой Уэйлс Скелтон и влюбился в нее. Она ответила взаимностью. 1 января 1772 года состоялась свадьба. Вдова была богата, и молодая семья ни в чем не нуждалась. Они счастливо прожили десять лет. Их жизнь омрачалась только болезненностью Марты и смертью детей. Из шестерых в живых остались только двое. Остальные угасли в раннем возрасте. К великому горю Джефферсона, Марта умерла в 1782 году, оставив ему в утешение двух обожавших его дочерей – Мэри и Марту.

Открывшийся 5 сентября 1774 года Конгресс принял решение о бойкоте английских товаров. В колониях стали готовиться к репрессиям. Председателем Комитета безопасности в Албемарле избрали Джефферсона. Комитет объявил о призыве добровольцев и приступил к формированию ополчения. Те, кому не хватало оружия, должны были взять в руки томагавки. Кроме того, Томас вошел в состав «Комитета пятнадцати», избранного палатой для разработки плана создания вооруженных сил в Виргинии.

Чуть позже Джефферсона включили в состав делегации на Второй континентальный конгресс. На этом историческом форуме одним из основных стоял вопрос о выработке документа, получившего впоследствии название Декларации независимости. В состав комиссии по ее составлению вошли Бенджамин Франклин, Джон Адамс, умеренные представители Пенсильвании и Нью-Йорка Дикинсон и Ливингстон и Томас Джефферсон. Томасу поручили самостоятельно составить текст. Всего за 17 дней ему удалось выполнить эту сложнейшую, не имеющую аналогов работу. 4 июля 1776 года исторический документ был принят с минимальными изменениями. По своей сути Декларация явилась политическим кредо ее автора. Впервые в человеческой истории было провозглашено, что народ является единственным вершителем своей судьбы, что власть правительства основана лишь на «согласии управляемых» и если народ решит, что власть угрожает их «безопасности и счастью», его «право на революцию не подлежит никакому сомнению».

Как только текст Декларации появился в прессе, на улицы Филадельфии высыпали люди. Перед зданием, где заседал Конгресс, собрались тысячи ликующих американцев. В городе звонили колокола. Народ праздновал рождение своего независимого государства. С тех пор в США 4 июля стало

главным национальным праздником, в появлении которого решающую роль сыграл Томас Джефферсон.

1 июня 1779 года автор Декларации независимости был избран губернатором Виргинии и пробыл на этом посту до 1782 года. Его отказу баллотироваться в третий раз способствовали смерть жены и пошатнувшиеся хозяйственные дела. Политику больше импонировали мирные труды над «Заметками о Виргинии», которые он писал по просьбе секретаря французского посольства в Филадельфии. Книга стала одним из лучших трудов о Виргинии и до сих пор читается с неослабевающим интересом.

Но долго наслаждаться литературными трудами Джефферсону не пришлось. В конце 1782 года Конгресс решил направить его послом во Францию. 8 июня 1782 года Джефферсон отбыл к берегам французского королевства. 30 августа в селении Пасси он встретился с Франклином и прибывшим из Гааги Адамсом. Им надлежало выработать дипломатические основы сотрудничества с европейскими странами, условия заключения договоров с Англией, Гамбургом, Саксонией, Пруссией, Данией, Россией, Австрией, Венецией, Римом, Неаполем, Тосканой, Сардинией, Генуей, Испанией, Португалией, Оттоманской империей, Алжиром, Тунисом и Марокко. Кроме того, предстояло обновить договоры с Францией, Голландией и Швецией. Главной задачей стало налаживание торгового сотрудничества.

Закончив эту важную и сложную работу, Франклин наконец-то мог подать в отставку. 10 марта 1785 года Джефферсон вместо него был назначен послом и занимал этот пост до 1789 года.

Дела у преемника пошли довольно вяло. Впрочем, в том не его вина. В задачи Франклина входило сохранить союз с Францией в противовес Англии и способствовать развитию американской торговли с ведущими европейскими странами. Европейские государства, занятые своими проблемами, мало интересовались новым торговым партнером. На первых порах договор удалось подписать только со слабенькой Пруссией. Джефферсон утешал себя тем, что в случае войны американский флот сможет найти приют в прусских гаванях. Но вскоре эта страна отвергла договор. Было отчего прийти в уныние. Однако в 1789 году американский Конгресс одобрил посольскую деятельность Джефферсона и продлил его полномочия еще на три года. Но срок этот отбыть ему не довелось. Президент Вашингтон решил назначить его государственным секретарем.

В обязанности Джефферсона входило руководство внешнеполитической службой, проведение цензов, гарантирование патентов, наблюдение за работой федеральных служб, контроль над употреблением государственной печати,

публикация законов, рассмотрение трений между штатами, определение границ между штатами и другое.

С первых же дней у Джефферсона стали складываться непростые отношения с главой департамента финансов и лидером федералистов А. Гамильтоном. Тот стремился превратить США в строго централизованную индустриальную державу. Сторонника «фермерской республики» и демократа Джефферсона это не устраивало.

Госсекретарь видел опасность как в крайней централизации, грозящей республике монархической формой правления, так и в чрезмерной самостоятельности отдельных штатов.

Главный конфликт между ними разразился по поводу создания национального банка. В конце концов Гамильтон победил. Конгресс утвердил представленный им законопроект, а Вашингтон подписал Закон об учреждении Банка Соединенных Штатов. В июле 1793 года Джефферсон подал в отставку. Он понимал, что этот факт означает негативное отношение большинства в правительстве к его курсу. Вашингтон просил его задержаться, поэтому только в январе следующего года госсекретарь оставил свой пост и покинул Филадельфию.

Томас направился в Монтиселло, где ждала его красавица дочь Мэри. Марта уже успела выйти замуж, подарить ему внука и жила по соседству. Отныне все внимание бывшего государственного деятеля заняли семейные и хозяйственные хлопоты. Он решил перестроить свой дом и намеревался создать лучшее хозяйство в Соединенных Штатах. В течение нескольких лет Джефферсон занимается проблемами улучшения своих полей и ферм. Но тут на его пути встало извечное проклятие Юга – рабство.

Ненавидевший рабство Джефферсон был очень мягким хозяином. Он боролся с телесными наказаниями, стимулировал труд рабов увеличением заработка. Но все это мешало ему в полной мере воспользоваться результатами рабского труда, который эффективен только при нещадной эксплуатации. Пытался хозяин Монтиселло заниматься и развитием ремесел. Он планировал производство поташа, потом создание гвоздильни и даже делал ключи, замки, цепи, строил мельницу.

Занятый всеми этими делами, Джефферсон, казалось, совсем отошел от политики. Но шло время, и жизнь сельского помещика постепенно стала надоедать. Томас чувствовал, что «домашнее заточение» негативно отражается на его разуме.

Еще в 1792 году вместе с противником политики Гамильтона Медисоном он организовал первую оппозиционную партию в истории Америки. Чтобы предостеречь от возврата монархии, ее

стали называть республиканской. Во второй половине 90-х годов партия стала набирать силу. Республиканцы понимали, что только авторитет Вашингтона поддерживает федералистов и стоит тому уйти с поста президента, как республиканцы смогут рассчитывать на победу на выборах. Они стали искать лидера, который пользовался бы не меньшим, чем у Вашингтона, авторитетом, и нашли его в Джефферсоне. Автор Декларации независимости дал согласие баллотироваться на президентских выборах 1796 года.

Пожалуй, единственный в истории Соединенных Штатов кандидат в президенты не стал проявлять никакой активности. Он спокойно жил в Монтиселло, предоставив республиканцам заниматься предвыборной кампанией. И все же для победы над Джоном Адамсом ему не хватило всего четырех голосов. Второе место давало право на пост вице-президента.

В 1800 году Джефферсон вновь выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах. На этот раз избирательную кампанию развернули с большим размахом. Была издана биография лидера республиканцев, а единомышленники вице-президента даже написали песню: «Джефферсон и свобода». 12 декабря 1800 года в Монтиселло прискакал гонец с запиской о победе.

С первых же дней новый президент нарушил введенные Вашингтоном традиции, согласно которым престиж президента поддерживался дистанцией между руководителем страны и народом, а также внешней пышностью церемониалов и быта. На церемонию введения в должность Джефферсон пришел пешком, в скромной одежде и без парика. Из обихода ушли вычурные обращения и остался только «мистер». Президент отказался от четверки лошадей с эскортом в ливреях. Он предпочитал выезжать верхом, но, правда, с охраной. Послания к Конгрессу перестали зачитываться им лично и просто направлялись по почте (эта традиция сохранялась вплоть до 1913 года). Частые застолья в его доме славились непринужденностью обстановки и интересными беседами. Даже свой день рождения президент хранил в тайне, чтобы избежать каких-либо церемоний, например бала по этому поводу, который давался при предыдущих правителях.

К числу достижений третьего президента следует отнести обеспечение выплаты национального долга, образовавшегося еще во время революции и предыдущего правления. Причем добиться этого удалось на фоне резкого уменьшения налогов путем строжайшей экономии федеральных расходов. В 1803 года Джефферсону удалось почти вдвое увеличить территорию Соединенных Штатов за счет покупки всего за 125 тыс. долларов

Луизианы.

Успехи внешней и внутренней политики позволили автору Декларации независимости выдвинуть свою кандидатуру на выборах 1804 года и победить. В инаугурационном обращении он обещал американцам дальнейшее уменьшение налогов. Но на третий срок свою кандидатуру президент выдвигать не стал, считая это неделикатным по отношению к памяти Вашингтона. Новым президентом стал республиканец Медисон, то есть партия президента не утратила своего влияния.

Главное дело жизни Джефферсона закончилось. Он спокойно зажил в Монтиселло и почти не интересовался политикой. Соратники по партии звали его вернуться, в 1812 году предлагали вновь баллотироваться на президентских выборах. Он неизменно отказывался. Семья (у президента было одиннадцать внуков), хозяйство, обширная корреспонденция, чтение, научные изыскания – вот главные занятия последнего из «отцов-основателей» Соединенных Штатов в этот период.

В доме постоянно бывало множество посетителей. Хозяин Монтиселло имел наготове пятьдесят кроватей на случай, если гостей бывало очень много. С равным вниманием Джефферсон принимал у себя и Лафайета, и соседа-фермера, и партийного лидера. Посетителям показывалась галерея, где висела коллекция картин Рафаэля, Рубенса, Пуссена, других мастеров кисти. Постоянное общение не мешало научным занятиям. Джефферсон был известен своими работами по сравнительному анализу классификаций органического мира Линнея, Кювье и Блюменбаха, описанием и характеристикой американских и сибирских ископаемых, трудами по математике, стандартам мер и весов, языкознанию. Большую известность приобрели его критические заметки к философии Юма и Блекстона, разбор философии эпикурейцев. Не меньшим интересом пользовались коллекции американских редкостей, в том числе останки доисторических животных. В течение многих лет, вплоть до 1814 года, Джефферсон состоял президентом Американского философского общества (Академии наук). Единственный среди американцев, его современников, был избран во Французский институт (Академию наук). Среди иностранцев таких членов насчитывалось всего восемь человек.

И все же его деятельная натура требовала выхода на общественном поприще. Теперь появилось время для возобновления работы по созданию системы общественного просвещения. Главным итогом этой колоссальной работы стал созданный в 1819 году Виргинский университет. Джефферсон добился принятия закона о его основании, занимался

архитектурным планированием, созданием системы обучения, изыскивал средства для строительства. В результате Виргиния, да и вся Америка, получила лучший по тем временам университет.

Весной 1826 года Джефферсон стал испытывать сильное недомогание. Он говорил: «Я, как старые часы, у которых стерлась шестерня там и колесо здесь, еще немного – и они не смогут идти». Чувствуя приближение смерти, экс-президент написал завещание. А 4 июля 1826 года, в пятидесятый День независимости США, автора Декларации независимости не стало. В маленьком ящике рабочего стола была найдена записка с образцом надгробной надписи. Она показывает, что именно считал Джефферсон главным итогом своей долгой и насыщенной жизни. Вот ее текст: «Здесь похоронен Томас Джефферсон, автор Декларации американской независимости, виргинского статута о религиозной свободе и основатель Виргинского университета».

Но Джефферсон многое дал не только своей стране. Проходят годы, а его формула о правах человека на «жизнь, свободу, стремление к счастью» не теряет значения для всего человечества.

МАРАТ ЖАН ПОЛЬ

(род. в 1743 г. – ум. в 1793 г.)

Один из лидеров Великой французской революции, якобинец, «Друг народа», заложивший основы революционного террора.

«Такие, как Марат, несут погибель. Я убила одного, чтобы спасти сотни тысяч. Я убила негодяя, чтобы отомстить за невиновных. Убила кровожадную тварь, чтобы доставить своему отечеству спокойствие», – заявила трибуналу убившая Марата Шарлотта Корде. Для многих она стала символом возмездия – эта убежденная республиканка, не смирившаяся с поруганием идеалов революции и сознательно принесшая себя в жертву. Марата было за что убивать.

Жан Поль появился на свет 24 мая 1743 года в городке Будри, в княжестве Невшатель, которое входило во владения прусского короля Фридриха Второго, в семье бывшего католического священника, принявшего протестантство и трудившегося художником-рисовальщиком на текстильной фабрике. Семья была большой, за первенцем Жаном Полем появилось еще пять детей – две девочки и три мальчика. Глава семейства, уйдя с фабрики, стал преподавать иностранные языки, а затем

переквалифицировался в медики. Жан Поль весьма уважительно отзывался об отце, который хотел сделать из сына ученого, но значительно чаще и теплее он вспоминал о матери, оказавшей решающее влияние на развитие его характера и этических идеалов. В детстве мальчик очень любил читать, но еще больше любил мечтать о славе. «Единственная страсть, пожиравшая мою душу, – писал он впоследствии, – была любовь к славе». Вполне понятные мечты, поскольку мальчик рос довольно хилым и многие детские забавы были ему недоступны. Все это, несомненно, наложило отпечаток на характер будущего «Друга народа».

В 16 лет Жан Поль ушел из родительского дома. Одно время он хотел отправиться в Россию, в Тобольск, для проведения там астрономических наблюдений. Но жизнь распорядилась иначе: в течение двух лет юноше пришлось служить в Бордо воспитателем детей богатого негоцианта Нерака. Все свободное время он отдавал самообразованию: читал все и обо всем, стремился всемерно расширить свои знания и мечтал стать медиком. В 1762 году Жан Поль переехал в Париж. С усердием изучая медицину, он в то же время увлекся общественными науками: философией, правом, историей, экономическими и социальными вопросами. Его кумирами стали Монтескье и особенно Руссо. Однако стремление постичь все и сразу привело лишь к тому, что знания экономики и философии оказались весьма слабыми и смутными. Марат все более склонялся к медицине как наиболее верному пути к достижению славы. Жан Поль грезил тогда лаврами нового Гиппократа. Но учиться на медицинском факультете Парижского университета он не захотел. Это требовало долгих лет, а Марат спешил. В Париже его больше ничто не держало, ив 1765 году Жан Поль уехал в Лондон.

Марат прибыл в страну с совсем иным политическим климатом, чем в абсолютистской Франции. Здесь веяло политической свободой. Молодой иностранец выделялся угрюмым, замкнутым характером, нескрываемым чувством превосходства и жаждой славы, но встретили его неплохо. Жан Поль обзавелся друзьями, поддержка которых обеспечивала его существование. Они подыскивали для него возможность зарабатывать врачебной практикой. У Марата появилась любовница – художница Анжелика Кауфман, ставшая впоследствии довольно известной. В 1770 году его пригласили в качестве «врача и ветеринара» в Ньюкасл. Здесь он приобрел репутацию хорошего врача. За заслуги в борьбе с эпидемией власти дали ему, иностранцу, права гражданина города, а в 1775 году уже Эдинбургский университет присудил степень доктора

медицины. Врачебная практика приносила хорошие доходы, и, скопив достаточно денег, Марат за свой счет издал в Лондоне две книги. Он не удовлетворялся одной медициной. На свет появился его роман «Приключения молодого графа Понятовского». В свободное от литературных занятий время Марат с энтузиазмом бегал на митинги и заседания различных клубов. Это была хорошая политическая школа: он понял силу прессы в формировании общественного мнения и осознал, что газета в руках энергичного и смелого человека может открыть путь к влиянию и славе. И еще Жан Поль пришел к убеждению, что для окончательного сокрушения деспотизма необходим систематический террор. Об этом он написал в книге «Цепи рабства», опубликованной в Лондоне в 1774 году. Через два года Марат вернулся на родину.

Франция встретила его прохладно: здесь Марата считали шарлатаном, в лучшем случае – ветеринаром. Но постепенно все стало меняться: он стал известен. Он лечил и простолюдинов, и аристократов. Его стали называть «врач неисцелимых». А вскоре последовало приглашение ко двору: до середины 80-х годов Марат являлся врачом брата короля графа д'Артуа. Одновременно он проводил исследования в области медицины и физики и печатал свои труды. К началу революции вышло 8 томов его изысканий. Но после ссоры с Парижской академией его труды перестали публиковать, официальная наука Марата вообще игнорировала. В 1788 году тяжелая болезнь чуть не свела его в могилу, но он выжил. Выжил для того, чтобы сказать свое слово приближавшейся революции.

События 14 июля 1789 года полностью изменили жизнь доктора медицины. Прежние опыты были заброшены, им овладела другая страсть. «Политика, – писал Марат, – такая же наука, как и всякая другая…» Поначалу он сблизился с признанными лидерами Учредительного собрания Мирабо, Лафайетом и Байя – сторонниками конституционной монархии. Однако вскоре взгляды Марата «полевели». С началом крестьянских восстаний произошел раскол в третьем сословии, левое крыло которого требовало продолжения революции. 12 сентября вышел первый номер «Парижского публициста» с эпиграфом из Руссо: «Посвятить жизнь правде». Но уже с шестого номера газета стала называться «Друг народа». Редактором ее был Марат, и вскоре название газеты стало применяться и к нему. Марат издавал газету сам, за собственный счет, не получая ни от кого ни субсидий, ни финансовой помощи. Вскоре она приобрела такое влияние, что обратила на себя внимание властей и подверглась репрессиям. Главная мысль, проводившаяся в газете:

революция не закончена, она только начинается, она еще не сокрушила своих врагов и не разрешила стоящих перед ней задач. Марат апеллировал не к депутатам, а к народу, указывая на грозившую революции опасность со стороны королевского двора. 4 октября он призвал народ вооружиться и идти на Версаль. 6 октября ворвавшиеся во дворец толпы народа заставили короля утвердить все постановления Национального собрания и вернуться в Париж. Через два дня издание «Друга народа» почти на месяц было прервано, а редактору, подлежавшему аресту, пришлось бы уйти в подполье. В начале января 1790 года власти вновь попытались арестовать Марата, он вынужден был бежать в Англию и только в мае вернулся во Францию. Интересно, что главным защитником Марата стал дистрикт кордельеров во главе с Дантоном.

По возвращении на родину Марат обнаружил, что остался без средств к существованию. Помощь ему оказала 25-летняя патриотка Симона Эврар, увлеченная его газетой и ставшая вскоре его женой. Хотя отношения и не были официально оформлены, их союз оказался счастливым.

Летом 1791 года положение во Франции обострилось. Европейские монархи готовили интервенцию, а Людовик XVI попытался бежать из страны. Тогда Марат призвал народ низложить короля, хотя ликвидации монархии в целом он не требовал, в отличие от якобинцев и кордельеров. 17 июля грянули события, окончательно расколовшие третье сословие, – расстрел национальными гвардейцами демонстрации на Марсовом поле. И вновь Марат призвал народ к продолжению революции. Но опасность ареста возросла, и он с декабря 1791 по май 1792 года опять укрывался в Англии. Марат вернулся, когда европейские страны готовили интервенцию против революционной Франции. По поводу ответных шагов в рядах французской демократии обнаружились различные мнения. Стоявшие в этот момент у власти жирондисты призывали к войне. Робеспьер был против, считая, что это на руку только королю. Марат полностью разделял позиции Робеспьера, но победили жирондисты, объявив 20 апреля 1792 года войну Австрийской империи. Однако война складывалась весьма неудачно для Франции. Антивоенные выступления Марата и его критика жирондистов привели к тому, что Законодательное собрание приняло против него специальный декрет. Под запрет попала и его газета. Марат вынужден был снова уйти в подполье. Но с июля он опять заговорил в полный голос, призывая народ к восстанию, свержению монархии и «наказанию всех заговорщиков». Восстание 10 августа смело монархию. В тот же

день Марат вошел в состав Наблюдательного комитета Парижской коммуны. Теперь он стоял в одном ряду вождей революции вместе с Робеспьером и Дантоном. На фоне военных неудач, крестьянских восстаний в Вандее и Бретани, усиливавшейся борьбы с жирондистами Марат предложил ряд практических мер для спасения Франции, подчеркнув необходимость революционного террора. «Только силой, – писал он, – можно прийти к торжеству свободы и обеспечить общественное спасение».

20 сентября 1792 года в Париже собрался Национальный Конвент, где сразу развернулась борьба между якобинцами (Гора) и жирондистами. Через два дня Францию объявили республикой. Марат стал депутатом Конвента. Уже 25 сентября жирондисты обвинили его и Робеспьера в стремлении к диктатуре. На страницах своей газеты Марат отверг обвинение и тут же стал добиваться казни короля. 21 января 1793 года король был казнен. Рост авторитета Марата привел к тому, что в апреле якобинцы единодушно избрали его президентом своего клуба, и здесь он вновь потребовал отстранения от власти жирондистов. Тогда жирондисты решили отдать его под суд. Это вызвало массовое негодование и накалило обстановку в Париже. 24 апреля революционный трибунал полностью оправдал Марата, и тогда он вновь призвал к диктатуре: «Если бы пришлось пожертвовать всеми законами ради общественного блага – первого из законов, – то я утверждаю, что среди нас не найдется никого, кто бы не захотел этого сделать». Восстание 31 мая – 2 июня 1793 года свергло власть Жиронды. Депутаты-жирондисты были арестованы, а впоследствии казнены.

Весной 1793 года Марата поразила тяжелая болезнь. У него был жар, его все время лихорадило и мучил непрерывный зуд. Но и лежа в постели, он продолжал работать. Правда, большую часть рабочего времени Марат проводил в ванне, наполненной специальным раствором. На страницах своей газеты он выступил с критикой «мягких» мер по отношению к врагам революции. Поначалу он требовал казни 20 тыс. аристократов, затем 40 тыс., а потом – 270 тыс. Поскольку авторитет Марата был непререкаем, возможно, так бы и случилось, но тут и появилась Шарлотта Корде. 13 июля она под предлогом необходимости передать Марату важные сведения смогла проникнуть в дом. Ярый сторонник революционного террора принял девушку, сидя в ванне. Она приблизилась и нанесла ему удар кинжалом. Рана оказалась смертельной. Гибель Марата открыла дорогу невиданному до тех пор террору, поглотившему и врагов революции, и самих революционеров.

МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЭЛЬ РИКЕТИ

(род. в 1749 г. – ум. в 1791 г.)

Лидер первого этапа Великой французской революции.

Оноре Габриэль Рикети, граф Мирабо, родился в замке Ле Биньон, который принадлежал семье Мирабо с XVI века, на юге Франции, в семье маркиза Мирабо, у которого уже было 11 детей. Отец семейства был приверженцем идей Просвещения, одним из основоположников физиократического учения политэкономии. «Трудные роды едва не стоили матери жизни. У новорожденного была искривленная ножка и непомерно большая голова. В раннем детстве мальчик часто болел; когда ему было три года, он заболел оспой, оставившей следы на его лице», – пишет А. Манфред. Известно, что свою жену, мать Оноре, урожденную баронессу де Васан, маркиз Мирабо ненавидел, а сына – презирал.

Оноре Мирабо с детства отличался буйным, неукротимым нравом, необузданностью, истерическим характером, непомерной гордыней, вечно конфликтовал с родителями. Несмотря на то что молодой человек был очень некрасив, лицо его было изъедено оспой, он с юности пользовался успехом у женщин. С 14 лет его манят любовные приключения, он ворует родительские деньги,

делает огромные долги. Оноре надеялся на карьеру военного и умолял отца купить офицерский патент. Но тот отказал ему в помощи и заявил, что не станет оплачивать бесконечные долги сына.

Неуемный и дерзкий, восемнадцатилетний Оноре по требованию отца был заключен в крепость на острове Ре. Оттуда он вышел, лишь когда высказал готовность отправиться добровольцем в военную экспедицию на Корсику. В 1770 году отец неожиданно приблизил сына к себе. Это объяснялось стремлением старого маркиза получить большое наследство, оставшееся после умершей тещи. Оноре был отправлен к матери с требованием разделить наследство между нею и ее мужем. Но мать вместо ответа выстрелила в родного сына, едва не лишив его жизни.

Женитьба в 1772 году на богатой наследнице Эмили де Мариньян не успокоила молодого повесу. Приданое жены и средства, выделенные отцом, быстро растаяли, а Оноре был сослан сначала в альпийский городок Маноск, затем на остров Иф и наконец в форт Жю. Из заключения Мирабо вместе со своей любовницей бежал в Дижон, но был арестован и снова брошен в крепость. Одно из его похождений шокировало всю Францию – он совратил и похитил супругу главы безансонского магистрата Софи де Монье. Литературный опус Мирабо «Письма к Софи» обессмертил его имя как тонкого лирика.

В 1777 году он бежит в свободную Голландию. Отец и жена Оноре обращаются в суд, по решению которого Мирабо приговорен к отсечению головы. Но когда Оноре поймали и вернули во Францию, его пощадили и заточили в Венсенский замок. В 1783 году, по собственной инициативе, Оноре подал апелляцию и добился оправдательного приговора. Выступая на судебных процессах, Мирабо совершенствовал свой незаурядный ораторский талант, добиваясь максимального эмоционального воздействия на публику. Свои личностные проблемы он умело относил на счет пороков монархического строя.

Выйдя на свободу ив 1785 году поселившись в Париже, Мирабо стал зарабатывать на жизнь литературой – писал стихи, книги, памфлеты и трактаты, в которых обличал абсолютистский режим: «Опыт о деспотизме» (о тайных королевских предписаниях, о тюрьмах), «О прусской монархии», «Секретная история Берлинского двора». Благодаря своему острому перу он оказался в центре политической борьбы. Мирабо критиковал министров, банкиров, фаворитов, всю прогнившую систему феодализма… В то же время он был принят при королевском дворе ив 1786 году послан с дипломатической миссией в

Прусское королевство.

С 1787 года Мирабо стал собирать в своем парижском особняке революционную молодежь (рядом с ним появился блестящий журналист Бриссо – будущий лидер жирондистов). «Ателье Мирабо» – как называлась эта фрондирующая «группа» – стала притягательным культурно-политическим центром французской столицы. Опасаясь новых, уже политических преследований, Мирабо уехал из Франции, но в разгар выборов в Генеральные штаты, в 1788 году, вернулся на родину. Вскоре Мирабо выдвинул свою кандидатуру в депутаты Генеральных штатов от третьего сословия Прованса. Ораторский талант, громкие процессы, заключение в крепость и изгнание принесли Мирабо славу невинного мученика и борца против системы, сделали его имя популярным среди обывателей. Он пытался стать лидером и рупором третьего сословия, которое видело в нем и смутьяна-бунтаря, и повесу-оригинала. Ораторский и актерский дар помогали Мирабо обличать произвол и деспотизм в стране.

Уродливый большеголовый толстяк завораживал слушателей своей внешностью и громовым голосом. Парижская толпа носила его на руках и называла… «маман» Мирабо. Он одним из первых во Франции объявил с трибуны о необходимости свободы, национального единства, установления парламентской монархии.

Когда Мирабо уже был депутатом Генеральных штатов, на заседании 23 июня 1789 года он крикнул церемониймейстеру королевского двора, который объявил указ короля о роспуске Генеральных штатов: «Идите, скажите вашему господину, что мы здесь собрались по воле народа и нас нельзя удалить отсюда иначе, как силою штыков!» После этих задиристых слов (а подобной дерзости по отношению к королю еще никто себе не позволял) Мирабо стал вождем и кумиром революционных масс и одним из лидеров Генеральных штатов. В Генеральных штатах Мирабо возглавлял группу депутатов, которые выступали за конституционную монархию и свободу вероисповедания.

На первом этапе Французской революции, когда Робеспьер, Дантон и Марат еще находились в тени, Мирабо был самой популярной фигурой. По его предложению был принят закон о депутатской неприкосновенности, приступили к формированию Национальной гвардии, начался процесс законодательной отмены феодальных прав, конфисковали часть церковного имущества.

Став лидером новой революционной элиты, Мирабо был в числе основателей знаменитого Якобинского клуба и Общества 1789 года. Вместе с тем он чувствовал опасность поспешных реформ, народной анархии и уже осенью 1789 года выступил за сворачивание революции. Дело в том, что Французская

революция развивалась не так, как предполагали ее организаторы, поскольку первоначальной целью революции была конституционная монархия и политические свободы.

Мирабо пытался связаться с королем, который, как считал граф-революционер, необходим, чтобы поддержать политическое равновесие и порядок в стране. Мирабо также был уверен, что монархию во Франции необходимо реформировать и демократизировать, а не уничтожить. В октябре 1789-го он передал Людовику XVI записку, в которой предлагал признать основы нового порядка, объявить о единомыслии с народом, признать права нации, сформировать министерства, ответственные перед Конвентом. Вместе с тем для спасения монархии Мирабо советовал королю перебраться в провинциальный замок и на время отойти от государственных дел. Но эти спасительные для существования монархии предложения возмутили короля, который даже в страшном сне не мог представить, что дело закончится гильотиной.

Мирабо претендовал на пост министра без портфеля в новом революционном правительстве, но в ноябре 1789-го Учредительное собрание приняло декрет, запрещавший депутатам занимать министерские посты.

В апреле 1790-го, когда положение королевского двора ухудшилось, Людовик XVI заключил с Мирабо секретный договор, по которому тот становился тайным советником королевской семьи. Людовик выдал Мирабо большие суммы денег на погашение долгов и стал выплачивать ему жалованье. При дворе Мирабо защищал завоевания революции, а в Национальном собрании – интересы короля. Робеспьер и Марат, догадавшись о предательстве Мирабо, резко выступали против него.

С начала 1791 года Мирабо страдал болезнью глаз и болями в области желудка. В апреле 1791-го, на пике политической карьеры, в возрасте 42 лет Оноре Мирабо скончался от перитонита. В течение нескольких дней, пока Мирабо умирал, под окнами его дома часами стояли толпы преданных сочувствующих парижан, а мостовая была засыпана песком, чтобы стук колес и подков не тревожил больного. Последние слова Мирабо произнес «для истории»: «Саван монархии я уношу с собой в гроб!»

Пышные похороны Мирабо превратились в грандиозную манифестацию революционеров, и впервые его останки были захоронены в соборе Св. Мадлены, что был превращен в Пантеон Великих людей. Его прах первым же и покинул Пантеон. В 1793-м была найдена и обнародована секретная переписка короля, компрометирующая революционного графа как «агента

монархии». Выброшенный из Пантеона, прах Мирабо упокоился на кладбище для преступников в предместье Парижа. Российская императрица Екатерина Вторая писала, что Мирабо «… заслуживает не одной, а нескольких виселиц», а вот Карл Маркс назвал его «львом революции».

РОБЕСПЬЕР МАКСИМИЛЬЕН

(род. в 1758 г. – ум. в 1794 г.)

Вождь якобинцев, главный проводник революционного террора во Франции.

Удар… И очередная голова отлетела в корзину, глядя стекленеющими глазами на толпу, орущую от восторга, – еще одним врагом народа стало меньше. И не ведают жадно взирающие на зрелище казни люди, что над головами многих из них уже занесен нож гильотины и что скоро их головы, падая в корзину, такими же глазами будут смотреть на такую же толпу, звереющую от вида потоков крови…

1793 год. Якобинский террор набирает силу, и во главе его стоит Максимильен Робеспьер. Этому человеку во Франции не поставлено ни одного памятника, его именем не названы ни улицы, ни площади – уж слишком кровавую память оставил он по себе. «Отправляйся в ад, проклинаемый…» – кричали люди в лицо Робеспьеру, когда он сам в тележке «исполнителя наказания» Самсона отправился в свой последний путь – к гильотине.

В 27 лет он страстно призывал к отмене смертной казни, в 35 – утверждал, что ее применение является непреложной обязанностью революционного правительства; в начале своей

политической карьеры он отстаивал интересы тружеников, под конец жизни – оттолкнул их от себя; строгий законник – покончивший затем даже с видимостью законности судопроизводства. Этот революционер, которого сперва называли «патриот Робеспьер», потом «неподкупный Робеспьер», затем «доблестный Робеспьер», вырос в «великого Робеспьера», но настал день – и его назвали тираном. «Жажда власти, – писала о нем мадам Тюссо, – была стимулом, побуждавшим его жертвовать любыми принципами и преодолевать любые препятствия», а член Конвента Ш. Фуше в мемуарах вспоминал: «…Робеспьер, полный гордыни и хитрости; завистливое, злобное, мстительное создание, которое никогда не могло насытиться кровью своих товарищей и которое благодаря своим способностям, постоянству… ясности ума и упрямству характера взяло верх над самыми опасными обстоятельствами, воспользовавшись своим главенствующим положением в Комитете общественного спасения, он открыто устремился к тирании».

Максимильен Мара Исидор де Робеспьер родился в Аррасе 6 мая 1758 года. Его отец был активным масоном, членом «Ложи великого востока» и участвовал в организации отделений ложи. Вполне возможно, что сын продолжил его дело. Отец по профессии был адвокатом, но эта его деятельность складывалась крайне неудачно, он часто занимал деньги, надолго уезжал в поисках заработка. Мать – дочь богатого пивовара, который зятя терпеть не мог, – умерла, когда Максимильену исполнилось 6 лет (отец умер в Германии в 1777 году). После смерти матери мальчик жил в богатом доме деда. В 1765 году тот отдал внука в Аррасский коллеж, преподавателями которого были священники-ораторианцы. Мальчик был прилежен, послушен, аккуратен и набожен. Это не осталось незамеченным, и когда ему исполнилось 11 лет, епископ Арраса пожаловал Максимильену стипендию для продолжения учебы в коллеже Людовика Великого в Париже. Учился он отлично, получал награды; держался замкнуто, но с товарищами у него сложились хорошие отношения, особенно с Камилем Демуленом. Круг интересов Максимильена был широк: история, литература, древние языки, философия. Но главным его увлечением стали идеи Руссо, особенно принципы его политической теории – суверенитет народа и политическое равенство.

Но вот учеба позади. В августе 1781 года Максимильена зачислили адвокатом Парижского парламента. Однако жизнь в Париже была не по карману начинающему адвокату, и Максимильен принял решение вернуться в Аррас, где у него были родственные связи. В ноябре его приняли в корпорацию адвокатов

города. Вскоре добросовестность и серьезность молодого человека были замечены: его назначили судьей епископского трибунала. Это давало жалованье, доходную клиентуру и солидное положение. Жизнь становилась спокойной, размеренной и обеспеченной. Ведение хозяйства лежало на плечах сестры Шарлотты. У Максимильена же главной заботой стал внешний вид: на одежду он никогда не жалел денег. Установились и педантичные привычки образцового судебного чиновника, который всем видом внушает доверие. Что отличало Робеспьера от многих коллег – это бескорыстность: берясь за защиту бедняка, он отказывался от гонорара. Для него принципы, внушенные Руссо, были дороже всего, а самые главные из них – свобода и право на жизнь. В то время Максимильен вошел в литературное общество «Розати»; в 1783 году был принят в местную Академию литературы, наук и искусств, через три года избран ее президентом. Тогда же он разработал тему о несправедливости наказаний, падавших на членов семьи виновного. Это сочинение было премировано Королевским обществом наук и искусств в г. Меце.

Но тихая жизнь уже заканчивалась: Франция стояла накануне страшных потрясений, коренным образом изменивших судьбу скромного адвоката. Финансовый крах 1788–1789 годов, застой в промышленности, неурожай и особенно попытка правительства ввести новые налоги привели к социальному взрыву. Все настойчивее раздавались требования созыва Генеральных штатов. В это же время аррасское общество весьма охладело к Робеспьеру. Причиной этого послужила защита им ремесленника Ф. Детефа, ложно обвиненного в краже. В нарушение всех правил он еще до суда опубликовал свою речь, имевшую бунтарский характер. После этого Робеспьера перестали приглашать на конференции юристов, перед ним закрылись все двери, казалось, карьере адвоката пришел конец. В Аррасе ему нечего было больше делать, и Максимильен задумался о переезде в Париж. Вот здесь ему и улыбнулась удача. В марте 1789 года Робеспьера избрали депутатом в Генеральные штаты от третьего сословия. Программа его сводилась к следующему: возможность для любого гражданина занимать государственные должности, гарантия личной неприкосновенности, полная свобода печати, веротерпимость, пропорциональная разверстка налогов, устранение всех привилегий, ограничение прав исполнительной власти.

17 июня депутаты третьего сословия провозгласили себя Национальным собранием, а 9 июля собрание объявило себя Учредительным, подчеркивая этим, что главной задачей считает

учреждение нового строя и выработку конституции. Это было только начало событий. Отставка министра финансов Неккера привела к взрыву. Раздался призыв: «К оружию!» И первым, кто это крикнул, был друг детства Робеспьера Демулен. Произошли кровавые столкновения с войсками, возводились баррикады. К вечеру 12 июля Париж оказался во власти народа, к которому примкнули и солдаты гвардии. Оставалось только взять крепость-тюрьму Бастилию. 14 июля она пала.

Во время этих событий Робеспьер играл безгласную, пассивную роль. Он терпеливо выжидал своего часа и был отнюдь не на стороне голодающих рабочих, а на стороне буржуазии – «именитых горожан». Король напуган – этого достаточно. Начали формироваться новые органы власти: буржуазная Парижская коммуна, Национальная гвардия во главе с либеральным маркизом Лафайетом. Во всех городах создавались муниципалитеты, подконтрольные буржуазии. Но когда запылали крестьянские восстания, то в деревни были направлены отряды Национальной гвардии для «обуздания мятежников» и «прекращения смут». Вот тогда Робеспьер неожиданно для многих выступил в защиту крестьян, делая упор на то, что борьба еще не кончилась, что это не мятежи, а борьба за спасение революции. Теперь его все чаще видели на трибуне, он выступал по отдельным статьям «Декларации человека и гражданина». Однако король, уже подумывавший о разгоне Учредительного собрания, только 5 октября 1789 года под давлением толп народа, ворвавшихся в Версальский дворец, вынужден был утвердить Декларацию.

В этот период большую роль в жизни революционной Франции стали играть политические клубы. Они образовывались, как правило, при монастырях. Сторонники конституционной монархии (Лафайет) образовали Клуб фельянов, Клуб кордельеров (Эбер, Шометт, Дантон, Марат) стоял на республиканских позициях. Но наибольшей популярностью пользовался Якобинский клуб, или «Общество друзей конституции», куда входили различные группировки Учредительного собрания, одну из которых возглавлял Робеспьер. Он не пропускал ни одного заседания клуба, здесь проверял свои речи, прежде чем выйти на трибуну.

События 17 июля 1791 года – расстрел Национальной гвардией, которой командовал Лафайет, народа на Марсовом поле, принятие конституции, закрепившей в стране конституционную монархию, – означали, что появились силы, стремящиеся закончить революцию. Только якобинцы и кордельеры требовали ее продолжения.

С 1792 года в Законодательном собрании развернулась борьба разных группировок по вопросу о войне. На войне с соседними государствами настаивали стоявшие в тот момент у власти жирондисты (умеренные депутаты, представлявшие в основном департамент Жиронда). Монтаньяры, или Гора (якобинцы и кордельеры), которых возглавлял Робеспьер, были резко против, считая, что эта война на руку только королю и его приверженцам-роялистам, надеявшимся на разгром революционной Франции. И действительно, поражения на фронтах и предательство в армии вели именно к этому. Ответом стало народное восстание в Париже 10 августа 1792 года. Монархия пала, король был заключен в тюрьму. А Робеспьер наряду с Дантоном, Маратом и Шометтом был избран членом революционной Коммуны.

Противостояние жирондистов и монтаньяров усилилось после образования 20 сентября Национального Конвента. Робеспьера обвинили в угрозах депутатам и организации массовых убийств в тюрьмах. Было убито около 1400 человек. Однако тогда Робеспьер сумел оправдаться, а в декабре именно его речь в Конвенте явилась последней каплей, решившей судьбу Людовика XVI, – смерть. 21 января 1793 года король был казнен. После этого началось наступление Горы на жирондистов. Робеспьер обвинил их в заговоре против революции. В ответ они спровоцировали суд над Маратом. Но это лишь усилило противостояние и привело к тому, что, выступая в Якобинском клубе, Робеспьер призвал народ к восстанию. После восстания 31 мая – 2 июня депутаты-жирондисты в нарушение депутатской неприкосновенности были арестованы и через 5 месяцев казнены. Победила Гора, на вершине власти – три вождя: Марат, Дантон и Робеспьер. Но двое первых уже мешают Робеспьеру в его стремлении к личной власти. Вскоре Дантона исключили из Комитета общественного спасения (правительства). Туда вошли друзья Робеспьера. А 13 июля от кинжала Шарлотты Корде погиб Марат. Это открыло путь террору. Комитету общественного спасения, душой которого стал Робеспьер, было дано право арестовывать подозрительных лиц и контролировать работу министров. Был реорганизован Революционный трибунал, судопроизводство упрощено и ускорено. Шометт от имени левых якобинцев потребовал поставить террор в порядок дня. И, вторя ему, Робеспьер в Якобинском клубе заявил, что «врагов народа должно присуждать только к смерти». Вскоре было принято решение по поводу крестьянского восстания в Вандее. Конвент решил стереть там с лица земли леса как убежища мятежников, уничтожить посевы, скот, все мужское население. В тюрьмах уже

не хватало мест – только в Париже открыли еще три. Для обвинения в преступлении против государства не требовалось никаких доказательств, обвиняемые лишались права защиты. Смерти подлежал любой, кто вызвал «упадок духа», распространял «ложные известия», «портил нравы» и т. п. В тюрьмах Парижа скончалось около 8 тысяч «подозрительных». На гильотину посылали по 50 человек сразу, причем дворяне среди них составляли всего 9 %. Однако настоящим началом террора можно считать 16 октября 1793 года. В этот день на площади Революции была казнена королева Мария Антуанетта. После этого гильотина не работала только ночью, причем террор распространился по всей стране. В Лионе приговоренных связывали группами от 50 до 200 человек и расстреливали картечью из пушек, закапывали живьем.

Весной 1794 года террор обратился против различных политических группировок, мешавших укреплению личной власти Робеспьера. Покончил с собой в тюрьме лидер «бешеных» Жак Ру. Эта группировка выступала от имени неимущих масс. Затем настала очередь Парижской коммуны. Были казнены прокурор Коммуны Шометт и его заместитель Эбер, призывавшие народ к восстанию против «снисходительного Дантона и его сторонников». Но затем Робеспьер сам обрушил удар против Дантона, понимая, что выступления против террора создают тому огромную популярность. В апреле Дантон и его сторонники были казнены. Как сказал один из осужденных: «Революция пожирает своих детей». В мае Робеспьер навязал Конвенту новый закон об усилении террора. Большая часть Конвента от этого закона пришла в ужас, так как речь шла о ликвидации суда и правосудия вообще и отмене неприкосновенности депутатов. Страх сплотил Конвент, и это означало конец единовластия Робеспьера. 27 июля 1794 года (9 термидора по новому революционному календарю) на заседании Конвента Робеспьера открыто обвинили в узурпации власти и тирании. Тут же единогласно был принят декрет о его аресте. Только Коммуна попыталась этому помешать: по ее приказу национальные гвардейцы освободили Робеспьера. Но он уже был сломлен и не мог действовать решительно. Тогда его вновь арестовали. 28 июля Робеспьер и еще 22 его сторонника были гильотинированы. На следующий день казнили еще 71 человека, главным образом членов Коммуны. Революция закончилась.

ДАНТОН ЖОРЖ ЖАК

(род. в 1759 г. – ум. в 1794 г.)

Один из лидеров Великой французской революции, сторонник якобинцев, занимавший примиренческую позицию по отношению к жирондистам.

«Робеспьер? – сказал Дантон. – Да я надену его себе на кончик большого пальца и заставлю вертеться волчком!» Это была ошибка. С подачи Робеспьера 10 жерминаля (30 марта) 1794 года последовал приказ об аресте Дантона и его ближайших сподвижников: Демулена, Филиппо, Делакруа. Робеспьер давно собирал материалы против Дантона и теперь передал их своему соратнику Сен-Жюсту, который составил из них целую обвинительную речь. «Как банальный примиритель, – говорил он, – ты все свои речи начинал громовым треском, а заканчивал сделками между правдой и ложью. Ты ко всему приспособлялся!..» Сен-Жюст вспомнил и интриги с Мирабо, и деньги, полученные от двора, и попытки спасти королевское семейство, и союз с Жирондой, и шашни с подозрительными иностранцами, и непомерное увеличение личных богатств Дантона. После такой речи Конвент согласился на арест. Последнее слово оставалось за Революционным трибуналом.

Жорж Жак Дантон родился 26 октября 1759 года в Шампани, в маленьком городке Арси-Сюр-Об. Его дед, зажиточный крестьянин-землевладелец, стремился дать детям образование, и уже отец Жоржа Жака стал в Арси вначале судейским чиновником, а затем и прокурором. Мать была дочерью подрядчика строительных работ. В общем, типичная семья почтенных буржуа, в которой Жорж был четвертым ребенком. В 1762 году отец умер, а мать вскоре вторично вышла замуж. В детстве мальчик прилежанием не отличался. Его больше привлекали река, улица, драки, чем школа, латинская грамматика и история. Начальную школу он окончил с грехом пополам, ив 1772 году мать отправила сына учиться в г. Труа в коллеж монастыря ораторианцев. Здесь царила суровая дисциплина, так претившая свободолюбивому мальчишке. Проучившись там всего год, он добился перевода в другой коллеж, где дисциплина была помягче. Здесь Жорж увлекся Плутархом, Титом Ливием, самостоятельно выучил английский и итальянский языки. Богатырски сложенному юноше, обладавшему буйным нравом, было тесно в церковной школе. Его организаторские способности проявлялись при каждом удобном случае. Он всегда готов был возглавить недовольных, и уже тогда друзья дали ему прозвище Республиканец.

По окончании коллежа Жорж продолжал жить в Труа. Родственники настояли, чтобы он пошел по стопам отца. Для молодого буржуа это было перспективно, и Жорж решил стать адвокатом – и не простым, а великим адвокатом, потрясать сердца соотечественников, приобрести состояние и независимость. А для этого нужно было завоевать Париж. В 1780 году молодой честолюбец отправился в столицу. Там ему удалось получить работу клерка у прокурора парламента Вино. Фактически Жорж стал порученцем хозяина. Работа его мало увлекала, больше нравился театр. Но однажды во время болезни он вдруг занялся своим образованием: прочитал «Энциклопедию» – сокровищницу знаний буржуазии, – усвоил идеи Монтескье, Руссо и особенно Дидро. Тогда же Дантон понял, что без диплома ничего не добьется. Узнав, что легче всего получить его в Реймсе, он поехал туда и уже через год вернулся с дипломом адвоката. Вскоре Жорж записался в масонскую ложу «Девяти сестер». Изменились привычки молодого адвоката: потянуло в людные места, он стал завсегдатаем кофеен… В одной из них Жорж познакомился с Габриэль, дочерью хозяина, зажиточного буржуа. В 1787 году состоялась свадьба, на приданое отец невесты не поскупился.

Вскоре после женитьбы молодая семья поселилась на ул.

Кордельеров в доме № 1. Срочно был сделан роскошный ремонт, завезена великолепная мебель, дорогие сервизы. На входной двери появилась табличка: «Кабинет г. д'Антона, адвоката при Королевских советах». Здесь стали появляться министры, аристократы – адвокат защищал их интересы. Правда, Дантон вел защиту и в делах о буржуазной собственности, не пренебрегал тяжбами ремесленников и крестьян. И всюду ему сопутствовал успех. За два года он рассчитался с долгами, оплатил меблировку квартиры, нанял двоих служащих и стал счастливым отцом. Но в размеренный ход жизни вмешалась революция.

В июльские дни 1789 года Дантон неожиданно для многих оказался на стороне революционеров, призывая народ к оружию. Еще раньше, когда собрались Генеральные штаты, а затем появилось Национальное собрание, где тон задавали представители третьего сословия, он понял, что дни абсолютизма сочтены. Теперь надо было быстро и четко выбирать, с кем идти. И Дантон выбрал: за старое держаться нечего, теперь его кредо – свобода! Уже тогда у него появилась идея – возглавить революцию. 13 июля Дантон на улицах Парижа призывал к восстанию, его громовой голос был слышен повсюду. После штурма Бастилии он стал капитаном народной милиции дистрикта (района) Кордельеров. Власть в столице перешла к созданному богатой буржуазией Постоянному комитету, преобразованному затем в Парижскую коммуну во главе с мэром Байя. Революция распространялась по стране, в июле-августе буржуазия захватывала муниципалитеты в городах, но зато начались крестьянские восстания. Для их подавления крупная буржуазия направила Национальную гвардию. С этого фактически начался раскол третьего сословия, и тридцатилетний преуспевающий адвокат оказался не с теми, кто в тот момент захватил власть.

Деятельность Дантона в дистрикте способствовала росту его авторитета. Слово «кордельеры» стало едва ли не самым популярным в Париже. В этом дистрикте объединялись разнородные демократические элементы, а самым популярным оратором был Дантон. Одно время дистрикт превратился даже в «самостоятельную республику». Когда в начале октября появилась опасность контрреволюционного заговора, Дантон призвал народ к походу на Версаль, где в то время находился король. Шеститысячная толпа, ворвавшись во дворец, заставила монарха подписать «Декларацию прав человека и гражданина» и вернуться в Париж. Тогда власти решили расправиться с «нарушителями мира и возмутителями общественного порядка» – Маратом и Дантоном. Дистрикт Кордельеров взял Марата под защиту. Тогда

заботами Байи и Лафайета 17 марта 1790 года был отдан приказ об аресте Дантона. Но в мае Национальное собрание его аннулировало. Дело было прекращено, а популярность Дантона еще больше возросла, он стал депутатом Коммуны. В это время дистрикт был преобразован в Клуб кордельеров, эмблемой которого стал широко раскрытый наблюдающий глаз, а девизом – слова «Свобода, равенство, братство».

С лета 1790 года Дантон несколько отошел от активной политической деятельности и вел мирную семейную жизнь зажиточного буржуа. Жена родила ему второго сына. В 1791 году он приобрел 3 национализированных имения за 57 тыс. ливров, великолепный дом в Арси за 25 тыс. ливров наличными, ряд земельных участков. Еще зимой Дантон высказывал верноподданнические чувства королю. А тот в секретной переписке назвал его среди тех, на подкуп которых двор затратил крупные суммы. Только летом 1791 года Дантон вновь появился на политической сцене. Это было связано с попыткой бегства короля за границу. 23 июня, понимая, что времени терять нельзя, Дантон выступил в Якобинском клубе и потребовал лишить монарха короны. В качестве главы государства он предложил герцога Филиппа Орлеанского, возглавлявшего сильную партию либеральной буржуазии. Но расстрел народа на Марсовом поле 17 июля изменил все, и Дантон вдруг стал выступать как защитник народа, призывая к уничтожению тиранов. В результате он был избран вторым заместителем прокурора Коммуны якобинца Манюэля. В борьбе между жирондистами и якобинцами по вопросу о войне Дантон после колебаний встал на позиции Робеспьера.

Военные действия складывались для Франции крайне неудачно. Офицеры-роялисты (сторонники короля) переходили на сторону противника. В ответ на это Коммуна объявила себя революционной повстанческой Коммуной Парижа. 10 августа 1792 года восстание началось. Король был отрешен от власти и заключен в тюрьму. Был создан орган карательного судопроизводства – Чрезвычайный трибунал. А вскоре произошли первые акты массового террора: в тюрьмах были убиты до 1400 человек. Правда, накануне восстания Дантон из Парижа уехал, за что его впоследствии упрекали соратники. Восстание открыло ему путь к высшей власти – хотя Дантон стал лишь министром юстиции, однако главную роль в правительстве играл именно он.

20 сентября 1792 года произошли два знаменательных события: открылся новый законодательный орган – Национальный Конвент – и французская армия одержала победу у деревни Вальми. Еще через два дня Франция была провозглашена

республикой. С первых дней образования Конвента там развернулась борьба между Горой, или монтаньярами, – депутатами-якобинцами, занимавшими верхнюю часть зала заседаний, – и жирондистами-умеренными, представленными в основном депутатами из департамента Жиронда. Дантон более тяготел к умеренным и еще 21 сентября оставил пост министра. Он сидел на Горе, но не хотел ссориться с Жирондой; делая ставку на Робеспьера, в то же время с антипатией относился к Марату. Выдавая себя за честнейшего революционера, он тут же попался на финансовых махинациях. Когда в декабре решалась судьба короля, он уехал из Парижа, пытаясь через своих сторонников в Конвенте смягчить приговор. Точку в этом деле поставил Робеспьер, и 21 января 1793 года Людовик XVI был казнен. Интересно, что когда в отношении короля все стало ясно, Дантон тоже стал требовать «смерти тирана» и с трибуны Конвента призвал к войне против монархов Европы как средству «для уничтожения тирании во всех ее формах и проявлениях». По сути же, то, что он предложил, явилось программой захватнической войны, рассчитанной на ограбление соседних народов, которая получила одобрение большинства в Конвенте. Пожалуй, только Робеспьер и Марат были не в восторге от этого.

Зима 1793 года началась для Дантона с большой утраты. Только он приобрел 11 новых земельных участков, как пришло известие о смерти жены. В марте Париж вновь находился накануне восстания. Во главе масс, недовольных политикой жирондистов, стояли сторонники бывшего священника Жака Ру, которых прозвали «бешеными». С этого начался последний этап борьбы между Горой и Жирондой. Жирондисты попытались обвинить Дантона в измене, но на его защиту встал Марат. Теперь между ними больше не осталось никаких разногласий, Гора стала единой, монтаньяры перешли в наступление в союзе с «бешеными». 31 мая началось восстание. Жиронда пала. Правительство – Комитет общественного спасения – возглавил Робеспьер. Дантона сюда не избрали. Монтаньяры, помня о его связях с жирондистами, ему не доверяли – особенно Робеспьер, которому претили и образ жизни Дантона, и его скоропалительная (всего через четыре месяца после смерти Габриэль) женитьба на 15-летней девушке. Против Дантона был и Жак Ру, обвинявший его в излишествах во время обнищания народа.

13 июля был убит Марат. Это открыло дорогу террору, и Дантон его поддержал. В результате его включили в состав Комитета общественного спасения. Но сработаться с Робеспьером-Неподкупным он не смог. 8 сентября Дантон подал в отставку и

покинул Париж. Вскоре он узнал о казни жирондистов и о том, что и над ним самим нависла смертельная угроза. Защитил его именно Робеспьер. Но требования сторонников Дантона прекратить террор оказались последней каплей терпения Неподкупного. 30 марта 1794 года последовал приказ об аресте Дантона и его сторонников. 2 апреля начался процесс по их делу, а 16 апреля был вынесен приговор – смертная казнь. В тот же день потомственный палач Сансон на площади Революции исполнил свой долг. Тела казненных отвезли в сумерках на новое кладбище, свалили в общую яму и засыпали сверху известью.

БОЛИВАР СИМОН

Полное имя – Боливар-и-Паласьос Симон Хосе Антонио
(род. в 1783 г. – ум. в 1830 г.)

Лидер национально-освободительной революции в Южной Америке в 10–20-х годах XIX века, руководитель движения за независимость ряда государств Латинской Америки, выдающийся военачальник.

Симон Боливар родился 24 июня 1783 года в городе Каракасе в аристократической креольской семье; предки его обосновались в Венесуэле еще в XVI веке. Знатность и материальный достаток гарантировали ему безоблачную жизнь. Но в 1786, 1793 годах умирают отец и мать мальчика, и Симон остается с опекающим его дедушкой без всякой поддержки.

Тем не менее в юности Боливар изучал право в Мадриде, в Париже – посещал Эколь Нормаль и Высшую политехническую школу, путешествовал по Италии, Швейцарии, Германии, Англии, США… Его домашними учителями были: Андреа Бельо – поэт и филолог, Симон Родригес – автор философских и педагогических трудов. В 1806 году в Риме, на Священной горе, Боливар, обращаясь к Родригесу, торжественно произнес: «Клянусь перед вами и перед Богом моих родителей, клянусь ими, клянусь моей

честью, клянусь Родиной, что моя рука и моя душа не будут знать устали до тех пор, пока не будут порваны угнетающие нас цепи испанского рабства». Около 300 лет большая часть Латинской Америки находилась под властью Испании. Латиноамериканские колонии Испании испытывали ограничения в торговле, креолам был закрыт доступ к руководящим должностям в колониальной администрации, а после начала Великой французской революции в колониях Испании было запрещено все французское, начиная от модной одежды и кончая книгами просветителей. В 1810 году под знаменем «Родина, независимость, свобода!» началась война латиноамериканцев против испанского колониального режима. Сперва Симон примкнул к Франсиско де Миранде, поднявшему мятеж против испанцев. В то время Боливар возглавлял оборону важнейшего портового города страны – Пуэрто-Кабельо. Однако город был взят испанцами, которыми командовал генерал Хуан Доминго Монтеверде.

В начале 1810 года Симон был послан революционным советом в Лондон искать поддержки у английского правительства в борьбе против испанской короны. Боливар вернулся в Венесуэлу с транспортом оружия и вскоре революционным правительством был произведен в полковники и назначен губернатором Пуэрто-Кабельо. В 1810–1811 годах революция охватила всю Южную Америку. Но сильное землетрясение 26 марта 1812 года сыграло на руку реакционному духовенству, убедившему народ, что землетрясение – «небесная кара» за революцию. Многие революционеры из простого народа раскаялись в революционной деятельности и вновь признали власть Испании.

В 1812 году Боливар скрывался на острове Кюрасао, позже перебрался в Картахену. Не смирившись с поражением революции, он печатает новые призывы к революции. При содействии Торреса (президента Новой Гранады) Боливар собрал армию и 25 мая 1813 года разбил испанцев у Матюрина. Вскоре Боливар изгнал их из долины Кукутты, захватил Трухильо, овладел провинцией Бариньяс и разбил неприятеля при Тинакетто.

4 августа 1813 года Боливар вошел в Каракас как триумфатор. В начале 1813 года Национальным конгрессом Венесуэлы ему было присвоено звание «Освободитель» и он был признан диктатором. Вскоре была провозглашена 2-я Венесуэльская республика и отменено рабство. Но испанцы, объединившись с колумбийскими фермерами – льянеросами, разбили Боливара у Баркисемето и Ла-Пуэрто. К середине 1814 года армия Боливара была распущена, а сам диктатор бежал в Картахену. Конгресс Новой Гранады предоставил Боливару

воинские отряды, с помощью которых он атаковал Санта-Марту, но в марте 1815 года снова был разбит. Боливар бежит на Ямайку, затем на Гаити. К 1816 году с помощью голландского негоцианта Брюна Боливар собрал силы и в марте 1916 года разбил испанский флот и высадился на острове Маргарита, чтобы вновь начать свою войну за освобождение Южной Америки. Национальное собрание провозгласило Венесуэлу республикой и избрало Боливара президентом.

В феврале 1818 года, благодаря прибывшим из Лондона солдатам-добровольцам, Боливар собрал новую армию, но несколько раз был разбит испанцами. В 1819 году, он, изыскав необходимые средства, увеличил состав армии за счет европейских наемников-профессионалов, участников недавно закончившихся антинаполеоновских войн. Особенно отличился в боях Британский легион Боливара, состоявший из ветеранов антинаполеоновских войн. После изнурительного перехода через Кордильеры 10 июля 1819 года армия Боливара вошла в Санта-Фэ, и он провозгласил воссоединение Новой Гранады, Колумбии, Эквадора и Панамы с Венесуэлой в единое государство, с названием Республика единой и нераздельной Великой Колумбии, после чего возвратился в Ангостуру и добился от Конгресса признания этого союза государств.

В 1819 году Боливар был провозглашен президентом Великой Колумбии. Благодаря вспыхнувшей в 1820 году в Испании революции испанцы терпели одно поражение за другим. Окончательный разгром испанской армии произошел при Карабобо в августе 1821 года. В июле 1822 года Боливар встретился с Хосе де Сан-Мартином – революционным лидером, армия которого освободила часть Перу, но не сумел договориться с ним о совместных действиях. После отставки Сан-Мартина в сентябре 1822 года Боливар направил в Перу колумбийские войска.

В 1823–1824 годах испанцы были изгнаны с территории Колумбии и Перу. В 1824 году Боливар разбил испанцев, успевших вновь захватить Лиму, и заставил их капитулировать. В этом же году Боливар освободил Перу и стал во главе образованной на территории Перу республики Боливия, названной в его честь. За 15 лет Боливар участвовал в 472 сражениях.

В результате капитуляции 11 августа 1826 года испанцы потеряли последнее владение в Южной Америке – Каллао. Через две недели Боливар представил Конгрессу в Лиме «Боливийский кодекс». Он задумал создать Южные Соединенные Штаты – «Священный Союз народов» Латинской Америки, в который

входили бы Великая Колумбия, Перу, Боливия, Ла-Плата и Чили. 22 июня 1826-го Боливар созвал в Панаме Конгресс из представителей всех этих государств, который вскоре распался (на нем присутствовали лишь делегаты Колумбии, Перу, Мексики и Центрально-Американской федерации).

Да и главное детище Боливара, Великая Колумбия, просуществовала только до 1830 года. Распри, зависть и тщеславие вчерашних ближайших соратников, борьба за власть и клевета, огромные расстояния, отсутствие путей сообщения, экономическая разруха, сопротивление местных «царьков» – каудильо – все это привело к распаду Великой Колумбии.

Колумбия оказалась в пучине гражданской войны. Генерал Паэс развернул борьбу против Боливара и провозгласил автономию провинции Маракайбо. В результате выступлений сепаратистов Боливар лишился влияния в Перу и Боливии. Правление Боливара было авторитарным, что отпугивало возможных политических союзников. Для того чтобы избежать развала страны, Боливар объявил себя диктатором и 2 марта 1828 года созвал Национальное собрание. Однако после нескольких заседаний оно было распущено, а перуанцы, отвергнув «Боливийский кодекс», лишили Боливара пожизненного президентства. Его обвинили в императорских притязаниях и желании «играть роль Наполеона».

Лишившись власти в Перу и Боливии, Боливар 20 июня 1828 года обосновался в Боготе как глава правительства Колумбии. Но в сентябре 1828-го федералисты захватили дворец в Боготе, и Боливар едва унес ноги. Однако народ стал на его сторону, и 70 заговорщиков-федералистов были изгнаны из страны. Но в 1829 году Венесуэла заявила о своем отделении от Колумбии. Видя, что созданная им федерация разрушается, стремясь опровергнуть обвинения в стремлении установить диктатуру во всей Латинской Америке, Боливар несколько раз предлагал Конгрессу удовлетворить его просьбу об отставке с поста президента Колумбии, но Конгресс отставку не принял. Сильным ударом для Боливара стало убийство его боевого соратника, генерала де Сукре, в котором он видел своего преемника. Только 1 марта 1830 года его просьба об отставке была удовлетворена, и президентом был избран Москера. После отставки Боливар удалился в Картахену. В декабре 1830 года он умер от туберкулеза в городе Санта-Мария.

БЛАНКИ ЛУИ-ОГЮСТ

(род. в 1805 г. – ум. в 1881 г.)

Французский революционер, утопист-коммунист.

Луи-Огюст Бланки родился 7 февраля 1805 года в городке Пьоже-Тенье в семье чиновника. Его отец – член Конвента 1793 года – был поклонником Наполеона. В 1814 году после падения империи Наполеона семья Бланки осталась без средств.

Первоначальное образование Бланки получил в лицее Карла Великого (он закончил лицей в 1824 году). Потом Луи-Огюст изучал юриспруденцию и медицину во французских университетах. В это время Бланки вступает в тайную революционную организацию французских карбонариев, целью которых было ликвидировать восстановленную во Франции монархию Бурбонов. Бланки уже тогда хранил оружие и мечтал о славе революционера.

В 1827 году Бланки, еще в 22 года, принимает участие в восстании в Париже. Он трижды был ранен на баррикадах, арестован и заключен в тюрьму. Выйдя из тюрьмы, Луи-Огюст взялся за перо и начал сотрудничать в газете «Глобус». Как революционер-заговорщик Бланки находился тогда под сильным влиянием теории заговора Буонаротти, товарища Бабефа по

«заговору равных». Бланки отрицал необходимость всеобщего избирательного права и считал, что для построения социалистического строя необходимо установить «диктатуру сознательного меньшинства нации», что победа в революции зависит от профессионально организованного заговора.

27 июля 1830 года Бланки с оружием в руках участвовал в восстании и недовольный установившейся новой монархией Луи Филиппа учредил общество республиканцев «Друзья народа». Открытый вызов, который Бланки бросил новому режиму, спровоцировал новое судебное преследование. В январе 1831 года Бланки был арестован за участие в революционном студенческом движении и создании тайного общества, а через год был приговорен к годичному тюремному заключению и штрафу. Вскоре после выхода из тюрьмы он сочетался браком с Амелией Серр.

В 1834 году Бланки организует новое тайное общество заговорщиков – «Общество семей». В 1836 году его вновь привлекают к суду – за изготовление пороха («пороховой заговор») и за членство в запрещенном обществе заговорщиков. Бланки приговорили к двум годам тюремного заключения и крупному штрафу. Выйдя из тюрьмы, он организует тайное «Общество времен года».

12 мая 1839 года Бланки становится одним из руководителей нового восстания в Париже, однако плохо подготовленное, оно было потоплено в крови. Через полгода Бланки был арестован и 31 января 1840 года приговорен к смертной казни, которую король заменил пожизненным заключением. За долгие годы, проведенные в тюрьмах Мон Сен Мишель и Тур, он неоднократно принимал, правда, неудачные, попытки побега. Из тюрьмы Бланки руководит тайным обществом сторонников республики, и в середине 1840-х годов для всех революционеров он – «икона» мученика за народное благо.

Французская революция 1848 года освободила Бланки из заточения, и он тут же организует в Париже революционное Центральное республиканское общество. Работа этого общества закончилась восстаниями 17 марта, 16 апреля и 15 мая 1848-го, имевшими целью свержение нового республиканского правительства и немедленное введение коммунистического режима.

В 1849 году Бланки вновь приговорен к 10 годам тюрьмы – за попытку захватить власть. Почти весь этот срок он отсидел в тюрьме; пытался бежать, но неудачно, и был сослан в неприступную крепость Корта на острове Корсика. Амнистия 1859 года вернула Бланки свободу.

После освобождения он переехал в Лондон и немедленно принялся создавать новое тайное общество, целью которого была организация восстания во Франции против диктатуры императора Наполеона III. В 1861 году он снова арестован в Париже и как глава заговорщиков приговорен к 4-летнему тюремному заключению и штрафу. В 1864 году, когда сам вождь еще томился в тюрьме, заговорщиками была создана тайная международная организация сторонников Бланки – бланкистов, которая поначалу не ставила своей целью организацию широких рабочих масс. Однако бланкисты, сторонники социалистических реформ и революции, находившиеся в 1860-е годы в союзе с марксистами и ставшие членами Первого Интернационала, в начале 1870-х годов составили серьезную конкуренцию марксистам. Бланкисты мечтали захватить лидерство в Интернационале и создать «мировую сеть» революционных организаций.

В 1865 году Бланки совершил успешный побег из тюрьмы и до 1870 года скрывался в Брюсселе и Лондоне, где тесно общался с Марксом и Энгельсом. В эти годы он работает над теорией заговора и пишет «Инструкцию для вооруженного восстания». Вначале 1870 года Бланки возвращается в Париж, где подстрекает народ против властей на похоронах некоего журналиста, убитого родственником императора.

В 1870 году после провозглашения республики во Франции Бланки легализовался и основал свой клуб, пользовавшийся большой популярностью. Во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов Бланки издает газету «Отечество в опасности», в которой вместе со своими ближайшими друзьями Вальяном и Тридоном отстаивает необходимость бескомпромиссной борьбы с прусскими войсками и организации «национальной» обороны Парижа. 14 августа 1870-го Бланки поднимает своих сторонников на новое вооруженное восстание – штурм казарм правительственных войск. После неудачи августовского восстания он пытается «организовать революцию» в сентябре 1870-го. 31 октября 1870 года Бланки принял активное участие в свержении Временного правительства Франции.

Однако в марте 1871-го Бланки был снова арестован частями, верными Версальскому правительству Тьера, и осужден на казнь. И хотя Бланки находился в тюрьме, бланкисты стояли во главе мартовского восстания в Париже, которое стало началом Парижской коммуны. Заключенный Бланки заочно избирается членом Парижской коммуны. Все попытки коммунаров обменять Бланки на видных версальцев-контрреволюционеров не привели ни к чему, и лидер восстания просидел «всю Коммуну» в крепости, что, впрочем, спасло его от неминуемой гибели на

баррикадах Парижа.

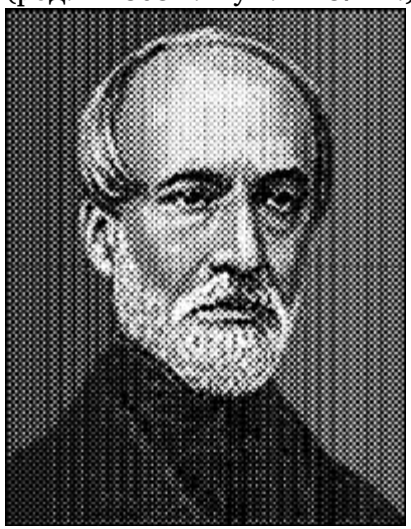
После падения Коммуны Бланки был осужден военным судом Версаля к пожизненной ссылке во французскую колонию Новая Каледония в Океании, но, учтя слабость его здоровья, суд заменил наказание на тюремное заключение. В тюрьме Бланки написал опус по астрономии и серию политических памфлетов.

Социалистическая партия требовала освобождения Бланки. В 1879 году он был избран в Национальное собрание Франции от Бордо, но его избрание не было утверждено палатой. Но главное, Бланки был освобожден из тюрьмы и возвратил себе все права гражданина Франции. Однако к концу 1870-х популярность его угасла, организации бланкистов ушли в тень, уступив место легальному движению социалистов. Больной и забытый Бланки еще пытался играть роль в революционном движении, разъезжая по Франции с лекциями и издавая малотиражную газету.

Бланки умер 2 января 1881 года в возрасте 76 лет, из которых почти 37 лет он провел в заключении. Ленин считал вечного революционера и «вечного заключенного» Бланки «головой и сердцем французского пролетариата», хотя бланкистская «теория заговора» оказалась исторически несостоятельной.

МАДЗИНИ ДЖУЗЕППЕ

(род. в 1805 г. – ум. в 1872 г.)



Выдающийся итальянский революционер-социалист, лидер движения за объединение Италии.

Еще в юности Мадзини стал членом тайного общества карбонариев и очень скоро был посвящен в степень «магистра», а потом – «великого избранника». По окончании курса в Генуэзском университете он занялся литературной работой. В 1830 году Джузеппе был арестован и заключен на 6 месяцев в крепость Савоны, а после окончания срока заключения – выслан за границы Пьемонт-Сардинского королевства. Однако в начале 1830-х годов Мадзини решил порвать с карбонариями и стал формировать новую революционную организацию.

В 1830–1840-е годы Джузеппе живет во Франции, Швейцарии, Англии, занимаясь как литературной работой, так и формированием итальянской революционной структуры, создавая тайные и «явные» (открытые) общества. Этого революционера – религиозного масона – вдохновляла религиозная идея о необходимости единой и свободной Италии. Мадзини не был истовым католиком, он остро критиковал институт папства. Будучи республиканцем, соглашался на монархию, при условии,

что сам народ пожелал бы иметь такую форму правления. Монархия, по его мнению, должна была быть демократической и поддерживать свободу. Выступая за создание национального государства, Мадзини мечтал о будущей федерации – Европейских Соединенных Штатах. В то же время к идее Федерации итальянских государств Мадзини относился враждебно. Он был также противником марксизма, видя в нем опасность для личной свободы и считая прибежищем материалистов.

В эмиграции Мадзини очень нуждался, но все же собирал деньги для вооруженных отрядов, борющихся за освобождение Италии от ига австрийцев и Бурбонов и объединение ее в единое государство. При вступлении в 1831 году на престол короля Карла Альберта Мадзини написал ему открытое письмо, в котором предлагал новому королю выбрать путь либеральных реформ – «человеческих прав, законности и свободы, независимости и единства» и «встать во главе Нации». Мадзини требовал объединения Италии под началом Савойской династии. Он написал письмо папе Пию IX, в котором настоятельно убеждал того поднять знамя свободы и объединить Италию.

В 1831 году Мадзини поселился в Марселе и основал общество «Молодая Италия», в которое вступили некоторые бывшие карбонарии и сам Гарибальди. Общество это сыграло решающую роль в объединении Италии, выработав четкую политическую программу и план действий. Мадзини писал: «Массовое вооруженное восстание, наступление на столицу, всенародное движение докажут всей стране и за ее пределами, что итальянская нация воскресла, что она дает сигнал для европейского восстания. Захват генуэзского арсенала равносилен революции». В 1832 году французская полиция обнаружила тайные материалы этого общества, из которых явствовало, что группа Мадзини готовит в Италии народное восстание, и Джузеппе был выслан за пределы Франции. Он укрылся в Женеве.

Как глава заговорщиков, Мадзини в 1833 году был заочно приговорен в Пьемонте к смертной казни (приговор этот имел силу вплоть до 1866 года), по стране прокатилась волна репрессий против его единомышленников. В феврале 1834 года Мадзини стал главным организатором и непосредственным участником военного вторжения в Пьемонт, совершенного из Швейцарии под началом генерала Раморино, который заслужил себе славу участием в польском восстании. Тогда в поход на Италию выступили итальянские изгнанники, французские республиканцы, польские революционеры-эмигранты. Этот поход не удался из-за медлительности Раморино; многие его участники

попали в плен, были расстреляны или повешены. Мадзини удалось бежать за границу; он хотел было отравиться, но, по многочисленным свидетельствам, не нашел яда. В конце концов он обосновался в Швейцарии, однако вскоре был выслан из страны.

В 1844 году Мадзини поддержал экспедицию братьев Бандьера. В 1848 году, когда в Италии началась революция, он вернулся на родину, основал в Милане газету и «Национальную ассоциацию», боровшихся за присоединение Ломбардии к Пьемонту.

Мадзини вступил в отряд Гарибальди; затем уехал в Рим, где вместе с Саффи и Армеллини был избран членом триумвирата, душой которого был, конечно же, он. Триумвират предложил Гарибальди взять на себя оборону Рима против французов, а Мадзини объявил Италию Республикой, проявил энергию и административный талант при решении организационных вопросов. Государственные и церковные земли раздавались крестьянам, беднякам отдавали для жилья помещения иезуитов; все пленные отпускались на свободу. Когда Римское Национальное собрание сочло невозможным дальнейшую оборону и предложило членам триумвирата вступить в переговоры с французским генералом Удино о сдаче Рима, Мадзини вместе с товарищами сложил с себя полномочия и уехал в Лондон.

В 1853 году он попытался поднять восстание в Милане, в 1857 году организовал поход в Пизакану. В 1859 году Гарибальди развернул борьбу против Австрии, а Мадзини в это время распространял статьи и брошюры против пьемонтского правительства. После заключения мира Мадзини обратился с письмом к королю Сардинского королевства Виктору Эммануилу II, убеждая того вступить в борьбу за освобождение Италии, предложил Гарибальди проект восстания в Южной Италии и организации похода на Рим; но последний назвал этот план «мадзинианской мечтой» и отказался принимать участие в авантюре.

Однако Мадзини лично начал собирать деньги и волонтеров для экспедиции на Сицилию. Гарибальди все же возглавил ее. Мадзини в ней не участвовал, но когда Гарибальди взял Неаполь, он приехал к повстанцам, чтобы убедить Гарибальди двинуться на Рим. Вскоре Мадзини уехал в Лондон, откуда поддерживал деньгами и волонтерами поход Гарибальди на Рим в 1862 и 1867 годах. В 1867 году Мадзини осознал, что союз с Виктором Эммануилом II (с 1861-го – первым королем объединенной Италии) – вещь невозможная; и он развернул в печати агитацию

против короля, призывал бороться за республику.

В Совете Первого Интернационала образовалась влиятельная группа французских и итальянских демократов, за которыми стоял Мадзини. Он призывал к сотрудничеству труда и капитала, особое внимание уделяя просвещению пролетариата, стремясь использовать рабочих в борьбе за завершение объединения Италии, встать во главе международной рабочей организации. Стачки мадзинисты считали «аморальным средством», в Интернационале они активно выступали против сторонников Маркса (вплоть до конца 1860-х годов XIX ст.). Учредительный манифест этой организации принадлежит перу Мадзини. Маркс заявил, что Мадзини не представляет интересы рабочего класа, что он выступает против рабочего движения, а его истинные намерения в отношении Товарищества сводятся к использованию рабочей организации в своих политических целях.

Мадзини многократно избирался в итальянский парламент. В 1870 году в Сицилии активизировалось республиканское движение, и Мадзини отправился на остров. Схваченный в открытом море на пути в Сицилию, он был отвезен в Гаэту, но через два месяца освобожден с условием покинуть Италию.

Мадзини поселился в Лугано в Швейцарии, где основал итальянскую газету. С ним поддерживал отношения Герцен, на которого Джузеппе произвел впечатление человека «одной сильной страсти»: «Мадзини очень прост, очень любезен в обращении, но привычка властвовать видна, особенно в споре… Популярность его была тогда огромна».

В 1872 году Мадзини, возвращаясь в Италию, простудился, переезжая через Альпы, и умер в Пизе. На его похороны в Генуе собралось свыше 50 тысяч единомышленников. Через 10 лет там же, в Генуе, в честь Мадзини был воздвигнут великолепный памятник, а сам оппозиционер посмертно был провозглашен народным героем.

ГАРИБАЛЬДИ ДЖУЗЕППЕ

(род. в 1807 г. – ум. в 1882 г.)

Национальный герой Италии, создатель единого Итальянского государства, организатор революционной армии.

Джузеппе Гарибальди родился в еще французском городе Ницца[1] в семье потомственного итальянского моряка в июле 1807 года. С 15 лет Гарибальди служил юнгой, а затем матросом на торговых судах сардинского военного флота. Кстати, плавая по Черному морю, он бывал в Одессе и других портах России.

В 1833 году Гарибальди заводит дружбу с сен-симонистом Эмилем Барро и вступает в тайное общество «Молодая Италия». В первой половине XIX века Италия была раздроблена на несколько небольших слабых государств, северные из которых находились под австрийским владычеством. Тогда итальянские революционеры-демократы были одержимы идеями объединения страны в единое независимое демократическое государство. Эмиль Барро пропагандировал в Италии «новое христианство», ненасилие и справедливость. Интересно, что с подаренной Барро книгой Сен-Симона «Новое христианство» Гарибальди не расставался до самой смерти.

В 1834 году в Генуе Гарибальди участвовал в подготовке восстания моряков в Пьемонте, но из-за провала заговора бежал из города и был заочно приговорен к смертной казни.

В 1834–1848 годах Гарибальди находился в эмиграции. Сначала он нелегально под чужой фамилией скрывался в Марселе. Позже завербовался на французское судно и плавал на нем по Средиземному и Черному морям. В 1835 году страшная эпидемия холеры поразила Марсель, и Гарибальди стал санитаром в госпитале. Правительство французского короля Луи Филиппа после покушения на короля корсиканца Фиесчи ужесточает репрессии по всей стране. Это вынуждает Гарибальди в сентябре 1835 года уехать в Новый Свет, в Рио-де-Жанейро, где была небольшая колония эмигрантов – итальянцев.

В 1836–1847 годах Гарибальди принимал активное участие в национально-освободительных войнах в Латинской Америке. Он воевал за независимость республики Рио-Гранде и республики Уругвай. Независимость первой он защищал в должности капитана-капера от посягательств Бразилии, второй – от агрессии соседней Аргентины. Республика Рио-Гранде провозгласила своей целью в борьбе «Справедливость и равенство», и Гарибальди не мог остаться безучастным к подобным устремлениям. Главой правительства этой республики был масон Бенито Гонсальвес, под его влиянием Гарибальди тоже становится масоном. На маленьком суденышке под названием «Мадзини» с командой из 8 человек Гарибальди «бросил вызов» всей Бразильской империи.

В свой отряд он брал итальянцев, которые жили в Латинской Америке. Для них была учреждена форма – красные рубахи. В ходе боев Гарибальди был взят в плен и какое-то время находился в тюрьме в Аргентине. Позже он женился на бразилианке Аните Рибейро да Сильва, от которой имел троих детей.

В 1848 году, когда в Италии вспыхнула революция, Гарибальди становится во главе революционных батальонов, начавших борьбу с Австрией за независимость Италии. Он сформировал отряд волонтеров и воевал с ними в Альпах, после победы австрийцев перебрался в Тоскану. В 1849 году с помощью Мадзини и Гарибальди народ сверг власть папы Пия IX и провозгласил Римскую республику. В Риме Гарибальди был избран депутатом Учредительного собрания. Командир 5-го легиона «краснорубашечников» стал одним из организаторов и руководителей обороны Рима от французских экспедиционных войск под командованием генерала Удино, которые, высадившись в Чивита-Веккья, осадили Вечный город. 3 июля 1849 года Гарибальди во главе пятитысячной армии покинул Рим.

После падения Римской республики Гарибальди в июле 1849

года возглавил 4-тысячный отряд добровольцев-«краснорубашечников», отправившийся на помощь революционной Венеции. Венецианское вооруженное выступление в Италии против династии Габсбургов было подавлено австрийскими войсками. Гарибальди так и не сумел со своим отрядом прийти на помощь восставшей Венеции. Его отряд был окружен в горах, а сам Джузеппе взят в плен пьемонтским военным отрядом и заключен в крепость в Генуе (во время похода погибла его жена Анита). Командиру «краснорубашечников» грозил трибунал, но арест Гарибальди вызвал бурю возмущения, и правительству пришлось освободить его и выслать из Пьемонта. 16 сентября 1849 года он отплыл из Ниццы в Северную Африку, а потом перебрался в Америку. Имя Гарибальди стало самым популярным в Европе. Он продолжал поддерживать оружием все революционные выступления не только в Италии, но и за ее пределами, и с этого времени он – кумир республиканцев.

В Соединенных Штатах Гарибальди некоторое время работал на свечном заводе, затем перебрался в Перу и там с 1851 года стал капитаном торгового судна, плававшего в Тихом океане. В феврале 1859 года премьер пьемонтского правительства граф Кавур предложил Гарибальди вербовать волонтеров для участия в войне против Австрии.

Во время Австро-итало-французской войны 1859 года центром борьбы против австрийского господства стал Пьемонт. Гарибальди тайно заручился поддержкой сардинского короля Виктора Эммануила II и его премьера Кавура. Из своих стрелков-добровольцев Гарибальди сформировал знаменитый отряд «тысяча» – корпус альпийских стрелков. В ходе боевых действий гарибальдийцы нанесли поражение австрийским войскам в Ломбардии, освободив большую ее часть. В Ломбардии Гарибальди освободил крестьян от налогов, чем завоевал популярность среди населения. В 1859 году республиканская партия Сицилии, где в то время началось восстание, предложила Гарибальди возглавить военную экспедицию с целью захвата Неаполитанского королевства и объединения Италии.

11 мая 1860 года гарибальдийская «тысяча» высадилась на сицилийский берег у мыса Марсала и двинулась на столицу острова город Палермо, развязав таким образом войну против Неаполитанского королевства, обеих Сицилий и короля Франциска II. Но у городка Калатафими гарибальдийцев уже поджидал корпус неаполитанской армии под командованием генерала Ланди, усиленный полевой артиллерией. Ночью 15 мая «краснорубашечники», имевшие только четыре пушки, при поддержке сицилийских партизан – «пиччотти», внезапно

атаковали неприятеля и навязали ему рукопашный бой. В этом бою «тысяча» потеряла 18 человек убитыми и 128 ранеными, и в результате победы при Калатафими Сицилия была полностью освобождена от королевских войск.

Затем военные действия были перенесены на юг Италии. Английский флот помог гарибальдийцам переправиться через Мессинский пролив. Неаполитанская армия после поражения при Калатафими больше не оказывала серьезного сопротивления революционным войскам. «Краснорубашечники» Гарибальди двинулись на Неаполь, и 7 сентября 1860 года Джузеппе Гарибальди во главе своей армии вступил в Неаполь. Вскоре после этого весь итальянский юг был освобожден от власти Бурбонов. Гарибальди встречали во всех итальянских городах как национального героя. Он был провозглашен диктатором обеих Сицилий именем короля Пьемонта. Гарибальди освободил политических заключенных, отменил ряд ненавистных налогов. Но неожиданно для многих Гарибальди передал завоеванные им территории под власть пьемонтско-сардинского короля Виктора Эммануила II, который 18 февраля 1861 года провозгласил эти земли объединенным Итальянским королевством. 6 ноября 1862 года после плебисцита Неаполитанское королевство было присоединено к королевству Пьемонт.

Летом 1862 года Гарибальди посетил Англию для сбора средств на поход на Венецию с целью ее освобождения от австрийской оккупации. В то же время президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн предложил Гарибальди командование федеральной армией, сражавшейся против армии Конфедерации Юга. Но Гарибальди решил силой добиваться присоединения к Объединенной Италии Римской области и Венеции. Во главе небольшого отряда добровольцев он предпринял поход на Рим, но в бою при Аспромонте потерпел поражение от регулярных войск папы под командованием генерала Паллавичини и получил тяжелое ранение. От ампутации ноги Гарибальди спас русский хирург Николай Пирогов.

В 1866 году началась Австро-прусская война, и король Виктор Эммануил II вновь призвал Гарибальди для участия в военных действиях. Со своим отрядом Гарибальди занял Южный Тироль. Отряд «краснорубашечников» численностью 3 тысячи человек участвовал в боях на территории Северной Италии и Южной Швейцарии. Но эта война оказалась кратковременной и малоуспешной для итальянцев. После боев в Альпах Гарибальди пришлось бежать в Швейцарию. Летом 1867 года он совершил поездку по Северной и Центральной Италии, призывая к новому походу на Папскую область, но был арестован и вновь сослан на

Капреру, откуда бежал 14 октября 1867 года. 22 октября 1867 года Гарибальди вместе со своими волонтерами перешел границу Папской области, но, потерпев новое поражение в одном из сражений, был взят в плен и возвращен на Капреру, став на время «изгнанником-островитянином». К этому времени Гарибальди был посвящен в магистры итальянской масонской ложи «Обряд Мемфиса» и с увлечением изучал эзотерические науки.

После отречения Наполеона III (6 сентября 1870 г.) Папская область была занята пьемонтскими войсками и присоединена к Италии. В 1870–1871 годах Гарибальди участвует во франко-прусской войне на стороне Франции. В январе 1871 года он одержал победу над прусскими войсками в битве при Дижоне и был избран депутатом Национального собрания Франции, но отказался от мандата и 16 февраля 1871 года, за месяц до Парижской коммуны, окончательно вернулся в Ниццу, а позже переселился на Капреру. Революционеры Парижской коммуны предлагали ему стать их генералом, но тяжело больной Гарибальди отказался возвращаться в Париж.

Хотя в еще 1871 году Джузеппе пишет свое политическое завещание, он еще полон сил, и в 1873 году у него и Франчески Армозино рождается сын Манильо. Начиная с 1874 года Гарибальди избирается членом всех законодательных палат Италии. В 1874 году ему назначается рента в 50 тысяч лир и такая же ежегодная пенсия от правительства. В конце 1870-х годов Гарибальди выступает за право всеобщего голосования в Италии и основывает «Лигу демократии».

Гарибальди умер на Капрере 2 июня 1882 года после изнурительной поездки в Неаполь. Он завещал облачить свой труп в красную рубашку и сжечь, а урну с прахом захоронить. На его могильном камне нет ни дат, ни единого слова – только пламенеющая звезда.

ГЕРЦЕН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

(род. в 1812 г. – ум. в 1870 г.)

Знаменитый русский революционер-демократ, публицист и писатель.

Внебрачный сын богатого помещика Ивана Яковлева и немки Луизы Гааг Александр Герцен родился 25 марта 1812 году в Москве. Мальчик получил фамилию, придуманную отцом (от нем. *Herz* — сердце). Он получил хорошее воспитание и образование, жизнь его протекала в довольстве, но клеймо незаконнорожденного всегда отравляло жизнь Герцена.

Восстание декабристов 14 декабря 1825 года захватило воображение подростка и определило его дальнейшие интересы. Он стал страстным поборником свободы и справедливости. В своих мечтаниях о революции и о «народном счастье» юный Герцен нашел единомышленника, который станет его другом с 12 лет и до самой смерти, – Николая Огарева. С Герценом и Огаревым связана целая эпоха русского демократического освободительного движения 1840–1850-х годов. В 1829–1833 годах Герцен учится на физико-математическом отделении Московского университета. Там же он с Огаревым организует студенческий революционный кружок.

Университет Герцен заканчивает со степенью кандидата и с серебряной медалью, но уже через год он и Огарев были арестованы за участие в студенческой вечеринке, на которой был разбит бюст императора Николая I. Что интересно: на этой вечеринке ни Герцен, ни Огарев даже не присутствовали, тем не менее, на основании «косвенных улик» и «образа мыслей» они были привлечены к делу о «заговоре молодых людей, преданных учению сен-симонизма».

В тюрьме Герцен пробыл 9 месяцев, по окончании которых услышал смертный приговор и личное помилование императора, повелевавшего применить к узнику меру исправительную – ссылку в Пермь, а через три недели – в Вятку. В ссылке Герцен работал канцеляристом на государственной службе.

Лишь в 1837 году благодаря ходатайству поэта и воспитателя наследника престола – Василия Жуковского, который посетил Вятку, Герцену было разрешено поселиться во Владимире. Там он служит в канцелярии губернатора и редактирует официальную газету «Прибавления к Владимирским губернским новостям». В 1840 году Герцену разрешено было возвратиться в Москву. Еще в Вятке Герцен печатает свои первые литературные произведения под псевдонимом Искандер, а возвратясь в Москву, он по праву начинает мечтать о славе писателя.

Здесь Герцен попадает в общество молодых фрондеров, близко знакомится с Белинским и Бакуниным, проникается их идеями критики монархического режима. По настоянию отца Александр поступает на службу в канцелярию Министерства внутренних дел, переезжает в Петербург, но своих «подозрительных» связей не обрывает. В 1841 году за резкий отзыв в частном письме о нравах русской полиции Герцена высылают в Новгород, и там он служит в губернском правлении. Благодаря хлопотам друзей и родственников в 1842 году Александру удается вырваться из Новгорода и, выйдя в отставку, переехать в Москву.

В Москве Герцен прожил пять лет, это были для него годы литературного творчества и идеологических исканий. К середине 1840-х годов Герцен – не только убежденный «западник», но и вождь молодых демократов, которые мечтали о «западной модели» развития России. Еще в 1841 году он пишет повесть «Записки одного молодого человека», в последующие годы из-под его пера выходит роман «Кто виноват?», повести «Доктор Крупов» и «Сорока-воровка».

В 1847 году Герцен с семьей уезжает за границу. Родины он никогда больше не увидит. Он поселяется в Париже, где на его глазах происходит революция 1848 года, участником которой он

становится. В 1849 году Герцен переезжает в Женеву, где издает вместе с Прудоном анархистскую газету «Голос народа».

Однако после поражения революции Герцен разочаровывается в революционных возможностях запада и отказывается от «западничества», критикуя западные социальные утопии и романтические иллюзии. Он первым сформулировал теорию «русского социализма», став одним из основоположников движения народничества. В своей книге «О развитии революционных идей в России», написанной в 1850 году, Герцен осветил историю развития русского освободительного движения, подчеркнув, что у России особый революционный путь. В 1850 году он переезжает в Ниццу, где сближается с деятелями итальянского освободительного движения. В том же году, когда царское правительство потребовало от него немедленно вернуться в Россию, Герцен отвечает отказом.

1851–1852 годы стали для него временем скорби и страшных утрат – во время кораблекрушения погибли его мать и сын, умерла жена.

Оставшись один, Герцен переезжает в Лондон, где основывает «Вольную русскую типографию». Первые два года ее существования, не получая материалов из России, он печатает листовки-прокламации, а с 1855 года издает революционный альманах «Полярная звезда». В 1856 году в Лондон переезжает друг Герцена, Николай Огарев. В это время Герцен пишет «Письма из Франции и Италии», «С того берега», постепенно становясь знаковой фигурой освободительного движения.

С 1857 года Герцен и Огарев издают первую русскую революционную газету «Колокол». Ее широкое распространение в России способствовало объединению демократических и революционных сил, созданию организации «Земля и воля». Борясь против русской монархии, газета выступила в поддержку польского восстания 1863–1864 годов. Поддержка «мятежных поляков» стала роковой для «Колокола»: Герцен постепенно теряет читателей – патриоты обличают его в предательстве России, умеренные отшатнулись из-за «радикализма», а радикалы – из-за «умеренности».

Герцен начинает издавать «Колокол» в Женеве, однако это не может поправить положения, и в 1867 году издание газеты было прекращено. Забвение, одинокая старость и склоки со старыми друзьями – это удел Герцена в изгнании.

В последние годы жизни он часто меняет место жительства: живет то в Женеве, то в Каннах, Ницце, Флоренции, Лозанне, Брюсселе, но его мятежный дух нигде не находит покоя. Он продолжает работу над автобиографическим романом «Былое и

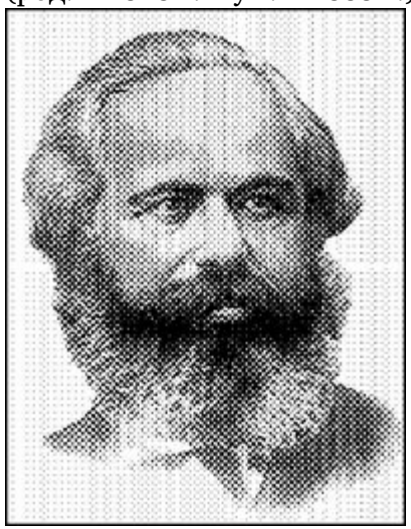
думы», пишет очерк «Скуки ради» и повесть «Доктор, умирающий и мертвые».

А в революционном движении к этому времени появились уже новые фигуры – Маркс, Лассаль, Бакунин, Ткачев, Лавров… Герцен же так и остался пропагандистом-одиночкой, который «развернул революционную агитацию».

9 января 1870 года Александр Иванович умирает в Париже; прах его похоронен на кладбище Пер-Лашез.

МАРКС КАРЛ ГЕНРИХ

(род. в 1818 г. – ум. в 1883 г.)



Создатель марксизма – нового направления социализма, философии, политэкономии, один из организаторов Первого Интернационала.

Карл Маркс родился 5 мая 1818 года в семье адвоката в немецком городе Трире, что в прирейнской области Пруссии. Он был крещен в шестилетнем возрасте. В 17 лет, в октябре 1835 года, поступил в Боннский университет на юридический факультет. Документально подтверждено, что Маркс-студент – это президент Трирского студенческого клуба любителей пива, который ведет богемный образ жизни, пишет стихи и считает литературную карьеру одной из наиболее привлекательных. Тогда же Карл организовал студенческий поэтический кружок. Впервые Маркс был арестован за студенческий дебош, второй раз – за незаконное ношение оружия. В августе 1836 года Карла вызвал на дуэль студент из корпорации «Боруссия». Он ранил Маркса, пуля скользнула возле правого глаза. Все эти события послужили причиной того, что отец перевел строптивого студента в Берлинский университет, где тот проучился четыре года. В Берлине Маркс отошел от богемы, заинтересовавшись

философией. Там он познакомился с группой левых гегельянцев во главе с Бруно Бауэром. Подготовив к защите докторскую диссертацию по натурфилософии Демокрита и Эпикура, Маркс рассчитывал занять место университетского профессора (в 1841 году он получил степень доктора в Йенском университете). Но из-за увольнения Бауэра планам Маркса не суждено было реализоваться. Вскоре он стал сотрудничать в кельнской «Рейнской газете» – оппозиционном издании, основанном рейнскими либералами, позже стал ее редактором. Однако в мае 1843 года газета была закрыта властями.

Женитьба в 1843 году на Женни фон Вестфален, отец которой, барон фон Вестфален, был уважаемым гражданином Трира, открыла Марксу путь в высшее общество и дала временную материальную стабильность. В 1843 году, не найдя работы в Германии, он решил переехать в Париж. Туда его манила перспектива издания журнала, объединяющего немецкую теорию с французскими политическими идеями (им стал «Немецко-французский ежегодник»). Но, опубликовав всего две статьи, Маркс порвал с соредактором журнала Руге.

Вскоре Карл знакомится с Фридрихом Энгельсом, который становится его лучшим другом, соавтором и единомышленником на всю жизнь. Совместно с ним Маркс пишет ряд работ, направленных против идеологии младогегельянства. С 1845 по 1848 год Карл Маркс, высланный из Франции за «подрывную деятельность», живет и работает в Брюсселе. С того времени Энгельс постоянно оказывает финансовую поддержку семье Маркса. В Брюсселе вместе с Энгельсом Маркс пишет статью «Святое семейство» и трактат «Немецкая идеология». В 1847 году там же вышла работа Маркса с критикой Прудона – «Нищета философии». Маркс организовал также международную сеть комитетов для связи между немецкими, французскими и английскими коммунистами и социалистами и обмена информацией. Но надежды Маркса и Энгельса на создание подобных «комитетов» в различных странах Европы не оправдались. Значительная часть социалистов (прудонисты) не восприняли идей Маркса. Да и сам он вместе с Энгельсом не щадит в своих статьях ни Прудона, ни Вейтлинга.

В 1847 году, во время поездки в Англию, Маркс встретился с лидерами «Лиги справедливых» – немецкими эмигрантами-ремесленниками, и вступил в члены этой организации. На основе этой Лиги был создан международный «Союз коммунистов». Отделения Союза появились во Франции, Германии, Англии, Бельгии, Дании, Швеции, Швейцарии, США. Второй конгресс Союза поручил Марксу и Энгельсу составить программу

организации, которую они и изложили в «Манифесте Коммунистической партии». На Втором конгрессе «Союза коммунистов» перед его делегатами, в числе которых были Маркс и Энгельс, были поставлены глобальные задачи: свержение власти буржуазии, установление власти пролетариата, создание нового общества без классов и частной собственности.

В 1848 году начались революции во Франции, Италии и Австрии. Маркс был выслан из Бельгии и вернулся в Париж по приглашению либерального Временного правительства Франции. К марту 1848 года революция захватила Пруссию. Фридрих Вильгельм IV был вынужден «даровать» Пруссии парламент, свободу прессе, созвать Ассамблею для принятия конституции. Весной 1849 года Маркс предпринял первую попытку создания партии социалистов в Германии. Пользуясь ситуацией, он выехал в Кельн, где начал сотрудничать в «Новой рейнской газете», агитируя за конституционную демократию и призывая к войне с Россией. Однако после поражения революции в Пруссии Маркс был отдан под суд, а затем выслан из Германии. Он вернулся в Лондон.

В июле 1849 года Маркс уехал в Париж, но в августе был выслан и оттуда, снова перебрался в Лондон, где начал формировать «Союз коммунистов». В 1850 году в Союзе наметился раскол, причиной которого было требование части ЦК Союза перейти к организации немедленного восстания. Часть членов ЦК создала свою организацию – «Особый союз», а единомышленники Маркса перебрались в Германию. Но в Кельне все коммунисты уже в 1851 году были арестованы. После этого Маркс предложил распустить ЦК «Союза коммунистов», а сам на долгие годы отошел от активной политической деятельности и посвятил себя исследованию «законов движения капиталистического общества».

В 1850-е годы семья Маркса живет за счет денежных переводов от Энгельса и гонораров за статьи в «Нью-Йорк трибюн». Не привыкший к экономии Маркс столкнулся с хронической бедностью. Он писал Энгельсу: «… я не могу вызвать врача, так как не имею денег на лечение. Восемь дней я кормил семью хлебом и картофелем». В этот период у него родился четвертый ребенок, а затем еще двое. Но трое детей в семье умерли, выжили только три дочери.

В 1856 году, благодаря полученному наследству, семья Маркса переехала в новый дом, однако расточительность Маркса вновь привела к финансовым затруднениям. В 1864 году еще одно наследство помогло справиться с финансовым кризисом. В это время Маркс работает над трудом всей своей жизни –

«Капиталом», которому, как заявлял сам автор, он «принес в жертву здоровье, счастье и семью».

Только в 1864 году Маркс возвращается к политической деятельности, став членом Международного товарищества рабочих (Первый Интернационал). Еще летом 1863 года в Лондоне, на встрече представителей английских тред-юнионов и французских рабочих, была достигнута договоренность о создании Международной рабочей организации и привлечении к ее деятельности Маркса как представителя немецкой революционной эмиграции, ученого и публициста. Маркс входил в Постоянный комитет Международного товарищества как секретарь-корреспондент от Германии и в разное время выполнял обязанности секретаря-корреспондента от Бельгии и России. Маркс получает возможность через Постоянный комитет влиять на деятельность Генерального совета Интернационала. Он сумел добиться принятия важных решений, касавшихся организационной структуры Совета: упразднялось почетное членство, вводилось предварительное обсуждение кандидатур принимаемых членов Совета, было принято решение не допускать избрания в Совет лиц, лишенных возможности посещать заседания. Марксу удалось добиться также избрания нескольких бывших членов «Союза коммунистов» и оттеснить от лидерства в Совете конкурентов: сторонников Прудона, Вейтлинга, Мадзини, Бакунина и анархистов.

Маркс поддерживал стремление Польши к независимости и идею ирландского Гомруля, призывал к сокращению рабочего дня, выступал за передачу земли в общественную собственность. Раскол в Интернационале между сторонниками Маркса и анархистами во главе с Бакуниным привел к ослаблению организации уже после переезда ее штаб-квартиры в Нью-Йорк (1872 г.). Неуживчивый характер Маркса, его жажда власти, страсть к интригам подрывали основы Интернационала, который при всей своей удаленности от Европы, по выражению Энгельса, уже стал «оковами» для международного рабочего движения. В 1876 году недееспособный, лишенный всякого влияния Интернационал был распущен.

Последние десять лет своей жизни Марксу не нужно было заботиться о хлебе насущном. Проданная Энгельсом доля в манчестерском хлопчатобумажном бизнесе обеспечила Карлу вполне приличное содержание. Однако после того как в 1873 году с ним случился удар, творческие способности Маркса ослабли. Смерти жены в 1881 году и старшей дочери в 1883-м подорвали его силы и желание жить. 14 марта 1883 года Карл Маркс скончался в Лондоне. Только после смерти он был признан

наиболее крупным из всех социалистических мыслителей, создателем оригинальной философской системы – марксизма, а его социальные, экономические и политические идеи получили широкое распространение в большинстве стран мира.

ЭНГЕЛЬС ФРИДРИХ

(род. в 1820 г. – ум. в 1895 г.)

Крупнейший теоретик социализма, один из лидеров мирового рабочего движения и Первого Интернационала.

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 году в Бармене (ныне Вуппераль, Рейнская область Пруссии), в семье богатого текстильного фабриканта. До 14 лет он учился в городской школе; в 1834 году поступил в гимназию. В 1837 году, не окончив последнего класса, по настоянию отца Энгельс ушел из гимназии, чтобы заняться коммерческой деятельностью. В 1838 году отец отправил своего наследника в Бремен служить в торговой фирме. Несмотря на «приземленность профессии», Энгельс увлекался философией, историей, литературой, спортом, музыкой, писал стихи. Огромное влияние на него оказали идеи Г. Гегеля и Л. Фейербаха. С 1839 года он стал публиковать статьи в «Немецком телеграфе» – печатном органе радикально-оппозиционного литературного направления «Молодая Германия».

С сентября 1841 по октябрь 1842 года Фридрих отбывал воинскую повинность в артиллерийских войсках в Берлине, посещая в свободное от военной службы время лекции в Берлинском университете. Он побывал в Кельне, нанес визит в

редакцию «Рейнской газеты», редактором которой был Маркс. Наконец по решению отца Энгельс отправился в Манчестер, где находилась фабрика «Эрмен и Энгельс».

Приехав в Англию в качестве управляющего фабрикой отца, Энгельс столкнулся с бесправием и нищетой рабочих; здесь же он увлекся идеями Оуэна. Вскоре Энгельс становится социалистом – членом чартистской партии. В Манчестере он познакомился с ирландкой Мэри Берне, скромной работницей, ставшей впоследствии его женой.

С середины 1844 года между Марксом и Энгельсом завязывается постоянная переписка. Возвращаясь в конце августа 1844 года в Германию, Энгельс остановился в Париже, где в течение 10 дней жил у Маркса. Эта встреча послужила началом их дружбы и сотрудничества. Первой их совместной работой стала статья «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Б. Бауэра и компании» (1845 г.).

Весной 1845 года Энгельс покидает Германию и направляется в Брюссель, где уже тогда жил высланный из Франции Карл Маркс. В Брюсселе они написали «Немецкую идеологию». В начале 1846 года Маркс и Энгельс организовали Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет. Через год они вступили в «Союз справедливых», подготовив в Лондоне Первый конгресс Союза. В октябре 1847 года Энгельс возвратился в Париж, где принял участие в подготовке Второго конгресса Союза. В числе создателей «Союза коммунистов» выступил Энгельс как представитель от коммунистов Парижа и Брюсселя. Он принимает активное участие в выработке идеологии Союза, написав проект программы – «Принципы коммунизма» («Коммунистический катехизис»). Вскоре по поручению Второго конгресса Союза Маркс и Энгельс напишут «Манифест Коммунистической партии».

В феврале 1848 года в Союзе начался раскол, его ЦК был полностью переизбран. В Париже был создан новый ЦК, куда вошел, в числе других, и Энгельс. Вскоре все члены ЦК и Энгельс перебрались в Германию, где поставили своей целью созвать Общегерманский конгресс рабочих союзов. В 1848–1849 годах в Кельне Маркс и Энгельс издают «Новую рейнскую газету». В сентябре 1848-го, опасаясь ареста, Энгельс уехал из Германии в Швейцарию, где прожил четыре месяца. Весной 1849 года Энгельс участвует в вооруженном восстании в юго-западной Германии. Но в мае 1849-го он был выслан из Эльберфельде. Во время Баденпфальцского восстания Энгельс сражается в отряде повстанцев, но в июле 1849-го он вынужден снова бежать в Швейцарию.

В ноябре 1849 года Энгельс переезжает в Лондон, где

принимает участие в создании «Союза коммунистов» и в издании «Новой рейнской газеты». Но осенью 1850 года в «Союзе коммунистов» произошел окончательный раскол, и Энгельс временно отходит от революционной деятельности. Он уезжает в Манчестер, где работает в торговой конторе своего отца, оказывая при этом постоянную финансовую помощь семье Маркса. Тринадцать лет Энгельс занимается бизнесом, пишет статьи по истории, филологии, военному делу, фельетоны на злобу дня. В то же время он сотрудничает с редакциями газет США, «Новой американской энциклопедии». В 1863 году умирает его жена. В это время над Европой «сгущаются тучи коммунизма» и новой войны.

С осени 1864 года Энгельс – один из руководителей Первого Интернационала. В сентябре 1870 года, ликвидировав бизнес, он переезжает в Лондон, став членом Генерального совета Интернационала (он оставался им до октября 1872 года). Он принимает активное участие в Лондонской конференции (1871 г.) и Гаагском конгрессе (1872 г.) Интернационала, помогает Марксу в борьбе против Бакунина. В 1872 году Энгельс был утвержден в должности секретаря-корреспондента Интернационала от Испании и Италии.

После прекращения существования Первого Интернационала Энгельс, фактически отойдя от организационной революционной работы, становится «кабинетным ученым» и пишет один из самых своих блестящих трудов «Анти-Дюринг» и исследование «Диалектика природы». После смерти Маркса в 1883 году Энгельс принялся за издание 2-го и 3-го томов «Капитала», разобрав черновые рукописи Маркса. В 1883–1886 годах Энгельс пишет книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

При содействии Энгельса в 1889 году был учрежден Второй Интернационал, однако в нем он не сыграл никакой заметной роли, довольствуясь положением «мэтра социализма». Умер Энгельс от рака пищевода 5 августа 1895 года в Лондоне. Согласно завещанию, его тело было кремировано, а урна с прахом опущена в море у берегов Великобритании.

ЛАССАЛЬ ФЕРДИНАНД

(род. в 1825 г. – ум. в 1864 г.)

Зачинатель революционного рабочего движения в Европе, теоретик европейского социализма.

Фердинанд Лассаль родился 11 апреля 1825 года в Бреславле – в городе, где его отец, богатый еврей, был оптовым торговцем. В 15 лет Фердинанд поступил в Лейпцигскую коммерческую школу. Однако его интересовала не торговля, а философия и поэзия. Вскоре Лассаль поступает на философский факультет Бреславльского университета, потом переводится в Берлинский университет. В студенческие годы Лассаль написал исследование о философии Гераклита Темного, принесшее ему известность в научной среде. Окончив университет, Лассаль отправился «покорять» Париж, где превратился в рьяного гегельянца и сторонника демократии. В начале 1845 года Лассаль возвращается в Берлин в надежде получить кафедру доцента университета. В это время он знакомится с эмансипированной графиней Гацфельд, которая на долгие годы стала его покровительницей и любовницей. Графиня поручила Лассалю вести ее бракоразводный процесс, который затянулся на девять лет. Хотя Лассаль и «уничтожил графа в общественном мнении»,

сам он сел на скамью подсудимых по обвинению в подстрекательстве к краже после того, как его друзья похитили шкатулку любовницы графа Гацфельда.

В августе революционного 1848 года суд присяжных вынес оправдательный приговор Лассалю, и он на руках сочувствующих покинул зал суда. Демократическая пресса писала о частном уголовном деле как о процессе, состоявшемся из-за «козней» аристократии. После освобождения Лассаль сблизился с немецкими революционерами. Являясь видным деятелем крайне левой демократической партии Пруссии, он пытался поднять народ на вооруженное восстание в Дюссельдорфе. Тогда же Лассаль стал сотрудничать с радикальной «Новой рейнской газетой», редакторами которой были Маркс и Энгельс.

В ноябре 1848 года прусское правительство предприняло наступление на Национальное собрание. Лассаль был арестован и предан суду по обвинению в государственной измене – «за возбуждение граждан к вооруженному сопротивлению». В мае 1849 года дюссельдорфский суд присяжных вынес Лассалю оправдательный приговор. Но полиция все-таки «упекла» Лассаля на шесть месяцев в тюрьму. Выйдя на свободу, Лассаль на время отошел от политики. Он предается удовольствиям, заводит романы, много путешествует, пишет историческую драму из времен Реформации «Франц фон Зикинген».

В августе 1854 года дело против графа Гацфельда закончилось мирным соглашением сторон. Когда началась итальянская война, Лассаль неожиданно вернулся в политику, выступив в защиту итальянского Пьемонта. Он заявил, что помогать Австрии значило бы поддерживать реакцию.

В октябре 1858 года в Пруссии было введено регентство, началась так называемая «новая эра» либерализации общества. В это время Лассаль пишет свой наиболее известный труд «Система приобретенных прав. Опыт примирения положительного законодательства с философией права» (1861 г.), который вызвал бурное возмущение властей. В квартире Лассаля был проведен обыск, сам он попал под суд по обвинению в том, что «подвергнул опасности общественное спокойствие открытым возбуждением в неимущих классах ненависти и презрения к имущим».

В 1862 году Лассаль выступает перед берлинскими рабочими с докладом «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия». К этому времени Лассаль уже лидер социалистического рабочего движения Пруссии. В 1862 году лейпцигские рабочие создали рабочий союз «Форверст», программа которого имела политическую окраску. Члены «Форверста» приняли решение создать Всеобщий германский

рабочий союз и организовали ЦК, а также обратились за помощью к Лассалю как к возможному лидеру и главному идеологу. По предложению ЦК для Всеобщего германского конгресса рабочих Лассаль пишет социально-политическую программу будущего союза. Комитет принял эту программу, и в мае 1863 года был учрежден Всеобщий немецкий рабочий союз, а Лассаль – избран президентом этого союза. После этого он порвал с прусскими прогрессистами и стал заигрывать с прусским правительством Бисмарка. Но лидерство Лассаля в рабочем движении Германии было не продолжительным…

В начале 1864 года Лассаль сделал предложение Елене Деннигес, дочери баварского дипломата. И хотя предложение было принято, оно привело к драматическим событиям. Елена уже была помолвлена с румынским дворянином. По настоянию родителей она отказала Лассалю и вернулась к прежнему жениху. Лассаль впал в бешенство и вызвал более счастливого соперника на дуэль, во время которой «лидер рабочих» был смертельно ранен. Он умер 31 августа 1864 года в Женеве.

Именно Лассаль, а не Маркс или Энгельс, оказался первым вождем и теоретиком рабочего социалистического движения. Он положил начало организации рабочих как самостоятельной политической партии, дал ясную программу, став «отцом» немецкой социал-демократии. Учение Лассаля представляло серьезную конкуренцию нарождающемуся марксизму в рабочем движении Германии, США, Франции. Лассаль предлагал рабочим искать «классовую гармонию», пути мирного «врастания» рабочих в капиталистическое общество. Идеализируя роль государства, он считал, что именно государство поможет рабочим в обретении экономических и политических прав. Лассаль пытался договориться с Бисмарком «по рабочему вопросу», искал его поддержки в «прогрессивных реформах», одобрял его действия в вопросе объединения Германии.

Лассаль и его единомышленники видели в крестьянстве «реакционную массу», абсолютизировали преобразующую и универсальную роль всеобщего избирательного права. Борьба за обретение всеобщего избирательного права рассматривалась Лассалем как главная цель рабочего движения. Он видел рабочий класс носителем идеи государства как нравственного единства свободных индивидуумов.

Лассаль считал, что освободить рабочих от гнета «железного закона заработной платы» можно путем учреждения свободных производительных рабочих ассоциаций, с государственным кредитом и под контролем государства, а чтобы добиться содействия государства, рабочий класс должен основным

требованием выдвигать всеобщее избирательное право.

Лассаль предвидел последствия франко-германского конфликта и высказывался против присоединения Эльзаса и Лотарингии к Германии.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА

(род. в 1844 г. – ум. в 1934 г.)

«Бабушка русской революции», самая известная женщина-революционерка начала XX в., лидер партии эсеров.

Екатерина Вериго (в будущем Брешко-Брешковская) родилась 25 января 1844 года в огромной помещичьей усадьбе в селе Ивоново Невельского уезда Витебской губернии в дворянской семье. Получив хорошее домашнее образование и не нуждаясь в деньгах, Екатерина стала работать в земстве и учительницей в школе, чтобы «принести пользу народу». Однако школа для крестьянских детей распалась, и Екатерина, рассорившись с родителями, уехала в Петербург, где два года занималась репетиторством. Хлебнув нищеты в Петербурге, в середине 1860-х годов девушка возвращается к родителям, которые помогают ей создать новую школу для крестьянских детей. Но в 1866 году школу закрыли местные власти. Вскоре Екатерина выходит замуж за помещика и мирового судью Николая Брешко-Брешковского и принимает его старинную фамилию. Ее муж также

придерживался либеральных взглядов. Молодая чета занимается просветительством среди крестьян.

1873 год стал для Екатерины переломным. Оставив мужа и детей, она неожиданно переехала в Киев, где окунулась в водоворот революционных выступлений в нарождающемся народническом движении. Сначала она входит в кружок Аксельрода, ведет пропаганду среди рабочих, но вскоре вместе с Яковом Стефановичем, будущим народовольцем, соратником Плеханова, «идет в народ» – звать крестьянскую Русь к топору. В Витебской губернии Екатерина участвовала в создании базы-фермы народовольцев в селе Горяны. Под видом модистки она прошла селами Украины, рассказывая народу о грядущей революции.

Возглавив в Киеве революционный кружок учащейся молодежи «Киевская коммуна», она попала в поле зрения полиции.

В сентябре 1874 года в Тульчине Екатерина впервые была арестована. На руках ее был паспорт на имя Феклы Косой. После ареста она около четырех лет томилась в тюрьме, в 1878 году проходила по «процессу 193-х» в Петербурге. Ей выпала сомнительная честь стать первой в Российской империи женщиной-политической каторжанкой. Ее отправили этапом на Карийскую каторгу с лишением всех прав и дворянства. В 1879 году Екатерина прибывает на поселение в Забайкальскую область, однако за попытку к бегству в 1881 году ее вновь арестовывают и приговаривают к четырем годам каторги и 40 ударам плетьми. Телесная расправа над ней, все же, не была произведена, но на каторге побывать довелось… После освобождения Екатерина находилась на поселении на Каре.

С 1892 года Брешко-Брешковской было дозволено поселиться в Иркутске, позже – в Томске и Тобольске, где она сотрудничала в местной газете, возобновив связи с народниками и студенческими революционными организациями.

В сентябре 1896 года Екатерина получила свободу и переехала в Москву. Далее путь ее лежал в Чернигов и Минск, где служил брат. В Минске она вновь связалась с крайне левыми революционерами, познакомилась с Гершуни, стояла у истоков неонароднической «Рабочей партии политического освобождения России». И снова Екатерина разъезжает по стране, устанавливая связи для создания партии эсеров. При ее участии начинает действовать крупная эсеровская организация в Саратове, которая до 1902 года играет значительную роль в партии.

Вместе с Григорием Гершуни Екатерина способствует созданию Первой боевой организации эсеров. Именно она

разрабатывала планы террористических актов покушений на министра внутренних дел Сипягина и уфимского губернатора Богдановича.

В 1903 году после разгрома полицией большинства эсеровских организаций, спасаясь от полицейского преследования, она эмигрировала в Швейцарию. Тогда же Екатерина организовала съезд эсеров, на котором был создан Заграничный комитет партии социалистов-революционеров. Эта смелая женщина участвовала в Амстердамском конгрессе Второго Интернационала, побывала в США, где собирала деньги на революцию, создала в Швейцарии группу «Аграрных террористов» для руководства крестьянскими бунтами в России.

В мае 1905 года, в разгар революции, Брешко-Брешковская нелегально вернулась в Россию, обосновавшись в провинциальном Царицыне. Она призывала организовывать крестьянские восстания «за землю и волю». В Казани Екатерина организует издание «Крестьянской газеты», на Урале «изучает опыт лесных братьев».

К 1907 году она занимала уже «правые» позиции, выступала за блок эсеров с кадетами, против эсеровских экспроприаций, против самочинного захвата земли крестьянами, что, по ее мнению, приводило революцию к анархии.

Находясь в руководстве эсеровской партии, Екатерина пыталась влиять на стратегию и тактику ее борьбы. Несмотря на то что она была асом конспирации и находилась на нелегальном положении, в сентябре 1907 года ее вновь арестовывают. Два с половиной года Петропавловской крепости, новая ссылка в Сибирь, новый побег, новый арест, полуторагодичная одиночная камера и ссылка в Якутию, где она оставалась до марта 1917 года.

После свержения царизма Брешко-Брешковская торжественно «въезжает» в столицу. Ее выбирают в Учредительное собрание, титул «бабушки русской революции» закрепляется за ней пожизненно. Она выступает в поддержку Временного правительства, за продолжение «революционной войны», за созыв Учредительного собрания, которое непременно решит все российские проблемы. «Бабушка русской революции» вошла в руководящий состав партии эсеров, его «правого крыла», в то время как Мария Спиридонова стала лидером «левых».

«Бабушка», казалось, была «атрибутом» всех демократических съездов. Она и почетный председатель, и член ЦК партии эсеров, она в Исполкоме Совета крестьянских депутатов, делегат Государственного совещания (август 1917 г.) и Демократического совещания, избрана в Предпарламент – Временный Совет

Республики (сентябрь 1917 г.), член Всероссийского Учредительного собрания. 7 октября 1917-го Брешко-Брешковская открывает первое заседание Предпарламента… В то же время она требовала от Временного правительства крутых мер по ограничению пропаганды большевиков, ареста Ленина и Троцкого. «Боевая бабушка» консультировала премьера Керенского по важнейшим вопросам внутренней политики, указывая на необходимость немедленного передела земли.

Октябрьский переворот Екатерина Брешко-Брешковская приняла враждебно. Она осуждала экстремизм, демагогию, популизм большевиков, позорный Брестский мир.

На протяжении 5 месяцев после Октябрьского переворота «бабушка русской революции» нелегально проживала в советской Москве, затем переехала в Тюмень, куда в июле 1918 года вступили войска белочехов. Летом 1918-го она принимает участие в работе Самарского Комуча (Комитета Учредительного собрания), который стал альтернативной властью в Поволжье. В 1918 году Брешко-Брешковская длительное время проживала то на хуторе Михайловском, то в Челябинске, посетила Уфу, Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Омск.

На Урале она была участницей Уфимского Государственного совещания, помогала в формировании Директории – Временного Всероссийского правительства, участвовала в первом этапе Съезда членов Учредительного собрания, став знаковой фигурой антибольшевистского демократического движения. Как один из лидеров правого крыла партии эсеров, «бабушка» отстаивала идею сотрудничества с кадетами и решительной борьбы с большевизмом.

В 1919 году в своем интервью «бабушка русской революции» заявила: «Ни большевики, ни монархисты не могут править Россией. Народ не подчинится никому, кроме Учредительного собрания». В январе 1919 года она уехала в США с целью сбора средств для организации помощи в борьбе против большевиков. Из США Брешко-Брешковская переехала во Францию, оттуда в 1924 году переселилась в Чехословакию, где были созданы наилучшие условия для жизни политических эмигрантов из России. В Чехословакии Брешко-Брешковская писала статьи для газеты Керенского «Дни», а в конце 1920-х годов перешла на позиции «христианского социализма».

На склоне лет «бабушка» вела культурно-просветительскую и проповедническую работу в Закарпатье. В Ужгороде и Мукачеве она построила мужской и женский бесплатные интернаты для русской эмигрантской молодежи.

Умерла она в возрасте 90 лет в сентябре 1934 года в селе

Хвалы-Почернице под Прагой.

ЗАСУЛИЧ ВЕРА ИВАНОВНА

(род. в 1849 г. – ум. в 1919 г.)

Одна из самых известных женщин-террористок России, старейшая марксистка.

Вера Засулич родилась 27 июля 1849 года в семье обедневшего дворянина в селе Михайловка Смоленской губернии. Вскоре после ее рождения умер отец, оставив жену и пятерых детей без средств к существованию. Вера воспитывалась богатыми родственниками, к ней относились как к приживалке, и девочка навсегда усвоила уроки социального неравенства. После окончания школы ее определили в закрытый пансион в Петербурге, где готовили гувернанток и домашних учительниц.

Вскоре Вера стала посещать университетские лекции в качестве вольнослушательницы, работала в переплетной мастерской. Случай свел ее с известным анархистом Сергеем Нечаевым и его сестрой Анной. Вера знакомится с подпольщиками-революционерами, учит рабочих в кружках, агитируя их за революционные перемены. Полиция, следившая за Нечаевыми, арестовала 19-летнюю девушку за то, что та рассылала корреспонденцию нечаевской организации «Народная расправа». В тюрьме она провела два года (из них один год в

одиночной камере Петропавловской крепости) в ожидании суда. Неприятие жестокой несправедливости царизма сделало Засулич борцом против тирании и нигилисткой. Синие очки и короткая стрижка делали девушку «модной» революционеркой.

После выхода из тюрьмы ее снова ждал, правда, кратковременный, арест и постоянный полицейский надзор. Ее выслали в Нижегородскую область, где она оказалась без средств к существованию и без знакомых. В Киеве после ссылки Вера вошла в революционную группу народников «Южные бунтари», там же встретилась с молодым революционером Львом Дейчем, бывшим студентом-медиком, который впоследствии станет ее гражданским мужем. «Бунтари» организовывали «хождение в народ» революционной интеллигенции для распространения среди крестьянства революционной пропаганды. Однако «хождение в народ» не принесло ожидаемых результатов. Разочарованная в революционной активности украинского крестьянства, Вера возвратилась в Петербург, где надеялась с большей пользой прожить свою жизнь.

Летом 1877 года вся революционная молодежь России следила за процессом 193-х членов «Народной воли». Жестокое обращение с заключенными, суровые приговоры судов рождали ненависть к власти и ее стражам, желание мстить. Особой ненавистью у революционно настроенной молодежи пользовались прокурор Желеховский и член Сената Жихарев, объявившие беспощадную войну народникам. Засулич и ее подруга Маша Коленкина решили пожертвовать собой и совершить террористический акт, убить Жихарева и Желеховского. В это время в газетах появилось сообщение об избиении в тюрьме каторжанина Боголюбова по приказу генерал-губернатора Трепова, и только за то, что арестант не снял шапку в присутствии Трепова. Боголюбов был запорот розгами до полусмерти (хотя наказание розгами было запрещено), в результате чего помешался.

Вера Засулич и ее подруга решают убить Трепова немедленно. «Процесс 193-х» закончился 23 января 1878 года, а 24 января Вера прошла к генералу Трепову под видом гувернантки за рекомендацией для работы. Когда генерал-губернатор взял ее петицию и повернулся к следующему просителю, Вера вынула из сумочки пистолет и выстрелила в него. Засулич даже не сделала попытки скрыться. Подоспевшие охранники жестоко избили ее. Трепов выжил. Позже он скажет царю: «Эта пуля, быть может, предназначалась вам, Ваше Величество, и я счастлив, что принял ее за вас».

Среди обывателей вспыхнуло увлечение романтической

преступницей, якобы из-за любовника стрелявшей в губернатора, в среде интеллигенции назревало недовольство по поводу политических процессов, проходивших за закрытыми дверями и закончившихся вынесением смертного приговора. Веру судил открытый гражданский суд присяжных, к процессу было привлечено огромное внимание публики. Усиленный наряд полиции охранял все входы и выходы из здания суда. Пропускали публику только по пригласительным билетам – как на представление. Судебное разбирательство тянулось целый день. Зал был забит до отказа, улицы вокруг здания суда были запружены народом. Известный адвокат Александров сыграл на общественных настроениях, обвиняя тех, кто привел скромную барышню Веру на скамью подсудимых. Он говорил о суде не над Засулич, а над Треповым и монархической системой. Публика истерически рыдала. Общественное осуждение произвола власти привело к тому, что суд присяжных оправдал Веру Засулич, заявив, что она «не виновна!» На это зал ответил рукоплесканиями, рыданиями, истерическими криками… Люди обнимали и поздравляли друг друга, а по залу неслось: «Браво! Да здравствует суд присяжных!» Адвоката Александрова и Веру Засулич вынесли из зала суда на руках. Это был звездный час революционерки – она вмиг стала самым популярным человеком в России. Однако Засулич так и осталась «героиней одного выстрела».

Несшие на руках Веру студенты затолкали ее в карету, и экипаж во главе колонны из нескольких тысяч возбужденных молодых людей направился к Зимнему дворцу. Казалось, вот-вот самодержавие будет низвергнуто. Но на пути к Зимнему дорогу толпе перегородил взвод жандармов. Молодой человек, сидевший на козлах кареты, в которой ехала Засулич, несколько раз выстрелил в сторону жандармов… Однако революции не получилось. Толпа разошлась, стрелявший молодой человек сам застрелился, а Засулич, боясь нового ареста, бежала в Женеву…

В эмиграции она прославилась как автор многих революционных статей и пропагандистка марксизма. Вскоре Засулич стала активной противницей террора, считая, что успех революции зависит от участия в ней просвещенных и образованных народных масс. Через несколько лет после «своего выстрела» Засулич познакомилась с Плехановым, с которым связала свою политическую деятельность. Вместе они уйдут из «Народной воли», вместе организуют группу «Черный передел». В 1882 году Засулич, Плеханов, Аксельрод, Дейч и Потресов создадут первую марксистскую организацию русских эмигрантов – группу «Освобождение труда». Засулич вела переписку с

Марксом и Энгельсом, переводила работы Энгельса, несколько раз встречалась с ним. Но Вера не могла согласиться с догмой Маркса, что социальное и политическое развитие в обществе зависит только от экономики.

Жизнь Засулич в Женеве была посвящена обоснованию идеалистической концепции революции, созданию марксистской группы. Чета Засулич – Дейч жила в Швейцарии крайне скромно, испытывая постоянную нужду в деньгах. В 1885 году Дейч был арестован в Германии и отправлен на каторгу. Заносчивость Плеханова порождала трения внутри организации, у Засулич же с Плехановым и Аксельродом начались расхождения – они критиковали теоретические взгляды Веры.

В 1898 году в Минске состоялся I Съезд РСДРП, а вскоре в Швейцарии прошел конгресс Союза социал-демократов российских эмигрантов. Для того чтобы снять разногласия между двумя марксистскими центрами, Засулич в 1899 году приехала в Петербург. Тогда еще молодой Ульянов старался понравиться известной революционерке, и в результате Засулич пригласила Ленина в редакцию создаваемой газеты «Искра», где было шесть редакторов, среди которых и она сама. Но в 1901 году Плеханов и Ленин с ней рассорились. На II съезде РСДРП Ленин объявил о расколе партии социал-демократов на большевиков и меньшевиков. В своей статье в «Искре» Засулич заявила, что основной причиной раскола в партии явились интриги Ленина, жаждущего власти, после чего Владимир Ильич добился исключения Засулич из состава редакции «Искры», назвав ее статью «морализаторской блевотиной». Позже Засулич осуждала большевиков за проведение экспроприаций.

В 1901 году вернулся Дейч, однако в 1905 году он снова был арестован и сослан в Сибирь, но бежал оттуда в США, где жил до 1917 года. В революционном 1905-м Вера, уже больная туберкулезом, вернулась в Россию. В 1906 году Засулич отошла от революционной деятельности. После Октября 1917 года Засулич написала статью «Социализм Смольного», в которой называла Ленина и большевиков узурпаторами, «оседлавшими Россию» и приведшими ее к тирании и хаосу Гражданской войны. В 1919-м ее как меньшевичку выселяют из собственной квартиры, и знаменитая революционерка вынуждена ютиться на чердаке, жить в холоде и голоде. Все это не прошло даром – она простудилась и вскоре, 8 мая 1919 года, умерла.

Активное противостояние Засулич Ленину привело к тому, что ее теоретические труды не были признаны в СССР, а ее имя было предано забвению…

СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1851 г. – ум. в 1895 г.)

Знаменитый русский революционер, террорист, талантливый писатель.

Сергей Кравчинский родился 13 июля 1851 года в селе Новый Стародуб Херсонской губернии в семье главного врача военного госпиталя. Окончив Орловскую военную гимназию, он поступил в Московское военное Александровское училище, а после его окончания – в Михайловское артиллерийское училище, где создал тайный революционный кружок. В 1870 году он был выпущен в чине поручика. Но служить ему пришлось недолго: уже через год службы в военно-технической школе Сергей вышел в отставку. В 1871 году охочий до учения Кравчинский поступил в Петербургский лесной институт.

Весной 1872 года Кравчинский стал членом кружка «чайковцев», участником движения «хождения в народ». Осенью 1873 года революционеры решили донести идеи социализма до крестьян. Кравчинский бросил институт и пошел «в народ» – в села Тверской губернии. Как рабочий-пилильщик дров он ходил

по деревням, беседовал с крестьянами, читал им книги. Он «по-революционному» толковал Евангелие мужикам, рассуждая, что следует непременно поднять бунт для скорейшего Второго Пришествия. Кравчинскому удается взбудоражить крестьян в нескольких деревнях. Но очень скоро полиция арестовывает пропагандиста с помощью тех же крестьян.

Кравчинский бежит из-под ареста и переходит на нелегальное положение, в 1874 году уезжает за границу. В середине 1870-х годов Кравчинский принимает участие в восстании против турок в Герцеговине – он командует единственной пушкой, имеющейся у восставших сербов. Восстание было подавлено, Кравчинский же сумел бежать от расправы и нелегально вернуться в Россию. В 1877 году он принял участие в подготовке восстания в провинции Беневенто в Италии, был арестован с оружием в руках при подавлении восстания и на девять месяцев заключен в итальянскую тюрьму.

В Петербург Кравчинский вернулся в мае 1878 года и сразу же примкнул к организации «Земля и воля». Став одним из лидеров этой организации, Кравчинский вербовал в нее новых членов, редактировал газету, создал подпольную типографию. По заданию «Земли и воли» 4 августа 1878 года Кравчинский убивает шефа жандармов Мезенцева. После этого громкого террористического акта он пять месяцев скрывается, а потом бежит за границу.

В эмиграции Кравчинский сначала живет в Швейцарии, затем в Италии, а с 1884 года поселяется в Лондоне. В Англии он занимается литературной деятельностью, в США читает доклады о революционном движении в России и о русской литературе. Он писал статьи, переводил с итальянского, испанского, немецкого, жил переводами на английский язык произведений русских писателей. Степняк-Кравчинский был автором публицистических очерков «Подпольная Россия», «Россия под властью царей», «Русская грозовая туча», романов «Андрей Кожухов», «Карьера нигилиста», «Штундист Павел Руденко», повести «Домик на Волге», нескольких драм. В 1881 году по предложению одной миланской газеты Кравчинский написал на итальянском языке серию очерков о русском революционном движении под общим названием «Подпольная Россия». Подписанные псевдонимом «Степняк», эти очерки вызвали большой интерес и были изданы отдельной книгой.

В 1889 году в Англии Кравчинский организовывает «Общество друзей русской свободы», а в 1891 году под его руководством был возрожден «Фонд вольной русской прессы». 23 декабря 1895 года Кравчинский трагически и нелепо погиб под

колесами поезда. Хотя существует версия, что это было политическое убийство…

Степняк-Кравчинский стал автором знаменитой революционной агитки «Смерть за смерть», в которой были такие строки:

«Мы – социалисты. Цель наша – разрушение существующего экономического строя, уничтожение экономического неравенства, составляющего, по нашему убеждению, корень всех страданий человечества. Поэтому политические формы сами по себе для нас совершенно безразличны. Мы, русские, вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство толкнуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер.

Убийство – вещь ужасная. Только в минуту сильнейшего аффекта, доходящего до потери самосознания, человек, не будучи извергом и выродком человечества, может лишить жизни себе подобного. Русское же правительство нас, социалистов, нас, посвятивших себя делу освобождения страждущих, нас, обрекших себя на всякие страдания, чтобы избавить от них других, русское правительство довело до того, что мы решаемся на целый ряд убийств, возводим их в систему…

Мы создали над виновниками и распорядителями тех свирепостей, которые совершаются над нами, свой суд, суд справедливый, как те идеи, которые мы защищаем, и страшный, как те условия, в которые нас поставило само правительство. Этим судом генерал-адъютант Мезенцев за все свои злодеяния против нас был признан заслуживающим смерти, каковой приговор и был приведен над ним в исполнение на Михайловской площади утром 4 августа 1878 года…»

ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА

(род. в 1853 г. – ум. в 1881 г.)

Революционерка-народница, активный член организации «Народная воля». Первая из женщин-террористок, осужденная по политическому делу и казненная как организатор и участница убийства императора Александра II.

Первые русские революционеры конца XIX века, пропагандируя свои идеи в обществе, доказывали, что цель оправдывает средства. При этом даже женщины, входящие в состав нелегальных организаций и вдохновленные мечтами о «светлом будущем», часто убивали, не задумываясь о жертвах и последствиях. Одна из них – Софья Перовская – считала терроризм самым действенным способом влияния на правительство. Она любила повторять, что отказалась бы от террора, если бы видела другой путь. Но в том-то и была беда этой образованной молодой женщины, что другого пути она не видела и не могла тогда увидеть. Навязчивая идея целиком поглотила ее мысли, заставила отказаться от привычного уклада жизни и пойти на преступление, противное христианскому и дворянскому воспитанию.

Софья родилась 13 сентября 1853 года в Петербурге. Ее отец, Лев Перовский, чиновник высокого ранга, приходился правнуком последнему гетману Украины Кириллу Разумовскому, а мать, Варвара Степановна, была родом из простого семейства псковских дворян. Впоследствии эта разница в происхождении привела к разрыву между родителями. Детские годы Софьи прошли в провинциальном Пскове, где служил отец. Товарищами ее игр были старший брат Вася и соседский мальчик Коля Муравьев, который спустя много лет, став прокурором, потребовал для подруги детских лет смертной казни.

Вскоре Льву Николаевичу предложили занять пост вице-губернатора Петербурга, и семья Перовских переехала в столицу. Теперь в их доме все было поставлено на широкую ногу, как и подобает людям столь высокого положения. Однако блестящие балы и приемы, заставлявшие трепетать сердца молодых девиц, юную Софью оставляли совершенно равнодушной. Как и ее брат, она терпеть не могли лживости и снобизма высшего света.

Много времени Перовская проводила в доме декабриста А. В. Поджио, общаясь с его дочерью Варей, которая приходилась ей двоюродной сестрой. В их семье она часто слышала споры о судьбе России, о жестокости самодержавной власти, которую, как они считали, уже давно пора было свергнуть.

Во время первого и неудачного покушения на Александра II Софье было всего 12 лет и она еще не могла оценить значимости этого события как политического. Но по привычной жизни Перовских это нанесло сокрушительный удар. Отцу, из-за проявленной «непредусмотрительности», пришлось уйти в отставку, и семья, материальное положение которой и так было не слишком прочным, постепенно разорилась. Варвара Степановна, оставив мужа, увезла детей в Крым, где располагалось их старое имение. Перовских почти никто не навещал, и единственным развлечением девочки оказалось чтение. Причем среди ее книг было немало запрещенной литературы, которую привозил ее брат-студент из столицы. К чтению Софья относилась очень серьезно. Вдумчиво останавливаясь на каждой мысли, она развивала ее и даже оспаривала. Видно было, что умственная работа сама по себе захватывала девочку и доставляла наслаждение. Недостаток регулярного образования она восполняла настойчивостью и упорством.

В 1869 году спокойной провинциальной жизни Перовских пришел конец: их крымское имение было продано за долги, и Софья с матерью и сестрами возвратилась в Петербург. Той же осенью она поступила на Аларчинские курсы для девушек при 5-й

мужской гимназии. Ее интересовали все науки, но в химии, физике и математике Соня проявляла исключительные способности и оказалась в числе немногих учениц, которые были допущены к летним практическим занятиям в химической лаборатории.

С этого момента жизнь Перовской полностью изменилась. Окружившие ее подруги отличались передовыми для того времени взглядами. Они читали запрещенную литературу, коротко стригли волосы, курили и – что «самое ужасное» – носили мужскую одежду. Зерна эмансипации упали на подготовленную почву. Жажда знаний у Софьи очень скоро превратилась в жажду деятельности на благо народа, что, однако, не встретило понимания со стороны ее отца. В 17 лет, решительно порвав с семьей, Софья ушла из дома. Тогда же вместе с несколькими молодыми студентами, в том числе Николаем Чайковским, давшим свое имя будущей организации, Перовская вошла в состав тайного народнического кружка, носившего скорее характер братства, чем политического общества. Кружок, сначала занимавшийся исключительно пропагандой среди молодежи, был невелик. Постепенно, с расширением количества его членов, приходило понимание новых задач и целей. Каждый день с утра и до поздней ночи Перовская вела тайную агитацию среди рабочих. Помимо этого, по составленной «чайковцами» программе ей предстояло привлечь к народническому движению крестьян, на которых делалась основная ставка в будущей революции. Весной 1872 года Софья отправилась в Самарскую губернию, чтобы впервые собственными глазами увидеть, как же живут те, за кого она борется. Однако народникам сразу стало понятно, что крестьянам чужды социалистические и революционные идеи. Возвратившись в Петербург, Перовская продолжила занятия в рабочих кружках.

В то время Софья жила в маленьком домике на окраине города. Согласно легенде, все считали ее женой рабочего, и никто не догадывался, что она дворянка и дочь бывшего вице-губернатора. Теперь в повязанной платком мещанке, в ситцевом платье и в мужских сапогах таскающей воду из Невы, мало кто узнал бы барышню, которая недавно блистала в аристократических петербургских салонах. Между тем Софья, проявляя чудеса бережливости, стирала и стряпала для всех, и, несмотря на бедность, старалась содержать дом в чистоте. Она привыкала жить в напряжении, в постоянном ожидании обыска и ареста. Перовская осознавала: то, что они делают, – незаконно, и с самого начала сказала себе, что к чему бы ни привела агитация, она нужна, а если она приведет к эшафоту – пусть так: стало

быть, это будет нужная жертва.

Вскоре в Петербурге начались массовые аресты народников-пропагандистов, и Софья тоже попала за решетку. Только благодаря старым связям отца через несколько месяцев ее отпустили на поруки. Целых три года пришлось Перовской ждать процесса. Чтобы не терять времени зря и еще лучше подготовить себя к пропаганде среди крестьянства, она решила изучить фельдшерское дело. С этой целью Софья отправилась в Тверскую губернию к знакомому врачу, у которого пробыла на практике несколько месяцев.

Когда наконец начался судебный процесс по так называемому «делу 193-х», Софья Перовская присоединилась к группе арестантов, отказавшихся сотрудничать со следствием. В зале суда она, как завороженная, слушала пламенные речи Петра Алексеева – одного из основателей народнического движения. Каждое его слово падало на благодатную почву, и Софья все больше убеждалась в правильности выбранного ею пути.

После оглашения приговора на свободе остались совсем немногие товарищи из ее организации. Перовская была оправдана и, как бы чувствуя в этом свою вину, целый год потратила на подготовку многочисленных бесплодных попыток освобождения друзей-революционеров из Харьковской центральной тюрьмы. В этом деле она себя не берегла, удивляя бесстрашием самых смелых мужчин. Ей удалось подыскать людей, устроить наблюдение за центральной тюрьмой и связаться с заключенными. Однако такая занятость не помешала Софье поступить еще и на акушерские курсы, проучиться все восемь месяцев, отлично сдать экзамен и получить диплом. Редкая минута пропадала у нее даром. Впрочем, деловитость никогда не переходила у Перовской в сухость и «деревянность». По свидетельству современников, в свободное время она очень любила поболтать, а над шутками хохотала так звонко и по-детски заразительно, что всем окружающим становилось весело.

Летом 1879 года Софья снова появилась в Петербурге – в это время там произошло разделение организации «Земля и воля» на две самостоятельные группы. После нескольких лет практики большинство членов этой организации пришло к выводу, что социалистическая пропаганда в народе невозможна, поэтому необходима борьба за политическую свободу, одним из средств достижения которой считался террор. Кроме того, среди молодежи росло желание отомстить правительству за расправу с инакомыслящими. Многие из друзей Софьи носили оружие, а Вера Засулич в январе 1878 года даже решилась пустить его в ход против генерала Трепова. То, что суд присяжных ее оправдал,

вдохновило народовольцев на дальнейшую вооруженную борьбу. Перовской казалось, что общество прислушалось к голосу революционеров и солидарно с ними. Но после очередной серии арестов она поняла, что в России никто особо не жаждет революционных перемен, и постепенно пришла к заключению, что старые агитационные методы работы неэффективны. А идея цареубийства уже давно носилась в воздухе: «За российские порядки должен отвечать тот, кто сам не хочет ни с кем делить ответственность – самодержец всероссийский».

С таким нехарактерным для своего воспитания решением политического вопроса Перовская согласилась не сразу. Немало копий пришлось сломать народовольцам в диспутах с ней. Очень сильно повлияло на Софью и окончательно склонило ее к новым методам борьбы знакомство с А. Желябовым – одним из создателей и руководителей «Народной воли». Он возглавлял ее военную, студенческую и рабочую организацию. Этот рослый мужественный молодой человек, выходец из семьи крепостных крестьян, покорил Софью своим красноречием, убежденностью и запальчивостью. Именно ему удалось склонить Перовскую войти в террористическую группу, готовящую покушение на Александра II. Вслед за Желябовым она стала видеть в убийстве императора единственное средство, которое может всколыхнуть общество и приблизить революционный переворот. А убедившись однажды в чем-нибудь, Перовская от этого уже не отступала. Среди других женщин-террористок она выделялась своей самоуверенной властностью, вдумчивым спокойствием и неутомимой энергией. По мнению друзей, «во всем, касающемся дела, она была требовательна до жестокости, а чувство долга было самой выдающейся чертой ее характера».

Первое покушение, в подготовке которого участвовала Перовская, с самого начала преследовали неудачи. Работа по закладке мины на пути следования царского поезда была очень тяжелой и опасной. Софья никогда не расставалась с пистолетом, а в случае обыска должна была взорвать дом, выстрелив в бутыль с нитроглицерином. Прогремевший 1 декабря 1879 года на железной дороге под Москвой взрыв снес с путей обычный поезд. Погибли ни в чем не повинные люди. Но террористов это не волновало, они были готовы идти на любые жертвы. Перовскую уговаривали уехать за границу, но она предпочитала быть повешенной в России. И конечно, Софья хотела остаться рядом с любимым человеком, хотя устав организации был строг и суров. Перовская ради дела забыла о родственниках, давно не имела собственного имущества, но ее отношения с гражданским мужем, Андреем Желябовым, были настолько чистыми и глубокими, что

знавшие обоих друзья говорили: «На эту пару приятно было взглянуть в те минуты, когда дела идут хорошо, когда особенно охотно забываются неприятности». Но никакая дружба или влюбленность не могла отменить подготовки очередного покушения.

Можно считать, что чудо спасло царя во время взрыва прямо в Зимнем дворце. Тайная полиция сбилась с ног, разыскивая террористов. Приметы Перовской теперь знал каждый петербургский жандарм. А она тем временем под именем Марии Прохоровой днем торговала в бакалейной лавочке в Одессе, а ночами готовила очередной террористический акт. Однако и он не увенчался успехом. Софья не позволяла себе думать о неудачах и жертвах. Она продолжала заниматься с рабочими, создавала библиотеки и новую подпольную типографию. Кроме того, у нее были самые обычные человеческие заботы: сходить на рынок, приготовить обед. Привыкшая к богатству, Перовская научилась ценить деньги, которые ей выделялись из фонда организации. Чтобы сократить расходы общественных средств на личные нужды, она зарабатывала перепиской и переводами.

В начале 1881 года Желябов разработал новый четырехступенчатый план убийства царя, не допускающий возможности его спасения. Основу плана составлял взрыв императорской кареты бомбой, заложенной в подкоп под Малой Садовой, по которой должен был проезжать Александр II. Если бы бомба по каким-либо причинам не взорвалась или изменился царский маршрут, в дело должны были вступить расставленные в линию четыре метальщика с ручными бомбами. Если же и метальщики промахнулись бы, то на царя бросился бы сам Желябов с кинжалом в руках… В этом плане Перовской отводилась важная роль. Она организовала наблюдение за постоянными маршрутами передвижения Александра II по столице и лично участвовала в нем. Ей удалось установить наиболее удобные места для покушения. На Малой Садовой улице революционеры под именем крестьянской семьи Кобозевых сняли сырную лавку, из подвала которой сделали подкоп, чтобы установить мину под мостовой. Людей не хватало, не прекращались аресты. Перовская жила в постоянной тревоге за Желябова. И не напрасно: за несколько дней до покушения он был арестован.

Вся тяжесть организации теракта легла на плечи его подруги, жены и помощницы. Конечно, по натуре она была лидером, но совсем не таким сильным, как Желябов. Однако останавливаться на полпути было не в ее правилах. Софья решила действовать при любых обстоятельствах. Завершив отслеживание маршрутов царя,

заговорщики установили, что каждое воскресенье он направляется на развод караулов в Манеж Инженерного замка двумя возможными путями – по Малой Садовой или по Инженерной и набережной Екатерининского канала. Было решено напасть на царя на его обратном пути. Перовская должна была занять позицию у Манежа. Если царь будет возвращаться в Зимний по Малой Садовой, то Софья взмахом платка даст знать об этом метальщикам, и они выйдут из игры. Тогда в действие вступит «сырная лавка». Если же венценосный экипаж направится в сторону Инженерной, Перовская, опять же с помощью платка, направит метальщиков к Екатерининскому каналу, где разыграется заключительный акт. Именно так и описывается процесс подготовки цареубийства во всех советских учебниках по истории. Однако современные архивные данные и историческая реконструкция позволяют утверждать, что «сырная лавка Кобозева» была лишь прикрытием основной операции на Екатерининском канале и что террористы заранее точно знали маршрут императора именно на 1 марта. Тут нелишним будет вспомнить, что отец Софьи Перовской служил в совете при Министерстве внутренних дел и наверняка был посвящен в тайну передвижения царя по столице. Хотя прямых доказательств того, что утечка информации произошла именно с его стороны, нет.

В то злополучное утро 1 марта 1889 года Александр II в сопровождении петербургского полицмейстера Дворжицкого и казацкого конвоя возвращался из Михайловского манежа в Зимний дворец. Царь отказался от проезда по Малой Садовой и свернул на набережную. Перовская быстро сориентировалась и расставила в заранее определенных точках метальщиков бомб. Она не покинула места событий, не бросила все на произвол судьбы. Софья взмахнула белым платочком (а по данным следствия – просто высморкалась), и Рысаков метнул в царскую катеру первую бомбу. Александр II остался невредим, тогда как взрывчаткой в щепки разнесло задник его кареты и смертельно ранило двух казаков и проходившего мимо мальчика-посыльного. Второй террорист, Гриневецкий, воспользовавшись непроизвольной задержкой царя на месте происшествия, взорвал бомбу между собой и императором. Тяжелораненый Александр II скончался от потери крови – как и его убийца.

Перовская добилась своего. Думала ли она о невинно погибших или раненых прохожих, об их семьях? Вряд ли. Как говорила впоследствии В. Фигнер: «Они просто брали чужую жизнь, а взамен отдавали свою». Девять дней, проведенных до своего ареста, Софья посвятила неудачным попыткам освободить из тюрьмы Желябова. На допросах Перовская признала свое

участие в покушениях под Москвой, в Одессе и в последнем – сенсационном цареубийстве. Она сказала, что сама не бросила бомбу только потому, что это удалось сделать ее товарищам.

Спокойная и серьезная, без малейшей тени рисовки, предстала она перед судом. В краткой речи Софья просила только не отделять ее как женщину от прочих ее товарищей по делу; и просьба эта была исполнена. Без лишних эмоций выслушала Перовская свой смертный приговор – она давно готовила себя к подобному исходу. То, что действительно творилось в ее душе за несколько дней до казни, может частично продемонстрировать письмо, написанное Софьей матери, которая приехала из Крыма по первому известию об ее аресте: «Дорогая моя, неоцененная мамуля! Меня все мучает мысль, что с тобой. Я о своей участи нисколько не горюю, так как давно ожидала, что рано или поздно, а так будет. Я всегда от души сожалела, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь; но во всякие минуты колебаний твой образ меня всегда поддерживал. Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрек единственно для меня тягостный».

Ни манифест исполкома «Народной воли», что террористический акт являлся казнью императора по воле народа, ни ультиматум, выдвинутый революционерами в поддержку политических заключенных, не изменили судьбу пяти приговоренных: Перовской, Кибальчича, Желябова, Михайлова и Рысакова (шестой подсудной, Гельфман, казнь отсрочили из-за беременности). 3 апреля 1881 года непосредственные участники подготовки и убийства Александра II были публично повешены на Семеновском плацу. Впервые на эшафот взошла женщина, осужденная по политическому делу. Софья Перовская добилась равноправия с мужчинами хотя бы в этом вопросе.

Показательная казнь не остановила революционный, идеологический, политический и религиозный террор в России. Как и во всем мире, он продолжает свое жестокое существование, хотя давно очевидно, что террор – тупиковый путь борьбы за преобразование общества и избавление его от социальных болезней.

ПЛЕХАНОВ ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

(род. в 1856 г. – ум. в 1918 г.)

Основатель русского марксистского движения и социал-демократической партии, лидер меньшевизма и теоретик марксизма.

Плеханова заслуженно считают «отцом» марксизма в России. Он родился в мелкопоместной дворянской семье в поместье Гудаловка Тамбовской губернии 29 ноября 1856 года. В 1873 году окончил Воронежскую военную гимназию и был зачислен в юнкерское училище в Петербурге, однако уже через год разочаровался в военной карьере и поступил в Петербургский горный институт.

В 1875 году Плеханов вступил в народнический кружок. Он вел революционную пропаганду среди рабочих, выступал на собраниях, писал прокламации, руководил стачками. В 1876 году, во время первой политической демонстрации в России, Георгий произнес антимонархическую речь. Боясь преследований, он перешел на нелегальное положение и бросил институт. Вскоре Плеханов принял участие в «хождении в народ», став одним из

руководителей революционной организации «Земля и воля». В 1878 году – он один из редакторов одноименного журнала, составитель программы группы «Земля и воля».

В 1879 году Плеханов выступил против тактики террора, призывая революционеров из «Земли и воли» к пропагандистской деятельности. После раскола группы на Воронежском съезде он стал во главе организации «Черный передел». В 1880 году, спасаясь от ареста, эмигрировал из России.

Плеханов прожил за границей 37 лет, получив известность как революционный теоретик, литературный критик и талантливый журналист-публицист. Он учился в Сорбонне и в Женевском университете, вел дружбу с лидерами социал-демократии, перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии», участвовал в создании Второго Интернационала, стал его видным деятелем.

Порвав с народничеством в 1883 году, Плеханов основал за границей (совместно с Аксельродом, Засулич, Дейчем и Игнатовым) первую русскую социал-демократическую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». Теперь он считал, что движущей силой русской революции является пролетариат, и остро критиковал народничество за мечты о крестьянской общине. «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих», – утверждал Плеханов. Плехановская критика народничества приводит к враждебному отношению марксистов к крестьянству как к реакционному классу. За 20 лет существования группы Плеханов написал и издал 147 работ. На его теоретических трудах было воспитано несколько поколений российских марксистов. В 1895 году Плеханов выпустил свою самую известную книгу – «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой развивал идеи исторического материализма. В конце 1890-х годов он принял участие в журнале легальных марксистов «Новое слово», тогда же выступал против «бернштейнианства» и «экономизма».

В конце 1894 – начале 1895 года Плеханов создает «Союз русских социал-демократов за границей», а в 1901 году – «Заграничную Лигу русской социал-демократии». В начале XX века он – один из основателей РСДРП.

В 1900 году Плеханов редактирует «Искру», выступает с проектом программы партии. Он принимает активное участие во II съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), выступает вместе с Лениным против меньшевиков. Однако после съезда он порвал с Лениным и перешел к меньшевикам.

Выступая против большевистской тактики, он развенчивал ленинские идеи о руководящей роли пролетариата в революции, о перерастании буржуазной революции в социалистическую, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Считая, что революция 1905 года была общенациональной и буржуазной, Плеханов призывал марксистов ориентироваться на буржуазные и либерально настроенные слои населения.

В 1887 году он заболел туберкулезом, и обострение болезни не дало возможности вернуться в Россию во время революции 1905–1907 годов. В начале 1905 года Плеханов призывал народ к вооруженному восстанию против самодержавия. В то же время он возражал против неподготовленного декабрьского восстания в Москве 1905 года и призывал социал-демократов войти в блок с кадетами во время выборов в Государственную думу в 1906–1907 годах.

Плеханов стал во главе меньшевиков, хотя выступал не только против ленинцев, но и против богостроительства и богоискательства, против «ликвидаторов», призывавших вывести марксистскую партию из подполья на легальную почву. В период реакции он был готов блокироваться с большевиками. Плеханов сотрудничал с общепартийной газетой «Социал-демократ», с большевистской газетой «Звезда», опубликовал серию статей против «ликвидаторов».

Во время Первой мировой войны он – руководитель группы меньшевиков и газеты «Единство» – оказался во главе социалистов-«оборонцев». Большевистский призыв солдатам брататься на фронте Плеханов назвал «бесстыдной провокацией».

После Февральской революции 1917-го, вернувшись из эмиграции в Россию, он поддержал Временное правительство, выступил против «Апрельских тезисов» Ленина, назвав эти тезисы «бредом», характеризуя как «…безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту в Русской земле». В «Открытом письме к петроградским рабочим» Плеханов предупреждал, что преждевременное взятие власти одним классом или одной партией может привести к печальным последствиям.

С весны 1917-го Плеханов становится главным оппонентом Ленина. Он высказывается за продолжение войны для защиты Родины и революции «от немцев», против развязывания гражданской войны, заявляет, что Россия страдает не от капитализма, а от недостатка развития капитализма, призывает «сплотиться вокруг Временного правительства». Главная идея Плеханова: социалистическая революция в России

преждевременна. В своем выступлении в августе 1917-го на Государственном совещании он призывает буржуазию пойти на соглашение с революционной демократией.

Некоторые политические силы прочили Плеханова в премьеры Временного правительства, к нему поступали предложения стать министром этого правительства. Но Плеханов оставался над схваткой и возглавил… лишь Комиссию для выработки новых ставок оплаты труда железнодорожников.

В дни анархии летом 1917-го Плеханову захотелось «твердой власти», однако на предложение Савинкова стать главой будущего правительства он ответил: «Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, не я буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути». Плеханов осудил мятеж генерала Корнилова и призвал к союзу демократических сил перед лицом переворота, анархии и коллапса. Незадолго до Октября он пророчески заявил, что если Ленин станет главой России, «.. это будет началом конца нашей революции. Торжество ленинской тактики принесет с собой такую гибельную, такую страшную экономическую разруху, что весьма значительное большинство населения страны повернется спиной к революционерам».

К Октябрьской революции Плеханов отнесся крайне враждебно; однако, оставаясь противником большевиков, категорически отказался представлять враждебные им силы и практически отошел от политической деятельности. В декабре 1917-го он серьезно заболел и был перевезен в санаторий в Финляндию. 30 мая 1918 года Георгий Валентинович скончался в Питкеярви (Финляндия), проклиная «отступника» Ленина и разуверившись в мудрости российского пролетариата.

В год 150-летия со дня рождения Плеханова решением декабрьского (2005 г.) Политсовета СДПР 2006 год был объявлен годом его имени. В рядах нынешней Социал-демократической партии России состоит праправнучка Плеханова – Ирина.

ЛЬВОВ ГЕОРГИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

(род. в 1861 г. – ум. в 1925 г.)

Один из лидеров кадетской партии в России и Февральской революции 1917 г., первый премьер-министр Временного правительства революционной России.

Имя первого премьер-министра революционного демократического Временного правительства России Георгия Львова сегодня известно только специалистам. Головокружительная политическая карьера 55-летнего князя Львова, происходящего из рода Рюриковичей, закончилась бесславным забвением. Уже через год после его отставки мало кто вспоминал о «всероссийском революционном князе-правителе».

Георгий Евгеньевич Львов родился 21 октября 1861 года в Дрездене, куда обедневшая княжеская семья Львовых уехала после продажи имения. В Россию Львовы смогли вернуться лишь через несколько лет, когда получили наследство – имение в Тульской губернии. В 1886 году Георгий Львов закончил юридический факультет Московского университета и был назначен членом Епифанского присутствия по крестьянским делам, позже он служил земским начальником, был членом

губернского присутствия в Туле, избирался гласным Тульской земской управы, а в 1900 году стал ее председателем. В 1890-е годы и в начале XX века князь Львов – типичный русский либеральный помещик и капиталистический предприниматель. В его мировоззрении причудливым образом сочеталось славянофильство и западничество, масонство и толстовство, и в то же время он считался в обществе «человеком с безупречной репутацией».

Политическая карьера князя-либерала началась в 1904 году, когда в разгар Русско-японской войны он отправился на Маньчжурский фронт во главе земских медико-продовольственных отрядов в качестве главноуполномоченного земских управ. Львов не только организует питание и медицинскую помощь для солдат, но и лично участвует в сражениях. В знак протеста против бюрократии и войны он публично отказался от дарованной ему царем медали «За Маньчжурию». Сохраняя независимость, Львов поддерживал тесные связи с лидерами либерального движения, вступил в «Союз освобождения» и в партию кадетов, занимался объединением земств в единую общероссийскую организацию.

После Манифеста 17 октября 1905 года премьер-министр Витте предложил Львову пост министра земледелия. С аналогичным предложением обращался к нему и новый премьер – Столыпин. Но Львов выдвинул условия своего сотрудничества – созыв Учредительного собрания, политическая амнистия, отмена смертной казни, предоставление оппозиции половины министерских портфелей. Для властей это было неприемлемо.

В Первую Государственную думу 1905 года Львов был избран от Тульской губернии как представитель блока местных кадетов и октябристов. В Думе он возглавлял Продовольственную комиссию. Выступал с осуждением революционного террора. После роспуска Первой Государственной думы Львов принял участие в революционном совете в Выборге, но отказался подписывать воззвание с призывами к гражданскому неповиновению. В 1906 году он не прошел во Вторую Государственную думу и с головой окунулся в земскую работу. В Москве Львов избирается гласным городской думы, побеждает на выборах городского головы, но его кандидатуру не утвердил министр внутренних дел. Вскоре Георгий Евгеньевич становится главноуполномоченным Всероссийского земского союза помощи больным и раненым солдатам и офицерам, лидером Всероссийского союза городов, лидером союза земств и городов – Земгора.

Совсем недавно появились сведения о том, что Львов

принадлежал к масонской ложе «Великий восток народов России». В 1907 году он вступает в ложу «Малая Медведица». Благодаря своему «масонству» Львов наладил связи с «триумвиратом»: Керенский – Терещенко – Некрасов. Именно триумвират и поддержка Гучкова обеспечили Львову пост премьера в революционном правительстве. Уже в 1916 году он рассматривался масонами как ключевая фигура в политической жизни, а императрица требовала от мужа «…выслать Львова в Сибирь».

В первые дни Февральской революции 1917 года кандидатура Львова была предложена думским комитетом на пост революционного премьера и согласована с руководителями исполкома Петроградского Совета, а 2 марта 1917-го был издан последний царский указ о назначении Львова председателем Совета министров. Георгий Евгеньевич стал премьер-министром и одновременно министром внутренних дел именем революции и волеизъявлением государя-императора.

Такой выбор в дни всеобщего хаоса объяснялся умением Львова идти на компромиссы, отсутствием амбициозности и диктаторских замашек. Но в кризисной ситуации он оказался политически бессильным, неуверенным, безынициативным. Правительству Львова не удалось предложить действенных мер по борьбе с экономическим кризисом и анархией. «Князь был уклончив и осторожен: он реагировал на события в мягких, расплывчатых формах и отделывался общими фразами», удивлял «устало-пришибленным видом», «был воплощением пассивности», – сетовали современники. Своим заместителем на время отлучек из Петрограда Львов оставлял министра юстиции Керенского, влияние которого на него было чрезвычайно велико.

Временное правительство под председательством Львова утвердило ряд важнейших актов, касающихся гражданских и политических прав населения: указы о всеобщей политической амнистии и отмене смертной казни, отмена всех сословных, национальных, религиозных ограничений; оно выпустило «Воззвание о земле», в котором признавалась необходимость срочной подготовки земельной реформы. Львов выступил с предложением включить в состав правительства меньшевиков и эсеров.

Уже в мае 1917-го Георгий Евгеньевич был готов подать в отставку, выйти из Временного правительства. В начале июля 1917-го большевики спровоцировали массовые вооруженные выступления в Петрограде. Львов впал «…в состояние ужасной депрессии. Он лишь ожидал моего приезда, чтобы выйти из правительства», – вспоминал Керенский. 7 июля 1917-го Львов

подал в отставку, ссылаясь на несогласие с декларацией министров-социалистов, которые предлагали до созыва Учредительного собрания объявить Россию республикой, распустить Думу и Государственный совет, принять эсеровские земельные законопроекты, провести предложения социалистов по рабочему вопросу и госрегулированию промышленности. Львов бросил «служение России» в критический момент, когда партия Ленина уже «показала свои зубы», проведя 3–4 июля вооруженные манифестации в столице под лозунгом «Долой Временное правительство!»

Львов был убежден, что для того чтобы спасти положение, надо разогнать Советы и применить силу. Но сам князь не хотел, да и не умел этого. Он считал, что Керенский сможет «умиротворить Россию». Но Керенский, как и Львов, полагал, что революция должна быть «бескровной». Выйдя в отставку, Георгий Евгеньевич отправился на богомолье в Оптину пустынь, а после Октябрьского переворота отпустил бороду и под чужим именем уехал в Сибирь и поселился в Тюмени.

28 февраля 1918 года Львов был арестован чекистами и доставлен в Екатеринбург. Его заключили в тюрьму поблизости от того места, где под домашним арестом содержался Николай II и его семья. Однако, в отличие от царя, Львову удалось бежать в расположение белогвардейских войск. В октябре 1918 года как представитель белого Сибирского правительства и адмирала Колчака Львов отправился в США, рассчитывая добиться помощи оружием и деньгами для «белого дела». Однако переговоры не увенчались успехом. В конце 1918 года, уже в Париже, Львов создал «Русское политическое совещание», объединившее бывших послов бывшего Временного правительства.

В эмиграции Георгий Евгеньевич возглавлял «Российский земско-городской комитет» и вел очень скромный образ жизни. Летом он бродил по французским деревням, нанимался работать на фермы, шил из кожи бумажники и портфели. А незадолго до смерти взял в аренду небольшой участок земли с яблоневым садом и превратился в обычного французского крестьянина.

ГУЧКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

(род. в 1862 г. – ум. в 1936 г.)

Лидер партии октябристов в России, один из организаторов Февральской революции 1917 г., министр Временного правительства.

Родился Александр Иванович Гучков в московской старообрядческой (беспоповского направления) купеческой семье. Его прадед был крепостным крестьянином, который потом выкупился на волю, построил ткацкую фабрику и стал почетным гражданином, купцом и фабрикантом. Отец будущего революционера, Иван Ефимович, был гласным Московской думы, купцом первой гильдии, почетным гражданином, одним из самых богатых банкиров в империи. Иван Ефимович был женат на француженке Каролине Вакье, от которой Александр Гучков унаследовал свой «южный темперамент». О себе он писал как об «искателе приключений», а современники называли его то «взбалмошным фанфароном», то «пиратом», то «человеком дела».

Александр Гучков окончил Вторую московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета, слушал лекции в Берлинском, Венском, Гейдельбергском университетах. В 1885 году он поступил на службу в лейб-

гвардию и дослужился до чина прапорщика.

С 1886 года Гучков неоднократно избирался в Москве почетным мировым судьей. В 1893 году стал членом московской Городской управы, а в 1896–1897 годах исполнял обязанности заместителя городского головы Москвы. Вскоре Александр Иванович становится гласным городской думы. Казалось, ему уготована блестящая карьера государственного чиновника или московского головы. Но в 34 года он круто изменил свою судьбу – бросив московский «бомонд», вернулся на военную службу. В 1897–1899 годах Гучков служит в охранной страже КВЖД в Маньчжурии офицером казачьей сотни. Из армии он был изгнан за вызов на дуэль одного из инженеров КВЖД. Вообще Александр Иванович, обладая взрывным и эксцентричным характером, в молодости считался не только «светским львом», но и дуэлянтом, на его счету было шесть состоявшихся дуэлей и несколько несостоявшихся из-за отказа противников стреляться. Позже у Гучкова случались частые конфликты даже с депутатами Думы – он вызвал на дуэль лидера кадетов Милюкова, стрелялся с графом Уваровым.

После ухода из армии, в 1899 году, Александр Гучков вместе с братом Федором отправился волонтером на англо-бурскую войну в далекую Южную Африку. Он воевал против англичан на стороне буров, был ранен в ногу (после чего всю жизнь прихрамывал), некоторое время томился в плену у англичан.

В 1900 году Гучков уехал в Китай, где стал свидетелем «боксерского восстания» китайцев против англичан и французов. А в 1903 году Александр Иванович успел повоевать и в Македонии «за свободу южных славян от турецкого ига». Витте так характеризовал Гучкова: «Любитель сильных ощущений и человек храбрый». Женившись на дочери предводителя Старобельского дворянства Марии Зилотти, Гучков, казалось, остепенился. Вскоре в семье появилось двое детей.

В начале 1904 года разразилась Русско-японская война, и Гучков устремился на фронт как помощник главноуправляющего обществом Красного Креста. Во время Мукденского сражения он находится среди солдат, а после бегства русских из Мукдена остается с ранеными в брошенном Мукдене, добровольно сдавшись в плен японским войскам.

Из плена в революционную Москву Гучков вернулся в мае 1905 года. Городская дума тогда была чуть ли не центром революции, а сам Александр Иванович стал признанным лидером российских либералов-конституционалистов. Он с восторгом встретил царский манифест 17 октября 1905 года, в котором увидел главное завоевание революции – «добровольное отречение

монарха от прав неограниченности монархии». В октябре 1905 года Гучков становится одной из самых крупных политических фигур России – главой партии октябристов «Союз 17 октября». В мае 1907 года он был избран в Государственный совет, но в октябре 1905-го отказался от этой чести, однако в сентябре 1915 года был снова переизбран. Александра Гучкова избрали в Государственную думу 3-го созыва, а с марта 1910 года по март 1911 года он был председателем Третьей думы.

В 1912 году Гучков получил звание действительного статского советника. Он подал в отставку с поста председателя Государственной думы в знак протеста против принятия Думой столыпинского закона о земстве в западных губерниях. В то же время с премьером Столыпиным у Гучкова были личные приятельские отношения. Еще в 1907 году Столыпин предлагал ему пост министра торговли и промышленности в своем кабинете.

В Третьей думе Александр Гучков возглавил комиссию по государственной обороне и фракцию партии октябристов, которая боролась за конституционную монархию при сохранении «единой и неделимой Российской империи». Уже с 1908 года Гучков остро критикует монархию, царя и «придворную камарилью», а несколько позже становится одним из главных обличителей царского фаворита Григория Распутина, вызвав ненависть венценосных супругов. Жена императора Александра Федоровна писала Николаю II: «Ах, если бы только можно было повесить Гучкова!», «Гучков работает против нашей династии». В то же время Гучков занимался предпринимательством, был директором крупного банка, ив 1917 году принадлежавшее ему имущество и банковские бумаги оценивались в миллион золотых рублей.

С началом Первой мировой войны, в роковом августе 1914-го, Гучков становится уполномоченным Красного Креста на фронте, организовывает госпитали и медицинскую службу, а в июле 1915 года он возглавил Центральный Военно-промышленный комитет. Осенью 1916 года Гучков вместе с влиятельными масонами Терещенко и Некрасовым готовил дворцовый переворот, в результате которого в России должна была быть установлена конституционная монархия и создано «ответственное перед народом правительство» при регентстве Михаила Романова.

Гучков был одним из основных организаторов Февральской революции 1917 года, в дни восстания в Петрограде он сотрудничал с Временным комитетом Государственной думы. Именно Александр Гучков принял вечером 2 марта 1917-го от Николая Второго манифест об отречении от российского престола. Со 2 марта по 30 апреля 1917-го Гучков – военный и

военно-морской министр революционного Временного правительства России. В своих приказах он заменил понятие «нижний чин» на «солдат», отменил титулование в вооруженных силах; потребовал при обращении к солдатам и матросам говорить «вы», военнослужащим разрешил участвовать в организациях, «образованных с политической целью», но осудил приказ № 1 Петроградского Совета, потому что он сеял анархию в армейских частях.

Гучков выступал за отмену национальных, религиозных, сословных и политических ограничений при производстве в офицеры, разрешил рабочим военных заводов избирать заводские комитеты. Во время его короткого срока работы министром в ротах, полках и армиях вводились выборные, солдатские по составу, комитеты. Гучков сменил часть высшего командного состава армии, избавив ее от реакционных генералов и офицеров.

В то же время он был сторонником продолжения войны с Германией «до победного конца», за борьбу против влияния Советов в армии. Гучков первым пытался создать «надежные воинские подразделения» для обуздания анархии и установления порядка и выдвигал генерала Корнилова в главкомы – диктаторы. Гучков думал и о военном заговоре с целью установления в России «революционной диктатуры». Иногда Александр Иванович проговаривался: «…мы должны снова загнать толпу на место».

Уже 20 апреля 1917-го Гучков заявил, что «отечество в опасности» не по причине немецкой угрозы, а по причине «пацифистских идей» российских социалистов. Причиной экономического хаоса и бессилия власти Гучков считал пагубное влияние «русской революционной демократии». В конце апреля 1917 года он объявил об уходе в отставку с поста министра по причине всеобщего бездействия и обвинений в свой адрес со стороны «левых» сил. В мае 1917-го Гучков возглавил «Общество экономического возрождения России», которое помогало «умеренным» кандидатам на выборах в Учредительное собрание и поддерживало Корнилова в подготовке военного переворота.

Летом 1917-го Александр Гучков стал одним из основателей Либеральной республиканской партии. После поражения корниловского мятежа 31 августа 1917 года как главный идеолог мятежа он был арестован, но 1 сентября 1917-го приказом премьера Керенского освобожден. Гучков враждебно отнесся к Октябрьскому перевороту, ушел в подполье и скрывался под чужим именем. До лета 1918-го Гучков жил в Советской России, позже пробрался в расположение белогвардейских войск. Александра Ивановича смело можно назвать организатором «белого дела» – он одним из первых дал значительную сумму

денег на формирование Добровольческой армии. Но заметной роли в белом движении сыграть он уже не мог по причине своей прежней революционной принадлежности. Весной 1919 года по просьбе Деникина Гучков выехал в Европу для переговоров с лидерами стран Антанты о поддержке белого движения.

После провала «белого дела» Александр Иванович с семьей оседает в Париже. В эмиграции Гучков организует работу зарубежного русского Красного Креста, пытается наладить помощь голодающим в СССР, посещает масонские ложи. Русские эмигранты-монархисты обвиняют его в «организации революции и в гибели империи» и устраивают травлю. Однажды они даже избили старика Гучкова.

В начале февраля 1936 года Александр Иванович умирает от рака кишечника, и его прах обретает покой на парижском кладбище Пер-Лашез, где похоронены парижские коммунары и анархист Махно.

ГРУШЕВСКИЙ МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

(род. в 1866 г. – ум. в 1934 г.)

Лидер украинского национального движения и национальной революции 1917 года, глава Центральной Рады и Украинской Народной Республики, известный историк.

Михаил Сергеевич Грушевский родился в сентябре 1866 года в городке Хелм Люблинской губернии Российской империи (нынешняя Польша) в украинской семье преподавателя русской гимназии.

Окончив гимназию в Тифлисе (ныне Тбилиси), Михаил Грушевский поступил в Киевский университет, где с 1886 по 1890 год осваивал историческую науку под руководством Владимира Антоновича. В 1891 году выходят в свет первые научные монографии молодого историка Грушевского, посвященные истории Украины XIV–XVI столетий. Под влиянием Антоновича Грушевский вошел в националистический кружок «Киевской громады». Протекция учителя дала Михаилу возможность получить стипендию в Киевском университете для работы над докторской диссертацией: чтобы получить место профессора Львовского университета – заведующего кафедрой истории

Восточной Европы.

С 1894 по 1913 год Грушевский живет во Львове. Здесь он сформировался как либеральный украинский политик. Михаил Сергеевич заведует кафедрой, величает себя профессором, одновременно он – один из самых значительных украинских политиков в Галиции, которая тогда входила в состав Австро-Венгерской империи. Грушевский стал одним из основателей Украинской национально-демократической партии в Галиции. Во Львове Грушевского избирают главой местного Научного общества имени Тараса Шевченко и главным редактором «Записок» этого общества, главой «Украинско-русского издательского союза». В 1898 году вместе с известным украинским писателем Иваном Франко он учредил во Львове журнал «Литературно-научный вестник», на десятилетие ставший самым влиятельным украинским журналом. В 1903 году Грушевский путешествует по Западной Европе, читает лекции в социалистической «Вольной русской школе» в Париже, посещает Лондон и Берлин. Возможно, в Париже он становится членом масонской ложи «Великий восток».

В 1904 году, вернувшись во Львов, Грушевский возглавил «Общество приверженцев украинской литературы, науки и искусства». Он критиковал российскую монархию и горячо ратовал за легализацию украинского языка и украинской печати в украинских губерниях Российской империи.

Михаил Грушевский как профессиональный историк в обществе был известен прежде всего как «отец украинской истории», написавший 10-томную «Истории Украины-Руси». Этот фундаментальный труд впервые обобщил множество разрозненных фактов из истории Украины с древних времен до конца XVII века. Однако, по мнению специалистов, Грушевский, делая глобальные выводы, допустил ряд серьезных ошибок, и многие из его теорий позже были опровергнуты историками. Пытаясь обосновать право украинцев на государственность, Грушевский политизировал историю Украины, увлекся мифами, от которых и сейчас не в силах отойти многие украинские историки.

С осени 1905 до лета 1907 года Грушевский живет то в Центральной Украине, то в Петербурге, выступает за предоставление украинским губерниям автономии – самоуправления в составе России. В это время он подготовил «Декларацию украинской автономии» для внесения ее на рассмотрение Государственной думы. В 1906 году Грушевский участвует в заседании украинской фракции Первой Государственной думы, в деятельности политического Союза

автономистов-федералистов. В 1907 году на непродолжительное время Михаил Сергеевич перенес из Львова в Киев издание «Литературно-научного вестника». Он руководит работой действующего в Киеве «Украинского научного общества», участвует в создании либеральной партии кадетского направления «Товарищество украинских постепенцев (прогрессистов)».

После провала революции в Российской империи Грушевский снова поселяется во Львове, преподает историю в университете. Однако с 1913 года из-за финансовых проблем возникает затяжной конфликт с лидерами галицких национал-демократов, которые обвиняют Грушевского в денежных махинациях. После того как в ходе Первой мировой войны русская армия, прорвав австрийский фронт, вошла во Львов, Грушевский был арестован российскими властями за «австрофильство» и «шпионскую деятельность». После полугодичного пребывания в киевской тюрьме он был выслан сначала в Симбирск, а осенью 1915-го – в Казань. Только в 1916 году благодаря хлопотам покровителей Грушевскому было разрешено жить в Москве под гласным надзором полиции.

В начале марта 1917-го, сразу после победы Февральской революции, его заочно избрали в число лидеров Украинской Центральной Рады (весной 1917-го – Межпартийного политического клуба, который летом 1917-го превратился в Парламент украинской автономии). 14 марта 1917 года Грушевский прибывает из Москвы в Киев. Его тут же избирают главой Центральной Рады как старейшего политика, харизматического «отца нации», который в своих многочисленных трудах воспевал ее былую славу и предрекал приход будущей украинской государственности.

В начале 1917-го многие рассматривали Грушевского как наиболее интеллигентного украинского политика-социалиста. Определенную роль в его избрании, очевидно, сыграла принадлежность Михаила Сергеевича к политическому масонству. Весной 1917 года Грушевский – культовая фигура в Украине, председатель собраний и съездов. Тогда же его избирают в Киевский земский комитет.

В апреле 1917 года Грушевский на 100-тысячной манифестации в Киеве призвал к борьбе за создание автономной Украины в составе Российской Федеративной Республики, не ожидая созыва Всероссийского Учредительного собрания. Грушевский руководил работой Украинского национального конгресса, Всеукраинского селянского съезда и Первого украинского военного съезда. Он был одним из инициаторов

создания и провозглашения всех четырех «Универсалов» (манифестов) Центральной Рады.

Весной-осенью 1917-го Грушевский-политик постепенно «левеет», скатываясь к социальному радикализму. Из либерального демократа-«постепенца» он превратился в украинского эсера. Став фактическим лидером эсеровской фракции Центральной Рады, Грушевский окружил себя молодыми радикалами, которые призывали к немедленной ликвидации права частной собственности и к незамедлительному провозглашению полной независимости Украины.

До конца апреля 1918-го Грушевский – глава Центральной Рады, глава Исполнительного совета Малой Рады. В сентябре 1917-го на Съезде представителей народов России он был избран председателем президиума Совета народов России. В те дни Грушевский мечтает стать президентом Совета народов Восточной Европы, который должен быть провозглашен в результате работы Конгресса народов. Будущее Российской империи он видел как конфедерацию независимых национальных республик со столицей в древнем Киеве.

За несколько дней до Октябрьской революции Грушевский заявил о возможности образования независимой Украинской Народной Республики (УНР). 7 ноября 1917 года, когда стало ясно, что Временное правительство России пало, Центральная Рада в Украине провозгласила создание Украинской Народной Республики, отмену частной собственности на землю, отмену смертной казни, широкие демократические свободы. С того дня Грушевский – независимый глава Украины, которая превратилась в парламентскую республику.

Однако власть Михаила Грушевского до февраля 1918-го была ограничена деятельностью сильного премьер-министра Украины (генерального секретаря) Владимира Винниченко. Провозглашая федерацию Украины с несуществующей «свободной федеративной Россией», Грушевский пошел на конфликт с ленинским правительством. Центральная Рада не признала большевистской власти в России, а ленинский Совет Народных Комиссаров (СНК) – «буржуазных националистов» в Украине.

С середины декабря 1917 года воинские части, верные большевикам, красногвардейцы из центральных районов России и местные красногвардейские отряды начинают войну против Центральной Рады. Они захватили Харьков, в котором было провозглашено новое правительство советской УНР – народный секретариат, состоящий из большевиков. Из Харькова красные полки двинулись на города Левобережной Украины.

Как глава УНР Грушевский проявил свою слабость и

нерешительность, даже начал склоняться к союзу Украины со странами германского блока. В то же время он интриговал против Винниченко и военного министра Петлюры, которые в самый ответственный момент подали в отставку. Опору Грушевский нашел в молодых политиках партии украинских эсеров. Он фактически возглавил партию эсеров и протащил в премьеры УНР бездарного и никому не известного деятеля – эсера Голубовича. Грушевский пошел на демобилизацию украинской армии, чем развалил оборону республики. Во время восстания киевских рабочих и осады Киева красными войсками, Грушевский занимался не организацией обороны столицы, а подготовкой к бегству.

В конце января 1918-го Центральная Рада потеряла контроль над Киевом и почти над всей территорией Украины, кроме отдельных уездов Волыни. Но против большевиков тогда выступили австро-немецкие войска, призванные Грушевским в Украину для борьбы с «Советами», по Брестскому договору между УНР и странами германского блока. Приход в Украину германских войск привел к массе проблем и конфликтов, связанных со стремлением австро-германского командования контролировать международную, военную, продовольственную и земельную политику УНР, учредить военно-полевые суды и возродить помещичьи хозяйства. В апреле 1918-го фактическими хозяевами Украины стали австрийские и немецкие военные коменданты.

Грушевский и Центральная Рада вернулись в Киев в начале марта 1918 года буквально на «немецких штыках». Центральная Рада в марте-апреле 1918-го не смогла создать ни действующей системы управления страной, ни сильной украинской армии, оставаясь совершенно беззащитной перед диктатом австро-германской военщины.

Уже 30 апреля 1918-го с помощью тех же немецких штыков был совершен государственный переворот, в результате которого Грушевский и Центральная Рада лишились власти, а в Украине утвердилась полувоенная диктатура гетмана П. Скоропадского. За день до переворота Центральная Рада приняла проект Конституции Украины. Некоторые историки считают, что 29 апреля 1918 года Грушевский был провозглашен президентом Украины и даже один день исполнял свои обязанности, но ни один документ того времени не подтверждает этого факта. Провозглашение Грушевского первым президентом государства Украина – всего лишь устойчивый миф.

После утверждения гетманской власти в Украине Грушевский отошел от большой политики и переключился на научную работу.

Опасаясь ареста, он не участвовал в «политических авантюрах» и партийной деятельности революционных украинских эсеров. Политический авторитет «отца нации» весной-летом 1918 года развеялся как дым. Грушевского обвинили во всех бедах: в присутствии оккупационных войск, в потере независимости Украины, в развале революционного блока, в интригах…

В ноябре 1918-го в Украине началось всеобщее крестьянское восстание против гетманской власти и оккупантов. Это восстание выдвинуло в лидеры нации двух украинских социал-демократов, бывших соратников Грушевского – Винниченко и Петлюру. С победой украинской революции в декабре 1918-го Грушевский снова предъявил свои претензии на власть в Украине. Однако лидеры Директории УНР Винниченко и Петлюра воспротивились этому, и Грушевский не получил «поста» в правительстве «второй республики». Тогда же Грушевский возглавил группу центристов в партии украинских эсеров. Находясь в оппозиции к Директории УНР, он пытался совершить переворот и захватить власть. В захолустном городке Каменец-Подольский Грушевский пытался создать альтернативную Директории власть, готовую на компромисс с большевиками. Однако после неудачи переворота Грушевский бежит на Запад.

С марта 1919 по март 1924 года Грушевский живет в эмиграции в Праге и Вене. С лета 1920-го он пытается возвратиться на Родину, ищет компромисс с советской властью, кается, переходит на «левые позиции». В 1922 году Грушевский отказывается от политической деятельности и становится пропагандистом советской системы в Европе. С 1924 года Грушевский живет в Советской Украине и в Москве. Большевики простили лидера «буржуазных националистов», в то время как рядовых украинских эсеров расстреливали или сажали в лагеря.

Грушевский демонстрирует свою полную лояльность и поддержку советской власти, получает звание академика, роскошную квартиру, соответствующий пост в Академии наук УССР, редактирует журнал «Украина». Солидное положение и высокая зарплата (в 30 раз выше, чем зарплата рабочего) позволили Грушевскому заняться написанием исторических трудов, которые активно публиковались в Советской Украине.

Только в 1931 году он был арестован как «буржуазный националист» по делу «Союза освобождения Украины», но вскоре освобожден и снова работал в Москве в архивах, собирая материал для книги по украинской истории. Умер Грушевский в Кисловодске в ноябре 1934 года.

СУНЬ ЯТСЕН

(род. в 1866 г. – ум. в 1925 г.)

Лидер китайской революции 1911 г., создатель Китайской республики.

Сунь Ятсен (в китайском литературном произношении – Сунь И-сянь; другие имена: Сунь Чжуншань, Сунь Вэнь), сын бедных родителей, родился 12 ноября 1866 года в Сяншань (ныне Чжуншань), провинция Гуандун (Квантунская). После окончания народной школы прожил несколько лет на Гавайских островах, где его брат занимался торговлей. Вскоре он отправляется в Сянган (Гонконг), где изучал медицину в английской медицинской высшей школе.

Молодой человек решил посвятить свою жизнь свержению маньчжурской династии, правившей Китаем с XVII века. Революционную деятельность Сунь начал в 1882 году, пытаясь организовать партию заговорщиков, но среди его знакомых нашлось только трое единомышленников. Во время Японо-китайской войны Сунь Ятсен создал «Общество возрождения Китая», которое занималось агитацией в среде южно-китайской буржуазии, пропагандой революционных идей в китайской армии, закупало оружие для переворота. В 1894 году Сунь создал

антиманьчжурскую революционную организацию «Союз возрождения Китая» – «Синчжунхой», возглавившую 25 октября 1895 года в городе Гуанджоу вооруженное восстание, окончившееся неудачей. Заговор был раскрыт, и в сентябре 1895 года был казнен товарищ Сунь Ятсена – Люк-Дун.

После провала заговора Сунь Ятсен бежит за границу, и начинаются долгие годы учебы, странствий по свету, нищеты. Он живет то в Японии, то в азиатских английских колониях, в Америке и в Англии, в странах Западной Европы. Английская и американская демократия стали для Сунь Ятсена идеалом государственного устройства. В то же время Сунь симпатизирует социализму, но считает, что в Китае социалистическая революция преждевременна.

Сунь Ятсен создает из китайских студентов, обучавшихся за рубежом, группу для подпольной работы в Китае. Они пытаются проникнуть в Китае в офицерскую среду, формируют тайные группы. Некоторые представители молодого китайского офицерства, получившие европейское образование, примкнули к организации Сунь Ятсена. Заговорщики стремятся найти поддержку в правительственных кругах Японии и США.

В 1904 году Сунь печатает свой программный труд «Разрешение китайской проблемы», где, сожалея об отсталости Китая, обвиняет в этом завоевавших страну маньчжуров. Он видит в них «диких кочевников», которые вырезали миллионы непокорных китайцев, держали народ в невежестве, разрушили библиотеки и школы. Сунь выдвинул новый лозунг революции – «Мандат Неба не может быть вечен!», направленный против «Сына неба» – императора династии Цин. Зная, что почитание императора – главное для китайской нации, Сунь стремится развеять божественный ореол маньчжурской династии.

В 1905 году в Токио под руководством Суня была создана всекитайская революционная организация «Объединенный союз» – «Тунмэнхой». Ее программой стали выработанные Сунем «три народных принципа»: национализм (необходимость свержения маньчжуро-цинской династии и восстановление суверенитета китайской нации), народовластие (учреждение республики) и народное благосостояние (уравнение в правах на владение землей).

Правящая императорская маньчжурская династия Китая пыталась реформами предотвратить революционную бурю, но ограниченные реформы уже не удовлетворили китайцев, ведь у власти в государстве оставались маньчжуры. В 1905–1910 годах под руководством «Тунмэнхоя» в различных провинциях Китая вспыхнули локальные антиманьчжурские вооруженные восстания.

Но они были жестоко подавлены властями.

Победу китайским революционерам принесло Учанское восстание 1911 года. Его возглавила народно-революционная партия Сунь Ятсена – «Союзная лига». Уже 10 октября 1911 года восставшие провозгласили создание Китайской республики и объявили о начале Китайской Синьхайской революции («синьхайской» – от названия года по китайскому лунному календарю). Часть китайского офицерства находилась под влиянием революционных обществ, в военных частях имелись тайные революционные ячейки. Так, в тайной организации состояла вся Хунанская дивизия. Войска, распропагандированные сторонниками Суня из «Союзной лиги», захватили города Учан, Ухань и Ханьян, где не встретили сопротивления гарнизонов. Наместник провинции Хубей бежал в Ханькоу, откуда на крейсере отплыл в Шанхай. Восставшие захватили провинции юга Китая, где находились промышленные центры и была сильная торгово-промышленная буржуазия.

13 октября 1911 года было провозглашено так называемое «Уханьское правительство» с полковником Ли Юаньхуном во главе. К восставшим присоединяется часть армии, и революционные войска победоносно занимают один город за другим. Революция победила и в провинции Юаньнань на западе. На протяжении месяца восстали 13 китайских провинций к югу от реки Янцзы, где были созданы местные правительства, часть крупных чиновников и генералитета перешла на сторону восставших. 2 декабря 1911 года был взят Нанкин, а 25 декабря Сунь Ятсен возвратился из США в Южный Китай. По возвращении из эмиграции Сунь был избран первым Временным президентом Китайской республики (29 декабря 1911 г. в Нанкине). С 1 января 1912 года Сунь приступил к исполнению обязанностей президента.

Во время своей инаугурации Сунь дал клятву: «…свергнуть маньчжурское самодержавное правительство, укрепить Китайскую республику, заботиться о счастье и благоденствии народа, руководствуясь общественным мнением и волей народа». Сунь Ятсен издает манифест, в котором обещает содействовать развитию торговли и промышленности, пересмотреть законодательство, обеспечить свободу совести и вероисповедания.

Под его руководством был разработан проект временной демократической конституция Китайской республики, упразднено старое китайское летоисчисление, которое начиналось от воцарения маньчжурских императоров, и введено новое – от Республики.

Ленин, относившийся с симпатией к революции в Китае, дал высокую оценку деятельности Суня, назвав его «… революционным демократом, полным благородства и героизма…».

Однако к революции примкнуло огромное количество «попутчиков». Так, военным губернатором провинции Хубей и главой ее Временного правительства был избран командир бригады генерал Ли Юаньхун, никогда не симпатизировавший революционерам.

На севере Китая в Пекине искушенный царедворец и военачальник Юан-Ши-Кай неожиданно заявил о своих симпатиях к революции. Императорское окружение и часть генералитета призвали революционеров передать власть генералу Юан-Ши-Каю, сосредоточившему в своих руках значительную военную силу. Малолетний император Китая Пу И и его отец-регент Чунь, вся придворная знать еще 27 октября 1911 года предложили Юан-Ши-Кая на пост главнокомандующего армии Китая, и 1 ноября 1911 года он стал премьер-министром Китая.

12 февраля 1912 года представитель маньчжурской императорской династии отрекается от престола, заявив, что «воля народа – воля неба». Это отречение привело к тому, что в середине февраля 1912 года Юан-Ши-Кай становится Временным президентом Китайской республики. К этому времени пост временного китайского президента в Нанкине уже занимает Сунь Ятсен.

Сунь вынужден заявить, что он лично не стремится к президентской власти, а его цель – свержение власти маньчжуров. Вскоре под давлением своего окружения Сунь Ятсен подписывает соглашение с Юан-Ши-Каем и уступает ему место президента республики, складывая с себя президентские полномочия. Такой шаг был продиктован стремлением сохранить единство Китая, избежать гражданской войны и возможной интервенции. Процедура отречения от власти была совершена в Нанкине у могилы основателя китайской императорской династии Мин. Сунь поклонился праху императора и прочитал послание его вечно живому духу. В Нанкине в 1912 году собирается парламент, который утверждает Юан-Ши-Кая президентом.

В марте 1912-го Сунь отходит от политики; он довольствуется положением заместителя президента. Однако соглашение между Сунь Ятсеном и генералом Юан-Ши-Каем оказалось недолговечным. Сначала Сунь ищет компромисса с Юан-Ши-Каем, но вскоре ему пришлось уступить место новому лидеру. Сунь отходит от власти и уезжает в эмиграцию.

Провинциальная бюрократия и военный генералитет Китая

остались прежними. В парламенте Китая обострилась борьба между революционным югом, который возглавил Сунь Ятсен, и милитаристским помещичьим севером, которым управлял Юан-Ши-Кай. Борьба в 1914 году перерастает в вооруженное столкновение и заканчивается победой Юан-Ши-Кая, который вскоре разгоняет парламент и становится единоличным властителем Китая – императором. В период военной диктатуры Юан-Ши-Кая Сунь создал в эмиграции в Японии новую революционную организацию – партию «Чжунхуа гоминьдан» (Китайская революционная партия), которую в народе называли просто Гоминьдан.

В 1915 году против Юан-Ши-Кая вспыхивают народные восстания, и Китай распадается на зоны влияния. В 1916 году Юан-Ши-Кай умер, после его смерти центральное китайское правительство теряет свое влияние, усиливается власть военных губернаторов отдельных провинций. Китайская военщина разделила Китай на множество сатрапий – разъединенных провинций, каждая из которых жила своей жизнью под управлением генералов-диктаторов. С началом Первой мировой войны японские войска изгоняют немецких колонизаторов, засевших в китайской провинции Шандун, Китай объявляет войну Германии. Однако долгожданный мир в ноябре 1918 года не оправдывает надежд: по мирному договору Шандунская провинция с 40-миллионным китайским населением отходит к Японии.

До лета 1918 года революционеры-«гоминьдановцы» непрерывно терпели поражение в схватках с силами Юан-Ши-Кая. Но к 1920 году сторонникам Сунь Ятсена удается захватить власть на юге Китая, в Кантоне. Партия Гоминьдан объединяет часть буржуазии и трудящихся в борьбе против правителей Северного Китая. Сунь приступает к организации революционной армии, выдвигает программу крестьянских преобразований, программу рабочей политики. В Китае начинается гражданская война.

В 1918 году Сунь направил Ленину и советскому правительству телеграмму, в которой писал о своем восхищении борьбой революционных масс России и выражал надежду, что в будущем революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы. Революционная Россия рассматривалась Сунем как «великая надежда человечества». Контрреволюционное восстание «Бумажных тигров» в Кантоне заставило Суня опереться на левое крыло Гоминьдана, в то же время буржуазия юга Китая не желала серьезных социальных реформ.

Сунь надеялся получить военную помощь от Советской

России, но ленинское правительство смогло оказать ее лишь весной 1920 года. По просьбе Суня Советское правительство направило в Гуанчжоу, где обосновалось в 1923 году руководимое Сунем революционное правительство Китая, группу военных советников и специалистов во главе с Павловым, Бородиным, Блюхером. Они помогли реорганизовать армию и укрепить партию Гоминьдан, объединившую все антифеодальные и антиимпериалистические силы. Сунь переписывается с советскими дипломатами, прислушивается к рекомендациям из СССР, получает деньги и оружие от «северного соседа».

На чем же основывалась дружба большевиков и гоминьдановцев в 1920-х годах? Сунь считал, что вполне возможно избежать развития капитализма в Китае, но продолжал бороться за установление в стране демократического республиканского строя. Он надеялся освободить Китай от военной тирании и объединить его. Идеология гоминьдановцев изложена в книге «Три народных принципа» – сборнике 16 речей доктора Суня. «Реальная свобода для Китая – это борьба за освобождение нации! – считал он. – Нам не нужна индивидуальная свобода, вместо этого нам необходимо освобождение нашей нации. Индивидууму не следует иметь слишком много свободы, но всем надо иметь свободу нации. Надо жертвовать личной свободой для свободы нации». Эти заявления созвучны идеологии большевиков, которые так же игнорировали права отдельного человека во имя «великой идеи». «Китай никак не может копировать иностранцев Запада в построении так называемого демократического государства… Раньше китайцы гнались за парламентом, за представительными учреждениями, и после плохого подражания вышло, что мы скопировали все плохие качества Запада, скопировали, увеличив при этом в десять, сто раз. Члены нашего созванного «парламента» оказались просто грязными свиньями, развращенными настолько, что мир ничего подобного до сих пор еще не видел… Китай – старейшая в мире цивилизация, и потому она не нуждается в том, чтобы копировать кого-либо. Только в последнее время культура Запада нас обогнала, и страстное желание новой цивилизации двинуло вперед нашу революцию. Теперь наша революция совершается, и наше естественное желание видеть Китай превосходящим Европу и строящим у себя свое новейшее, наиболее современное в мире государство…» Эта антизападная и изолиционистская риторика Суня также была близка позиции большевиков.

В 1920-е годы Сунь наполнил новым содержанием «три народных принципа». Эти принципы стали программой создания в Китае единого антифеодального и антиимпериалистического

фронта. Принцип национализма подразумевал сплочение всех сил в борьбе с империалистическим господством в Китае, уничтожение китайских милитаристских князьков, объединение страны, достижение национальной независимости; под народовластием – введение конституционного республиканского правления; принцип «народное благосостояние» означал реализацию крестьянских требований «каждому пахарю – свое поле», улучшение жизни рабочих. Сунь провозгласил и три основные политические установки – нерушимый союз с СССР, союз с компартией Китая, опора на народные массы.

Сунь надеялся, что Китай может избежать тех бедствий, которые несет с собой развитие капитализма, и пришел к выводу о необходимости борьбы за ликвидацию экономического угнетения. В то же время в его учении важное место занимают идеи китайского великодержавного шовинизма, расовой солидарности стран Азии. Он считал Китай центром Азии – лидером в борьбе за азиатские традиции.

В 1924 году Сунь заключил союз с генералом Чжан-Цзо-Лином для похода в Центральный Китай и на Пекин. В 1924–1925 годы войска Гоминьдана захватили большую часть Китая и двинулись на Пекин. Но в момент триумфа в захваченном Пекине 12 марта 1925 года Сунь внезапно умирает, так и не завершив дела своей жизни.

ПИЛСУДСКИЙ ЮЗЕФ

Полное имя – Гинетович-Кошчеха-Пилсудский Юзеф
(род. в 1867 г. – ум. в 1935 г.)

Один из создателей социал-демократического движения в Польше и независимого польского государства, диктатор.

Самой почитаемой фигурой в современной Польше является Юзеф Пилсудский. Он родился в 1867 году в Литве в селе Зулово (тогда в Российской империи) в семье помещика-аристократа, потомка древнего шляхетского рода. Его отец, Юзеф Винцент Пиотр Пилсудский, происходил из древнего рода Гинетовичей, известного с 1413 года, род матери – Марии Биллевич – известен в Литве с XVI века. Пилсудский получил прозвище «последний польский шляхтич», хотя и не был этническим поляком – скорее, он относился к ополяченной шляхте литовского или белорусского происхождения. Юзеф учился в русской гимназии, хотя с юности ненавидел царя и русский язык. «Я ненавидел врага и стыдился своего бессилия, – писал он. – Мне так хотелось вредить России». В то же время будущий диктатор приобрел известность как автор романтических стихов. За участие в студенческих волнениях Пилсудский был исключен с первого курса медицинского

факультета Харьковского университета, а в 1887 году был приговорен к 5 годам ссылки в Сибирь за участие в подготовке покушения на царя Александра III. Пилсудский выступал за террор против царских «сатрапов» и полицейских, за экспроприации (налеты на почтовые транспорты, перевозившие деньги), сам участвовал в «эксах». Он прошел обычный путь революционера-радикала начала XX века – стрельба, погони, конспирация и тюрьмы. В Варшаве его заключили в каземат для особо опасных преступников, а одним из его «стражей» был капитан Деникин, с которым позже, в 1919-м, Пилсудский так и не пошел на военный союз. Пилсудскому удалось бежать из психиатрической лечебницы, куда он попал, симулируя душевную болезнь.

По возвращении из ссылки Пилсудский – один из лидеров польского социалистического движения, основатель Польской социалистической партии (PPS), главный редактор газеты «Роботник» (орган PPS). Во время Русско-японской войны Пилсудский отправляется в Японию просить деньги на диверсионную кампанию польских социалистов против властей Российской империи. Но японский Генштаб тогда отказал в непосредственной помощи революционерам. В 1906 году Пилсудскому все-таки удается создать польские боевые группы. Революционное меньшинство PPS Пилсудского призвало поляков к вооруженному восстанию.

С 1907 года Пилсудский сотрудничает с австрийским Генштабом, по соглашению с которым создает в Галиции военно-спортивные группы «Стрелец» для борьбы против России и формирования кадров для будущей польской армии. В 1914 году австрийцы разрешили сформировать в составе своей армии добровольческие польские легионы. В Первую мировую Пилсудский пообещал австрийцам сотни тысяч польских добровольцев, но не смог выполнить своего обещания. Пилсудскому не удалось получить от австрийцев пост командующего польскими легионами, он довольствуется командованием одной бригадой. В то же время Пилсудский создал тайную Польскую военную организацию для разведки в русском тылу. У него не было воинского звания, его называли просто «паном», «господином», но он испытывал страсть ко всему военному, и после обретения независимости Польши объявил себя маршалом. В 1916 году польские легионы были разоружены и интернированы австрийцами, а сам Пилсудский оказался в тюрьме как русский и французский шпион.

В октябре 1918 года Австро-Венгерская империя распалась, и на руинах трех империй образовалось новое независимое

государство – Польша. Австрийская тюрьма сформировала нового Пилсудского – борца против германского империализма и убежденного революционера. Его встретили в Польше как национального героя и провозгласили временным главой – «начальником» государства. Фактически Пилсудский установил в Польше личную полувоенную диктатуру. Однако с первых дней своего существования новое польское государство ввязалось в несколько военно-этнических конфликтов: с немцами – за Познань и Силезию, с чехами – за Тешинську Силезию, с украинцами – за Галицию и Волынь, с литовцами – за Вильнюс, с большевиками – за Белоруссию. Пилсудский, широко пропагандируя идею великой Речи Посполитой, захватывал новые земли и лично участвовал в военных действиях против армии Западноукраинской Народной Республики. «Белоруссия, Литва, Украина – основа нашей экономической независимости», – писал Пилсудский. Он хотел завоевать или подчинить влиянию Польши все бывшие территории Речи Посполитой.

В 1918 году Пилсудский отрекся от своего революционного прошлого, объявив своим былым товарищам из PPS: «Господа, я вам не “товарищ”. Мы когда-то вместе сели в красный трамвай. Но я из него вышел на остановке “независимость Польши”. Вы же едете до конца к станции “социализм”».

Во время Гражданской войны в России Пилсудский опасался не столько Красной армии, сколько победы генерала Деникина, который выступал за «единую неделимую Россию». Победы над большевиками в Гражданской войне можно был достичь совместным наступлением летом 1919-го белогвардейских войск и польской армии на Москву. Но не желая победы белым, Пилсудский приостановил наступление польской армии на восток. Однако, когда и Деникин, и Юденич, и Врангель были разбиты Красной армией, Пилсудский решился на широкомасштабную войну с Советской Россией. Пилсудский говорил о том, что эту войну он начал для защиты независимости Украинской Республики, но в то же время поляки захватили Галицию и Волынь.

25 апреля 1920 года польская армия Пилсудского и украинские войска Петлюры перешли в наступление по всему фронту и, разгромив большевиков, 6 мая 1920-го заняли Киев. Однако в конце мая 1920-го Красная армия перешла в контрнаступление, и через два с половиной месяца поляки потеряли не только Киев, Минск, Вильнюс, но и увидели красноармейцев в 13 километрах от Варшавы. Пилсудский лично возглавил группу войск, которая должна была нанести контрудар. Но по ней ударила Первая конная Буденного.

В польской столице началась паника, сейм даже пытался договориться с большевиками о мире на любых условиях, некоторые политики считали, что надо оставить Варшаву без боя и отступить на запад к немецкой границе. Но авторитет, воля и выдержка Пилсудского спасли Польшу от присоединения к Советам. В польскую армию пришло свыше 150 тысяч добровольцев. Поляки проявили энтузиазм, защищая независимость родины, и этот энтузиазм привел их к победе. Польше помогла и Антанта: только от Франции она получила 1,5 тысяч орудий, 300 тысяч винтовок, 3 тысячи пулеметов, 350 аэропланов.

В августовской (1920 г.) битве под Варшавой красные потерпели сокрушительное поражение, а победа польской армии впоследствии была названа «чудом на Висле». Польские войска развернули победоносное наступление по всему фронту и уже через полтора месяца вышли к Киеву, захватив Западную Украину и Западную Белоруссию. Пилсудский все еще надеется на возрождение Речи Посполитой. Но 18 октября 1920-го Сейм заключил перемирие с Москвой, 18 марта 1921 года был подписан мирный договор в Риге. Этот договор стал позором для Советской России, которая, признав себя побежденной, «уступала» Польше Западную Украину и Западную Белоруссию. Главным условием, поставленным советской делегацией, был отказ поляков от поддержки борьбы за независимость Украины. И враги Пилсудского с легкостью предали Петлюру. Но Пилсудский искал возможность продолжать войну. Однако вся Польша, измученная шестилетней войной, объединилась против него.

Разочарованиям для Пилсудского было нежелание его земляков-литовцев войти в федерацию или конфедерацию с Польшей. В 1920 году литовские войска воевали против поляков в союзе с большевиками. После мятежа генерала Желиговского Вильнюс был захвачен «польскими патриотами», объявившими о создании государства Центральная Литва, которое Пилсудский присоединил к Польше. Однако в 1922 году Пилсудский не выставил свою кандидатуру на президентских выборах. В 1923 году он отказался от всех государственных постов и отправился в добровольную ссылку.

В 20-х годах XX века положение в Польше не было спокойным и стабильным. Избранный президентом сторонник Пилсудского Нарутович был убит, власть перешла к противникам Пилсудского. В 1926 году «литовский лис» (как называли Пилсудского) решился на военный мятеж. В Варшаве вспыхнула скоротечная гражданская война (12–13 мая 1926 г.). Победителем стал маршал Пилсудский, который пообещал покончить с

экономическим упадком Польши, финансовым кризисом, коррупцией. Он стал единовластным правителем страны. Президент Польши, избранный по рекомендации Пилсудского, оставался «в распоряжении» маршала и «начальника государства». В то же время Пилсудского чествовали как вождя, ему дали прозвище Дзядек – дедушка польской государственности. Из девяти лет своего диктаторства Пилсудский лишь 25 месяцев был премьером. В 1928 году он отказался и от премьерства, оставив себе формальную должность генерального инспектора вооруженных сил. В 1930 году Пилсудский разогнал Сейм и арестовал своих политических оппонентов.

Стремясь подчеркнуть ключевую роль Польши в Центральной Европе, в 1934 году он заключил польско-германское соглашение, имеющее явно антисоветскую направленность. Правительство Польши сблизилось с Гитлером настолько, что взяло на себя защиту германских интересов в Лиге Наций. Против Советской России был направлен и договор Польши с Японией. Пилсудский стремился к изоляции СССР, всеми силами противодействовал вступлению СССР в Лигу Наций.

Режим единовластия Пилсудского просуществовал в Польше до самой его смерти. Созданный под лозунгами «санации» общества и защиты прав обездоленных слоев населения, режим не справился с этой задачей, сосредоточив власть в руках бывших легионеров. Санация превратилась в «умиротворение» окраин, в гонения на украинскую и белорусскую культуру и православную церковь.

В последние годы своей жизни Пилсудский много болел и не всегда был в состоянии заниматься государственными делами. Он умер в мае 1935 года в Варшаве.

АЗЕФ ЕВНО-МЕЙЕР ФИШЕЛЕВИЧ

(род. в 1869 г. – ум. в 1918 г.)

Глава боевой организации партии эсеров, организатор террористических актов, самый известный провокатор в революционном движении.

Евно Азеф родился в 1869 году в еврейском местечке Лиски в белорусском Полесье в многодетной семье портного и мелкого торговца. В 1874 году его семья перебирается в промышленный Ростов-на-Дону. В этом городе Евно Азеф поступает в гимназию и учится до седьмого класса, но за самовольную отлучку в театральную труппу во время занятий его оттуда исключают. Он начинает заниматься мелкой торговлей, служит в конторе.

В Ростове же Азеф участвует в революционном кружке еврейской молодежи, распространяет прокламации. Возможно, весной 1892 года он был арестован и в заключении предложил свои услуги политическому сыску. Так или иначе, но неожиданно для окружающих у Азефа появляются большие деньги, и он решает продолжить образование в Германии. По другой версии, Азеф украл 800 рублей у владельца фирмы, где служил, и присвоил себе чужой аттестат об окончании гимназии.

В немецком городке Карлсруе Азеф поступил на факультет

механики Политехнического института. Тогда же он примкнул к социал-демократической группе, созданной русскими студентами в Германии. Существует предположение, что уже тогда Азеф был «командирован» российской полицией для слежки за неблагонадежными студентами. Евно устанавливает контакты с русским посольством и представителями русской политической полиции за границей. С 1893 года Азеф регулярно получает от Департамента полиции по 50 рублей в месяц, но за десять лет его месячный гонорар вырос до тысячи рублей – астрономической суммы в Российской империи.

В 1897 году, приехав в Швейцарию, Азеф объявляет себя «крайним террористом», поддерживает революционера В. Бурцева в его агитации за возобновление террора. В своем письме Бурцеву Азеф приветствует террор и предлагает свои услуги как террориста.

Проучившись два года в Политехническом институте, в связи с женитьбой Азеф переехал в Дармштадт, где поступил в Высшую электромеханическую школу. В 1895 году он вступил в «Заграничный союз социалистов-революционеров». Он разъезжает по русским студенческим колониям Германии и Швейцарии, распространяет нелегальную литературу, собирает деньги, организует революционные кружки. Везде он объявляет себя террористом, придающим значение только индивидуальному террору. В 1897 году Азеф блестяще сдал выпускные экзамены и получил диплом инженера. Он легко получил должность инженера в Центральной электрической компании Франкфурта, потом – в такой же компании в Берлине. Перед ним открылись перспективы карьеры инженера. Но его тянуло в Россию…

Возвратившись в Россию, в Москву, в 1899 году Азеф поступает на службу во Всеобщую электрическую компанию. Вскоре, как инженер этой компании, он переезжает в Петербург. Но неожиданно Азеф бросает перспективную службу и с головой уходит в революцию. В Москве в 1899–1900 годах Азеф примыкает к «Северному союзу социалистов-революционеров» и становится другом Герша Гершуни – будущего лидера партии эсеров.

Первым крупным «делом» Азефа стала выдача полиции типографии эсеров в Томске и руководителей «Союза социалистов-революционеров» во главе с А. Аргуновым. Перед арестом Аргунов передал Азефу явки и пароли Союза, связи Союза с заграничными центрами. Для укрепления влияния Азефа среди революционеров из фондов Департамента полиции Азефу было передано 500 рублей для партии эсеров.

Азеф сыграл вместе с Гершуни главенствующую роль в

партии социалистов-революционеров (эсеров), которая была сформирована к декабрю 1901 года. В 1901 году Гершуни и Азеф разработали план широкой террористической кампании и создали для этого Боевую организацию террористов. Избранный в Центральный комитет партии эсеров в 1902 году Азеф занимал чуть ли не первое место в ЦК благодаря той исключительной роли, которую он играл при организации террористических актов. Азеф организует ввоз в Россию революционной литературы через Финляндию. Когда царской полиции удается захватить Григория Гершуни, власть Азефа в Боевой организации становится неограниченной. Как представитель партии эсеров Азеф участвует в работе международных социалистических съездов в Амстердаме и Штутгарте. В руках Азефа сосредоточены все заграничные связи партии эсеров.

Террор в России начался в феврале 1901 года, когда эсер П. Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н. Боголепова. А первым терактом Боевой организации Гершуни – Азефа стало убийство министра внутренних дел Д. Сипягина. Сипягин пал жертвой террора за подавление студенческих демонстраций в 1899 и 1901 годах. Во время студенческих беспорядков он грозил «потопить Петербург в крови», если начнутся уличные манифестации. 2 апреля 1902 года в кабинете министра в Мариинском дворце член Боевой организации эсеров Степан Балмашев стреляет в Сипягина. В 1902 году Азеф организует Петроградский Комитет эсеров и провоз из-за границы в Россию нелегальной революционной литературы в холодильных аппаратах.

В мае 1903 года слесарь Уфимских железнодорожных мастерских эсер-террорист Е. Дулебов убивает генерал-губернатора Н. Богдановича. В подготовке покушения на Богдановича Азеф играет главную роль. Летом 1903 года после ареста Гершуни и выезда Брешко-Брешковской за границу Азеф остается единственным руководителем партии эсеров в России, руководителем Боевой организации. Азеф добился «монопольного права» участия в эсеровском терроре со стороны контролируемой им «боевой организации» и с помощью полиции устраняет собственных конкурентов среди руководителей эсеров.

В январе 1904 года, по возвращении из Западной Европы в Россию, Азеф «преобразовывает» и набирает новых членов в Боевую организацию. Он создает в Петрограде «динамитную» лабораторию, привлекает для террористических актов таких искренних борцов против царизма, как Каляев, Сазонов, Покотилов, Швейцер… Всякая другая работа, кроме террористической, объявлялась Азефом несущественной.

15 июля 1904 года эсер Е. Созонов на Измайловском проспекте бросил бомбу в карету министра внутренних дел В. Плеве. В результате теракта Плеве убит, а тяжело раненного Созонова арестовали. В начале 1905 года эсер И. Каляев бросил бомбу в Московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича Романова; в конце года эсерка А. Биценко застрелила усмирителя аграрных волнений в Саратовской губернии генерал-лейтенанта В. Сахарова.

Террористические акты были совершены эсерами против начальника охранного отделения Нижнего Новгорода, губернатора Уфы, градоначальника Москвы, командира Семеновского полка генерала Г. Мина. Готовились покушения на полковника Н. Римана, министра внутренних дел П. Дурново, генерал-губернатора Москвы Ф. Дубасова… Все террористические акты – дело рук Боевой организации Азефа при Центральном комитете партии социалистов-революционеров. Под непосредственным руководством Азефа проходят политические убийства петербургского градоначальника фон дер Лауница, губернатора Сахарова, прокурора Павлова, графа Игнатьева, провокаторов Татарова и Гапона.

С 1902 по 1911 год более двухсот раз рвались в России эсеровские бомбы и гремели выстрелы. Объектами террористических актов стали два министра, 33 губернатора, генерал-губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников охранных отделений, полицмейстеров, прокуроров, помощников прокуроров, начальников сыскных отделений, 24 начальника тюрьмы и других тюремных чиновников, 26 приставов, исправников и их помощников, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников, 8 присяжных поверенных, 26 шпионов и провокаторов.

Еще в 1903 году впервые появилось письмо-упреждение, касающееся провокатора Азефа. Тогда Азеф, сидя в кругу однопартийцев, испугался до истерики: рвал на себе рубаху, плакал. Но убедившись, что авторитет его не поколеблен, пришел «в шутливое настроение».

В 1905 году Азеф принимает активное участие в перевозке значительного количества оружия для вооруженного восстания через Финляндию на пароходе «Джон Крафтон».

Азеф тщательно готовит рад покушений на великого князя Николая Николаевича, на великого князя Владимира Александровича, на генерала Трепова, на начальника петербургского охранного отделения, на Клейгельса, Дурново, адмирала Дубасова… Но все эти покушения кончаются провалом. Когда Первая Государственная дума была распущена, в Териоках

(Финляндия) состоялось совещание «перводумцев» для выработки революционного воззвания к народу, армии и флоту. Азеф активно участвует в этом совещании и предлагает принять радикальные меры.

После роспуска Первой Государственной думы Боевая организация планирует убийство премьер-министра Столыпина. Однако вмешательство Азефа в подготовку сорвало этот теракт, а вскоре сам Евно складывает с себя обязанности руководителя террористической группы.

Еще в середине октября 1905 года, после выхода царского Манифеста, Азеф выступил за роспуск Боевой организации и за прекращение террора, за недопущение вооруженного восстания в Москве. В дни декабрьского Московского восстания Азеф выдал полиции эсеровскую «динамитную» мастерскую, почти весь состав Боевой организации, предотвратил покушения на Дурново и Николая II и полностью парализовал работу боевой дружины эсеров.

Политические убийства высших сановников империи и великого князя Сергея, родственника императора, были совершены под руководством Азефа и… с молчаливого одобрения полицейского начальства! Это кажется безумием, отрицанием всякого здравого смысла… но нет сомнения в том, что полиции было известно о готовящихся эсерами-боевиками покушениях. Неведомая «третья сила» использовала полицию для расправы над царедворцами и одновременно для уничтожения революционного подполья. Сложность разоблачения Азефа заключалась в том, что «великий провокатор» действительном был организатором террора и одновременно получал за это деньги из полиции.

В 1906 году Азеф снова вернулся к пропаганде террора. Но в конце 1906 года, украв из партийной кассы 20 тысяч рублей, уезжает за границу. В 1907 году Азеф возвращается в Россию и готовит убийство самого императора Николая II. Тогда казалось, что Азеф делал все, чтобы уничтожить монарха. Но террористический акт провалился, как отмечают многие эсеры, не по вине Азефа… В то же время Азеф успешно выдавал полиции «летучие отряды» эсеровских террористов. В 1907 году Азеф был вновь избран в ЦК партии эсеров. Летом 1907 года он выезжает за границу, но в октябре того же года снова возвращается в Россию…

Частые обыски, аресты, провалы подпольных организаций, хорошо подготовленных террористических актов наводили на мысль о том, что полицейский осведомитель «свил гнездо» в руководстве эсеров.

В то же время в начале 1906 года в руки эсеровского ЦК попадают показания агентов саратовской охранки против Азефа, а через полгода – свидетельство чиновника одесского политического сыска Сорокина. Но в предательство своего лидера террористы не верят… Один из эсеров-боевиков Татаров упорно твердит, что в руководстве партии есть предатель и что этот предатель – Азеф, об этом он узнал от своего родственника, служившего в полиции. Однако тогда словам Татарова не поверили, и Азеф остался вне подозрений. Комиссия «по расследованию» посчитала, что распространение позорящих слухов о главе Боевой организации задевает честь партии. На этом основании «предательство» Татарова посчитали вполне доказанным и постановили его «убрать». Азеф постарался, чтобы приговор был приведен в исполнение в кратчайшие сроки. Боевик Назаров убил Татарова ножом, причем в завязавшейся борьбе с ним и бросившимися защищать сына родителями Назаров ранил мать Татарова.

Осенью 1907 года появляется письмо Саратовской организации эсеров с неопровержимыми фактами предательства Азефа, легко поддающимися проверке. Однако проверке они подвергнуты не были. О письме «саратовцев» стало известно трем членам ЦК партии эсеров (Ракитникову, Гершуни, Чернову), но предательство со стороны Азефа казалось им настолько невероятным, что его даже не стали рассматривать.

Все обвинения Азефа в «двойной игре» априори были признаны лидерами эсеров результатом интриг полиции, которая хочет опозорить и тем обезвредить одного из самых «ценных» лидеров партии. Азеф считался незаменимым «гением террора», стоящим выше всяческих подозрений… Гершуни был возмущен этими «оговорами» Азефа и заявил: «Это все из-за того, что Ивана Николаевича ни разу не арестовали. Сегодня обвинили его, завтра возведут такую же гнусность на меня, послезавтра на третьего…» И добавил: «Азеф – провокатор! Тогда и на отца родного нельзя положиться». Вместе с тем Гершуни поручил расследовать факты, изложенные в письме одному из саратовских эсеров, но последний был вскоре арестован, а затем умер и сам Гершуни. До 1908 года Азеф продолжает руководить боевиками…

В начале 1908 года видный революционер, эсер В. Бурцев начинает собственное расследование провокаторской деятельности Азефа, но встречает сопротивление со стороны руководства партии. Члены ЦК и, главным образом, Савинков обвиняют самого Бурцева в желании дискредитировать партию и ЦК. Но после грандиозного февральского 1908 года провала «Летучего боевого отряда Северной области» даже в ЦК

заговорили о том, что кто-то из членов ЦК находится в контакте с полицией.

Азефа знали как человека скрытного, замкнутого, угрюмого и молчаливого, но эти особенности относили к «скромности гения». В то же время некоторые товарищи по партии знали, что Азеф живет не по средствам, он – завсегдатай злачных мест и публичных домов, любит роскошь, карты, женщин. Источник доходов Азефа вызывал вопросы…

Весной 1908 года Бурцев довел до сведения Центрального комитета партии эсеров, что собрал достаточно свидетельств, чтобы объявить об измене Азефа. ЦК был вынужден создать комиссию по расследованию этого дела, однако комиссия пытается обелить Азефа.

По настоянию Бурцева в октябре 1908 года в Париже состоялся третейский суд, в котором приняли участие авторитетнейшие революционеры: П. Кропоткин, В. Фигнер и Г. Лопатин. На суде Бурцев заявил, что бывший директор Департамента полиции А. Лопухин подтвердил «провокаторство» Азефа. Вскоре Лопухин подробно рассказал о предательстве и провокаторской деятельности Азефа в рядах партии лидерам эсеров Чернову, Савинкову и Аргунову. Даже когда стало известно, что Лопухин подтвердил подозрения Бурцева, один из членов ЦК партии эсеров бросил Бурцеву: «Азеф и партия – одно и то же…»

Мало кто тогда верил в предательство Азефа. «Если Азеф – провокатор, так мы все – провокаторы!», «…если Азеф – провокатор, то нам пришлось бы всем пустить себе пулю в лоб», – заявляли члены Центрального комитета партии эсеров. Савинков писал: «Я был связан с Азефом дружбой. Долговременная совместная террористическая работа сблизила нас. Я знал Азефа как человека большой воли, сильного практического ума и крупного организаторского таланта. Я видел его на работе. Я видел его неуклонную последовательность в революционном действии, его спокойное мужество террориста, наконец, его глубокую нежность к семье. В моих глазах он был даровитым и опытным революционером и твердым решительным человеком. Это мнение в общих чертах разделялось всеми товарищами, работавшими с ним… Ни слухи, ни письмо анонимное 1905 года (о письме 1907 г. я узнал только во время суда над Бурцевым), ни указания Бурцева не заронили во мне и тени сомнений в честности Азефа… моя любовь и уважение к Азефу ими поколеблены не были». Фанатики из боевой организации эсеров грозили «перестрелять весь ЦК», если будет решено казнить Азефа за предательство.

В то же время начальник Московского охранного отделения С. Зубатов писал, что Азеф был личностью «…на все смотрящей с точки зрения выгоды, занимающейся революцией только из-за доходности и службой правительству не по убеждению, а только из-за выгоды». А. Спиридович давал следующую характеристику Азефу: «Редкий эгоист, он руководствовался в своих поступках только личными интересами, для достижения которых считал пригодными все средства – до убийства и предательства включительно…»

Когда предательство Азефа стало отрицать невозможно, к нему отправились три делегата от комиссии ЦК партии эсеров, в том числе Савинков. Хотя провокатор жутко перепугался, он ни в чем не признался, и посланцы лишь обязали его явиться на другой день в условленное место для дачи повторных показаний, дав тем самым ему возможность бежать, что он и сделал. Своим бегством Азеф подтвердил худшие подозрения революционеров.

Соучастие высших чинов царской полиции в самых крупных террористических актах приковало внимание всех слоев общества к имени «великого провокатора». Дело Азефа стало настоящей политической сенсацией, его имя – нарицательным.

В кругу революционеров как в России, так и в среде русских политических эмигрантов, измена Азефа произвела ошеломляющее впечатление. «Азефщина» породила у революционеров общую нравственную подавленность, отвращение к террористической деятельности, недоверие и подозрительность к товарищам-революционерам. В партии социалистов-революционеров дело Азефа вызвало тяжелый кризис, посыпались требования пересмотреть программу и тактику партии. «Дело Азефа – тяжелый удар для партии и революции, – писал Б. Савинков. – Но этот удар тяжел не тем, что подорвано моральное значение террора, – террор Каляева чист, – и не тем, что террор как форма борьбы не возможен: не будет Азефа – будет террор. Этот удар тяжел и страшен другим. В эти темные дни торжества палачей легко упасть духом, легко отречься от старых заветов, легко забыть свое прошлое. Дело Азефа поколеблет слабых, оно может смутить и сильных. Нужна большая любовь, чтобы поднять наше старое знамя, нужна горячая вера. Но ведь вера без дел мертва, честь и победа только за теми, в чьих руках меч».

С января 1909 года член ЦК партии социалистов-революционеров Азеф был объявлен профессиональным провокатором. Партия социалистов-революционеров, убедившись в его измене, вынесла предателю смертный приговор.

Правительство, не имея данных относительно

непосредственного участия Азефа в организации политических убийств, продолжало смотреть на него только как на секретного агента полиции. Скандал, раскрывший скрытую борьбу в высших эшелонах имперской власти, «руками революционеров» был погашен. Он был не нужен ни революционерам, ни царю. Премьер Столыпин заявил, что «правительству не было известно», что агент Азеф был одним из руководителей партии эсеров.

«Дело» Азефа, сенсационное по своему характеру, породило огромное количество публикаций. Азеф и его «афера» были на слуху вплоть до 1911 года, когда другой провокатор, Д. Богров, убил премьер-министра России П. Столыпина.

Азеф работал с полицией до декабря 1908 года, всего 16 лет. В 1908–1909 годах он скитался по странам, скрываясь от эсеровской пули. С того времени он стал еще одним «неизвестным». В начале 1910 года он получил из рук русской полиции подложный паспорт на имя купца Неймайера и осел в Берлине, став биржевым маклером. К 1913 году Азеф разбогател, играя на лондонской и нью-йоркской биржах и в казино на южном берегу Франции. В 1912 году он встретился со своим разоблачителем Бурцевым и доказывал, что вел «двойную игру», пытаясь обвести вокруг пальца Департамент полиции, и сделал для революции намного больше, чем для полиции.

В начале Первой мировой войны Азеф потерпел финансовый крах, потому что хранил деньги в российских активах. В 1915 году он был арестован в Германии «как опасный преступник, анархист и террорист» и до конца 1917 года содержался в тюрьме. Выйдя в декабре 1917-го на волю, Азеф устроился на службу в германское Министерство иностранных дел. Но в апреле 1918-го он скоропостижно скончался от болезни почек. Возможно, ему «помогли», чтобы сокрыть тайны революционного подполья.

«Величайший провокатор всех времен и народов» не был личностью демонической – он был обыкновенным прохвостом и марионеткой в руках могущественных людей. Еще лет через двадцать после разоблачения Азефа предателей и провокаторов называли его именем.

МАХАТМА ГАНДИ

Полное имя – Ганди Мохандас Карамчанд
(род. в 1869 г. – ум. в 1948 г.)

Идеолог движения ненасильственной революции, лидер борьбы за независимость Индии и создатель демократического индийского государства.

Одним из немногих революционных вождей, которые не желали проливать ни капли человеческой крови, верили в революцию путем ненасилия, был «отец индийской нации» Ганди. Почетное имя «махатма» переводится с хинди как «великая душа». По словам папы Иоанна Павла II, Ганди был воплощением заповеди Спасителя о любви к ближнему. Папа писал, что Ганди «…был глубоко проникнут евангельским духом». Тагор сравнивал Ганди с Буддой, а современники называли его святым, «совестью человечества». О себе же Ганди говорил, что он «не святой и не политик».

Мохандас Карамчанд Ганди родился в 1869 году. Он не принадлежал к высшим кастам брахманов и кшатриев, а происходил из торговой касты модбаниа; его фамилия означает – торговец-бакалейщик. Род Ганди в XVIII–XIX веках принадлежал к служилой прослойке. Его дед и отец были премьер-министрами

при князьях Порбандара и Раджкото, что входили в состав Британской Индии. Семья Ганди была одной из самых образованных в Индии. Отец готовил будущего махатму к карьере премьер-министра княжества. Ребенок получил приличное образование в местной английской средней школе. Но с детства Мохандаса привлекали идеи мистицизма и религиозной терпимости.

Когда Ганди было 13 лет, родители женили его на девочке его возраста по имени Кастурбай. В 1883 году родился его старший сын. Невзирая на запреты своей касты, которая возражала против его отъезда из Индии и угрожала отлучить его от касты, в 1884 году Ганди уехал учиться в Лондон. В Лондоне он стал членом общества вегетарианцев, что соответствовало его убеждениям. В Англии Ганди получил юридическое образование, а также познакомился с масонством. Он стал поклонником теософии, познакомился с Еленой Блаватской и Анни Безант. Теософия подтолкнула его к изучению истории буддизма, ислама, христианства, индуизма. Близки Ганди были и идеи толстовства. Он писал: «Толстой укрепил мою любовь к ненасилию».

В 1891 году Ганди вернулся в Индию и был зачислен в Бомбейскую коллегию адвокатов. В это время его учителем стал «великий старец» – идеолог индийского национального движения и член английского парламента Дадобхай Наороджи. Однако ни в Бомбее, ни в Раджкоте адвокатская практика не принесла Ганди успеха, а кресло премьер-министра было ему недоступно. В 1893 году, приняв предложение торговой фирмы, Ганди уехал в Южную Африку, где возглавил борьбу против расовой дискриминации индийской общины, став общественным и политическим деятелем. В 1894 году под его руководством индусы Южной Африки создали политическую партию Индийский национальный конгресс (ИНК). Не будучи официальным главой Индийского национального конгресса, Ганди стал духовным лидером движения, для обозначения идеологии которого до сих пор используют слово «гандизм».

Ганди принял обет самоограничения – брахмачария (отказ от собственности, от поедания животных, половое воздержание) и сформулировал идею сатьяграха – «ненасильственного сопротивления», связав ее с ахимсой – идеей непричинения зла всему живому. Первая его сатьяграха проявилась в Южной Африке в 1907 году в знак протеста против расистского закона, вторая – в 1913 году. Южно-африканские власти после переговоров с Ганди приняли «Закон об облегчении положения индийцев». Вернувшись в Индию в 1915 году, Ганди основал собственный ашрам (обитель) на пожертвования богатых

индийских националистов. В 1917 году Ганди провел процедуру сатьяграхи в Индии.

В 1918–1919 годах, когда Англия отказалась выполнить обещание и предоставить Индии самоуправление, по всей Индии вспыхнули волнения. Ганди призвал индусов к ненасильственной борьбе против господства английских колонизаторов. В ответ на угрозу введения чрезвычайного положения Ганди написал «Клятву сатьяграхи» и создал «Союз сатьяграхи». После введения чрезвычайного положения Ганди объявил о начале сатьяграхи и призвал индусов к прекращению деловой активности, к бойкоту колониального режима (отказ от почетных должностей и званий, бойкот английских школ, колледжей, выборов в законодательные органы, бойкот иностранных товаров, отказ от уплаты налогов). Черчилль писал: «Тревогу и отвращение внушает вид Ганди – мятежного юриста, ныне выступающего в качестве факира того типа, который широко распространен на востоке, поднимающегося полуголым по ступеням дворца вице-короля с тем, чтобы руководить кампанией несотрудничества и гражданского неповиновения…»

Целью сатьяграхи объявлялось достижение свараджа – самоуправления Индии. Ганди стал главным редактором газеты «Молодая Индия». Программа и устав, написанные им, были приняты ИНК, идеи о ненасильственных методах борьбы были приняты в качестве идеологии Конгресса. Ганди выступал за социальную справедливость, за отмену касты неприкасаемых (называя неприкасаемых «детьми Божьими», пропагандировал идею индусско-мусульманского единства. Ганди подписал пакт об индусско-мусульманском единстве в борьбе за сварадж с лидером мусульман Индии Джинной. В то же время Ганди объявлял голодовки, протестуя против раздробленности Индии, выступал против создания мусульманского государства Пакистан.

Сатьяграхи 1919–1922, 1930–1932, 1939–1940 годов стали ступенями формирования индийской нации. Сатьяграха 1930 года началась соляным походом, когда Ганди и десятки тысяч его последователей стали сами варить соль в знак протеста против «соляной» монополии англичан. Подобным же методом борьбы был бойкот «английской одежды».

Во время первой сатьяграхи в Индии, когда был сожжен полицейский участок, Ганди резко осудил проявление насилия. Свыше 100 тысяч членов ИНК были арестованы в январе 1932 года, был посажен в тюрьму и Ганди. В мае 1933 года он решает приостановить всеобщую сатьяграху, но 1 августа 1933 года начал индивидуальную сатьяграху. Ганди снова был арестован. Сотни конгрессистов последовали за ним в тюрьму. Его освободили в

1934 году. В середине 1930-х годов Ганди вышел из ИНК и призвал своих последователей отдавать время домашнему ткачеству, движению за индусско-мусульманское единство, защите неприкасаемых.

Когда началась Вторая мировая война, Ганди не поддерживал Англию в этой войне, хотя и сочувствовал борьбе с фашизмом. В 1942 году Ганди объявил, что наступил решающий этап борьбы за полную независимость Индии: «Прочь из Индии!», «Действуй или умри!». Тогда же ИНК принял резолюцию о немедленном предоставлении Индии независимости и начале (под руководством Ганди) кампании несотрудничества с властями.

В то же время Ганди был против восстания индийских моряков в 1946 году, которое поддержали ИНК, Мусульманская лига и коммунисты. Вице-король Индии пригласил Ганди для переговоров о предоставлении Индии независимости. Было решено передать власть правительствам двух независимых государств – Индии и Пакистану. Первое правительство Индии при поддержке Ганди возглавил Джавахарлал Неру. Самого Ганди называли «отцом нации».

15 августа 1947 года была провозглашена независимость Индии – первого демократического государства в Азии. В то же время Ганди скорбел о разделе Индии, объявив, что поэтому не сможет участвовать в официальной церемонии провозглашения независимости. Он объявил голодовку в знак протеста против начавшихся индуистско-мусульманских погромов и прекратил ее только тогда, когда представители всех религиозных общин Калькутты поклялись не допускать в Бенгалии религиозных возмущений. В сентябре 1947 года Дели был охвачен религиозными волнениями. Ганди боролся со злом, но никогда не призывал к физическому уничтожению носителей зла. Ганди снова прибег к голодовке, которая на пятый день прекратила все погромы. Сотни представителей индусской, сикхской, мусульманской, христианской и иудейской общин пришли к обессилевшему от голодовки Ганди, поклялись установить мир между общинами.

Выступая против империализма, Ганди критиковал и социализм «сталинского типа». Он писал: «Социализм – прекрасное слово, и, насколько мне известно, при социализме все члены общества равны… Такой социализм чист, как кристалл. Он требует, таким образом, кристально чистых средств для своего установления. Нечистые средства приводят к нечистому концу. По моим сведениям, в мире нет ни одной истинно социалистической страны». Большевизм, по мнению Ганди, стремился насадить социалистические идеалы с помощью

насилия и классовой борьбы, Ганди противопоставлял свою ненасильственную революцию большевистской революции, основанной на насилии.

Ганди считал, что капитализм, существующий на Западе, не может иметь будущего в Индии, но это вовсе не означает, что должно быть уничтожено свободное предпринимательство. В программе Ганди были и защита трудовой собственности и мелкого производителя от государства, помещиков и капиталистов путем нравственного усовершенствования последних и их добровольного самоограничения. Он искал путь гармоничного сочетания трудовой частной, государственной и кооперативной собственности, считая, что конфликт между рабочими и капиталистами может быть разрешен, если каждый будет выполнять «свой долг».

В конце 1947 – начале 1948 года Ганди постоянно подвергался смертельной опасности. 30 января 1948 года он отправился в храм, где его дожидались около 500 молящихся. К Ганди бросился член экстремистской организации «Раштрия севак сангх» индусский фанатик Натурам Годсе и три раза выстрелил в него в упор.

Ганди не только создал концепцию индийского социализма, не только привел Индию к независимости, он учил сотни тысяч людей побеждать в себе раба, освобождаться от страха за свою жизнь во имя блага народа. Бесстрашие положил в основу новой морали Ганди. Своей жизнью он доказал, что можно победить грубую физическую силу силой собственного духа.

ГАПОН ГЕОРГИЙ АПОЛЛОНОВИЧ

(род. в 1870 (1871) г. – ум. в 1906 г.)

Священник. Один из первых лидеров рабочего движения в России. Имя «поп Гапон» стало нарицательным, символом провокатора.

Георгию Гапону суждено было стать не только «героем одного дня» – «кровавого воскресенья», не только самым популярным лидером начального этапа Первой русской революции, но и невольным «организатором» этой революции. Хотя до сих пор среди историков не утихают споры: был ли Гапон «великим революционером» или искусным провокатором.

Георгий Аполлонович Гапон-Новых родился то ли в 1870, то ли в 1871 году. Его родители были зажиточными крестьянами с Полтавщины, благодаря чему Гапон закончил Полтавское духовное училище и Полтавскую духовную семинарию. После окончания семинарии Гапон служил земским статистиком, подрабатывал частными уроками. В 1896 году был рукоположен в сан священника и назначен в один из уездов Полтавской губернии.

Через два года молодой священник поступил в Петербургскую духовную академию, по окончании защитил

диссертацию «Современное положение прихода в православных церквах». Однако церковная карьера не удовлетворяла амбициозного провинциала, обладающего незаурядными ораторскими способностями и стремлением к лидерству.

В 1902 году Гапон создал проект улучшения жизни рабочих и создания рабочих домов и колоний. Священником Гапон выступал за облегчение жизни простого люда, создавал рабочие кружки, за что Священный Синод лишил его сана, так как священникам запрещено было заниматься как политической, так и любой общественной внецерковной деятельностью. Созданные Гапоном рабочие кружки уже в 1903 году объединяли 8 тысяч человек. Однако спокойно существовать подобные группы могли только с одобрения тайной полиции. Гапон получал деньги от начальника Департамента полиции полковника Зубатова, которому сообщал о настроениях в рабочем движении. На деньги Департамента полиции Гапон открыл чайную на Выборгской стороне в Петербурге, ставшую штабом его организации «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга» (1904–1905 гг.). Министерство внутренних дел разрешило деятельность общества и даже оказывало ему материальную поддержку. Но по уставу Собрания те рабочие, которые были уволены за участие в стачках или за революционную деятельность, лишались пособия. К началу 1905 года в каждом из районов Санкт-Петербурга были созданы отделения Собрания.

Причиной стихийной стачки на Путиловском заводе стало увольнение четырех рабочих. Сотни людей собрались в помещении отделения Собрания, требовали вернуть уволенных и организовать бесплатную медицинскую помощь. Выборные от рабочих вместе с Гапоном отправились к директору завода. После отказа директора согласиться на их требования рабочие начали стачку.

5 января 1905 года в Петербурге бастовало 26 тысяч рабочих, через два дня встали все типографии, прекратилась подача воды, остановилась конка. На 7 января Гапон готовил мирную демонстрацию рабочих к царю, убеждая всех, что демонстрация разрешена властями. В красноречивом письме к министру внутренних дел князю Святополку-Мирскому Гапон излагал цели манифестации и просил передать просьбу царю явиться народу, «обеспечивая неприкосновенность его особы». Гапон настаивал, чтобы рабочие шли к Зимнему «с голыми руками», оставив дома даже перочинные ножи. Он понимал, что рабочие «беспорядки» – его «звездный час», открывается возможность стать народным вождем и лидером христианских социалистов, может быть, и

реформатором православной церкви.

Гапон подготовил петицию, где были такие слова:

«Государь! Мы, рабочие и жители Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами ругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам.

Мы и терпели, но нас гонят все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь! Настал предел терпению.

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили. Мы желали того, без чего жизнь не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вместе с нами обсудили наши нужды, но и в этом нам отказали – в праве говорить о наших нуждах; находят, что за нами не признает закон такого права. Незаконными оказались также наши просьбы уменьшить число рабочих часов до 8 в день и устанавливать расценки на наши работы вместе с нами, и с нашего согласия рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода, назначить чернорабочим и женщинам плату за их труд не ниже 1 руб. в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтоб в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега, копоти и дыма.

Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно. Всякая наша просьба – преступление, а наше желание улучшить наше положение – дерзость, оскорбительная для наших хозяев. Государь, нас здесь больше 300 000 – и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, бросают в ссылку, карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего, бесправного, измученного человека, значит совершить тяжкое преступление.

Весь народ, рабочий и крестьянин, отдан на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и

грабителей, не только совершенно не заботящихся об интересах народа, но попирающих эти интересы».

Петиция перечисляла целый ряд социальных и политических требований, которые свидетельствовали о широком размахе движения: свобода слова, печати, личности и собраний; всеобщее и обязательное обучение, ответственность министров перед народом, всеобщая политическая амнистия, восьмичасовой рабочий день, права рабочих союзов и кооперацій, государственное страхование, уничтожение косвенных налогов и постепенная национализация земли.

Утром 9 января 1905 года с заводских окраин Петербурга к Зимнему отправились 140 тысяч рабочих. Шествие напоминало крестный ход с хоругвями, образами, царскими портретами; люди пели «Боже, Царя храни…», молитву «Спаси, Господи, люди Твоя». Во главе шествия между двумя священниками выступал сам Гапон. Масса любопытных и праздных тесным кольцом окружала сомкнутые ряды рабочих. По мнению свидетелей, на площади Зимнего дворца и на прилегающих улицах собралось не менее 300 тысяч человек.

Приказом командующего Санкт-Петербургским военным округом великого князя Владимира Александровича солдатам и казакам 8 января были розданы боевые патроны и было приказано стрелять. Без всякого предупреждения, без предложения разойтись по толпе были даны залпы. Первые выстрелы прогремели не у Зимнего дворца, а у Нарвских ворот. Было произведено пять залпов, два ряда рабочих упали; появились убитые и раненые. Люди бросились в разные стороны, давя задних. На Шлиссельбургском тракте рабочих встретили конные казаки; они теснили людей, били их нагайками, сбивали с ног, топтали лошадьми. Однако к двум часам дня вокруг Зимнего все равно собрались толпы народа. Площадь была оцеплена кавалерией, перед дворцом выстроилась пехота. Прогремели роковые залпы в упор. Солдаты стреляли по рабочим и у Троицкого моста, и на Васильевском острове, и на Невском проспекте, и на Казанской площади… В «кровавое воскресенье» народ потерял последнюю веру в богопомазанника – Государя Императора.

Интересно, что рядом с попом Гапоном в толпе демонстрантов на солдатские цепи шел и его друг – Петр Рутенберг, которому партия эсеров поручила убить царя, если тот выйдет к народу. Прикрыв собой Гапона, Рутенберг сумел вывести его из-под огня. Гапон скрылся в особняке Саввы Морозова, а вечером того же дня пробрался к Максиму Горькому, пообещавшему помочь ему эмигрировать. На следующий день

после расстрела демонстрации Гапон обратился к рабочим с вдохновенным посланием, в котором навеки заклеймил «царя Каина», убившего своих братьев. Предавая проклятию Николая Романова, он заклинал рабочих помнить, что отныне их связывает пролитая вместе кровь.

Спустя десять дней после расстрела мирного шествия Николай II согласился принять депутацию рабочих. Призывы Гапона к «православному братству» закончились истреблением православных православными. Убитых набралось с тысячу. А раненых было две с половиной. Партия эсеров приговорила Гапона к исключительной мере наказания. Жертвы расстрела, упакованные в мешки из-под картошки, были тайно захоронены на разных кладбищах Петербурга. А Гапон объявил невинные жертвы ошибкой властей. Но уже через месяц после 9 января Гапон писал, что «у нас нет царя», и призывал рабочих к борьбе за свободу.

Вскоре Гапон бежал за границу. В Париже он знакомится с Лениным и вступает в РСДРП как самый знаменитый народный лидер (!). В мае 1905 года Гапон выходит из партии Ленина и вступает в партию эсеров. Он любил лесть и деньги, был избалован шумихой и известностью. В «Фонд Гапона» японский генеральный штаб переводит 50 тысяч франков. Эти деньги использовались революционерами для покупки парохода «Джон Крафтон», на котором планировалось переправить в Россию крупный груз оружия для боевиков. Есть сведения, что часть этой суммы Гапон проиграл в Монте-Карло и Ницце. В Париже он находился в постоянной связи с графом Витте, от которого тоже получал значительные суммы.

17 октября 1905 года Николай II личным манифестом объявляет амнистию всем участникам событий 9 января. После этого Гапон немедленно возвращается в Петербург и намеревается возродить «Общество фабричных и заводских рабочих», а также начать издавать рабочую газету. Для этого требовалась не только легальность, но и связи с полицией. В январе 1906 года газета «Русь» опубликовала статью «Долой маску», в которой назвала Гапона тайным агентом охранки, со своей стороны Департамент полиции предъявил ему обвинение в получении денег от «вражеской Японии».

В марте 1906 года полиция поручила Гапону завербовать Рутенберга, убедив того, что, будучи двойным агентом, он сможет оказать еще большую помощь рабочему делу. Рутенберг доложил о предложении Гапона известному провокатору и командиру «боевой организации» партии эсеров – Азефу. Интересно, что Азеф немедленно решает «убрать» Гапона «как провокатора», а

вместе с ним и начальника политического отдела полиции Рачковского. Однако лидер эсеров Чернов настоял на проверке Гапона. Было решено, что во время встречи Гапона, Рачковского и Рутенберга эсеровские боевики подслушают их беседу, в которой, как они были уверены, речь пойдет «об измене» Гапона; и опытный эсеровский боевик, выйдя из укрытия, застрелит Гапона и Рачковского. Но Азеф предупредил Рачковского о готовящемся покушении, а боевик Иванов отказался стрелять в Гапона, не имея прямых доказательств его измены. Но тот же Азеф продолжал настаивать на немедленной ликвидации Гапона. Для этого была снята пустующая дача в Озерках под Петербургом, и Рутенберг, на которого возлагалась «миссия» покарать отступника, пригласил того на дачу. В соседней комнате засели три эсера-боевика. После того как Гапон вновь предложил Рутебергу сотрудничать с охранкой, боевики вбежали в комнату и кинулись к Гапону, обзывая его «продажной собакой». Рутенберг улизнул, не желая «марать руки», а боевики повесили Гапона, избив его перед этим.

Возможно, Гапон не был провокатором, оказавшись только орудием в руках полиции, а может быть, он был хитрым политиком, пытавшимся перехитрить полицию, за что и был уничтожен ею же, но руками революционеров. Гапон мог быть и искренне верующим христианским социалистом, который мечтал создать новое общество, подняв на борьбу рабочие массы. Кто знает? История об этом молчит.

ЛЕНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Настоящая фамилия – Ульянов
(род. в 1870 г. – ум. в 1924 г.)

Организатор Октябрьской революции и большевистской партии, создатель первого в мире социалистического государства, теоретик марксизма.

Будущий вождь мирового коммунистического движения Владимир Ульянов родился 10 (22) апреля 1870 года в Симбирске (Ульяновске) в большой семье, где уже было шестеро детей. Его отец – Илья Николаевич Ульянов – был родом из Астрахани, из семьи крепостного крестьянина. Он служил инспектором народных училищ. В 1874 году его назначили директором народных училищ Симбирской губернии, присвоив чин статского советника и удостоив личного дворянства (что не распространялось на его детей). Мать Володи – Мария Александровна Бланк – дочь врача; в ее роду были евреи с Украины и шведы.

В подростковом возрасте Володя сочувствовал народникам и боготворил террористов. Его старший брат Александр за покушение на императора Александра III был казнен. Окончив с золотой медалью гимназию, Володя Ульянов в 1887 году

поступил в Казанский университет на юридический факультет. Но скоро, уже в декабре 1887-го, он был исключен оттуда за участие в студенческой сходке и выслан под негласный надзор полиции в принадлежащее Бланкам имение Кокушкино (в 45 километрах от Казани). Интересно, что Владимир уехал в Кокушкино вместе с матерью, братьями и сестрами. Он прожил в Кокушкино больше года, в течение которого изучал Маркса и Плеханова, после чего, по собственному его свидетельству, стал убежденным марксистом. Вернувшись в Казань осенью 1888 года, Ульянов стал членом марксистского кружка, общался с народниками и либералами. Живя то в Казани, то в Самаре, он ходатайствовал о разрешении на выезд за границу для продолжения образования, но в этом ему было отказано.

В 1891 году Ульянов сдал экстерном экзамены за полный курс юридического факультета при Петербургском университете на звание кандидата и был допущен к работе адвокатом в суде. Последующие два года Владимир работает помощником присяжного поверенного в Самаре, однако эта работа не приносит ему удовлетворения. В семье вокруг него сложилась атмосфера преклонения, что способствовало его завышенной самооценке. Летом 1893 года он отправляется «покорять» Петербург. С первых шагов в столице Ульянов связывает свою судьбу с революционным подпольем, где его радушно встречают как «брата казненного героя». Он стал известен в среде марксистов как непревзойденный полемист и беспощадный критик народничества и экономистов-марксистов, но его «критика» была оскорбительной и носила личный характер. В 1894–1895 годах он написал свои первые крупные работы: «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». В возрасте 24 лет лысеющий молодой человек получил кличку Старик за свое постоянное недовольство и «старческое брюзжание» в адрес врагов и союзников. В 1894 году Ульянов знакомится с курсисткой Надеждой Крупской; через четыре года она становится его женой. В апреле 1895 года Ульянов выехал за границу для установления связей с русскими марксистами из группы «Освобождение труда», созданной в Женеве Плехановым. Ульянов организует регулярное поступление корреспонденции из России в Швейцарию, снабжение петербургских кружков эмигрантской литературой. В сентябре 1895 года Ульянов и Мартов учреждают «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Тогда же была подготовлена к изданию газета «Рабочее дело», но в декабре того же года почти все члены Союза были арестованы, среди них Ульянов и Крупская. Владимир был сослан

на три года в Сибирь в село Шушенское. В ссылке он написал около 30 теоретических работ, продолжал переписку с единомышленниками.

По окончании срока ссылки в феврале 1900 года Ульянов приехал в столицу, несмотря на то, что пребывание в Петербурге было ему категорически запрещено. Тогда он отделался только двухнедельным арестом. 29 июля 1900 года Ульянов пересек австрийскую границу и отправился в Швейцарию. В Женеве он стал редактором марксистской газеты «Искра», которая нелегально переправлялась в Россию. Первый номер газеты вышел в декабре 1900 года. Под псевдонимом «Н. Ленин» в 1901 году была опубликована брошюра Ульянова «Что делать?», и родился Ленин – видный теоретик марксизма.

Уже тогда Ленин резко выступает за «вооруженное восстание», политизацию экономической борьбы пролетариата, предлагает марксистам отказаться от «союза» с радикальной буржуазией, выдвигает идею создания жестко централизованной партии на основах строгой дисциплины и подчинения меньшинства большинству.

В 1903 году Ленин – инициатор расколола социал-демократической партии. Он становится во главе радикального большевистского крыла. На II съезде РСДРП (1903 г.) в Лондоне стараниями Ленина произошел раскол русской социал-демократии на большевиков и меньшевиков, что стало трагедией для сотен марксистов и выдвинуло на первые роли вождя большевиков – Ленина.

В ноябре 1905 года Владимир Ильич нелегально возвращается в Россию в качестве партийного лидера и требует от местных организаций большевиков немедленно приступить к подготовке восстания, вооружению рабочих и формированию боевых групп. Ленин разработал тактику этих боевых групп, построенную на партизанских методах борьбы. Он мечтает «нанести удар» весной 1906 года, выступает против участия большевиков в работе Государственной думы, но предлагает работать в Советах рабочих депутатов и среди солдат и матросов. Однако, вопреки ожиданиям Ленина, армия остается верна правительству; локальные восстания революционеров подавлены. Начиная с января 1906 года революция в России пошла на убыль. Весной того же года, чтобы избежать ареста, Ленин переехал в Финляндию, а в декабре 1907 года – в Швецию.

Революция закончилась. Одни революционеры устранились от борьбы, другие – ушли в глубокое подполье или эмигрировали. Ленин ввязался во внутреннюю борьбу против «ликвидаторов»-меньшевиков, которые хотели заменить подпольную работу

легальной деятельностью, против «примиренцев», пытавшихся сохранить единство РСДРП. Он обосновался в Женеве, где в течение двух лет издавал журнал «Пролетарий» и даже не мыслил о возможности новой революции. Тогда казалось, что Россия растратила весь свой революционный запал в бессмысленных бунтах 1905–1907 годов. Только в конце 1910 года в России началось революционное оживление.

В 1912 году на конференции РСДРП в Праге Ленин был избран членом ЦК объединенной партии. Тогда же произошел окончательный разрыв между большевиками и меньшевиками, и последние были исключены из партии. В 1912 году Ленин организовал «свою» партию – большевистскую, тогда же он создал и центральный печатный орган большевиков – газету «Правда». Он переселился поближе к России, в Краков, в то время принадлежавший Австрии. Когда Ленин проживал нелегально в Поронине, на территории Австро-Венгрии, его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу России, но вскоре освободили по ходатайству австрийских и польских социал-демократов. С августа 1914 года Ленин окончательно обосновался в Швейцарии.

Когда разразилась Первая мировая война, Ленин выступил против «империалистической бойни», но не как пацифист, а как «революционный милитарист». Он призывал не к миру, а к перерастанию войны мировой в войну гражданскую и к поражению российского царизма. В это время у него были постоянные материальные трудности – средства, ранее поступавшие из России, пожертвования «меценатов» иссякли. Да и никто тогда не верил в возможность скорой революции. Но Ленин смог получить из германской казны свыше 50 миллионов марок золотом на «пораженческую» революционную агитацию в России. Германия, установив связь с революционерами из России, в 1914–1917 годах направляла значительные денежные средства в их партийную кассу, надеясь на развал тыла противника.

27 марта 1917 года Ленин выехал из Швейцарии в Россию в «пломбированном вагоне», путь его лежал через территорию Германии – военного противника России. В Петрограде 3 апреля 1917-го Ленина встречала многотысячная толпа, но очень немногие «профессиональные» революционеры знали его в лицо. Однако за восемь месяцев 1917 года из «слабой» политической фигуры, которую поддерживали только большевики, Ленин превратился в вождя русской революции. Он выступил со знаменитыми «Апрельскими тезисами», определившими первоочередные задачи партии, которые сводились к лозунгам: «Никакой поддержки Временному правительству!», «Вся власть Советам!», к разрыву с буржуазной демократией, к призыву к

гражданской войне внутри России. В июле 1917 года после разгрома вооруженной демонстрации, проходившей под лозунгом «Долой Временное правительство!», после провала попытки захватить власть лидеры большевиков оказались в тюрьмах. Но Ленин успел бежать из Петрограда. Некоторое время он скрывается в шалаше на станции Разлив, а затем его переправляют в Финляндию. Он обвинен в организации беспорядков и в шпионаже в пользу Германии.

ЦК партии принял решение о переходе Ленина на нелегальное положение, но уже в конце сентября 1917 года он тайно возвращается в Петроград. 10 октября 1917-го на заседании ЦК РСДРП(б) Ленин добился принятия решения о вооруженном восстании. Вечером 24 октября 1917-го он прибыл в Смольный, чтобы возглавить руководство переворотом, а 25 октября уже руководил Вторым Всероссийским съездом Советов, на котором было провозглашено, что власть в России переходит к большевикам. 26 октября на съезде Ленин огласил декреты о мире и земле. Тогда же съезд сформировал Советское правительство – Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. 27 октября 1917-го Ленин ограничил свободу прессы, запретил даже социалистические газеты и приказал арестовать всех своих политических противников. Буржуазные партии были запрещены, их лидеры объявлены вне закона, некоторые задержаны, некоторые убиты. 7 декабря 1917-го система репрессий была узаконена созданием Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), которая широко и бесконтрольно применяла всевозможные методы насилия. Террор Ленин рассматривал как неотъемлемый и необходимый элемент революционной борьбы. «Если мы не умеем расстрелять саботажника-белогвардейца, то какая же это великая революция?» – возмущался он. В начале 1918 года Ленин разогнал Учредительное собрание, поставив точку на последней надежде демократии. В марте 1918 года столица была перенесена из Петербурга в Москву и Ленин «окопался» в резиденции русских царей – Кремле. Тогда мало кто думал, что большевики смогут захватить власть во всей России и тем более удержать ее.

Формально высшей властью в государстве являлся Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Но в действительности Советы стали только инструментом большевистской партийной диктатуры. Ленин лично, иногда советуясь с ЦК партии, решал все ключевые государственные вопросы. Он начал с национализации банков, промышленности и частной торговли, с передачи крупных имений крестьянским Советам. Для «непролетарских элементов» вводится обязательный

физический труд, а ограбление крестьян проводится с помощью продразверстки и продовольственных военных отрядов.

«Декрет о мире», подписанный Лениным, предлагал всем воюющим странам закончить войну. Солдатам на фронте было рекомендовано брататься с немцами и «брать дело мира в свои руки». В декабре 1917-го Ленин начинает переговоры о мире с Германией. Он готов отдать «германцу» Финляндию, Прибалтику, Белоруссию и Украину, чтобы сохранить власть большевиков в Центральной России. Но большая часть большевиков и их «союзники» – левые эсеры – были против «позорного» мира. Незначительным большинством членов ЦК и ВЦИКа Ленин добился принятия требований германского правительства. 3 марта 1918 года в Брест-Литовске был подписан Брестский мирный договор, который стал «расплатой» за германские «гонорары» Ленина. В конце августа 1918 года в Ленина дважды стреляли террористы, однако виновницей была объявлена полуслепая эсерка Фанни Каплан, которую немедленно уничтожили.

Но Ленин не горевал над утратами огромных территорий, он мечтал о мировой революции, которая, по его расчетам, должна была уничтожить Германскую и Австро-Венгерскую империи. Эти надежды оправдались уже через восемь месяцев, когда началась революция в Германии, восстания в Австрии, Венгрии. Ленин не планировал строительство социализма в международной изоляции, он стремился к пролетарской революции в международном масштабе. До весны 1919 года «поход в Европу» был невозможен: на пути большевиков стояла австро-германская армия, интервенты Антанты, белогвардейцы и петлюровцы. В мае 1919-го Ленин был готов отдать приказ Красной армии идти на Венгрию и Румынию, но мятежи в тылу и прорыв деникинцами фронта привели к тому, что «поход в Европу» был отложен до лета 1920-го.

В 1919 году Ленин организовал Первый конгресс Третьего Коммунистического Интернационала, сформировал аппарат Коминтерна, который поддерживал создание коммунистических партий во всех странах мира. В июле 1920-го Красная армия вступила в Польшу, и Ленин громко заявил о «советизации» Польши, Румынии, Венгрии, об устройстве «европейской социалистической республики», но военное поражение в Польше заставило его отказаться от планов захвата Европы. На Втором и Третьем конгрессах Коминтерна Ленин выступил в поддержку тактики «единого фронта», с помощью которого коммунисты должны были объединиться с социалистами.

До ноября 1920 года деятельность Ленина была направлена

на победу в Гражданской войне. Он подбирал военные и управленческие кадры, мобилизовывал массы, выдвигал лозунги, с которыми шли умирать миллионы трудящихся.

В начале Гражданской войны системой государственного управления стал «военный коммунизм», который характеризовался милитаризацией труда в промышленности, централизацией планирования, утверждением коммунистических форм учета труда и распределения продуктов, постоянной эксплуатацией рабочих и крестьян. Кризис экономики страны, Кронштадтский мятеж в марте 1921 года и голод на юге России заставили Ленина незамедлительно перейти на иные формы хозяйствования. Новая экономическая политика (нэп) ввела смешанную экономическую систему – социалистический и частный секторы.

Ленин повторял, что «нэп – не стратегия, а только тактика», что это вынужденная передышка перед новым «коммунистическим наступлением». Нэп изменил мотивацию труда, освободил частную инициативу, облегчил жизнь крестьянам и способствовал восстановлению страны после долгих лет войны. Не только частные капиталы «подозрительного» отечественного происхождения, но и иностранные фирмы приглашались для работы в Советскую Россию.

К весне 1921 года Ленин покончил с оппозиционными группировками внутри партии. На X партийном съезде было принято решение о запрете всех оппозиционных групп внутри большевистской партии. Летом 1922-го начался первый показательный политический процесс – против эсеровских лидеров, было вынесено 14 смертных приговоров. Ходатайства Горького, Цеткин и других видных революционеров о помиловании Ленин отклонил; но приговоры были смягчены, ведь к этому времени деятельность всех партий, кроме большевистской, немедленно пресекалась ЧК.

Рапалльский «дружественный» договор с Германией в 1922 году прорвал блокаду страны, и большевики обрели мощную политическую опору в лице Германии. Это была победа Ленина, который надеялся стравить Германию и страны Антанты между собой. В конце 1922 года съезд Советов принял постановление о создании Союза Советских Социалистических Республик (СССР).

Уже в середине 1921 года стало очевидно, что Ленин тяжело болен. В июле 1921-го он писал Горькому: «Я так сильно устал, что не способен больше ни на что». После инсульта в мае 1922 года он все же вернулся к работе, но в декабре 1922-го с ним случился второй инсульт. Первые месяцы 1923 года Ленин приходит в себя и пытается договориться с Троцким. В своих

последних письмах в ЦК он настаивает на увольнении Сталина с поста секретаря партии. Но изолированный в Горках, не способный самостоятельно передвигаться, он уже мало что решает. Еще в 1922 году началась борьба между группой Троцкого и триумвиратом Сталин – Зиновьев – Каменев за власть в партии.

Третий инсульт в марте 1923 года полностью вывел Ленина из строя, он уже абсолютно недееспособен. 21 января 1924 года в возрасте 54 лет Ленин покинул сей мир, чтобы остаться в нем мифом и мумией. Плеханов называл вождя большевиков «гением упрощения», Троцкий писал, что Ленин «мыслил блоками», а Керенский утверждал, что «для него все, что было на пользу и выгодно рабочему классу, представлялось этичным, а все, что вредно, – не этичным. Такая доктрина морального релятивизма, если следовать ей до логического конца, неизбежно ведет к той аморальности, которая предельно сжато сформулирована в формуле: если Бога нет, то все позволено. И именно эту сжатую формулу духовного и морального нигилизма Ленин и его соратники использовали в качестве руководящего принципа своей деятельности».

Из письма В. И. Ленина членам Политбюро:

«…мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету. Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр)… Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с

изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне…

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом. Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин – никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

…в Шуе арестовать как можно больше, не меньше, чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров…

Самого патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент»…

МАРТОВ ЮЛИЙ ОСИПОВИЧ

Настоящая фамилия – Цедербаум
(род. в 1873 г. – ум. в 1923 г.)

Лидер российской социал-демократии, один из организаторов партии меньшевиков, теоретик марксизма.

Мартов родился в богатой и образованной еврейской семье, отец его был представителем Русского общества пароходства и торговли в Стамбуле (Турция). Из-за Русско-турецкой войны семья Цедербаум переехала в Одессу. Дед Мартова – Авраам Цедербаум – был учредителем и редактором выходившей на иврите газеты в Петербурге.

В 1891 году Юлий поступил в Петербургский университет, где вошел в революционный студенческий кружок и стал марксистом. В революцию ушел не только он, но и его братья Сергей и Владимир, сестра Лидия, ставшая женой лидера меньшевиков Дана-Гуревича. В 1892 году Мартов – один из основателей в Петербурге марксистской группы «Освобождение труда».

Вскоре Мартов был арестован и выслан в Вильно. Там он стал лидером местной социал-демократической организации, одним из создателей партии еврейского пролетариата «Бунд». В 1895

году вместе с Лениным он основал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В январе 1896 года Мартов был арестован. После года тюремного заключения был сослан в Сибирь на 3 года.

После окончания ссылки, в 1900 году Мартов уехал за рубеж. В марте 1901 года в Мюнхене вошел в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря». Мартов дружит с Лениным и вместе с ним борется за власть в партии, готовит проект Программы РСДРП. Но в 1903 году на II съезде РСДРП Мартов разошелся с Лениным, став идеологом, публицистом и руководителем меньшевиков. На съезде Мартов внес альтернативное ленинскому определение членства в партии (содействие РСДРП вместо обязательного участия в организации), выступил против предложения Ленина ограничить редколлегию «Искры» Лениным, Мартовым, Плехановым, отказался работать в «Искре», бойкотировал выборы руководства партии. После выхода Ленина из редакции «Искры» вернулся в нее, был введен в ЦК партии. Обвинял большевиков и их лидера в стремлении установить в партии диктатуру.

Мартов считал, что партия должна быть демократичной и легальной. После Манифеста 17 октября 1905 года он вернулся в Россию: работал в исполкоме Петербургского Совета, руководил деятельностью меньшевиков (член ЦК РСДРП), редактировал газеты «Начало» и «Партийные известия». Мартов отверг ленинскую тактику бойкота Государственной думы. Весной 1906 года он был арестован и выслан за границу, жил в Швейцарии. На январском пленуме (1910 г.) ЦК РСДРП Мартов раскритиковал курс большевиков на раскол, выступал за легализацию партии. В 1912 году вошел в Заграничный секретариат ОК РСДРП, участвовал в Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.) международных конференциях Интернационала.

В 1914–1917 годах, во время Первой мировой войны, Мартов выступал за справедливый демократический мир, был «интернационалистом», а в мае 1917-го, вернувшись в Россию, выступил против «революционного оборончества» и вхождения социалистов во Временное правительство. В сентябре того же года Мартов заявил о необходимости перехода власти в руки революционно-демократического правительства, но решил «остаться на далеком расстоянии с Лениным и Троцким».

В мае 1917 года на Всероссийской конференции РСДРП меньшевиков Мартов раскритиковал вступление социалистов в коалиционное правительство и сложил с себя ответственность за решения конференции, не участвовал в выборах руководства, став в оппозицию к руководству меньшевиков. Мартов возглавил немногочисленную группу меньшевиков-интернационалистов. На Первом Всероссийском съезде Советов он был избран членом

ВЦИКа, на Всероссийском Демократическом совещании высказался против коалиции с буржуазией, но был избран в Предпарламент Республики, где возглавлял фракцию меньшевиков-интернационалистов.

На Втором съезде Советов Мартов отстаивал идею межпартийных переговоров и предложил приостановить работу съезда до создания однородной демократической власти. Он с негодованием воспринял Октябрьский переворот, рассматривая его как катастрофу для России, и покинул Второй съезд Советов. В ноябре 1917-го, во время переговоров в Викжеле, Мартов вновь потребовал от Ленина создания «однородного социалистического правительства». Мартов предлагал «ни в коем случае не участвовать в разгроме пролетариата, хотя бы он и шел по ложному пути».

В феврале-марте 1918 года он борется против заключения Брестского мира, на Червертом Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов убеждает не ратифицировать договор и требует создать новое демократическое правительство. В апреле 1918-го Мартова судят за клевету на Сталина (Мартов обвинял его в причастности к экспроприациям). На суде Мартову было выражено «общественное порицание».

В июне 1918 года ленинцы обвинили меньшевиков в союзе с белогвардейцами, а ВЦИК исключил меньшевиков из своего состава и из состава местных Советов. В то же время Мартов выступил в поддержку советской власти в ее борьбе с контрреволюцией, за снятие лозунга «Вся власть Учредительному собранию», против интервенции и участия меньшевиков в вооруженной борьбе с большевиками.

На съезде меньшевиков в 1918 году Мартов отверг предложение «признать за народом право восстания против большевиков», призвал к единству рабочего движения. Он снова лидер партии меньшевиков, избран членом ЦК и в редакцию «Рабочей газеты» и газеты «Всегда вперед». В 1919–1920 годах Мартов находился на полулегальном положении, неоднократно подвергался арестам. На ходатайство Луначарского освободить Мартова из-за тяжелой болезни Ленин ответил отказом.

В 1920 году Мартов выдвинул идею объединения всех «марксистских социалистических партий», включая РКП(б), на основе народовластия, свободы идейной борьбы и пропаганды. В октябре 1920 года Мартов легально выехал за границу по поручению ЦК меньшевиков в качестве представителя партии в Интернационале. В феврале 1921 года он учредил в Берлине журнал «Социалистический вестник» (центральный орган меньшевиков), возглавил Заграничную делегацию РСДРП –

партийный центр меньшевиков, стал одним из создателей Венского Интернационала. В Советской же России большинство лидеров меньшевиков было арестовано. Из-за обострения туберкулезного процесса в ноябре 1922-го Мартов был прикован к постели. Он умер 4 апреля 1923 года в Шемберге (Германия), до самой смерти оставаясь гражданином страны Советов.

РАКОВСКИЙ ХРИСТИАН ГЕОРГИЕВИЧ (СТАНЧЕВ КРЫСТЮ)

(род. в 1873 г. – ум. в 1941 г.)

Международный революционер – марксист, один из организаторов советской власти, руководитель правительства Советской Украины в 1919–1923 гг.

Христо Раковский – внук известного болгарского революционера Георгия Раковского – родился 1 августа 1873 года в городке Котел, в Болгарии, в дворянской помещичьей семье. В 15 лет он был исключен из школы за участие в студенческих «беспорядках» без права поступления в какое-либо учебное заведение Болгарии. В 17 лет Раковский стал марксистом, за деньги отца напечатал работу Энгельса, в 18 – уехал в Швейцарию, где, очутившись в среде политических эмигрантов, стал деятельным членом международного кружка студентов-социалистов.

В Швейцарии, Германии и Франции Христо учится в университете на медицинском факультете, пишет статьи в болгарский журнал «Социал-демократ» и заводит дружбу с русскими революционерами из группы «Освобождение труда». В

1897 году, заканчивая учебу, Раковский написал интересную диссертацию по психиатрии «Причины преступности и вырождения». Он путешествует по европейским странам, получая значительные денежные суммы, пересылаемые управляющим его поместья в Добрудже.

В 1893–1911 годах Раковский – участник собраний европейских социалистов – был одним из организаторов Второго международного конгресса социалистических студентов, представлял Болгарию на Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе, на международных социалистических съездах в Лондоне, Париже, Штутгарте и Копенгагене, а также на Амстердамском конгрессе Второго Интернационала, на конференции балканских социалистических партий в Белграде. Будучи «своим» в кругу европейской социал-демократии, Раковский завязывает дружбу с лидерами этого движения: Плехановым, Гедом, Либкнехтом.

Тогда с Россией его связывало одно: в 1897 году он женился на русской марксистке Е. Рябовой.

После окончания университета Христо занимается медицинской практикой, правда, всего полгода – в румынской армии во время отбывания обязательной воинской повинности. В 1899–1902 годах Раковский трижды посетил Петербург и встречался со многими русскими марксистами. Во Франции, куда в 1900 году он переехал, Христо прослушал полный университетский курс по юриспруденции. В начале XX века Раковский – «балканский» революционер – представляет на конгрессах, съездах и форумах болгарскую, сербскую и румынскую марксистские партии. В то же время он сотрудничает в русских, польских, немецких, французских марксистских изданиях и слывет блестящим публицистом.

В 1904 году Раковский активно работает в Болгарии, поддерживает местных социалистов – «тесняков». В 1905 году он уезжает в Румынию, где основывает газету Социалистической партии Румынии «Рабочая Румыния», журнал «Социалистическое будущее», становится одним из руководителей румынских социал-демократов.

Раковский возглавляет кампанию в защиту матросов-потемкинцев, бежавших в Румынию в 1905 году. В 1907 году румынское правительство высылает его как подстрекателя крестьянских восстаний в стране. В 1909-м и в 1911-м Раковский снова выслан из Румынии как опасный революционер.

Раковский действительно был талантливым публицистом, его книги – «Россия на востоке», «Очерки современной Франции», «Меттерних и его время», «Наше разногласие», «Русско-японская

война», «Социалисты и война» – пользовались популярностью.

Только в 1912 году ему был разрешен въезд в Королевство Румыния. Накануне первой Балканской войны Раковский организовал конференцию балканских социалистических партий в Константинополе в целях выработки плана действий против военной опасности. В годы Первой мировой войны Раковский становится секретарем Центрального бюро Балканской рабочей социал-демократической федерации, борется за невмешательство Румынии в мировую войну, за нейтралитет этой страны. Но в августе 1916 года, сразу после того, как Румыния вступила в войну, Раковский оказался в тюрьме. В мае 1917 года он был освобожден восставшими солдатами русского гарнизона в Яссах. Тогда же он приехал в революционный Петроград, чтобы навеки связать свою судьбу с первым в мире социалистическим государством. В то же время Временным правительством и румынскими властями Раковский рассматривался как «немецкий шпион». Интересно, что он действительно получал «деньги на революцию» из немецкой казны.

В ноябре 1917-го «международный социалист» Раковский (скорее, меньшевик с темными немецкими связями) вступает в большевистскую партию, захватившую власть в Петрограде. Революционный авантюрист, знавший восемь иностранных языков, но плохо говоривший по-русски, не понимающий обстановки в России, добился высокого поста в партийной иерархии. В качестве эмиссара-уполномоченного правительства РСФСР он был направлен в Севастополь и Одессу, возглавил делегацию на переговорах с Румынией. Во время этих переговоров Раковский выступает как председатель Верховной автономной коллегии по борьбе с контрреволюцией, добивается согласия Румынии на вывод войск из Бессарабии.

В апреле 1918-го он возглавил делегацию РСФСР на переговорах с Центральной Радой. После того как в Украине утвердился режим гетмана Скоропадского, Раковский был назначен главой советской делегации для переговоров с правительством Скоропадского о мире и границах.

Одновременно Раковский заключил перемирие с немецким командованием, решил вопрос о временных границах. Летом 1918-го он руководит красным подпольем и советской агентурой в Украине, организует борьбу против гетмана Скоропадского.

В сентябре 1918 года Раковский возглавляет чрезвычайную миссию, отправляющуюся в Германию для переговоров с германским правительством о мирном договоре с Украиной. Из Берлина его высылают как «советского шпиона», по дороге в Советскую Россию германские власти его арестовывают.

Германская революция ноября 1918-го освободила Раковского из тюрьмы. С января 1919 по июль 1923 года Раковский занимает высшие посты в Советской Украине – председателя СНК Украины и одновременно наркома иностранных дел Советской Украины. В 1919–1927 годах Раковский – член ЦК ВКП(б), член ЦК КП(б)У, член ЦИК СССР. Он – член исполкома Коминтерна и глава Юго-Восточного бюро Коминтерна. Он совмещает свою деятельность в Украине с должностью начальника Политуправления Реввоенсовета (РВС) республики в 1919–1920 годах и с работой в РВС Юго-Западного и Южного фронтов Красной армии.

В 1919 году Раковский развязывает в Украине «красный террор», подавление «крестьянских восстаний», проводит насильственную русификацию, отстраняет украинских большевиков от власти в Советской Украине. Тогда же он провел эксперимент по организации в Украине сельскохозяйственных коммун. В мае 1919 года против правления Раковского вспыхнуло крестьянское восстание, к которому примкнули отдельные части Украинской Красной армии.

После установления советской власти в Украине в 1920 году Раковский пытается вести более взвешенную политику, однако ориентация на Троцкого толкала его к «экстремистскому большевизму и террору». В 1921–1923 годах Раковский выступил за федеративный союз Украины и РСФСР – против их полного слияния, против сталинского плана автономизации советских республик в составе РСФСР. С 1922 года он даже поддержал политику украинизации и коренизации, выступал за расширение прав союзных республик. Как «искушенный европеец» Раковский в числе других советских дипломатов участвовал в Генуэзской конференции.

В 1923 году Сталин обвинил Раковского в «конфедерализме» и снял со всех руководящих постов в Советской Украине. Карьера Раковского закончилась после ослабления влияния Троцкого. С 1923 года Раковский довольствовался постами заместителя наркома иностранных дел СССР и полпреда в Великобритании, в 1925–1927 годах возглавил советское полпредство во Франции. Ценитель искусства, опытный заговорщик Раковский принимает в своем представительстве «левую» богему Парижа: Луи Арагона, Анри Барбюса, Сальвадора Дали и… болгарских политэмигрантов во Франции. По требованию французских властей он был выслан из Франции в октябре 1927 года за шпионаж.

В 1926 году Раковский примкнул к «новой оппозиции» Каменева – Зиновьева – Троцкого, а в мае 1927-го подписал «письмо 83-х» и проект Платформы большевиков-ленинцев, выступавших с критикой Сталина. В конце 1927 года Раковский

был репрессирован как активный троцкист и исключен из партии. В январе 1928-го он был сослан на шесть лет в ссылку в Астрахань, потом в Саратов, где работал в различных государственных комиссиях.

Летом 1928 года из астраханской ссылки он написал за границу Г. Б. Валентинову послание. Это послание в 1929 году было опубликовано в «Бюллетене оппозиции» под заглавием «Письмо о причинах перерождения партии и государственного аппарата». «Ни физически, ни морально ни рабочий класс, ни партия не представляют из себя того, чем они были лет десять тому назад, – писал Раковский. – Я думаю, что не очень преувеличиваю, если скажу, что партиец 1917 года вряд ли бы узнал себя в лице партийца в 1928 году… Вы спрашиваете, что случилось с активностью партии и нашего рабочего класса, куда исчезла их революционная инициатива, где делись идейные интересы, революционное мужество, плебейская гордость. Вы удивляетесь, почему столь много подлости, трусости, малодушия, карьеризма и многого другого, что я прибавил бы со своей стороны. Как получается, что люди с богатым революционным прошлым, несомненно честные, лично дававшие многократные примеры революционного самоотвержения, превратились в жалких чиновников…» Раковский мечтал «…предохранить и партию и рабочий класс от разлагающего действия привилегий, преимуществ и поблажек, присущих власти». Он считал, что буржуазные нравы, имущественное расслоение и нэп разлагают партию и рабочий класс, усугубили разделение между верхами и низами. Раковский возмущался тем фактом, что «…социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партмаксимум, отличается от положения того же коммуниста, работающего на угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц».

В годы ссылки Раковский регулярно переписывается с Троцким и троцкистами, он даже предпринял, правда, неудачную, попытку бежать из ссылки, но чекисты его возвратили в Барнаул. В ссылке Раковский написал воспоминания и книгу о борьбе с пьянством. В 1929–1930 годах Раковский пишет два обращения оппозиции к ЦК и XVI съезду партии, где критикует сталинскую политику.

Сломленный репрессиями Раковский в феврале 1934 года все же пошел на сотрудничество со Сталиным и был восстановлен в партии. Раковский получил ответственный пост в Наркомате здравоохранения СССР и даже возглавил делегацию советского Красного Креста в Токио. Но это его не спасло, он был снова

арестован в январе 1937 года по делу «антисоветского правотроцкистского блока». Восемь месяцев он отказывался подписывать признание и покаяние, но был сломлен пытками.

На суде Раковский признался в шпионаже в пользу Германии, Франции, Англии и Японии, в антисоветской деятельности и терроризме… Но его почему-то не расстреляли немедленно после суда, как большинство «старых большевиков», а заключили в Орловскую политическую тюрьму, приговорив к 20 годам заключения. Когда началась Великая Отечественная война и фашистские войска дошли до Орла, многочисленных «обитателей» политической тюрьмы решено было расстрелять. 11 сентября 1941 года Раковский был расстрелян в лесу под Орлом, вместе с Марией Спиридоновой и другими «особо опасными» преступниками.

ДЗЕРЖИНСКИЙ ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ

(род. в 1877 г. – ум. в 1926 г.)

Один из лидеров большевистской партии, организатор «красного террора» и «чрезвычаек».

Будущий «железный Феликс» – Феликс Щасны-Дзержинский – родился 11 сентября 1877 года в родовом имении отца Дзержиново Ошмянского повета Виленской губернии в семье мелкого шляхтича – ополяченного литовца, учителя гимназии. Накануне родов его мать упала в погреб, и ребенок появился на свет раньше положенного срока. Образование Феликс получал в стенах той же Виленской гимназии, что и Пилсудский.

Поначалу Феликс, ревностный католик, мечтает стать ксендзом, но в седьмом классе гимназии, в 1895 году, он вступает в партию литовских социал-демократов. В 1896 году он уже бросает гимназию, «…чтобы быть ближе к массе рабочих». Интересны подробности его биографии, приведенные в словаре Гранта (середина 1920-х годов): «Дзержинскому удалось сделаться агитатором и проникнуть в совершенно нетронутые массы – на вечеринки, в кабаки, там, где собирались рабочие». В

1897 году Феликс перебирается из Вильнюса в Ковно (ныне Каунас), где пытается организовать рабочие стачки. Он даже успел выпустить один номер газеты «Ковенский рабочий».

Феликс с детских лет воспитывался в духе польского национализма. В семье царила неприязнь ко всему русскому, православному, мать рассказывала детям преимущественно о польских патриотах. И сам Дзержинский позже признавался: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей».

Феликс создает «боювки» – группы вооруженной молодежи, полукриминальные формирования с политической окраской. Боевики Дзержинского физически расправляются со штрейкбрехерами, организуют теракты с десятками жертв, весной 1897 года они избивают железными прутьями рабочих, не желающих бастовать. По воспоминаниям «подельников» Дзержинского тех лет, они беспощадно убивали всех, на кого падало подозрение в связях с полицией.

Ближайший сподвижник Феликса, боевик А. Петренко, вспоминал: «Расправа над предателями и тайной агентурой была делом первой необходимости. Такие эпизоды, происходившие почти ежедневно, были обставлены гарантиями «правосудное™» расстрела. Обстановка была такова, что и сейчас можно осудить кого-либо за эти расправы». Дзержинского шесть раз арестовывали – в том числе и с пистолетом в руках, с явными уликами преступления, – но его сподвижники убивали свидетелей, запугивали судей и прокуроров.

Однако Феликс был все же судим и приговорен к трем годам ссылки в Вятскую губернию. В 1899 году Феликс бежит из ссылки и возвращается в Литву, потом перебирается в Варшаву, где возглавляет революционное подполье. В начале 1900 года Феликс снова арестован и выслан на пять лет в Восточную Сибирь. По дороге в ссылку, уже в Сибири, Дзержинскому удается бежать и перебраться в Западную Европу, сначала в Германию, позже в Австро-Венгрию. В Берлине он принял участие в конференции социал-демократов (СД) Польши и Литвы, где его избрали секретарем заграничного комитета партии. Дзержинский активно поддерживал вступление Литовской социал-демократической партии в РСДРП, голосуя против наиболее рьяных польских и литовских националистов.

Находясь в австрийской Галиции он часто нелегально переходил в Польшу, где вел подрывную работу, выпускал газету «Червоны штандар», которую нелегально привозили в российскую Польшу. В 1903 году на Четвертом съезде партии СД Литвы и Польши он был избран членом Главного правления. В тюрьмах и

ссылках Дзержинский заболевает туберкулезом, а его молодая жена Юлия Гольдман умирает от этой болезни в 1904 году.

В 1905 году Дзержинский переезжает в Россию как член правления партии социал-демократов Литвы и Польши и член военно-революционной организации РСДРП. Однако с июля по октябрь 1905 года он вновь томится в российской тюрьме. Освобожденный по амнистии Дзержинский принял участие в революционных событиях в Петербурге и Варшаве, в числе делегатов участвовал в работе Стокгольмского объединительного съезда РСДРП и даже вошел в ЦК РСДРП как представитель социал-демократии Литвы и Польши. В конце 1906 года Дзержинский снова арестован в Варшаве, но через полгода выпущен под залог. На V съезде РСДРП в 1907 году он был избран в ЦК партии.

В апреле 1908 года Феликс снова арестован и выслан на вечное поселение в Енисейскую губернию с лишением всех прав состояния, но, пробыв на поселении только неделю, он бежит и «обнаруживается» уже в Австро-Венгрии. Он поселяется в Кракове, разъезжает по Польше. В Кракове он – секретарь и казначей литовских социал-демократов. Дзержинский солидарен с политикой Ленина и выступает против легализации партии большевиков. К этому времени он вторично женат на «однопартийке» С. Мушкат.

В сентябре 1912 году Дзержинского снова арестовывают в Варшаве и отправляют на каторгу в Орловский централ сроком на 3 года. В Москве его снова судят «за деяния 1910–1912 годов» и прибавляют еще 6 лет каторги. Из московского Бутырского централа его освобождает Февральская революция.

С весны 1917-го начинается стремительная карьера Дзержинского. Уже в марте-апреле он – член Московского комитета партии большевиков, член Московского Совета. На апрельской конференции большевиков Дзержинский выступил против права наций на самоопределение, что очень понравилось Ленину, который на VI съезде большевиков предложил ввести его в состав ЦК партии, а затем – в узкий состав ЦК.

В октябре 1917-го Дзержинский – один из организаторов переворота в столице – член Военно-революционного центра при ВРК, член исполкома Петроградского Совета и делегат Второго Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. Он лично организовывал захват почты и телеграфа в Петрограде. Выступая в фарваторе политики Ленина, Дзержинский был противником соглашения с левыми социалистами и допущения их в правительство, он выступил также против подписания Брестского мира. С 7 декабря 1917-го Дзержинский – председатель ВЧК. На

этой должности он «обессмертил» свое имя, став олицетворением жестокости, провокаций, непримиримости, создателем института заложников, атмосферы тотального страха в стране. Дзержинский был одним из инициаторов и главным организатором «красного террора» и массового классового террора.

С 7 июня по 22 августа 1918 года он находился в добровольной отставке в связи с убийством террористами немецкого посла Мирбаха. Дзержинский расширил полномочия ЧК до небывалых размеров, сделав из «тайной полиции» главный орган контроля и управления страной. Миллионы невинных жертв за семь лет пребывания Дзержинского в руководстве ЧК не дают права реабилитировать этого «революционного кровопийцу».

В 1919–1920 годах Дзержинский – член комиссии ЦК и Совета обороны и нарком внутренних дел, председатель Комитета обороны Москвы и глава Комитета по всеобщей трудовой повинности.

В мае-июле 1920-го Дзержинский руководит борьбой с повстанческим движением и антибольшевистским подпольем в Украине как начальник тыла Юго-Западного фронта, а в июле – сентябре 1920-го входит в состав Временного ревкома Польши и Польского бюро ЦК Российской коммунистической партии (большевиков) (РКП(б)). Тогда ему как этническому поляку прочили пост диктатора Советской Польши. Но Красная армия не только не взяла Варшаву, но была разгромлена на Висле и откатилась к Киеву. О присоединении Польши и «великом походе» на Европу большевикам пришлось забыть.

В 1923 году Дзержинский вновь выступает за ограничения прав советских республик, за полное подчинение Москве. Возглавляя ВЧК – ГПУ (Государственное политическое управление), Железный Феликс в 1921–1924 годах становится еще и наркомом путей сообщения, восстанавливает транспорт, расстреливая и запугивая рабочих. С 1924 года Дзержинский – кандидат в члены Политбюро ЦК партии, председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР. В последние годы он резко критикует Троцкого, Каменева и Пятакова, поддерживает Сталина, дав ему возможность стать диктатором. Но как опытный политик Дзержинский ведет свою игру… До последней минуты жизни он проводит репрессии против всех тех, кто неугоден режиму, формирует международную агентуру и группы террористов, пытается превратить органы ВЧК – ГПУ в самые влиятельные и бесконтрольные.

Неожиданная смерть Дзержинского в июле 1926 года, по мнению ряда исследователей, была «организована» Сталиным. В

некрологе, написанным Бухариным, были такие строчки: «Вчера умер Дзержинский. Загорелся последней пламенной речью, пролил на всех огонь своей бурной души… Вот, как живой, стоит он на трибуне. Сухой, энергичный, весь, точно натянутая струна. Его речь – не речь, а крик ума, сердца, крик бешеной воли и творческой страсти». Не знал тогда «Бухарчик», что через десять лет «орлы Дзержинского» запытают его до смерти в подвалах ЧК.

ВИЛЬЯ ПАНЧО

САПАТА ЭМИЛИАНО

Настоящее имя – Аранго Доротео (род. в 1877 г. – ум. в 1923 г.)

Вилья Панчо

(род. в 1879 г. – ум. в 1919 г.)

Сапата Эмилио

Знаменитые мексиканские революционеры, руководители повстанческих крестьянских армий в годы Мексиканской революции 1910–1917 гг., герои народного эпоса и голливудских боевиков.

Вилья и Сапата – два «пламенных революционера», чьи судьбы неразрывно связаны с Мексиканской революцией. Доротео Аранго (настоящее имя Панчо Вильи, известного также как Франсиско Вилья) родился в Рио-Гранде, штат Дуранго (Мексика) в октябре 1877 года в семье нищих и неграмотных пеонов-батраков. В детстве он работал пастухом и развозчиком молока. В 1893 году шестнадцатилетний Доротео убил чиновника, изнасиловавшего его сестру, бежал в горы и организовал свой первый отряд партизан-мстителей на севере Мексики. Одним из бойцов этого отряда был близкий друг Доротео, которого звали Панчо Вилья. Когда он погиб, Доротео поклялся отомстить и взял себе его имя. Добычу, захваченную отрядом во время налетов на помещиков, буржуа, чиновников и на золотые прииски, раздавали бедным крестьянам. В голодные годы Вилья кормил целые деревни и по праву заслужил прозвище «друг бедняков». Отряд Вильи угонял скот у помещиков, грабил поезда… За его голову было назначено крупное вознаграждение. Панчо Вилья двадцать лет наводил ужас на помещиков севера Мексики, был объявлен государственным преступником «вне закона». Его имя обросло легендами, о нем слагали песни и сказания.

Эмилиано Сапата родился в августе 1879 года в Сан-Мигель-Аненекуилько, штат Морелос, тоже в семье бедного крестьянина. Во время революции в 1910–1917 годы он возглавил крестьянское движение центра и юга Мексики и был одним из самых активных сторонников передела земли между крестьянами.

Еще в 1877 году генерал Порфирио Диас захватил власть в Мексике. Более 30 лет он терроризировал мексиканских крестьян, опирался на так называемую «Партию ученых» при поддержке английского и американского капитала. В результате аграрной реформы земля осталась во владении помещиков, крестьяне же, лишенные земли, становятся пеонами – батраками. На промышленных предприятиях рабочий день длился 16 часов. Формально существовали свобода печати, собраний, но тех, кто пытался использовать эти свободы, арестовывали и нередко физически уничтожали. В то же время европейские либералы считали, что генерал Диас ведет Мексику к прогрессу.

После переизбрания президента Мексики Диас становится главой правительства. Соперник Диаса, либерал Мадеро, призвал

отстранить Диаса от власти. 20 ноября 1910 года было объявлено началом всеобщего восстания, которое уже в декабре 1910-го охватило огромные территории, перешедшие под контроль повстанческих отрядов Вильи и Ороско с центром в Чиуауа, Сапаты – в Морелосе, де Лара – в Козуиле. В феврале 1911-го Мадеро преобразовал повстанческие отряды в Освободительную армию Мексики.

Тогда Вилья со своим отрядом неожиданно появился в Эль-Пассо в штабе повстанцев, получил звание майора, а вскоре, после захвата частями Мадеро Мехико, был произведен в генералы.

В 1911 году революционная армия Сапаты развернула наступление в южной провинции Морелос и двинулась на столицу страны – Мехико. Повстанческая армия Вильи и Ороско осадила Сьюад-Хуарес и взяла город штурмом. В 1911 году повстанцы овладели значительной частью территории Мексики. Отряды Вильи на севере, отряды Сапаты на юге наносили правительственным войскам поражение за поражением. 21 мая 1911 года в Сьюад-Хуаресе было подписано соглашение о прекращении боевых действий, отставке президента Диаса и роспуске повстанческой армии. А уже через три дня в Мехико Диас передал власть Временному правительству Мексики. Вскоре Мадеро был избран президентом страны. Мадеро был против наделения землей крестьян, требовал роспуска и разоружения партизанских отрядов. Мадеро решительно подавлял забастовки, приказал арестовать рабочих лидеров. Многие партизаны отказались разоружаться, они продолжили борьбу, захватывали помещичьи земли.

В ноябре 1911 года глава повстанцев юга Мексики Сапата напечатал «План Айяла», где обвинил Мадеро в измене революции и объявил экспроприацию помещичьих латифундий. «План Айяла» предусматривал ликвидацию крупной земельной собственности, выкуп земли, наделение землей крестьян. В марте 1912 года на фоне полной анархии вспыхнуло восстание под руководством генерала Ороско против президента Мадеро. Вилья – командир отряда в Паррале – нанес Ороско сокрушительное поражение.

Тогда же генерал Уэрта приказывает отстранить Вилью от командования дивизией и расстрелять его. Только вмешательство президента Мадеро спасло Вилью от расстрела. Но по доносу конкурентов Вилья оказался в тюрьме Мехико, откуда бежал и на некоторое время поселился в США. Только в тюрьме Вилья начал учиться писать и читать.

В феврале 1913 года в Мехико восстала армия, которую

поднял Главнокомандующий вооруженными силами генерал Уэрта. Он принудил президента Мадеро уйти в отставку и провозгласил себя президентом Мексики. Вскоре был убит президент Мадеро, что стало толчком к формированию единого широкого фронта против диктатуры Уэрта.

В марте 1913-го Вилья возвращается к своим ветеранам и начинает борьбу с правительством. Под его знамя встали мятежные войска генерала Каррансы в штате Коахиль, Северная дивизия Вильи в штате Чиуауа, Северо-Западная дивизия генерала Обрегона в штате Сонора, Освободительная армия Сапаты в штате Морелос. Карранса и его генералы обещали амнистию политическим заключенным, землю, повышение уровня жизни рабочих.

В середине 1913 года Северная дивизия Вильи разгромила правительственные войска генерала Уэрты в битвах у Сьюад-Хуарес и Торреон. Он провозгласил себя военным губернатором штата Чиуауа и на контролируемой им территории, где проживало около 400 тысяч мексиканцев, приступил к эксперименту по созданию «общества справедливости». В его владениях конфисковывались земли у крупных латифундистов и раздавались крестьянам, национализировались промышленные предприятия, принадлежащие «реакционерам»; развернулось строительство школ для бедноты. Из «вольного» района Вилья изгонял «богатых» и конфисковывал их имущество. Он даже выпустил собственные деньги, на которых красовался его портрет. Вилья ненавидел католическую церковь, закрывал церковные приходы, чем настроил многих мексиканцев против себя.

В то же время войска Уэрты терроризировали села и вовсю мародерствовали, политические убийства стали повседневностью. Правительство Уэрты обрушилось с репрессиями на рабочее движение, попыталось расправиться с партизанами – однако результатом стало лишь усиление революционного движения. В июле 1914 года под давлением США Уэрта ушел в отставку и был выслан за пределы Мексики, временным президентом Мексики был назначен Карбахал. Обладая незаурядными военными способностями, Сапата сыграл большую роль в свержении контрреволюционного правительства Уэрты.

К тому времени Северная дивизия Вильи захватила город Сакатекас, войска конституционалистов Обрегона взяли Гвадалахару и Куэретаро и продвигались к Мехико. В июле 1914 года отряды Вильи и Сапаты, насчитывающие 70 тысяч бойцов, заняли столицу. Но у повстанческих лидеров к тому времени назрел острый конфликт с новым президентом. Карранса отправил Вилью в отставку, Сапата же не признал Каррансу

«первым вождем». Официальная пресса изображала партизан Вильи и Сапаты как обычных уголовников, которые занимались грабежами и убийствами в столице.

Когда Вилье, еще до взятия Мехико, предлагали стать во главе революционного правительства, он категорически отказался, заявив, что его задача – отдать крестьянам землю, а для руководства страной он недостаточно образован и вообще считает власть занятием, недостойным честного человека. В августе 1914 года временный президент Карбахал бежит за пределы Мексики, и войска генерала Обрегона вступают в столицу. Генерал Обрегон провозгласил Каррансу «первым руководителем» Мексики. Однако Конгресс отправил в отставку президента Каррансу и назначил временным президентом Мексики генерала Гутьерреса.

В сентябре 1914-го Вилья объявляет о своем конфликте с Каррансой и Обергоном и обращается к Сапате с предложением начать совместную борьбу против новых правителей. В сентябре – ноябре 1914-го вспыхнула война революционной группировки Вильи и Сапаты против «умеренных» Каррансы и Обрегона.

В начале декабре 1914 года состоялась встреча лидеров враждующих группировок для формирования нового правительства страны. Руководители не пришли к соглашению, и повстанческая армия Вильи и Сапаты вновь заняла Мехико, оттеснив войска Каррансы и Обрегона к Веракрусу. Однако в январе 1915 года войска Каррансы и Обрегона выбили отряды Вильи и Сапаты из столицы. Через месяц Карранса договорился с лидерами анархо-синдикалистов о «борьбе с реакцией во имя революции». На борьбу против повстанцев Вильи и Сапаты были брошены «красные» рабочие отряды анархистов-синдикалистов.

Генерал Обрегон в сражении 13–15 апреля 1915 года одержал победу над повстанческой армией Вильи, остатки которой, взорвав железную дорогу, начали отход в Чиуауа. В момент решающих боев Сапата не поддержал своего союзника, сославшись на то, что в его освободительной армии (50 тысяч бойцов) не хватает патронов и снарядов. В ноябре 1915-го правительственными войсками были разгромлены последние крупные группировки Вильи, после чего тот перешел к партизанским действиям, разбив свою армию на мелкие боевые отряды.

В июле 1915 года с юга на Мехико двинулись армия Сапаты, ненадолго захватила столицу, но была выбита правительственными войсками. В конце 1915 года армия Сапаты была полностью разгромлена.

В январе 1916 года повстанцы Вильи убили 16 граждан США,

а в марте 1916-го отряд Вильи в 500 всадников ночью перешел границу Мексики и США и внезапным ударом захватил город Колумбус (штат Нью-Мехико). Вилья, провозгласив лозунг «Мексика для мексиканцев!», рассчитывал столкнуть мексиканское правительство с правительством США, что могло бы вызвать новый всплеск революции. Вскоре мексиканцы были выбиты кавалерийским отрядом американцев из Колумбаса. Это стало поводом для вмешательства США в борьбу против повстанцев. С согласия президента Мексики 12-тысячная армия генерала Першинга перешла мексиканскую границу с целью уничтожить «армию» Вильи. Вилья принимает активное участие в борьбе с интервентами, иногда становясь на сторону правительственных войск, которые тоже оказывали сопротивление воинским подразделениям из США. Правительство США, опасаясь, что Мексика может вступить в Первую мировую войну на стороне Германии, вывело свои войска из северных штатов Мексики.

До 1919 года Вилья вел партизанскую войну против помещиков севера Мексики и правительства Каррансы. Под давлением широкого крестьянского движения в 1917 году в мексиканскую конституцию был внесен ряд параграфов, отражавших интересы крестьянства. Карранса, издав закон об охране труда промышленных рабочих и опираясь на соглашение с руководством анархо-синдикалистов, использовал созданные синдикалистами «красные батальоны» для борьбы с повстанцами, которые в 1917 году были полностью разгромлены. За ненадобностью «красные батальоны» были распущены.

Сапата был убит 10 апреля 1919 года близ городка Куэрнавака при попытке покушения на президента Каррансу. Вилья в 1920 году отошел от политической борьбы и поселился на своей фазенде. 20 июля 1923 года в Идальго-дель-Парраль (штат Чиуауа) Вилья пал от руки наемного убийцы.

СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ

Настоящая фамилия – Джугашвили (род. в 1878 г. – ум. в 1953 г.)

Создатель тоталитарной системы в СССР, инициатор массового террора и репрессий.

Мало найдется в мире людей, которые ничего не знали бы или, по крайней мере, не слышали об этом человеке. Почти 30 лет он держал в своих руках судьбы людей, проживающих на 1/6 части суши. От него во многом зависела мировая политика. По его повелению совершались и великие дела, и страшнейшие преступления. Его имя и сегодня произносят кто с любовью и восхищением, кто с уважением, кто с ненавистью.

По официальной версии, получившей распространение с 1922 года, Сталин родился 21 декабря 1879 года, хотя в метрической книге Горийского Успенского собора значится совсем другая дата – 6 декабря 1878 года. Все попытки в 20–30-х годах написать его полную биографию заканчивались ничем. Итак, в тот день в семье сапожника Виссариона и прачки Екатерины Джугашвили родился третий, довольно слабый здоровьем сын (двое сыновей умерли в младенчестве) – Иосиф, или Сосо, которого мать решила посвятить Богу, считая, что он должен стать священником.

Екатерина была весьма религиозна, знала грамоту, любила музыку. Отец же любил пить, а пьяный – всегда лез в драку. Мать Иосиф любил. Уже став во главе государства, поселил ее в бывшем дворце наместника Кавказа, в котором она сама заняла только одну комнатку. Он писал ей короткие, но нежные письма, звал к себе, но мать не ехала. Да и сам он посетил ее только в 1935 году. И именно тогда она сказала ему: «Лучше бы ты стал священником». Отец, постоянно пьяный, часто и жестоко бил сына, своим грубым отношением изгоняя из сердца Сосо любовь к Богу и людям. Да и мать, уже после отъезда мужа в Тифлис, тоже частенько прикладывала руку к нему, росшему грубым, дерзким и упрямым. Вот в такой обстановке постоянного битья и проходило детство Иосифа. Кроме того, вечно пьяный Виссарион, все время завидующий сотоварищам по ремеслу, в основном евреям, более умелым, а потому и более зажиточным, успел заложить в душе Сосо зачатки антисемитизма.

Мечтая об образовании для сына, мать много работала, ив 1888 году Иосиф поступил в Горийское духовное училище. В течение 4 лет обучения Сосо был первым учеником. Но и здесь детей учили с позиции силы, и он, маленький и тщедушный, с покрытым оспинами лицом, со сросшимися двумя пальцами левой ноги и начавшейся вследствие ушиба атрофией плечевого и локтевого сустава левой руки, рос болезненно гордым и вызывающе грубым, как это часто бывает с детьми униженными, имеющими физические недостатки. В 1894 году по окончании училища Сосо поступил в Тифлисскую духовную семинарию, но и здесь педагогика сводилась главным образом к наказаниям. В это время в семинарию проникли марксистские идеи, к которым приобщился и юный Джугашвили, став втайне от всех посещать марксистские диспуты. С этого момента в его жизнь вошла такая черта, как двоедушие. Тогда же Сосо чуть не стал поэтом: в журнале «Иверия» были опубликованы семь его стихотворений. У него появился любимый литературный герой – Коба, грузинский Робин Гуд из романа Казбеги «Отцеубийца». Это имя стало впоследствии на долгие годы партийной кличкой Сосо. Именно тогда в его характере, и без того скрытном, начали проявляться мстительность, неуемные вспышки гнева, стремление к утонченным издевательствам. Его стали бояться даже физически сильные семинаристы, которых он использовал в борьбе со своими врагами. Друзей у него не было – он хотел командовать другими.

Сосо, теперь уже Коба, стал руководить марксистскими рабочими кружками, вступил в социал-демократическую организацию «Месаме-Даси», и в 1899 году его исключили из

семинарии. Он устроился на работу наблюдателем-вычислителем в обсерваторию, где прятал нелегальную литературу и листовки Российской социал-демократической рабочей партии. Коба сразу встал на позиции Ленина, приняв его тезис, что партия – это боевая, законспирированная, строящаяся на беспрекословном подчинении приказам и жесткой дисциплине организация, стоящая целиком на позициях марксизма и ставящая своей целью революцию. В 1901 году в Тифлисе произошли первые кровавые столкновения рабочих с полицией. После этого в городе начались обыски и аресты. Искали и Кобу, но он успел бежать и на некоторое время скрылся в Гори, затем, уже будучи на нелегальном положении, вернулся в город и был направлен комитетом партии в Батум. Там Коба возглавил местную партийную организацию, которой руководил довольно деспотично. Уже тогда ходили слухи о его самоуправстве, нарушениях дисциплины, интригах, клевете на товарищей и даже доносах в полицию на своих соперников.

Вскоре Кобу избрали в состав Всекавказского комитета РСДРП, но тут последовал арест. В батумской тюрьме произошло его сближение с уголовниками. Они не только признали «политического» своим, но и подчинились ему; их руками он захватил в тюрьме власть. А затем последовала ссылка – в с. Нижняя Уда в Иркутской губернии. В ноябре 1903 года Коба совершил побег, но отморозил уши и нос и вынужден был вернуться. Однако уже в январе следующего года он опять бежал и по подложным документам прибыл в Тифлис. Здесь произошло знакомство с семейством Аллилуева, у которого только что произошло прибавление – родилась дочь Надежда, ставшая впоследствии женой Кобы. В январе 1906 года последовал очередной арест, но Коба вновь удачно бежал из тюрьмы.

Первое знакомство с Лениным произошло в 1905 году на конференции большевиков в Таммерфорсе, продолжилось на съездах партии в Стокгольме и Лондоне. Ничем особым Коба здесь не выделялся, разве что антисемитскими высказываниями типа «…Еврейский народ произвел только вероломных, которые бесполезны в борьбе». Может, тут сказалась зависть к таким ораторам, как Троцкий и Зиновьев, уже находившимся в руководстве партии? В ораторстве Коба был не силен. Но Ленин его почему-то ценил, хотя ценил он только тех, кто нужен был ему для дела. И дело началось: Коба организовал убийство генерала Грязнова – военного диктатора Грузии, а 26 июня 1906 года провел со своим дружком по Гори Камо разбойное нападение на конвой, перевозивший большую сумму денег в банк в Тифлисе. Деньги эти пошли на пополнение партийной кассы, и хотя

подобные дела были запрещены съездом партии, Ленин правильно оценил способности Кобы: прекрасный террорист. Придя впоследствии к власти, Джугашвили – уже не Коба, а Сталин, – уничтожит многих своих подельников – свидетелей его деятельности в тот период. Даже друг Камо погибнет под колесами автомобиля, когда захочет писать мемуары.

В 1907 году Коба женился на сестре революционера Александра Сванидзе. Это была любовь! Екатерина напоминала ему мать: и звали ее так же, и такая же религиозная. Они тайно обвенчались, поскольку церковный брак в среде революционеров не приветствовался. Теперь у него, нелегала, ведущего бродячую, полунищую жизнь, появился свой дом, своя семья. В следующем году родился сын Яков. Но денег для обеспечения семьи у Кобы не было – все средства он отсылал Ленину. Жена вскоре заболела и умерла.

В это время в революционной среде распространились слухи о том, что Коба – провокатор. Однако слухи были прерваны его арестом и очень мягкой (всего 2 года) ссылкой в Сольвычегодск, откуда он в июне 1909 года бежал и вновь объявился на Кавказе. Через 9 месяцев – новый арест и столь же мягкий приговор: возвращение в тот же Сольвычегодск. Там у него родился еще один сын, о чем стало известно только в 90-х годов XX века. После окончания ссылки Коба по приказу Ленина приехал в Петербург, но через три дня был арестован и сослан в Вологду. В это время, в январе 1912 года, на Пражской конференции большевиков Ленин открыто пошел на раскол РСДРП. Был избран большевистский ЦК, куда по личному указанию Ленина ввели Кобу. А в феврале по требованию вождя он сбежал из Вологды. Его маршрут – Тифлис – Петербург. На этом пути Коба инспектировал провинциальные партийные комитеты, а в Петербурге руководил избирательной кампанией большевиков в Государственную думу. Здесь произошло его знакомство с Вячеславом Молотовым (Скрябиным). В апреле последовал новый арест и ссылка в Нарымский край, откуда он 1 сентября в очередной, пятый по счету раз бежал и направился к Ленину в Краков. Затем они вместе переехали в Вену. В это время Коба много писал, а Ленин редактировал его работы, называя его в письмах товарищам «чудесный грузин». Именно тогда Коба взял себе новое партийное имя – Сталин. Вскоре по поручению Ленина он выехал в Петербург. Но затем последовал арест и ссылка на 4 года за полярный круг в Туруханский край. Только 20 февраля 1917 года ему разрешили переехать в город Ачинск. Здесь началась его «дружба» с Л. Б. Каменевым. Узнав о Февральской революции, они вместе уехали в Петроград, где стали

редакторами «Правды», отстранив от руководства прежних редакторов, в том числе и Молотова.

После Февральской революции в стране сложилось двоевластие – Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, опиравшийся на гарнизон. В Исполнительный комитет Совета от большевиков делегировали Сталина. Это уже было приобщение к реальной власти. Но ничем примечательным он себя в Совете не проявил: оратором не был, терялся перед лицом массы. Уверенно себя чувствовал только на конспиративной квартире. В сложной обстановке Сталин предпочитал выжидать. В апреле 1917 года в страну из-за границы вернулся Ленин. Он потребовал немедленного продолжения революции. Многие возражали, но Сталин был целиком на его стороне, и Ленин лично рекомендовал его в ЦК. А в мае, когда было создано Бюро ЦК (в будущем – Политбюро), Сталин наряду с Лениным, Зиновьевым и Каменевым вошел в четверку вождей партии. 4 июля большевики в Петрограде начали путч, но их затея захватить власть провалилась. Правительство обвинило Ленина и многих большевиков в шпионаже в пользу Германии. Начались аресты. Ленину и Зиновьеву помог скрыться Сталин. Он укрыл их недалеко от Сестрорецка у рабочего Емельянова. Отсюда Ленин продолжал, но только через Сталина, руководить партией. В августе на VI съезде партии с отчетным докладом и докладом о политическом положении выступал Сталин. Этот съезд взял курс на подготовку вооруженного восстания. В эти дни Сталин жил в семье Аллилуевых, где и произошло тесное знакомство с одной из дочерей Аллилуевых, молоденькой гимназисткой Надей, которую он когда-то спас, когда она, еще совсем маленькая, чуть не утонула.

После подавления «корниловского мятежа» произошла большевизация Советов. Во главе Петросовета стал Троцкий. Ленин требовал немедленного восстания. Сталин поддержал вождя, Каменев и Зиновьев были против; Троцкий занял особую, выжидательную позицию. Для руководства восстанием было создано Политбюро, куда Ленин включил Сталина. Но вся техническая сторона подготовки переворота легла на Троцкого. Сталин же оставался как бы в стороне: он готовил повестку Второго Всероссийского съезда Советов и никакого активного участия в Октябрьском перевороте не принял. Впрочем, как и Ленин. После захвата большевиками власти Ленин ввел Сталина в состав правительства – Совнаркома – наркомом по делам национальностей. Тогда его мало кто знал, авторитетом он не пользовался даже в своем комиссариате, не умел убеждать людей и иногда попросту исчезал с заседаний и прятался от всех. В этот

момент остро проявилась такая черта его натуры, как противоречие между крайней властностью и недостатком интеллекта. Положение большевиков было еще шатким. Сталин все это время находился при вожде как его доверенное лицо. Только два человека тогда могли входить в кабинет Ленина без доклада – Сталин и Троцкий, признанный второй вождь переворота. С этого момента между ними началось соперничество, переросшее в конечном счете в открытую вражду. Троцкий писал: «В период Октябрьской революции Сталин… воспринимал свою карьеру как ряд неудач… Его честолюбие не давало ему покоя… и отравляло его отношение к выдающимся людям, начиная с Ленина, мстительностью и завистливостью».

С началом Гражданской войны Троцкий возглавил военные силы. Он создает регулярную Красную армию, привлекает туда «военспецов» – бывших царских офицеров, семьи которых становятся заложниками большевиков, внедряет жесткую дисциплину. При «военспецах», контролируя их действия, появляются политические комиссары.

29 мая 1918 года Сталина назначили руководителем продовольственной комиссии на юге России. Он едет в Царицын в сопровождении машинистки Надежды Аллилуевой, ставшей после поездки его женой. На юге царит хаос – здесь и немцы, и много эсеров, анархистов и монархистов. Но здесь много хлеба и нужен революционный порядок. Порядок Сталин начал наводить с расстрелов. Трупы сваливали в мешки и ночью хоронили. Здесь, в Царицыне, произошло знакомство Сталина с Ворошиловым, командиром 10-й армии, ставшим его соратником. Сталин теперь не хочет сотрудничать с Троцким, он требует для себя военных полномочий и вместе с Ворошиловым организует наступление, закончившееся провалом. Однако это сошло ему с рук, и когда будет создан Ревком Северного Кавказа, то во главе его станет Сталин. Он очень нужен Ленину как противовес Троцкому.

После покушения на Ленина в стране развернулся массовый красный террор. Не отстает и Сталин: по его приказу 22 августа в Царицыне были расстреляны «военспецы», привлеченные Троцким. Баржу с их телами затопили в Волге. Кроме того, Сталин решительно отказывался подчиняться командующему фронтом бывшему генералу Сытину. И терпение Троцкого лопнуло: он потребовал у Ленина немедленно отозвать Сталина с фронта. На этом настаивал и главком Вацетис. Ленин вынужден был согласиться. Когда Сталин вернулся в Москву, Троцкий отказался с ним общаться. Тогда по совету Ленина, желавшего в данной ситуации их примирить, Сталин в «Правде» напечатал хвалебную статью о Троцком. Такого унижения он ни забыть, ни

простить не мог.

С 1919 года начался настоящий взлет Сталина на политический олимп. Когда в Сибири стал наступать Колчак и деморализованные части Красной армии откатывались назад, для восстановления положения Ленин отправил на Урал Сталина. «Я думаю послать туда Сталина, – писал вождь. – Боюсь, что Смилга будет мягок». В кратчайший срок беспощадными расстрелами Сталин восстановил боеспособность армии. Во время наступления генерала Юденича на Петроград – он там. Опять последовали расстрелы заложников: офицеров, священников, аристократов. С помощью кораблей Балтийского флота подавлены мятежи двух фортов под городом. Сталин телеграфирует Ленину: «Быстрое взятие Красной Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей… в оперативные дела, доходившим до отмены приказов и навязывания собственных. Считаю своим долгом заявить, что я впредь буду действовать таким образом». Петроград отстояли. Затем был Южный фронт и борьба с Деникиным.

Одновременно Ленин нагружает Сталина громадным количеством должностей. Он ввел его наряду с Троцким и Каменевым в состав Политбюро – мозгового центра партии, фактически управлявшего страной. Кроме того, Сталин – еще и член Оргбюро, которое руководит текущими делами РКП(б), а также возглавляет Рабоче-крестьянскую инспекцию, имеющую право контролировать любого человека, любое должностное лицо; член различных комиссий, руководящих повседневной жизнью страны. И везде – постоянные столкновения с Троцким.

В 1918–1920 годах возник мираж мировой революции. Началась цепная реакция революций: Германия, Австрия, Венгрия, Словакия. Когда в 1920 году Красная армия разгромила на Украине поляков, Ленин настоял на походе против Польши, чтобы через нее идти на помощь германским революционерам. Главный удар на Варшаву наносил Западный фронт Тухачевского. Сталин же – председатель РВС Юго-Западного фронта, которым командовал Егоров. Для усиления удара на Варшаву Троцкий приказал Егорову передать Тухачевскому 1-ю Конную армию Буденного. Но тут вмешался Сталин и отказался выполнять этот приказ. У него свой план: захватить Львов, а оттуда ударить по Варшаве. В результате – полный провал наступления. Мало того, за мир с Польшей Ленин вынужден был расплатиться с поляками западными областями Украины и Белоруссии. Надежды на мировую революцию были похоронены. Но и это сошло Сталину с рук. Ленин просто отозвал его в Москву.

Передышкой для будущего углубления большевистской

революции в стране стал нэп. В 1922 году в партии появился новый пост – генеральный секретарь. Им по предложению Ленина был избран Сталин. Поначалу считалось, что этот пост будет чисто административным. Вторым секретарем стал Молотов. Сталин получил возможность контролировать все назначения в партии, а через верного Л. Кагановича – заведующего орготделом ЦК – назначать партийных руководителей на местах. Так открылась дорога к неограниченной власти. Для этого Сталин использует ГПУ (преемник ВЧК), члены коллегии которого включены в номенклатуру ЦК. На многих партийных деятелей заводят досье.

С 1921 года Ленин все реже бывает в Кремле – он болен. Контроль за его лечением возложен на генсека. С помощью врачей Сталин изолировал Ленина от власти: тому было разрешено работать не более 10–15 минут в день, никто, кроме Сталина, не мог с ним встречаться. Для Сталина эта мера была крайне необходимой, так как между ним и вождем начались разногласия – главным образом из-за различных подходов к созданию СССР. Ленин настаивал на союзе независимых республик, Сталин – на автономии в составе РСФСР. Кроме того, началось резкое сближение Ленина с Троцким. Тогда вождь победил, хотя после его смерти Сталин все сделал по-своему. Однако с этого момента Ленин для него – враг, и когда Крупская попросила у него яд для уже умиравшего в страшных мучениях мужа, ответил: «Пусть умирает сам». Тогда же между Лениным и Сталиным произошел полный разрыв личных отношений из-за грубости последнего в адрес Крупской. Сталин знал от секретарей Ленина о так называемом политическом завещании вождя – «Письме к съезду», в котором давалась характеристика возможным претендентам на место лидера: Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину, Пятакову и ему. Именно ему Ленин дал самую негативную оценку: груб, нелоялен, нетерпим к людям. В связи с этим Ленин предлагал сместить его с поста генсека. Зная об этом, Сталин смог подготовиться к схватке за власть. В этом ему впоследствии помогли Каменев и Зиновьев, которые, опасаясь усиления Троцкого, объявили «Письмо» плодом воображения больного человека.

После смерти Ленина интрига вокруг борьбы за власть закрутилась сильнее. Сталину с помощью ложной телеграммы о времени похорон вождя удалось не допустить приезда в Москву Троцкого, находившегося в санатории на лечении. Теперь он стоял у гроба один, он давал клятву верности заветам Ильича, он говорил о себе как о верном ученике Ленина.

Еще до смерти Ленина Зиновьев настаивал на ограничении

власти генсека. Теперь же на первый план вышло столкновение Каменева и Зиновьева с Троцким. Они требовали исключить его из партии и даже арестовать. Сталин этого не допустил. Еще не время! Он объявил «ленинский призыв» в партию, в результате чего количество членов Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)) со стажем до 1917 года составило в партии всего 2 %. А Сталин всегда с большинством! Борьба за лидерство Каменева, Зиновьева и Троцкого скомпрометировала их в глазах народа и партии. Сталин же, наблюдая за событиями, остался в стороне от схватки. В конечном счете Троцкого сняли с постов наркомвоенмора и председателя РВС, и армия перешла под контроль верного соратника Сталина – Ворошилова; затем из партии исключили Каменева с Зиновьевым. В 1929 году Троцкого вообще выслали из страны. Это был единственный случай, когда Сталин надолго, до 1940 года, выпустил из рук свою жертву. В дальнейшем, укрепляя свою власть, он умело воспользуется и ошибками своих противников, и их идеями: у Троцкого взял идею тоталитарного государства; у Каменева – исключение из партии как средство борьбы; у Бухарина – необходимость расстрелов в мирное время.

Не прав оказался Троцкий, утверждая: «Сталин есть самая выдающаяся посредственность нашей партии». В деле захвата власти он был гением! Его утверждение о том, что по мере строительства социализма врагов у советской власти будет все больше, открыло путь широкомасштабному террору. Начались сбои в экономике? Это дело рук «вредителей». Возникли сфабрикованные ГПУ дела: «Шахтинское», «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии». Это был удар по технической интеллигенции. Не должно было быть предприятий, организаций, учреждений, где бы не было своего «вредителя». Потребовали большей самостоятельности коммунисты Украины – началась травля видных деятелей Коммунистической партии (большевиков) Украины (КП(б)У), а также процессы над бывшими членами Центральной Рады, правительства Скоропадского, Директории: Украина должна забыть, что хотя бы краткий период после 1917 года она была независимой. А заодно, когда потребовалось поставить народ Украины на колени, в разгар коллективизации и зверского раскулачивания зажиточного украинского села была организована террористическая акция – Голодомор 1932–1933 годов, унесший жизни 8 млн человек. Голодные не бунтуют – так учил Ленин. Так нужно для мировой революции! Всю страну покрыли концлагеря – создан ГУЛАГ. Все грандиозные стройки свершались руками заключенных: дешевая рабочая сила, дешевая жизнь. Миллионы безвестно погибали.

В 1932 году застрелилась жена Сталина Надежда. Версии ее самоубийства различны: по одной – она не выдержала его грубости и его отношения к товарищам; по другой – ее убил сам Сталин. На похоронах он не присутствовал, утверждая, что жена его предала. Несчастливой оказалась и судьба его детей. Старший – Яков – погибнет в немецком концлагере; Василий после смерти отца до 1961 года будет сидеть в тюрьме и умрет вскоре после выхода из нее; дочь Светлана сбежит из страны.

В 1934 году на XVII съезде ВКП(б) ленинградская делегация потребовала снять Сталина с поста генсека и назначить на его место С. М. Кирова. Но Киров в разговоре со Сталиным сказал, что снимает свою кандидатуру в пользу последнего. «Спасибо, Сергей, – ответил Сталин. – Я тебе этого не забуду». И он не забыл. Как же восхищался тогда Сталин чисткой, проведенной Гитлером в своей партии: «Вот это вождь!» – восклицал он. 1 декабря 1934 года на пороге своего кабинета был убит Киров. В тот же день принимается закон о терроризме. Затем Сталин санкционировал применение пыток, расстрелы, начиная с 12 лет. А дальше руками Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) – преемника ГПУ – он начал разгром партийно-государственного аппарата. Это было сделано в ходе трех московских процессов, где свидетелями выступали сами подсудимые, а роли для них расписывал Сталин. Прежде всего уничтожали тех, кто был назван в ленинском завещании. Все они стали «врагами народа» и обвинялись в самых немыслимых преступлениях: убийстве Кирова, покушениях на Ленина и Сталина, шпионаже и пр. Расстреливали списками, репрессиям подвергались и семьи «врагов народа». Недовольны чем-то в армии – уничтожалась верхушка армии во главе с Тухачевским; за ним последовали маршалы Егоров, Блюхер. Процессы над военными продолжались ив 1941 году. При этом периодически «чистился» и НКВД: были уничтожены много знающие руководители Ягода, затем Ежов, и только Берия продержался до смерти Сталина. Кроме того, постоянным погромам подвергалась творческая интеллигенция – думающие люди опасны, – а также во имя мировой революции распродавались за рубеж культурные ценности из музеев.

С конца 1930-х годов Сталин уже не только вождь – он Хозяин. В это время произошло сближение Сталина с Гитлером. В Германию идет продовольствие, нефть. Они вместе делят Европу. За нападение на Финляндию СССР исключили из Лиги Наций. «Дружбой» с Гитлером Сталин сам привел войну в СССР. Во время Великой Отечественной войны Сталин, по мнению многих военных, проявил себя как выдающийся тактик и стратег. О нем

очень хорошо отзывались Черчилль и Рузвельт; на него с надеждой смотрело человечество.

Во время войны политические репрессии несколько поутихли, но после нее вспыхнули с новой силой. Они коснулись целых народов. Были выселены с мест проживания народы Кавказа, крымские татары. Армия возомнила себя победительницей – возникло дело маршала Новикова, с постов были сняты Жуков и Рокоссовский. Соратники посчитали, что его преемником будет секретарь ЦК из Ленинграда Кузнецов? Срочно фабрикуется «Ленинградское дело» – и нет Кузнецова. Продолжались погромы интеллигенции: литераторы, «безродные космополиты», генетики. В 1952 году началось «дело врачей», подготавливавшее массовую депортацию евреев. Но тут Сталин уже не успел. 1 марта 1953 года он подозрительно долго не выходил из своих комнат. Охрана не решалась туда войти, а когда вошла, увидела Хозяина лежащим на полу. Из Кремля приехали Берия, Молотов, Маленков, Хрущев. Долго совещались. Медицинскую помощь вовремя не оказали, а когда врачей допустили к Сталину – было поздно. Сын Василий тогда кричал, что отца убили. 5 марта в страшных мучениях Сталин умер. Но даже смерть его оказалась кровавым прощанием. Во время похорон толпы народа запрудили улицы, чтобы проститься с Вождем, Отцом народов, и тысячи людей погибли в давке.

До 1961 года забальзамированное тело Сталина находилось в мавзолее рядом с телом Ленина, а затем по указанию Н. С. Хрущева было захоронено возле Кремлевской стены.

ПЕТЛЮРА СИМОН (СЕМЕН ВАСИЛЬЕВИЧ)

(род. в 1879 г. – ум. в 1926 г.)

Лидер революционного движения в Украине, военный министр Украинской Республики в 1917 г., организатор всенародного восстания против гетманщины в 1918 г., главнокомандующий украинской армии и глава Директории УНР в 1918–1920 гг.

Семен Петлюра родился 10 мая 1879 года в Полтаве в многодетной семье извозчика. Царский указ о «кухаркиных детях», закрывавший для него доступ в гимназию, оставлял единственный путь к образованию: церковно-приходская школа – духовная семинария. Однако в 1901 году Петлюра был изгнан из Полтавской духовной семинарии за революционную пропаганду. В том же году, круто изменившим его жизнь, Симон становится активистом Революционной украинской партии (РУП), принимает участие в нелегальном Всеукраинском студенческом съезде.

В 1902 году недоучившийся семинарист организовывает аграрные беспорядки в селах Полтавщины и одновременно пробует себя на литературном поприще, начав писать для

львовского журнала «Литературно-научный вестник». Опасаясь полицейского преследования за революционную пропаганду среди крестьянства, Петлюра уезжает на Кубань, поселяется в Екатеринодаре и устраивается на работу в научную Археографическую экспедицию члена-корреспондента Российской Академии наук Щербины, которая изучала казацкие древности Кубанского войска. Переписывая исторические документы, Петлюра одновременно организовывает в Екатеринодаре ячейку партии РУП – Черноморскую свободную общину. Но в декабре 1903 года последовал его первый арест за революционную деятельность. Вскоре Петлюра был освобожден под залог, внесенный его отцом. Не дожидаясь судебного разбирательства, Симон бежит из-под надзора полиции в Украину.

В марте 1904 года Петлюра нелегально приезжает в Киев, осенью того же года эмигрирует в Галицию, которая входит в состав Австро-Венгерской империи. Во Львове Петлюра работает соредактором руповских газет «Крестьянин» и «Работа», знакомится с лидерами украинского национального движения И. Франко, М. Грушевским, В. Винниченко. Во время октябрьской стачки 1905 года в России Петлюра возвращается в Киев и принимает участие в II съезде РУП, на котором был избран членом ЦК новой партии, вышедшей из РУПа – Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). В 1906 году журналистская работа полностью захватывает Петлюру. Он редактирует ежемесячник «Вильна Украина» в Петербурге, работает секретарем газеты «Рада», журналистом в газете «Украина» в Киеве. В 1907–1908 годах входит в состав редколлегии газеты «Слово». Очевидно, что в это время Петлюра становится членом одной из украинских масонских лож и очень скоро возводится в степень магистра. Осенью 1908 года из-за серьезных материальных проблем он переезжает в Петербург, где получает место бухгалтера в транспортном обществе.

В 1911 году Симон отправляется в Москву, где работает бухгалтером в страховой компании и одновременно – редактором русскоязычного журнала «Украинская жизнь» (1912–1914 гг.). В Москве Петлюра женится на студентке Ольге Вельской, вскоре у них рождается дочь. Надо сказать, что молодая семья живет весьма скромно, после рождения ребенка еле сводит концы с концами. Начинается Первая мировая, Петлюра призывает украинцев протянуть руку дружбы русскому народу и вместе бороться против «германцев». В 1916 году он поступает на службу во Всероссийский союз земств, становится уполномоченным этого Союза на фронте, главой Контрольной коллегии Земского союза на Западном фронте.

С началом Февральской революции 1917 года Петлюра выступает инициатором и организатором проведения в Минске Украинского съезда солдат Западного фронта; на этом съезде он избран главой Украинского фронтового совета. В первой половине апреля 1917-го Петлюра возвращается в Украину, где разгорается борьба за автономию. Он принимает участие в работе конференции УСДРП, вновь становится членом ЦК УСДРП и редколлегии ЦО партии «Рабочей газеты», принимает участие в работе Украинского Национального конгресса и Первого Всеукраинского военного съезда. Именно на этом съезде Петлюра, неожиданно для большинства украинских политиков, был избран главой Украинского Главного военного комитета, который пытался украинизировать отдельные воинские подразделения и влиять на настроения солдат-украинцев на фронте и в тылу. Это избрание приведет Петлюру на вершину власти.

В мае 1917-го Петлюра кооптируется от Украинского военного комитета в Центральную Раду, через месяц избирается в первый состав Генерального секретариата (правительства) автономной Украины. В июне 1917-го в составе комиссии Центральной Рады Петлюра ведет переговоры с делегацией Временного правительства во главе с Керенским и Верховным главнокомандующим генералом Корниловым. Петлюра предлагал командованию русской армии реорганизовать армейские подразделения в Украине на основах национально-территориального принципа, а украинизированные войска подчинить Центральной Раде, создать вспомогательные милицейские добровольные формирования украинского «Вольного казачества».

25 октября 1917-го Петлюра выступил против поддержки Октябрьского переворота и предложил использовать украинские воинские подразделения для защиты Центральной Рады от большевиков. С 31 октября 1917 года Петлюра – официально генеральный секретарь (министр) по военным делам Украинской Республики. Тогда же он отдал украинским войскам приказ занять все важнейшие правительственные объекты Киева, пресечь большевистское восстание, разоружить российские части и части, верные Временному правительству. 1 ноября 1917-го украинская революция в Киеве победила, и во многом это заслуга Петлюры как наиболее решительного украинского «министра». Вскоре он издает приказ о создании Украинского фронта и формировании Украинского Генерального штаба.

В ночь с 29 на 30 ноября 1917-го под руководством Петлюры были разоружены все большевистские военные формирования в Киеве, арестованы большевистские лидеры и предотвращен

готовившийся в декабре большевистский переворот.

5 декабря 1917 года Петлюра предотвратил захват Первого Всеукраинского съезда Советов большевиками. На заседании Генерального секретариата он отстаивает принципиальную позицию: не пропускать казаков на Дон и разоружить красногвардейские отряды в Украине. 12 декабря 1917-го, когда большевики уже захватили Харьков, Петлюра требует от правительства определиться, «или воюем мы, или нет», доказывая необходимость штурмом взять Харьков как «оплот большевизма». Его авторитет, независимая политика и стремление создать профессиональную армию встревожили Грушевского, Винниченко и Порша, которые видели в Петлюре серьезного конкурента – «нового Наполеона».

18 декабря 1917-го Петлюра был вынужден подать в отставку с поста генерального секретаря по военным делам. Уже как частное лицо в январе 1918-го он организовывает Гайдамацкий кош Слободской Украины – военную добровольческую часть для борьбы против наступления красных на Киев. Вскоре Гайдамацкий кош Петлюры уже воюет под Полтавой против наступающих красноармейцев. В то же время в Киеве вспыхивают большевистские восстания на заводе «Арсенал» и на Подоле, что грозит самому существованию Центральной Рады, и войска Петлюры поворачивают на Киев. 20–22 января 1918 года Петлюра руководит штурмом завода «Арсенал» и Киевского вокзала, где засели отряды рабочих, симпатизирующих большевикам. Последующие три дня он командует обороной Киева, на который наступают советские войска под командованием Антонова-Овсеенко. В эти дни Петлюра лично участвует в боях на улицах Киева. Но 27 января 1918-го все войска Центральной Рады вместе с Гайдамацким кошем Петлюры бежали из Киева в район Житомира. Киев на месяц оказался в руках большевиков, а кош Петлюры сражается на Житомирщине против красной дивизии Киквидзе.

18 февраля 1918 года немецко-австрийские войска начали наступление на Украину, сметая на своем пути слабые части красных. Это наступление было обусловлено договором Центральной Рады с германским блоком и срывом Троцким переговоров в Бресте. Войска Центральной Рады двигались на восток в авангарде наступающих немецко-австрийских войск. 1 марта 1918 года гайдамаки Петлюры, сломив красную оборону, первыми ворвались в Киев. Но Петлюра был противником «приглашения» немцев в Украину и не скрывал своих проантантовских настроений, поэтому руководители Украинской Республики и отстранили его от командования Гайдамацким

кошем.

После гетманского переворота в Украине Петлюра был избран главой Киевской земской управы и Всеукраинского союза земств. Петлюра от имени Земского съезда направил гетману меморандум, в котором осуждал деятельность «правого» правительства. Он требовал от гетмана не возрождать помещичье землевладение, а отдать землю крестьянам, запретить военно-полевые суды.

С 27 июля по 12 ноября 1918 года Петлюра – узник гетманской тюрьмы. После освобождения из тюрьмы он выехал в Белую Церковь, где немедленно поднял военный полк Сечевых Стрельцов на восстание против гетмана, провозгласив себя Главным атаманом восставших. В середине ноября 1918-го была сформирована Директория – орган руководства восстанием, одним из пяти членов которой был избран Петлюра. Фактически он становится руководителем восстания в Украине и создателем новой армии Украинской Республики. С этой армией 13–14 декабря 1918 года Петлюра захватывает Киев; после этого власть Директории распространяется на всю Украину (кроме Галиции, Буковины и Закарпатья), а члены Директории являются коллективным «президентом» Украинской Республики.

Но в конце 1918 года Красная армия начинает наступление на Украинскую Республику с востока, глава Директории Винниченко никак не может определиться с вопросом – начинать войну против Советской России или идти на уступки советским требованиям. В феврале 1918-го красные подступают к Киеву и вынуждают армию Директории отойти в район Винницы. Петлюра требует оборонять Киев, но в городе царят капитулянтские настроения, некоторые государственные мужи бегут на Запад.

11 февраля 1918-го глава Директории Винниченко уходит в отставку, и лидером Директории и военным диктатором становится Петлюра. Он пытается сплотить разваливающуюся армию, остановить наступление красных, найти союзников в лице Франции, Англии, Польши. Но все оказалось тщетным. Франция, хотя и вела переговоры с Директорией о совместной борьбе против красных, так и не признала Директории и не оказала Петлюре ни военной, ни материальной, ни дипломатической помощи.

Только потрепанные войска Западноукраинской Народной Республики, изгнанные из Галиции, в июле 1919-го присоединились к войскам Петлюры, которые героически сопротивлялись намного превосходящим силам Красной армии.

9 мая 1919 года Петлюра официально становится главой Директории, а в конце июля 1919-го он отдает приказ о

наступлении своей армии из района Западного Подолья на Киев и Одессу. 30 августа 1919-го Петлюра со своей армией уже на подступах к Киеву, и на следующий день украинские части изгоняют из Киева большевиков. Но 1 сентября 1919-го белогвардейцы внезапно атакуют город и выбивают петлюровцев из Киева.

24 сентября 1919-го Петлюра объявляет войну деникинцам. Но эта война оказалась неудачной для украинских войск. В армии Петлюры началась эпидемия, а Галицкая армия изменила ему и перешла на сторону Деникина. 15 ноября 1919-го все управление делами республики сосредотачивалось в руках Петлюры, однако спасти положение было уже невозможно. Белые разгромили армию Петлюры и взяли под контроль всю Центральную Украину. За республикой осталось только несколько уездов, а у Петлюры – до 15 тысяч бойцов. В начале декабря 1919-го в Любаре вспыхнуло восстание против Петлюры под руководством атамана Волоха. Петлюре удалось бежать, но его армия развалилась. 6 декабря 1919-го Петлюра выехал в Варшаву, часть его армии начала Зимний поход по тылам белогвардейцев.

В Варшаве Петлюра встречается с Пилсудским и вскоре подписывает с ним украинско-польский договор, направленный на освобождение Украины от большевиков. По этому договору польская армия участвует в освобождении Украины, но за это за Польшей закрепляются украинские земли Галиции и Волыни.

25 апреля 1920 года начался общий поход украинских и польских войск против большевиков, а 6 мая союзнические войска захватили Киев. Но торжество союзников было не долговечным – уже в начале июня 1920-го конница Буденного прорвала польский фронт южнее Киева, и поляки были вынуждены покинуть столицу. В августе 1920-го армия УНР откатилась за Днестр, а польскую армию красные оттеснили к Варшаве. Однако под Варшавой Красная армия была наголову разбита, началось бегство до самого Киева. Преследуя красных, армия Петлюры заняла Подолье. 12 октября 1920 года между Польшей и Советской Россией был подписан мирный договор, согласно которому по всему фронту прекращались боевые действия. Но Петлюра заявил, что украинская армия будет бороться до конца, что заключение договора Польши с Советской Россией является предательством интересов Украины. На 11 ноября 1920-го Петлюра назначил наступление своей армии на Киев, но уже 10 ноября большевистские войска ударили по украинским позициям и 21 ноября разгромили армию Петлюры и вынудили ее бежать на территорию Польши.

С ноября 1920 по декабрь 1922 года Петлюра под чужим

именем проживает в Польше, продолжая руководить из эмиграции центром УНР, армией и Директорией. В ноября 1921-го он планирует поднять всеобщее восстание в Украине. Но второй Зимний поход петлюровцев на Киев закончился полным разгромом.

31 декабря 1922 года Петлюра выехал из Польши, и с этого времени начались его скитания по Европе. Он живет в Вене, Будапеште, Цюрихе, Женеве. В октябре 1925 года поселяется в Париже, вскоре туда же переезжают его жена и дочь. В Париже он пишет политические статьи, редактирует еженедельник «Тризуб», создает организацию «Прометей», принимает участие в III съезде Союза украинских эмигрантских организаций. 25 мая 1926 года на одной из парижских улиц Петлюра был застрелен еврейским террористом Шварцбардом, который заявил, что отомстил ему за еврейский погром в городке Балта. Возможно, убийство Петлюры стало первым громким политическим актом устранения неугодных из числа проведенных чекистами за рубежом.

САВИНКОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ

(род. в 1879 г. – ум. в 1925 г.)

Один из создателей партии социалистов-революционеров, организатор террористических групп, один из лидеров борьбы против диктатуры большевиков в 1918–1924 гг.

Борис Викторович Савинков родился в январе 1879 года в Харькове в семье юриста, потомственного дворянина, и сестры художника-передвижника Ярошенко, довольно известной писательницы (писала под псевдонимом С. А. Шевиль). Детство Борис провел в Варшаве. В год окончания гимназии он привлекался к расследованию по поводу «студенческих беспорядков», был передан под гласный надзор полиции. В 1897 году поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Борис принимал участие в студенческих волнениях, был отчислен со второго курса. Вскоре вместе со своим старшим братом он попал в тюрьму. Тогда еще юноша исповедывал марксизм-«экономизм» и был противником террора. Революционной «горячкой» Савинкова «заразили» старший брат и гимназический друг, впоследствии известный террорист, убийца великого князя Сергея – Иван Каляев.

В двадцать лет Борис женится на дочери писателя Глеба Успенского и уезжает за границу, где продолжает образование в университетах Германии. В 1901 году он снова попадает за решетку по делу социал-демократической группы «Рабочее знамя» как ведущий редактор газеты «Рабочее дело», основатель группы «Социалист», пропагандист в рабочих кружках. Оказавшись в ссылке в Вологде, попадает под влияние «бабушки русской революции» – Брешко-Брешковской. Эта встреча приводит Савинкова в стан социалистов-революционеров, где кипели кровавые страсти террора. В 1903 году Савинкова приговаривают к ссылке в Сибирь сроком на 5 лет. Не дожидаясь исполнения приговора, он бежит из-под надзора, покидает Россию и оказывается в Женеве в штаб-квартире недавно организованной партии эсеров. Савинков заявляет руководителям эсеров, что считает необходимым убивать «врагов народа», а потому желает войти в Боевую организацию эсеров.

Уже в 1903 году Борис Савинков становится заместителем руководителя террористической Боевой организации эсеров и главой Московской группы организации. Он готовит убийства министра внутренних дел Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Романова. При том, что в партии было немало провокаторов, Савинков сумел выжить и железной волей сплотить боевое ядро террористов. У него был дар убеждения, но порой он терял ощущение реальности, воображая себя пророком, вершителем судеб. Кроме «пули» партии эсеров, он стал еще и ее «пером» – по предложению Азефа Савинков написал устав Боевой организации. В 1905 году в самый разгар Первой русской революции Савинков был кооптирован в ЦК партии эсеров. Тогда же по поддельному паспорту он вернулся в Россию для убийства киевского генерал-губернатора. Однако провести этот теракт ему не удается… В сентябре 1905 года Савинков узнает, что его руководитель Азеф – агент полиции. Однако Азефу тогда посчастливилось вывернуться, оправдаться, а к смерти за провокаторство эсеры приговорили Татарова. Организатором убийства провокатора стал Савинков.

После октябрьского манифеста 1905 года Савинков настаивает на продолжении террора, вопреки мнению лидеров ЦК партии эсеров. Савинков действовал в петербургском подполье, был членом Боевого комитета по подготовке вооруженного восстания в столице, руководил столичной военной организацией эсеров. В 1906 году вместе с Азефом он возрождает Боевую организацию и готовит террористические акты против министра внутренних дел Дурново и московского генерал-губернатора Дубасова. Однако Азеф срывает эти акты. Савинков

был арестован в Севастополе при подготовке покушения на главнокомандующего Черноморским флотом. За два дня до военно-полевого суда, исход которого мог быть только один – виселица, он бежит из тюрьмы. Через Румынию и Венгрию добирается до Франции… После серии неудач и провалов Савинков, разочаровавшись в терроре, выступает за новую тактику партии. Но ЦК партии эсеров принял решение возвратиться к террору и начал готовить покушение на министра внутренних дел Столыпина. Из-за разногласий Савинков уходит из ЦК. Он осуждает террор и фактически порывает с партией эсеров. В 1908 году Савинков временно возвращается «в строй», приняв участие в подготовке покушения на Николая II на крейсере «Рюрик». Но Азеф снова сорвал реализацию этого замысла, взрыв так и не прозвучал… а Азеф подарил царю еще десять лет жизни.

В 1909 году Савинков возглавил еще одну боевую организацию эсеров. Во второй Боевой организации эсеров состояло 13 человек. Главной задачей, которую ставили они перед собой, было убийство царя, Столыпина, великого князя Николая Николаевича, министра юстиции. Но в 1911 году Савинков окончательно отошел от террора. Еще будучи студентом, он писал и публиковал стихи под псевдонимом «Ропшин». После революции издал несколько своих произведений: «Воспоминания террориста», романы о террористах «Конь бледный» и «То, чего не было». В то время Савинков сближается с марксистом Плехановым, вместе с ним издает газету «Юг». С началом Первой мировой войны Савинков – активный оборонец, он вступает во французскую армию добровольцем, обращается с открытым письмом к эсерам, призывая отказаться от открытой борьбы против царя, поскольку их деятельность будет использована врагами для военного разгрома России.

В апреле 1917 года вместе с лидерами эсеров Савинков возвращается в Россию… и сразу же получает назначение на пост комиссара Временного правительства (8-й армии, потом – при Ставке Верховного главнокомандующего, потом – Юго-Западного фронта). Вскоре Савинков – товарищ военного министра России Керенского. Савинков уговаривает Керенского ввести в столице военное положение, восстановить смертную казнь на фронте и в тылу, арестовать особенно опасных лидеров большевиков и анархистов. Он рассчитывает с помощью Корнилова ограничить власть своего «патрона» Керенского. Но во время корниловского путча Савинков назначен командующим обороной столицы. 30 августа 1917-го мятеж был подавлен стараниями не только

Савинкова… Против мятежников кроме правительственных войск выступили вооруженные дружины красногвардейцев. В сентябре 1917 года Савинков лишился всех своих постов, его исключили из партии эсеров, но избрали делегатом Учредительного собрания.

25 октября 1917 года власть в Петрограде оказалась в руках большевиков. Первыми против Октябрьской революции выступили казачьи войска генерала Краснова и Керенский; Савинков, как начальник обороны Гатчины, был третьим в этом триумвирате. Но, почувствовав, что разгром неминуем, он одним из первых бежит из Гатчины. Савинков пробирается на Дон, который вскоре станет центром сопротивления власти большевиков. Он – член сформированного генералом Алексеевым Донского Гражданского совета, являющегося альтернативой новой власти, – помогает формировать первые полки белой гвардии. Савинков организует на Дону боевые дружины, цель которых – вооруженный террор против большевиков в Петрограде и Москве, убийство Ленина. Однако генералы «оттирают» его от руководства «белым делом».

За несколько месяцев конспиративной жизни в красной Москве Савинков создал крупную подпольную организацию «Союз защиты Родины и Свободы» (5 тысяч членов). Целью Союза стало вооруженное свержение правительства большевиков. Члены Союза должны были поднять восстание в Москве, но Савинков приказал организовать выступления в городах вокруг Москвы. 6 июля 1918 году начинается восстание в Ярославле. И хотя восставшим удалось сформировать из крестьян и бывших царских офицеров несколько полков, после 15-дневных боев превосходящие силы Красной армии захватили Ярославль. Восстание в Рыбинске возглавил сам Савинков. Но ЧК стало известно о готовящемся выступлении, и все попытки «савинковцев» захватить артиллерийские склады были отбиты. После двухдневных боев они отступили из Рыбинска. Только два дня продержались восставшие в Муроме и Ростове.

В августе 1918 года Савинков бежит в Казань, захваченную чехословацким корпусом, и записывается в солдаты Народной армии Комуча (Волжского эсеровского правительства – Комитета Учредительного собрания). В ноябре 1918 года Савинков «всплывает» в Омске в составе Сибирского правительства. Возможно, он был режиссером переворота, приведшего адмирала Колчака к власти в Сибири и на Урале. Но Колчак не желает держать в штабе авантюриста Савинкова и отправляет его своим представителем во Францию.

В 1920 году в Польше Савинков создает «Русский политический комитет». Хлопотами Бориса Савинкова там была

организована Русская народная армия (РНА) под командованием генерала Перемыкина и атамана Булах-Балаховича. В начале ноября 1920 года Русская народная армия начала обреченное на провал наступление в глубь советской территории – на Мозырь – Гомель. В авангарде наступающих ехал сам Савинков. Две недели кровопролитных боев в Белоруссии с троекратно превосходящими силами противника обескровили РНА, численность которой сократилась с 20 до 8 тысяч человек. Остатки РНА укрылись на польской территории.

В конце 1920 года в Польше Савинков создает «Русский политический центр», «Антибольшевистский военный блок», участвует в «Политическом совещании» (организация, которая претендовала представлять интересы России при заключении Версальского мирного договора). Он снова пытается создать подполье в Советской России, воспитать плеяду новых террористов, организовать в Польше ударные отряды для рейдов в СССР. В 1921 году Савинков создает новую военно-подпольную организацию «Народный союз защиты Родины и Свободы», готовит для засылки в Советскую Россию диверсионные отряды из добровольцев, имеющих опыт партизанской борьбы. Восстание в Белоруссии намечалось на август 1921 года. Губернские комитеты Союза к этому времени должны были создать местные повстанческие отряды. Но восстание было отложено, и 7 октября 1921 года после очередной ноты протеста со стороны Советской России польское правительство предписывает Савинкову покинуть Польшу. Два с половиной года «простоя» в Париже вдали от бурных событий и боев привели к тому, что Савинков клюнул на приманку чекистов.

Еще в 1922 году чекисты решили «изъять» «генерала террора» из-за границы и закрыть его на Лубянке. 15 августа 1924 года Савинков со своим ближайшим помощником Дикгоф-Деренталем, его женой и помощником Фомичевым перешли польско-советскую границу, а уже на следующий день были арестованы чекистами. Через 13 дней после ареста Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР. На суде он не отрицал выдвинутых обвинений, рассказал подробно о своей подрывной деятельности. Самого опытного конспиратора России подвели легкомыслие и ностальгия по родине. В своем последнем слове Савинков заявил, что раскаялся в содеянном, признал бесперспективность своей борьбы. Суд объявил Савинкова виновным в 43 преступлениях против советской власти и приговорил к расстрелу. Однако, принимая во внимание его раскаяние, ЦИК СССР заменил Савинкову высшую меру наказания лишением свободы сроком на 10 лет. 8 мая 1925 года Савинков,

воспользовавшись отсутствием оконной решетки в камере, где его оставили после возвращения с прогулки, выбросился из окна пятого этажа.

Луначарский называл Савинкова «артистом авантюры», трагическим героем, у которого нет ни серьезной идеи, ни серьезного чувства. «Эти люди, – говорил он, – настолько шатки в своих принципах, что переход для них в самую черную контрреволюцию совершенно нечувствителен». Плеханов считал Савинкова авантюристом, всегда позирующим, всегда играющим и заигравшимся до смерти.

ТРОЦКИЙ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ

Настоящая фамилия – Бронштейн
(род. в 1879 г. – ум. в 1940 г.)

Один из главных организаторов Октябрьского переворота, создатель Красной армии и организатор ее побед, основатель Четвертого Интернационала, претендент на роль диктатора в 1922–1927 гг., теоретик марксизма.

Лев Троцкий родился на хуторе Яновка Херсонской губернии 26 октября 1879 года, в один год со Сталиным. Его отец, Давид Леонтьевич, был из крестьянского сословия, арендовал 10 тысяч десятин земли на Херсонщине, на него работали сотни батраков, он считался миллионером. В то же время Давид Леонтьевич был неграмотным. Из восьми детей выжило четверо. Интересно, что сестра Бронштейна-Троцкого Ольга, социал-демократка, стала женой Льва Каменева.

В девять лет Лев Бронштейн покинул родные «пенаты» и поступил в лютеранское реальное училище Святого Павла в Одессе. Обладая феноменальной памятью, Лев великолепно учился. Но дух свободолюбия «пристал» к нему в доме М. Шпенцера – дальнего родственника матери, у которого Лев жил в

Одессе. С юности Бронштейн был амбициозен, самолюбив и самоуверен, вступал в постоянные конфликты с учителями и сверстниками. Еще тогда он отошел от еврейской ортодоксии и на вопрос о своей национальности отвечал, что он социал-демократ.

После окончания шести классов лютеранского училища Лев перевелся в Николаевское реальное училище. Тогда же он сближается с коммуной местного революционного народника – чеха Франца Швиговского. Юноша забрасывает учебу и начинает «играть в революцию».

В 1896 году Бронштейн заканчивает реальное училище, поступает в Одесский университет на механико-математический факультет (по некоторым данным, лишь собирался туда поступать). Но вскоре он бросил университет, поссорился с отцом… и стал работать среди рабочих. Лев становится марксистом под влиянием акушерки Александры Соколовской, которая станет его возлюбленной и первой женой. В 1897 году Бронштейн, Соколовская и ее братья организовали подпольный кружок «Южнорусский рабочий союз», который насчитывал до 200 человек.

За год работы активисты Союза создали десяток кружков, раздобыли гектограф и начали печатать листовки и журнал «Рабочее дело». Однако позиции Союза колебались между легальным «экономизмом» и коммунизмом. Представители этой организации не были приглашены на I съезд РСДРП в 1898 году по причине «размытости идейной платформы».

В 1898 году восемнадцатилетний Бронштейн почти на два года попадает в тюрьму; в 1900 году – на 4 года, сослан в Западную Сибирь. Перед отправкой в ссылку он женится на Соколовской и уезжает с ней в село Усть-Кут Иркутской губернии. Там он знакомится с сосланными сюда же Дзержинским и Урицким. В эти годы и произошло превращение мятежного юноши Бронштейна в революционного лидера Троцкого. Фамилия старшего надзирателя тюрьмы была Троцкий. И Лев Бронштейн использовал ее как свой партийный псевдоним, с которым и вошел в историю. В ссылке Троцкий сотрудничает с иркутским журналом «Восточное обозрение», посылает в него статьи о Белинском, Бердяеве, Горьком…

В августе 1902 года Троцкий бежит из ссылки, оставив Сибири жену с двумя маленькими дочерьми – Ниной и Зинаидой. Больше он к Соколовской не вернулся, потому что в том же году встретил в Париже новую любовь, которая станет его второй женой, – Наталью Седову. Александра Соколовская была репрессирована в 1935 году, Нина Соколовская-Троцкая умерла в

1928 году, а Зинаида покончила с собой в 1933 году.

Бежав из ссылки, Троцкий переходит на нелегальное положение и некоторое время живет в Самаре, где находилось тогда Бюро русской организации газеты «Искра». По партийным делам и по делам «Искры» он посещает марксистов в Харькове, Полтаве, Киеве. Уже в октябре 1902-го Троцкий с помощью контрабандистов нелегально переходит границу. Оказавшись в Вене без денег, он беззастенчиво выпрашивает денежную помощь у лидера австрийских социалистов Адлера.

Ленин пригласил Троцкого в Лондон, поселил в своей квартире и напечатал некоторые его статьи в «Искре». Встреча Троцкого с Лениным положила начало союзу двух лидеров. Ленин предложил ввести Троцкого в редакцию «Искры» в качестве седьмого полноправного редактора, но Плеханов возражал, считая, что статьи Троцкого «снижают» уровень газеты. Лев Давидович был разочарован «изысканнейшей холодностью» Плеханова и отвечал ему неприязнью. В дальнейшем и Троцкий, и Ленин станут главными идеологическими соперниками Плеханова.

Троцкий участвовал во II съезде РСДРП (июль-август 1903 года) как представитель Сибирского союза РСДРП, но при голосовании выступал на стороне то большевиков во главе с Лениным, то меньшевиков во главе с Мартовым, все же объявив себя после съезда меньшевиком. На выборах членов редколлегии «Искры» Троцкий был против Ленина, а в выборах ЦК партии участвовать вообще отказался.

В сентябре 1903 года на фракционном заседании меньшевиков Троцкий (вместе с Мартовым, Даном, Аксельродом и Потресовым) был избран в руководство меньшевистского Центра. Со временем он становится заметной фигурой среди социал-демократов в эмиграции, и Ленин завидует его популярности. Троцкий высмеивал идеи Ленина, называя их «организационным фетишизмом», сравнивал лидера большевиков с Робеспьером, предрекал установление личной диктатуры Ленина.

Но в сентябре 1904 года Троцкий порвал и с меньшевиками и занял наиболее радикальную позицию. Он критикует бывших соратников за союз с либералами, высмеивает план «земской кампании». Тогда же происходит сближение Троцкого с «авантюристом от социал-демократии» Парвусом-Гельфандом.

С началом Первой русской революции 1905 года Троцкий нелегально возвращается из эмиграции в Киев, а затем – в Петербург. В революционные дни он призывает к вооруженному восстанию, мечтает о перманентной революции, о захвате власти

революционерами. В марте – мае 1905-го Троцкий работает в Агитационной комиссии меньшевиков, входит в левомарксистскую группу Красина, однако летом 1905-го он вынужден бежать в Финляндию.

Когда в Петербурге был организован Совет рабочих депутатов, Троцкий в качестве внефракционного социал-демократа был избран в исполком и президиум Совета, а после ареста председателя Совета – беспартийного Хрусталева-Носаря – 26 ноября 1905 года возглавил Совет.

Троцкий печатает манифесты и воззвания, редактирует «Известия» Совета и «Русскую газету», ведет переговоры с премьером Витте, ратует за объединение меньшевиков и большевиков.

В начале декабря 1905 года прямо на заседании Совета Троцкого арестовали. Судебный процесс, состоявшийся в сентябре 1906 года, Лев Давидович превратил в интереснейший спектакль, за которым следила вся политизированная Россия. В октябре 1906 года он был приговорен к ссылке на вечное поселение в Сибирь с лишением всех гражданских прав. За побег из ссылки ему грозили каторжные работы, но по дороге в Заполярье он бежал – скрылся от конвоя в Березове, на оленях добрался до Урала, отправился в Петербург и вскоре оказался в Финляндии, где встретился с Лениным и Мартовым. На некоторое время между Троцким и Лениным вновь установились товарищеские отношения, чему способствовало формальное объединение большевиков и меньшевиков в 1906 году.

Вскоре Троцкий обосновался в Западной Европе, в Лондоне и Париже, где установил связи с лидерами социалистов. Весной 1907 года на V съезде РСДРП он выступил как независимый лидер социал-демократии, дистанцируясь от большевиков и меньшевиков, требовал примирения этих враждующих фракций. В 1908 году Ленин пригласил Троцкого сотрудничать в газете «Пролетарий», однако получил отказ.

В 1907–1914 годах Троцкий живет в Вене, он – член австрийской социал-демократической партии, ходит на митинги, участвует в конгрессе Второго Коминтерна, учится в университете, издает книгу «Россия в революции», а с 1908 года является редактором внефракционной социал-демократической газеты «Правда». В 1910 году «Правда» была признана общепартийной газетой и большевики стали участвовать в ее издании. Однако уже в 1912 году наметился серьезный раскол между Лениным и Троцким. Дело в том, что Троцкий стремился стать лидером «третьей силы», создать независимую фракцию в РСДРП наряду с большевиками и меньшевиками. Выход первого

номера легальной большевистской газеты «Правда» еще более осложнил отношения двух лидеров. Троцкий обвинил большевиков в незаконном присвоении названия его венской газеты. Уже тогда Ленин называет его «иудушкой», а его часто меняющиеся взгляды – «тушинскими перелетами».

Источник существования Троцкого в те годы не известен, но дружба с Парвусом наталкивает на мысль, что деньги к нему могли поступать от германских или австрийских спецслужб. В 1912 году Троцкий в качестве фронтового корреспондента отправляется на Балканскую войну.

В 1914–1916 годах Троцкий живет в Цюрихе и Париже, руководит изданием меньшевистской газеты «Наше слово», вытеснив из редакции Мартова. В своей брошюре «Война и интернационализм» Троцкий клеймит поджигателей Первой мировой войны и констатирует смерть идей Первого Интернационала, предлагает немедленное прекращение военных действий и создание Соединенных Штатов Европы. В годы войны он работает военным корреспондентом либеральной газеты «Киевская мысль» во Франции. В сентябре 1915 года принимает участие в Международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария). До самого февраля 1917 года Троцкий резко критикует Ленина, видя в нем главного конкурента в борьбе.

В сентябре 1916 года за антивоенную пропаганду Троцкий интернирован из Франции в Испанию, откуда его выслали в США. В начале 1917-го Троцкий поселяется в Нью-Йорке, где вместе с Бухариным сотрудничает с эмигрантской революционной газетой «Новый мир». Троцкий активно выступает против вступления США в Первую мировую войну на стороне Антанты. Во время войны англичане сочли, что Троцкий связан с немецкой разведкой, на этом основании он был арестован в марте 1917-го в Канаде на пути из США в революционную Россию. Английская контрразведка подозревала, что Троцкий везет германские деньги для организации революции в России и подрыва обороноспособности Антанты. Такие подозрения были связаны с получением контрразведкой сверхсекретной информации о «плане Парвуса» – плане свершения революции в России на немецкие деньги.

Но Петроградский Совет, Ленин и министр иностранных дел Временного правительства заступились за революционера, и 29 апреля 1917-го Троцкий был освобожден. Вскоре он приехал в Россию. В Петрограде Троцкий возглавил организацию социал-демократов «межрайонцев», которой руководили его друзья М. Урицкий и А. Иоффе. Но организация «межрайонцев», в которой

состояло всего несколько тысяч членов, в судьбоносные весенние месяцы 1917-го не сумела повести за собой массы. Троцкий, верно оценив ситуацию, протянул руку своему конкуренту – Ленину, признал, что вождь большевиков – «номер один» в революции. И тот не потребовал от Троцкого осознания прошлых ошибок и покаяния… Позже Троцкий напишет: «Ленин встретил меня сдержанно и выжидательно. Июльские дни нас сразу сблизили». Ленин оценил заявление Троцкого, который утверждал: «…тот, кто говорит, что товарищ Ленин может быть немецким агентом, тот – негодяй».

В июле-августе 1917-го Троцкий томится в петроградских «Крестах», куда заключен за участие в июльском мятеже в столице. Вместе с «межрайонцами» он был принят заочно в партию большевиков на VI съезде РСДРП (б) (август 1917 г.) и тогда же избран в ЦК РСДРП(б). Уже 25 сентября Троцкий стал председателем Петроградского Совета. Великолепный оратор, трибун и позер, он сумел увлечь за собой рабочих столицы.

Троцкий не только был против продолжения войны Россией, он был еще и пораженцем, считая, что поражение русских войск откроет дорогу мировой революции. Он заявил, что чем тяжелее будет положение России, тем скорее освободится плацдарм для революционных действий.

10 октября 1917 года на заседании ЦК большевиков Троцкий однозначно голосовал за восстание против Временного правительства, предлагая провести его 26 октября 1917-го – в свой день рождения, приурочив ко дню открытия Второго Всероссийского съезда Советов. Ленин же считал, что поднять восстание и захватить власть нужно до съезда.

Троцкий стал одним из главных организаторов Октябрьского переворота в Петрограде, до прихода Ленина в Смольный единолично руководил восстанием через Военно-революционный комитет, созданный при Петроградском Совете. Он выступал против союза с левыми меньшевиками и эсерами, создания «однородного правительства», чем поддержал Ленина в критический момент. Тогда Троцкий так отозвался о меньшевиках и эсерах: «Все они просто сор, который будет сметен в сорную корзину истории!»

В первые дни Октября Троцкий возглавил наркомат иностранных дел, стал великолепным аппаратчиком. Возглавляя советскую делегацию на мирных переговорах с Германией и Австро-Венгрией в Бресте, он всячески стремился затянуть эти переговоры. После предъявленного Германией ультиматума заявил, что советское правительство не заключит мира, но и не будет продолжать войну и демобилизует всю армию. Это

«капитулянтское» заявление подтолкнуло войска германского блока к наступлению в Прибалтике и Украине. Но когда немецкие войска подошли к Петрограду, Троцкий сложил с себя полномочия наркома иностранных дел, поддержал подписание «позорного» мира, но в то же время он – автор обращения к народу, начинавшегося со слов: «Социалистическое отечество в опасности!»

В марте 1918 года Троцкий назначен наркомом по военным делам и председателем Высшего военного совета (с сентября 1918-го – Реввоенсовет). Годы Гражданской войны – звездный час Троцкого. Он – создатель могучей Красной армии, которая к ноябрю 1920-го разбила армии всех белых генералов (Колчака, Юденича, Миллера, Врангеля). Победа в Гражданской войне упрочила положение Троцкого, который теперь – второй вождь революции после Ленина. Ленин в 1918–1920 годах полностью ему доверяет и видит в нем своего преемника, в то время как «старые большевики» считали Троцкого «новым Наполеоном», который с помощью армии вполне может стать единоличным диктатором.

Троцкий участвовал в разработке и реализации важнейших операций Красной армии, в формировании ее командного состава. Деникин сравнивал его с надсмотрщиком за состоявшей из бывших царских генералов арестантской артелью. Троцкий привлек к службе в Красной армии царских генералов и офицеров, ввел в армии железную дисциплину. Дисциплина эта держалась на страхе, комиссарском контроле и массовых расстрелах «дрогнувших» и отказавшихся повиноваться красноармейцев. Троцкий не только ратовал за беспощадный «красный террор», но и сам командовал массовыми расстрелами и карательными операциями против непокорных деревень. В то же время он умел находить общий язык с бойцами, воодушевлять на подвиги.

Троцкий предлагал ЦК партии начать в 1920 году поход в Индию для «экспорта» революции в Азию и борьбы с Англией. Наступление на Варшаву летом 1920 года рассматривалось им как начало мировой революции, долгожданный «поход в Европу».

В 1920 году он предлагает ввести в стране продналог вместо продразверстки, но к его предложению прислушались только весной 1921-го. В 1920–1922 годах Троцкий лоббировал идею принудительного труда и его милитаризации, создания трудовых армий. Став наркомом путей сообщения, он восстановил железные дороги, правда, применяя массовые расстрелы и аресты. В конце 1920 года Троцкий ввязался в дискуссию о профсоюзах, в которой выступил против Ленина. В итоге на X съезде партии

сторонники Троцкого не были избраны в ЦК.

В 1922 году уже тяжело больной Ленин вновь рассматривает Троцкого как лучшую кандидатуру в преемники. В своем политическом завещании вождь революции назвал его «самым способным человеком». В 1922 году город Гатчина переименован в Троцкий, портреты Льва Давидовича висели почти в каждом кабинете, на книжных лотках появились брошюры, где его называли «экстрактом революции» и ее «душой». Но Троцкий тогда отказался от предложенного Лениным поста заместителя, что было его роковой ошибкой.

В 1923 году он еще надеется на мировую революцию и пытается инициировать ее в Германии. Но провал всех революционных попыток в Европе ударил по его престижу в СССР. После смерти Ленина Троцкий имел все основания претендовать на его пост, тем более, что за ним стояла победоносная Красная армия и большинство местных партийных организаций. Но во время похорон Ленина Троцкий заболел и оказался на лечении в Сухуми. Он был лишен возможности участвовать в дележе власти. В неприязни к Троцкому объединились многие члены Политбюро. В январе 1924-го XIII партконференция осудила позицию Троцкого как «прямой отход от ленинизма».

В письмах в ЦК и в своих статьях в «Правде» Троцкий выступил против «секретарского бюрократизма» и триумвирата Зиновьев – Каменев – Сталин, который постепенно оттирал Троцкого от власти.

В 1924 году Троцкий кардинально изменился. Если в 1920-м он восхваляет «красный террор», железную дисциплину и революционное насилие, то теперь выступает за свободу критики, самоуправление в партии. Осенью 1924-го книга Троцкого «Уроки Октября», с выпадами против Каменева и Зиновьева, вызвала обострение конфликта во властных структурах партии. Зиновьев пустил в обиход термин «троцкизм» как синоним мелкобуржуазного антиленинизма.

В январе 1925 года Троцкий лишился всех стратегически важных постов – наркома по военным делам и председателя РВС, а по всей стране развернулась кампания гонений на троцкистов. У Троцкого уже нет реальной возможности противостоять триумвирату. Но в 1926 году, когда Зиновьев и Каменев порывают со Сталиным и создают «новую оппозицию», Троцкий объединяется со вчерашними врагами. Он выступил против тезиса Сталина о «построении социализма в одной отдельно взятой стране», против нэпа.

В 1926 году Троцкий был исключен из Политбюро ЦК партии, в октябре 1927-го – выведен из ЦК партии, а в ноябре вообще

исключен из партии.

За последние две недели 1927 года после разгрома «троцкистской оппозиции» из рядов Коммунистической партии было исключено 1494 человека, многие из которых отправлены в административную ссылку в дальние районы страны. Поскольку ссыльным предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности, они лишались избирательных прав и членства в профсоюзах.

В середине января 1928 года Троцкого выслали в Алма-Ату. В назначенный для отъезда день на вокзале собралась демонстрация, около трех тысяч человек провожали Троцкого. Столкновения демонстрантов с агентами ГПУ и милицией завершились массовыми арестами. Троцкий отказался ехать на вокзал добровольно, агентам ГПУ пришлось его вынести на руках. В 1929-м последовала высылка Троцкого из СССР в Турцию.

Зиновьев и Каменев поместили в «Правде» «Открытое письмо», в котором вновь подтвердили, что полностью подчиняются всем решениям съезда, «капитулировали перед ВКП(б)» и порвали с группой Троцкого и со своими единомышленниками в Германии (группа Рут Фишер – Маслова). Покаяния лидеров зиновьевской части оппозиционного блока Троцкий расценил как предательство. В «Правде» было опубликовано заявление Антонова-Овсеенко о разрыве с «троцкистской оппозицией», в котором он выражал сожаление по поводу того, что «…не сделал всех необходимых выводов уже из… первого своего расхождения» с Троцким в 1915 году, и заверял, что теперь осознал правоту «лично» Сталина.

Бухарин назвал троцкистов-зиновьевцев «обозом политических нечистот».

Троцкий разослал своим единомышленникам обращение, в котором подчеркивал, что принципиальная позиция подлинных оппозиционеров не допускает «…никакой дипломатии, лжи, развращающего политиканства в духе Зиновьева-Каменева – Пятакова, себялюбиво-чиновничьего, насквозь безответственного, понтие-пилатского умывания рук в духе Крестинского или смердяковского пресмыкательства в духе Антонова-Овсеенко».

В Турции Троцкий поселился на одном из небольших островков, где находился до лета 1933 года. Он просит политического убежища во Франции, Германии, Англии, но ему везде отвечают отказом. За границей Троцкий пишет автобиографические и политические книги, издает «Бюллетень оппозиции», продолжает бороться против сталинского режима, пытается сформировать Четвертый, «троцкистский», Интернационал.

Только в начале 1937 года Троцкий нашел постоянное пристанище в Мексике в доме знаменитого художника Диего Риверы. Другой знаменитый мексиканский художник – коммунист Давид Сикейрос – устроил на Троцкого покушение. Команда вооруженных головорезов ворвалась на виллу Троцкого. Стены были изрешечены пулями, забившегося под кровать Троцкого спасло только чудо. В 1930-е годы чекисты убили сыновей и родственников Троцкого, его дочь сошла с ума и покончила жизнь самоубийством, соратники методично уничтожались советскими агентами. 20 августа 1940 года на вилле Койякана испанец Рамон Меркадер ударом ледоруба оборвал жизнь человека, так много сделавшего для революции в России, который встретил смерть словами: «Я верю в триумф Интернационала!.. Вперед!»

Если бы история распорядилась иначе и Троцкий стал бы полновластным правителем в СССР, был бы его режим лучше сталинского? Несмотря на то что с середины 1920-х Троцкий рядится в демократические одежды, его диктатура могла бы стать пострашнее сталинской. Скорее всего, Троцкий сразу же – еще в 1924 году – свернул бы нэп, провел насильственную коллективизацию, возобновил бы беспощадный «красный террор», а главное – начал бы активную подготовку к мировой революции и вверг народы СССР в новую мировую бойню.

ВИННИЧЕНКО ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ

(род. в 1880 г. – ум. в 1951 г.)

Известный украинский писатель и революционер, первый премьер УНР и глава Директории УНР, лидер ноябрьского (1918 г.) восстания в Украине.

Украинский литератор и политический деятель Владимир Винниченко происходил из семьи беднейших крестьян. Он родился 26 июля 1880 года в селе Григориинка Херсонской губернии. Окончив народную школу, Владимир поступил в гимназию, но не смог закончить ее из-за отсутствия денег. Некоторое время скитался по Украине и работал батраком. В 20 лет сдал экстерном экзамены за гимназический курс и поступил в Киевский университет на юридический факультет. В 1901 году Винниченко – активный деятель подпольной Революционной украинской партии, а в 1902 году за участие в студенческих волнениях исключен из университета и арестован. После освобождения ведет революционную пропаганду среди киевских рабочих, а вскоре отправляется на Полтавщину, где уже разгораются крестьянские бунты. В августе 1902 года Винниченко

нанимается домашним учителем к полтавскому помещику, агитирует за революцию крестьян Полтавской губернии. Вскоре его призывают на военную службу, но Винниченко дезертирует и бежит в Галицию, которая находилась тогда в составе Австро-Венгерской империи.

В декабре 1902 года на съезде РУП Винниченко избирается в руководство партией, членом Заграничного комитета РУП – партии, состоящей, преимущественно, из молодежи. В 1903 году во время перехода австрийско-русской границы с грузом нелегальной литературы Винниченко был арестован, заключен на год в крепость, откуда отправлен в дисциплинарный батальон. В крепости Владимир пытается покончить жизнь самоубийством. Далее – новый побег за границу, в Галицию. Там он становится соредактором партийной газеты «Гасло», занимается переводами трудов западноевропейских теоретиков социализма. Винниченко становится одним из создателей и лидером Украинской социал-демократической рабочей партии, входит в ее руководящее ядро. В 1907–1914 годах Винниченко живет в эмиграции в Западной Европе и австрийской Галиции, нелегально наезжая в Российскую империю для революционной работы.

С 1902 года Винниченко много издается как прозаик и драматург. Он – модный автор, самый преуспевающий украинский писатель, его печатают в России. Его пьесы идут не только в украинских театрах, но и в театрах Европы и России, романы переводятся на русский, английский, немецкий языки.

С мая 1914 года он нелегально находится в Российской империи, пытается возродить организации украинских социал-демократов в Украине. Некоторое время Винниченко живет в Москве, сотрудничая в ряде либеральных журналов.

В марте 1917 года Винниченко – лидер Украинской социал-демократической рабочей партии, редактор центрального органа партии «Рабочей газеты». В апреле 1917-го он избирается заместителем председателя Центральной Рады, членом исполкома Рады – Малой Рады, являясь второй фигурой в Раде после Грушевского.

Но, как отмечал Исаак Мазепа, в политике Винниченко отличался тем, что «…постоянно импровизировал и не имел четкой позиции».

Винниченко организует украинские военный, крестьянский и рабочий съезды, возглавляет украинскую делегацию к Временному правительству, пишет Универсалы, декларации, законы, статьи… С 10 июня 1917 и до января 1918-го Винниченко был главой Генерального секретариата (Совета министров) Украинской Народной Республики, занимал посты премьера и

министра внутренних дел. В то время Винниченко стремится лишь к автономии Украины в составе Российской Федеративной Республики и рассчитывает провести широкие социалистические реформы.

Но после Октябрьского переворота, к которому Винниченко отнесся отрицательно, против УНР начала борьбу Советская Россия и организации местных большевиков, анархистов, левых эсеров. Наступление большевистских войск привело к тому, что Винниченко отошел от федерализма и пришел к пониманию необходимости независимости Украины. Вместе с тем он стремился к мирному разрешению конфликта между Украинской Республикой и Советской Россией. Когда красные войска подходили к Киеву в январе 1918-го, Винниченко неожиданно подал в отставку и бежал из Киева на юг Украины.

После того как в Киеве утвердилась власть Центральной Рады, весной 1918-го он возвратился в столицу, но не проявлял активности, продолжая оставаться одним из лидеров украинской социал-демократии. Только после гетманского переворота и разгрома Центральной Рады Винниченко возглавил оппозицию гетману Скоропадскому – «Национальный союз». В сентябре 1918-го он связался с большевистскими агентами в Украине, через которых получал материальную помощь для организации восстания против гетмана.

Под его руководством была создана Директория УНР – сначала коллегиальный орган руководства народного восстания против гетмана. Тогда, в ноябре-декабре 1918 года, Винниченко стал главным организатором похода революционных повстанческих войск на Киев. С 14 декабря 1918-го (после взятия Киева армией повстанцев) по 12 февраля 1918-го Винниченко был главой возрожденной Украинской Народной Республики – главой правительства Директории (в этот период Директория была коллегиальным президентским правлением и состояла из 5 членов). На посту главы правительства Украины он проявил себя как руководитель нерешительный и слабый, постепенно уступая позиции Верховному главнокомандующему войсками, члену Директории Симону Петлюре.

Однако Красная армия уже с середины декабря 1918-го начала открытую войну с УНР. Винниченко долго не решался на войну с Советской Россией, искал компромисс с большевиками, и только тогда, когда красные оказались под Киевом, он объявил о начале военных действий. Но время было потеряно, и Директория, бежав из Киева, откатилась на Подолье. В феврале 1918-го Винниченко, как слишком «левый», уходит в отставку с поста главы Директории под давлением Петлюры, армии УНР и

Антанты.

С марта 1919 года Винниченко проживает в эмиграции в Австрии, пытается объединить левых украинских социал-демократов. Вскоре он выходит из УСДРП и организовывает «левую» «Заграничную группу украинских коммунистов», которая искала союза с большевиками. Пойдя на очередной компромисс со своими вчерашними врагами, в мае 1920 года Винниченко вернулся в Советскую Украину, был прощен большевиками и назначен на руководящие посты. Как член Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК) и СНК УССР Винниченко сотрудничает с большевиками, усиленно стремится к посту главы Советской Украины, пытается добиться большей независимости для Советской Украины. Но с сентября 1920 года он порывает с большевиками и уезжает в эмиграцию. Живет в Берлине, Праге, Вене, Париже, постепенно отходит от политической борьбы, занимается литературной деятельностью. В годы Второй мировой войны Винниченко был арестован фашистами, сидел в концлагере. Умер первый премьер УНР на юге Франции в марте 1951 года в бедности и забвении.

АТАТЮРК

Настоящее имя – Кемаль Мустафа
(род. в 1881 г. – ум. в 1938 г.)

Выдающийся политический реформатор, турецкий революционер, создатель современного государства Турция.

Мустафа Кемаль родился в 1881 году (по другим данным, в 1880 году) в греческих Салониках, принадлежавших Турецкой (Османской) империи. Отец его был торговцем лесом, бывшим таможенным чиновником. Его ранняя смерть поставила семью на грань нищеты, но Мустафе Кемалю удалось поступить в государственную военную школу, а затем в высшее военное училище и в Османскую военную академию Генерального штаба в Стамбуле.

В годы учебы Мустафа увлекся трудами европейских философов: Руссо, Вольтера, Гоббса, мечтал о славе преобразователя родины. Во время учебы Кемаль основал тайное революционное общество «Ватан» (Родина). В 1904 году Кемаль закончил академию, был выпущен в чине капитана и начал службу в далекой Сирийской провинции. С 1907 года Кемаль начинает службу в Македонии, где уже бушевало

освободительное движение южных славян и греков.

В Македонии Кемаль примкнул к революционному «Комитету единения и прогресса», сотрудничавшему с младотурками, целью которых было ликвидировать султанское единовластие и заменить его конституционным строем. Он завел дружбу с лидерами младотурков, вступил в масонскую ложу, но так и не принял непосредственного участия в Младотурецкой революции 1908 года. В 1909 году Кемаль возглавил штаб «Армии действия», которая подавила контрреволюционный мятеж Абдул-Хамида Второго.

В 1911–1913 годах Кемаль участвует в Итало-турецкой и второй Балканской войнах. После окончания войны Кемаль служит военным атташе в Болгарии.

Когда началась Первая мировая война, Кемаль выступил против участия Османской империи в военных действиях на стороне Германии, но он дал присягу и потому сражался на фронте во имя Турции.

У Галлиполи в 1915 году часть Кемаля сдерживала наступление англичан в течение более полумесяца. За это сражение Кемаля назвали «Спасителем Стамбула». В 1916 году генерал Кемаль в звании паши командовал 2-й и 3-й турецкими армиями, остановившими наступление русских войск на юге Кавказа.

В 1918 году Кемаль командует 7-й турецкой армией против англичан у Алеппо. После капитуляции Османской империи союзники Антанты объявили о разделе ее территории, а Англия послала военный флот в Стамбул. Турция рассматривалась Антантой как поверженная страна, в которой желательно сохранить султанат, но под контролем Англии, Франции и Италии.

Однако Кемаль и «кемалисты» ставили целью отстаивать независимость разоренной и оккупированной Турции.

Посланный в 1919 году в Анатолию для подавления вспыхнувшего восстания, генерал Кемаль поднял военный мятеж против стамбульского правительства, сформировал в Анатолии Временное правительство. В Анатолии Кемаль фактически произвел революционный переворот, провозгласив себя президентом Турции. Кемалю удалось сформировать крупные военные силы для борьбы против антантовских интервентов, против войск стамбульского султана, объявившего «священную войну» кемалистам и угрожавшему казнью их лидеру.

В 1920 году турецкий султан в обмен на сохранение собственной власти подписал Севрский договор, по которому территория Османской империи разделялась между Англией,

Францией, Италией, Грецией. После этого позорного договора большинство турок стали на сторону Кемаля, который выступал за сохранение национального единства.

Когда армия Кемаля двинулась на Стамбул, союзники Антанты направили в Турцию греческую армию. Но после 18 месяцев тяжелых боев, в августе 1922 года, греческая армия была наголову разбита армией Кемаля, которому оказала помощь Советская Россия. Несмотря на победу, Кемаль согласился на перемирие, сохранив за Турцией все ее территории.

1 ноября 1922 года Великое национальное собрание Турции распустило правительство Мехмеда VI, а еще через год Кемаль был избран президентом новой Турецкой Республики. По сути, он стал диктатором, объявив вне закона все соперничавшие с ним политические партии и инсценировав свое переизбрание. Однопартийная система диктатуры Кемаля лишь после его смерти была заменена системой многопартийной. Культ Кемаля в Турции был официальным и всеобщим. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Кемаль взял себе фамилию Ататюрк, что в переводе с турецкого означает «отец народа».

Свою революцию Кемаль-Ататюрк проводил не на полях сражений и не на баррикадах, а посредством глобальных реформ. Он стремился превратить отсталую мусульманскую страну в цивилизованное государство. Это была поистине задача революционная, ведь преобразования должны были произойти в умах граждан Турции, коренные перемены ожидались и во властных структурах.

Фундаментальные изменения всей структуры общества привели к трансформациям в культуре и религии. Кемаль буквально насильно внедрял в Турции буржуазный строй, европейский образ жизни, западные ценности. Он заклинал: «Цивилизация – такой сильный огонь, что тот, кто его игнорирует, будет сожжен и разрушен…»

Уже в 1923 году Республика Турция имела не только президента, но и парламент, конституцию, став первым в регионе независимым светским государством. Ликвидировав султанат, Ататюрк уничтожил и халифат, исламскую ортодоксию, упразднил должность первого улема, министерства шариата, закрыл религиозные школы, запретил шариатские суды. Все религиозные учреждения Турции стали частью государственного аппарата, ислам в Турции превратился в часть бюрократической машины, а Коран был переведен с арабского на турецкий. Выходным днем кемалисты объявили воскресенье, а не пятницу, мечеть Айя-София была превращена в музей.

В 1925 году в Турции вспыхнуло курдское восстание под

лозунгом свержения «безбожной республики и восстановление халифата». После его подавления Ататюрк закрыл монастыри, распустил ордена дервишей, запретил политические аллюзии, связанные с религией. Вскоре был подписан декрет о внедрении в обиход европейской одежды, фески объявлялись вне закона. Кемаль сыграл роль турецкого Петра I, который насильно вводил европейские обычаи.

Новый закон запретил в Турции многоженство, узаконил бракоразводный процесс, уничтожил юридическое неравенство между мужчиной и женщиной. Ататюрк поддерживал эмансипацию женщин, они были допущены в аудитории институтов и университетов, получили право голосовать и быть избранными в муниципалитеты и парламент. Вскоре было запрещено ношение чадры. «Обычай закрывать лица женщинам делает нашу нацию посмешищем», – утверждал Ататюрк.

Президент перенес столицу Турции из консервативного Стамбула в небольшой городок в центре страны – Анкару. Там состоялась первая сессия Национального собрания Турции.

В 1926 году было провозглашено, что не воля Аллаха диктует законы, а Национальное собрание и гражданское право. В Турции был принят гражданский кодекс швейцарского образца, приспособленный к турецким реалиям.

По инициативе Ататюрка Национальное собрание приняло закон, вводивший с 1929 года новый турецкий алфавит и запретивший применение арабского алфавита, временно вводивший латиницу для обозначения основ тюркского языка. Во время правления Ататюрка в Турции были отменены все титулы и почетные звания, их заменили обращениями «господин» и «госпожа», а вместо арабских вводились европеизированные фамилии.

Ататюрк вообще-то был человеком веселым, любил женщин, вино, праздники, однако в нужный момент действовал как здравомыслящий, опытный политик политик. Его уважали, боготворили, его славили, хотя в личной жизни Кемаль не был образцом добродетели, давая поводы к осуждению.

Умер Ататюрк 10 ноября 1938 года от цирроза печени. И до сих пор он – первый герой Турции.

КЕРЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ

(род. в 1881 г. – ум. в 1970 г.)

Лидер Февральской революции 1917 г. в России, диктатор революционной России в июле – октябре 1917 г.

Александр Керенский родился в Симбирске на 11 лет позже Ленина – 22 апреля 1881 года в дворянской семье. Отец его был директором мужской гимназии, которую закончили братья Ульяновы. В детстве Саша Керенский заболел костным туберкулезом и некоторое время жил с семьей в Ташкенте (отец его служил главным инспектором училищ Туркестанского края). После окончания гимназии Керенский поступил на историко-филологический, а затем на юридический факультет Петербургского университета, в 1904 году получил диплом юриста, стал помощником присяжного поверенного столичного округа и был принят в коллегию адвокатов Петербурга.

Революция 1905 года привела Керенского в партию эсеров (социалистов-революционеров). Тогда он сочувствовал террору и даже хотел вступить в Боевую организацию эсеров, но Азеф отказал ему в приеме. За «эсеровскую деятельность» Керенский

был арестован, официально – за хранение листовок, и 4 месяца провел в тюрьме, полгода – в ссылке в Ташкенте. После ссылки Керенский приобрел известность в Петербурге как блестящий адвокат, защитник на политических процессах. Он оказывал бесплатную юридическую помощь в Народном доме, работал юрисконсультом среди рабочих, вошел в комитет по оказанию помощи жертвам Кровавого воскресенья.

В октябре 1906 году Керенский прославился на всю Россию, выиграв процесс по делу крестьян, разграбивших поместье прибалтийского барона.

В 1912 году Керенский избран депутатом Четвертой Государственной думы по списку Трудовой партии, а с 1915 года – председатель думской фракции Трудовой партии. Он возглавлял думскую комиссию по расследованию расстрела рабочих на Ленских золотых приисках, инициировал акции протеста адвокатов против «дела Бейлиса», за что был приговорен к 8 месяцам тюрьмы.

Тогда же Керенский вступил в масонскую ложу «Великий восток», вскоре стал генеральным секретарем ее Верховного совета, лидером масонства России и куратором масонских лож в Украине.

Во время Первой мировой войны Керенский выступает как «оборонец» – сторонник войны против германского блока с целью защиты «революционного отечества».

Летом 1916 года Керенский готовит свержение монархии Николая II. С думской трибуны он провозглашает: «Вся мировая история говорит, что революция была методом и единственным средством спасения государства». Императрица требует, чтобы Николай II повесил Керенского.

27 февраля 1917-го во время Февральской революции Керенский избран во Временный комитет Государственной думы и товарищем председателя исполкома Петроградского Совета. В первых числах марта 1917 года Керенский как представитель «социалистов» (он только что вступил в партию эсеров) занял пост министра юстиции Временного правительства. Его считали умелым политиком – символом единства революционных партий (кадетов, октябристов, эсеров, меньшевиков, советских структур). Он подписал приказ об освобождении всех заключенных по политическим и религиозным мотивам, указ об отмене смертной казни.

В 33 года Керенский – самый молодой и самый популярный министр в России. 5 мая 1917-го, после очередного кризиса во Временном правительстве, Керенский занял пост военного и морского министра, сохраняя при этом портфель министра

юстиции. Он стремится восстановить боеспособность армии на фронте, провести наступление на юго-западном направлении, сплотить нацию под лозунгом «Все для обороны революции!». Он объезжает фронтовые части и сутками выступает перед солдатами, используя свой ораторский дар, вдохновляет армию на «оборону революционного отечества». На Первом Всероссийском съезде Советов Керенский был избран членом ВЦИК Советов.

Когда в начале июля 1917-го в Петрограде прошли вооруженные выступления большевиков и анархистов, Керенскому удалось подавить их, отправив в тюрьмы наиболее опасных подстрекателей. Большевики ушли в подполье, и казалось, не скоро восстановят свой авторитет в массах. Но ошибкой Керенского было нежелание немедленно арестовать Ленина.

С 8 июля 1917 года Керенский – глава Временного правительства и одновременно военный и морской министр. Умеренные революционеры (кадеты и правые эсеры) надеялись, что он станет революционным диктатором и обуздает в стране анархию. Ему же не хватило решительности…

Авторитет Керенского в июле-августе 1917-го пошатнулся из-за неудачного наступления на Юго-Западном фронте, развала армии и галопирующей инфляции.

Обещания, данные народу, так и не были выполнены, Керенский откладывал важные для страны решения до открытия в ноябре 1917-го Учредительного собрания. Но продолжающаяся война и экономический кризис поставили страну на грань голода. Керенский отложил до созыва Учредительного собрания решение проблем заключения мира, перераспределения земли и собственности, рабочего контроля, национальных автономий… в то время, как Ленин уже пообещал пролетариям «все и немедленно». Когда было необходимо принять решительные меры, Керенский искал компромиссы и «не снимал белых перчаток». Он оказался слабым политиком и никудышним диктатором.

19 июля 1917-го Керенский назначил генерала Лавра Корнилова Верховным главнокомандующим. Тогда часть умеренной революционной элиты и офицерства носилась с планом введения в Петроград войск, возобновления смертной казни в армии и установления революционной диктатуры для предотвращения большевистского переворота. Но Корнилов, на которого возлагалась роль «спасителя революции», стремился к установлению единоличной власти и не принимал Керенского в расчет. Если в середине августа 1917-го Керенский и Корнилов

задумали установить в стране двуумвират диктаторов, то к концу месяца в кругах, близких к Корнилову, стали поговаривать о необходимости ареста Керенского. Узнав об этом, Керенский отстранил от должности Корнилова, но генерал не подчинился приказу и поднял мятеж, направив на Петроград верные ему войска. Однако солдаты Корнилова отказались воевать с «народом», мятеж был разгромлен, а его организаторы, Корнилов и Деникин, арестованы.

Разгром мятежа дорого стоил самому Керенскому. Во время мятежа в поисках союзников Керенский фактически легализовал партию большевиков и ее «штурмовые отряды» – рабочую Красную гвардию. Это привело к тому, что в сентябре – октябре 1917-го большевики захватили руководство в Советах, вооружились и начали готовить восстание.

От Керенского отказались офицеры, часть буржуазии и умеренных революционеров.

В сентябре 1917-го Керенский стал еще и Верховным главнокомандующим, создал новые органы власти – Директорию и Предпарламент, провозгласив Россию республикой. Тогда Керенский считал, что еще в силах подавить все попытки вооруженного восстания большевиков, но в то же время не решился взять на себя личную ответственность и начать террор против «левых». 24 октября 1917-го Керенский потребовал от Предпарламента республики полной поддержки карательных действий правительства против восставших в столице большевиков. Но и Предпарламент уклонился от ответственности. Фактически большевикам уже не противостоял карательный механизм государства.

25 октября 1917-го в момент захвата столицы восставшими Керенскому каким-то чудом удалось выехать из Питера в штаб Северного фронта. Он просил помощи против большевиков. Но серьезной поддержки в войсках Керенский так и не нашел. В момент большевистского восстания Временное правительство оказалось без своего лидера, без поддержки населения и без надежных войск, что и помогло большевикам довольно легко захватить власть в столице.

Керенскому удалось поднять только казаков генерала Краснова. С несколькими тысячами казаков Керенский предпринял отчаянную попытку прорваться в Питер и попробовать переломить ход революции. Но поход Керенского-Краснова на Питер потерпел неудачу. Через несколько дней после начала наступления на Питер казаки Краснова изменили присяге, хотели арестовать Керенского и выдать его большевикам. Керенский, переодевшись в матросскую форму (а не в платье

медсестры, как писали об этом советские пропагандисты), бежал от неминуемой расправы через подземный ход дворца в Гатчине. Он месяц скрывался в селах Новгородской губернии, а в декабре 1917-го пытался договориться на Дону с атаманом Калединым.

Керенский был избран депутатом Учредительного собрания, но руководство партии эсеров отговорило его от выступления на открытии Учредительного собрания, чтобы не подвергаться опасности ареста. В феврале – апреле 1917 года Керенский жил в Финляндии, все еще надеясь вернуться в большую политику.

В мае 1918-го он нелегально пробрался в советскую Москву и установил контакт с подпольным «Союзом возрождения России». В июне 1918-го Александр Федорович навсегда покинул Родину, через Мурманск уехал в Англию. В 1918–1919 годах он по поручению «Союза возрождения России» ведет переговоры с представителями Антанты о возможности совместной борьбы против большевиков. В Париже Керенский – лидер «Внепартийного демократического объединения». В 1921–1922 годах он участвует в совещании членов Учредительного собрания эмиграционных сил (избран членом исполкома), в работе эсеровского партийного съезда. Но бывший глава Временного правительства уже растерял весь свой политический капитал и свою популярность, и западные лидеры не видели в нем личность, способную обуздать большевиков и сплотить нацию.

В 1922–1940 годах Керенский живет в Берлине и Париже, он – член Российского общественного комитета, редактор газеты «Дни» и журнала «Новая Россия», выступает против фашизма и сталинизма. Летом 1940 года он уезжает в США, входит в американскую группу российских эсеров-эмигрантов. В годы Второй мировой войны Керенский агитирует за помощь СССР, сотрудничает с западными демократами. В 1949 году он – один из организаторов Лиги борьбы за народную свободу, в 1951-м входит в Совет освобождения народов России.

В 1950–1960-х годах Александр Керенский работает в архивах Стенфордского университета и Гуверовского института войны, революции и мира. В 1965 году вышли его воспоминания «Россия на историческом повороте». Многие эмигранты обвиняли лидера Февральской революции в содействии крушению монархии и развалу «великой России», в том, что он «сдал» Россию большевикам. Ленин называл его «героем левой фразы», Троцкий – «временщиком исторической минуты». Перед смертью Керенский произнес: «Я погубил Россию! Но, видит Бог, я желал ей свободы!» В последние годы он жил в бедности, потерял зрение, оказался в полной изоляции. Умер Керенский в Нью-Йорке 11 июня 1970 года.

РЫКОВ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

(род. в 1881 г. – ум. в 1938 г.)

Один из организаторов партии большевиков, второй советский «премьер».

Алексей Рыков родился в слободе Кукарки Яранского уезда Саратовской губернии в семье мелкого торговца, который «выбился в люди» из крестьян. Он рано остался сиротой и был взят на воспитание старшей сестрой Клавдией, работавшей в железнодорожной конторе.

Закончив гимназию, Алексей в 1900 году поступает на юридический факультет Казанского университета. Очевидно, в 1899 или 1900 году Рыков становится социал-демократом. После разгрома казанского студенческого социалистического кружка он 10 месяцев проводит в тюрьме, а потом его высылают в Саратов под гласный надзор полиции.

В 1903 году с помощью агентов газеты «Искра» Рыков выезжает в Женеву, где знакомится с Лениным, становится большевиком и оказывается в кругу партийной элиты. Вернувшись в Россию в 1904 году, Рыков вел партийную работу в Саратове, Казани, Ярославле, Нижнем Новгороде, Петербурге и неоднократно арестовывался. Он также участвовал в

восстановлении Московской организации РСДРП. С мая по конец октября 1905 года Алексей находился в тюрьме. В 1905 году Рыков делает быструю партийную карьеру – избирается делегатом III съезда РСДРП, членом ЦК партии (до 1907 г.), депутатом Петербургского Совета. В дни декабрьского восстания в Москве Рыков – член Московского областного бюро ЦК РСДРП и один из руководителей восстания на Пресне.

В 1906 году он был делегирован на IV (Объединительный) съезд РСДРП, где выступил с критикой меньшевиков. Летом 1906 года Рыкова арестовывают и ссылают в Архангельскую губернию, откуда в 1907 году он бежит в Москву. Но в Москве его вновь арестовывают и высылают в Самару. На V съезде РСДРП (1907 г.) Рыков заочно избирается в кандидаты в члены ЦК РСДРП. Так до лета 1917-го он и проходил в «кандидатах». В апреле 1909 году Рыков выехал за границу по заданию Русского бюро ЦК РСДРП (в 1907–1910 годах Рыков – член Бюро ЦК).

Осенью 1909 года Рыков вновь появляется в Москве, но вскоре опять эмигрирует. В 1910–1911 годах он живет во Франции. В августе 1911 года, когда Рыков опять вернулся в Россию, его арестовывают в Москве и ссылают в Архангельскую губернию. Амнистия в связи с 300-летием дома Романовых (в 1913 г.) освободила Рыкова, и летом 1913 года он уже член Московского комитета РСДРП. Но Рыков недолго гуляет на свободе: следует новый арест и ссылка в Нарымский край. В 1915 году он бежал, но вновь был арестован и возвращен по месту ссылки.

Освобожденный Февральской революцией 1917 года Рыков спешит в Москву, где занимает командующие посты в Московском комитете и в Московском областном бюро РСДРП. Он выступает за контроль Советами действий Временного правительства. На Апрельской (1917 г.) конференции большевиков Рыков заявил, что «Россия – самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие социалистической революции невозможно… Толчок к социальной революции должен дать Запад… У нас нет сил, объективных условий для этого». Рыков выступает за установление рабочего контроля, против восстановления смертной казни.

В мае 1917-го он избран членом Президиума и заместителем председателя Московского Совета, делегатом Первого Всероссийского съезда Советов. На VI съезде партии Рыков избран в члены ЦК, он – сторонник участия большевиков в Предпарламенте. 23 сентября 1917 года ЦК партии принял решение перевести Рыкова из Москвы в Петроград для работы в Петроградском Совете.

В дни Октябрьского переворота 1917 года Рыков – в Смольном, он – делегат Второго Всероссийского съезда Советов, член президиума съезда, кандидат в члены ВЦИК. В первом составе СНК Рыков – нарком внутренних дел. Ощутив вкус власти, он начинает конфликтовать с Лениным, выступает за создание «однородного социалистического правительства» с участием всех левых сил. Ратуя за коалицию левых сил, 4 ноября 1917 года Рыков выходит из состава СНК и ЦК. Он пишет заявление в ЦК партии, где указывает, что руководящая группа ЦК «твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство во что бы то ни стало и каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило. Мы не можем нести ответственности за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии. Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК…» Однако уже 29 ноября 1917-го Рыков отозвал свое заявление о выходе из ЦК.

Вскоре его назначили главой Московского продовольственного комитета, комиссаром по продовольствию в Московской области. Вновь о Рыкове вспомнили после разгона Учредительного собрания, депутатом которого он был. С февраля 1918-го он становится членом коллегии Наркомата продовольствия РСФСР, в апреле 1918-го – председателем ВСНХ РСФСР. В 1919–1920 годах Рыков часто бывает на фронтах Гражданской войны как чрезвычайный уполномоченный Совета труда и обороны (СТО) по снабжению Красной армии и флота. Но такие должности не соответствовали его амбициям.

И только в апреле 1920 года Рыков был полностью прощен, даже избран в члены оргбюро ЦК партии. В мае 1921-го его ждут новые назначения: он – заместитель председателя СНК Ленина и заместитель главы СТО. Когда же Ленин тяжело заболел, в руках Рыкова сосредоточилось руководство всей деятельностью правительства и он мог претендовать на роль первого лица в государстве. Но Рыкову, решившему подыгрывать Сталину и Бухарину, лучше было казаться очень слабым политиком. К тому же есть сведения, что он страдал алкоголизмом и нервным расстройством (в 20-х годах в СССР даже водку в народе называли «рыковка»).

В феврале 1924 года Рыкова назначили председателем СНК СССР (он занял пост Ленина, который, однако, уже не представлял никакой важности), председателем СНК РСФСР, в январе 1926 года стал председателем СТО СССР. После смерти

Ленина Рыков активно поддерживает Сталина в его борьбе против Троцкого, Каменева и Зиновьева. На XV съезде ВКП(б) в 1927 году Рыков сказал: «Я передаю метлу товарищу Сталину, пусть он выметает ею наших врагов». Рыков был сторонником нэпа, резко выступал против левацких «загибов» Троцкого. Сталин не опасался Рыкова, так как тот занимался только экономическими процессами. Под руководством Рыкова в 1920-е годы была разработана программа подъема сельского хозяйства и план электрификации страны, начато строительство Турксиба и ДнепроГЭСа.

Но когда Сталин выступил против нэпа (1928–1929 гг.), Рыков заявил, что он против этого решения и форсирования индустриализации и коллективизации, против «партийной казенщины». Лишь осенью 1928-го он вспомнил о необходимости «пролетарской демократии и самокритики». Во время «хлебного кризиса» Рыков считал, что нужно усовершенствовать структуру закупочных цен, увеличить поставки промышленных товаров в села, помочь разрушенному крестьянскому хозяйству. Однако Сталин был сторонником хлебозаготовок и «революционного насилия» – внеэкономического изъятия у крестьян продовольствия.

Позиция Рыкова, Бухарина и Томского была объявлена Сталиным враждебным «правым уклоном» в ВКП(б). В феврале 1929-го на заседании Политбюро и Президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) Рыков и «правые» выступили со своей программой, пытаясь доказать правильность «мягкого» курса и вредность насильственной коллективизации. Это был прямой вызов Сталину. На апрельском Пленуме ЦК (1929 г.) Рыков был подвергнут резкой критике сталинистов и «идеологически разгромлен». Сталин объявил, что «…борьба с правым уклоном есть одна из решающих задач нашей партии». Конечно, Рыков признал все свои ошибки в «защите кулака» и нэпа. Бухарин и Томский лишились ответственных постов, а вот Рыков сохранил пост второго человека в стране – советского «премьер-министра».

В 1930 году на XVI съезде партии о нем вспомнили… Сталин тогда вещал, что «правые» отрицают возможность построения социализма, не хотят поддерживать начавшуюся в стране коллективизацию, считают, что «кулак врастет в социализм», стремятся утвердить рыночную стихию капитализма. Это было обвинение в контрреволюции, и съезд объявил взгляды «правой оппозиции» несовместимыми с пребыванием в партии.

В декабре 1930 года Рыкова выводят из состава членов Политбюро ЦК ВКП(б) и освобождают с постов председателя

Совнаркома СССР и РСФСР. Через некоторое время его «пристраивают» на должность наркома почты и телеграфов, где он теряет всякий политический вес. В 1934 году Рыкова переводят из членов ЦК партии в кандидаты в члены ЦК, а в сентябре 1936-го снимают с должности наркома. В 1936 году сталинисты обвиняют Рыкова в порочных связях с троцкистско-зиновьевским антипартийным блоком, но за отсутствием состава преступления дело прекратили.

Однако уже в декабре 1936-го Рыков и Бухарин были обвинены в создании антисоветской подпольной организации, но они еще оставались на свободе. Дело Рыкова-Бухарина рассматривалось на февральско-мартовском Пленуме ЦК в кровавом 1937-м. По докладу Ежова «О троцкистских и правых антисоветских организациях» Пленум постановил исключить Рыкова и Бухарина не только из ЦК, но из партии, и передать их дела органам ЧК. 27 февраля 1937 года Рыков был арестован, в марте 1938-го состоялся громкий открытый процесс «антисоветского правотроцкистского блока», на котором одним из главных обвиняемых был Рыков. Шпионаж и вредительство, террор и провокация, попытка свержения социалистического строя, желание расчленить СССР, организация кулацких восстаний и покушение на Сталина – вот тот набор несуразных обвинений, выдвинутых против бывшего премьера, которые он признал с «циничным спокойствием злодея». 13 марта 1937 года, несмотря на признания и раскаяние, Алексей Рыков был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение немедленно.

АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1883 г. – ум. в 1938 г.)

Один из организаторов Октябрьского переворота, руководитель штурма Зимнего дворца, вторжения Красной армии в Украину, командующий Украинским фронтом.

Владимир Антонов-Овсеенко (настоящая фамилия Овсеенко) родился 9 января 1883 года в Чернигове, в семье дворянина, боевого офицера-поручика. В 1901 году он окончил Воронежский кадетский корпус и поступил в Николаевское военно-инженерное училище, где отказался присягнуть «на верность Царю и Отечеству» и был отдан на поруки отцу. В 1902 году Владимир ушел из дома, работал чернорабочим, кучером и вступил в члены РСДРП. Вскоре он поступает в Петроградское юнкерское училище. После его окончания и принесения присяги в 1904 году Овсеенко служит в Варшаве, ведет агитационную работу среди солдат и офицеров. Тогда же он был арестован как меньшевистский лидер, имевший партийный псевдоним «Штык».

Во время Первой русской революции Овсеенко – один из руководителей неудачного восстания двух пехотных полков и в Севастополе, и в Новой Александрии (Польша), за что был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторжных работ. В июне 1907 году он бежит с каторги и под чужим именем

живет в Финляндии, Петрограде, Москве. Несколько раз его арестовывают, но полиция не признала в нем разыскиваемого Овсеенко. В 1910 году он эмигрирует во Францию, где работает в меньшевистской группе и в российском Бюро труда.

Во время Первой мировой войны Овсеенко солидаризуется с большевиками в их отношении к войне. В то время Овсеенко – редактор газеты меньшевиков-интернационалистов «Голос». После возвращения в 1917 году в Россию он вступает в Петроградскую организацию большевиков и очень скоро становится одним из ее лидеров – членом Военной организации при ЦК РСДРП(б), а также редактором большевистской газеты «Волна». Антонов-Овсеенко проводит агитационную работу среди русских солдат в Финляндии и моряков Балтфлота. После июльского вооруженного выступления большевиков он был арестован и заключен в «Кресты», однако, уже 4 сентября 1917-го освобожден под залог. Через некоторое время Овсеенко – комиссар Центробалта при генерал-губернаторе Финляндии. 30 сентября 1917-го он избирается членом Финляндского бюро РСДРП(б), в октябре 1917-го – делегатом съезда Советов Северной области, а в ноябре 1917 года – делегатом Учредительного собрания от Северного флота, секретарем и членом бюро Петроградского Военно-революционного комитета (ВРК), членом Полевого штаба ВРК. Антонов-Овсеенко был «главнокомандующим» Октябрьского переворота, руководил захватом Петропавловской крепости, штурмом Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Он лично доложил Второму Всероссийскому съезду Советов о заключении в крепость министров Временного правительства. На съезде Овсеенко избрали в состав СНК, первого Советского правительства, он стал наркомом по военным и морским делам, организатором Красной армии.

Когда войска Керенского – Краснова 27–29 октября 1917-го пытались овладеть Петроградом, Овсеенко командовал войсками Петроградского военного округа. В это время Овсеенко захватили восставшие юнкеры, однако он чудом спасся: его освободили революционные моряки. С декабря 1917-го он назначен командующим красными войсками, борющимися против «белоказаков» атамана Каледина на Дону и против войск Украинской Центральной Рады. Под его командованием в феврале 1918-го большевики захватили большую часть Украины и Киев, белоказаки и белогвардейцы были изгнаны с Дона. 18 февраля Овсеенко назначили командующим армиями Советской Украины (главковерхом Южных советских республик). Он попытался остановить наступление австро-германских войск на

Украину, однако армия Овсеенко была не готова к длительному сопротивлению и обороне и в конце апреля 1918-го оставила Украину.

В августе-сентябре 1918 года Овсеенко возглавил советскую делегацию на переговорах с Германией об участии немецких войск в борьбе с англичанами на севере России.

В сентябре-октябре он командует группой армий Восточного фронта, а с ноября 1918-го – Особой группой войск Курского направления. С сентября 1918 по май 1919-го Овсеенко – член Реввоенсовета Республики. Он поддерживает расстрелы заложников и массовые репрессии против «классовых врагов». С января по июнь 1919 года Овсеенко – командующий Украинским фронтом и Украинскими Красными армиями. На этом поприще проявился его полководческий талант. Под его руководством к маю 1919-го были разбиты войска Директории УНР, войска Антанты, изгнаны белогвардейцы с территории Украины. Однако всеобщее крестьянское восстание в мае-июне 1919 года подорвало Украинский фронт, и белогвардейцы и войска Директории УНР в августе 1919-го изгнали большевиков из Украины. Этот грандиозный военный провал, развал Украинской армии вменили в вину Овсеенко, и он был лишен всех командных должностей. Большевики «уличили» командующего в покровительстве Махно и атаману Григорьеву, в подборе «подозрительных» кадров в состав командования украинскими армиями, в склонности к «независимости» от центрального руководства.

Летом 1919-го Овсеенко был переведен на хозяйственную работу и назначен председателем Тамбовского губисполкома. Жесткие меры, предпринятые им при сборе продразверстки и продналога, стали причиной всеобщего восстания крестьян Тамбовской губернии в августе 1920 года (восстание атамана Антонова). В апреле 1920-го Овсеенко был переведен в Москву. В феврале – августе 1921-го его командировали на Тамбовщину как председателя комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. Он санкционировал жесточайшие репрессии при подавлении крестьянского антоновского восстания.

В 1922–1924 годах Антонов-Овсеенко благодаря протекции Троцкого находился на взлете карьеры, будучи начальником Политуправления Реввоенсовета Республики, членом коллегии Наркомтруда и НКВД, заместителем председателя Малого Совнаркома. В 1923–1927 годах Антонов-Овсеенко примыкает к троцкистской оппозиции, за что в середине 1920-х годов лишается руководящих должностей.

В 1925 году за связь с Троцким Антонов-Овсеенко был снят с

руководящих постов и назначен полпредом в Чехословакию. Как «провинившегося», его «бросают» на дипломатическую работу, он становится послом в Чехословакии, Литве и Польше. В начале 1928 года Антонов-Овсеенко официально «окончательно порвал с троцкизмом». С 1934 года он – прокурор РСФСР – всячески содействовал установлению тоталитарной системы, поощрял приговоры по «пролетарской необходимости». В 1936–1937 годах, во время гражданской войны в Испании, Антонов-Овсеенко был генеральным консулом СССР в Барселоне, через которую проходили грузы с оружием из СССР для республиканцев. В 1937 году Антонов-Овсеенко был отозван в Москву и назначен наркомом юстиции РСФСР, но вскоре был арестован и приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу как руководитель «троцкистской террористической и шпионской организации».

ЗИНОВЬЕВ ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ

Настоящая фамилия – Апфельбаум
(род. в 1883 г. – ум. в 1936 г.)

Один из основателей партии большевиков, лидер Коминтерна и один из самых влиятельных большевиков в 1918–1926 гг.

Овсей-Герш Аронович Апфельбаум (многие авторы считают, что настоящая фамилия Зиновьева – Радомысльский, хотя эта фамилия – только первый его псевдоним), известный в истории как Зиновьев, был сыном мелкого еврейского предпринимателя – владельца молочной фермы. Он родился в 1883 году в Елисаветграде (ныне Кировоград), получил хорошее домашнее образование, что дало ему возможность с 15 лет зарабатывать на жизнь уроками и работать конторщиком. Еще в конце XIX века Овсей «ушел в революцию», участвовал в подготовке рабочих стачек в Украине. В 1902 году Зиновьев эмигрировал в Европу, «отметился» в социал-демократических кружках Берлина, Парижа, Берна, где познакомился с Лениным и Плехановым.

В 1903 году на II съезде РСДРП Зиновьев примкнул к Ленину, и этот шаг определил его будущую судьбу. В 1904 году он вернулся на юг России, где создавал рабочие кружки, но вскоре

уехал за границу на лечение и поступил в Бернский университет, однако, не доучившись, вернулся в Россию в октябре 1905 года.

В конце 1905 года Зиновьев вновь за границей, но в марте 1906 года он возвращается в Петербург. Зиновьев был избран в ЦК РСДРП, редактировал газету большевиков «Вперед», участвовал в кампании по выборам во Вторую и Третью Государственные думы. На V съезде РСДРП (1907 г., Лондон) 24-летний Зиновьев избран членом ЦК, вошел в руководство российской социал-демократии. В 1907 году, вернувшись в Россию, принимал участие в редактировании газеты «Социал-демократ», но весной 1908 года был арестован и выслан в Полоцк.

Вскоре он оказывается в Женеве, где вместе с Лениным и Каменевым редактирует газету «Пролетарий». В 1911–1914 годах Зиновьев участвует в VIII конгрессе Второго Интернационала, в VI конференции РСДРП, читает лекции в Лонжюмо. На VI (Пражской) конференции РСДРП был избран в Заграничное бюро ЦК вместе с Лениным. Тогда же он становится наиболее «близким товарищем» Ленина, с которым живет в одном доме в Западной Галиции и Швейцарии, они даже вместе пишут работу «Социализм и война».

После Февральской революции 1917 года Ленин и Зиновьев вместе с группой большевиков «в пломбированном вагоне» вернулись в Петроград. Зиновьев вошел в редакцию «Правды», поддержал «Апрельские тезисы» Ленина, а после провала «июльского переворота» (тогда Зиновьев выступил против вооруженного захвата власти большевиками) вместе с Лениным скрывался от «сыскарей» Временного правительства в шалаше в Разливе. На VI съезде партии Зиновьев избран в ЦК, получив лишь на один голос меньше, чем Ленин. В сентябре 1917-го Зиновьев и Каменев фактически возглавили большинство в ЦК РСДРП(б), конкурируя с Лениным.

Троцкий писал о Зиновьеве: «…Он не был ни теоретиком, ни революционным стратегом», но «…оратором исключительной силы… Он умел заражаться настроением массы, волноваться ее волнениями и находить для ее чувств и мыслей, может быть, несколько расплывчатое, но захватывающее выражение. Противники называли Зиновьева наибольшим демагогом среди большевиков». В то же время Зиновьев был слабым и нерешительным политиком, интриганом. Зиновьев был дважды женат: первая жена – Сарра Равич, вторая – Злата Левина.

В октябре 1917-го Зиновьев выступил против немедленного вооруженного восстания, на котором настаивал Ленин, ратовал за коалицию с меньшевиками. Зиновьев и Каменев заявили о своем несогласии с решением ЦК о восстании в газете «Новая жизнь»,

тем самым сообщив правительству о подготовке восстания. Тогда Ленин потребовал исключения Зиновьева и Каменева из партии, но его не поддержали большевистские лидеры. После Октября 1917-го Зиновьев поддерживал меньшевиков и эсеров, требовавших создания социалистического правительства. В знак протеста против диктаторской политики Ленина 4 ноября 1917 года Зиновьев заявил о своем выходе из ЦК. Ленин объявил этот поступок «дезертирством».

Очень скоро Зиновьев признал «свои ошибки» и снова стал верным союзником Ленина, а в декабре 1917 года – председателем Петроградского Совета, председателем Петроградского Комитета обороны и председателем СНК Петрограда. С 1918 по 1926 год Зиновьев – безраздельный хозяин Петрограда-Ленинграда. Он был единственным членом ЦК, безоговорочно поддержавшим Ленина в вопросе о немедленном заключении «позорного» Брестского мира.

В народе Зиновьева называли «кровавым Гришкой». Осенью 1918-го он выступил за «красный террор» в Петрограде. Он предложил «…разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улицах». Во время «красного террора» 1918–1921 годов в городе на Неве погибли десятки тысяч человек – «цвет» нации. Зиновьев организовал массовую высылку дворян и буржуазии из Питера на север. Но когда белые подошли к Петрограду, он оказался трусом и паникером, отдав приказ об эвакуации.

Во время дискуссии о профсоюзах (1920–1921 гг.) Зиновьев поддерживал Ленина в борьбе против «рабочей оппозиции», «децистов», Троцкого. В 1919 году Зиновьев – организатор и председатель исполкома Коминтерна (Третьего Коммунистического Интернационала), он контролирует все мировое коммунистическое движение вплоть до 1926 года. Это вскружило ему голову. Во время болезни Ленина и сразу после его смерти – в 1922–1925 годах – Зиновьев, как один из самых влиятельных членов Политбюро, претендует на первую роль в партии, выступает с докладами на XII и XIII съездах РКП(б). В 1922–1924 годах он возглавляет борьбу с «троцкизмом» в рядах партии. В то же время он плетет интриги против своего тогдашнего «союзника» Сталина. Летом 1923 года на тайном собрании в пещере под Кисловодском Зиновьев начал формировать фракцию против Сталина, настаивает на введении себя в Оргбюро ЦК партии, чтобы контролировать этот важнейший орган.

В 1924 году ВЦИК принял решение о переименовании Елисаветграда в город Зиновьевск. Зиновьев сыграл важную роль

в возвышении Сталина. Именно по предложению Зиновьева в 1922 году Сталин был назначен на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б). В 1923–1924 годах Зиновьев выступил против Троцкого вместе со Сталиным, но в 1925 году возглавил «новую оппозицию» Сталину, что приводит его к Троцкому. На XIV съезде партии в 1925 году Зиновьев (вместе с Каменевым и Сокольниковым) решительно выступил против усиления власти Сталина.

Но в 1926 году Сталин отстраняет Зиновьева от руководства Ленинградским Советом и исполкомом Коминтерна, выводит его из состава Политбюро. В 1927 году Зиновьев исключен из партии и отправлен в ссылку, однако в следующем году восстановлен в партии, но в 1932 году – вновь исключен как руководитель «Союза марксистов-ленинцев» и опять отправлен в ссылку. В 1928–1932 годах Зиновьев работает ректором Казанского университета, редактирует журнал «Большевик», в 1933–1934 годах он – член коллегии Центросоюза.

В 1934 году после убийства Кирова Зиновьев был арестован, осужден на 10 лет по делу террористического «Московского центра», в 1936 году на процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» Зиновьев, который уже «сознался» в «предательстве», «вероломстве» и «терроре», был приговорен к расстрелу.

Анатолий Луначарский писал, что Зиновьев был «…из тех 4–5 человек, которые представляют по преимуществу политический мозг партии». А вот сотрудница Коминтерна А. Куусинен ему противоречит: «Личность Зиновьева особого уважения не вызывала, люди из ближайшего окружения его не любили. Он был честолюбив, хитер, с людьми груб и неотесан… Это был легкомысленный женолюб, он был уверен, что неотразим. К подчиненным был излишне требователен, с начальством – подхалим. Ленин Зиновьеву покровительствовал…»

КАМЕНЕВ ЛЕВ БОРИСОВИЧ

Настоящая фамилия – Розенфельд
(род. в 1883 г. – ум. в 1936 г.)

Один из основателей партии большевиков, организатор Октябрьского переворота, реальный претендент на высший руководящий пост в СССР в 1922–1926 гг.

Лев Каменев родился в 1883 году в Москве в скромной еврейской семье. Отец его – железнодорожный машинист, выучился на инженера и дал своим детям хорошее образование. Лев учился в Виленской и Тифлисской гимназиях, на юридическом факультете Московского университета.

В 1901 году Каменев вступает в РСДРП, участвует в студенческом движении, а в 1902 году его исключают из университета за организацию студенческой демонстрации. Он был выслан под надзор полиции в Тифлис, из Тифлиса бежал в Европу, жил во Франции и Швейцарии. В 1903 году Каменев переходит на «ленинские позиции», женится на сестре Троцкого.

В конце 1903 года Каменев возвращается в Россию, работает в большевистском подполье в Тифлисе, Москве. В 1904 году он опять арестован и выслан в Тифлис, где становится членом

Кавказского комитета РСДРП. В 1905–1906 годах Каменев учится в Петербургском технологическом институте.

В 1903–1910 годах Каменев – делегат II, III и V съездов РСДРП, агент большевистского ЦК, член большевистского Центра. Он становится «пером партии» и членом редколлегий трех большевистских газет. В новой эмиграции (с 1908 г.) читает лекции в большевистских «школах» на Капри и в Лонжюмо, представляет большевиков на международных социалистических конгрессах в 1910 и 1912 годах.

В начале 1914 года Каменев направлен в Петербург как уполномоченный ЦК, он глава большевистской фракции в Думе, редактор газеты «Правда». Тогда же он возглавил Русское бюро ЦК. С этого времени Каменев входит в пятерку наиболее влиятельных большевиков. С началом Первой мировой войны он выступает за поражение России. В ноябре 1914-го был арестован и приговорен к ссылке на поселение в Восточную Сибирь. В ссылке Каменев сблизился со Сталиным и оставался его союзником до 1926 года.

Вернувшись из ссылки в Петроград, он становится руководителем газеты «Правда». В 1917-м Каменев предлагает партии поддержать Временное правительство, выступает против ленинских «Апрельских тезисов». Накануне июльских событий в Петрограде разъясняет, что необходимо сдерживать бунтующие массы. С сентября 1917 года Каменев – член Президиума Петроградского Совета, руководит большевизацией Советов на местах. Выступая против немедленного и преждевременного большевистского переворота в октябре 1917-го, он, тем не менее, включился в его подготовку. С 27 октября по 8 ноября Каменев – практически первый президент большевистской России – председатель ВЦИК Советов. В высшем партийном руководстве он состоит почти 10 лет: член ЦК РКП(б) в 1917–1927 годах (с небольшими перерывами), член Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) с 1919 года.

В ноябре 1917 года Каменев вышел из ЦК в знак протеста против отказа Ленина создать коалиционное социалистическое правительство. В декабре 1917-го Каменев – один из членов советской делегации, подписавшей в Бресте перемирие с Германией. В начале 1918-го он нелегально выехал в страны Западной Европы, чтобы информировать мировую общественность о достижениях ленинского режима. Однако вскоре Каменев был выслан из Англии и полгода находился в заключении в Финляндии. Вернувшись на родину, он был избран председателем Моссовета (1918–1926 гг.), Чрезвычайным уполномоченным Совета обороны и членом коллегии ВЧК

(1919 г.).

Каменев возглавлял советскую делегацию в Лондоне, но был выслан из Англии в августе 1920 года. В 1922–1925 годах вместе со Сталиным и Зиновьевым он входил в правящий «триумвират», боролся против претензий Троцкого на диктаторство. Именно Каменев предложил ввести должность генерального секретаря ЦК и избрать Сталина. В 1923–1924 годах Лев Каменев становится одним из самых влиятельных лидеров страны – руководителем Москвы, заместителем председателя СНК РСФСР – СССР, председателем Совета труда и обороны, директором Института Ленина. У Каменева были все основания, чтобы возглавить правительство СССР, но не хватило политической воли.

В 1925 году Каменев и Зиновьев вошли в конфронтацию со Сталиным, который решил подмять под себя тандем Каменев – Зиновьев, создали «новую оппозицию». Такая политика привела Каменева и Зиновьева к союзу с Троцким в 1926 году. Каменев выступал против политики нэпа и возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. В декабре 1925-го на XIV съезде партии он заявил, что Сталин далее не может возглавлять партию.

В январе 1926 года он был переведен из членов Политбюро в кандидаты в члены Политбюро, смещен с поста председателя Совета труда и обороны СССР. В январе – августе 1926 года Каменев – нарком внешней и внутренней торговли СССР. В середине 1926 года политическая карьера Каменева закончилась – Сталин исключает его из состава кандидатов в члены Политбюро и лишает кресла «хозяина» Москвы, отправляет полпредом СССР в Италию.

В ноябре 1927-го Каменева вывели из состава ЦК, в декабре и вовсе исключили из партии. И хотя он тут же покаялся во всем, все равно был отправлен в «почетную ссылку» – заместителем председателя Калужского губплана.

Когда в 1928 году страсти улеглись, его возвратили в Москву, восстановили в партии и назначили председателем Научно-технического управления ВСНХ СССР и Главконцесскома, но от большой политики он был отстранен навсегда. В октябре 1932-го его снова исключили из партии «за подпольную деятельность в связи с делом Рютина» и сослали в Минусинск, где он отбывал ссылку до революции. В декабре 1932 года его снова восстанавливают в партии и в 1933-м назначают директором издательства «Академия», в следующем году – директором Института мировой литературы АН СССР. В 1933-м он напишет книгу о Н. Г. Чернышевском для серии «ЖЗЛ».

На XVII съезде партии Каменев выступил с восхвалением

Сталина, назвав себя «политическим трупом». Но это ему уже не помогло, в связи с убийством Кирова Каменев был исключен из партии и 16 декабря 1934 года арестован. После истязаний в чекистских застенках он признал себя «идейным вдохновителем» убийства Кирова. Военной коллегией Верховного суда СССР 16 января 1935 года Каменев был приговорен к 5 годам тюрьмы по «московскому делу», 27 июля 1935-го – к 10 годам тюрьмы по «кремлевскому делу», а 24 августа 1936-го года – к расстрелу «по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра». Перед смертью сломленный пытками и угрозами верный ленинец, ветеран революции подписал признание, что «служил фашизму».

СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

(род. в 1884 г. – ум. в 1941 г.)

Один из лидеров партии левых эсеров, террористка, участница Октябрьского переворота. По решению Тамбовского комитета эсеров привела в исполнение приговор, смертельно ранив жандармского полковника Г. Н. Луженовского. Из 57 лет жизни 34 года провела в царских и советских тюрьмах, на каторге и в ссылках. Реабилитирована в 1992 году.

«Девушка, чистейшее существо, с прекрасной душой – без жалости, с упорной жестокостью зверя всаживает пять пуль в человека!.. Их довели до этого, довела жизнь, с постепенностью, страшною в своей незаметности. Вот оно – движение; мы все живем и действуем не как люди, а как политические единицы без души, и казним, и убиваем, и грабим страну во имя ее блага. Все позволено – цель оправдывает средства». Это слова неизвестного автора статьи «Жертва губернской революции», посвященные женщине-террористке и будущей жертве террора М. Спиридоновой.

Мария родилась 16 октября 1884 года в Тамбове в дворянской семье Александра Александровича и Александры Яковлевны Спиридоновых. Они были довольно состоятельными людьми, имели собственный дом, дачу и паркетную фабрику. Мать все внимание уделяла пятерым детям. Отец служил бухгалтером в банке и зарабатывал порядочные деньги. Маруся была любимицей в семье, и с малых лет родители возлагали на нее большие надежды: добрая, отзывчивая, щедрая, самостоятельная, не терпевшая несправедливости, она могла отдать нуждающимся все, что у нее было, в пять лет научилась самостоятельно читать, писать – без помощи гувернанток и учительниц. В гимназии она сразу стала лучшей ученицей, но и шалуньей слыла редкостной. К тому же открыто протестовала против режима и бездушия, царивших в гимназии, постоянно отстаивая свои человеческие права.

Терпение администрации было не беспредельным. В восьмом классе Марию исключили из гимназии с такой характеристикой, что продолжить обучение она не смогла и усиленно занялась собственным образованием. Да к тому же в 1902 году умер отец, и большая семья быстро обеднела. Девушке пришлось искать заработок, и она устроилась в канцелярию тамбовского дворянского собрания, хорошо зарекомендовала себя и была в добрых отношениях с сослуживцами. Умная, умеющая легко, красиво, доходчиво и сильно излагать мысли, она притягивала к себе людей. Эту способность Спиридоновой использовали товарищи по партии социалистов-революционеров (эсеров), когда направляли ее в рабочие кружки. Здесь ее очень любили и ценили как умного и образованного товарища. Она особенно привлекала своей решительностью, ясностью понимания трактуемой мысли и умением отстоять и доказать силу и значение идеи. Мария умела подчинять людей своему влиянию, могла увлечь за собой любого, настолько сильно было то впечатление, которое оставляла она в людях.

За участие в революционных демонстрациях 1905 года Мария впервые попала в тюрьму. В революцию Спиридонова пришла с обостренным чувством несправедливости, с ореолом революционной романтики, с верой, что социалистические преобразования создадут гуманное общество. А ради этого все средства хороши. Даже террор.

Четыре дня Спиридонова охотилась за своей жертвой, ночуя на железнодорожных станциях, чтобы привести в исполнение решение тамбовской организации эсеров – убить черносотенца Г. Н. Луженовского, руководившего жесточайшими карательными экспедициями в деревнях на ее родной Тамбовщине. 16 января

1906 года она настигла его на вокзале в Борисоглебске. Заплывший жиром душегуб наконец-то вышел на перрон поразмять ноги. Конечно, его тщательно охраняли казаки, но никто не обратил внимания на Марию. Крошечное кокетливое создание в гимназической форме, каштановая коса до колен, стреляющие озорными бесиками голубые глазки, модная шляпка и меховая муфточка с браунингом. Она выбрала удобное место – площадку вагона, и сделала первый выстрел. Спрыгнула на землю и вновь выстрелила. Возникший переполох позволил ей выпустить еще три пули. И все пять в цель: две – в живот, две – в грудь, одна – в руку. Если верить Спиридоновой, описавшей покушение в своем знаменитом письме, опубликованном 12 февраля 1906 года в газете «Русь», она не чувствовала никакого волнения в момент выстрелов, производимых в Луженовского. «Так как я, – писала она, – была очень спокойна, то я не боялась не попасть, хотя пришлось метиться через плечо казака; стреляла до тех пор, пока было возможно». Поражает и спокойствие, с каким девушка описывает метания раненой жертвы. «После первого выстрела Луженовский присел на корточки, схватился за живот и начал метаться по направлению от меня, по платформе. Я в это время сбежала с площадки вагона на платформу и быстро, раз за разом, меняя ежесекундно цель, выпустила еще три пули». Для революционеров, подобных Спиридоновой, Луженовский и прочие «душители народной свободы» были нелюдями, подлежащими уничтожению.

Шестую пулю девушка приберегла для себя, и если бы не ее крик: «Вот она я. Расстреливайте меня!..» – и пистолет у виска, Марию в обстановке всеобщей паники и смятения просто бы не заметили. Но она готовилась к этому поступку и уходу из жизни сознательно и спасения для себя не видела. Нажать на курок Мария не успела. Ее били страшно, прикладами, сапогами. Маленькое тело волочили по перрону, по ступеням, размахнувшись, забросили в сани, беспамятное привезли в полицейское управление, раздели донага. В ледяной камере двое охранников Луженовского, Аврамов и Жданов, приступили к пыткам. Били нагайками, сдирали отслаивающуюся кожу, прижигали кровавые раны окурками. Ни единого крика о пощаде. Приходя в себя, она созналась, что исполнила смертный приговор. Скрывать о себе Спиридонова ничего не собиралась, но обнаружила, что забыла фамилию – назвалась ученицей седьмого класса гимназии Марией Александровой. Палачи так усердствовали, что врачи, осматривающие ее после допроса, пришли в ужас. Лицо – кровавая маска, почти все зубы выбиты, левый глаз практически ослеп, легкие отбиты, она оглохла на

правое ухо, все тело – сплошная рана. Аврамов, уверенный в своей безнаказанности, перевозя в тамбовскую тюрьму изувеченную, измученную арестантку, надругался над ней.

Выжила Спиридонова, наверное, только молитвами крестьян, которые ставили за ее здравие свечи во всех церквах, когда узнали, что их палач умер, промучавшись 40 дней. 11 апреля был убит Аврамов, 6 мая – Жданов. Ответственность за устранение этих мерзавцев взяла на себя партия эсеров. Это случилось уже после заседания военно-окружного суда, вынесшего Спиридоновой 11 марта 1906 года приговор – смертная казнь через повешение. Но многочисленные газетные публикации, раскрывшие причины террористического акта, и обнародованная информация о зверствах и издевательствах, чинимых над ней, заставили суд изменить приговор на бессрочное заключение на Нерчинской каторге.

Мария, приготовившаяся к смерти, была настолько потрясена такой «гуманностью», что решила самостоятельно уйти из жизни. На это указывают многие исследователи.

В. Голованов, в частности, утверждает, что девушка «действительно желала смерти, на свидании с сестрой просила не подавать в суд апелляцию, утверждая, что ее смерть нужна для счастья народа. Первоначальный приговор – смертная казнь через повешение – удовлетворил ее, она вновь сказала сестре, что смерть была бы лучшим концом для нее – «до того ее мысли были далеки от вопросов жизни, от возможности жить и работать дальше». Замена смертного приговора каторгой была для нее ударом…» Только категорический приказ друзей по партии заставил арестантку изменить свое решение. Способствовал этому и роман по переписке с Владимиром Вольским. Восторженные любовные письма, которые он вначале посылал Марии по рекомендации партии, чуть было не переросли в серьезные чувства двух незнакомых людей. Они требовали свиданий, а Владимир даже был готов жениться. Тюремное начальство не допустило их сближения, аргументируя отказ тем, что первый брак Вольского не был расторгнут, хотя жена оставила его четыре года назад. Несостоявшиеся супруги встретились лишь в мае 1917 года. Они оказались настолько разными людьми, что даже не нашли общих тем для разговора.

Спиридонова воспрянула духом. «Разве вы не знаете, что я из породы тех, кто смеется на кресте… Будущее не страшит меня: оно для меня неважно, – важнее торжество идеи», – писала она на волю. Ее путь из пересыльной московской тюрьмы в Нерчинск был триумфальным. На каждой стоянке поезд окружали толпы рабочих. Охрана была вынуждена присутствовать на

импровизированных митингах. Спиридонова говорила перед людьми просто и мощно, но, вернувшись в вагон, валилась без сил и захлебывалась кровью.

Трижды эсеры пытались организовать побег Спиридоновой, но неудачно. Она была освобождена в марте 1917 года по распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского и приступила к активной политической работе в Чите. В мае приехала в Москву, где стала играть одну из главных ролей среди левых эсеров. Войдя в состав Оргбюро левого крыла партии, работала в Петроградской организации, выступала в воинских частях, среди рабочих, призывая к прекращению войны, передаче земли крестьянам, а власти – Советам, сотрудничала в газете «Земля и воля», была редактором журнала «Наш путь», входила в состав редколлегии газеты «Знамя труда»; выступая с программными заявлениями, Мария Александровна активно включилась в политическую борьбу того времени. Она стала одним из организаторов партии левых эсеров. Ее избрали заместителем председателя ЦК. При поддержке большевиков Спиридонова занимала пост председателя II и III съездов Советов крестьянских депутатов, была членом ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ее партия вместе с большевиками совершила Октябрьский переворот, и по многим важным политическим вопросам она поддерживала их позиции.

Но в период с мая по июль 1918 года в своих публичных выступлениях Спиридонова решительно осудила внешнюю и внутреннюю политику СНК, критиковала аграрную политику большевиков, говоря, что социализация земли подменяется национализацией. Вместе с Камковым она вела переговоры с членами исполкома «Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян» по вопросу об организации антинемецкого выступления в Украине. 24 июня она председательствовала на заседании ЦК, принявшего решение «в интересах русской и международной революции положить конец т. н. передышке» и «в этих целях организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма».

К тому же как только Спиридонова осознала, что Декреты о земле в корне отличаются от программ эсеров, за которыми в революцию пришли крестьяне, она одобрила вооруженное выступление против большевиков, приняла в нем активное участие и взяла на себя организацию очередного громкого террористического акта – убийство посла Германии графа фон Мирбаха, которое вошло в историю мирового терроризма. В данном случае сама Спиридонова вместе с другими членами

партии только вынесла приговор и подготовила операцию. В исполнение его привели Яков Блюмкин и Николай Андреев – оба эсеры и сотрудники ВЧК. Это убийство, которое изначально было на руку большевикам, полностью развязало им руки. Восстание было подавлено. Левые эсеры разделили судьбу ранее разгромленных кадетов, правых эсеров и других фракций. В стране фактически установилась однопартийная система.

Спиридонову арестовали 6 июля 1918 года на V съезде Советов. С этого дня жизнь для нее стала сплошной чередой заключений, слежек и ссылок. Первые аресты скорее напоминали изоляцию: посадили – постращали – выпустили – слежка. На свободе она не прекращала пропагандистской деятельности против большевиков. Своих мыслей не скрывала: правительство сравнивала с жандармерией, «молодчиков комиссаров» называла душащими народ мерзавцами. Во время очередного ареста в ноябре 1918 года написала в ЦК партии большевиков откровенное письмо, осуждающее их позиции. «Ваша политика объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся… Вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его… Именем рабочего класса творятся неслыханные мерзости над теми же рабочими, крестьянами, матросами и запуганными обывателями. Ваши контрреволюционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, если бы вы сами не породнились с контрреволюцией». Ее выступления перед рабочими носили еще более откровенный характер, заставляли их задумываться над сложившейся ситуацией в стране.

За инакомыслие Спиридонову в феврале 1919 года обвинили в контрреволюционной агитации и клевете на советскую власть. «Санатории», психиатрические больницы ЧК, куда ее помещали под именем «Онуфриевой», окончательно подорвали здоровье женщины. Эта принудительная изоляция Спиридоновой стала одним из первых прецедентов применения карательной медицины. Мария Александровна была не в состоянии терпеть насилия над своей свободой и личностью. Жизнь ее превратилась в сплошной кошмар видений насилия, которые она испытала в царских тюрьмах. Три месяца Спиридонова практически не спала, затем отказалась от еды – 14 дней сухой голодовки. Товарищи по партии, Б. Камков и А. Измайлович (подруга по ссылке), с ужасом наблюдали, как она пытается уйти из жизни. Только сильный инстинкт самосохранения вывел ослабленный организм из тьмы небытия.

Но и разбитую туберкулезом, цингой, голодовкой Спиридонову большевики боялись, хотя фактически Мария

Александровна «разоружилась». «С 1922 года я считаю партию левых социалистов-революционеров умершей. В 1923–1924 годах это уже агония. И без надежд на воскрешение, ибо рабочие и крестьянские массы ни на какие лозунги самого обольстительного свойства не поддадутся», – писала она впоследствии. Но так как Спиридонова не умела скрывать своего мнения и всегда открыто говорила о всех недостатках, для советской власти она стала врагом, но врагом знаменитым – старую революционерку, террористку, боровшуюся с царизмом, трудно было незаметно уничтожить.

С мая 1923 года Мария Александровна стала политической ссыльной. Жила и работала в Самарканде, но политической деятельностью не занималась. Написала книгу о Нерчинской каторге, которая была напечатана в журнале «Каторга и ссылка» и вышла отдельным изданием. В это время Спиридонова вновь почувствовала себя молодой и энергичной – в ее жизни наконец-то появилась любовь. Она «обрела друга любимого и мужа». Илья Андреевич Майоров, бывший член ЦК левых эсеров, автор закона о социализации земли, был тоже сослан. Они жили дружно и старались не замечать постоянной слежки. Спиридонова знала, что о каждом ее слове, о каждой встрече становится известно в ЧК.

Доносы скапливались. В сентябре вновь арест, обвинение в связи с заграничными левоэсеровскими группировками и ссылка – теперь уже в Уфу. Здесь Спиридонова работала старшим инспектором кредитно-планового отдела Башкирской конторы Госбанка, крутилась по хозяйству, чтобы обеспечить сносную жизнь мужу, его сыну и престарелому отцу. А еще ухитрялась рассылать скромные посылки бедствующим друзьям, в прошлом своим единомышленникам.

В это время Спиридонова по-прежнему оставалась в числе самых популярных женщин тех лет. На митинге 1924 года в Берлине известная немецкая анархистка Э. Гольдман назвала ее «одной из самых мужественных и благородных женщин, которых знало революционное движение». А в Париже даже появился комитет, поставивший себе целью добиться переезда Спиридоновой во Францию, но им не удалось вырвать «эсеровскую богородицу» из лап ЧК. Несмотря на многочисленные ходатайства, в выезде за границу ей было отказано. Л. Д. Троцкий заявил К. Цеткин, хлопотавшей о здоровье революционерки, что Спиридонова «представляет опасность для советской власти», а многие и вообще сомневались в устойчивости ее психики. Так, известный английский дипломат Р. Локкарт, бывший очевидцем выступления Спиридоновой еще

на V Всероссийском съезде Советов (1918 г.), писал: «Сосредоточенный фанатичный взгляд ее глаз свидетельствовал о том, что перенесенные ею страдания отразились на ее психике. В качестве политической деятельницы она была не сдержанна, не деловита, но пользовалась огромной популярностью». Подтверждал это и Н. И. Бухарин, описывая случай того же времени. По его словам, они проезжали мимо рабочих, расчищающих снег по трамвайным линиям. На взмах «гр. Спиридонова достала браунинг и стала махать им, угрожая. Мне с большим трудом приходилось ее сдерживать, говорить ей: “Что вы делаете, разве можно?”» Он же характеризовал и ее поведение на митингах: «Все ее речи походили на истерические выкрики, она топала ногой, истерически кричала… Атмосфера была чрезвычайно тяжелая, напоминающая сцены из Достоевского».

Психологический надлом у Спиридоновой явно присутствовал, и тем страшней она была для большевиков. Для Марии Александровны начинался последний виток «кругов ада». В страшном 1937 году Спиридонова полной мерой оценила, что значит государственный террор против своего народа, о котором она предупреждала еще в 1918 году. Теперь ей инкриминировали подготовку покушения на К. Е. Ворошилова и всех членов правительства Башкирии, руководство несуществующей «Всесоюзной контрреволюционной организацией», вредительство, разработку террористических актов против руководителей государства, включая И. В. Сталина. По «делу» проходил 31 человек. Многие не выдерживали пыток и давали ложные показания. «Сломался» и муж Спиридоновой.

«Проявите гуманность и убейте сразу», – требовала измученная болезнями женщина. Но следователи продолжали изощренно издеваться, требуя признаний. Допросы продолжались по два-три дня без перерыва, сесть не позволяли. Ноги Спиридоновой превратились в черно-лиловые бревна. Обнаружив, что побои ее страшат меньше, чем личные досмотры, обыскивали по десять раз в день. Нашли самое уязвимое место – еще с первого ареста она с трудом переносила прикосновение чужих рук к телу. Но надзирательница тщательно ощупывала ее полностью.

13 ноября 1937 года, после 9-месячного заключения Спиридонова отправила открытое письмо в секретный отдел НКВД (в машинописной копии более 100 листов). Писала не для того, чтобы «увернуться от обуха». Она попыталась с какой-то исповедальной искренностью объяснить, что «дело эсеров» не что иное, как сфабрикованный «фарс на тему “Укрощения строптивой”», что страдают абсолютно невинные люди, давно

отошедшие от политической борьбы. Спиридонова дала понять, что никакие измывательства не заставят ее дать ложные показания. Своего следователя она называла «хорьком, смесью унтера Пришибеева с Хлестаковым, фашистом и белогвардейцем».

Мария Александровна ненавидела ложь и если бы чувствовала за собой вину, то откровенно бы призналась в этом, так как почти полностью признала политику советской власти, новый государственный строй и сталинскую Конституцию 1936 года. «А между прочим я больший друг советской власти, чем десятки миллионов обывателей. И друг страстный и деятельный. Хотя и имеющий смелость иметь собственное мнение. Я считаю, что вы делаете лучше, чем сделала бы я». Спиридонова осталась все таким же идейным романтиком, каким была в 1906 году.

Столь откровенные признания не изменили ее судьбу. Мыслящие, убежденные люди пугали власть, были «врагами народа». Спиридонову приговорили к 25 годам тюремного заключения. Своего приговора полностью оглохшая женщина не расслышала. Отбывала срок она в орловской тюрьме. 11 сентября 1941 года М. А. Спиридонова, ее муж И. А. Майоров и 155 узников по очередному обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были расстреляны в Медведевском лесу. Фашистские войска приближались к Орлу, а чекисты аккуратно выкапывали деревья, сваливали в ямы тела и сверху вновь сажали деревья, восстанавливали дерн. Найти место ее захоронения не удалось до сих пор. Лес хранит покой террористки и жертвы террора Марии Спиридоновой. Она жила, боролась и умерла как борец за социальную идею, так и не осознав, что не все идеи требуют жертв, а светлое будущее не может быть замешано на крови.

СВЕРДЛОВ ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ

Настоящее имя – Мовшович Янкель
(род. в 1885 г. – ум. в 1919 г.)

Один из лидеров партии большевиков и организаторов Октябрьского переворота, руководитель советского «парламента» – ВЦИК Советов в 1917–1919 гг., вдохновитель «красного террора».

Яков Свердлов родился 22 мая 1885 года в Нижнем Новгороде. Отец Мираим (Мовша) Израилевич был владельцем граверной мастерской. У Якова были братья (Зиновий, Вениамин, Лев, Александр, Герман) и две сестры. Яков учился в Нижегородской городской гимназии (1896–1900 гг.), но курса не закончил и начал работать в аптеке. В ранних своих анкетах Свердлов писал, что принадлежит к иудейскому вероисповеданию и происходит из мещан.

Считается, что Свердлов стал членом РСДРП в 1901 году, тогда же впервые был задержан полицией за участие в демонстрации. Но, скорее всего, в 1901 году Свердлов только начал интересоваться марксизмом и участвовать в оппозиционных демонстрациях. Ленин писал о юности Свердлова: «В первый период своей деятельности, еще совсем

юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции».

В мае 1902 года Свердлов был задержан полицией на 14 дней за участие в демонстрации, через год – новый арест с поличным: при обыске у Свердлова были изъяты листовки Нижегородского комитета РСДРП. После четырех месяцев тюрьмы Свердлов был освобожден из-под стражи и оказался на два года под гласным надзором полиции. В годы, предшествующие Первой русской революции, Яков Свердлов вел подпольную работу в Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Казани. Скорее всего, только в 1904 году или в начале 1905-го он стал членом РСДРП.

Весной 1905-го Свердлов – член Казанского комитета РСДРП, а уже в июле того же года он ведет революционную работу на Урале – в Перми. В конце 1905-го Свердлов – один из руководителей Екатеринбургского комитета РСДРП. В дни декабрьского вооруженного восстания он формирует свою «дружину» со специфическими функциями. Боевики Свердлова проводят устрашающие террористические акты против провокаторов, изменников, полицейских, чиновников, не гнушаются они и вымогательством и экспроприациями.

Одновременно с работой в боевом подполье Свердлов выступает на рабочих митингах, печатает листовки. В своем выступлении на собрании приказчиков в помещении Всесословного клуба в Нижнем Новгороде Свердлов призывает их добиваться удовлетворения своих требований «силой и оружием». В подполье его знали под партийными псевдонимами «Андрей», «Михайлыч», «Пермяков». В феврале 1906 года он – руководитель Уральской областной партийной конференции, избран председателем областного комитета.

В июне 1906 года Свердлов снова арестован в Перми, в 1907 году был осужден на два года по приговору Казанской судебной палаты. В марте 1910 года постановлением Министерства внутренних дел Свердлов приговаривается к ссылке на 3 года в Нарымский край. В прошении о замене ссылки выездом за границу ему было отказано. Едва прибыв в ссылку в Нарым, Свердлов бежит оттуда и «всплывает» в Петербурге. Он успевает написать листовку на смерть Толстого, но в ноябре 1910 года его снова ловят и как «агента ЦК большевиков» ссылают на четыре года в Нарымский край.

В декабре 1912-го Свердлов совершает новый побег, вновь оказывается в революционном подполье Петербурга. За несколько месяцев пребывания на свободе он был кооптирован в состав Бюро ЦК РСДРП, участвовал в работе редакции легальной большевистской газеты «Правда» и столичного комитета

большевиков. Провокатор-большевик Малиновский в феврале 1913 года выдал Свердлова охранке, и тот был приговорен к высылке на 5 лет в Туруханский край. В ссылке Свердлов становится инициатором создания Центрального бюро по руководству партийной работой среди ссыльных Нарымского края.

Только в марте 1917-го Свердлов был освобожден из Туруханской ссылки. В начале апреле 1917-го он приезжает в Екатеринбург, где руководит работой I-й Уральской свободной конференции большевиков и созданием областного комитета большевиков. Неожиданно для многих всего в течение несколько недель Свердлов стал «любимцем уральских рабочих», которые уже 15 апреля 1917 года на Уральской партконференции избрали Свердлова делегатом на Всероссийскую Апрельскую конференцию большевиков. Именно на этой конференции произошла встреча Ленина и Свердлова, которая решила судьбу последнего. Уже в конце апреля 1917-го неизвестный в высших партийных кругах Свердлов избирается членом ЦК и первым секретарем ЦК партии. Через несколько месяцев он уже руководит организацией VI съезда партии.

В октябре 1917-го Свердлов как член Петроградского Военно-революционного комитета занимается подготовкой восстания в Петрограде, участвует в работе Второго Всероссийского съезда Советов как председатель большевистской фракции. На следующий день после победы Октября председателем ВЦИКа Советов (главой советского «парламента») стал Каменев. Но через 11 дней он ушел с этого поста, и 8 ноября 1917 года должность председателя ВЦИКа занял Свердлов (он был «избран» по настоянию Ленина).

Ленин поручил Свердлову открыть Учредительное собрание и постараться «перетянуть» его депутатов на сторону большевиков. Но с этой «архисложной» задачей Свердлов не справился. В своей речи на открытии Учредительного собрания 5 января 1918 года Свердлов призывал беспощадно уничтожать эксплуататоров и врагов новой власти. В начале 1918-го Свердлов избран в члены Оргбюро и назначен председателем комиссии по выработке Конституции РСФСР.

Политикой советского государства должен стать террор – так считал Свердлов. Год и четыре месяца пребывания его у власти – это кровавая вакханалия революционного террора. Свердлов призывал не допускать «союзников» большевиков – левых эсеров и анархистов – к работе в правительственных учреждениях, безжалостно расправляться с буржуазией. Именно Свердлов и его «уральские боевики» стали организаторами расстрела царской

семьи и физического уничтожения великих князей из рода Романовых. В Москве Голощекин, руководитель расстрела семьи Николая II, получал соответствующие инструкции от Свердлова, а исполнителем приговора стал один из его соратников – Яков Юровский.

В своем выступлении на заседании ВЦИКа 19–20 мая 1918 года Свердлов заявил, что «…если в городах нам уже удалось практически убить нашу крупную буржуазию, то этого мы пока еще не можем сказать о деревне», что разжечь в селах гражданскую войну путем натравливания деревенской бедноты на кулаков является главной задачей большевиков.

В ответ на убийства Володарского и Урицкого в июне и августе 1918 года Свердлов создает Верховный революционный трибунал, карающий всех «подозрительных». С «легкой руки» Свердлова началась эпоха «красного террора», в сентябре 1918-го города, находящиеся в руках большевиков, были залиты кровью. Свердлов предлагает выпустить декрет о комбедах, которые будут разжигать среди крестьянства огонь братоубийственной войны.

Свердлов настаивал на «расказачивании» – тотальном уничтожении казачества, на его совести десятки тысяч замученных стариков, женщин, детей, подростков из казачьих станиц. 24 января 1919 года вышла директива о поголовном истреблении казаков, где говорилось: «Провести массовый террор против белых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с советской властью… Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам… Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания». Будучи главой советского «парламента», Свердлов попытался сосредоточить в своих руках максимум власти в стране. Современники считали его жестоким и непреклонным руководителем, который не брезговал никакими средствами для достижения своих целей.

В последнее время появились смелые предположения, что за спиной стрелявших в Ленина в августе 1918-го стоял Свердлов, который стремился к захвату власти. У Свердлова был проверенный отряд боевиков-террористов, лично ему преданный, опыт руководства боевиками работой в тылу белогвардейцев и гетманцев. После ранения Ленин быстро пошел на поправку, что спутало все планы Свердлова.

6 марта 1919 года Свердлов выступил в Харькове с короткой

речью на Третьем Всеукраинском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Возвращаясь из Харькова, Свердлов выступал на железнодорожной станции в Орле, где подхватил «испанку» (заболел гриппом), что осложнилась воспалением легких, и за несколько дней он сгорел в жару. Умер Свердлов 16 марта 1919 года, так и не добившись единовластного правления в Советской России.

АТАМАН АНТОНОВ

Настоящее имя – Антонов Александр Степанович
(род. в 1889 г. – ум. в 1922 г.)

Руководитель повстанческого движения крестьянства Тамбовщины против диктатуры большевиков в 1920–1921 гг.

Будущий атаман тамбовских повстанцев Александр Степанович Антонов родился 26 июля (по ст. ст.) 1889 года в Москве. Вскоре семья Антоновых переселилась в село Инжавино Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Некоторое время Антоновы жили в Кирсанове, где отец семейства имел слесарную мастерскую. Александр Антонов окончил три класса Тамбовского реального училища. В 16 лет был исключен из него за распространение среди учащихся революционной литературы. После исключения Антонов работал там же, в Тамбове, рабочим в вагоноремонтных мастерских. В 1906 году Антонов вошел в эсеро-максималистскую Тамбовскую группу независимых социалистов-революционеров, отличающуюся крайней левизной. Антонов стал профессиональным террористом – был замешан в убийстве сельского старосты, в нападении на полицейских, в ограблении кассы на станции Инжавино и отделения крестьянского банка. В

Саратове Антонов готовил убийство генерала Сандецкого, который руководил подавлением крестьянских выступлений. Однако в феврале 1909 года террорист был арестован… Последовал смертный приговор, замененный бессрочной каторгой, долгие годы за решеткой – в тюрьмах Тамбова и Владимира, в Шлиссельбургской крепости.

В марте 1917-го «революцией освобожденный» с каторги Антонов возвращается в Тамбов, его назначают помощником начальника городской милиции. Осенью 1917-го Антонов назначен начальником Кирсановской уездной милиции. Когда власть на Тамбовщине переходит к большевикам, Антонов создает тайную подпольную эсеровскую организацию, готовит восстание против большевиков на Тамбовщине. Заговорщики похищали со складов оружие, создавали склады в районе «базовых» сел, где планировалось восстание.

В апреле 1918-го ЧК раскрывает эсеровский заговор в Кирсанове. Находясь в отпуске, Антонов, узнав о расстреле нескольких заговорщиков, предпочел скрыться «в неизвестном направлении». Летом 1918-го он собрал небольшой отряд из местных эсеров и крестьян Кирсановского уезда, выступивших против мобилизации в Красную армию, – Боевую дружину. Дружина убивала комиссаров и продотрядовцев, грабила государственные кассы. К ноябрю 1918-го в дружине насчитывалось 150 боевиков. Летом 1919 года в лесах Тамбовщины Антонов собрал двухтысячную «армию», но у большинства из них не было огнестрельного оружия. В мае 1920-го на Тамбовщине собралась «зеленая армия» – до 5 тысяч повстанцев и дезертиров, которые прятались в густых лесах от Кирсанова до Моршанска.

Антоновское восстание вспыхнуло во второй половине августа 1920 года в знак протеста против продразверстки, восстали несколько десятков деревень Тамбовского, Борисоглебского, Козловского, Кирсановского уездов. В конце августа 1920 года у повстанцев насчитывалось несколько десятков тысяч бойцов. В начале сентября 1920-го Антонов занял Инжавино, 8 тысяч повстанцев шли на Тамбов. Но большая часть восставших была вооружена только пиками, вилами, топорами… лишь у четверых тысяч бойцов имелось стрелковое оружие, и на всю «армию» – ни одной пушки, всего 4 пулемета. Отсутствие оружия, патронов, снарядов вынудило повстанцев отступить от Тамбова. Отряды антоновцев совершали налеты на совхозы и коммуны, ссыпные пункты, местные органы власти, уничтожали средства связи, взрывали железные дороги, мосты, сжигали железнодорожные станции. На Тамбовщине было уничтожено

свыше 50 коммун, 11 заводов. Восставшие убивали коммунистов, советских служащих и продотрядовцев. В советских источниках указывалось, что повстанцы казнили свыше двух тысяч советских работников и коммунистов. К середине октября 1920-го восстало 20 тысяч крестьян Тамбовщины, восстание приобрело организационные формы и распространилось на огромной территории шести уездов губернии. Количественный состав повстанческой армии колебался от 20 до 40 тысяч человек (с учетом местных отрядов крестьянской самообороны), при этом у них было 4–10 орудий, 10–70 пулеметов. С начала декабря 1920 года армии Антонова перешли к активным боевым действиям.

Антонов именовал себя Начальником Главного оперативного штаба Объединенной народной партизанской армии Тамбовского края, но фактически был главарем восстания. Официально он был избран Главным атаманом 14 ноября 1920-го на собрании командиров партизанских полков. С 5 марта 1921 года войсками объединенных армий командовал сам атаман Антонов (до него – Токмаков). Объединенная армия восставших структурировалось в 27 полков, сведенных в 1-ю и 2-ю армии. В 1-й армии было 17 полков, во 2-й – 8. Постоянно стремясь к расширению восстания, Антонов пытался наладить связи и заручиться поддержкой атаманов других повстанческих армий: Махно, Булак-Булаховича, Колесникова. Отряды атамана Колесникова иногда называли 3-й Конно-партизанской армией Тамбовского края, хотя эта армия и действовала в соседней Воронежской области, не подчиняясь атаману Антонову.

Военные действия антоновцев носили партизанский характер, отряды прятались в густых лесах – в прекрасных природных укрытиях, «базовые» села были тайным тылом повстанцев. Этот тыл держался на тесных связях с местным населением. Тамбовские повстанцы создали своеобразную «крестьянскую республику» на территории Кирсановского, Борисоглебского, Тамбовского уездов со столицей в селе Каменка. Тактика повстанцев – внезапные нападения на мелкие отряды Красной армии, полное окружение противника.

К январю 1921 года восстание на Тамбовщине достигло наибольшего размаха, тамбовцев поддержало крестьянство пограничных уездов Воронежской, Пензенской, Саратовской губерний. Конница Антонова кружила у Тамбова, угрожая городу налетами. Однако наступление повстанцев на трех направлениях привело к потери управления и к распылению сил. Антонов увел часть армии в Саратовскую губернию, надеясь поднять восстание местных крестьян. Отдельные части антоновцев двинулись в Пензенскую губернию. Попытки распространения восстания за

границы Тамбовщины оказались тщетными.

В марте 1921 года повстанцам было нанесено серьезное поражение, в ходе которого антоновцы потеряли почти все свои орудия, половину пулеметов, 5 тысяч бойцов. Не в силах бороться с крупными регулярными частями красных после ряда поражений части повстанцев разбились на небольшие отряды. В боях 2–9 июня 1921-го автобронеотрядом и «летучими» красными кавалеристами была разгромлена 2-я армия Антонова. В июле 1921 года Партизанская армия, потеряв 5 тысяч убитыми, ранеными и пленными, была полностью разгромлена, и у Антонова осталось не более 2 тысяч бойцов. Антонов отдает приказ о прекращении всеобщего восстания, согласно которому боевые отряды повстанцев должны были разделиться на мелкие группы и скрыться в лесах или разойтись по домам. Однако Главный штаб Повстанческих войск Тамбовского края был расформирован только в декабре 1921-го. Тогда же Антонов и сам «ушел в подполье», скрываясь в лесах Тамбовщины. 24 июня 1922 года атаман Антонов и его брат Дмитрий были убиты в перестрелке с чекистами.

Из воспоминаний чекиста М. Покалюхина «По следам Антонова» (Сборник «Антоновщина». – Тамбов, 1923) «…24 июня, в середине дня, я получил сведения о том, что Антоновы пришли к Катасоновой и пробудут у нее дотемна, а потом опять уйдут в лес… Нас было семь человек. Вооружение – наганы, несколько карабинов и граната «мильс». Мы замаскировались под плотников: карабины завернули в мешки, наганы спрятали под рубахи, в руки взяли топоры и пилы… я пригласил начальника местной милиции Кулакова сопровождать нас. Он должен был идти в стороне от нас и, в случае какой-нибудь задержки, вмешаться, чтобы помочь нам продолжать путь. Время уже клонилось к вечеру, когда мы подошли к дому Катасоновой… Я сильно постучал в дверь вторично. Она несколько приоткрылась, и через образовавшуюся щель два раза выстрелили из браунинга. Дверь захлопнулась и снова была заперта. Я приказал стоявшему около меня Санфирову метнуть в окно гранату. Брошенная «мильс» попала в оконный переплет, отскочила в нашу сторону, но мы успели скрыться за угол дома, и взрыв не причинил нам вреда. Антоновы открыли из окон огонь по нашим постам из своих маузеров. Они поняли, что окружены. Время не позволяло нам медлить (надвигалась темнота), и я приказал поджечь соломенную крышу дома. Пламя охватило крышу. Антоновы вели непрерывный огонь по нашим постам, а мы, обстреливая окна дома, предлагали им сдаться. Тем временем крыша рухнула, дым стал проникать через потолок в дом. Антоновы должны были вот-

вот выскочить наружу. Я перебегал от одного поста к другому, наказывая смотреть в оба. Но вот мне подают сигнал, что один из постов оказался оголенным: ретировался неизвестно куда начальник милиции Кунаков…

Чтобы не оставить этот пост открытым, я поспешил к нему через двор кулака Иванова. Только я выбежал из калитки, как увидел, что Антоновы уже на улице, стоят рядом и с руки, с локтя стреляют по нашему посту, пробивая путь к бегству. Я обстрелял Антоновых из своего пистолета кольт, и они направили огонь в мою сторону. Они оказались между мной и нашими постами, так что последние не могли продолжать стрельбу, рискуя попасть в меня. Бандиты были вооружены лучше, чем я: у них было два маузера и два браунинга, а у меня только один кольт, поэтому мне пришлось податься обратно во двор Иванова. Антоновы последовали за мной, но тут на помощь мне подоспели сперва Ярцев, а потом и Санфиров, и мы прижали бандитов на задворках. И вот наша пуля угодила Антонову в подбородок. Получив легкое ранение, Антонов, а за ним и его брат перемахнули через забор двора и, без обуви, в одних шерстяных носках, бросились бежать огородами в сторону густого конопляника, к лесу. Момент был очень опасным – бандиты были на пути к спасению. Мы пересекли им путь, и между нами снова завязалась перестрелка. Антоновы упали оба сразу, как по команде. Мне показалось даже, что они сделали это для того, чтобы подпустить нас ближе и бить в упор. Но мои опасения оказались напрасными. Антоновы были убиты».

ТИТО БРОЗ ИОСИП

Настоящее имя – Броз Иосип
(род. в 1892 г. – ум. в 1980 г.)

Великий югославский революционер, руководитель партизанского движения на Балканах, создатель социалистического государства Югославия, лидер югославских коммунистов.

Иосип Броз родился в 1892 году в селе Кумровец близ хорватской столицы Загреб. Отец его был хорватом, мать – словенкой. В семье родилось 15 детей, но выжили только семеро. Иосип был седьмым ребенком, с семилетнего возраста он работал – пас скотину, обрабатывал посевы, прислуживал в католической церкви. В 15 лет, окончив пять классов начальной школы и два класса гимназии, Иосип в поисках работы посетил Триест, Прагу, Вену… Он освоил слесарное дело и как высококвалифицированный механик работал на машиностроительных заводах.

В те годы Хорватия входила в состав Австро-Венгерской империи, и Иосип в 1913 году добровольно вступил в австро-венгерскую армию. Вскоре он был направлен в школу младшего офицерского состава, стал прапорщиком (старшиной), а когда

разразилась Первая мировая война, пошел воевать против «братьев-славян» – сербов и русских. Старшина Броз был честолюбивым юношей, мечтал о военной карьере, был даже представлен к военной награде – за доблесть и инициативу в разведке местности и захвате пленных. 21 марта 1915 года, будучи ранен в бою на Восточном фронте, Тито попал в плен к русским. Эти трагические обстоятельства и определили его дальнейшую судьбу.

Пленного помещают в госпиталь-тюрьму неподалеку от Казани. К славянам в русском плену относились хорошо, их передвижения не ограничивались лагерем. Иосипа отправили работать на мельницу в Самарскую губернию, позже он стал старшим надзирателем в лагере для военнопленных в Кунгуре. В июле 1917 года он тайком уезжает в Петроград, где принимает участие в революционных демонстрациях большевиков, какое-то время работает на Путиловском заводе. Он намеревается бежать в Финляндию, чтобы пробраться в США, но на финской границе его арестовывают и заключают в Петропавловскую крепость, а позже отправляют в сибирскую ссылку.

Но грянула Октябрьская революция, и Броз, не доехав до Сибири, был освобожден. Вскоре он вступил в интернациональный отряд Красной гвардии города Омска. Однако летом 1918-го власть в Сибири перешла в руки белогвардейцев и мятежного чехословацкого корпуса. И Иосип вынужден был скрываться. Очевидно, у него были причины, ведь интернациональные красные отряды большевики часто использовали как карательные, бойцы их участвовали в реквизициях, арестах и расстрелах.

В глухой сибирской деревне Броз работает механиком на паровой молотилке. Там он знакомится с крестьянской девушкой Пелагеей Белоусовой, на которой летом 1919 года женится.

В начале 1920 года в Восточную Сибирь пришла Красная армия, и Иосип «вышел из подполья». От советских властей он добивался одного: возможности возвратиться на родину. Кто знает, может быть, уже тогда он ехал на Балканы с тайной миссией Коминтерна.

В начале ноября 1920 года Иосип с женой прибыли в Загреб, далее в села Кумровец и Велико Тройство, где тихо провели четыре года. Броз теперь уже жил не в Австро-Венгерской империи, а в независимом Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Поначалу семья бедствовала, Иосип работал то официантом, то кузнецом. Тогда же он знакомится с югославскими коммунистами. К 1925 году Броз превратился в политического активиста. Как лидер местных коммунистов он

находится под полицейским надзором и вынужден скрываться под разными псевдонимами, конспирироваться. Его неоднократно арестовывают власти королевства и в феврале 1929 года осуждают на пять с половиной лет каторги. Когда Иосип находился в тюрьме, Пелагея оставила его и сына и вернулась в СССР. Выйдя в марте 1934 года на свободу, Броз включился в подпольную коммунистическую работу. С этого времени Иосиф Броз носит звучный псевдоним Тито.

В октябре 1934-го югославский король Александр был убит в Марселе. А в декабре 1934-го, на IV партийной конференции Компартии Югославии, руководитель загребских коммунистов Тито был избран в высший орган Компартии Югославии. Политбюро ЦК КПЮ рекомендовало его политическим референтом в Балканский секретариат исполкома Коминтерна, то есть в Москву. Во второй половине 1930-х годов Тито живет в Москве, постигая азы науки о мировой революции, но часто наезжает на родину с тайной миссией. По распоряжению Коминтерна в 1939 году он возвращается на Балканы уже как генеральный секретарь Временного ЦК Компартии Югославии. Тито селится в Загребе вместе со студенткой-коммунисткой Тертой Хас, которая родила ему сына. Но вскоре он покинул Герту, и его любовницей стала коммунистка Зденка.

В марте 1941-го в Югославии произошел государственный переворот. Новое правительство подписало пакт о дружбе и ненападении с СССР, а днем позже немецкие самолеты буквально разбомбили столицу. На Югославию напали немцы, венгры, итальянцы и болгары. 12 апреля 1941 года танки вермахта вошли в Белград, 17 апреля Югославия капитулировала. Хорватия была объявлена независимым королевством, королем стал Томислав II (итальянский герцог Сполетский Аймоне), однако страной правил диктатор Павелич и партия усташей. Территория Югославии была разделена на зоны оккупации между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. В 1941 году Тито тайно прибыл в Белград, выдавая себя за преуспевающего инженера. Он выступал за объединение южных славян в борьбе с фашизмом. Хорват по национальности, Тито открыто осуждал хорватский национализм и делал ставку на сербов как на самую многочисленную часть населения Югославии.

Тем временем хорватские фашисты начали кровавый геноцид сербов. Насилие вызвало народную войну, но поначалу Тито в ней заметной роли не играл. Борьбу против хорватов-усташей начали сторонники изгнанного югославского короля – сербские четники. В стране разгоралась гражданская и национальная война. Усташи и мусульмане резали сербов и коммунистов,

четники – мусульман, коммунистов и хорватов. Англия и США поддерживали сербских четников и недоверчиво относились к партизанам-коммунистам.

В 1942 году без поддержки со стороны союзников Тито начал партизанскую войну против оккупантов, объединив под своим началом коммунистические отряды. Его «армия» двинулась на запад, в Боснию, где на сторону коммунистов перешли боснийские сербы. Осенью 1942-го штаб партизанской армии Тито располагался в западно-боснийском городе Бихач. Здесь и было провозглашено Антифашистское вече народного освобождения Югославии, зародыш будущего коммунистического правительства. Вскоре в Ужице, городке с 12-тысячным населением, была оъявлено о создании символической «Красной республики», Тито стал ее президентом.

Ни Англия, ни США, ни Сталин поначалу не интересовались Тито, считая его движение бесперспективным. Но к весне 1943-го партизаны Тито – единственная реальная антифашистская сила на Балканах. Вот тогда-то Сталин и Черчилль направили в Югославию военные миссии и начали оказывать Тито финансовую поддержку. Англия и СССР боролись между собой за влияние на Тито.

В ноябре 1943 года Тито провозгласил себя маршалом Народно-освободительной армии Югославии. Фашисты пообещали за его голову 100 000 рейхсмарок. В ходе операции «Ход конем» гитлеровцы разбомбили боснийский город Дрвар и штаб партизан. Штаб Тито атаковали парашютисты СС, Дрвар окружили три немецкие дивизии и хорватский полк. Но Тито, члены советской и англо-американской военных миссий, офицеры Верховного штаба партизан и члены Политбюро ЦК Компартии ушли по потайным ходам и горным тропам. Через несколько дней они вылетели в Бари, затем английские корабли доставили их на остров Вис, откуда Тито продолжил руководить отрядами Сопротивления.

В сентябре 1944-го состоялась первая встреча Тито со Сталиным в Москве. Было заключено соглашение, по которому части Красной армии должны были войти на территорию Югославии и участвовать в освобождении страны. В апреле 1945 года Тито и Молотов подписали советско-югославский Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Тито был награжден советским орденом «Победы». Он был единственным из главнокомандующих Второй мировой, начавшим войну без собственной армии, и единственным главнокомандующим, получившим ранения в боях. В мае 1945 года бойцы армии Тито и Красной армии очистили Югославию от

фашистов. В 1945-м Тито к маршальскому званию и статусу генсека прибавил пост премьер-министра Югославии. По примеру Сталина после победы Тито установил режим личной диктатуры, провел «чистку» в стране, карая расстрелом не только вчерашних врагов, но и вчерашних друзей и союзников.

Но, несмотря на симпатии к СССР, Тито уже тогда проявлял самостоятельность, независимость, решимость, не соглашался на уготованную для него Сталиным роль марионетки. Он боролся за независимость страны, активно общался с правительствами Англии и США, развернул строительство «особого» югославского социализма. Сталин требовал от Тито согласиться на создание федерации Югославии с Болгарией, но Тито опасался ослабления собственной диктатуры и усиления национализма в стране. Он считал, что ВКП(б) не вправе принимать решения, обязательные для зарубежных компартий. К концу 1947 года Сталин объявил о недоверии к Тито, в июне 1948 года со страниц советских газет прозвучит призыв сменить «зараженных непомерной амбициозностью, высокомерием и зазнайством» руководителей Компартии Югославии и «выдвинуть новое интернационалистское руководство КПЮ». Этот конфликт поставил СССР на грань войны с Югославией и привел к разрыву отношений с этой страной. Советские спецслужбы готовят покушение на Тито. В ноябре 1949 года Информбюро социалистических стран приняло резолюцию «Югославская Компартия во власти убийц и шпионов». Со смертью Сталина конфликт Тито с советским руководством сошел на нет.

В 1953 году в Югославии была официально объявлена президентская форма правления, президентом, конечно же, стал Тито. Тогда же он становится основателем «мирового движения неприсоединения». В отношениях с СССР Тито и в 1950–1970-е годы отстаивал независимость своей страны и собственные представления о социализме. Новый, но кратковременный конфликт с СССР возник из-за ввода советских войск в Чехословакию. В Югославии отказались от коллективизации земель, признав возможность существования при социализме частной собственности, в 1950-е годы югославские коммунисты ввели систему синдикалистского «социалистического самоуправления» на предприятиях и разделения доходов. Реформа в 1960-х упрочила положение частного сектора в экономике. В мае 1974 года Скупщина (парламент Югославии) избрала Тито президентом без ограничения срока полномочий, в том же году он стал председателем Союза коммунистов Югославии без ограничения срока мандата. Диктатор Тито был сибаритом, чем напоминал Брежнева. Он коллекционировал

дорогие машины и предметы роскоши, шикарно одевался, плавал на яхте, пользовался большим успехом у женщин, играл на бильярде, был заядлым курильщиком, знал толк в еде. Тито любил сам себя награждать и получать награды, был трижды Народным героем Югославии. У него было пять официальных жен и множество «гражданских». В 1952 году 60-летний Тито оформил свой последний брак с Йованкой Будисавлевич, которая была моложе его на 32 года. В конце 1970-х врачи обнаружили у Тито неизлечимое заболевание – облитерирующий эндартериит, или болезнь Фридлендра, что грозило гангреной обеих нижних конечностей. Четыре месяца шла упорная борьба за его жизнь. Однако ампутация обеих ног не спасла жизнь престарелого лидера, и 4 мая 1980 года Броз Тито скончался. Его смерть, как и смерть Брежнева, положила начало новой эпохе – эпохе распада Югославской «империи».

МАО ЦЗЭДУН

(род. в 1893 г. – ум. в 1976 г.)

Коммунистический руководитель Китая, организовавший проведение так называемой культурной революции, которая нанесла ущерб развитию страны.

Великий кормчий, вождь и учитель, проповедник Третьей мировой войны как средства для победы мировой революции, кумир молодых экстремистов 60–70-х годов XX века – так вкратце можно охарактеризовать эту личность.

Мао родился 26 декабря 1893 года в деревне Шаошань в южной провинции Хунань. Отец его, крестьянин, скопив за годы военной службы денег, стал мелким торговцем, перепродавал городским купцам рис, скупленный у крестьян. Родители Мао были безграмотными, однако мать, глубоко верующая, сумела привить сыну буддистские убеждения.

Школу мальчик стал посещать с 8 лет. Там он пристрастился к чтению старинных китайских романов. Через 5 лет школу пришлось оставить. Надо было помогать отцу работать в поле и вести денежные счета. В 14-летнем возрасте отец женил Мао на девушке старше его на 6 лет. О дальнейшей ее судьбе ничего не известно. Отец рассчитывал со временем передать свое дело сыну,

но тот не захотел заниматься торговлей и убежал из дома. В 17-летнем возрасте он вновь поступил в школу в Дуншане, здесь наряду с приключенческими романами Мао увлекся биографиями великих людей: Наполеон, Петр Великий, Вашингтон. Больше всех ему нравился Наполеон. Но и в этой школе задержаться не удалось. 17-летнего переростка, да еще плохо одетого, дети, в основном из помещичьих семей, встретили насмешками и презрением. Пришлось уходить из школы, не проучившись и года.

В 1911 году в Китае произошла революция, свергнувшая Цинскую монархию и установившая республику. Большую роль сыграл «Объединенный союз» Сунь Ятсена, вошедший затем в Национальную партию – Гоминьдан, стоявшую на национально-демократических позициях, поскольку в это время ведущие страны мира стремились к разделу Китая на сферы влияния. Национальные идеи захватили и Мао. В 1911 году он вступил в армию и здесь впервые познакомился с основами социализма. Однако через полгода Мао ушел из армии, некоторое время жил дома, помогая отцу, а в 1913 году поступил в педагогическое училище, где проучился до 1918 года. Учился он очень хорошо, его сочинения как образец вывешивали на стенах училища. Молодого человека увлекли мысли китайских философов. Мао мечтал о карьере человека умственного труда, поскольку, как он считал, «чистоплотнее всех на свете интеллигенты, а рабочие и крестьяне – люди грязные». Его очень увлекли исторические описания событий в Китае, а также политическая и военная история Запада. И именно в это время, начав работать в просветительском журнале «Новая молодежь», Мао познакомился со взглядами марксистов. Однако с 1918 года настоящим его увлечением стал анархизм. Он изучает труды П. Кропоткина, сводит знакомство с деятелями анархизма, переписывается с ними.

В 1919 году начались мощные выступления студентов и рабочих – «движение 4 мая», – направленные против решения Пражской мирной конференции о передаче Японии бывших немецких концессий в Шандуни. В это время Мао устроился помощником заведующего библиотекой Пекинского университета профессора Ли Дачжао. Профессор создал марксистский кружок, к работе в котором приобщил и помощника. Вскоре Мао женился на дочери профессора Яна Чанцзи и получил должность директора начальной школы. Но попасть на учебу в университет ему не удалось. Для него это было унижением, и на всю жизнь основной психологической чертой Мао, его идеологией стало презрение к интеллигенции.

В 1921 году состоялся I съезд КПК, делегатом которого был и

Мао. Через 2 года, исходя из решений Коминтерна, он начал активно выступать за сближение с Гоминьданом. С этого начался карьерный скачок: его избрали в состав ЦК КПК и назначили заведующим орготделом, а в 1924 году на съезде Гоминьдана Мао избрали в члены ЦИК и этой партии, а также поручили руководить курсами по подготовке лидеров крестьянского движения. Однако в это время он стал утверждать, что в Китае нельзя создать массовую партию, ни национальную, ни коммунистическую, что революцию может принести только Красная армия СССР, что лидерами будущей революции должны быть торговцы. Подобные взгляды, а также его деятельность в Гоминьдане подвергались критике в КПК, на очередной съезд которой Мао не пригласили. Он продолжал оставаться на позициях Гоминьдана и даже возглавил отдел пропаганды ЦИК этой партии. Однако в период 1925–1927 годов начался разрыв отношений Гоминьдана и КПК. Все большую роль в Гоминьдане начинает играть Чан Кайши, на которого тогда делал ставку И. Сталин, а Мао в это время назначается членом постоянного комитета исполкома Всекитайской крестьянской ассоциации и настаивает на сотрудничестве с Чан Кайши, несмотря на то что тот изгнал коммунистов со всех постов в Гоминьдане и армии.

12 апреля 1927 года Чан Кайши в Шанхае совершил переворот. Проводились аресты членов КПК и революционных рабочих и крестьян. Это привело к полному разрыву КПК и Гоминьдана. Началась гражданская война. Из частей, отказавшихся подчиняться Чан Кайши, сформировалась Народно-освободительная армия Китая (НОАК), которой руководили Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Е Тин. Одновременно на юге начали формироваться партизанские отряды. В этом процессе принял участие и Мао. Тогда же начались и выступления Мао против руководства КПК. Он в то время по заданию ЦК КПК готовил вооруженное восстание в Хунани. Но из-за ошибок Мао, делавшего упор лишь на военные силы без привлечения крестьянских масс, восстание провалилось. На пленуме ЦК, рассматривавшем причины провала, впервые прозвучал термин «маоцзэдунизм». Мао тогда исключили из кандидатов в члены Политбюро ЦК. После подавления восстания он вынужден был с отрядом в тысячу человек бежать в горы Цзинган. Там к нему присоединились, правда ненадолго, два отряда бандитов, которых Мао называл «преданными коммунистами». Он вообще считал деклассированные элементы потенциальными революционерами. Для исправления положения в помощь Мао направили 10-тысячный отряд Чжу Дэ; слившись с отрядом Мао, он был преобразован в 4-й корпус рабоче-крестьянской Красной

армии. В 1930 году части армии перешли в наступление на крупные города провинции Цзянси, но оно оказалось неудачным. К 1935 году вокруг Мао образовалась группа приверженцев. С ее помощью он повел борьбу за власть. Проявив незаурядные способности, Мао добился своего избрания в секретариат ЦК. Во многом этому способствовало его сближение с главкомом Красной армии Чжу Дэ, впоследствии ставшее фактическим подчинением. Один из командующих, Пэн Дэхуай, писал: «Методы Мао Цзэдуна очень жестоки. Если вы не подчинились ему, то он непременно изыщет способ, чтобы подчинить вас». Мао уже тогда понимал: кто командует армией, командует и в партии. В его группировку вошли известные в будущем деятели КНР: Линь Бяо, Лю Шаоци, Чжоу Энлай, Дэн Сяопин, брат Мао Цзэтань. В то же время Мао физически уничтожал тех, кто выступал против него. Все эти события происходили на фоне агрессии Японии против Китая. Но китайские коммунисты больше занимались внутренними репрессиями и борьбой с войсками Гоминьдана, чем противодействием японцам.

В начале 1934 года Мао был избран председателем китайского Центрального советского правительства, а в октябре Красная армия начала свой «великий поход» на северо-запад страны, где коммунисты и укрепились, создав особый пограничный район. Здесь борьба за власть развернулась с новой силой и продолжалась более 2 лет. В результате в партии произошел раскол: Политбюро ЦК возглавил Мао, Временный центр – Чжан Готао. По приказу Коминтерна Чжан вынужден был подчиниться Мао, но руководящего поста в партии не получил. Вскоре против него сфабриковали «дело» и исключили из партии. В эту пору начал складываться культ Мао, и в этом деле он обнаружил подлинное мастерство, чему в немалой степени содействовали прекрасные актерские качества. Мао Цзэдуну очень нравилось пестовать образ «вождя». Он мог часами, не выражая никаких чувств, сидеть в кресле и делать вид, что занят важными государственными делами, поглощен заботами государственного деятеля. Жил «вождь» в этот период в пещере, носил залатанную одежду, ел скудную пищу, работал по ночам, демонстрировал свою близость к народу.

Тогда же Мао в четвертый раз женился. Вторая его жена погибла от рук гоминьдановцев, с третьей – соратницей по революционной работе – он развелся и теперь женился на театральной актрисе Цзян Цин, которая стала для него не только подругой, но и помощницей. Его сыновья от второго брака учились в ту пору в СССР. Ни ими, ни дочкой он не интересовался, также как и пятью дочерьми от третьего брака,

отданными на воспитание в крестьянские семьи. Цзян Цин родила Мао двух дочерей.

С 1937 года Великий кормчий начал поворот от идей интернационализма к пропаганде национализма, к насаждению культа собственной личности. Друзей у него не было, были только нужные люди. Для «вождя» имели ценность лишь те, кто необходим в данный момент. Под его власть перешли средства массовой информации, органы безопасности. С 1941 года по инициативе Мао в КПК началась кампания за «исправление стилей работы» – чжен фын. Это была чистка партии. Многих из руководства КПК, противников Мао, заставляли каяться во всевозможных антипартийных проступках, признавать свои взгляды вредными, восхвалять Мао. В 1945 году на VII съезде КПК его избрали на им же придуманный пост председателя ЦК КПК. Этот пост ставил Мао выше генсека партии. Борьба в руководстве партии продолжалась и после победы революции в 1949 году. Для противников Мао Цзэдуна это всегда заканчивалось трагически. Его же идеи были провозглашены теоретической основой деятельности КПК.

В 1957 году Мао заявил, что через 15 лет Китай может перегнать Англию по производству основных видов промышленной продукции. Тогда родился лозунг «Три года упорного труда – 10 тысяч лет счастья». Уже в следующем году начался «большой скачок». В каждом дворе ставили мини-домны, на выплавку стали пустили даже чугунные сковородки. Одновременно проводилась сплошная коммунизация аграрного сектора. При этом началось поголовное подавление интеллигенции. В связи с критикой в адрес Мао был репрессирован ряд видных деятелей КНР: министр обороны Пэн Дэхуай, начальник Генштаба и др. Кроме того, уничтожались как «московские агенты» многие коммунисты, получившие подготовку в СССР. С этого времени отношения между СССР и КНР стали портиться и вылились в прямое военное столкновение на Дальнем Востоке. У Мао тогда же появилась своя трактовка вопросов войны и мира: «Мы не должны бояться войны, – говорил он. – Мы не должны бояться атомной войны… Мы можем потерять более чем 300 млн человек. Ну и что из этого? Пройдут годы, и мы увеличим численность населения даже больше, чем было до того». В другом выступлении Мао заявил: «Если половина человечества будет уничтожена, то еще останется половина, зато империализм будет полностью уничтожен…»

«Большой скачок» закончился провалом. Только от голода погибло свыше 20 млн человек. Тогда Мао взял всю ответственность за ошибки на себя. В 1962–1964 годах экономика

страны стала восстанавливаться. Однако в 1965 году Мао поднял вопрос о наличии в руководстве КПК лиц, идущих по капиталистическому пути, – ревизионистов. Это в 1966 году положило начало «культурной революции», которая продолжалась 10 лет. Лозунг ее – «Огонь по штабам!». Были репрессированы руководители партии и государства, деятели науки и культуры: Лю Шаоци, Дэн Сяопин, Лао Шэ. Многие кончали жизнь самоубийством. Репрессии велись по спискам, составленным органами безопасности. Не щадили и семей репрессированных: многих отправляли в лагеря «трудового воспитания». Общее число подвергшихся репрессиям к 1976 году достигло 100 млн человек.

Последние годы жизни Мао прожил на территории бывшей императорской резиденции Чжуннаньхай, предпочитая коротать дни и ночи в павильоне с бассейном, почти не снимая заношенного махрового халата. Он очень редко появлялся на людях. Единственным человеком, который в это время находился при нем, была миловидная молодая особа Чжан Юйфэн, некогда работавшая проводницей правительственного поезда. Скончался Мао 9 сентября 1976 года. Его набальзамированный труп был помещен в Доме памяти – мавзолее – на площади Тяньаньмэнь. Смерть Мао дала толчок благотворным переменам, выведшим Китай на передовые места в мире.

КИМ ИР СЕН

Настоящее имя – Ким Сон Чжу
(род. в 1912 г. – ум. в 1994 г.)

Корейский революционер, создатель и диктатор социалистического государства – Северной Кореи.

«Великий Вождь, Солнце нации, Маршал Могучей Республики» родился 15 апреля 1912 года (возможно, дата сфальсифицирована) в деревне Мангендэ под Пхеньяном в семье сельского интеллигента. Отец Ким Сон Чжу – Ким Хён Чжик – работал сельским учителем, конторским служащим, занимался траволечением, изучал дальневосточную медицину. Мать Кима была дочерью протестантского священника. В семье было двое сыновей, но часто еды не хватало. Семья, в которой рос будущий «вождь», была протестантской. Отец Ким Сон Чжу окончил миссионерскую школу, поддерживал связи с христианскими миссиями, был протестантским активистом. Корея в те времена находилась под властью японцев. Северокорейские средства массовой информации утверждали, что родители Ким Ир Сена были лидерами национально-освободительного, антиколониального движения. Но это миф. В 1920 году родители Кима переехали в Маньчжурию (находилась под японским

владычеством), где он начал учиться в китайской школе. Однако в 1926 году Ким осиротел, и бедность стала неотвратимой. Вскоре он вступил в подпольный марксистский кружок китайских комсомольцев. В 1929 году Ким в неполных 17 лет, не закончив школы, оказался в тюрьме. После освобождения он уходит в партизанский отряд, коих много действовало в Маньчжурии.

Северокорейские историки утверждают, что Ким Ир Сен уже в 1930 году возглавил созданную им Корейскую народно-революционную армию. Но такой армии тогда просто не существовало. В действительности же Ким вступил в один из многочисленных партизанских отрядов Компартии Китая, в 1933 году стал членом КПК. Тогда же он принимает псевдоним – Ким Ир Сен. В 1935 году несколько партизанских отрядов, действовавших близ корейско-китайской границы, были «объединены» во Вторую партизанскую дивизию, которая вошла в состав Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии. Ким сначала был комиссаром 3-го отряда дивизии, а с 1937 года – командиром 6-й «дивизии», в которой было всего 250 бойцов. Эта «дивизия» пересекла корейско-китайскую границу, напала на корейский городок Почхонбо и уничтожила жандармский пост.

В 1938–1939 годах Антияпонская армия терпит ряд поражений от регулярных японских войск. Ким – уже командир 2-го оперативного района 1-й армии, ему подчинялись все партизанские отряды провинции Цзяндао. Но в 1940 году партизанские отряды были полностью разбиты и из числа командиров 1-й армии в живых остался только Ким Ир Сен, остальные погибли в боях. В декабре 1940 года «товарищ Ким» с 12 бойцами переходит Амур и прорывается в СССР.

Беглец был интернирован в фильтрационный лагерь, а пройдя проверку, стал слушателем командных курсов при Хабаровском пехотном училище (1941–1942 гг.). Летом 1942 года советское командование сформировало из маньчжурских партизан особую часть – 88-ю отдельную стрелковую бригаду в 1700 бойцов, которая была расквартирована близ Хабаровска. Ким Ир Сен, получив звание капитана Красной армии, становится командиром первого корейского батальона бригады (150 бойцов).

В конце 1930-х годов Ким Ир Сен женился на Ким Чжон Сук, партизанке, дочери батрака. В 1942 году она родила сына, которого сначала назвали русским именем Юра. Ким Чжон Ир стал «наследным принцем» и продолжателем династии.

Удивительно, но в войне СССР против Японии 88-я маньчжуро-корейская бригада не принимала участия. После окончания боев бригада была расформирована, солдаты и офицеры получили назначения на должности помощников

советских комендантов в населенных пункты Маньчжурии и Кореи. Ким Ир Сен был назначен помощником коменданта северокорейской столицы Пхеньян. Будущий «вождь» прибыл в Корею из Владивостока в конце сентября 1945 года на советском пароходе «Пугачев».

На митинге в Пхеньяне командующий 25-й армией генерал Чистяков представил собравшимся Ким Ир Сена как «национального героя», «знаменитого партизанского вождя». «Товарищ Ким» был включен в состав Северокорейского бюро Компартии Кореи, а в декабре 1945 года был избран председателем Северокорейского бюро Компартии Кореи. В феврале 1946 года по решению советских военных властей Ким Ир Сен возглавил Временное правительство страны – Временный народный комитет Северной Кореи. С того времени Ким Ир Сен формально стал во главе правительства Северной Кореи, в то время как реальной властью обладало советское командование.

В 1945–1947 годах проходили советско-американские переговоры о создании единого корейского правительства, причем советские власти предлагали «товарища Кима» лишь в качестве министра обороны объединенной Кореи. В 1948 году на севере Корейского полуострова была официально провозглашена независимая Корейская Народно-Демократическая Республика. Но в 1945–1953 годах Северной Кореей управлял не «товарищ Ким», а советские военные власти и советники. Ким Ир Сен был лишь марионеткой. Все назначения высших корейских чиновников и офицеров согласовывались с советским посольством. В конце 1940-х погибает сын Ким Ир Сена – Шура, во время родов умирает его жена. Тогда в Корее распространяются слухи о якобы произошедшей подмене Ким Ир Сена двойником.

Осенью 1945 года Корея была разделена по 38-й параллели на советскую и американскую зоны оккупации. В 1948–1949 годах напряженность в этом районе возросла, разведывательно-диверсионные группы засылались в тылы противников, терроризируя местное население. В апреле 1950 года Ким Ир Сен тайно посетил Москву, где встретился со Сталиным. Победа коммунистов в Китае, обещания всеобщего восстания на юге Кореи и появление у СССР атомной бомбы, вскружили диктаторам головы. Весной 1950 года Сталин дал добро на предложенный Ким Ир Сеном план войны с Южной Кореей. Это война едва не стала прелюдией к Третьей мировой войне, американцы всерьез рассматривали план применения атомного оружия против Китая и корейско-китайских войск. Корейская война началась 25 июня 1950 года внезапным ударом

северокорейских войск. Ким Ир Сен обвинил правительство Южной Кореи в агрессии, призвал к оружию и приказал начать «контрнаступление».

На третий день войны пал Сеул, к концу августа 1950 года под контролем Севера оказалось 90 % территории Кореи. Американский десант в тылу северян изменил соотношение сил, и к ноябрю 1950 года ситуация стала прямо противоположной: теперь уже южане и американцы контролировали 90 % Кореи. Ким Ир Сен вместе с остатками армии оказался прижат к корейско-китайской границе. В этот критический момент в Корею вступили китайские войска, направленные туда по настоятельной просьбе Ким Ир Сена и Сталина. Миллион китайских «добровольцев» оттеснил американцев к 38-й параллели. Два с половиной года тянулась позиционная война, которая приобрела характер американо-китайского конфликта на корейской территории. И тогда Северная Корея начинает «плясать под дудку» не только СССР, но и Китая.

Умение лавировать, хитрить, использовать противоречия противников и союзников помогло Ким Ир Сену в 1953–1958 годах не только удержать власть, но и утвердить диктатуру. Он разгромил три группировки в руководстве КНДР («советскую группировку», состоящую из советских корейцев; «внутреннюю группировку» и «яньанскую группировку», которая ориентировалась на Китай). «Партизанская группировка» Ким Ир Сена выступила против советского и китайского контроля. Чистка партийного руководства 1958–1962 годов сделала Ким Ир Сена полновластным хозяином Северной Кореи. В XX веке Ким Ир Сену принадлежит рекорд продолжительности пребывания на высшем государственном посту – 49 лет.

В то же время вождь Кореи постоянно требовал помощи от СССР и Китая. Помощь СССР составила 1 млрд 150 миллионов долларов США, китайская – 541 миллион долларов. В 1961 году Ким Ир Сен подписал договоры «о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» как с Китаем, так и с СССР.

Во время советско-китайского конфликта 1960-х годов Ким Ир Сену удалось освободиться от советского и китайского влияния и стать полновластным диктатором. Сначала он склонялся к союзу с Китаем, негодуя против критики Сталина Хрущевым, видя в этой критике угрозу собственной неограниченной власти. Вслед за китайским «большим скачком» в КНДР началось движение «Чхоллима», тактика «опоры на собственные силы». В 1962–1965 годах Северная Корея солидаризировалась с позицией Китая, поддержав Китай во время китайско-индийского конфликта в 1962 году.

Советский Союз сократил направляемую в КНДР помощь, что поставило северокорейскую экономику на грань краха. Стремясь исправить положение, Ким Ир Сен перешел к политике нейтралитета в советско-китайском конфликте. В 1966 году Ким Ир Сен осудил «культурную революцию» в Китае как «левый оппортунизм». Северокорейский социализм преподносился как «золотая середина» между двумя ошибочными путями развития – Китая и СССР. Усиливается пропаганда идей «чучхе» – того, что написал Великий Вождь и его наследник. В 1967 году Ким Ир Сен решился на открытое выступление против Южной Кореи, на южно-корейскую территорию стали забрасываться партизанские» группы, северокорейский спецназ попытался взять штурмом резиденцию южно-корейского президента в Сеуле. Тревогу в мире вызывало резкое обострение отношений между КНДР и США. Северные корейцы захватили в нейтральных водах американское разведывательное судно, над Японским морем был сбит американский разведывательный самолет.

В 1980-х годах Северная Корея продолжает оставаться центром международного терроризма. Северокорейские агенты взорвали южно-корейский авиалайнер. В столице Бирмы агенты Кима попытались взорвать южно-корейскую правительственную делегацию и президента Южной Кореи. 17 человек из состава делегации были убиты, 15 – ранены.

Экономика КНДР военизируется, целые отрасли переходят на выпуск оборонной продукции, приусадебные участки и рыночная торговля ликвидируются. Массированная идеологическая обработка населения сопровождалась кампанией восхваления «Великого Вождя, Солнца Нации, Железного Всепобеждающего Полководца». Все корейцы обязаны носить значки с портретом вождя, его портреты есть в каждом жилом и служебном помещении. Северная Корея буквально наводнена статуями Ким Ир Сена и его родных. Изучение трудов и биографии Ким Ир Сена начиналась в детском саду, продолжалась в школах и вузах, а труды его заучивались корейцами наизусть.

Власть в КНДР всегда находилась в руках клана «бывших партизан» из ближайшего окружения вождя. На смену «партизанам» приходили их дети, создавалась «партизанская» каста при диктаторе Ким Ир Сене. В 1980 году на VI съезде КПК сын вождя Ким Чжон Ир был провозглашен наследником своего отца, «продолжателем великого чучхейского революционного дела». В 1992 году Ким Чжон Ир был назначен Верховным главнокомандующим вооруженными силами. Помощь КНДР из СССР прекратилась в 1989 году. Страна оказалась на пороге полного экономического краха и всеобщего голода. В этих

условиях Ким Ир Сен попытался разыграть «ядерную карту». К этому времени КНДР была в состоянии создать атомную бомбу. В 1993 году Ким Ир Сен попытался прибегнуть к ядерному шантажу, требуя в обмен на свертывание ядерной программы экономическую помощь. Шантаж удался, и КНДР получила необходимую помощь от «капиталистов». Но 8 июля 1994 года Ким Ир Сен скоропостижно скончался от сердечного приступа. Новым главой КНДР стал его сын – Ким Чжон Ир.

МАРИГЕЛЛА ХУАН КАРЛОС

(род. в 1915 г. – ум. в 1969 г.)

Латиноамериканский теоретик и практик партизанской борьбы и революционного террора.

Карлос Маригелла вступил в Компартию Бразилии в 1930-х годах, еще до бразильской революции 1935 года. После ареста руководства Коммунистической партии Бразилии Маригелла вошел в состав руководителей Компартии Бразилии и долгое время был одним из лидеров латиноамериканского коммунистического движения, представлял его промосковское крыло.

В апреле 1964 года правительство законного президента Гуларта было свергнуто в результате военного переворота, и в Бразилии установилась фашистская диктатура. Возможно, диктатура стала реакцией на революцию на Кубе. В Бразилии были разогнаны политические партии, большинство прогрессивных политиков были либо брошены в тюрьмы, либо эмигрировали, введены цензурные ограничения. «Эскадроны смерти» начали кровавую охоту на коммунистов и всех борцов против террора. В 1965 году Маригелла уже критически относится к идеям Компартии Бразилии, которая отказалась от решительных действий в условиях террора, от сопротивления военной хунте и ушла в подполье.

В 1967 году Маригелла, которому было уже за 50, порвал с Компартией Бразилии, объявил о своем выходе из состава ЦК партии, обвинив партию в том, что она стала оппортунистической и отказалась от революционной борьбы. Перед разрывом Маригелла побывал на Конференции солидарности с борьбой народов Азии, Африки и Латинской Америки и на Конференции латиноамериканской солидарности в Гаване. Маригелла симпатизировал Че Геваре, Мао Цзэдуну, западному «Движению новых левых». Он принял решение начать революционную повстанческую борьбу, вместе с группой единомышленников создал подпольную партию «Действие за национальное освобождение». Эта партия выступала за свержение военной диктатуры, захват власти народом, создание революционного

правительства. Маригелла выдвинул совершенно новую тактику вооруженной борьбы. Он утверждал, что борьба должна проходить в крупных городах, только вспомогательные операции можно проводить в сельской местности. Боевики «Действия за национальное освобождение» экспроприировали банки, нападали на казармы и полицейские участки для захвата оружия и боеприпасов, взрывали бомбы в правительственных зданиях, устраивали покушения на представителей фашистского режима.

Наиболее громкое дело революционеров – похищение посла США в Бразилии, предпринятое с целью добиться освобождения 15 захваченных в плен сторонников Маригеллы. США настояли, чтобы власти Бразилии согласились на обмен, и 15 революционеров были выпущены на свободу, позже они эмигрировали в Мексику. Всемирную известность Маригелле принес ряд статей, брошюр и книг по теории, тактике и стратегии революционного движения. «Мини-учебник городской герильи» (1969 г.) – эта библия борьбы в условиях современного мегаполиса, был переведен на практически все языки мира, его зачитывали до дыр, конспектировали молодые радикалы во многих странах. Маригеллу называли «отцом городской герильи». Он доказывал, что фашизму можно не только сопротивляться, его можно свергнуть. В 1969 году фашистский режим развернул кровавую кампанию по «искоренению терроризма». 4 ноября 1969 года полицейские агенты застрелили Карлоса Маригеллу, а вскоре погибли два видных руководителя группы Маригеллы – Марио Алвес и Жоаким Феррейра. К лету 1970-го партия «Действие за национальное освобождение» была ликвидирована карателями и полицией Бразилии.

КАСТРО РУС ФИДЕЛЬ

(род. в 1926 г.)

Кубинский диктатор, последний коммунистический лидер Западного полушария.

Фидель Кастро – один из последних лидеров уходящей коммунистической эпохи. Он пережил 6 президентов США, 6 руководителей СССР и России, Мао Цзэдуна и Хо Ши Мина. Неистовый оратор, завораживающий своими речами миллионные толпы, Ф. Кастро навсегда войдет в историю как самый популярный лидер за всю историю Кубы. В историю также навсегда войдут его знаменитая борода и темно-оливковый френч.

Фидель Алехандро Кастро Рус родился 13 августа 1926 года в поселке Биран провинции Орьенте в семье иммигранта из Испании, ставшего к этому времени владельцем крупной сахарной плантации в 9 тысяч гектаров. Семья была большой: кроме Фиделя – еще 7 братьев и сестер, включая сводных – от первого брака отца. С 6 лет мальчик учился в католических учебных заведениях, занимался спортом и в 1944 году был признан лучшим спортсменом школы. В 1945 году Фидель поступил на юридический факультет Гаванского университета.

Там он принял участие в студенческом движении и даже участвовал в 1947 году в экспедиции в Доминиканскую Республику для оказания помощи в свержении диктатора Трухильо. По окончании в 1950 году университета молодой юрист занялся в Гаване частной практикой, ведя, в частности, бесплатно дела бедняков. Тогда же вступил в Партию кубинского народа, став одним из лидеров ее левого крыла; Фидель думал, что именно эта партия возглавит борьбу против царящей в стране тирании. «Винтовку и приказ – вот и все, что я желал иметь в тот момент», – говорил он.

После того как в 1952 году генерал Батиста совершил переворот и установил в стране диктаторский режим, Ф. Кастро представил в Верховный суд обвинение диктатора в нарушении конституции. Однако суд не стал рассматривать петицию. Тогда он, его брат Рауль и еще несколько десятков молодых людей, обвинив лидеров Партии кубинского народа в нерешительности, решили перейти к вооруженной борьбе. Было принято решение захватить казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба и в г. Баямо. К этому событию группа из 165 человек готовилась почти год. Главным лозунгом этих молодых людей стали слова: «Свобода или смерть». Штурм казарм, прошедший 26 июля 1953 года, не принес успеха. Их силы раз в 15 уступали силам правительственных войск. Расправа была жестокой. За каждого убитого солдата расстреливали по 10 пленных, некоторых живьем закопали в землю, остальных судили. Фидель Кастро получил 15 лет тюремного заключения, его брат Рауль – 13 лет. Однако через 2 года Батиста под давлением общественного мнения вынужден был амнистировать их.

После освобождения Фидель и другие участники штурма Монкады выехали в Мексику. Перед отъездом Фидель сказал: «Пришел час брать права, а не просить, вырывать их, а не вымаливать… Из таких поездок, как эта, или не возвращаются совсем, или возвращаются с обезглавленной тиранией у ног». Под руководством испанского полковника Альберто Байо, одного из лидеров партизанского движения в годы гражданской войны в Испании, руководящее ядро созданного Фиделем «Движения 26 июля» осваивало в мексиканских лесах основы воинской мудрости. Тогда же Кастро обнародовал лозунг о начале вооруженной борьбы против тирании Батисты: «…Мы будем свободными или принесем себя в жертву». 25 ноября 1956 года из мексиканского порта Тузпан к берегам Кубы отплыла яхта «Гранма», на которой находились 82 человека, в том числе Фидель Кастро, аргентинский врач Че Гевара и еще 4 иностранца: итальянец, мексиканец, гватемалец и доминиканец. Из

вооружения у них были 2 противотанковых пулемета, 90 винтовок, 3 автомата, пистолеты. 2 декабря они высадились в болотистой местности около устья р. Белик, откуда направились к горам Сьерра-Маэстра. На уничтожение повстанцев Батиста бросил армию, авиацию, так что до гор добрались лишь 22 человека, среди них братья Фидель и Рауль Кастро, Че Гевара, К. Сьенфуэгос, Р. Вальдес, Х. Альмейда – будущие руководители Кубы. Постепенно «Движение 26 июля» стало общенациональным. Гибкая тактика повстанцев не давала США повода для вмешательства. ЦРУ никак не могло понять, кто такой Фидель Кастро и что представляет собой его программа. Когда же американцы разобрались, было уже поздно: положение не могли спасти даже военный переворот и смещение Батисты. В начале января 1959 года в Гавану вошли повстанческие части.

До июля 1959 года в стране существовало двоевластие: с одной стороны, новое правительство Уррутиа, с другой – революционная армия во главе с Ф. Кастро. Но затем революционные силы полностью взяли власть. Президентом стал Освальдо Дортикос Торрадо, а премьер-министром – Ф. Кастро. Сразу же начались преобразования, было ликвидировано помещичье землевладение, конфискована земельная собственность иностранцев, католическую церковь объявили «пособницей контрреволюции», а католические, да и протестантские священники подверглись гонениям, началась национализация предприятий, а также собственности иностранных компаний, в первую очередь – американских. В результате в январе 1961 года президент США Д. Эйзенхауэр разорвал дипломатические отношения с Кубой, а ЦРУ стало готовить план вторжения. Уже 15 апреля американские самолеты бомбили Гавану и ряд других городов, а 17 апреля под прикрытием ВМС и ВВС США началась высадка наемников в бухтах Плайя-Ларга и Плайя-Хирон. В боях, продлившихся всего 72 часа, Ф. Кастро принял непосредственное участие. Наемники потерпели поражение.

С этого момента усилилось сближение Ф. Кастро с СССР. Именно тогда Кастро заявил: «Я был марксист-ленинист и останусь им до конца жизни». Сближение оказалось столь сильным, что лидер СССР Н. С. Хрущев уговорил его разместить на Кубе советские ракеты с ядерными боеголовками и 40-тысячный контингент Советской армии. В результате в 1962 году разразился Карибский кризис, чуть было не приведший к ядерной войне. СССР пришлось убрать с Кубы ракеты, а США установили вокруг острова военно-морскую блокаду. Теперь главным торговым и стратегическим партнером для Кастро стал СССР, и в

1965 году на Кубе была создана Компартия. Считая себя революционером, борющимся с империализмом в развивающемся мире, Кастро оказывал интенсивную финансовую и военную помощь партизанским движениям Центральной и Южной Америки; части кубинской армии отправлялись на помощь марксистским режимам в Анголу и Эфиопию.

С середины 1960 года с Кубы началась эмиграция в США. Большинство эмигрантов селилось в курортном городе Майами во Флориде. До середины 70-х годов выехало свыше полумиллиона человек: врачи, инженеры, преподаватели, квалифицированные рабочие. Большинство верило, что скоро вернется домой, что США помогут свергнуть режим Кастро. Однако с 1959 по 1970 год ни одному эмигранту не был разрешен въезд на Кубу, даже с визитом. И по сей день бегство с Кубы продолжается.

Личная жизнь Ф. Кастро, как и любого диктатора, окутана завесой тайны. Мать, сестра и братья, кроме Рауля, покинули Кубу еще в начальный период эмиграции. Официально в его жизни было 3 женщины. В 1948 году он женился на очаровательной блондинке, дочери министра Мирте Диас Баларт. Вскоре родился сын Фиделито – единственный законнорожденный ребенок Фиделя Кастро. Однако в начале 50-х годов на его жизненном пути встретилась одна из самых красивых женщин гаванской богемы тех лет Нати Ревуэльта, которая была замужем. Начались тайные встречи. Уже после развода с Миртой Нати родила дочь Алину, которую Фидель признал своей через много лет. В 1993 году она бежала с Кубы и в своей книге приоткрыла завесу над частной жизнью отца. Она утверждает, что у него есть еще 6 детей от Делив Сото – его неофициальной жены, – а также ребенок от женщины, которую на Кубе знают как «Ампаро». Третьей официальной подругой Кастро стала Селия Санчес, его секретарша и помощница в течение многих лет. Но в середине 80-х годов она покончила жизнь самоубийством, а по острову поползли слухи, что ее убил брат Фиделя Рауль, которого она ненавидела. Своих детей Кастро не баловал чрезмерным вниманием, однако каждому предоставил продовольственный паек и приставил охрану.

Покушения на Ф. Кастро – это особая тема. Их организовывало ЦРУ, и немало, но все оканчивались неудачей. Одно, ставшее известным, готовилось в 1963 году, когда на Кубу для переговоров с Кастро отправился нью-йоркский адвокат Джеймс Донован. Он должен был вручить Фиделю в подарок акваланг, в баллоны которого специалисты ЦРУ занесли туберкулезные палочки, о чем Донован не знал. Посчитав, что

этот акваланг слишком прост для подарка, он купил в магазине другой. В 1971 году во время поездки Кастро в Чили в него должны были стрелять два нанятых автоматчика, но в самый ответственный момент одного из них свалил приступ аппендицита, а второй не решился действовать из-за грузовика, перегородившего узкую дорогу. В нем, как потом выяснилось, находилось 4 тонны динамита, который почему-то не взорвался. А недавно 5 человек, вооруженных автоматами, обстреляли бронированный «мерседес» Кастро. Все они были убиты охранниками из машин сопровождения.

Фидель Кастро – личность незаурядная. У него феноменальная память, он может часами говорить на любую тему, никогда не ошибаясь в именах, датах, статистических выкладках. Любимое время для бесед – на рассвете. Засыпает Фидель поздно утром и спит до полудня. Из спиртного предпочитает французское бренди и некоторые виды испанских вин. В то же время он призвал своих сограждан воздерживаться от алкоголя и табака, взвинтив цены на ром и сигареты.

В свои 80 лет Кастро выглядит довольно бодро, хотя и страдает хроническими заболеваниями. Он перенес кровоизлияние в мозг, а во время занятий подводной охотой повредил легкие. С тех пор Фидель носит специальный «термальный» френч, сохраняющий постоянную температуру тела. В 1986 году он бросил курить и тогда же провозгласил общенациональную борьбу с курением и сидячим образом жизни. По американским источникам, у него 32 дома, 3 роскошные яхты и свой мини-госпиталь. Эту роскошь Кастро позволяет себе за счет своего народа.

До сих пор Фидель остается одной из самых противоречивых политических фигур XX века. С одной стороны – освободитель страны от колониального гнета, с другой – правитель, поставивший кубинцев в жестокие рамки тоталитарного режима, с вытекающими отсюда последствиями: бедностью, ограниченностью духовных возможностей, опасностью попасть в ряды неблагонадежных и лишиться свободы.

Тем не менее нужно отметить, что после разрыва экономических отношений с СССР Кастро все же сумел не допустить вымирания населения Кубы от голода. Более того – по объему иностранных инвестиций кубинцы перегнали многие страны мира и сделали экономику страны развивающейся. В этом деле примером для Кубы Кастро считает Китай и Вьетнам, где правительства, полностью сохраняя политический контроль, сделали шаги к рыночной экономике. Сохраняя личный контроль над экономикой, Кастро разрешил сельхозрынки, частное

предпринимательство и торговлю. При этом государство внимательно следит за тем, чтобы люди не заработали «антиреволюционные» суммы денег. Главными книгами для изучения экономической науки по-прежнему являются труды Маркса, Энгельса, Че Гевары и самого Фиделя.

Сейчас происходит нормализация отношений между Кубой и Россией. Кастро также надеется на скорую нормализацию отношений с США.

ПОЛ ПОТ

Настоящее имя – Салот Сар
(род. в 1928 г. – ум. в 1998 г.)

Глава левоэкстремистского режима «красных кхмеров» [2] *в Кампучии.* [3] *Организатор геноцида собственного народа.*

«Около 9 часов 30 минут утра на авеню Монивонга [в Пномпене] появилась первая колонна победителей. Население, высыпавшее на улицу, встретило их радостными аплодисментами и приветственными возгласами. Но что это? Женщину, бросившуюся по-матерински обнять солдата-освободителя, отшвырнули ударом приклада. Девочки, подбежавшие вручить цветы, натолкнулись на холодную сталь штыков… Из оцепенения людей вывели приказы, которые раздались из громкоговорителей, установленных на военных джипах: «Все – вон из города! Быстрее покидайте дома и уходите вон из города! Навсегда! Возврата не будет!» Среди горожан началась паника. Людей гнали, как скот. Если семья замешкалась – во двор нередко бросали гранату или поторапливали очередью из автомата, выпущенной по стеклам окон. В поднявшейся сумятице, неразберихе и спешке жены теряли мужей, родители – детей. Насильственному массовому

угону подлежали даже больные, которых стаскивали с коек…»

Так описывал советский журналист В. Серегин первое появление в столице, Пномпене, «красных кхмеров» – «освободителей» камбоджийцев от гнета антинародного проамериканского режима. Чтобы понять ситуацию, нужно вернуться на пять лет назад.

В первой половине 1970-х годов власть в Камбодже принадлежала так называемой пномпеньской группировке, совершившей в марте 1970 года государственный переворот при поддержке США. Пять лет боролись камбоджийцы с узурпаторами и американскими интервентами. Наконец 17 апреля 1975 года столица государства была освобождена от войск американского ставленника генерала Лонг Нола. Однако чаяния народа на счастливую спокойную жизнь не оправдались. На смену пномпеньской группировке пришла власть «красных кхмеров», ставшая одним из самых кровавых кошмаров ушедшего столетия, дебют которой и отобразил Серегин. А во главе этой власти стоял человек, известный под именем Пол Пот, безжалостность которого наводит на мысль о психической патологии.

О жизни Салот Сара (таково настоящее имя диктатора) известно довольно мало. Неизвестна даже точная дата его рождения. Называют 1927, а чаще – 1928 год. Родители будущего тирана – Пием Лот и Док Нием – имели китайские корни и были крестьянами. В официальных биографиях периода правления Пол Пота их называли бедняками. На самом деле Пием Лот, по местным понятиям, был человеком зажиточным. Ему принадлежало около сорока буйволов, и он имел возможность нанимать батраков. Дети – а было их немало: семь сыновей и две дочери – получили неплохое образование. Салот Сар в пять лет научился читать, успешно окончил местную школу, а в 15 лет отправился в Пномпень, где поступил в технический колледж. Выросший в мятежной провинции Кампонгтхом юноша не мог не интересоваться политикой. Еще совсем юным, в годы Второй мировой войны, он стал членом Коммунистической партии Индокитая. Потом деньги отца и семейные связи позволили юноше отправиться на учебу за границу.

В 1949 году Салот Сар прибыл в Париж. Здесь он вступил во французскую компартию, сблизился с камбоджийскими студентами, исповедовавшими марксизм сталинского толка, и вместе с ними в 1950 году создал кружок по изучению сталинской теории классовой борьбы, тактики тоталитарного организационного контроля и сталинского подхода к решению национальных проблем. Параллельно юноша увлекался французской поэзией и между делом писал памфлеты,

направленные против камбоджийской королевской семьи.

В Париже Салот Сар встретился с камбоджийкой Кхиеу Полнари. Поженились они уже в Камбодже, куда в 1953 или 1954 году вернулся будущий диктатор. Брак, однако, не сложился. Есть сведения, что несчастная женщина сошла с ума, не выдержав совместной жизни с мужем-чудовищем.

На родине вооруженный сталинскими идеями Салот Сар начал преподавать в престижном частном лицее в Пномпене. На этом основании много лет спустя он стал называть себя «профессором истории и географии». Однако, судя по всему, главным в его деятельности этого периода было совсем не преподавание. Салот Сар не афишировал своих политических пристрастий, но исподволь пропагандировал среди студентов марксистские идеи. Причем сталинские тезисы со временем были дополнены изрядной долей «великого учения Мао».

Вскоре молодой пропагандист примкнул к одной из фракций камбоджийской Компартии, которая исповедовала идеи создания сильной Камбоджи с помощью «сверхвеликого скачка» с упором на собственные силы. Уже в начале 60-х годов Салот Сар стал одним из лидеров фракции, а после смерти секретаря Компартии Камбоджи Ту Самута, погибшего при невыясненных обстоятельствах, стал его преемником. Поговаривали, что новый лидер причастен к гибели предшественника, но никто не стал разбираться с этим.

В 1963 году Салот Сар покинул лицей и перешел на нелегальное положение. В новой роли он делал ставку на налаживание отношений с единомышленниками за рубежом. Для этого он в 1965 году посетил Вьетнам, а не найдя общего языка с вьетнамскими коммунистами, отправился в Пекин, где получил полную поддержку у Мао.

Постепенно единомышленники Салот Сара заняли командное положение в партии. Для устранения соперников использовались систематические чистки, а особо опасных просто физически устраняли. Для укрепления положения лидера была создана специальная служба безопасности, которая подчинялась лично Салот Сару. Позже она разрослась до размеров целой армии. Ее бойцы стали называться «красными кхмерами» и вошли в историю как образец невероятной жестокости и произвола.

В начале 1975 года имя Салот Сара исчезло со страниц газет. А примерно через год, 14 апреля 1976 года, мир узнал о назначении нового премьер-министра Камбоджи, никому не известного Пол Пота. Однако вскоре стало ясно, что Салот Сар просто сменил имя и положение. К власти он пришел не в результате переворота: был достигнут компромисс между

несколькими политическими фракциями в правительстве; видимо, имела место и поддержка Китая.

«Большой скачок», к которому стремился Пол Пот, предусматривал «развитие» исключительно сельского хозяйства. Предполагалось строить «общинно-деревенский социализм». Для этого и проводилось принудительное переселение горожан в сельскую местность, где создавались «сельскохозяйственные коммуны». На каждую приходилось примерно по 10 тыс. человек.

Города обезлюдели, а многие тысячи их бывших жителей погибли, не дойдя до места назначения, от голода, болезней и жестокого обращения. Массовая гибель людей наблюдалась и в коммунах. В «общественных столовых» людей кормили впроголодь несвежими продуктами. На 10 человек приходилось по одной миске риса. Чтобы выжить, люди были вынуждены есть кору банановых деревьев. Слабых и недовольных убивали.

В коммунах все камбоджийцы, начиная с семилетнего возраста, были вынуждены трудиться по 12–16 часов. Работали по 9 дней, а десятый день был предназначен для политических занятий. Люди не имели права не только на личную собственность, но и на личные вещи. Каждому выдавали матрас и раз в год – черную рабочую одежду. По мнению руководителя страны и его приспешников, все остальное было лишь следствием буржуазной развращенности.

Промышленные предприятия были переориентированы на производство мотыг и лопат, а все камбоджийцы от мала до велика должны были выращивать рис и строить ирригационные сооружения. Однако при первом же разливе все дамбы и плотины были размыты. Их строили без участия специалистов, которых в стране просто не осталось. Техническая интеллигенция, врачи, учителя подлежали физическому уничтожению как «зараженные буржуазной идеологией и старой культурой».

Чтобы не тратить патронов, многочисленным жертвам режима проламывали черепа кирпичами или мотыгами. Людей убивали палками, железными прутьями, ножами и даже листьями сахарной пальмы, которые имеют чрезвычайно жесткие и острые края. Не угодившим перерезали горло, вспарывали животы. Извлеченную печень часто съедали, а желчные пузыри шли на изготовление лекарств. Людей бросали на съедение крокодилам, давили бульдозерами, сжигали, хоронили живьем, закапывали в землю по шею. Детей подбрасывали в воздух, а потом накалывали на штыки, разбивали им головы о деревья, отрывали конечности. Беспрецедентные репрессии, направленные фактически против всего народа страны, не могли не вызвать протеста. Уже в 1975 году против режима Пол Пота вспыхнуло восстание, которое было

жестоко подавлено. Казнили всех участников и сочувствующих до третьего поколения, чтобы внуки не могли отомстить за отцов и дедов. Пол Пот был убежден, что народное недовольство подрывает власть, а поэтому всех недовольных уничтожали.

Но в середине 1976 года политика премьера стала вызывать протесты других членов правительства. А поскольку позиции Пол Пота сильно ослабли в связи со смертью Мао Цзэдуна, его отправили в отставку под предлогом ухудшившегося здоровья. Если принять на веру заявления министра иностранных дел Иенг Сари, бывшего вторым человеком в государстве, к этому приложили руку власти Вьетнама и КГБ. Однако новое правительство Китая помогло Пол Поту вернуться к власти: уже через две недели он вновь стал премьер-министром.

Глава исполнительной власти продолжил прежнюю политику, но расширил ее за счет усиления идеологического влияния. Под лозунгом «За политическое образование кадров» из числа «красных кхмеров» была создана политическая организация «Ангка». Ее целью было уничтожение тысяч людей, не проявивших достаточного рвения в политическом образовании. Людям старшего поколения понятно, что за этим «преступлением» стоит недостаточно ревностное ведение конспектов и нежелание высказываться на политзанятиях в духе преданности существующему режиму.

Все население было разделено на три категории: «старые жители» – те, которые до прихода к власти «красных кхмеров» жили на территориях, сопротивлявшихся режиму Лонг Нола; «новые жители» – обитатели районов, находившихся под контролем Лонг Нола; лица, сотрудничавшие с прежним режимом. Прежде всего уничтожению подлежали последние. Потом чисткам подверглись вторая и первая категории. Первым делом уничтожили офицеров, солдат и чиновников вместе с семьями, включая даже малолетних детей, которые, по мнению Пол Пота, «могут стать опасными позднее».

Национальным меньшинствам было приказано говорить на кхмерском языке. Тех, кто не владел им, тоже уничтожили. Так, например, 25 мая 1975 года были истреблены 12 тыс. из 20 тыс. тайцев, проживающих в провинции Кахконг.

Левоэкстремистское правительство Пол Пота, чьи действия довели до кровавого абсурда марксистские идеи, конечно, не могло оставить в покое и религиозные воззрения камбоджийцев. Буддизм и ислам – основные религии, которые исповедовали камбоджийцы, – были запрещены. Священнослужителей отправили в «коммуны» или убили. Храмы были превращены в склады зерна, свинарники и тюрьмы.

Попутно, подражая Мао, Пол Пот проводил и «культурную революцию». Было запрещено исполнение народных танцев и песен. Школы превратили в тюрьмы и склады навоза, музеи – в свинарники. На кострах сожгли все книги, включая учебники и технические издания, – как «носящие реакционный характер». Уничтожались памятники архитектуры и искусства древней и уникальной культуры кхмеров. Не осталось ни одной из 2800 пагод, которые украшали страну до прихода к власти Пол Пота и его клики.

«Революционные мероприятия» коснулись даже такой деликатной стороны человеческих отношений, как брак и семья. Молодые люди лишились права создавать полноценные семьи и выбирать партнеров по своему вкусу. Руководство определяло семейные пары, нимало не заботясь об их чувствах. Часто молодожены видели друг друга впервые только на свадьбе. Свадьбы были коллективными. Супругами одновременно объявляли от 6 до 20 пар. Песни и танцы, естественно, были запрещены. Вместо них звучали речи о необходимости хорошо трудиться. Дальше – еще больший абсурд. Муж и жена жили отдельно. Раз в три недели им разрешали уединиться в специально выделенном пустом доме для исполнения супружеских обязанностей. Одна из жертв произвола при даче показаний так изобразила свои ощущения: «Мы ни разу даже не пообедали вместе. Нам абсолютно не о чем говорить. Это меня угнетает. Мне жаль мужа: его тоже не спросили; как и я, он подчинился принуждению и также несчастен».

Всего за четыре года правления Пол Пот сумел превратить Камбоджу, которая при нем стала называться Кампучией, в кладбище. А еще ее стали называть Землей Ходячей Смерти. Ведь даже Иенг Сари, явно заинтересованный в преуменьшении количества жертв режима, свидетельствовал, что страна потеряла около трех миллионов человек. Среди этих несчастных были четыре брата и сестра Пол Пота. Из 643 врачей в живых осталось только 69.

Тем не менее Камбоджи амбициозному тирану было мало. Выдвинув расистский лозунг «заботы о кхмерской расе», он решил захватить Вьетнам, который, по мнению идеологов режима, когда-то в своей южной части входил в состав древней Камбоджи. Пол Пот всерьез говорил о том, что, соблюдая пропорцию убийства «1 кхмер – 30 вьетнамцев», можно уничтожить всех жителей соседнего государства. Провоцируя войну, диктатор поощрял постоянные стычки на границе с Вьетнамом.

Однако тиран, использующий зверские патологические

методы издевательства над собственным народом, в XX столетии не мог долго находиться у власти. За четыре года своего правления Пол Пот не имел ни минуты покоя. Уже в 1977 году начался мятеж в армии. Он, однако, был подавлен, а его руководители – сожжены заживо. Однако в январе следующего года полпотовский режим все же пал под натиском вьетнамских войск и восставшего народа. Пол Пот и его приспешники, приговоренные заочно к смертной казни, сумели бежать в джунгли Таиланда. Укрепившись на секретной базе, бывший глава Кампучии создал Национальный Фронт Освобождения Кхмерского Народа. При этом некоторое время в Пномпене действовали представители «красных кхмеров». Их поддерживали США, которые настояли на присутствии полпотовцев в ООН. Но в 1993 году после проведения в стране под наблюдением ООН первых демократических выборов бойкотировавшие их «красные кхмеры» были вынуждены окончательно уйти в джунгли.

Несколько лет в печати появлялись скудные сообщения о мнимых болезнях и даже смерти Пол Пота. Тем не менее в 1997 году он дал несколько интервью журналистам. Бывший диктатор Кампучии заявил, что «совесть его чиста, что к геноциду собственного народа его вынудили вьетнамцы… а что касается миллионов погибших, то все это преувеличение». Мемориал Туолсенг, созданный в память полпотовских «полей смерти» на месте бывшего пыточного центра, Пол Пот тоже считал «орудием вьетнамской пропаганды». «Моей задачей была борьба, а не убийство людей», – цинично заявил он.

В июне 1997 года соратники бывшего диктатора, напуганные развязанным им террором внутри организации, поместили Пол Пота, его вторую жену Миа Сом и дочь Сет Сет под домашний арест. А через несколько месяцев США неожиданно потребовали его выдачи Международному трибуналу. Таким образом Вашингтон пытался сохранить лицо перед мировой общественностью, поняв, что к этому времени их протеже уже стал политическим трупом. Сильно удивленные таким поворотом событий, «красные кхмеры» решили обменять своего лидера на собственную безопасность. Но смерть Пол Пота в ночь с 14 на 15 апреля 1998 года нарушила их планы. По официальной версии, он скончался от сердечного приступа.

Правда это или нет, вряд ли когда-нибудь можно будет сказать определенно. Ясно одно – Пол Пот сумел объединить самые страшные стороны фашистской и коммунистической практики в масштабах маленькой несчастной Кампучии-Камбоджи.

ЧЕ ГЕВАРА

Полное имя – Гевара Линч де ла Серна Эрнесто
(род. в 1928 г. – ум. в 1967 г.)

Лидер международного коммунистического движения, герой партизанских войн, «икона» левого молодежного движения.

Че Гевара родился 14 июня 1928 года в аргентинском городе Росарио в интеллигентной семье среднего достатка. Его отец – инженер, ирландец по происхождению, мать – испанка. Мать будущего революционера была активисткой антипероновских выступлений, феминисткой, первой в Аргентине женщиной-автолюбительницей. Эрнесто был самым старшим из пяти детей.

Когда Эрнесто было всего два года, у него случился первый приступ астмы. Эта болезнь мучила его всю жизнь. В школу первые два класса он не ходил. Врачи посоветовали сменить климат – и семья Гевара, продав плантацию, перебралась в Кордову. Эрнесто любил поэзию, рисовал акварелью, увлекался шахматами, играл в футбол и регби, занимался планеризмом, гонял плоты по Амазонке, обожал велоспорт, совершил на мопеде путешествие длиной в четыре тысячи километров, исколесив всю Южную Америку. Всю жизнь не мог усидеть на одном месте, а в

одиннадцать лет сбежал из дома.

Во время учебы в университете Буэнос-Айреса Эрнесто не принимал участия в студенческих революционных выступлениях, не занимался политикой. Его больше интересовало лечение заболеваний верхних дыхательных путей и кожных болезней. Выучившись, он отказался от карьеры университетского ученого, решив посвятить себя работе практикующего врача. Увлеченный рассказами друзей о памятниках цивилизаций майя, заинтересовавшись революционными выступлениями в Гватемале, он уезжает в Гватемалу, где правит президент-социалист Арбенса. Но в 1954 году армия Армаса разгромила правительство Арбенса. Гевара был вынужден бежать из Гватемалы в Мексику, так как свирепый террор Армаса привел к гибели многих «леваков», с которыми он был связан.

Уже в Гватемале Эрнесто заводит дружбу с марксистами и социалистами, но отказывается вступать в Коммунистическую партию. Его подруга и будущая жена – марксистка Ильда Гадеа (перуанка по происхождению) – познакомила его со сподвижником Фиделя Кастро.

С Кастро Гевара знакомится в Мехико, где он живет с 1954 года, работает книготорговцем, фотографом, врачом в Центральном госпитале. Кастро приехал в Мексику в ореоле революционного героя, на его счету штурм казарм Монкада и несколько лет тюрьмы. Эрнесто примкнул к формирующемуся отряду Фиделя. Повстанцы Кастро отправились к берегам Кубы на шхуне «Гранма». Гевара сначала был только врачом, затем получил в свое распоряжение одну из бригад и был удостоен высшего звания – команданте. Среди ста повстанцев Эрнесто был единственным иностранцем. Во время высадки 25 ноября 1956 года в порту Туспан и продвижения в глубь Кубы повстанцы столкнулись с регулярными частями и из 100 бойцов в отряде осталось двадцать человек. Че был тяжело ранен. Но эти двадцать революционеров укрылись в лесистых горах Сьерра-Маэстры, и началась 25-месячная партизанская борьба против режима диктатора Батисты. Команданте Че проявил себя как смелый, решительный, талантливый командир. (Свое прозвище «Че» Гевара получил в отряде Фиделя за характерное восклицание в дружеской беседе.)

31 декабря 1958 года на Кубе революция победила, она сделала Че вторым человеком в революционном правительстве после Кастро. Че получил кубинское гражданство, возглавил Национальный институт по аграрной реформе, получил пост министра промышленности Кубы, руководителя комиссии по планированию, был избран президентом Национального банка

Кубы, его подпись появляется на денежных купюрах страны. В 1959–1961 годах Че возглавляет важные дипломатические миссии в Египет, Индию, Японию, Индонезию, Пакистан, Югославию, СССР, участвует в межамериканском экономическом совещании, заключает договор с Советским Союзом об экспорте сахара и импорте нефти.

Че мечтал возглавить мировое революционное движение. Он посетил Алжир и выступал там на конференции Организации Афро-Азиатской Солидарности, побывал на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, инициировал Конференцию партизанской кооперации в Азии, Африке и Латинской Америке.

В те годы Че пишет работу по теории и практике революции, в которой излагает теорию «партизанского очага» и революции в аграрных странах. Наиболее успешной революционной тактикой он считал синтез кубинского и вьетнамского типов партизанской борьбы. Свою теорию социализма он изложил в книге «Социализм и человек на Кубе». Он увидел в элите советского общества консерватизм и империализм, занял крайне агрессивную позицию во время Карибского кризиса. Че критически относился к тому, что в Восточной Европе Советская армия стала «гарантом» режимов народной демократии. Очевидно, что «независимость» Че привела к его конфликту с лидерами СССР.

В октябре 1965 года Че оставил все занимаемые им высокие государственные должности, отказался от кубинского гражданства, от звания команданте. В 1966 году он готовится к антиимпериалистическим выступлениям в Африке. Че вернулся на Кубу и, собрав отряд добровольцев в 120 человек, отправился с ними в Конго, чтобы помочь вернуться к власти соратникам убитого Патриса Лумумбы. Попытки организовать партизанскую войну в Конго против режима Мобуту силами кубинских добровольцев успеха не имели. Восемь месяцев воевал там Че во главе отряда чернокожих кубинцев, но поражение развеяло его иллюзии о «революционном потенциале Африки».

В апреле 1967 года Че во главе партизанского отряда из сорока человек нелегально проник на территорию Боливии, где, по его мнению, революция назрела. Сначала Че одержал несколько побед над правительственными войсками. Но его борьба не встретила широкой поддержки у народа Боливии. Крестьяне-индейцы вообще относились к белым как к чужакам, не оказала помощи и местная компартия. Последние полгода пребывания Че в Боливии его отряд преследовали неудачи. В октябре 1967-го он был окружен частями боливийской армии в районе деревни Вальегранде и полностью разгромлен. При попытке вырваться из окружения любовница Че Таня и

ближайшие соратники погибли, а сам Гевара был ранен и захвачен в плен. Пуля разбила затвор его карабина, в пистолете не осталось ни одного патрона. Че еле двигался от истощения и ранений. На следующий день, 9 октября, после допроса с применением зверских пыток Че был расстрелян. Тела шестерых его соратников погребли в общей могиле, сровняли ее с землей и залили асфальтом.

В доказательство, что погиб действительно Че, его тело выставили на всеобщее обозрение, с лица сняли восковую маску, отрубили кисти рук для идентификации отпечатков пальцев. Через некоторое время революционеры переправили на Кубу заспиртованные кисти рук Че – они станут предметом поклонения. Останки революционера найдут и доставят в Гавану, где пройдет торжественная церемония захоронения Че в мавзолее, у подножия которого Кастро зажжет Вечный огонь. Философ Жан Поль Сартр назвал Че «самым совершенным человеком нашего века», а незадолго до гибели Че Гевара в разговоре с друзьями сказал, что он «скромный кондотьер XX века».

КАДДАФИ МУАМАР

(род. в 1942 г.)

Лидер ливийской революции, автор «Зеленой книги», в которой сформулирована концепция «третьего пути» и «окончательное теоретическое решение человеческих проблем».

Муамар аль Каддафи появился на свет (со слов самого Каддафи) весной 1942 года в бедуинском шатре. Его семья принадлежала к племени аль-каддафа и кочевала в центральных районах Ливии, южнее города Сирт. Первым учителем, обучившим Муамара азам арабского языка, арифметики и Корана, стал факих – бродячий богослов, разъезжавший от кочевья к кочевью, чтобы наставлять на путь знаний бедуинских детей. Учитывая, что 90 % населения Ливии было неграмотным, отец Муамара, видимо, не был бедняком. Суровые условия кочевой жизни в пустыне воспитали у мальчика стойкость перед трудностями и неприхотливость в быту. Каддафи и сегодня остается аскетом – не курит, не употребляет алкоголь, не пьет чай и кофе, умерен в еде. Уже в детстве он проявил феноменальную память, выучив наизусть весь Коран. В 9 лет отец отдал его в школу в Сирте. Уже к концу года Муамар стал лучшим учеником

класса. Школьные годы Каддафи совпали с подъемом революционного и национально-освободительного движения в арабском мире. Его кумиром стал президент Египта Абдель Насер.

Королевская Ливия, с 1951 года формально независимая, контролировалась картелем из 9 англо-американских нефтяных компаний. На территории страны располагались английские и американские военные базы. Ливия занимала шестое место в мире по добыче нефти и была первой в списке Всемирной организации здравоохранения по заболеванию малярией, 22 тыс. ливийцев болели туберкулезом. Четверть населения кочевала, а итальянские колонисты осваивали плодородные земли. В стране были запрещены партии и профсоюзы. Все это привело к появлению оппозиционных групп и обществ. Одной такой группой еще в школьные годы руководил Каддафи.

В октябре 1961 года в Себхе прошла молодежная демонстрация, в конце которой с речью выступил ее организатор Муамар Каддафи. Он призвал к свержению короля Идриса аль Сенуси и ликвидации иностранных военных баз. Муамар был арестован, а затем выслан из города. Каддафи продолжил учебу в лицее в Мисурате и закончил его в 1963 году. Он усвоил урок первой демонстрации, и конспирация стала неотъемлемой частью всей его дальнейшей жизни. В 1963 году на встрече трех подпольных групп из Себхи, Триполи, Мисураты была создана нелегальная организация, состоявшая из 2 секций – военной и гражданской. Члены военной, которую возглавил Каддафи, уехали поступать в военный колледж в Бенгази. С первых дней учебы Муамар зарекомендовал себя самым примерным курсантом. Он нравился окружающим своим аскетизмом и дружелюбием. Одновременно с учебой в колледже Муамар более 2 лет по вечерам изучал историю в университете Бенгази. Самообразованием он будет заниматься всю жизнь, что для политиков вообще и для диктаторов в частности – явление почти аномальное. В 1964 году у селения Тельмейта, под Бенгази, состоялся первый съезд организации. Было придумано название «Организация свободных офицеров юнионистов-социалистов» и девиз «Свобода, социализм, единство» (лозунг Насера). Был избран ЦК и поставлены цели: свержение монархии, преодоление вековой отсталости, достижение подлинной независимости. Членам ЦК «во имя осуществления революционных идей» запрещалось играть в карты, пить вино, посещать увеселительные заведения, предписывалось строго соблюдать религиозные обряды. Позже, в целях конспирации, комитет был разделен на автономные группы. Состав групп и их задачи знал только

Каддафи, который практически стал единственным лидером организации.

В 1965 году он окончил колледж, стал офицером войск связи и был направлен в лагерь Тар Юнее под Бенгази. Июньская война 1967 года стала катализатором революции. Внутриполитическая обстановка в Ливии не устраивала всех, в том числе и англо-американскую правящую верхушку. Нужно было придать политическому устройству Ливии более цивилизованный и благопристойный вид. В 1969 году полковник Абдель Шелхи, брат советника короля, возглавил комитет по реорганизации королевской армии. Готовился военный переворот «сверху». «Свободные офицеры», уже имевшие достаточно сторонников и в армии, и среди гражданского населения, решили перехватить инициативу. План контрпереворота «Эль-Кудс» («Иерусалим») был готов, но сроки восстания трижды переносились. Каддафи и его сподвижники считали, что поспешность может привести к непредсказуемым последствиям. Учитывался и фактор присутствия англо-американских войск.

Летом 1969 года в армии началось перемещение офицерского состава. Каддафи получил предписание отправиться в Триполи. В августе стало известно, что король уезжает на лечение в Турцию (трудно было поверить, что Идрис был такого высокого мнения о турецкой медицине). Прошли слухи, что большую группу офицеров, в том числе и Каддафи, отправляют на стажировку за границу. Каддафи получил информацию, что Шелхи с группой старших офицеров собирается захватить власть и провозгласить парламентскую республику. Муамар срочно выехал в Бенгази, где находились генеральный штаб и основные военные структуры.

Ранним утром 1 сентября 1969 года отряды «Свободных офицеров» одновременно начали восстание в Бенгази, Триполи и других городах страны. Были захвачены почты, радиостанции, военные и административные учреждения, перекрыты подъезды к иностранным военным базам, блокированы лояльные режиму гарнизоны, арестованы высокопоставленные чиновники, руководство армией, члены правительства и наследный принц.

Руководил восстанием Совет революционного командования (СРК) из 12 офицеров во главе с Каддафи. Революция была бескровной и длилась несколько часов. Уже днем Каддафи выступил по радио с сообщением о свержении монархии и переходе власти к СРК. В течение нескольких недель численный и поименный состав Совета был тайной. Дипломаты, журналисты и представители деловых и военных кругов гадали, кто стоит за переворотом: русские, ЦРУ или насеристы. В это время новая власть укрепляла свои позиции.

Через две недели 27-летний капитан связи Муамар Каддафи был объявлен руководителем революции, председателем СРК и полковником. США и Англия пришли к выводу, что молодые провинциальные офицеры без опыта и поддержки очень скоро обратятся к ним за помощью, и спокойно ждали.

7 октября на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН представитель Ливии заявил о намерении ливийцев ликвидировать на своей земле все иностранные военные базы. Вслед за этим новое руководство Ливии информировало послов США и Англии о расторжении соответствующих договоров. Это был гром среди ясного неба. Таких дипломатических способностей от бедуинов не ждали. Инициатива была упущена, международная обстановка не располагала к решительным действиям, Лондон и Вашингтон приступили к выводу своих войск. Уже летом 1970 года были ликвидированы последние базы.

11 декабря 1969 года была обнародована Временная конституционная декларация. Ислам объявлялся государственной религией, одной из главных целей – построение социализма, основанного на «религии, морали и патриотизме». Каддафи был назначен главой Ливийской Арабской Республики. В течение года были национализированы земли и предприятия 20 тыс. итальянских колонистов, иностранные банки, страховые и нефтяные компании. Доходы от продажи нефти пошли на развитие страны, армии и социальные нужды. Началось крупномасштабное дорожное и жилищное строительство. Вводились оплачиваемые отпуска, выросла зарплата и пенсия. Идеи социального равенства увлекли Каддафи. Свою концепцию «третьего пути» он сформулировал в «Зеленой книге». По словам самого Каддафи, «Зеленая книга» представляет собой «окончательное теоретическое решение человеческих проблем» и должна стать евангелием современного мира.

По Каддафи, социалистическое общество Джамахирии («народовластие») должно базироваться на трех принципах. Первый: осуществление народными массами власти через народные собрания, где каждый участвует в принятии решений. Второй: народ обладает общественным богатством, которое рассматривается как собственность всех членов общества. Третий: передача народу оружия и обучение его применению с целью покончить с монополией армии на оружие. Эти принципы выражены в лозунге: «Власть, богатство и оружие – в руках народа».

Стремясь «благоустроить» свой дом, Каддафи уничтожил в Ливии коммунистов, исламистов, сторонников демократии. С

целью арабизации страны он национализировал иностранные банки и нефтяную промышленность, конфисковал собственность итальянской и еврейской общин. Для борьбы с оппозицией, основную массу которой составляли торговцы и средние предприниматели, «брат-полковник» придумал весьма оригинальный метод. Он решил резко сократить число богатых под предлогом того, что это сделают бедняки, которые в одну ночь могут уничтожить их имущество. С этой целью по указанию Каддафи в стране создали сотни «комитетов очищения». В их состав вошли наиболее преданные режиму офицеры. Перед комитетами была поставлена задача по «перегонке» личной собственности в общественную. Были арестованы сотни ювелиров, торговцев, государственных чиновников и владельцев нефтяных и финансовых компаний. Под шумок ликвидировали многих противников лидера, забравших в свои руки «много силы и власти» и, естественно, денег.

В 1977 году на чрезвычайной сессии в Себхе была принята Декларация, по которой Ливия стала Социалистической Народной Ливийской Джамахирией. Законодательство основывалось на Коране. Высшая власть сосредоточилась в руках Всеобщего народного конгресса. Каддафи оставил все посты, и теперь звался просто «брат – лидер ливийской революции». В 1992 году Каддафи на сессии ВНК объявил о переходе страны к «образцовой Джамахирии», т. е. к созданию 1,5 тыс. коммун, обладающих всей полнотой власти в своем округе, включая распределение бюджетных средств. Необходимость такой реформы Каддафи объяснил тем, что прежняя система не смогла обеспечить «подлинного народовластия». Очевидно, новации в этом направлении будут продолжены.

Во внешней политике режим Каддафи поддерживал Сирию и Египет в войне с Израилем в 1973 году и стал инициатором арабской нефтяной блокады Запада. В 1975 году Каддафи принял делегацию СССР во главе с А. Н. Косыгиным, после чего в Ливию хлынул поток советских специалистов и оружия. В том же году на ливийского лидера было совершенно два неудачных покушения (как и в 1969–1970 гг.).

Изменилось отношение Каддафи к исламу. Если до «Зеленой книги» ислам был идейным источником революции, то к лету 1979 года, в третьей части книги, Каддафи объявил движущей силой истории сам революционный процесс, а ислам должен соответствовать ситуации. Против этих новаций выступила часть мусульманского духовенства, обвинив Каддафи в «отступлении от положений Корана». «Брат-полковник» отреагировал мгновенно. «Хранителям чистоты ислама» Каддафи устроил по телевидению

публичный экзамен на знание Корана. Богословы не смогли ответить на вопросы и были скомпрометированы в глазах верующих. Каддафи лишил некоторых из них права вести религиозную службу. Позже Муамар объявил себя «мессией арабского мира, продолжателем дела и Пророка Мухаммеда, и Иисуса, и Моисея». Широта взглядов Каддафи сформировалась, видимо, в результате осознания неспособности арабского мира консолидироваться против империализма и Израиля, а также благодаря его коммуникабельности. Несмотря на постоянные заговоры и покушения, Каддафи много перемещается по миру. «Брат-полковник» встречался с Ф. Кастро, Тито, И. Ганди, Ким Ир Сеном, охотился с Чаушеску. Три раза был в СССР и встречался с Л. И. Брежневым и М. С. Горбачевым. Каддафи выступал в ООН против апартеида, в защиту индейцев США.

На территории Ливии проходили подготовку все известные экстремистские организации. Соответственно и связи Каддафи в этих кругах немалые. Он сыграл ключевую роль в освобождении заложников из рук талибов. Каддафи осудил теракт 11 сентября в США и посадил в тюрьму членов «Аль Каиды», находившихся в Ливии. Он поддерживает Россию в борьбе с чеченским сепаратизмом и осудил захват заложников «Норд-Оста».

Каддафи объявил войну коррупции. Была введена смертная казнь, заморожены лицевые счета, 2 тысячи чиновников из правительства, армии и госаппарата, а также торговцев и подрядчиков были арестованы. Их имущество конфисковано, а сами они расстреляны или посажены в тюрьмы.

В конце 80-х годов Каддафи провел либерализацию экономики, разрешил мелкий и средний бизнес. Половину из 11 млрд ежегодных нефтедолларов Ливия тратит на социальные программы. В стране бесплатная медицина и все образование. По среднегодовому доходу на душу населения Ливия обошла даже Великобританию. Призывы «брата-полковника» к скромности в быту ливийцы, похоже, игнорируют. Стало модным отдыхать с комфортом, выезжать семьями на пикники к морю или в лес. Имея хороший достаток, ливийцы философски относятся ко всем начинаниям Каддафи. Сам «брат-полковник» остается аскетом. Злые языки говорят, что он большой охотник до женщин, но Каддафи всегда «довольствовался только одной женой». Первый его брак был неудачным. Каддафи женился на Фатиме – дочери генерала Халида, приближенного короля Идриса. После переворота он сразу же развелся, оставив себе сына, который сейчас работает инженером. Через два месяца Муамар женился на Сафие – медсестре из военного госпиталя. Сейчас у них пять сыновей и дочь Айша. Из увлечений Каддафи известны его

страсть к оружию и средствам спецсвязи и особая, известная всему миру страсть к переодеваниям, преимущественно к военным мундирам и черным очкам. Очень похоже, что своего сына Сейф уль Ислама («Меч ислама») Каддафи готовит себе в преемники.

ВАЛЕНСА ЛЕХ МИХАЛ

(р. в 1943 г.)

Польский революционер, создатель профсоюза «Солидарность», президент Польши в 1990–1995 гг.

Лех Валенса родился в деревне Попово под Варшавой в семье плотника Болеслава Валенсы. В семье было еще 8 детей, и когда в 1946 году отец умер от ран, полученных в немецком лагере, семья оказалась на грани нищеты. Лешек получил начальное образование в приходской школе, специальность электрика – в профессиональном училище. Прослужив два года в армии, Валенса в 1967 году устроился электриком на судоверфь имени Ленина в Гданьском порту. В 1970 году в ответ на повышение цен на продукты питания в Гданьске рабочие судоверфи начали забастовку и демонстрацию протеста. Валенса, входивший в «Комитет действий», возглавил забастовку рабочих. Четырехдневное выступление рабочих усмиряли войска, они стреляли в народ. В результате этих волнений секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Гомулка был смещен со своего поста, а польское правительство пошло на некоторые уступки рабочим.

В середине 1970-х разразился кризис в польской экономике,

цены вновь взлетели. В Гданьске забастовали рабочие судоверфи, и Валенса присоединился к протестующим, за что в 1976 году был уволен. Вскоре он вступил в «Комитет общественной самообороны» – диссидентскую группу, стал одним из лидеров польского рабочего движения, издавал нелегальную газету «Рабочий побережья». Программными требованиями Валенсы были: требование права рабочих на создание независимых профсоюзов, на забастовку, прибавки к зарплате.

Во второй половине 1970-х Валенса подвергался неоднократным арестам, его не принимали на работу даже простым электриком, он перебивался случайными заработками. В 1979 году Валенса основал нелегальный «Балтийский свободный профсоюз» рабочих Польского Поморья. Совместно с другими лидерами рабочего движения Валенса подписал Великую Хартию прав рабочих.

Повышение цен на мясо летом 1980 года вызвало протесты в городах и, прежде всего, среди рабочих. Эти волнения совпали с датой десятилетия кровавых событий в Гданьске, когда были расстреляны бастующие рабочие. В июле 1980-го рабочие захватили судоверфь имени Ленина и потребовали восстановления на работе всех независимых профсоюзных активистов, в том числе и Валенсы. Валенса возглавил рабочий стачечный комитет Гданьска, стал признанным лидером польских рабочих. Он не хотел провоцировать власти на насилие и, чтобы не возбуждать инсургентов[4], запретил продажу спиртного в бастующих районах. Рабочие украсили судоверфи польскими флагами, портретами папы Иоанна Павла II и цветочными гирляндами, заявив, что они против насилия и свержения режима.

Правительство, испугавшись всепольского выступления рабочих, пошло на переговоры с бастующими. 31 августа 1980 года Валенса и заместитель премьер-министра Польши подписали Гданьское соглашение, по которому рабочие обретали право на независимые профсоюзы, на забастовку, на прибавку к зарплате. Политические требования Валенсы и инсургентов также были выполнены – профсоюзы и церковь получили доступ к средствам массовой информации, а политические заключенные – свободу. Независимым профсоюзам пришлось признать главенство Коммунистической партии Польши, контроль СССР.

В конце 1980 года Верховный суд Польши подтвердил право профсоюзов зарегистрироваться в качестве общенационального объединения «Солидарность». Валенса – председатель национальной комиссии «Солидарности». Он еще придерживается умеренной политики, готов к компромиссам с властными

структурами. Валенса подчеркивал свою приверженность католической церкви, ежедневно посещал костел, ведь он, пусть дальний, родственник Папы Римского. Католическая церковь Польши способствовала формированию его ненасильственной концепции и поддерживала Валенсу.

Польская революция развивалась: стачки, бойкоты, вооруженные действия стали обычным явлением для Польши 1980–1981 годов. В марте 1981 года 13 миллионов польских рабочих начали четырехчасовую забастовку. Постепенно в ряду экономических и социальных требований появились требования и политические. На I съезде «Солидарности» делегаты высказывались за свободные выборы в Польше. Валенса был избран председателем «Солидарности». Он интуитивно угадывал, чего ждет от него толпа, недруги о нем говорили, что инстинкт у Валенсы превышает интеллект, что он – самоучка, не подготовлен к решению общенациональных проблем. Но Валенса начала 1980-х годов показал себя лидером, умеющим принимать твердые решения, диктовать свою волю другим. Для него характерна быстрота реакции, отсутствие колебаний, стремление блеснуть, в то же самое время – трезвость, реализм, чувство меры и чувство юмора. Он не жаждет крови коммунистов, готов на компромисс.

В декабре 1981 года рабочие профсоюзные радикалы в Гданьске потребовали провести референдум о будущем коммунистического правительства Польши и о пересмотре политических связей Польши с Советским Союзом. Валенса был против радикальных выступлений, но он уже не мог противостоять стихии. Польша оказалась на шаг от гражданской войны, в которой правительство Польши поддержал бы всей своей мощью СССР. Во второй половине 1981 года в Польше царил экономический и политический хаос. Валенса предчувствовал неминуемость конфронтации, это вынуждало его занять более жесткую позицию.

13 декабря 1981 года правительство Польши ввело в стране военное положение. Генерал Ярузельский – министр обороны, премьер-министр, лидер Коммунистической партии Польши – стал военным диктатором. Он запретил и разгромил «Солидарность», арестовал всех профсоюзных и политических лидеров, ввел войска в города, на судоверфи и заводы. Валенса, выступая против действий Ярузельского, утверждал, что «Гданьское соглашение» – это Великая Хартия прав рабочих, которую никто не имеет права отменить.

Лидер «Солидарности» знал о готовящемся аресте, но отказался бежать. Его поместили в особняке, позже перевели в правительственный охотничий домик в Алармове, отрезанный от

мира глухим лесом. Около года Валенса находился под арестом. В это время страны Запада развернули широкомасштабную кампанию в поддержку и защиту его и профсоюзного движения в Польше.

После своего освобождения Валенса был удостоен Нобелевской премии мира 1983 года, его признали «…примером для всех, кто борется за свободу и человечность». Но сам Валенса не поехал в Осло на процедуру вручения премии, он опасался, что власти не позволят ему вернуться в Польшу. Его жена получала премию за мужа, а нобелевскую лекцию Валенсы огласил один из лидеров «Солидарности» – Б. Цивиньски. В этой лекции Валенса заявлял о готовности к компромиссам и диалогу. Подпольная деятельность «Солидарности» продолжалась, грозя новой революцией.

Постепенно «Солидарность» возрождалась, хотя все еще находилась в подполье. Создавались нелегальные типографии, выходили тысячи газет, листовок, книг. Возник особый мир с собственной этикой и стилем жизни – «конспира», в котором Валенса играл роль вождя. В январе 1986 года власти предъявили Валенсе обвинение в клевете на организаторов выборов 1985 года, якобы фальсифицировавших результаты. Ему грозило тюремное заключение, но вскоре эти обвинения были сняты – в СССР началась перестройка, и этот процесс не могли игнорировать власти, которым пришлось уже самим искать компромисс с Валенсой. Власти предоставили ему шестикомнатную квартиру, постоянную работу, хорошую зарплату, но приставили соглядатаев.

Перестройка в СССР обусловила глобальные изменения в мире. В 1988 году Польшу вновь затопили волны рабочих беспорядков, в январе 1989 года «Солидарность» легализировалась. Валенса впервые появился на телеэкранах и в словесной дуэли с председателем официальных профсоюзов Медовичем за 42 минуты превратился в самого популярного политика Польши.

В 1989 году Валенса выиграл переговоры с властью за «круглым столом», которые закончились соглашением о проведении свободных парламентских выборов. 4 июня 1989 года «Солидарность» одержала неслыханную победу, набрав в Сейме 99 голосов из 100. В августе Валенса создает коалиционное правительство с «Солидарностью» во главе, а в сентябре 1989 года в Польше был избран новый премьер, некоммунист, бывший советник Валенсы Т. Мазовецкий, который дистанцировался от Валенсы. Валенса же остался председателем двухмиллионного профсоюза. СССР потерял Польшу, для местных коммунистов

начались «трудные времена».

Для усыпления бдительности СССР в Польше был создан пост президента, который контролировал силовые министерства. Президентом стал первый секретарь ПОРП Ярузельский. На Валенсу тогда работал весь интеллектуальный потенциал оппозиции – работал и Запад: в Гданьск наносили визиты Маргарет Тэтчер и Джордж Буш. Валенсу триумфально встречал Париж. Нобелевская премия мира, речь в американском Конгрессе – все это работало на имидж Валенсы. В 1990 году он создал партию «Соглашение центристских сил» и начал президентскую избирательную кампанию. 9 декабря 1990 года Валенса победил на президентских выборах, за него было отдано 75 % голосов избирателей. Президентские регалии он принял из рук бывшего президента буржуазной Польши, жившего в эмиграции с начала Второй мировой войны.

Но его президентство было омрачено экономическим кризисом в стране, это породило кризис доверия к Валенсе как к организатору «шоковой терапии». Защитником поляков объявила себя партия Социал-демократии Республики Польша во главе с Квасьневским. В 1993 году СДРП вместе с «левыми» образовала крупную парламентскую фракцию – «Союз демократических левых сил» и одержала победу на выборах в Сейм. Однако в декабре 1995 года Валенса проиграл на президентских выборах Александру Квасьневскому. Он вновь поселился в Гданьске и объявил всем, что возвращается работать электриком на родную судоверфь. Но Валенса не ушел из большой политики, он выставил свою кандидатуру на выборах президента Польши в 2000 году. Его ждал оглушительный провал – менее 1 % голосов избирателей.

В конце 2004 года Валенса приехал на революционный киевский Майдан, чтобы еще раз поучаствовать в революции, поддержать украинскую демократию и предотвратить возможное кровопролитие. Валенса и сейчас остается в числе самых влиятельных политиков Польши.

Знаменитые анархисты

Анархизм (от греч. *anarchía* — безначалие, безвластие) – общественно-политическое учение, основными принципами которого являются отрицание государства и всякой власти, а также требование освобождения личности от всех форм политической, экономической и духовной зависимости.

ДИОГЕН СИНОПСКИЙ

(род. ок. 408 г. – ум. в 323 г. до н. э.)

Древнегреческий философ, лидер философской школы, которая впервые выразила идеи анархо-индивидуализма.

Диоген родился в богатом городе Синопе на южном берегу Черного моря, примерно в 408 году до нашей эры, в зажиточной греческой семье. О жизни философа до нас дошло крайне мало сведений, да и те, что имеются, больше похожи на исторические анекдоты. Известно, что отец Диогена держал меняльную лавку, а сам Диоген – чеканную мастерскую. Отец Диогена привлек сына к изготовлению фальшивых монет, но сомневающийся в правильности «скользкого» пути Диоген отправился в Дельфы, где бог Аполлон устами местного оракула посоветовал ему «сделать переоценку ценностей». Этот совет Диоген понял буквально, продолжал подделывать монеты, попался и был осужден вместе с отцом. Отбыв наказание, Диоген был изгнан из Синопа и направился в Афины изучать философию. По пути туда он отпустил на свободу своего единственного раба. Диоген прибыл в Афины примерно в 380 году до нашей эры, когда Афины были центром философии. Там он познакомился с самыми знаменитыми философами Греции: Платоном, Демосфеном,

Евклидом, а вскоре, когда Греция оказалась под властью македонских царей, с царями Филиппом и Александром. Но Платона Диоген считал болтуном…

Диоген стал самым знаменитым учеником основателя школы кинизма Антисфена, который восхищался отточенной речью молодого философа. Название «киник» (от греч. *кион* — собака) возникло от названия школы Антисфена, располагавшейся в гимназии Киносарг. Антисфен признавал не государство вообще, но только государство, состоящее из хороших людей: «государства погибают тогда, когда не могут более отличать хороших людей от дурных», и рекомендовал афинянам постановить, что все ослы суть лошади. Кинизм отрицал рабовладельческое общество, государство, законы, стереотипы поведения, мораль, идеологию… Кинизм стал не только философской школой, но и образом жизни, линией поведения.

После смерти Антисфена Диоген творчески развил и радикализировал взгляды школы киников и вскоре даже критиковал своего учителя за излишнюю мягкость, сравнивая его с трубой, потому что хотя она громко звучит, но себя не слышит. Работы, приписываемые Диогену и дошедшие до наших дней, созданы не им, а его последователями, и состоят из анекдотов и легенд о самом Диогене. Однако в Древней Греции считалось, что Диоген – автор 14 философских сочинений (в том числе «О добродетели», «О добре») и нескольких трагедий.

Во время своих бесконечных странствий Диоген у острова Эгина был захвачен пиратами и на Крите продан в рабство. На вопрос работорговца, что он умеет делать, Диоген ответил: «Править людьми» и, показав на одного из покупателей, добавил: «Продай меня этому человеку. Он нуждается в господине». Его купил богатый житель города Коринфа, который сделал Диогена наставником своих детей и поручил управлять своим хозяйством. Позже хозяин Диогена так характеризовал своего раба: «В моем доме поселился добрый гений». Через некоторое время друзья Диогена выкупили его из рабства, за что тот назвал их глупцами.

Считается, что Диоген дожил до глубокой старости, возможно, до 90 лет, и умер в один день с царем Александром Македонским. Согласно легенде, Диоген покончил с собой, нарочно задержав дыхание. В Коринфе, где умер философ, на его могиле горожанами была воздвигнута мраморная колонна, увенчанная фигурой собаки, ведь при жизни Диогена прозвали «собакой», или «сумасшедшим Сократом».

Когда Диогена спрашивали, почему его зовут «собакой», он отвечал так: «Потому что тем, кто мне подает, я виляю хвостом, тех, кто отказывает, облаиваю, а прочих – кусаю».

Диоген проповедовал аскетизм, презирал роскошь, довольствовался рваной одеждой, ел самую простую пищу, не имел семьи, жил в огромной винной глиняной бочке, которую выкатил на одну из афинских площадей. Для потомков он так и остался философом-резонером «из бочки». Часто Диоген поражал людей своей прямолинейностью и грубостью, вел себя как маргинальный субъект, эпатирующий аудиторию из потребности обратить внимание на несовершенство общества. В знак протеста против морали и традиций он публично отправлял физиологические и сексуальные потребности.

Диоген утверждал примат добродетели перед законами государства и общества, отвергал веру в богов, установленных религиозными институтами, считал цивилизацию изобретением лживых демагогов. Он был убежден в относительности общепринятых норм морали, относительности авторитетов, презирал политиков и философов, искал «днем с огнем» на городских улицах честного человека. Его философия легла в основу анархо-индивидуализма Макса Штирнера.

В то же время Диоген проповедовал свой идеал жизни: жить в согласии с природой, аскетическое воздержание во всем, что касается телесных потребностей. Он обличал сексуальную невоздержаность (подростковую и женскую проституцию), но сам был известен афинским обывателям как «бесстыдник», склонный к различным непристойностям, чем показывал свое презрение к нормам и законам общественной жизни. Диоген проповедовал общность жен и детей, выступая против святости семьи и брака, посещал «подозрительные» места. Он пропагандировал «переоценку ценностей», отказ от традиционных ценностей цивилизации, призывал обратиться к природе. Считалось, что как философ он «работает» на грани и за гранью дозволенного. Он высмеивал власть и богатство, законы государства и общества, обличал условности, права собственности и морали.

На вопрос Филиппа Македонского, чем он занимается, Диоген ответил: «Слежу за твоей ненасытностью». Презрение к власти и славе отразилось в знаменитой беседе Диогена с Александром Македонским, когда на слова царя мира «Проси у меня, чего хочешь!» последовал ответ Диогена: «Не загораживай мне солнца!» Александр, в восторге от мудрости Диогена, однажды заявил: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». Диоген утверждал, что философия подготовила его к любым ударам судьбы, и более всего ценил в жизни «свободу высказываться». Утверждая бессистемность взглядов, он призывал жить настоящим днем.

Хотя Диоген родился в Великой Греции и был по рождению и

воспитанию греком, он называл себя гражданином не государства-полиса, а всего мира-космоса – «космополитом» (впоследствии этот термин Диогена широко использовала философская школа стоиков).

Диоген был равнодушен к славе, заявляя: «Демагоги – это прислужники толпы, а венки – прыщи славы». Свое кредо Диоген Синопский высказал так: «…справедливость дает душе несравненный покой. Жить, никого не боясь, никого не стыдясь, – это доставляет радость и делает жизнь полной. Тот, у кого справедливость в душе, не только многим приносит пользу, но больше всего самому себе…» Диоген Синопский говорил, что «судьбе он противопоставляет мужество, закону – природу, страстям – разум». Когда кто-то привел его в роскошное жилище и не позволил плевать, он, откашлявшись, плюнул в лицо спутнику, заявив, «что не нашел места хуже».

Однажды, прогуливаясь по городу, Диоген закричал: «Эй, люди!» – но когда народ сбежался, напустился на них с палкой, приговаривая: «Я звал людей, а не мерзавцев!» После окончания театрального представления, когда зрители выходили из театра, Диоген стал пробираться в театр, а на вопрос, зачем он это делает, ответил: «Именно так я и стараюсь поступать всю свою жизнь». Он завтракал на площади, рассуждая: «Если завтракать прилично, то прилично и завтракать на площади; но завтракать прилично, следовательно, прилично и завтракать на площади».

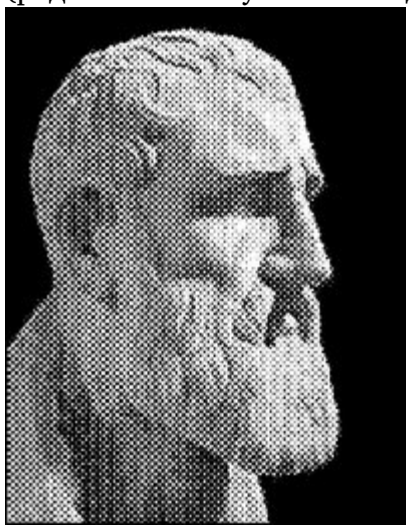
На вопрос о том, что в людях самое хорошее, Диоген ответил: «Свобода речи». Он считал, что добродетель достигается посредством разума, но прежде всего – трудом (*ponos*) и упражнением (*askesis*). Добродетель ведет к самодостаточности (*autarkeia*), дает свободу и независимость от страстей и внешнего мира. Взгляды Диогена повлияли на формирование взглядов стоиков, их проповедовал Кратер, который был учителем Зенона Критионского, основателя стоической школы.

Философская школа киников просуществовала в Римской империи до начала VI века нашей эры, она критиковала рабовладельческий и раннефеодальный строй. Во II веке нашей эры киническая философия вновь стала модной. Киники критиковали идею государственности и любые авторитеты, выражая настроения социальных низов и части «богемы» того времени.

Диоген, презирающий власть, государство и частную собственность, стал предтечей нигилизма и, возможно, первым мыслителем-анархистом.

ЗЕНОН ИЗ КРИТИОНА

(род. ок. 333 г. – ум. в 262 г. до н. э.)



Основатель философского направления стоицизма и идеологии анархизма.

Зенон родился в греческой семье в городе Критионе на Кипре. В юности он переселился в Афины, чтобы посвятить себя философии. Он стал учиться премудростям философии у киника Кратера, у философа мегарской школы Стилпона, у руководителя платоновской Академии Полемона. Примерно в 308–300 годах до нашей эры Зенон основал в Афинах школу стоицизма. Стоицизм получил свое название от здания, где находилась эта школа. «Стое» – портик-колоннада, украшенная фресками. Произведения Зенона дошли до нас только в отрывках-пересказах других философов.

Зенон и другие стоики сравнивали философию то с телом, то с садом, то с яйцом. Так, сравнивая философию с яйцом, они говорили, что желток – это этика, белок – физика, скорлупа – логика. Сравнивая же ее с телом, они полагали, что жилы и кости соответствуют логике, мясо – этике, душа – физике. Все блага стоики делили на четыре добродетели: благоразумие, умеренность, справедливость, мужество. Зло же – это пороки,

которые противоположны добродетели: неразумие, необузданность, несправедливость, трусость. Между добродетелями и пороками находится все то, что от нас не зависит, т. е. безразличные вещи, а именно: жизнь и смерть, слава и бесславие, труд и наслаждение, богатство и бедность, болезнь и здоровье. Все люди или добродетельны, или порочны, мудрецы или глупцы. Мудрец обладает всеми добродетелями, он счастлив и свободен, глупец же порочен и жалок.

Для стоицизма бесстрастие (атараксия) – путь к блаженству, поэтому они первыми разработали теорию страстей. Страсти делились на положительные и отрицательные. Положительные – радость, осторожность, воля. Отрицательные – печаль, страх, вожделение, наслаждение. Стоики отрицали как позиции крайних гедонистов (киренаиков), так и позиции умеренных гедонистов (эпикурейцев), считая, что человек стремится не к удовольствию, а к самосохранению, которое возможно только в согласии с природой. Позиция стоиков заключалась в том, чтобы бороться со страстями и противопоставлять негативным эмоциям положительные, например, страху – предусмотрительность, вожделению – волю. Хотя стоики не пренебрегали нравственными и физическими ценностями, но рассматривали их как чувства животные, которые не заслуживают человеческого отношения. Главное в этике стоиков – утверждение, что обстоятельства нашей жизни от нас не зависят, зависит же от нас лишь наше отношение к этим вещам. Они говорили о свободе как об осознанной необходимости. Отсюда и проповедь пассивности, при которой человек примиряется со всем происходящим вокруг. Стоики не отрицали социальных ценностей, несмотря на свою автаркию (отрешенность). Они признавали важность таких социальных институтов, как семья, государство и т. д. Более того, они призывали к социальному единству, считая, что люди по своей природе одинаковы и должны преодолеть все те барьеры, которые их разъединяют, прийти к своего рода космическому братству, космополитизму.

По Зенону, «Космос – огромное государство с единым государственным устройством и одним законом. Естественный разум предписывает, что следует делать, и запрещает то, что делать не следует». Зенон предлагает установить чисто анархистские обычаи: общность жен и отмену денег. В своем труде «О государстве» он критикует государство и призывает создать общество анархии и перейти к закону, общему для всех народов, основанному на нравственности и всеобщем благе. Современные теоретики анархизма считают Зенона основоположником анархизма.

Зенон из Китиона жил в эпоху духовного кризиса древнегреческого общества, наступившего после распада империи Александра Македонского. Основатель стоицизма дожил до преклонного возраста, окруженный многочисленными учениками. По некоторым источникам, он покончил самоубийством, отказавшись от пищи, то есть попросту уморил себя голодом.

ГОДВИН ВИЛЬЯМ

(род. в 1756 г. – ум. в 1836 г.)

Английский писатель, оказавший значительное влияние на формирование анархизма.

Сын провинциального пастора Вильям Годвин родился 3 марта 1756 года в Англии недалеко от Кембриджа. Его отец, Джон Годвин, был священником независимой церкви кальвинистов, мать происходила из богатой семьи судовладельцев. Семья Годвин постоянно переезжала с места на место, так как ее главу назначали в новые приходы.

Вильяма Годвина готовили к духовной карьере, он получил суровое воспитание в духе кальвинизма. Некоторое время Вильям был единственным студентом преподобного Сэмюэля Ньютона. Однако, еще обучаясь в кальвинистском колледже, Годвин обнаружил, что равнодушен к теологии, что его интересуют общественно-политические проблемы. По окончании колледжа он недолгое время был пастором и учителем в провинции. В 1779 и в 1782 годах Вильям пытается осесть в Лондона, но из-за отсутствия средств вынужден уехать в провинциальный Суффолк. В 1781 году чтение работ французских философов-просветителей способствовало тому, что Вильям склонился к деизму.

Годвин стал известен в 1780–1790 годах как основатель школы английских социальных романистов. В 1783 году он анонимно издает роман «Жизнь Чатема» и начинает зарабатывать на жизнь писательским трудом. Тогда же Вильям пытается открыть семинарию для двенадцати учеников в Эпсоме, но терпит неудачу.

В 1783 году Годвин порвал с церковью и, переехав в Лондон, стал идейным вождем кружка интеллигентов. Он сыграл важную роль в радикальном движении в Англии в эпоху Великой французской революции. Многие понятия, выражения, термины, ставшие неотъемлемой частью политической азбуки, впервые четко сформировал и популяризировал именно Годвин. В 1784–1785 годах он печатается в журнале «Обозрение», готовит материалы для «Нового ежегодного регистра».

Члены кружка Годвина следили за французскими революционными событиями, участвовали в английском революционном движении. В трактате «Исследование о политической справедливости» и в романе «Калеб Вильямс, или Вещи как они есть» Годвин рассматривает проблемы социального неравенства и возможности установления «справедливой» анархии. Трактат стал предметом особого правительственного заседания, но не был изъят из обращения.

Взгляды Годвина напоминают теории анархо-коммунистов начала XX века. Годвин отвергает существующий общественный порядок как источник зла на земле. Государство с его законами он считает организацией угнетения одной части человечества ради благоденствия другой, собственность – источником роскоши и пресыщения, нищеты и голода, пороков и преступлений. Годвин утверждает, что государство толкает человечество к вырождению, а порочное буржуазное общество, основанное на частной собственности, ведет к непрерывной войне богатых против бедных.

Годвин верил в способность человечества к безграничному самосовершенствованию, рассматривал религию только как средство порабощения. Причину всех зол он видит в незнании истины, открыв которую, человечество станет свободным и счастливым. Годвин верил, что в будущем монархи и аристократия будут ликвидированы, исчезнут собственность, неравенство, поводы к войнам. Однако путь к этому светлому будущему Годвин не «вымостил» революциями и насилием. Он пропагандировал «разумно» организованный быт, который может перевоспитать человека морально и физически. Чернышевский писал: «Годвин – один из моих любимых писателей» и высоко ценил его «романы без любви».

В 1794 году Годвин выпустил смелый памфлет в защиту 12 арестованных членов «Corresponding Society», что способствовало их освобождению. В романе «Флитвуд» он воспроизвел картину «звериного» капиталистического быта использования рабского труда детей на фабрике, а в романе «Сэнт-Леон» описал жизнь в Средневековье. В 1795 году с наступлением реакции в Англии Годвин общается лишь с узким кругом последователей и друзей. Консервативная пресса обвиняла его в нигилизме, атеизме, безнравственности. В 1805 году он основывает первую детскую библиотеку в Англии и пишет свой последний труд «Мысли о Человеке».

Материальная нужда заставляет Годвина забросить и общественную жизнь, и литературу. Только в 1831 году, за 5 лет до смерти, он получил от нового парламента должность Йоменского швейцара казны с ежегодной высокой зарплатой и встретил старость обеспеченным человеком.

ШТИРНЕР МАКС

Настоящее имя – Шмидт Йоганн Каспар
(род. в 1806 г. – ум. в 1856 г.)

Выдающийся немецкий мыслитель-идеалист, создатель теории анархизмо-индивидуализма

Йоганн Шмидт (будущий Макс Штирнер) родился в немецком городке Байрейт 25 октября 1806 года в семье среднего достатка и был единственным ребенком. Отец Йоганна был мастером духовых инструментов. Спустя полгода после рождения сына отец умер от чахотки, и в 1809 году мать вступила в повторный брак с фармацевтом из Западной Пруссии, куда вскоре семья переехала.

В 1826 году, по окончании престижной гимназии, Шмидт поступил в Берлинский университет на философский факультет. Он слушает лекции Гегеля, Риттера, Шлейермахера. Вскоре он переходит на факультет классической филологии. Весной 1834 года, закончив университет, получает диплом и становится преподавателем Берлинского Королевского реального училища. В 1837 году Шмидт женился на Агнес Батзе, дочери домовладельца, но через год Агнес умирает во время родов. В 1839–1844 годах он преподает литературу в Школе благородных девиц в Берлине.

Осенью 1840 года Шмидт начинает посещать берлинскую

пивную Гиппеля, где собирается оппозиционно настроенная молодежь «Вольной группы». Среди завсегдатаев заведения лидеры «вольных» – братья Бауэры, Фридрих Энгельс и Карл Маркс. Лидером неформального кружка «вольных» был уже хорошо известный философ Бруно Бауэр. Для Шмидта наступила жизнь, полная горячих споров и надежд – он присоединился к «Вольной группе» молодых интеллектуалов младогегельянцев, начал писать философские труды, поражающие своей оригинальностью даже искушенных в философии интеллектуалов. С первых шагов своей журналистской и общественной деятельности Шмидт заявляет о себе как об индивидуалисте-нигилисте. «Что толку овцам в том, что никто не ограничивает их свободу слова, до последнего своего дня они будут только блеять», – отвечал Шмидт на претензии своих коллег по кружку «вольных». Он бичевал демократию и либерализм как истинный анархист. За высокий лоб и мудрые слова Йоганна Шмидта прозвали Лбом (по-немецки – «штирн»), а вскоре он взял себе псевдоним Штирнер – «лобастый».

Уже в 1842 году он напечатал статьи «Ложный принцип нашего образования» и «Искусство и религия» в известной своей радикальностью «Рейнской газете» и «Лейпцигской всеобщей газете». В конце 1844 года выходит труд всей его жизни «Единственный и Его собственность», в котором он развил теорию анархизма. Однако Штирнер называл себя не анархистом, а «персоналистом». Ведь он утверждал, что человек должен искать не социальную, а свою собственную свободу, поскольку за каждым социальным образованием скрываются только эгоистические интересы. Книга Штирнера попала на прилавки благодаря тому, что саксонский цензурный комитет счел сочинение результатом расстроенного ума автора. Эта книга сделала Штирнера знаменитым. Он бросает преподавательскую работу, пытается основать коммерческое предприятие на деньги, унаследованные его второй женой – Мери Дэнхардт. Но его предприятие прогорает, что приводит к серьезным финансовым затруднениям и разводу с женой в 1846 году. С того времени Штирнер живет в бедности и постоянно скрывается от кредиторов.

В 1847 году он первый переводит с английского на немецкий язык и издает книгу Адама Смита «Богатство наций», пишет несколько эссе. Впоследствии Штирнер берется за перевод книги Жана-Батиста Сея «Руководство к практической экономии», но этот труд остался незаконченным… Во время революции 1848 года в Германии Штирнер не разделяет леворадикальных восторгов и сознательно не участвует в революции. Он не вступил

ни в один из тайных революционных союзов, куда записалось большинство его друзей. Маркс и Энгельс в одной из своих первых книг «Немецкая идеология» раскритиковали книгу Штирнера «Единственный и Его собственность». Фейербах опубликовал критическую заметку о труде Штирнера. Сам Штирнер резко выступал против коммунизма, Маркса и революционной борьбы пролетариата. В то же время его идеология оказала огромное влияние на Бакунина и Ницше.

Последняя книга Штирнера «История реакции» была издана в 1852 году, но осталась незамеченной общественностью. В ней автор с восторгом пишет о революции 1848 года как о возмездии, обрушившимся на головы буржуазии, и в то же время с юмором отзывается об участниках восстания, купившихся на очередную ложь. Штирнер считал, что восстание «Единственного» имеет мало общего с революцией масс, которые восстанавливают в новом виде то, что они первоначально разрушили.

В марте 1853-го и в январе 1854 года Штирнер дважды оказывается в долговой тюрьме. В 1855 году после смерти матери он получает небольшое наследство, что дает ему возможность выбраться из нужды. Он посещает модный салон баронессы Ван дер Гольз, где блистает «радикальными суждениями». В мае 1856 года Штирнер «подцепил» смертельную лихорадку: его укусила ядовитая тропическая муха, неизвестно как залетевшая в Европу. Он скончался в июне 1856 года в безвестности и нищете. Современники отказывались всерьез воспринимать «Единственного», считая, что тексты Штирнера – «интеллектуальная пародия на бауэровский культ критики или изощренная провокация тогдашних саксонских ведомств, призванная гипертрофировать и довести до абсурда негативную диалектику Фейербаха». Но в конце XIX века Штирнер уже считался пророком «левого нигилизма». Его философия была заново открыта в 1890-х годах ницшеанцем-анархистом Генри Маккаем.

Единственная реальность, по Штирнеру, – это «Я», эгоист, весь мир – его собственность. Понятия морали, права, закона общества Штирнером отбрасываются и объявляются «призраками» – отчужденными формами индивидуального сознания. Долг и общественное мнение, по Штирнеру, призваны «загипнотизировать» людей и минимизировать протест одиночек. Штирнер считает, что тотальным отрицанием он очищает индивидуальное сознание от «стеснительной шелухи», и объявляет, что каждый человек является сам для себя источником морали и права. «Библией» индивидуалиста должен стать принцип «нет ничего выше меня». Стремление к свободе, по

Штирнеру, есть стремление к подлинному господству, уход от частной собственности к вечной. Штирнер воспевает равнодушие к миру, ведь его «Единственный» – существо без всяких социальных связей, эмоций, ассоциаций. В то же время идеалы и социальные черты «человека», по Штирнеру, есть нечто всеобщее, тогда как всякая личность единична. Поэтому всё, относящееся к «человеку» вообще, не относится к данному «Я». Отрицая любые нормы поведения, Штирнер утверждает, что первоисточником права и морали являются сила, воля и могущество отдельной личности.

Общественный идеал Штирнера – «союз эгоистов», в котором каждый видит в другом лишь средство для достижения своих целей. В межличностной конкуренции Штирнер видит одну из центральных проблем, он утверждает, что в буржуазном обществе возможна лишь конкуренция капиталов – стержень буржуазности. Таким образом, личность больше не является личностью и может реализоваться только как форма финансового, интеллектуального, физического или психологического капитала, маркированного на общественном рынке необходимыми институтами конкуренции. Рассматривая историю как продукт идей, Штирнер считал, что, преодолевая господствующие понятия, можно изменить общественные отношения. «Равенство всех» – призрак, так как право есть не что иное, как разрешение, то есть акт милости…» – писал Штирнер.

Штирнер утверждал, что социальная самооценка одержимого как гражданина, семьянина и налогоплательщика ничем не отличается от самооценки другого одержимого, называющего себя «майским жуком», «японским императором» или «святым духом». Здравый смысл посвященного гражданина и маниакальный бред душевнобольного не имеют никакой видовой разницы, кроме массовости распространения. И то и другое является следствием одержимости, порождающей господствующее самоотчуждение любого отдельного «Я». Причина одержимости, по Штирнеру, – раздвоение индивида, противопоставление одних аспектов своей уникальности другим и их неизбежное столкновение, ведущее к «самоотчуждению».

«Нас выгнали из самих себя», – утверждал Штирнер и обвинял в этом «изгнании» не только государство, но и семью как носителя «воспроизводящей роли государства». Частная собственность, по Штирнеру, должна быть сохранена, так как в ней выражается самобытность «Я», но в то же время частная собственность порабощает человека, «используя» его как «охранника и посредника». Только самоутверждение, превращение «Я» в «Единственного» и «Богочеловека» помогут

человеку в реализации подлинного «Я». Ницше заимствовал штирнеровский тезис о том, что «…жизнь, по сути своей, присвоение, экспансия, наступательный поход». Для Штирнера принципиален отказ от рационального познания и даже, в перспективе, от культуры и языка.

Штирнер был уверен, что свободу невозможно даровать, а отпущенный на волю крепостной навсегда в душе останется крепостным. Господствующее право ложно уже потому, что оно дано тебе другими. Либералы и гуманисты любят не тебя, а абстрактного человека, которого в природе не существует. Критикуя любую партийность и парламентаризм, Штирнер не оставляет камня на камне от фундамента прогрессистской утопии и протестантской этики. Либерализм для Штирнера – мир профанации, где невозможно уникальное и цельное «Я», потому что внутри почти у каждого правит «внутренний священник» и «внутренний жандарм» по причине фетишизации мышления, а интеллект сводится к производственной функции. Штирнер призывал к «бунту жизни против деспотизма науки», утверждая, что за «эпохой свободы мысли» грядет «эпоха свободы воли». Знание, культивируемое наукой, должно умереть, чтобы возродиться вновь в виде воли.

Штирнер считал, что люди создают себе, также как идеалы или образ Бога, бесконечное множество сходных «идолов», «кумиров», которым подчиняются и поклоняются. В своей книге Штирнер рассматривал такие важнейшие социальные институты и культурные феномены, как государство, право, собственность, семья, мораль, религия, преступление, война и революция, вплоть до весьма частных явлений, вроде присяги, низкой оплаты труда педагогов и экзаменов для занимания государственных должностей. Все это, по Штирнеру, «давит» на человека как индивида, и «Я» должно освободиться – как от реальных «пут», так и от собственного поклонения этим путам. Под этим углом зрения Штирнер оценивает всю всемирную историю до современности включительно, непрерывно совершая резкие переходы от «бытийственных», реальных феноменов к феноменам духовно-культурным.

ПРУДОН ПЬЕР ЖОЗЕФ

(род. в 1809 г. – ум. в 1865 г.)

Французский философ и общественный деятель. Создатель теории анархизма.

Будущий «отец анархизма» родился 15 января 1809 года в наполеоновской Франции в предместье Безансона. Его отец был из крестьян, работал на пивоваренном заводе, семья жила на грани нищеты. В 1814 году во время осады Безансона пивоваренный завод был разрушен. Отец Пьера Жозефа купил домик и занялся изготовлением бочек. До 12 лет Прудон работал пастушком, потом поступил в услужение в гостиницу. По протекции бывшего владельца пивоваренного завода родителям удалось устроить Пьера Жозефа в лицей, где он стал одним из первых учеников. Учась в лицее, юноша посещает городскую библиотеку и читает огромное количество книг, мечтая найти в них истину и открыть смысл жизни.

В 19 лет Прудон бросает лицей, не окончив курса из-за недостатка денег, поступает на работу в типографию в Безансоне, которая печатает книги по теологии. В 1831 году Прудон вместе с товарищем открывает собственную небольшую типографию. В 1837 году он пишет свое первое сочинение: «Опыт всеобщей

грамматики». В 1838 году компаньон Прудона застрелился, и Пьер Жозеф был вынужден типографию закрыть. Неожиданно для всех Безансонская академия присудила Прудону стипендию Сюара для проведения научных исследований. Его новая работа называлась «О праздновании Воскресения».

В 1840 году Прудон переезжает в Париж, мечтает стать литератором. Пережив кризис отчуждения и непризнания, он пишет главную работу всей своей жизни – «Что такое собственность, или Исследования принципа общественного порядка и правления». Но это выдающееся произведение было встречено молчанием со стороны прессы. После публикации книги разразился скандал в Безансонской академии: поскольку книга была посвящена ей, академия оказалась как бы соучастницей выпадов Прудона против собственности и государственного устройства. Только заступничество Бланки спасло Прудона от потери стипендии.

С 1842 по 1847 год Прудон работает секретарем в суде, позже – делопроизводителем на предприятии по перевозкам и одновременно пишет научную работу «Создание порядка в человеческом обществе». В 1840 году в Париже Прудон знакомится с революционно настроенными интеллектуалами-эмигрантами, которые мечтали о переустройстве общества. Маркс и Энгельс становятся его постоянными собеседниками и оппонентами. В первое время Маркс оказывал на французского философа известное влияние. «Во время долгих споров, часто продолжавшихся всю ночь напролет, – вспоминал Маркс, – я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством…»

Но после критики Марксом «Экономических противоречий» Прудона всякие отношения между ними были прерваны. В 1846 году Прудон пережил жестокий кризис, потеряв отца и мать.

Февральская революция 1848 года во Франции уничтожила монархию Луи Филиппа. Прудон не принял участия в революции, остро раскритиковал революционное Временное правительство за соглашательство и нежелание радикально изменить мир. Для идеологической борьбы с Временным правительством он основал газету “Le represantant du peuple”. В своих статьях Прудон утверждал, что единственный путь равенства – это организация «менового» беспроцентного кредита. Он считал, что для «благоденствия» достаточно устроить «меновой банк», где все производители Франции могли бы без посредства денег обмениваться своими продуктами.

Прудон попытался осуществить этот проект народного банка собственными силами, объявил в газете “Le peuple” подписку. Число акционеров дошло до 12 тысяч человек. 11 февраля 1849

года Народный банк был объявлен открытым, но уже 12 апреля того же года Прудон обратился ко всем акционерам банка с заявлением, что он не может руководить банком и вынужден его закрыть.

В начале июня 1849 года состоялись дополнительные выборы в Национальное собрание Франции, куда Прудон был избран депутатом от Парижа и в котором не примкнул ни к одной политической партии, не принимал участия в парламентской борьбе. Он внес предложение о коренной реформе действующей системы налогов, заявил, что те, кто платит капитальную ренту, должны ежегодно вносить в казну государства 1/6 часть своих платежей, а 1/6 оставлять себе. Все иные доходы должны быть обложены подоходным налогом. Но это предложение было отвергнуто. В Национальном собрании Прудон повздорил с левым депутатом Феликсом Пиа, а вскоре между ними состоялась дуэль, окончившаяся для обоих благополучно.

В своей газете “Le peuple” (тираж 70 тыс. экземпляров) Прудон продолжал критиковать существующие во Франции порядки. Когда Луи Наполеон был избран президентом, Прудон обвинил его в заговоре против Республики, после чего был предан суду по обвинению в оскорблении президента и в возбуждении ненависти между классами. Прудона приговорили к 3 годам тюрьмы и денежному штрафу. После суда Прудону удалось бежать в Бельгию, но через неделю он возвратился в Париж и под чужим именем несколько месяцев скрывался от полиции. Однако 6 июля 1849 года снова был арестован и заключен в тюрьму, а его газета закрыта.

Но друзья Прудона основали новую газету – “Le voix du peuple”, в которой печатались письма и статьи Прудона, написанные в тюрьме. За эти публикации правительство несколько раз возбуждало против автора судебное преследование, но суд не признал его виновным. Прудона в тюрьме лишили права свидания со всеми, кроме жены. Для того чтобы добиться послаблений режима, Прудон пишет письмо властям: «Отныне мое единственное желание – заниматься научными вопросами с самой общей точки зрения, исключающей всякие соображения буржуазии или пролетариата… Я критиковал при всеобщих аплодисментах социалистические утопии. Если доверять показаниям биржи, то я больше содействовал восстановлению порядка и спокойствия, чем вся полиция и жандармы».

Но Прудон продолжает печатать свои революционные политические статьи. Тогда его поместили в тюрьму с более строгим режимом в Дуллене и запретили все свидания. Однако со временем стороны достигли компромисса: Прудон решил

передавать в руки полиции всю свою корреспонденцию, и режим ему смягчили.

За три года заключения Прудон создал две крупные работы – «Призвания революционера» и «Идея революции XIX столетия». Выйдя из заключения, он написал брошюру «Государственный переворот как проявление революции», в которой доказывал, что диктатура Наполеона Бонапарта должна ставить своей целью осуществление идей Французской революции. Радикалы обвинили Прудона в бонапартизме, Бонапарт разрешил издание его брошюры, но правительство запретило ввоз во Францию его сочинения «Философия прогресса», которое было напечатано в Брюсселе. Прудон пишет и экономические труды, например «Руководство биржевого спекулянта».

После выхода из тюрьмы Прудон ведет уединенную жизнь. Он задумал учредить компанию для проведения железной дороги от Парижа до Безансона, но и этот план провалился. В 1854 году Прудон заразился холерой, болезнь протекала в тяжелой форме, он выздоровел, но его здоровье было подорвано навсегда.

В 1858 году Прудон написал сочинение «О справедливости в революции и церкви» и, опасаясь преследования со стороны правительства, послал экземпляр новой книги принцу Жерому Наполеону. Книга вышла в свет. Но через неделю правительство конфисковало весь тираж и привлекло автора к суду. Его приговорили к трем годам тюремного заключения и штрафу за оскорбление религии и общественной нравственности. Прудон бежал в Брюссель. Позже семья переехала к нему. В 1860 году Лозаннская академия объявила премию за лучшее сочинение по теории налогов. Было представлено 40 сочинений. Премию получил Прудон. В это же время он пишет трактат по международному праву «Война и мир», где утверждает, что «право основывается на силе». Прудон верил, что единственно возможной, справедливой и истинно правильной формой общественного устройства является свободная ассоциация, свобода, ограниченная соблюдением равенства в средствах производства и эквивалентности в обмене.

В 1860 году особым декретом императора Прудон получил амнистию, но еще в течение нескольких лет оставался жить в Брюсселе. В 1863 году он печатает в Париже книгу «О принципе федерации и необходимости реорганизации революционных партий», где признает неосуществимость своих анархических идеалов. Анархию автор заменил федерацией. В начале 1864 года здоровье Прудона резко ухудшилось. В течение нескольких месяцев он не покидал постели и 19 января 1865 года умер.

Прудон призывал к разрушению существующих норм жизни.

Он писал:

«Что касается меня, я поклялся и останусь верен своему разрушительному делу, буду искать истину на развалинах старого строя. Я ненавижу половинчатую работу; и вы можете мне верить, читатель: если я осмеливался занесть руку на новые заветы, я не ограничусь уже только тем, что сниму с него крышку. Надо развенчать таинства святая святых несправедливости, разбить скрижали старого завета и бросить все предметы старого культа на съедение свиньям…»

Маркс так писал о творениях Прудона: «Вызывающая дерзость, с которой он посягает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающая тут и там, глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность – всеми этими качествами книга «Что такое собственность?» электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление».

Прудон стал основателем современного анархистского мировоззрения, но хотя его лозунги звучали устрашающе и вызывающе, прудоновская модель переустройства общества не содержала мысли о необходимости террора. Более того, он надеялся, что переход к «новому миру» может произойти и без революции.

БАКУНИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1814 г. – ум. в 1876 г.)

Создатель теории анархистов-коммунистов, самый известный анархист в мире, организатор революционных восстаний и заговоров в Западной Европе, один из лидеров Первого Интернационала.

Михаил Бакунин родился 18 мая 1814 года в родовом поместье в Тверской губернии в знатной и богатой дворянской семье. В 1833 году окончил артиллерийское училище в Петербурге и начал службу в русской армии, но в 1835 году он внезапно подал в отставку. Переехав в Москву, молодой Бакунин изучает философию Шеллинга, Фихте и Гегеля, историю, блистает эрудицией в московских салонах. Он вхож в революционный кружок Станкевича, знакомится с Герценом и Белинским.

В 1840 году Бакунин уезжает в Германию для продолжения образования. За границей он сошелся с младогегельянцами – либеральными революционерами. В 1842 году в журнале «Немецкий ежегодник» появилась статья Бакунина «Реакция в

Германии», где впервые прозвучал призыв к революции в России и бакунинское «фирменное» утверждение о том, что «страсть к разрушению – страсть творческая». После этой публикации царское правительство потребовало немедленного возвращения Бакунина в Россию. Но Бакунин отказался вернуться на Родину, где его ждала тюрьма. В январе 1843 года Бакунин переехал в Швейцарию, затем в Париж. Весной 1845 года Бакунин так излагал свое кредо: «Все то, что освобождает людей, все то, что заставляет их сосредоточиваться, пробуждает в них начало собственной жизни, самобытной и действительно самостоятельной деятельности, все то, что дает им силу быть самими собою, – истинно; все остальное – ложно, свободоубийственно, нелепо. Освобождать человека – вот единственно законное и благодетельное влияние. Долой все религиозные и философские догмы! Они представляют сплошной обман. Истина – это не теория, а факт, сама жизнь, это общение свободных и независимых людей, это – святое единение любви, вытекающей из таинственных и бесконечных глубин личной свободы».

В Париже Бакунин прожил четыре года, встречался с Прудоном, Марксом, польскими эмигрантами. Высланный полицией из Франции в 1847 году, Бакунин вернулся в Париж к началу революции 1848 года и принял в ней активное участие.

«Лев», как называли Бакунина, стал активным участником европейских революций 1848 года – революционных событий и баррикадных боев в Берлине, Праге и Дрездене, играл видную роль на Славянском съезде в Праге.

Бакунин призывал к освобождению славян Австрии от немецкого ига, к созданию Славянской федерации на основах равенства и братства. В мае 1849 года Бакунина арестовали в Дрездене, и он был приговорен саксонским судом к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением. После длительных переговоров саксонские власти передали Бакунина российской полиции. В России Бакунин был заключен на три года в Петропавловскую крепость, а затем на четыре года – в Шлиссельбургскую. В заключении Бакунин написал покаянную «Исповедь», просил царя Николая I возглавить движение за освобождение славян и стать «народным» царем.

В 1857 году, после воцарения Александра II, Бакунин был освобожден из заключения и отправлен на поселение в Сибирь. Однако в 1861 году он бежал через Японию и США в Англию. Среди друзей Бакунина были выдающиеся люди: Тургенев, Герцен, Белинский, Чаадаев, Вагнер, Жорж Санд, Мицкевич, Прудон, Вейтлинг… Бакунин вдохновил Рихарда Вагнера на

создание образа Зигфрида, стал прототипом Рудина в одноименной повести Тургенева и Ставрогина в романе «Бесы» Достоевского.

В 1860–1870-е годы Бакунин живет в Лондоне, Италии, Швейцарии. Он помогает польским революционерам во время Польского восстания, организовывает в Испании секцию Интернационала и Юрскую анархическую федерацию Интернационала в Швейцарии, ведет революционную агитацию среди болгар, сербов, финнов и чехов, сотрудничает с подпольной русской организацией «Земля и воля», он вдохновитель революционных кружков в России, организатор восстания во французском Лионе и в итальянской Болонье. В 1845 году Бакунин становится франкмасоном, получил все высшие степени масонства. Он организовал несколько тайных обществ: «Флорентийское братство» (1864), «Интернациональное братство» (1866), «Международный альянс социалистической демократии» (1868).

Узнав о том, что Бакунин живет в Лондоне, Маркс в конце 1864 года встретился с ним, чтобы обсудить вопрос об объединении усилий в создании Интернационала. Но с первых же дней знакомства, еще в 1840-х годах эти два человека соперничали друг с другом. В июле 1848 года Маркс напечатал лживую информацию французского корреспондента в «Новой рейнской газете» о шпионской деятельности Бакунина в пользу Российской империи.

В 1864 году Бакунин выразил готовность пропагандировать идеи Интернационала в Италии, но вступил в Интернационал (Женевскую секцию) лишь в июле 1868 года. Бакунин попытался, с согласия женевских интернационалистов, объединить «Лигу мира и свободы» с Интернационалом. Однако Брюссельский конгресс Интернационала объявил, что «“Лига мира и свободы” не имеет причин существовать, раз есть Интернационал…»

В Берне на конгрессе Лиги произошел раскол во время обсуждения вопроса об отношении к социализму. Бакунин вместе с 18 членами вышел из Лиги и 25 сентября 1868-го основал «Альянс международной социалистической демократии». Альянс заявил, что признает все положения Интернационала и «считает себя его ветвью». Бакунин предпринял попытку включить Альянс коллективным членом в Интернационал, чтобы «…внести в движение на континенте некоторую долю здорового идеализма и революционной энергии».

Однако Маркс заявил, что программа «Альянса» – это «… поверхностно надерганная отовсюду мешанина – равенство классов, отмена права наследования как исходная точка

социального движения (сен-симонистский хлам), атеизм, предписываемый членам Интернационала как догма, и т. д., а в качестве главной догмы (по-прудонистски) – воздержание от участия в политическом движении». Образовать свою секцию в Интернационале Бакунин смог лишь после внесения изменений в программные документы Альянса. Маркс надеялся открыть себе путь в те тайные организации, где сильны были позиции сторонников Бакунина. У бакунистов было большое число сторонников в Италии, Испании, Швейцарии, в отдельных кругах Франции и Германии.

В переписке Маркса и Энгельса 1869 года чувствуется подозрение, что Бакунин хочет встать во главе европейского рабочего движения. «Быть может, его придется официально исключить из Интернационала», – писал Маркс; «…нужно не дремать и постараться его обезвредить», – считал Энгельс. В 1869 году Маркс и Энгельс развернули кампанию интриг и прямой клеветы против Бакунина.

Пребывание Бакунина в Италии в 1865–1867 годах было временем окончательного перехода на анархистские позиции. Бакунинский Альянс претендовал на идейное руководство Интернационалом и одновременно на автономное существование. Маркс инициировал решение Генерального совета Интернационала об отказе принимать Альянс в Интернационал. Но бакунисты Женевы утвердились в Интернационале в качестве секции Интернационала под названием «Альянс социалистической демократии».

На Четвертом конгрессе Интернационала (1869 г.) Бакунин выдвинул программные требования (как пункты программы Интернационала): отмена права наследования, отказ социалистов от политической деятельности, упразднение частной собственности на землю. 32 делегата Интернационала проголосовали за предложения Бакунина, 23 – против при 13 воздержавшихся.

Генеральный совет Интернационала вел борьбу с Бакуниным и бакунистами постыдными методами. Против Бакунина использовались бездоказательные обвинения, клевета, закулисные интриги, организация фиктивных секций Интернационала, что создало видимость марксистского большинства на Лондонской конференции 1871 года и на Гаагском конгрессе 1872 года.

В 1871 году конгресс бакунистов Юрской федерации и Бельгийский совет Интернационала потребовали пересмотреть Устав Интернационала, выступив против «диктатуры» Маркса и против исключения бакунинского Альянса.

Организованный марксистами 2–7 сентября 1872 года в Гааге конгресс Интернационала превратился в судилище над анархистами. Делегатам конгресса была разослана брошюра Маркса «Мнимый раскол в Интернационале», направленная против Бакунина и его сторонников. Маркс собрал через своих агентов все наиболее компрометирующие сведения о Бакунине и снабдил своими злобными комментариями. Собранные против Бакунина факты были вовсе не бесспорны и относились скорее к «нечаевцам». Бакунина обвиняли в преступной связи с русским авантюристом Нечаевым, приписали ему авторство «Катехизиса революционера».

Бакунин так ответил на все обвинения: «Дамоклов меч, так долго висевший над нашими головами, наконец упал. Собственно говоря, – это не меч, а обычное оружие Маркса – куча грязи…»

Но после исключения Бакунина из Интернационала на Гаагском конгрессе 1872 года весь Интернационал восстал против недостойной комедии Гаагского конгресса, почти все секции Интернационала – бельгийские, французские, английские, испанские, итальянские, голландские, швейцарские и американские – отказались подчиниться Генеральному совету, поддержавшему Маркса. Большинство секций, объединившись, образовали новый, анархистский Интернационал, просуществовавший до 1879 года. Попытка Маркса превратить Международное товарищество рабочих в централизованную партию, исповедующую одну – «научно-социалистическую» – доктрину, провалилась и стала причиной развала Первого Интернационала.

Генеральный совет Интернационала вынужден был объявить о самороспуске. Это произошло 15 июля 1876 года в Филадельфии почти через месяц после смерти Бакунина.

Поддержавшие Бакунина секции Интернационала, объединявшие десятки тысяч рабочих по всей Европе, дали толчок мощному развитию анархистского движения в 1870-е годы. В некоторых странах, где был высок уровень социальной напряженности и отсутствовали реальные гражданские свободы (в Испании, Италии), это движение вылилось в ряд восстаний; в других (в Швейцарии, Бельгии) сложились открыто действующие рабочие союзы анархистской направленности. Роль идейного центра этого движения играла Юрская федерация.

В 1870-е годы Бакунин испытывал серьезные финансовые затруднения. Он принял предложение русского издателя перевести «Капитал» Маркса и получил за перевод аванс, но не смог довести работу до конца. Умер Бакунин 19 июня 1876 года в Берне.

Бакунин был ключевой фигурой мирового анархического движения и главным его теоретиком. Он сформировал основы анархизма как цельного мировоззрения и инициировал появление организаций анархистов в Европе. Но Бакунин идеализировал перспективы европейских революций, не брезговал мистификациями, увлекался заговорами. Он отрицал демократии Запада, вел борьбу против Маркса, лассальянцев и Мадзини, критиковал государственный социализм и «диктатуру пролетариата», отрицал возможность введения социализма через тотальное огосударствление жизни, заявляя, что любая эксплуатация и любая власть неразрывно связаны друг с другом.

Бакунин писал: «Государство – это самое вопиющее, самое циничное и самое полное отрицание человечности. Оно разрывает всеобщую солидарность людей на земле и объединяет только часть их с целью уничтожения, завоевания и порабощения всех остальных».

«Итак, там, где начинается государство, кончается индивидуальная свобода, и наоборот. Мне возразят, что государство, представитель общественного блага, или всеобщего интереса, отнимает у каждого часть его свободы только с тем, чтобы обеспечить ему все остальное. Но остальное – это, если хотите, безопасность, но никак не свобода. Свобода неделима: нельзя отсечь ее часть, не убив целиком. Малая часть, которую вы отсекаете, – это сама сущность моей свободы, это все… Такова уж логика всякой власти, что она в одно и то же время неотразимым образом портит того, кто ее держит в руках, и губит того, кто ей подчинен».

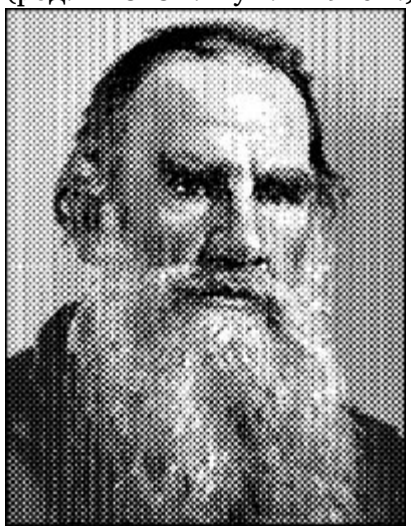
Бакунин заявлял: «Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы и потому, что для меня непонятна человечность без свободы». Бакунин выступал против организующей деятельности партий, отрицал авторитеты и любую власть, мечтал о стихийной «социальной ликвидации государства», об уничтожении собственности, права наследования, о ликвидации всех национальных и территориальных государств. Он призывал к социальной революции, к безгосударственно-социалистической федерации общин и коммун, основанных на самоуправлении. Он считал кооперацию основной формой будущего производства, при обязательном условии, что земля и капитал во всех его видах будут коллективной собственностью. Главной силой революции Бакунин считал в Европе пролетариат, а в России – крестьянство и босяков. Бакунин выступал против права наследования и церковных структур, отрицал брак и семью, боролся за женское равноправие.

В трудах Бакунина можно найти антинемецкие и антиеврейские настроения. Германия представляется Бакунину воплощением духа государственничества, милитаризма и бюрократии, а романские и славянские народы как народы стихийных анархистов и правдолюбцев. Он верил в миссию славян создать новое справедливое общество. В 1870 году, в начале франко-прусской войны, Бакунин заклеймил «прусский» милитаризм и призвал к немедленной революции в Европе для изгнания немцев из Франции.

Бакунин радикализировал прудоновский анархизм, развивал его и популяризировал в рабочем движении. Итогом деятельности Бакунина явилось широкое распространение анархизма – прежде всего, в Испании, Италии, Швейцарии, России, Бельгии, Голландии, во Франции. Наиболее заметным проявлением этого процесса стало возникновение анархистского крыла в Первом Интернационале и Парижской коммуне.

ТОЛСТОЙ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

(род. в 1828 г. – ум. в 1910 г.)



Великий русский писатель, религиозный мыслитель, теоретик христианского анархизма.

Граф Лев Толстой родился в усадьбе Ясная Поляна 9 сентября 1828 года. По отцовской линии предки писателя были графы, выдающиеся военачальники и государственные мужи, по материнской линии – Рюриковичи. Лев рано осиротел и вместе с сестрой и братьями воспитывался у тетки-опекунши в Казани. В 1844 году он поступил в университет, сначала на восточный, затем на юридический факультет, но, оставив университет, из Казани уехал в Ясную Поляну, полученную им при разделе отцовского наследства. В конце 1850 года повестью «Детство» началась блестящая писательская карьера молодого графа.

Вступив юнкером в армию, Толстой сдает экзамен на младший офицерский чин и уезжает на Северный Кавказ в действующую армию воевать против горцев. Когда началась Крымская война, Толстой перевелся с Кавказа в Дунайскую армию, затем в Севастополь, осажденный объединенными силами Англии, Франции, Сардинии и Турции. Он выдержал все тяготы обороны Севастополя, командуя батареей 4-го бастиона.

Осенью 1856 года, полностью разочаровавшись в карьере военного, Толстой вышел в отставку и отправился в полугодичное заграничное путешествие, посетил Францию, Швейцарию, Италию и Германию. Это путешествие познакомило его с новыми веяниями в идеологии и философии, с европейским социализмом и учением Прудона, сделав из крепостника и бонвивана великого гуманиста. В 1859 году Толстой организовал в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, затем помог открыть более 20 школ в окрестных деревнях. Толстой даже издавал педагогический журнал «Ясная Поляна».

После манифеста 1861 года об освобождении крестьян из крепостной неволи Толстой вошел в число мировых посредников, стремившихся помочь крестьянам решать споры с помещиками о земле. Но такая деятельность графа вызывала серьезные опасения у полиции… В Ясной Поляне в графском доме жандармы произвели обыск. Толстой становится поднадзорным графом. Ему тогда приписывали участие в «злонамеренной» организации Герцена и создание тайной революционной типографии. Но ничего подобного граф не замышлял… Вскоре под давлением властей ему пришлось закрыть крестьянские школы и прекратить издание педагогического журнала.

В 1860-х годах жизнь Толстого упорядочивается. Он становится модным писателем, работает над романом – эпопеей «Война и мир», женится на дочери московского врача Софье Андреевне Берс. В последующие годы появляются гениальные произведения Льва Толстого, ставшие, наряду с «Войной и миром», лучшими романами русской литературы – «Анна Каренина» и «Воскресение».

В начале 1870-х годов Толстого мучают мысли о судьбе народа и о педагогике. В эти годы он пишет «Азбуку», «Новую азбуку», «Книги для чтения», в которых уже есть начатки идеологии толстовства. В конце 1870-х – начале 1880-х годов Толстой переживает духовный кризис, полностью изменивший его мировоззрение. В своей «Исповеди» Толстой говорит о разрыве с идеологией дворянского класса, переходе на сторону «простого трудового народа». В середине 1880-х годов Толстой и толстовцы создали в Москве издательство «Посредник», печатавшее книги для народа. Тогда же был написан рассказ «Чем люди живы», поднимающий вопросы веры и социальной справедливости.

В трактате «Так что же нам делать?» Толстой пишет: «…Так нельзя жить, нельзя так жить, нельзя!», а в религиозно-философских сочинениях: «Критика догматического богословия», «В чем моя вера?», «Соединение, перевод и исследование четырех

Евангелий», «Царство Божие внутри вас» писатель критически пересматривает главные догматы и принципы учения официальной церкви и главные основы государственной системы.

Толстой создал особую идеологию «мирного» ненасильственного религиозного анархизма, основанную на переосмыслении христианства. Он полагал, что главное зло существующего общественного строя заключено в насилии человека над человеком. Прогресс представлялся ему как преодоление всех форм насилия путем «непротивления», полного отказа от насильственной борьбы и сосредоточения человека на задачах личного нравственного усовершенствования. Толстой считал, что идеальное общественное устройство не может возникнуть в результате политической борьбы и революций, основанных на насилии и лишь заменяющих одну форму рабства другой.

Считая злом любое принуждение, писатель приходит к безусловному отрицанию государства, упразднение которого должно совершиться путем ненасильственного уклонения каждого члена общества от всех государственных обязанностей: уплаты налогов, отбывания воинской повинности, участия в политической деятельности.

Анархизм Толстого – последовательная и радикальная форма анархизма, которая противопоставляет законы мира («царства кесарева») законам Бога («царства Божиего»). Толстой предлагает изменить мир во исполнение закона Бога. Он считал, что если человек перестает противиться злу насилием, то есть перестает следовать законам этого мира, то Бог вмешается в устройство его жизни. Толстой заявлял, что добро победит при вмешательстве Бога, а не государства.

Святейший Синод Русской православной церкви предал Толстого анафеме (церковному проклятию) и отлучил от церкви за критику церковных пороков и пропаганду христианского анархизма. В произведениях, написанных в конце 1880-х – в 1890-х годах, таких как «Крейцерова соната», «Дьявол», «Отец Сергий», Толстой размышляет о назревшей необходимости изменить изживший себя общественный «порядок». В 1892 году Толстой пишет: «Какая будет развязка, не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, – я уверен».

В статье «Не могу молчать» Толстой выступил против смертной казни и репрессий в отношении революционеров. Тяготясь укладом жизни в своем поместье Ясная Поляна, 28 октября 1910 года он решился покинуть дом и «идти в народ». В дороге Толстой заболел воспалением легких и умер на станции

Астапово 10 ноября 1910 года.

Лев Толстой никогда не называл себя анархистом, однако его категорическое отрицание государства, идеи патриотизма, армии, отмены смертной казни, отказ от участия в государственной жизни, борьба против официальной церкви и критика частной собственности сделали его «иконой» анархистов XX века.

В то же время Толстой полагал, что все попытки насильственного свержения правительств приводят к установлению еще более жестоких режимов, что вообще насильственное разрушение существующего государственного строя невозможно. По Толстому, большинство людей «загипнотизированы правительствами», их необходимо вывести из этого состояния. «Для уничтожения правительственного насилия есть только одно средство: воздержание людей от участия в насилии», – писал Толстой.

Благодаря авторитету Толстого окрепло движение анархистов-толстовцев. Толстовцы с 1880-х годов и вплоть до 1929 года уходили в деревню, организовывали там независимые общины. Однако сталинские лагеря поглотили большинство «мирных» анархистов, которые жили по принципу ненасилия и не хотели «служить» государству. Толстой и Кропоткин оказали существенную поддержку религиозной секте духоборов, исповедовавших антигосударственные принципы и подвергавшихся преследованиям со стороны властей. При активном участии Кропоткина и Толстого духоборы, жившие на Кавказе, переселились в Канаду. В Болгарии общины толстовцев просуществовали до 1950-х годов, а в Канаде и США они до сих пор существуют.

20 февраля 1901 года в «Церковных ведомостях» появилось объявление об отлучении Льва Толстого от Русской православной церкви. Решение было принято Святейшим Синодом 15 (2) февраля 1901 года и вызвало бурную полемику в обществе, не утихающую до сих пор. В решении Синода говорилось: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Церковь Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей его матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь Святая. В своих сочинениях и письмах, в множестве

рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской… Все сие проповедует граф Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем неприкровенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отверг себя сам от всякого общения с Церковью Православной. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит общения с нею… Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбию помышляют о том, что он, в конце дней своих, остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с ней. Посему свидетельствуя об отпадения его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние и разум истины…»

Толстой ответил верующим: «То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить Ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически – я перечитал все, что мог об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически – строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения… И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым».

МИШЕЛЬ ЛУИЗА

(род. в 1830 г. – ум. в 1905 г.)

Знаменитая французская революционерка-анархистка, участница Парижской коммуны.

Луиза Мишель родилась в замке Вронкур на Марне от матери-служанки и представителя старинного дворянского рода. Хотя Луиза была незаконнорожденная, ее «незаконный» дед-адвокат взял девочку на воспитание и даже оставил ей небольшое наследство. Луиза получила прекрасное воспитание, закончила педагогические курсы и в 1853 году начала работать учительницей, сперва в провинции, а затем в Париже, где изучала философию и писала фельетоны, обличающие режим Наполеона III.

В 1860-е годы она сближается сначала с республиканцами, а через некоторое время с кружком бланкистов-заговорщиков, мечтает о социальной революции. В 1870 году во время похорон известного журналиста Виктора Нуара, который был убит родственником императора Пьером Бонапартом, Луиза несла кинжал, чтобы убить знатного убийцу. В августе 1870-го, во время неудачного восстания бланкистов в Париже, Луиза входила в состав Революционного женского комитета, была главой женского

клуба Монмартра. Она полюбила молодого лидера парижской фронды Теофилла Ферре.

31 октября 1870-го Луиза участвует в парижском восстании, ее арестовали и присудили к тюремному заключению. Но 22 января 1871-го Луиза снова участвует в восстании, направленном против изменников в правительстве «национальной обороны», штурмует парижскую Ратушу. Луиза сражается в составе революционного 61-го батальона Национальной гвардии.

Революция 18 марта 1871 года, известная как Парижская коммуна, вознесла Луизу на вершину власти. Она организует революционный Женский союз, состоит в «Комитете бдительности» 19-го округа Парижа. Луиза предлагает себя на роль убийцы реакционера Тьера, призывает коммунаров к походу на Версаль, сама же, пробравшись в Версаль, агитирует солдат выступить против контрреволюции. В народе ее называли «красной девой Монмартра».

В мундире национального гвардейца Луиза принимала участие в битвах при Исси, была санитаркой, сражалась на подступах к столице и на баррикадах Парижа. Участвовала в последнем бою коммунаров на Монмартрском кладбище. Когда версальцы ворвались в Париж и начали расстреливать коммунаров, ей удалось бежать. Но версальцы схватили ее старую мать, и Мишель добровольно явилась на 37-й бастион, где держали арестованную. На военном суде Луиза потребовала для себя смертной казни, обвиняя версальцев в трусости и жестокости. Но суд не решился казнить девушку, и ее отправили на каторгу в Новую Каледонию, где она провела 6 лет, обучая детей ссыльных и индейцев-канаков в городке Нумее.

В августе 1879 года Луиза Мишель была амнистирована, тут же вернулась во Францию и приняла участие в рабочем движении. Она опять пропагандирует анархизм, пишет статьи в анархистской газете «Социальная революция». В 1883 году Луиза возглавила Парижскую манифестацию безработных под лозунгом «Хлеба – или пуль!», во время которой вынесла хлеб из разгромленной демонстрантами лавки и стала раздавать демонстрантам. За принадлежность к анархистам-террористам ее приговорили к 6 годам тюрьмы, но через два года она была амнистирована. В 1888 году, когда Луиза читала лекцию в Гавре, рабочий Пьер Люк, психически невменяемый, ранил ее в голову. У нее хватило сил прикрыть террориста от гнева толпы, а через неделю в суде она настояла на его оправдании.

В 1890 году после неудачного восстания в Лионе Луиза вновь была арестована, но ей удалось бежать из тюрьмы в Англию, где она жила до самой смерти. Во Франции ее объявили

сумасшедшей, грозили заключить в «желтый дом». В Англии Мишель сблизилась с анархистами, Кропоткиным, была лидером местных феминисток. В эмиграции революционерка писала романы, стихи, пьесы, в которых остро критиковала буржуазные нравы и законы.

Целую главу своей книги воспоминаний «Коммуна» (1898 г.) Луиза Мишель посвятила рассказу о манифестации, проведенной 29 апреля 1871 года группой масонов. Сама Мишель была принята 13 сентября 1904 года в масонскую ложу Шотландского обряда «Социальная философия», которая принадлежала к существовавшему недолго смешанному послушанию «Великая Символическая Шотландская Ложа».

В 1896–1897 годах Луиза совершила турне по Голландии, Бельгии и Франции. За четыре дня до смерти 70-летняя Луиза Мишель прочитала публичную лекцию перед многочисленной аудиторией. Тогда она простудилась, схватила воспаление легких, которое и свело ее в могилу. И хотя умерла она в Марселе, ее похоронили в Париже 12 января 1905 года. Ее гроб сопровождала огромная процессия оппозиционеров, протянувшаяся от Лионского вокзала до кладбища де Валуа Пере.

РЕКЛЮ ЭЛИЗЕ

(род. в 1830 г. – ум. в 1905 г.)

Выдающийся ученый-географ, теоретик анархизма.

Элизе Реклю родился 15 марта 1830 года в семье сельского пастора в городке Сент-Фуа-ля-Гранд в департаменте Жиронда на юге Франции. Семья была небогата, в ней росло восемь детей. С детства у Элизе проявляется тяга к путешествиям и к поискам справедливости. В 12 лет Элизе путешествовал пешком в Германию с дорожной сумкой за плечами. В городке Нейвид, куда он пришел со своим братом, Элизе вступил в религиозную общину «моравских братьев», идеология которых базировалась на отрицании государства и стремлении к самоусовершенствованию.

Прожив среди «моравских братьев» два года, Элизе и его брат Эли вернулись в свой французский городок, где поступили в протестантский коллеж Сент-Фуа. После окончания коллежа Элизе поступил в протестантский духовный университет в Монтобане в надежде сделать карьеру священника. Но февральская революция 1848 года во Франции круто изменила жизнь Реклю. Элизе зачитывается Прудоном, он – горячий приверженец республики. В 1849 году, когда Элизе и его брат Эли путешествовали по югу Франции, изучали быт и нравы народа,

они были арестованы полицией, которая заподозрила «молодых бездельников» в политической пропаганде. Братья Реклю были исключены из духовного университета за вольнодумство. Элизе, утратив веру в церковь, решил посвятить себя педагогике. Он возвращается в Нейвид, в общину «моравских братьев», где некоторое время преподает французский язык. Вскоре Реклю зачислен студентом Берлинского университета. В Берлине Реклю живет в бедности, зарабатывая на хлеб уроками французского языка.

Летом 1851 года Наполеон III восстановил во Франции империю и провозгласил себя императором. Республиканцы пытаются поднять восстание против узурпации власти. Братья Реклю организовали в городке Ортец во Франции республиканскую манифестацию, призывая жителей встать на защиту республики. Они вышли на городскую площадь перед Ратушей, призывая народ к революции, но не смогли привлечь достаточного количества жителей. Начальник полиции, относившийся с большим уважением к матери Реклю, уведомил ее о готовящемся аресте сыновей и дал им время, чтобы скрыться из городка. Элизе и Эли Реклю бежали из Ортеца и направились в Англию.

С января 1852 года братья Реклю живут в Лондоне на деньги от частных уроков французского языка. Вскоре Элизе Реклю отправился в Ирландию, где попытался заняться сельским хозяйством. Но в Ирландии (тогда это была колония Англии) Элизе не прижился, его даже преследовали местные власти. Он был мечтателем, мечтал о свободной трудовой земледельческой коммуне-колонии, организованной на началах полного равенства и свободы, об «обществе будущего».

В 1854 году Реклю, у которого не было денег на билет, чтобы переплыть Атлантику, поступил поваром на парусное судно, шедшее из Ливерпуля (Англия) в Новый Орлеан (США). Реклю надеялся, что на американских землях ему удастся создать коммуну. Но живя в южных штатах, не имея денег, он вынужден был работать поденщиком, грузчиком в гавани, воспитателем детей богатого плантатора из Луизианы. В годы американских странствий Реклю занимается журналистикой, отсылает во французские и американские журналы и газеты статьи о положении негров в Соединенных Штатах. Реклю много путешествовал по США, поднялся вверх по Миссисипи. Но дальние странствия продолжают манить неукротимого француза, и Реклю уезжает в Южную Америку, живет в Колумбии и Гвиане, затем перебирается в труднодоступные горные области Анд, где живет среди индейцев.

В 1855 году Реклю вернулся в Европу, поселился в Париже, занялся преподаванием языков. Ему, уже известному публицисту, удалось найти литературную работу в издательстве, в географических и научных журналах. Парижское Географическое общество избрало Реклю в свои члены за серию очерков, посвященных Южной Америке. Во второй половине 1850 – в 1860-х годах Реклю путешествует по Европе (Германия, Швейцария, Италия, Испания, Англия), собирает материал для путеводителей. Кроме огромного количества статей, Реклю пишет труд всей своей жизни – многотомное сочинение «Земля» («Земля и люди»). Первый том «Земли» вышел в 1868 году и стал самой популярной научной книгой десятилетия. И. Мечников пригласил Реклю в сотрудники при составлении «Всеобщей географии».

В 1860-х годах Элизе – анархист-теоретик. Он поддерживает республиканское и рабочее движение, рабочие союзы и кооперативные общества. Видя в кооперации путь к свободному обществу, Реклю издает кооперативный журнал. В 1865 году Элизе стал членом знаменитого Первого Интернационала – Международного товарищества рабочих. Среди его друзей – Герцен, Бакунин, Бланки, Кропоткин. Но, в отличие от большинства единомышленников, он против анархистского терроризма и утверждает, что анархизм, в очень отдаленном будущем, может победить мирным путем.

В 1870 году после разгрома французских войск армией Пруссии и бегства императора Наполеона III в Париже провозглашена республика. Республиканцы организовали Национальную гвардию для защиты Парижа от наступающей армии пруссаков. Реклю записался в ряды Национальной гвардии – в команду, организованную его близким другом фотографом Надаром. В этой команде Реклю на воздушном шаре, запускаемом из осажденного Парижа, производил разведку неприятельских позиций, устанавливал контакты с французскими регионами. В марте 1871 года в Париже вспыхнула революция, в ходе которой Париж был объявлен городом-коммуной. Реклю одним из первых выступил на стороне Парижской коммуны. Республиканское правительство бежало в Версаль, собрало армию, которая и двинулась на усмирение восставшего Парижа.

В апреле 1871 года версальцы окружили Париж и перекрыли поступление продовольствия в столицу. Реклю возглавил отряд, который должен был пробиться из осажденного Парижа и привезти в столицу продовольствие и подкрепление. Но его отряд был разбит версальцами, Элизе попал в плен. Пленного Реклю заковали в кандалы и отправили в Брестскую тюрьму, где в ожидании суда, оставаясь в кандалах, он закончил второй том

«Земли».

После шестимесячного пребывания в тюрьме в ноябре 1871 года Реклю был приговорен военным судом к вечной ссылке на острова Новой Каледонии в Океании. В знак протеста против расправы над известным географом европейские ученые образовали Комитет защиты Элизе Реклю, который возглавил Чарлз Дарвин. Учитывая международный протест, французские власти заменили вечную ссылку в Океании десятилетним изгнанием из Франции. Реклю был доставлен в арестантской карете с кандалами на руках на границу Швейцарии и отпущен на свободу.

Вместе с братом Элизе поселился сначала в Цюрихе, потом – в Кларане, прожил в Швейцарии около 15 лет. За эти годы он совершал путешествия в Северную Африку, Испанию, Италию, США. Реклю читал лекции по социальным вопросам, основал в Женеве ежемесячный анархистский журнал «Работник», вошел в состав редакции основанного в Женеве Кропоткиным еженедельного журнала «Бунтарь». Реклю считал себя коммунистом-анархистом кропоткинского направления. Он ратовал за установление свободы, равенства и справедливости, понимая, что осуществится это только в далеком будущем.

Реклю видел в освободительной борьбе необходимость, которая была вызвана сопротивлением властей, препятствующих свободному развитию прогрессивных начал в обществе. Реклю доказывал, что противоречия между эволюцией и революцией нет, что революция – лишь форма единой мировой эволюции. «Наука не видит никакого противоречия между этими двумя понятиями: эволюция и революция. Это явления одного и того же порядка, различающиеся лишь по степени своей силы… Эволюция и революция, можно сказать, являются сменяющими друг друга актами мировой жизни», – говорил великий географ.

В 1880 году Элизе Реклю и Жан Грав основали в Париже группу «Революционер». Лидеры группы искренне верили в близость новой революции в Европе, были уверены, что солдаты перейдут на сторону восставшего народа. Но взрыв бомбы в театре Лиона в октябре 1882 года, в котором власти обвинили местных анархистов, положил начало репрессиям против анархистских лидеров, что заставило Реклю спешно покинуть Францию.

В 1890 году в связи с либерализацией законов Реклю возвращается во Францию и поселяется в Севре, недалеко от Парижа. В 1892 году он едет в Южную Америку, заканчивает девятнадцатый том «Земли». В 1893 году Реклю получил приглашение от Брюссельского университета занять место

заведующего кафедрой всеобщей географии. Но бельгийское правительство, зная об его анархизме, вынудило Совет университета отказать Реклю. Узнав об этом решении, известные ученые и литераторы Бельгии развернули кампанию протеста. Передовые профессора Брюссельского университета во главе с социологом Гильомом де Грефом демонстративно подали в отставку. Реклю и его бельгийские единомышленники разработали проект Нового свободного университета, который был открыт в 1894 году в Брюсселе. При университете Реклю создал специальный Географический институт, где могли бы учиться и слушать специальные курсы по географии все желающие.

В 1894 году Реклю прочитал курс лекций по географии в Англии, и Лондонское Королевское географическое общество присудило ему за научные труды Большую золотую медаль. Он принял медаль, но отдал ее на монетный двор, а полученные взамен деньги раздал лондонским беднякам.

Реклю стал автором большого количества книг, среди которых: «Человек и Земля», «Эволюция», «Революция», «Анархистский идеал». Элизе Реклю состоял членом масонских лож «Избранники Хирама» и «Возрождение», он провел много конференций и сделал десятки докладов об анархизме во французских и бельгийских масонских обществах. Масонами являлись и его братья: Эли Мишель Реклю – директор Национальной библиотеки в дни Коммуны, а после зав. кафедрой мифологии Свободного Брюссельского университета, Поль Реклю – хирург и филантроп, а также сын Эли Реклю Поль – теоретик анархизма.

Элизе Реклю умер 4 июля 1905 года на семьдесят шестом году жизни. Его можно назвать человеком идеальным. Бескорыстное служение науке и человечеству, любовь к природе и ко всему живому сочетались с борьбой за справедливость, свободу и мир между народами.

СОКОЛОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

(род. в 1835 г. – ум. в 1889 г.)

Один из первых теоретиков русского анархизма.

Николай Соколов родился в ноябре 1835 года в Петербурге в дворянской семье. Отец его, Василий Гаврилович, был офицером и служил экономом в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Николай закончил кадетский корпус и Константиновское юнкерское училище. В 1853 году он произведен в офицеры, а в 1854 году как подпоручик лейб-гвардии Волынского полка успел поучаствовать в Крымской войне, защищая Ревель (Таллинн) от вражеского флота и десанта.

В 1857 году Соколов окончил Академию Генерального штаба и был направлен «усмирять горцев» на Северный Кавказ, принял участие в военной экспедиции в Ахо против повстанцев Шамиля. В боях на Кавказе поручик Соколов отличился храбростью.

В следующем году Соколов назначен старшим адъютантом Генерального штаба войск Восточной Сибири, а в 1860 году отправлен секретным курьером в Пекин в русское посольство. Вернувшись из Китая в Иркутск, Соколов в 1861 году берет шестимесячный отпуск и… неожиданно для окружающих уезжает за границу, в Лондон. За границей Соколов искал правду и

единомышленников, он надеялся встретиться с «властителями дум» – идеологами входившего в моду социализма.

Соколов живет за границей с июня по сентябрь 1860 года. В Англии Соколов заводит дружбу с Герценом, который дал ему рекомендательное письмо к Прудону, жившему тогда в эмиграции в Брюсселе. В Брюсселе Соколов ежедневно посещает Прудона и проводит с ним время в жарких спорах.

Вернулся в Россию Соколов уже весь в революционных идеях, с запрещенными в России книгами и с обширными знакомствами в оппозиционных кругах. Особые отношения сложились у Соколова с польским революционным подпольем (кружком Сераковского) и с кружком молодых либерально настроенных офицеров Генерального штаба. Соколов сводит знакомства с лидерами демократической молодежи России – Писаревым и Чернышевским, поселяется в одной квартире с членом ЦК подпольной революционной организации «Земля и воля» Благосветловым.

В 1862 году Соколов, уже подполковник Генерального штаба, начинает хлопотать об отпуске. Его стремление уехать за границу было связано с тем, что он, зная о подготовке Польского восстания, будучи русским офицером, не желал участвовать в его подавлении и проливать кровь восставших поляков.

Невзирая на военное положение, Соколов настаивает на отпуске, и когда ему отказывают – подает в отставку. Но командование не приняло его прошения об отставке и перевело подполковника Соколова из строевой части в нестроевую, оставив его при департаменте Генерального штаба в звании старшего библиотекаря. Подполковник Генерального штаба, блестящий офицер, проявивший чудеса храбрости в боях против Шамиля, становится одним из первых русских революционеров-анархистов. К сожалению, широкой публике, наслышанной о Кропоткине и Бакунине, фамилия Соколов ни о чем не говорит.

Начиная с 1862 года Соколов – независимый литератор, постоянный автор либерального журнала «Русское слово», пишущий на социальные и экономические темы. Он критикует положение дел в пореформенной России, порицает усиленное строительство железных дорог и вывоз русского хлеба за границу. Соколов проповедует революционное отрицание экономического, политического и нравственного уклада российской действительности. Его труд «О несостоятельности политической экономии», написанный под влиянием прудонизма, стал основой идеологии русского анархо-нигилизма, а его автор – первым русским теоретиком анархизма. В своих первых работах (статьи «Деньги и торговля», «Торговля без денег») Соколов использует

статистику для оправдания своих революционных идей, ведь сам Соколов долгое время служил в статистическом департаменте Генштаба.

Запрещение «Русского слова» и «Современника», арест Писарева и Чернышевского ознаменовали новый виток реакции в России. Соколов подает в отставку и, получив ее, 3 января 1863 года уезжает за границу и поселяется в Дрездене.

Есть предположения, что Николай Васильевич принимал активное участие в Польском восстании в 1863 году и уже из Польши перебирается в Дрезден. Появление Соколова в рядах польских повстанцев логично и правдоподобно. Скорее всего, он, как генштабист и армейский подполковник, консультировал лидеров восстания по вопросам стратегии и тактики российской армии.

В Германии Соколов встречался с лидером немецких социалистов Лассалем, пытался стать полезным «немецкому рабочему движению». Но после того как в Дрездене Соколов избивает палкой двух саксонских жандармов, отставной подполковник Генерального штаба попадает под суд, но бежит из-под стражи.

Соколов скрывается в Париже, и так как у него не было денег, Герцен передал ему «из фонда» небольшую сумму в 100 франков. Соколову в Париже удается увидеться с умирающим Прудоном и поучаствовать в его грандиозных похоронах. В 1865 году Герцен предложил Соколову должность личного секретаря и предоставил ему средства для работы над рукописями и жизни в Париже.

Но через несколько месяцев «парижских каникул» Соколов возвращается в Россию, где продолжает сотрудничество в возрожденном «Русском слове», его статьи звучат как вызов монархической власти, открытый призыв к анархии. Соколов соединяет анархизм с христианским социализмом, развивает идеи прудонизма. Исходя из идей Прудона о бесприбыльном предприятии, Соколов предлагает сделать «Русское слово» собственностью подписчиков. После отказа редакции «Русского слова» от этого предложения Соколов выходит из состава редакции журнала и начинает выпускать собственный альманах «Экономические вопросы и журнальное дело».

В 1866 году Соколов (при участии Зайцева) пишет и издает свою главную книгу под громким названием «Отщепенцы», которая стала развернутым призывом к революции. Книге не повезло. Она была представлена в российский цензурный комитет на следующий день после покушения Каракозова на императора Александра II и была запрещена цензурой еще до того, как попала к читателю. Только в 1872 году она была переиздана в

Швейцарии, став библией русских революционеров 1870-х годов. В списках она проникает в Россию, где переписывалась и «ходила по рукам».

Осенью 1866 года Соколов арестован, а в 1867 году осужден на год и четыре месяца тюрьмы за книгу «Отщепенцы». В «Отщепенцах» Соколов утверждает, что христианская религия – орудие и пособница всевозможных преступлений, она разжигает ненависть ко всякой государственной власти. Он нападает на право и закон, отрицает существование нравственности, что буквально взбесило власти и церковь.

В «Отщепенцах» Соколов писал: «Каждый пролетарий – истинный отщепенец плутократии, т. е. современного общества… Отрицание существующего порядка грабежа и насилия – вот значение и назначение Отщепенчества».

После отбытия заключения в Петропавловской крепости Соколов за «упорное стремление распространять возмутительные идеи среди арестованных» в 1868 году был сослан в Мезень, затем – в Шенкурск на север Архангельской губернии, позже – в отдаленную деревню Астраханской губернии. В 1868 году книга Соколова «Социальная революция» была издана в Берне на немецком языке. В этой книге автор предрекает неизбежность социальной революции, которая решит рабочий вопрос. Соколов обличал пороки буржуазного строя, буржуазное предпринимательство, структуру государственного насилия, критикует немецкий «государственный коммунизм» Лассаля.

В октябре 1872 года с помощью революционеров из кружка «чайковцев» Соколов бежит из ссылки в Женеву. В Женеве Соколов примкнул к анархистам-бакунистам, которые почитали его как «ветерана русской революции». Однако дальнейшая его судьба была незавидной – нищета, безвестность, отсутствие перспектив и одиночество. 15 лет Соколов жил в Швейцарии, в Париже и Брюселле. О нем вспомнили только 21 февраля 1889 года, когда автор «Отщепенцев» умер. За его гробом в Париже шли все русские и польские революционные эмигранты и французские анархисты, «леваки» и бывшие парижские коммунары.

ВЕРЛЕН (ВАРЛЕН) ЛУИ ЭЖЕН

(род. в 1839 г. – ум. в 1871 г.)

Выдающийся лидер французских рабочих и анархистов-бакунистов, лидер Первого Интернационала во Франции, один из руководителей Парижской коммуны.

Луи Верлен родился в деревне Вуазен на Марне 5 октября 1839 года в крестьянской семье. В ранней юности он перебрался в Париж, работал переплетчиком, посещал вечернюю школу. В 19 лет Верлен организовывает в Париже кооперативное общество переплетчиков. В начале 1960-х годов Луи Верлен стал одним из самых известных активистов рабочего движения в Париже. Он организует рабочие Советы, стачки, пытается пройти на выборах в законодательный корпус Франции.

В 1865 году Верлен создает первую секцию Первого Интернационала в Париже, избирается в Бюро Интернационала, делегатом Лондонской конференции Интернационала. В том же году начинает издавать леворадикальную газету «Рабочая трибуна». Политические воззрения Верлена к 1865 году можно определить как анархо-левопрудонистские. В 1868 году по Франции прокатилась волна арестов членов Интернационала, и Верлен на три месяца оказывается за решеткой. После выхода из

тюрьмы он становится активным сторонником Бакунина, борется с Марксом на Базельском конгрессе Интернационала.

В 1869 году во время революционного подъема во Франции Верлен – руководитель рабочего движения в Париже, он призывает рабочих Парижа к всеобщей стачке. Одновременно он стремится объединить лидеров рабочих обществ Франции в рабочую «Федеративную палату», которая станет прототипом будущего нового правительства.

В 1869 году правительство императора Наполеона III решает дать открытый бой революционному движению. Солдаты стреляют в бастующих, проходят массовые аресты. В ответ на террор властей Верлен в газете «Марсельеза» пишет, что «немыслимо жить при таком социальном строе», начинает сбор добровольных пожертвований в помощь забастовщикам и семьям расстрелянных рабочих.

Похороны журналиста Виктора Нуара, убитого двоюродным братом императора Франции, едва не вылились в вооруженное столкновение. В Париже Верлен выступает перед народом с зажигательными речами, призывая сбросить с трона ненавистного императора, требует освобождения арестованного редактора газеты «Марсельеза». Верлен выступает против национальной розни и захлестнувшей Францию волны шовинизма и милитаризма. В январе 1870 года Верлен ненадолго оказывается в тюрьме – в одиночной камере с издевательским названием «Здоровье».

Испуганный размахом революционного движения, Наполеон III решает провести всенародный плебисцит о доверии к власти. Французы должны были ответить, одобряют ли они либеральные реформы императора и поддерживают ли они Конституцию Франции. К тому времени Верлен уже освобожден из тюрьмы, он включился в активную политическую борьбу под лозунгом «Бойкот плебисциту и немедленное установление прямого народоправства». Но плебисцит показал, что 70 % населения Франции одобряют политику императора.

Верлен мечтает о «Всемирной социалистической республике» и зазывает Бакунина в бунтующий Париж. Одновременно Верлен формирует в Париже 25 секций Первого Интернационала, которые объединяются в Парижскую федерацию Первого Интернационала. Верлен возглавляет эту организацию, считая целью ее борьбу против государства, частной собственности, церкви, военной мобилизации.

В конце апреля 1870 года Верлен бежит из Парижа в Бельгию и под чужим именем поселяется в Брюсселе, но вскоре переезжает в Антверпен. Во Франции идут аресты активистов рабочего

движения и Первого Интернационала, и Верлен опасается за свою свободу и жизнь.

В то же время в Париже была реорганизована Федерация Интернационала и возникла идея создания национальной федерации, в которую вошли бы секции Интернационала семи городов Франции. В июне 1870-го в Париже проходит третий судебный процесс против лидеров Интернационала. Обвиняемых – 38 человек. Опасения Верлена подтверждаются – парижский суд заочно приговорил его к тюремному заключению и штрафу в 100 франков. Еще семь обвиненных получили такое же наказание, а 27 человек были приговорены к двум месяцам тюрьмы. 8 июля 1870-го власти официально объявили о роспуске Парижской организации Интернационала.

17 июля 1870 года началась франко-прусская война, и армия Наполеона III бесславно проигрывает одно сражение за другим. Верлен возмущается: «Почему же при первых военных поражениях народ Парижа не ниспроверг империю и не противопоставил прусскому королю революционную Францию?» 11 августа 1870-го Федерация профессиональных обществ Парижа направила к депутатам-республиканцам делегацию, требуя начать революцию. Но республиканцы проявили осторожность. А вот сотня бланкистов-заговорщиков 14 августа 1870 года попыталась произвести переворот, начав со штурма казармы и арсенала в Ла Валетт. Выступление бланкистов потерпело полный крах, большинство из них оказались в тюрьмах. Верлен писал: «Зачинщики этой вылазки – просто безумцы».

Но поражение французских войск спровоцировало «бескровную революцию» в Париже 4 сентября 1870 года, и монархия Наполеона III была сметена. Во главе нового республиканского правительства встали генерал Трюшо и Жюль Фавр. После победы революции Верлен вернулся в Париж, вступил в революционную Национальную гвардию, он – командир 193-го батальона. Одновременно он восстанавливает секции Интернационала и создает Республиканские комитеты.

Однако пришедшее к власти республиканское правительство «Национальной обороны» усилило шовинистическую пропаганду против немцев и начало тайные переговоры с прусским правительством. В то же время революционные требования народа республиканской властью игнорировались.

31 октября 1870 года в Париже временно победила «бланкистская революция», республиканские вожди были арестованы прямо в парижской Ратуше, к власти пришли знаменитые заговорщики-революционеры Бланки и Луи Блан. Но парижские анархисты (прудонисты и бакунисты) воздержались от

участия в бланкистской революции, считая бланкистов сторонниками революционной диктатуры. Верлен же скептически отнесся к бланкистам. Находясь со своим батальоном возле Ратуши, он объявил о своем нейтралитете и не помогал ни бланкистам, ни республиканцам. Бланкисты потерпели сокрушительное поражение.

В конце 1870 года Верлен ушел из армии и принял от республиканского правительства пост секретаря мэра 18-го округа Парижа, позже возглавил продовольственную комиссию округа, пытался организовать снабжение рабочих продуктами по фиксированным ценам. На своем «официальном посту» Верлен требовал, чтобы власть в Париже перешла в руки рабочих.

22 января 1871 года огромная толпа парижан осадила Ратушу. Но лидеры «новых республиканцев» приказывают армии открыть огонь по демонстрантам. Верлен тоже находится в рядах демонстрантов, после разгона демонстрации он становится одним из самых ярых противников республиканцев. Верлен призвал Национальную гвардию вооружить народ и сокрушить предавшее народ правительство. Уже через месяц при непосредственном участии Верлена в Париже была организована боевая революционная организация – Федерация батальонов Национальной гвардии.

Однако в первых числах марта 1871 года правительство Тьера призывает в Париж части прусской армии и решает разоружить Национальную гвардию, которая отказывается подчиняться правительству. Центральный комитет Национальной гвардии решает воспрепятствовать разоружению и сохранить пушки.

18 марта 1871-го начинается революция, которая будет названа Парижской коммуной. В первых рядах революционеров шел Верлен, командир двух батальонов Национальной гвардии рабочего предместья Парижа Батиньоль, позже он командовал соединением из 6 батальонов Национальной гвардии. 18–20 марта восставшие захватывают Париж, вооружают рабочих и беспризорников. В боях на Вандомской площади отличилось соединение Национальной гвардии под командованием Верлена. В первые дни революции власть в Париже захватил ЦК Национальной гвардии, в котором Верлен был самым влиятельным.

После несостоявшегося примирения с мэрами парижских округов власть в Париже взял в свои руки революционный муниципальный совет – Парижская коммуна. Верлен был избран от трех парижских округов, и его влияние в Коммуне стало весьма значительным. Как анархист Верлен предлагал решительные меры: национализация частной собственности,

арест республиканского правительства Тьера, засевшего в Версале. Но большинство членов Коммуны пребывали в нерешительности, некоторые даже надеялись договориться с правительством.

Верлен вошел в состав военной комиссии, комиссии по финансам и продовольственной комиссии. В апреле он участвует в боях за овладение фортами Парижа. 1 мая 1871 года, когда отряды версальцев начали штурм Парижа, был создан «Комитет общественного спасения», наделенный чрезвычайными полномочиями. Но Верлен как убежденный анархист был категорически против создания комитета с неограниченными полномочиями. Одновременно у Верлена возник конфликт с ЦК Национальной гвардии, который тоже стремился к единовластию в Коммуне. Верлен потребовал контроля над ЦК Национальной гвардии со стороны Коммуны, даже стремился лично контролировать наиболее «самостоятельных» командиров.

Уже 9 мая 1871 года Верлен настаивает на роспуске «Комитета общественного спасения», который не смог организовать оборону Парижа и наступательные операции. Позиция Верлена и его единомышленников привела к роспуску старого, скомпрометировшего себя комитета, и созданию нового. Меньшинство Парижской коммуны, прежде всего анархисты, демонстративно вышли из нее в знак протеста против диктатуры «комитетчиков». Интересно, что руководство Первого Интернационала в те жаркие дни потребовало от Верлена вернуться в Коммуну, называя его дезертиром и раскольником. Верлен вернулся в Коммуну только 17 мая 1871-го, не отказавшись от критики «диктаторов»-коммунаров. Раскол в руководстве Коммуны привел к потере доверия у населения Парижа к лидерам революции и ускорил падение Коммуны.

21 мая 1871 года версальцы сломили оборону коммунаров и ворвались в Париж. В течение семи дней, получивших название «кровавой недели», восставшие парижане сражались в своих округах, на баррикадах, защищая каждый квартал революционного Парижа.

Во время уличных боев в Париже Верлен вернулся в ряды коммунаров, возглавив Шестой легион Национальной гвардии. 21–24 мая он – командир обороны Шестого округа Парижа, командует обороной Люксембургского сада и Пантеона. 25 мая после гибели Дельклюза Верлен, становится военным делегатом Коммуны. Он уходит с баррикад только для экстренных совещаний в штабе обороны. 26–27 мая Верлен сражается на последних баррикадах Монмартра. Восставшие полностью окружены, они знают, что большая часть Парижа захвачена

версальцами, но продолжают сражаться. Обессилевший Верлен и четыре анархиста защищают одну из последних баррикад Парижа – семь бессонных дней упорных боев. В час затишья Верлен падает от усталости и засыпает прямо на скамейке. За эти несколько часов версальцы прорвались к его баррикаде и перебили защитников. Спящего Верлена опознал священник, он и привел солдат, арестовавших бунтаря.

Арестованного и избитого Верлена 28 мая 1871 года целый день водили по разгромленным улицам Парижа в кандалах, показывая жителям последнего защитника революции. Под вечер его привели на Монмартрский холм, где состоялся скорый военно-полевой суд. Приговор – расстрел.

КРОПОТКИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ

(род. в 1842 г. – ум. в 1921 г.)

Выдающийся теоретик анархизма, создатель движения мирового анархо-коммунизма.

Петр Кропоткин родился 9 декабря 1842 года в Москве в знаменитой и богатой княжеской семье. По отцу великий анархист – из княжеской династии Рюриковичей, что правила русскими землями до XVII века. Род Кропоткиных – Рюриковичей ведет свой отсчет от князей Смоленских, которые в XV веке перешли на службу к московскому великому князю. По линии матери Петр Кропоткин – внук героя войны 1812 года генерала Сулимы, который, в свою очередь, считал себя потомком гетмана украинских казаков, поднявших запорожцев на восстание против польских панов.

Отец Кропоткина – отставной офицер, владел имениями с полутора тысячами крепостных в трех губерниях. Его сын с детства негодовал по поводу крепостного права и прислушивался к мнению домашнего учителя – студента университета Смирнова, который привил мальчику идеалы демократии. Петр Кропоткин окончил Первую московскую гимназию и Пажеский корпус. Как первого ученика корпуса его приблизил к себе император

Александр II, Петр стал личным камер-пажем императора. В Пажеском корпусе Кропоткин выпускает рукописный журнал, в котором пропагандирует идеи конституции и либерализма.

После окончания корпуса в 1862 году Кропоткин не остался при дворе, а решил «послужить обществу» и попросился служить в Сибирь – офицером в Амурское казачье войско. Царский манифест об освобождении крестьян породил в обществе либеральные надежды, и молодой князь решил способствовать реформам в Сибири, исследовать далекие земли империи. В те времена в среде образованных людей Сибири были сильны либеральные идеи, даже обсуждали проект отделения Сибири от России и образования демократических Сибирских Соединенных Штатов.

В сибирский период Кропоткин предпринял ряд экспедиций, которые дали обширный материал для географических и геологических трудов молодого офицера. Он разведал пути доставки продовольствия из Забайкалья в Благовещенск через непроходимую тайгу, составил карты, провел геологические исследования. Кропоткин сделал открытие: нанесенного на географические карты гигантского горного хребта, что тянется от Монголии до Аляски, не существует. Еще одно открытие Кропоткина – вулканическая область нагорья Большого Хингана. В 1865 году Кропоткин организовал экспедицию с целью определения масштабов ледниковых отложений в Иркутской губернии. После этой экспедиции у Кропоткина возникла идея о ледниковых рельефах Сибири и причинах ледниковых явлений. В следующем году он предпринял Олекминско-Витимскую экспедицию, за которую Русское географическое общество присудило ему золотую медаль. Кропоткин обнаружил следы ледников и открыл, что Сибирь не равнина, а громадное плоскогорье.

В Сибири Кропоткин работал в комиссии по подготовке проекта реформы тюрем и мест поселения, участвовал в составлении проекта городского самоуправления, занимался расследованием дел, связанных со злоупотреблением должностными лицами властью. Во время своих экспедиций Кропоткин знакомится с бытом казаков и сектантов-духоборов, переселившихся на Амур. Анархические общины духоборов, самоуправление казачьих кошей, чтение Прудона формировали у князя-либерала анархистские воззрения. Разочарование в офицерской службе пришло после жестокого подавления в 1866 году в Сибири восстания ссыльных поляков.

В 1867 году Кропоткин вышел в отставку и возвратился в Петербург, поступил в Петербургский университет. Кропоткин-

студент опубликовал 80 научных работ и монографий, получил золотую медаль Географического общества, был секретарем одного из его отделений, служил чиновником в Центральном статистическом комитете Министерства внутренних дел. Кропоткин мечтал создать полное географическое описание России, но когда в 1871 году он получил такое почетное предложение, то отказался от него. География и геология были не единственной страстью Кропоткина. В 1871 году он увлекся революционными идеями, вступил в радикальный подпольной кружок Чайковского, где близко сошелся с Софьей Перовской и Степняком-Кравчинским.

В начале 1872 года Кропоткин получил разрешение на поездку за границу – в Швейцарию, Францию, Бельгию. Полгода князь провел среди европейских социалистов и русских эмигрантов. В Швейцарии он вступил в одну из секций Первого Интернационала, видел «безначалие» в среде бакунистов Юрской федерации. Кропоткин говорил, что он стал анархистом именно в Швейцарии. Взяв с собой груз нелегальной литературы, Кропоткин приехал в Петербург в июле 1872 года. Он мечтал наладить конспиративную работу при дворе и создать в Зимнем дворце конституционную партию заговорщиков. Но в 1873 году князь решает заняться революционным просвещением рабочих в нелегальных рабочих кружках.

Осенью 1873 года по поручению «чайковцев» (членов кружка Н. В. Чайковского) Кропоткин составил программный документ организации и ее манифест: «Должны ли мы заняться рассмотрением идеала будущего строя?» В этом документе идеалом будущего строя объявлялась «анархия» – т. е. «союз вольных коммун» без центральной государственной власти. Движущими силами для проведения в жизнь анархической программы Кропоткин считал не только крестьян, но и городских рабочих: «Здесь мы должны распространять наши воззрения, здесь должны мы подыскать товарищей. Прежде всего восстание должно произойти в самом крестьянстве и городских рабочих, только тогда может оно рассчитывать на успех».

Кропоткин прошел путь от восторженного принятия реформ Александра II до полного неприятия царской политики и превращения в заклятого врага царизма. Он общался со многими известными революционерами. В этом кругу были: П. Л. Лавров, С. М. Степняк-Кравчинский, В. И. Засулич, В. Н. Фигнер, Е. К. Брешко-Брешковская, Луиза Мишель, Эмиль де Лавеле. Согласно списку, составленному самим Кропоткиным, он вел переписку с 249 корреспондентами.

21 марта 1874 года Кропоткин прочитал доклад в

Географическом обществе о ледниковом периоде, ему было предложено занять место председателя Отделения физической географии этого общества. Через день Петр Алексеевич был арестован и оказался в Петропавловской крепости. Как члену Географического общества ему разрешили заниматься письменным трудом в камере. Больного, с признаками цинги Кропоткина перевели в тюремный лазарет, откуда летом 1876 года он совершил дерзкий побег. Пользуясь тем, что лазарет практически не охранялся, Кропоткин во время прогулки выбегает из его ворот и садится в пролетку, в которой князя уже поджидают друзья.

Через Финляндию в августе 1876 года Кропоткин уезжает в Западную Европу и поселяется в Лондоне. Оказавшись без средств, Кропоткин пытается заработать литературным трудом: статьями для географического журнала “Nature”, статьями в Британскую энциклопедию. В начале 1877 года князь-революционер переезжает в материковую Европу. Поселившись в швейцарском Локарно, он частенько наведывается в Италию и Францию. В конце 1870-х годов Кропоткин близко сходится со многими деятелями русского и международного революционного движения, участвует в Международном социалистическом конгрессе в Генте (Бельгия).

Кропоткин издает анархистскую газету «Бунтовщик» на французском языке, работает над обширным трудом «Всеобщая география». Однако в 1881 году его высылают из «самой либеральной» страны мира – Швейцарии.

Власти Франции и Швейцарии усилили репрессии против лидеров анархистского движения, обвинив их в принадлежности к уже не существовавшему Интернационалу. Некоторое время Кропоткин живет в Лондоне, потом перебирается в Париж, но в Париже в декабре 1882 года его арестовывают по подозрению в причастности к взрывам в Лионе, совершенным группой анархистов-террористов с целью обострения политической обстановки во Франции. Кропоткин был приговорен к пяти годам тюремного заключения как «член Интернационала». В его защиту выступили самые известные люди Европы – философ Герберт Спенсер, писатель Виктор Гюго и другие, подписавшие петицию с просьбой освободить князя. В январе 1886 года французские власти вынуждены Кропоткина освободить, он переехал в Англию, где осел с семьей на долгие годы. Слежку за Кропоткиным, этим «опасным политическим преступником», вела за границей «Священная дружина» – организация, созданная при императоре Александре III с целью пресечения революционного движения и имевшая заграничную агентуру. «Дружина» вынесла

Кропоткину смертный приговор.

В Лондоне жена Кропоткина, Софья Григорьевна, родила дочь. Кропоткин заведует отделом в редакции толстого английского журнала, пишет статьи по биосоциологии, географии и параллельно разрабатывает теорию анархизма, став творцом нового течения – анархо-коммунизма. Кропоткин заявил о себе как крупнейший теоретик мирового анархизма. После смерти Бакунина в 1876 году он – самый авторитетный деятель анархо-коммунизма.

Как ученый-естествоиспытатель Кропоткин стремился в теории анархизма применить научные методы. Для него анархизм – не просто идеал свободного безгосударственного общественного устройства, а философия – философия природы и человеческого общества. Метод познания Кропоткина был основан на единстве всего живого на Земле и едином для всех законе взаимной помощи и взаимосвязанности. Он доказывал, что закон взаимной помощи играет огромную роль в развитии всего живого. Кропоткин напоминал, что инстинкт взаимопомощи существует и в среде «общественных животных»: муравьев, пчел… Ученый, отобрав из множества примеров и фактов самые убедительные, доказывал, что стремление к общению помогает животным выстоять в борьбе и сохранить свой вид. Именно этот инстинкт, развивавшийся в течение долгого времени среди животных и людей, научил их «сознавать силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку…» Инстинкт взаимопомощи, по Кропоткину, сыграл роль в создании таких форм человеческого общежития, как род, община, цехи, гильдии, вольные города, кооперативы, объединения людей по интересам, профсоюзы.

Кропоткин доказывал, что закон взаимной помощи и солидарности – это всеобщий биосоциологический закон, который является условием прогресса человеческого общества, фактором его эволюции. «Что взаимная помощь, – писал он, – лежит в основе всех наших этических понятий, достаточно очевидно». В своей последней работе «Этика», оставшейся незавершенной, Кропоткин писал, что равенство в социальном плане – это и есть идеал анархо-коммунизма. В трактовке ученого равенство есть признание свободной личности, права на ее всестороннее развитие.

Идя за Бакуниным, Кропоткин доказывал, что государство – главное зло, которое делает человека рабом. Оно «…защитник собственности, основанной на захвате чужой земли и чужого труда». Кропоткин считал, что либо государство раздавит личность и частную жизнь, либо оно должно быть разрушено, что

будет означать возрождение новой жизни. Безгосударственное общество теоретик анархизма представлял в виде вольного федеративного союза самоуправляющихся единиц – общин, территорий, автономий, над которыми не тяготеет центральная власть и которые строят свои взаимоотношения на принципе добровольности и безначалия.

В 1888 году Кропоткин основывает анархистскую газету «Свобода» на английском языке и начинает тесно сотрудничать с еврейской анархистской организацией Лондона. В 1897 и 1901 годах он посещает Канаду и США, где читает лекции по русской литературе и теории анархизма. Кропоткин считал, что революционная борьба «…должна быть направлена главным образом на экономические, а не на политические формы». По его словам, он смог бы поддержать террор лишь в том случае, если этот вид борьбы будет подкреплен «…вооруженною борьбою против ближайших врагов крестьянина и рабочего» и вестись будет «с целью взбунтовать народ». Со временем взгляды Кропоткина на революционное насилие стали более жесткими. Он пришел к выводу, что чувство мести, рождающееся в народе по отношению к своим угнетателям, вполне объяснимое в данной конкретной обстановке, «…несовместимо с высшей нравственностью и способно причинить революции лишь вред».

С 1885 по 1913 год Кропоткин написал свои главные труды: «Речи бунтовщика», «Хлеб и воля», «Взаимная помощь как фактор эволюции», «Записки революционера», «Идеалы и действительность в русской литературе», «Великая французская революция», «Современная наука и анархия». Социальную революцию Кропоткин считал закономерным явлением исторического процесса, «резким скачком вверх», который должен привести к полному уничтожению все институтов власти.

В начале XX века Кропоткин воспитал новое поколение анархистов, сгруппировав его вокруг газеты «Хлеб и воля». Его идеи нашли свою аудиторию и практическое воплощение, положив начало (с 1902–1903 гг.) анархистскому движению в России, Польше, Украине, Грузии, Прибалтике… С 1903 по 1917 год Кропоткин – признанный лидер анархистского движения в Восточной Европе.

Кропоткин мечтал о свободном безгосударственном обществе, политика которого построена на всеобщем биосоциологическом законе взаимной помощи и солидарности. Он считал, что государство, бюрократия, система образования и воспитания душат свободу личности, что государство – главное зло, которое делает человека рабом. Кропоткин писал: «Человек, далеко не такой кровожадный зверь, каким его обыкновенно

представляют, чтобы доказать необходимость господства над ним; он, наоборот, всегда любил спокойствие и мир». С одной стороны, теоретик анархизма призывал к насильственному изменению общественного строя и организации анархистов-коммунистов, проповедовал террор, с другой же – призывал заняться не метанием бомб, а разработкой основ революционной морали. На Лондонском конгрессе анархистов в 1907 году Кропоткин требовал включить в итоговый документ Конгресса моральный кодекс революционера. Однако он выступил за войну против германского милитаризма, когда мир взорвался грохотом Первой мировой войны.

После Февральской революции в июне 1917-го Кропоткин возвращается в Россию. На Финляндском вокзале князя встречала 60-тысячная толпа почитателей, министры Временного правительства во главе с Керенским, почетный караул. Кропоткин отказался от предложения участвовать в новом правительстве, не стал баллотироваться в Учредительное собрание и заявил, что считает ремесло чистильщика сапог более почетным и полезным, чем участие в государственной власти. Он утверждал, что власть должна устанавливаться не через выборные центральные органы, а снизу, через свободные ассоциации граждан. До середины августа 1917 года Кропоткин жил в Петрограде, потом в Москве. Он старался, чтобы его имя не использовали в своих целях политические силы, однако согласился принять участие в Государственном совещании. На Государственном совещании в Москве (август 1917 г.) анархисты были разочарованы, услышав выступление Кропоткина, призывавшего во имя победы над Германией к объединению усилий власти, капитала и Советов. Но Махно сохранил убежденность, что «Петр Алексеевич оставался великим и сильным теоретиком анархизма, не сломи его физически время, он стал бы перед русской революцией практическим вождем анархизма».

Но Кропоткин отошел от революции и русского анархического движении. Анархисты различных толков – Новомирский, Боровой, Черный, Махно – предлагали ему сотрудничество, однако Кропоткин предпочел независимость и одиночество. Тяжелое впечатление произвела на него встреча с русскими анархистами, которые показались ему грубыми разрушителями, мечтающими только о насилии и дележе капитала. «И для этого я всю жизнь работал над теорией анархизма!» – с горечью воскликнул старый революционер при встрече с Плехановым, тоже вернувшимся из эмиграции. С болью первый русский марксист ответил ему: «Я в таком же положении. Мог ли я думать, что моя проповедь научного социализма

приведет ко всему тому, что творят и делают сейчас…» В то же время Кропоткин писал: «Я рассматриваю Октябрьскую революцию как попытку довести до логического конца предыдущую Февральскую революцию с переходом к коммунизму и федерализму».

В 1917–1918 годах Кропоткин принимал участие в работе Лиги федералистов, созданной для пропаганды идей децентрализма. В подготовленном им обращении московской Лиги федералистов о задачах этой организации говорилось, что восстановить прежнюю форму единства страны, распавшейся в результате свержения монархии, нельзя, ибо это единство держалось на насилии. Единственным спасением для России называлось «…превращение ее в тесный союз (федерацию) свободных областей и народов…» При этом особо подчеркивалось, что «…в основе общественного устройства России должен лежать не государственный централизм, а местная самостоятельность (автономия) и федеративное (союзное) добровольное объединение».

Кропоткин был против восстановления единства страны путем насилия и полагал, что будущее России необходимо строить на основе местного самоуправления и добровольного объединения. Он считал идею Советов вершиной самоуправления народа, осудил интервенцию Запада, в то же время остро критиковал диктатуру ленинской партии, ограничение демократических свобод, красный террор. Он предсказывал, что большевистская революция «неизбежно ведет к реакции».

В своем обращении в 1920 году к рабочим и прогрессивной общественности Западной Европы Кропоткин заявлял, что Советы должны стать орудием строительства новой жизни. Но установление диктатуры одной партии и ограничение демократических свобод неизбежно приведут к утрате значения Советов. При переходе к созданию общества на новой экономической основе сохранение тоталитарного режима, как пророчески предсказал Кропоткин, «…вынесет смертный приговор строительству нового общества». Кропоткин обличал бюрократизацию местных органов советской власти, засилье в них партийных чиновников, безразличие к нуждам простых людей.

В 1919–1920 годах Кропоткин, по его собственному признанию, не видел партии, «…которая могла бы занять место большевиков без того, чтобы это не повлекло за собой общую политическую и экономическую реакцию и жестокое кровопролитие». В неопубликованной статье «Современное положение России» он констатировал, что в России «…долго

задержанная потребность реформ пробилась в форме революции», но революционная власть в России приняла характер якобинской диктатуры, убившей самостоятельность и инициативу народа. Кропоткин считал, что начатая в такой форме революция «… неизбежно ведет к реакции».

В 1919–1920 годах знаменитый анархист трижды встречался с Лениным, убеждая последнего в ошибочности политики, построенной на насилии и терроре. Кропоткин неоднократно обращался к лидеру большевиков, пытаясь защитить кооперативное движение, толстовцев, интеллигенцию. Есть свидетельства современников, что Ленин под влиянием Кропоткина отменил данное в ноябре 1918 года разрешение ЧК проводить расстрелы без суда и следствия, что спасло жизнь многим людям.

В статье «Что же делать?» Кропоткин призвал представителей различных партий и всех слоев общества к гражданскому миру и согласию. В письмах к Ленину он осудил красный террор и особенно введение большевиками института заложничества, называя подобные акции недостойными руководителей социалистической революции. Но Кропоткин не выступил с публичным осуждением крайностей революционной диктатуры, хотя многие этого ждали. Причиной молчания было, очевидно, то, что, считая диктатуру временным явлением, он все же надеялся, что большевики «…через свои ошибки придут в конце концов к тому безвластию, которое и есть идеал».

Весной 1918 года Кропоткин из голодной и тревожной Москвы перебрался с семьей в подмосковное захолустье – в Дмитров. От кремлевского пайка князь отказался и вынужден был жить огородом, коровой и посылками от преданных анархистов. Последняя его книга «Этика» в годы братоубийства утверждала идеалы добра, веру в величие и мудрость человека.

Когда в феврале 1921 года Кропоткин скончался, проводить его в последний путь пришли десятки тысяч человек. На похороны прибыли анархисты, отпущенные на день похорон из Бутырской тюрьмы.

Троцкист Виктор Серж так описывает похороны Кропоткина: «Вокруг тела великого старца, выставленного в Колонном зале Дома Союзов, вопреки доброжелательной тактичности Каменева множилось число инцидентов. Тень ЧК была повсюду, но плотная взволнованная толпа все прибывала, похороны становились многозначительной манифестацией. Каменев пообещал освободить на один день всех заключенных анархистов; таким образом, Арон Барон и Ярчук смогли нести почетный караул у бренных останков. Застывшая голова, высокий открытый лоб,

тонкий нос, снежно-белая борода – Кропоткин был похож на уснувшего волхва, а между тем гневные голоса вокруг шептали, что ЧК нарушает обещание Каменева, что в тюрьмах решили объявить голодовку, что такие-то и такие-то только что арестованы, что расстрелы на Украине продолжаются… Трудные переговоры о праве поднять черное знамя или произнести речь возбуждали в толпе исступление. Длинный кортеж в оцеплении взявшихся за руки студентов направился на Новодевичье кладбище с дружным пением и под черными знаменами, надписи на которых обличали тиранию… Изможденный, бородатый Аарон Барон, арестованный в Украине, которому предстояло вечером вернуться в тюрьму и сгинуть там навсегда, высказал решительный протест против нового деспотизма, подвальных палачей, дискредитации социализма, правительственного насилия, растоптавшего революцию».

В Москве в доме, где родился Кропоткин, был открыт музей, Кропоткинский комитет устраивал вечера, на которых читались лекции по анархистской и религиозно-философской проблематике. Но в 1929–1930 годах члены Кропоткинского комитета были арестованы, а во второй половине 1930-го музей был закрыт, хотя память о Кропоткине была увековечена в сталинской России в названии города на Кубани и станции московского метро.

ЧЕРКЕЗОВ ВАРЛААМ НИКОЛАЕВИЧ

Настоящее имя – Черкезошвили Варлаам Асланович
(род. в 1846 г. – ум. в 1925 г.)

Известный грузинский анархист, «разоблачитель» Маркса и Энгельса.

Отпрыск знатного грузинского рода князей Черкезошвили Варлаам родился в княжеском поместье в Тифлисской губернии в 1846 году. Он окончил престижный кадетский корпус в Петербурге, но отказался от уготовленной ему придворной карьеры и уже в юности увлекся революционными идеями. В 1864 году Черкезов познакомился с будущим террористом Каракозовым и примкнул к кружку «ишутинцев». В 1865 году он поступил в сельскохозяйственную академию, где организовал революционный кружок среди студентов. После покушения Каракозова на царя Александра II в апреле 1866 года Черкезов был арестован и приговорен к 8 месяцам заключения за «недонесение о готовившемся преступлении».

В 1867 году Черкезов поступает в Петербургский университет, но уже в следующем году бросает учебу и переезжает в Москву, где становится активистом и одним из лидеров кружка Нечаева. Тогда же под влиянием Кропоткина он

увлекается идеями анархистов-бакунистов. В 1869 году, спасаясь от ареста, Черкезов уезжает на Кавказ, потом оседает в городке Ливны. Однако в декабре 1869 года он был арестован и до 1873 года находился в тюрьме, после чего был сослан по «нечаевскому делу» в Сибирь.

В 1876 году Черкезов бежал из ссылки и обосновался в Лондоне. Тогда он примкнул к революционерам-эмигрантам, последователям Лаврова. Но ограничиться пропагандой революционных идей для Черкезова было недостаточно и, переехав в Швейцарию, он примыкает к бакунистам.

В эмиграции грузинский князь влачит полуголодное существование, работает в журналах эмигрантов-революционеров. В 1878 году он активно участвует в выпуске первой газеты русских анархистов «Община», в газете Кропоткина «Бунтарь». В начале 1880-х годов Черкезов – один из лидеров анархистского Интернационала и Юрской федерации анархистов. Но в 1883–1885 годах он отходит от революционной деятельности, скитается по Австро-Венгрии, Румынии, Турции в поисках работы и убежища. В 1885 году Черкезов поселился в Грузии, стал репетитором детей княгини Мухранской.

В 1889 году Черкезов, почувствовав в себе возрождение «революционной потенции», бежит за границу, поселяется в Лондоне, участвует в работе «Фонда вольной русской прессы», сотрудничает во французских и английских анархистских изданиях. В 1890-х годах Черкезов известен как виднейший «марксоед»: он доказывал, что Маркс и Энгельс не более чем компиляторы. Возмущенный «научно-социалистическим» чванством марксистов, он яростно разоблачал наукообразность их методов. В своих книгах «Предтечи Интернационала», «Доктрины марксизма», «Наконец-то сознались!», в предисловии к «Государственности и анархии» Черкезов доказал, что большая часть «Коммунистического Манифеста» была заимствована Марксом и Энгельсом у фурьериста Виктора Консидерана, что Энгельс свою знаменитую книгу «Положение рабочего класса в Англии» буквально списал у французского социалиста Бюре.

В 1890-е годы Черкизов – сторонник независимости Грузии, требует с трибуны Лиги мира независимости для нее. В начале XX века Черкезов вместе с грузинским анархистом Гогелия становится создателем Партии социалистов-федералистов Грузии (1901–1907 гг.), которая выступает за социализм с элементами анархизма и за независимость Грузии.

В начале XX века Черкезов – ближайший помощник Кропоткина, редактор газеты «Хлеб и воля». Черкезов разрабатывает планы «экспорта» анархизма в Россию и Грузию.

Он чрезвычайно авторитетен в грузинских демократических кругах. Против него была написана первая теоретическая работа Сталина «Анархизм или социализм?», в которой автор заявлял: «Краеугольный камень анархизма – личность… Краеугольным же камнем марксизма является масса».

После Манифеста 17 октября 1905 года и амнистии Черкезов возвращается в Россию и поселяется в Тифлисе. В конце 1905 года он издает несколько анархистских газет на грузинском языке: «Призыв», «Голос», «Рабочий». Но в стране побеждает реакция, и в июле 1906 года Черкезов вновь эмигрирует в Англию. В 1908 году Черкезова обвинили в национализме грузинские анархисты и он временно отошел от борьбы. В 1914 году Черкезов, как и Кропоткин, объявляет себя сторонником войны России против Германии «до победного конца». Весной 1917 года он вернулся в Грузию, отныне он – видный политический деятель независимой Грузинской республики. Но после советской оккупации Грузии в 1921 году он уехал в Лондон. Последние четыре года жизни князь болел, сильно нуждался, но находил в себе силы работать над воспоминаниями о революционной молодости.

Из книги В. Черкезова «НАКОНЕЦ-ТО СОЗНАЛИСЬ!» (Тифлис, 1907 г.)

«…Основные идеи Коммунистического Манифеста – не оригинальные и великие открытия Маркса и Энгельса, как то утверждали до сих пор… Каутский, Бебель и другие, а были общераспространенными воззрениями у французских социалистов до 1848 года… Все те идеи были изложены еще в 1843 году в Манифесте знаменитого фурьериста Виктора Консидерана…

Трудовая теория ценности. Опять ошибаетесь, отвечали анархисты и независимые ученые. Трудовую теорию ценности установил и разработал Адам Смит ровно за сто лет до появления «Капитала» Маркса. При этом указывали им и страницы (1, 38, 39, 40, 43, 53) великого произведения Адама Смита…

Экономическое объяснение истории. Но об этом экономическом объяснении, о роли экономических факторов в истории писали Бланки, Огюстен Тьерри, Давид Юм, Гизо и другие еще тогда, когда Маркс и Энгельс грамоте только обучались. Из их современников, их вполне игнорировавших, писали также Годкинс, Бокль, Тороль Роджерс и другие. Роджерс и книгу целую издал под заглавием «Экономическое объяснение истории». – Что же касается до эволюционного воззрения на историю и на естественное развитие человечества, то, начиная с Вико, Энциклопедистов (Вольтер), Гердера, Фурье, Огюста Конта и

кончая Боклем, Спенсером, Морганом… словом, вся индуктивная наука его разработала….

Борьба классов в истории (см. Энгельса, Каутского, Плеханова и друг.). И на это отвечали им, что о борьбе классов говорили и писали особенно у французов и англичан со времени великой революции, начиная с Сийеса, Томаса Пейна и Годвина, кончая Гизо, Луи Бланом, Бюре, Ривером, Бланки и другими.

Концентрация капитала, по которому число капиталистов с 1845 года всё убывает, так как «один капиталист убивает многих» (Маркс). – Во-первых, отвечали им, о концентрации капиталов писали за двадцать лет до Маркса французы Бюре, Виктор Консидеран и другие. А во-вторых, статистика показала, что число капиталистов и эксплуататоров рабочих не убывает, а быстро возрастает. Их число с 1845 года утроилось…

Рабочее парламентское представительство, задуманное немцами в 1867 году и установленное как тактика партии научного социализма в 1873 году.

Опять им напомнили, что французские прудонисты Толон, Лимузен, Фрибург, Моленж и другие еще в 1862 г. выступали с рабочими кандидатурами; что сам Прудон начал в 1864 г. целый трактат «О политической способности рабочего класса»… что Джон Стюарт Милль в письме к тредюнионисту и интернационалисту Оджеру настаивал еще в 1870 г. на рабочей кандидатуре, дабы вырвать у буржуазии (виги) уступки и реформы в пользу рабочих классов…

…основан Интернационал был в 1862 г. вышеназванными прудонистами французскими рабочими Толеном и другими и английскими тред-юнионистами с Оджером и Юнгом во главе, а Маркс присоединился к нему спустя два года, осенью 1864 г. по пригласительному письму Юнга…

Формула рабочего движения: «Освобождение рабочих классов должно быть делом самих рабочих». И на это почтительно заметили, что окончательный разрыв пролетариата с радикальной буржуазией совершился в кровавые дни июля 1848-го – на баррикадах Парижа, о чем свидетельствуют все историки, рабочие (Дежак) и современники (Гюго, Видаль, Прудон, Герцен в «С того берега», Тургенев в «Наши послали»). А внесли эту формулу в статуты Интернационала по требованию французских рабочих, которые даже настаивали на том, чтобы членами Интернационала принимались только живущие ручным трудом…

Диалектический метод. На это отвечали, что еще Аристотель в своей «Логике» описал этот метод и назвал его изобретателем Зенона Элейского, основателя школы софистов. Маркс и Энгельс первые указали на важность рабочего законодательства. – Опять

неверно, отвечали им. Еще в 1802 году, задолго до рождения Маркса и Энгельса, по инициативе Роберта Оуэна, министерство Пиля-отца провело первые фабричные законы, а потом в 1809, 1812, 1819 годах следовали законы за законами; что в 1836 году комиссия Садлера предложила введение десятичасового труда, а Маркс и Энгельс тогда еще учились подростками в Германии, где рабочие работали по 14, 16 и 18 часов в день…

Закон минимума заработной платы, открытый Энгельсом, по его словам, в 1844 году. Может быть, вы и открыли, отвечали ему, но наука знала его как закон Тюрго – Рикардо, о котором писали Бюре, Милль, Лавалей, Лаосаль и все экономисты…

Одно только стало странно: славили особенно Коммунистический Манифест, а о коммунизме в нем нет ни слова… даже девизы коммунистов – «равенство между людьми», «каждому по потребностям, от каждого по способностям» – в Манифесте не встречаются. Напротив, в нем говорится о монополиях государства, об армиях труда, об обработке полей по общему плану, по приказу начальства, которому «тупоумное», по выражению Энгельса, и разоренное крестьянство отдавалось в полное распоряжение.

– «Это не коммунизм, а проповедь солдатчины, дисциплины и рабства! – сказал я себе. – Социалисты и коммунисты в 1848 году не говорили таким языком. Стал я сличать Манифест с писаниями людей сороковых годов и, к моему удивлению, нашел, что Манифест списан с Манифеста Виктора Консидерана, т. е. с произведениями не коммуниста и не революционера. А знаменитые девять пунктов о монополии государства, об «армии труда, специально для земледелия» оказались позаимствованными тоже у француза, тоже не коммуниста и не революционера, Видаля, который разработал по пунктам, в форме законов и декретов (указов) систему государственной и общественной реформы. Нашел я книгу тоже мирного реформатора фурьериста, вернее, – последователя Сисмонди, Евгения Бюре «О нищете рабочих классов в Англии и во Франции», которая была увенчана Французской академией наук в 1840 году, и которую Энгельс, двадцатитрехлетний юноша, переделав на немецкий язык, выдал за свое произведение…

Никаких законов Маркс и Энгельс не открывали, а проповедь крестьянского обезземеливания и разорения – плод дикого измышления человеконенавистничества. Нигде, ни в природе, ни в истории, ни в экономике, ни в социализме, подобных гнусностей не бывало. Утверждать именем науки благодетельность разорения крестьянства есть заведомое оскорбление науки, социализма и человечества…

В Коммунистическом Манифесте нет ни одной оригинальной мысли, и все его обобщения были ходячими истинами, общим местом у французских социалистов 30-х и 40-х годов, а равно и среди немецких эмигрантов, бывших с ними в соприкосновении; не только отдельные мысли о борьбе классов, об оппозиции интересов пролетариата и буржуазии были высказаны Пекером, Видалем, Прудоном, Бюре, Бланки, Виллегарделем, Ривнером, а за ними немцами Грюном, Вейтлингом, Шустером и другими, но еще «у Маркса – Энгельса был в руках блестящий свод всех этих общераспространенных мыслей в замечательном произведении фурьериста Виктора Консидерана, издавшего тоже в форме манифеста «Принципы социализма. Манифест демократии XIX столетия»…

Вот эти идеи и были талантливо изложены в 1843 году в Манифеста В. Консидерана, из которого, чуть ли не дословно, Маркс и Энгельс заимствовали первую теоретическую главу их пресловутого Манифеста. Даже заглавие «Буржуа и пролетарии» взято у Консидерана. Эта глава их Манифеста состоит всего из 350 строчек, а сравнение текста показало 36 совпадений; иными словами, на каждую заимствованную мысль приходится всего по 9–10 строчек. Оба Манифеста начинаются с исторических обобщений почти дословных, а заканчиваются теоретические рассуждения обоих Манифестов провозглашением ассоциации основной формой свободного и солидарного общества…

Повторяю, было бы глупо говорить, что социализм до 1848 года произошел из крошечного Манифеста, изданного в нескольких стах экземплярах на немецком языке, да еще не в Германии, а в Лондоне. Они были слишком умны для подобной вульгарности, Маркс и Энгельс, особенно последний, поступили иначе. Они, собственно говоря, один Энгельс, с молчаливого согласия Маркса, убедили в 80-х годах немецких рабочих, что у социализма до 1848 года не было никаких научных оснований, а имелись только одни порывы, грезы и благие пожелания, а все научные истины и основания социализма, те двенадцать мнимых открытий, о которых мы выше говорили, были совершены ими в 1845 году, а обнародованы в их Манифесте в 1848 году…»

НЕЧАЕВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ

(род. в 1847 г. – ум. в 1882 г.)

Знаменитый русский революционер, организатор подпольных групп в России, идеолог иезуитского направления в революционном движении.

Сергей Нечаев родился 20 сентября 1847 года в русском городе Иваново. Его отец и мать были из крепостных крестьян, отец – художником по вывескам, мать – швеей. До 18 лет Нечаев учился в церковно-приходской школе в Иваново. Сергей Нечаев стал первым русским политиком-радикалом из «плебеев», но производил сильное впечатление на своих товарищей, революционеров-дворян, которые идеализировали народ. Революционеры считали, что Нечаев «…сохранял в себе всю ненависть крепостных против господ». Но Нечаев ненавидел и революционеров за их дворянское происхождение и великолепное образование.

В 1866 году Нечаев приехал учиться в Петербург, но только осенью 1868 года он был зачислен в университет вольнослушателем. Вскоре он попал в группу молодых радикальных революционеров З. Ралли и В. Черкезова. Героями Нечаева становятся Пугачев, Бланки, Мадзини, Робеспьер. Нечаев

бредит заговорами, террором, конспирацией и революционной диктатурой. Покушение Дмитрия Каракозова на царя в 1866 году горячо приветствовалось Нечаевым и подтолкнуло его к решительным действиям.

В 1869 году Нечаев вместе с революционером-заговорщиком Ткачевым написал «Программу революционных действий», призывая к организации революционных ячеек в России. Мистифицируя восторженную молодежь, они говорили о неком существующем Союзе европейских революционных организаций с центром в Западной Европе и о своей причастности к Союзу. Свою «карьеру» профессионального революционера Нечаев начал с обмана. В марте 1869 года Вера Засулич получила от него записку, в которой сообщалось, что он арестован полицией и томится в каземате Петропавловской крепости. Вскоре Нечаев распространил слух, что он бежал из крепости и стремится перебраться на Запад. Но не было ни побега, ни ареста. Все письма – плод фантазии революционного авантюриста.

Нечаевым восхищается доверчивая молодежь, ведь он представляется как герой-революционер, лидер тайной международной организации террористов. В том же 1869 году он нелегально переходит российскую границу и, оказавшись в Женеве, является к Бакунину, представившись лидером мощной российской революционной подпольной организации. Наивный Бакунин поверил «тигренку», «герою без риторики», как он называл Нечаева. После приезда Нечаева Бакунин уверовал в революционеров «нового поколения», в их возможности поднять бунт в России.

Бакунин и Нечаев выпустили серию памфлетов и манифестов, призывающих к немедленному бунту в России. Они призывали молодежь «идти в народ», пропагандируя разрушение во имя революции и оправдание любых средств борьбы, «полезных» для революции. Нечаев стал автором (или соавтором) «Принципов революции» и «Катехизиса революционера». В этих «Принципах» были такие слова: «Мы не признаем другой деятельности, кроме работы по истреблению, но мы допускаем, что формы, которые примет эта деятельность, будут весьма различны – яд, нож, веревка и т. д.». Нечаев вещал: «Наше дело – разрушение, страшное, полное, повсеместное и беспощадное… Мы должны соединиться с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России».

«Катехизис» воспевает аморальность, преступление и предательство, подлость и обман во имя революции. Нечаев стал рупором тотального, фанатичного, разрушительного социализма. Зашифрованный «Катехизис» был привезен Нечаевым в Россию в

августе 1869 года, но был обнаружен полицией и использован на суде как улика против товарищей Нечаева. Нечаев считал, что революционная организация должна составить список лиц, подлежащих истреблению, и «учил», что революционер должен заманивать в свои сети людей с деньгами и связями и «делать их своими рабами».

Блестяще образованный Бакунин оказался под влиянием малограмотного Нечаева. Бакунин выдал Нечаеву удостоверение уполномоченного представителя Русской секции Всемирного революционного альянса, и все для того, чтобы создать впечатление, что существует всемирная революционная сеть. Бакунин уговорил Огарева посвятить Нечаеву стихотворение о студенте, который умирает мученической смертью в Сибири. Стихотворение было напечатано в виде листовки и распространено в России. Нечаев рассылал компрометирующие письма и революционную литературу своим знакомым – умеренным либералам, чтобы скомпрометировать их перед властями и вовлечь в революционную деятельность. Около 560 посылок, адресованных 387 лицам, задали работы полиции. Нечаев открыто демонстрировал пренебрежение к порядочности, и практика его вошла в революционную историю под именем «нечаевщины».

В конце августа 1869 года Нечаев вернулся в Россию, в Москву, где приступил к организации подпольного революционного общества под названием «Народная расправа». Тайное общество должно было подразделяться на «революционные пятерки», которые безоговорочно повиновались «вождю». Их цель – переворот 19 февраля 1870 года, в девятую годовщину освобождения крестьян в России. Нечаев заставлял членов общества шпионить друг за другом и поощрял вымогательство и шантаж для добывания денег на революцию. Студент сельскохозяйственной академии Иван Иванов выступил против порядков, заведенных в организации Нечаевым, и усомнился в существовании тайного центрального комитета. Опасаясь разоблачения, Нечаев убедил некоторых из своих единомышленников, что Иванов собирается донести на них, а следовательно, необходимо покончить с предателем.

21 ноября 1869 года Иванова заманили в грот в безлюдном парке… На ошарашенного студента набросились Нечаев и четверо его сообщников. Иванов ввязался в драку, он имел все шансы вырваться из рук убийц (вчерашних единомышленников). Понимая, что Иванов может сбежать, Нечаев вытащил пистолет и разрядил его в голову мнимого предателя. Убийство Иванова стало сенсацией в русском обществе. Достоевский использовал

его в сюжете романа «Бесы». Насильственная смерть студента привела к аресту в России трехсот революционеров и подозреваемых «в революционности» и, в итоге, к суду над восьмьюдесятью четырьмя «нечаевцами» летом 1871 года.

Нечаев же ускользнул из Москвы в Санкт-Петербург, где раздобыл поддельный паспорт и перешел русскую границу в декабре 1869 года. В январе 1870 года он приехал в Локарно к Бакунину. В Швейцарии Нечаев выпустил два революционных манифеста и издал второй номер журнала «Народная расправа».

Для финансирования своих изданий Нечаев использовал средства «Бахметьевского фонда» Герцена, который под давлением Бакунина и Огарева уступил половину денежных средств фонда Нечаеву. Когда Герцен в январе 1870 года умер, Бакунин убедил Огарева потребовать деньги фонда у семьи Герцена. Сын Герцена передал деньги Огареву, а тот – Нечаеву.

С середины 1870 года отношения между Бакуниным и Нечаевым резко ухудшились. Нечаев, получив значительные суммы денег, больше не выказывал почтения к своему учителю, грубо обращался с ним, отказал ему в деньгах из «Бахметьевского фонда». Нечаев запугивал Бакунина, украл его частные письма и бумаги, чтобы шантажировать старого революционера. В революционных эмигрантских кругах он сеял подозрительность, вражду, провоцировал скандалы и плел интриги. Бакунин писал Нечаеву: «…вы меня систематически надували, я оказался круглым дураком – это горько и стыдно для человека моей опытности и моих лет, – хуже этого, я испортил свое положение в отношении к русскому и интернациональному делу». В то же время Бакунин признавал, что Нечаев «…страстно преданный человек; Вы – каких мало; в этом ваша сила, ваша доблесть, ваше право». Вскоре русский революционер Герман Лопатин сообщил правду об убийстве Иванова, разоблачил вымышленный нечаевский «центральный комитет» и его мнимое «бегство из крепости».

Порвав с Бакуниным, Нечаев уехал в Лондон, где начал издавать революционный журнал «Община», но вскоре переехал в Швейцарию, где устроился работать художником по вывескам. Там его приютили не бакунисты, а итальянские последователи Мадзини. 14 августа 1872 года Нечаев был арестован швейцарской полицией и выдан России как убийца. В Москве в январе 1873 года на суде он держался вызывающе: «Я отказываюсь быть рабом вашего тиранического правительства. Я не признаю императора и законов этой страны».

На суде он не отвечал ни на какие вопросы, не просил о снисхождении, кричал: «Долой деспотизм! Дворян надо вешать!»

Нечаев был приговорен к двадцати годам каторги. Последние десять лет жизни Нечаев провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости. Полицейские чины предлагали ему смягчение режима, если он согласится сотрудничать. В ответ на такое предложение Нечаев ударил полицейского по лицу, разбив до крови. На протяжении следующих двух лет руки и ноги Нечаева были закованы в цепи, тело начало гнить. В 1881 году Нечаев пребывал в таких тяжелых условиях, что заболел туберкулезом легких и цингой и умер 21 ноября 1882 года.

Формально Нечаев считается анархистом, активно сотрудничает с «пророком» анархизма Бакуниным, который надеялся, что Нечаев станет «анархистом-практиком» в России. Но Нечаев создал свою идеологию, весьма далекую от проповедей свободы и демократии, в его мировосприятии необходимостью были террор, доносительство, насилие, в нем не было места «голубым мечтам» революции. «Советы» Нечаева стали воплощать в практику террористы-анархисты и эсеры, ленинско-сталинские опричники, изуверы Пол Пота и «красных бригад». Сам себя он считал настоящим революционером.

Катехизис революционера

Отношение революционера к самому себе

§ 1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и нощно живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и

ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему.

§ 5. Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует или тайная, или явная, но непрерывная и непримиримая война не на жизнь, а на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение: вознаграждение и удовлетворение – успех революции. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана, каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый

должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо,

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела. Только как на такой капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасать его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользою революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем – с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношение революционера к обществу

§ 12. Принятие нового члена, заявившего о себе не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с верою его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-нибудь человека, принадлежащего к этому миру, в котором – всё и все должны быть ему ненавистны.

Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все еле (слои), высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в Третье отделение и даже в Зимний дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности

для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие нумера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении такого списка и для установления вышереченого порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни далее ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе.

Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти… полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов или личностей, не отличающихся ни особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами и путями: опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, связи, богатство и сила сделаются таким образом неистощимой сокровищницей и сильной помощью для разных революционных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтоб возврат был для них невозможен, и их руками и мутить государство.

§ 20. Пятая категория – доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно-глаголющих кружках и на бумаге.

Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория – женщины, которых должно разделить на три главных разряда.

Одни – пустые, обессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться, как третью и четвертою категориею мужчин.

Другие – горячие, преданные, способные, но не наши, потому

что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять как мужчин пятой категории.

Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу

§ 22. У товарищества ведь (нет) другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но убежденные в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывесть, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революциею народною товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу – движение, которое, всегда останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений. Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация,

задача».

С. Г. Нечаев. Лето 1869 г., Женева

МАЛАТЕСТА ЭНРИКЕ

(род. в 1853 г. – ум. в 1932 г.)

Лидер анархистского движения в Италии, теоретик анархизма.

Энрике родился в 1853 году в области Казерта в Италии. В 1867 году в возрасте 14 лет он был арестован за то, что написал письмо королю Италии Виктору Эммануилу II, в котором жаловался на несправедливость жизни в его королевстве. В юности Малатеста самостоятельно обучился на механика и электрика, а в 1870 году поступил в военно-медицинскую школу. Однако в 1871 году он был изгнан из нее за участие в политической демонстрации. Вскоре он уезжает в Швейцарию, где знакомится с Бакуниным. Эта встреча перевернула его жизнь, Энрике становится пламенным анархистом и членом итальянской секции Международного Интернационала.

В 1875 году Малатеста, входивший в бакунинскую Юрскую федерацию, вступил в неапольскую масонскую ложу, отвергнув при посвящении традиционные масонские обрядовые «испытания», заявив, что это – анахронизм. Имея 9-ю степень посвящения «Древнего и Принятого Шотландского обряда», Малатеста вышел из ложи в знак протеста против торжественной

встречи масонами итальянского министра внутренних дел Никотера.

В 1877 году вместе с несколькими анархистами Малатеста организует вооруженные восстания в деревнях Кампании и объявляет о свержении короля Виктора Эммануила. Жители провинции приветствуют восставших, но отказываются взять в руки оружие. Вскоре отряды восставших крестьян были разбиты регулярными итальянскими частями.

В 1878 году Малатеста, опасаясь репрессий, бежит из Италии и уезжает в Египет. Итальянское правительство запрещает ему возвращение в страну. Малатеста поселяется в Женеве, где входит в круг Кропоткина и Элизе Реклю. В 1880–1882 годах Малатеста живет в Румынии, Париже, Лондоне, Египте, борется против британских колонизаторов за независимость Египта.

В 1883 году он тайно возвращается в Италию, где пропагандирует анархо-коммунизм среди крестьян. Во Флоренции он основал первую в Италии анархистскую газету. В 1884 году Малатеста был арестован и приговорен к трем годам заключения. Он бежит от правосудия в Аргентину, где живет четыре года и где из итальянских эмигрантов создает анархистскую группу, которая к началу XX века перерастает в мощную Региональную рабочую федерацию Аргентины.

В 1889 году Малатеста поселяется в Лондоне, пишет ряд трудов по теории анархизма. В 1896 году он организует Лондонский конгресс Второго Интернационала, а в 1897 году возвращается в Италию, где редактирует анархистский журнал «Агитатор». Однако уже через год в Италии начинаются крестьянские волнения. Малатеста приветствует их и пытается организовать восстание в городке Анкона, он грозит новой революцией в Италии. В 1898 году анархист арестован в Анконе, обвинен в организации «преступной ассоциации» и приговорен к заключению на острове Лампедуза.

В 1899 году Малатеста бежит на лодке с острова-тюрьмы. Его путь лежит в Лондон и США. Во время встречи с итальянскими и испанскими анархистами в Нью-Джерси и последовавшей затем драки Малатеста был тяжело ранен в ногу. В Лондоне, куда он вернулся после поездки в США, Малатеста попадает в поле зрения британской полиции. Его обвиняют в подстрекательстве итальянского анархиста из Нью-Джерси к убийству короля Италии Умберто I. В 1907 году Малатеста становится одним из лидеров Международной анархистской конференции в Амстердаме и признанным теоретиком движения вместе с Бакуниным и Кропоткиным.

В 1910 году Малатеста арестовывается как подозреваемый в

причастности к ограблению и убийствам. Дело в том, что в Лондоне во время грабежа ювелирной лавки анархисты застрелили трех полицейских. Расследование показало, что один из грабителей связан с анархистской группой и даже воспользовался картой города, которую передал ему Малатеста.

В 1913 году Малатеста снова возвращается в Италию, чтобы принять участие в антиклерикальных, антипарламентских демонстрациях в Анконе. После того как два демонстранта были убиты полицией, в Италии началась всеобщая забастовка, получившая название «Красная неделя».

Солдаты отказались стрелять в бастующих, пользуясь этим, анархисты попытались организовать восстание. Но их планы провалились, когда Всеобщая конфедерация рабочих (которая контролировала большинство профсоюзов Италии) объявила о прекращении забастовки.

Малатеста утверждал, что профсоюзы являются средством революционной борьбы, инструментом для отстаивания рабочими своих прав, и призывает трудящихся к «этической солидарности».

После «Красной недели» Малатеста возвращается в Лондон, где и застает его Первая мировая война. Анархист Кропоткин выпустил «Манифест» в поддержку войны против «германского блока», но большинство анархистов, в том числе и Малатеста, выступили против войны. Малатеста писал, что анархисты забыли свои принципы, защищая войну, что «…не будет никакой определенной победы ни одной из сторон. После длительной войны будет чувствоваться огромная потеря ресурсов, обе стороны исчерпают свои возможности, мир будет шаток, обостряя все острые вопросы, а страны будут готовиться к новой войне, более убийственной, чем прежняя».

В 1919 году Малатеста возвращается в Италию, где печатает анархистские газеты. В 1920 году Италия стояла на пороге социальной революции, итальянские рабочие захватывали заводы и фабрики. В октябре 1920 года Малатеста убеждает рабочих Милана и Турина занимать фабрики. Но Всеобщая конфедерация рабочих Италии предает революцию, убеждает рабочих закончить забастовку. После провала революции Малатеста и еще 80 анархистов Италии были арестованы. В июле 1921 года он объявил голодовку, чтобы добиться гласного суда. В 1922 году Малатеста был освобожден из тюрьмы. С этого времени он включается в активную борьбу против фашистского режима Муссолини.

В 1924–1926 годах, несмотря на фашистскую цензуру, Малатеста издает в Италии легальный анархистский журнал. В

эти годы Малатеста представляет направление «анархистского ревизионизма». Но в 1926 году Муссолини закрывает всю независимую прессу, Малатесту арестовывают. Даже тогда, когда его выпускают из тюрьмы, Энрике Малатеста находится под домашним арестом, его переписка проверяется цензурой. Все же ему удалось познакомиться с «Платформой» Аршинова – Махно, написать критический отзыв, опубликованный в журнале «Анархистское пробуждение» в Женеве, а затем издать отдельной брошюрой в Париже. Хотя он был сторонником организации анархистов, он не принимал понятие «коллективной ответственности», отвергал факт существования Исполнительного комитета анархистской организации.

Умер Малатеста в 1932 году.

ФОР ОГЮСТ ЛУИ СЕБАСТИАН

(род. в 1858 г. – ум. в 1942 г.)

Знаменитый французский анархист, один из лидеров мирового анархизма начала XX века.

Себастиан Фор родился 6 января 1858 года в католической семье среднего достатка в городке Сент-Этьен (в Центральной Франции). Он получил хорошее образование в иезуитской школе и мечтал стать священником. Но после смерти отца, когда семья оказалась на грани нищеты, он нанялся клерком в страховую контору. Отслужив в рядах французской армии, он переезжает в Англию, где живет больше года, потом возвращается во Францию и, женившись, поселяется в Бордо.

В начале 1880-х годов Фор потерял веру в ценности католической религии и, вступив в Рабочую партию, становится социалистом. Франция переживала подъем рабочего движения. На выборах 1885 года Фор стал кандидатом в депутаты от марксистской Рабочей партии провинции Жиронда. Но выборы во французский парламент он проиграл и под влиянием Кропоткина стал анархистом.

В 1888 году Фор окончательно порвал с социалистами и посвятил свою жизнь пропаганде анархизма. Он стал известным

журналистом и пламенным «левацким» оратором, даже зарабатывал на жизнь лекциями по социальным проблемам, которые читал по всей Франции.

Фор никогда не претендовал на то, чтобы считаться теоретиком анархизма, он был страстным популяризатором многочисленных анархистских идей. Он стоял за «умеренность» в мировом анархистском движении, отвергал «борьбу динамитом», экспроприацию и политический террор, но в то же время симпатизировал некоторым анархистам-террористам. Фор искал пути к широким массам трудящихся и защищал эклектичный подход в анархизме, пытаясь объединить все направления анархизма в единое движение. Он не был убежденным анархо-синдикалистом, но как активный деятель французского профсоюзного движения считал, что профсоюзы должны использоваться анархистами для борьбы против буржуазной системы. Он не был анархо-индивидуалистом, но использовал оригинальные лозунги «индивидуализма» в своей пропаганде. Он не был просто кабинетным теоретиком, «чиновником от анархизма» или «говорящей головой», нет, он считался главным организатором анархистского движения во Франции в начале XX века. Фор испытал на себе все тяготы политического преследования: слежка, обыски, частые аресты, суды и тюрьмы.

Сначала Фор оказался под влиянием анархистки Луизы Мишель и Кропоткина, но скоро он стал одним из самых известных анархистов во Франции. В 1894 году он был одним из ответчиков на суде по делу «тридцати» анархистов, когда французские власти предприняли неудачную попытку полностью подавить анархистское движение, но анархисты были оправданы судом.

Фор был редактором или соредактором нескольких анархистских газет, издаваемых в разных районах Франции. Наибольшую известность снискал еженедельный журнал «Либертарианец», который он редактировал вместе с Луизой Мишель в ноябре 1895 года и который выходил в свет почти 20 лет – до июня 1914 года. В конце XIX века Фор издавал ежедневный журнал «Народ», а в 1901–1902 годах – «Ежедневную газету» в Лионе. В 1916–1917 годах Фор редактировал «левый» журнал под названием «Что должно быть сказано». Это было едва ли не единственное легальное издание во Франции, в котором критиковался французский милитаризм и обличалась Первая мировая война.

Славу великолепного оратора он приобрел во время громкого процесса по «делу Дрейфуса», всколыхнувшего всю Францию. Фор активно выступал против антисемитизма в стране, критиковал

нарастающий французский шовинизм. В начале XX века он ратовал за права женщин, был активистом Всемирного движения по регулированию рождаемости.

С 1904 до 1917 года Фор возглавлял основанную им же либертарианскую школу в Рамбуйе под Парижем под названием «Улей». Эта школа базировалась на модной тогда системе «свободной педагогики» испанского анархиста Франциско Феррера.

Франсиско Феррера-Гуардия (1859–1909), каталонский анархист, имел 31-ю степень масонского посвящения и тайное орденское имя «Брат Зеро». Он основал в Барселоне «Современную школу», которая была вне влияния церкви и государства. В 1906 году по обвинению в теракте, связанном со взрывом бомбы, Феррера был заключен в тюрьму. После 13 месяцев заключения его выпустили, суд подтвердил его невиновность. В 1909 году его обвинили в подстрекательстве к всеобщей стачке в Барселоне. Военный трибунал приговорил Феррера к смерти, и 13 октября 1909 года он был расстрелян, что вызвало возмущение мировой общественности. Журнал «Масонское обозрение» (1906 г.) высоко оценивал проект организации Фором фаланстеров по типу фурьеристских. Многие анархисты-масоны были сторонниками идей Фурье об организации общин с элементами общежития. В 1914 году Фор подал соответствующее ходатайство и вышел из масонов, опубликовав «Манифест», в котором высказался за пацифизм.

Себастиан Фор был умеренным противником Первой мировой войны, выпустив в конце 1914 года манифест французских анархистов – «К миру!»

В конце XIX века Фор разошелся с женой, вел холостяцкий образ жизни. В 1918 и 1921 годах он был приговорен к разным тюремным срокам за «сексуальные преступления», был обвинен в совращении несовершеннолетних. Это обвинение и судебные процессы вредили его карьере, но не разрушали его популярности.

После окончания войны Фор возобновил издание журнала «Либертарианец», который выпускался 20 лет – с 1919 до 1939 года. В 1928–1939 годах он редактирует газету «Либертарианский голос». В 1920-е годы Фор как лидер общефранцузского Союза анархистов вел борьбу против растущей популярности коммунистических идей, против «преклонения» перед Советской Россией. В своих многочисленных публикациях он раскрывал диктаторский характер власти большевиков, писал о гонениях на анархистов и свободу слова в СССР. В конце 1920-х Фор выступал против «сектантства» во французском анархистском движении,

отстаивал возможность легальной работы анархистов в демократических буржуазных странах.

В январе 1922 года он основал журнал «Анархистский обзор», который стал ведущим изданием французского анархистского движения между двумя мировыми войнами. В начале 1930-х годов Фор – учредитель и редактор «Энциклопедии анархизма», которая насчитывала 3 тысячи страниц. Будучи известной политической фигурой во Франции, он брал под защиту иностранных анархистов, искавших политического убежища во Франции, оказывал помощь Махно, Аршинову и Дуррути, помогая их освобождению из французских тюрем. Когда в 1925 году в Париж переселился русский анархист Волин, Фор предоставил ему и его семье свою квартиру.

В середине 1920-х годов Фор выступил с критикой «платформы» единой анархистской партии, которую отстаивали Махно и Аршинов, выдвинув собственную платформу, которую назвал «Анархистским синтезом», на основе которого должны были объединиться анархо-индивидуалисты, либертарианские коммунисты, анархо-синдикалисты и анархисты-коммунисты.

В 1927 году Фор – один из инициаторов раскола Союза анархистов Франции и создания нового анархистского центра – Ассоциации анархистских федераций Франции. Однако в 1934 году он возвратился в Союз анархистов и снова стал его «бойким пером».

«Синтезисты» во главе с Себастианом Фором пошли на раскол в анархистском движении, основав Федеральную ассоциацию анархистов. Старый трибун не был ни противником организации, ни пассивным наблюдателем, напротив, он хотел «…организацию прочную, мощную, способную объединить в момент, определенный серьезностью обстоятельств, все бунтарские силы, состоящие из многочисленных и энергичных групп», и «пролетариат, втянутый в решающую борьбу серией беспорядков, выступлений, забастовок, бунтов, восстаний», но личные амбиции помешали ему перейти на «платформу» Аршинова – Махно.

В 1930-х годах Фор принял участие в движении за мир, он – видный член Международной лиги борцов за мир, активно выступает против фашизма, пропагандирует идеи «единого фронта» во Франции. В 1936 году он приехал в Испанию, посетил Барселону – центр испанского анархизма, побывал на фронте в анархистской бригаде Дуррути. В 1940 году Фор бежал из оккупированного гитлеровцами Парижа и нашел убежище в Руане, около Бордо, на территории коллаборационистского «правительства Виши», где и умер в июле 1942 года.

КАРЕЛИН АПОЛЛОН АНДРЕЕВИЧ

(род. в 1863 г. – ум. в 1926 г.)

Известный анархист, организатор и теоретик анархистского движения в России, идеолог мистического анархизма.

Аполлона Карелина, пожалуй, можно назвать третьим по значимости лидером русского анархизма после Бакунина и Кропоткина. Хотя родился он в Петербурге в 1863 году, детство и юность провел в Костроме и Нижнем Новгороде. Отец – Андрей Карелин, происходивший из потомственных дворян, стал одним из первых русских художников-фотографов в России и основателем Школы живописи в Нижнем Новгороде. Мать будущего анархиста происходила из рода Лермонтовых и была двоюродной племянницей великого русского поэта.

В 1881 году еще гимназистом 7-го класса Аполлон Карелин был арестован за поддержку народовольцев-террористов (привлекался по делу Желябова и Перовской). В 1882 году последовал второй арест, завершившийся ссылкой в Казанскую губернию, откуда Карелин бежит, после чего переходит на нелегальное положение. В 1883–1884 годах Аполлон Карелин проводит в заключении в Петропавловской крепости 14 месяцев.

В 1880–1890-е годы Карелин – член организации «Народная воля». До 1898 года он скитается по тюрьмам и ссылкам в Сибири. Но ему удается экстерном закончить университет и стать юристом.

С 1900 по 1904 год Карелин живет в Иркутске, работает адвокатом, публикует ряд научных юридических статей. В это время он уже член партии эсеров, разрабатывает идеологию деятельности этой партии, а в революционном 1905 году Карелин руководит боевыми отрядами в Восточной Сибири. После участия в революции 1905 года Карелин от преследования полиции бежит во Францию. До 1917 года он имел статус политического эмигранта во Франции, Швейцарии, Англии. В 1906–1907 годах Карелин – один из лидеров парижской террористической группы эсеров. Однако в 1908 году происходит перелом в его политических взглядах, и Аполлон Карелин становится анархистом-коммунистом.

В 1909–1912 годах Карелин пытается объединить всех русских анархистов-эмигрантов в группу «Вольные социалисты» – «Федерацию (братство) Вольных общинников». Тогда же он сближается с Кропоткиным, участвует в Париже в издании кропоткинской газеты «Хлеб и воля» и журнала «Буревестник», становится редактором ряда анархистских журналов и газет, преподает в Парижской школе общественных наук. Под псевдонимами «Кочегаров», «Темный», «Винтер», «Макаренко», «Сантей» печатает ряд анархистских и оккультных статей.

Очевидно еще перед Первой мировой войной Карелин вступает в Париже в масонскую организацию и в оккультный «Орден тамплиеров». Он становится организатором «восточного отряда» Ордена тамплиеров под псевдонимом «рыцарь Сантей». Этот орден ставит своей целью распространение оккультных знаний на просторах Российской империи.

В 1913 году Карелин организует съезд русских анархистов в Париже. Однако его конкуренты – анархисты группы Рогдаева, обвинили Карелина в «…антисемитизме, интриганстве, диктаторстве, пособничестве провокаторам». В 1914 году он порвал с лидерами анархистов-террористов и стал выступать за мирные формы классовой борьбы.

С началом Первой мировой войны Карелин выступает против мировой бойни. Тогда же он организует «Черный Крест помощи анархистам», который занимается сбором средств для помощи репрессированным анархистам во всем мире. Не забывает Карелин и о пропаганде анархизма – издает за границей анархистские журналы «Молот» и «Светоч», участвует в издании анархистской газеты «Голос труда».

Летом 1917 года Карелин вернулся в Россию, где становится признанным лидером российского анархистского движения, организатором Всероссийской федерации анархистов (ВФА), Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК), Первого съезда анархистов-коммунистов (Москва, декабрь 1918 г.). В 1917–1918 годах, уже в Петрограде и Москве, он издает газеты «Труд и воля» (1917–1918 гг.), «Свободная коммуна» (1918 г.), журнал «Вольная жизнь» (1919–1921 гг.).

В 1917 году Карелин выступает за сотрудничество анархистов с коммунистами, однако не разделяет диктаторских амбиций большевиков, критикует «красный террор» и политику «военного коммунизма». Одновременно он против «буржуазного» парламентаризма, выступает за «свободные Советы». С весны 1918 года Карелин живет в Москве, являясь членом «советского парламента» – ВЦИК Советов (главой анархистской фракции во ВЦИКе). С осени 1918 года он находится в оппозиции к ленинской власти, негласно поддерживает Махно и кронштадских повстанцев. Однако как «заслуженный революционер» Карелин не подвергается репрессиям, тогда как большинство анархистов оказываются в тюрьмах.

Карелин – автор многих книг и брошюр: «Общинное владение в России», «Краткое изложение политической экономии», «Что такое анархия?», «Государство и анархисты», «История Первого Интернационала», художественных произведений «Атлантида», «Он ли это?» и др. Карелин написал большую брошюру «Против смертной казни», считая, что необходимо уйти от практики террора. Будущее общество он рассматривает как федерацию свободных коммун.

Карелин считал, что анархистское отрицание любой власти, кроме власти в сфере государственного управления, включает отрицание «права» государства угнетать нации, «права» мужа обращать жену в служанку и рабыню, отрицание власти родителей над детьми.

В 1921 году после смерти Кропоткина Карелин инициирует создание «Всероссийского комитета по увековечиванию памяти Петра Кропоткина», музея П. Кропоткина, который в 1920-х годах превращается в единственный легальный центр анархизма и оккультного анархизма в СССР. В 1924–1926 годах, не покидая Москвы, Карелин сотрудничает в ряде анархистских изданиях Нью-Йорка, Чикаго, Детройта. В то же время он патронирует ряд мистических кружков – «Орден тамплиеров», «Орден Света» в Москве и Петрограде, став учителем для многих интеллигентов, искавших истину в мистическом анархизме.

В первой половине 1920-х годов после разгрома

Кронштадского восстания Карелин рассматривает политическую борьбу против большевиков в условиях советского тоталитаризма бесперспективной, а потому и вредной. По его мнению, она ставит под удар дальнейшее развитие некультурной, деградировавшей страны, которой предстоит длительный и трудный путь духовного созревания. Мистические кружки – по мысли Карелина – должны были стать центрами притяжения для наиболее талантливых людей России. В них должна процветать взаимная поддержка самосовершенствующихся личностей. Идейное содержание орденской деятельности строилось на сочетании христианской этики с духовными программами, заимствованными у оккультных обществ, прежде всего масонов и каббалистов. Взгляды российских анархо-мистиков нашли место на страницах зарубежной печати в издававшихся в США газете «Рассвет» и журнале «Пробуждение».

В 1926 году после продолжительной болезни Карелин умирает. Его хоронят с почестями и при музее Кропоткина некоторое время даже работает «Комитет по увековечиванию памяти Карелина». Но через несколько лет активисты этого комитета оказываются в лагерях, а имя Карелина предается забвению.

БРЕШИ ГАЭТАНО

(род. в 1869 г. – ум. в 1901 г.)

Американский анархист итальянского происхождения, убивший короля Италии.

Гаэтано родился в итальянской Тоскане в бедной крестьянской семье. Как многие итальянские семьи, семья Бреши эмигрировала в США и осела в городке Петерсон в Нью-Джерси. Гаэтано нашел работу на ткацкой фабрике чернорабочим. К тому времени у него уже были жена, ребенок… и страсть к анархизму. Город Петерсон в конце XIX века стал в США центром итальянского радикализма, там оседали бежавшие из Италии революционеры.

Гаэтано оказался в анархистской организации и все свои свободные деньги отдавал на издание анархистской газеты «Социальный вопрос», выходившей в Петерсоне на итальянском языке. Из газеты Гаэтано узнал, что итальянский король Умберто I, взошедший на трон в 1878 году, установил в стране жестокую диктатуру, преследуя «революционные элементы» и любое проявление свободомыслия. Узнал Гаэтано и о недавнем кровавом разгоне демонстрации в Милане…

В 1898 году в Италии был неурожай и крестьяне оказались на грани голода. Со всех концов страны они стекались в Милан, где в тот момент находился король, для того, чтобы передать ему петиции с просьбой о помощи голодающим. Сначала король

Умберто I велел просителям разойтись по домам, но когда крестьяне не подчинились, он отдал приказ разогнать «возмутителей спокойствия». Расстрел демонстрантов в Милане всколыхнул не только Италию, но и всех итальянцев, рассеянных по миру. Бреши узнал, что виновные в кровопролитии не только не были наказаны, но генерал, руководивший расстрелом, получил орден.

Гаэтано отплыл в Италию. Он считал целью всей своей жизни убийство Умберто I. Деньги на поездку в Европу Гаэтано взял в кассе анархистской газеты, никому при этом не сказав, на что они ему нужны. Удивляет то, что Гаэтано действовал самостоятельно, что ему – террористу-одиночке – так быстро удалось совершить задуманное. До Бреши на итальянского короля уже два раза покушались «профессиональные» революционеры, за которыми стояли многочисленные организации, но эти попытки оказались неудачными.

29 июня 1900 году, оказавшись в ликующей толпе поблизости от Умберто I во время королевского визита в Милан, Гаэтано выпустил в монарха три пули в упор из револьвера. Бреши немедленно был арестован на месте преступления. На суде его защищал анархист-адвокат Франческо Мерлино. 29 августа 1900 году Бреши приговорили к пожизненной каторге в тюрьме Санто-Стефано на острове Вентотене, где он и умер меньше чем год спустя после приговора суда. Тюремная администрация заявила, что Бреши покончил жизнь самоубийством, хотя, скорее всего, он был убит тюремщиками, а его тело было выброшено в море.

ГОЛЬДМАН ЭММА

(род. в 1869 г. – ум. в 1940 г.)

Всемирно известная американская анархистка, лидер феминистского движения.

Эмма родилась 27 июня 1869 года в Ковно (Каунасе) в еврейской семье. Позднее жила в Кеннигсберге, а с 1882 года – в Петербурге, где впервые приобщилась к радикальным идеям. В 1886 году она эмигрировала в США, там ее ожидало неудачное замужество, развод и тяжелый труд на фабрике.

В 1887 году, в год казни чикагских анархистов, Эмма переехала из маленького городка Рочестер в Нью-Йорк, познакомилась с известным немецким анархистом Иоганном Мостом и молодым эмигрантом-анархистом из России Александром Беркманом, ставшим ей другом и товарищем на всю оставшуюся жизнь.

В 1892 году Эмма активно участвовала в попытках организации побега террориста-анархиста Беркмана из тюрьмы, отстаивала правильность совершенной им акции, несмотря на осуждение со стороны многих анархистов, в частности, Моста.

В 1890-х годах она часто ездила по стране с лекциями по анархизму, ее неоднократно арестовывали и приговаривали к

тюремному заключению. В 1901 году после покушения Леона Чолгоша на президента США Мак-Кинли она провела в тюрьме несколько лет и лишь в 1906 году вернулась к анархистской деятельности, став издателем радикального журнала «Мать Земля», где публиковала статьи по анархизму, феминизму, по проблемам сексуальной свободы, распространяла информацию о методах контрацепции. Гольдман и Беркман организовали первую в Америке школу «сексуального просвещения».

Эмма отказывалась вставать при исполнении гимна США, не боялась ареста за «призывы к бунту» на рабочих митингах, часто оказывалась в тюрьме. В 1917 году Гольдман и Беркман создали американскую «Лигу против призыва в армию», вели антивоенную агитацию, приветствовали Ленина и Октябрьскую революцию.

Благодаря деятельности Гольдман и Беркмана популярность Советской России и русской революции среди рабочих и студентов США возрастала, забастовочное движение ширилось, профсоюзы поднимались на борьбу – в том числе и вооруженную – с капиталистами. Власти США начали всерьез опасаться «красной заразы».

Радикальные профсоюзные лидеры под влиянием «красной Эммы» выдвинули лозунг, ненавистный всем состоятельным американцам и близкий всем неимущим: «Мы утопим их вонючие автомобили в их вонючих искусственных прудах».

В апреле 1919 года при Генеральной прокуратуре США был создан отдел по борьбе с радикалами, руководство которым было поручено Гуверу. Он за два месяца превратил скромное подразделение государственного аппарата в мощный центр, создав грандиозную картотеку, в которой были собраны данные на 60 тысяч человек, «склонных к радикализму». В октябре 1919 года Гувер представил генеральному прокурору Палмеру аргументированный доклад с предложением начать массовые депортации из США всех «подрывных элементов». Первый список на высылку состоял из 249 имен: высылке подлежали 184 члена Русского рабочего союза США, 51 анархист и 14 нелегальных иммигрантов, близких к руководствам различных профсоюзов. Самыми знаменитыми людьми в этом списке были Александр Беркман и Эмма Гольдман, единомышленники и любовники.

Прокурор Палмер подписал уникальное в истории американской юриспруденции предписание о депортации 249 человек из США в Советскую Россию. 21 декабря 1919 года от причала нью-йоркской гавани отплыл корабль «Бафорд», названный «красным ковчегом», с 249 изгнанниками на борту. На борт корабля взошел Беркман, облаченный в русские сапоги гармошкой и мексиканское сомбреро. Гольдман и Беркман

клялись отдать все силы делу мировой революции и обещали вернуться.

Беркман, племянник одного из основателей организации «Народная воля», исповедовал теорию и практику революционного террора, много лет провел в американских тюрьмах. Еще в 1892 году Беркман покушался на Генри Клея Фрика, председателя “Carnegie Company”, ответственного за кровавый разгром забастовки металлистов в Хомстеде.

Покушение не удалось, но Беркмана приговорили к 22 годам тюремного заключения. Кстати, Гольдман поддержала идею Беркмана о покушении и достала для него револьвер.

Оказавшись в Советской России в 1919 году, анархисты Гольдман и Беркман не смогли вписаться в новый режим. Поначалу Эмма Гольдман ринулась всемерно помогать большевикам, но очень скоро жестоко разочаровалась в них. Она стремилась предотвратить кровавое подавление Кронштадтского восстания. Во время матросского восстания в марте 1921 года Гольдман умоляла руководителя Петрограда Зиновьева пойти на переговоры с восставшими матросами, но все было тщетно.

Гольдман и Беркман отчаянно критиковали большевистский тоталитаризм, ездили по России и собирали для архивов документы по истории революции 1917 года. Гольдман познакомилась с реалиями большевистского режима: нищетой и бесправием народа, бюрократией, репрессиями, принудительным трудом. В 1921 году во время съезда Профинтерна в Москве Эмма, в знак протеста против преследований анархистов в России, приковала себя цепями в зале заседаний съезда.

На этом съезде присутствовали делегации многих синдикалистских профсоюзов мира, некоторые из них поддержали требования Гольдман. Благодаря усилиям Гольдман и Беркмана некоторым русским анархистам разрешили эмигрировать из России, их везли на вокзал прямо из советских тюрем… Эмма развенчала миф о революционности и народности большевиков, передала на Запад информацию о гонениях на революционеров в Советской России.

Но в декабре 1921-го Гольдман и Беркман были выдворены из Советской России. «Красная Эмма» уехала во Францию. Вскоре вышла обличающая большевистский режим книга Гольдман «Мое разочарование в России» (1924 г.) и ее дневники «Большевистский миф». В 1931 году вышла автобиография Гольдман «Проживая мою жизнь».

Книга «Мое разочарование в России» была настолько антисоветской и антикоммунистической, что левая европейская интеллигенция подвергла Гольдман остракизму.

С 1924 года Гольдман и Беркман жили в Швейцарии, Голландии, Франции. Потом Эмма поселилась в Канаде, а в 1934 году она ездила по США с лекциями о «женском вопросе». Компартия США объявила бойкот ее лекциям. Президент США Герберт Гувер назвал ее одной из самых опасных женщин Америки и разрешил выдать ей визу, но при одном условии: в публичных выступлениях не должно быть ни слова о политике.

В 1936 году в Ницце тяжело больной Беркман покончил жизнь самоубийством. Его смерть привела Эмму в шоковое состояние.

Но в том же году она уезжает в революционную Испанию, где находится до 1939 года, выступая на стороне местных анархистов и синдикалистов. В США Эмма вернулась только в начале 1940 года. 14 мая 1940 года она скончалась в Канаде. Гольдман похоронена в Чикаго неподалеку от братской могилы чикагских анархистов, казненных 1 мая 1887 года. Ее имя избежало забвения, в шестидесятые годы с появлением мощного феминистского движения о нем вспомнили. Широкое распространение получили статьи и лекции Гольдман об анархизме, женском вопросе.

Эмма Гольдман, которую пресса именовала «красной Эммой», прославилась как оратор, журналистка, литературный критик, феминистка – противница брака, анархистка и воинствующая атеистка. На протяжении 30 лет о ней писали все газеты США и Европы; в 1914 году власти отправили Гольдман в тюрьму за антивоенную агитацию и продержали в камере до окончания Первой мировой войны. Образ женщины, когда-то сотрясавшей основы американской государственности, выведен в романе Эдгара Доктороу «Рэгтайм», историю жизни Беркмана и Гольдман можно найти в книге Дана Уайтхеда «История Эф-Би-Ай».

Вот что писала Гольдман в своей программной книге «Что я думаю…» (1908 г.)

«“Что я думаю” было часто темой известных писак. Ходили настолько бескровные и безжизненные истории обо мне, что не удивительно, что у среднестатистического человека уже при простом упоминании имени Эмма Гольдман екает сердце. Действительно, жаль, что мы не живем больше во времена, когда ведьм сжигали или мучили у столба, чтобы изгнать из них злой дух. Ведь Эмма Гольдман – несомненно ведьма! Хотя она и не пожирает младенцев, она же занимается куда более плохими вещами. Она изготавливает бомбы и играет в свои игры с коронованными особами! Б-р-р-р!..

Анархизм – это единственная философия, которая хочет и может изменить эту унизительную ситуацию. Он отличается от

всех остальных теорий тем, что утверждает, что только развитие человека, его телесное самочувствие, его духовные способности и врожденные предрасположенности должны определять род и условия его труда. Также физическая и духовная оценка каждого должны определять, сколько ему потреблять. Я полагаю, реализовать это можно будет только в таком обществе, которое строится на добровольном сотрудничестве производительных групп, общин и сообществ, которые заключаются свободно, и которое, движимое равенством интересов, вероятно, разовьется в свободный коммунизм. Не может быть свободы в широком смысле этого слова, никакого гармоничного развития, пока поведение каждого определяется большей частью экономическими и профитабельными интересами…

Я убеждена, что правительство, организованная власть и государство служат только тому, чтобы поддерживать и защищать собственность и монополию. Пользу они приносят только в этой функции. Что касается их функции как развивающих индивидуальную свободу, человеческого благополучия и общественной гармонии, которые представляют собой действительный порядок, то правительство было отвергнуто как непригодное всеми великими умами мира.

Поэтому я верю с моими анархистскими товарищами, что все законы, законодательные права и конституционные учреждения представляют собой нападения. Они еще никогда не побуждали человека делать то, что он по своему уму или темпераменту не мог бы или не хотел бы делать; и они ни разу не предотвратили что-либо, к чему человек был принужден тем же диктатом…

Я уверена, что милитаризм – постоянные армия и флот в какой-либо стране – это знак распада свободы и разрушения всего того, что в нашей стране можно назвать наилучшим и наипрекраснейшим. Становящийся все громче крик о дополнительных военных кораблях и лучше вооруженной армии, с обоснованием, что они утвердят мир, так же абсурден, как и утверждение, что мирный человек – это тот, что разгуливает хорошо вооруженным. Тот же недостаток последовательности проявляется и у сторонников мира, которые выступают против анархизма, потому, что он якобы проповедует насилие, и которые были бы все равно очень рады, была бы американская нация в ближайшее время в состоянии кидать бомбы с самолетов на беззащитных врагов.

Я думаю свобода слова и прессы означает, что я могу говорить и писать все, что мне вздумается. Это право становится фарсом, если оно регулируется конституцией, законами, всемогущими решениями почтового министра или полицейской

дубинкой. Конечно, вы предупредите меня о последствиях, если мы освободим слово и прессу от оков. Я же уверена, что лекарство от последствий, вызываемых беспрепятственным выражением мнения, заключается в том, чтобы расширить право выражения мнения таким образом, чтобы даже духовные узы никогда не могли задержать движения прогресса; но преждевременные социальные возмущения зачастую вызывались волнами репрессий…

Религия – это суеверие, берущее начало в духовной неспособности человека объяснить явления природы. Церковь – это организация, которая постоянно ставит палки в колеса прогрессу. Основание церкви отняло у религии ее наивность и простоту. Она сделала религию кошмаром, который подавляет душу человека и заковывает разум в цепи. «Царствие тьмы», как называет церковь последний настоящий христианин, Лев Толстой, всегда было врагом человеческого становления и свободного мышления. И посему она не имеет места в жизни по-настоящему свободного народа…

Институт брака снабжает государство и церковь неслыханным доходом и средствами, с любопытством вторгаться в область жизни, которую многие люди долго рассматривали как их собственную, их необходимо собственную, священную область. Любовь – это то чрезвычайно сильное влияние на межчеловеческие отношения, которое с незапамятных времен противилось всем законам, которые сформулировали люди, и пробивало решетки церковных и моральных предписаний. Зачастую, брак – это чисто экономическое соглашение, которое снабжает женщину на протяжении всей ее жизни средством к существованию, а мужчину – красивой игрушкой и гарантирует ему потомство. Это означает, что брак, или даже добрачное воспитание женщины, формирует из женщины, чтобы она могла жить, паразита, зависимую и беззащитную служанку, в то время как мужчину он снабжает документом на владение человеческой жизнью со всеми правами.

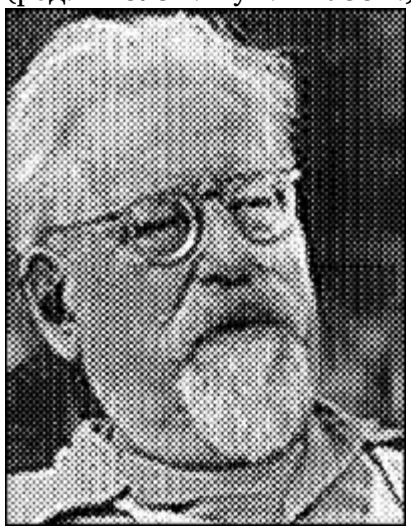
Что могут такие отношения иметь общего с любовью? С элементом, который должен бы стоять над всеми богатствами и властью и жить в собственном мире беспрепятственного человеческого выражения? Но мы живем не во времена романтики, не в дни Ромео и Джульетты, Фауста и Гретхен, не во время серенад при луне, цветов и песен. Мы живем в трезвое время. Наши главные мысли – о доходе. Тем хуже для нас, если мы достигли эпохи, когда высочайшие полеты души следует умерить.

Каждый существующий общественный институт основан на

насилии; даже наша атмосфера пропитана им. Пока это состояние продолжается, мы с таким же успехом можем надеяться остановить Ниагарский водопад, как и заставить насилие исчезнуть. Я уже упоминала, что в странах с определенным уровнем свободы слова почти не бывает или совсем нет террора. В чем мораль? Все просто: никакое из деяний анархистов не свершалось во имя личной выгоды, прибыли или ради того, чтобы привлечь к себе внимание, но из сознательного протеста против определенных репрессивных, произвольных или тиранских мер сверху».

РОКЕР (РОККЕР) РУДОЛЬФ

(род. в 1873 г. – ум. в 1958 г.)



Известный европейский анархист.

Рудольф Рокер родился в 1873 году в католической семье в городе Майнц (земля Гессен, Германия) в бюргерской семье, в которой одни домочадцы исповедовали католицизм, другие – протестантизм. Рудольф в юности остался без родителей, познал неравенство и нищету. В 17 лет он стал активистом Германской социал-демократической партии, но недовольный догматизмом и национализмом, царящими в ее рядах, оставил ее и в 1891 году и присоединился к немецким анархистам.

В ноябре 1892 года Рокер уехал в эмиграцию. Два последующих года он жил в Париже, пока индивидуальный террор анархистов не вынудил французское правительство принять решительные меры против радикалов и эмигрантов-анархистов. В Париже Рокер впервые вошел в общество еврейских радикалов, благодаря Ш. Анским (Шлому Раппопорту), который вместе с ним работал в переплетной мастерской.

В 1895 году Рокер уезжает в Англию, чтобы поступить в ученики к лидеру мирового анархизма Петру Кропоткину. В Лондоне Рокер, коренной немец, становится членом Федерации

еврейских анархистов Великобритании, которая на то время была одной из самых влиятельных анархистских организаций в Европе. В начале XX века он знакомится с лидерами мирового анархизма: с испанцем Франсиско Феррера, итальянцем Малатестой, русским Черкезовым.

В конце 1890-х годов Рокер встал во главе еврейского анархистского рабочего движения Англии и был воспринят евреями-анархистами Восточного Лондона как духовный руководитель. Рудольф изучил идиш, освоил его до такой степени, что писал на нем статьи и книги.

Рокер перевел на идиш главные труды Кропоткина и Элизе Реклю, а также крупные научные труды ученых-анархистов, книгу Ницше «Так говорит Заратустра». Его товарищи, еврейские анархисты, называли его почтительно «рабби».

Начиная с 1898 года почти 20 лет Рокер был редактором анархистской газеты “Arbeter Fraint” – «Друг рабочих», издаваемой в Лондоне на идиш. Газета просуществовала до 1916 года, когда была закрыта полицией за антимилитаристские статьи во время Первой мировой войны.

С конца XIX века Рокер редактировал анархистский журнал «Жерминаль», писал статьи. В целях экономии средств редакция располагалась у него дома. В октябре 1901 года Рокер переехал в Лидс, журнал переехал вместе с ним. Через год Рокер вернулся в Лондон.

В начале 1900-х годов Лондон был городом, где базировались 17 еврейских анархистских групп, впоследствии объединившихся в единую Еврейскую анархистскую федерацию. Рокер открывает анархистский клуб, печатает брошюры по теории анархизма, он – известный теоретик движения. Особенно рьяно Рокер критикует церковь и религию. Он организует анархистские колонны во время демонстрации в честь Первого мая в Гайд-парке в Лондоне, в 1906 и в 1912 годах две крупные забастовки портных Ист-энда, поддерживает создание еврейских рабочих профсоюзов.

Сам Рокер выступает с лекциями о литературе и искусстве, рассказывает о творчестве Ибсена, Золя, Уайльда, Стриндберга, Гамсуна, Льва Толстого, а также Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфойрима…

В 1907 году он представлял английских синдикалистов на Конгрессе анархистов в Амстердаме, который провозгласил создание Черного Интернационала анархистов, сформировал руководящее Бюро Черного Интернационала (1907–1911 гг.), членом которого был он сам.

В 1909 году анархисты убили в Лондоне полицейского. В 1911 году во время схватки анархистов с полицией в Лондоне

погибло трое полицейских. Рокер арестовывается властями, но у них недостаточно доказательств связи теоретика и террористов.

После вступления Англии в Первую мировую войну Рокер ведет антивоенную пропаганду, критикуя «мировую бойню». В 1914–1916 годах власти закрыли ряд анархистских изданий, разгоняли редакции, арестовывали редакторов. Наиболее популярная анархистская газета в Европе на идиш разделила общую судьбу анархистского движения. В декабре 1914 года арестовали и Рокера. Анархисты старались сохранить газету «Друг рабочих» после ареста главного редактора. Но в июле 1916 года помещение редакции было опечатано полицией, а активисты группы поддержки арестованы. В 1916 году за антивоенные действия Рокер и его жена Милли (анархистка, еврейка-эмигрантка из Украины) оказались в тюрьме.

С окончанием войны Рокер был освобожден, и в 1920–1927 годах газета «Друг рабочих» под его редакцией выходит ежедневно. Потом следует перерыв до 1930 года, и наконец путем тягчайших усилий еврейские анархисты возобновили издание своего печатного органа.

В конце 1918 года Рокеры переезжают в Германию, где активно включаются в революционные события. Милли Рокер организовала революционный «Союз женщин-работниц», а Рудольф летом 1919 года создает «Свободный рабочий союз Германии» F.A.U.D., в который записываются 120–150 тысяч рабочих. В Берлине прошел представительный конгресс «Свободного союза», на котором было объявлено, что «Свободный союз» строится как анархо-синдикалистская организация, отвергающая государство и парламентаризм. Осенью 1919 – в начале 1920-го анархо-синдикалисты организовали масштабные стачки в Руре, создали Советы в ряде городов Германии.

Рокер поднял отряды синдикалистов на борьбу против капповского военного путча, он призывал создавать фабрично-заводские советы для «социализации заводов». В 1920 году многим социалистам казалось, что революция в Германии продолжается. Более 40 % «Красной армии Рура» составляли анархисты и анархо-синдикалисты, в Тюрингии «левые» провозгласили Советскую республику. В то же время Рокер активно критикует «диктаторскую революцию» в Советской России. Он призывает к созданию «нового общества» немедленно – «явочным порядком», не дожидаясь политического переворота. Для этого синдикаты должны постепенно захватывать экономическую власть в Германии.

В 1922 году Рокер основывает антиавторитарную анархо-синдикалистскую «Международную ассоциацию рабочих» (A.I.T.)

со штаб-квартирой в Берлине. Эта организация претендует на роль анархо-синдикалистского Берлинского Интернационала. Во главе ассоциации стоят лидеры «левого» профсоюзного движения из 14 стран мира, представляющие два миллиона своих приверженцев. Рокер избран одним из трех секретарей Берлинского Интернационала. В 1923 году он организует встречу с анархисткой Эммой Голдман в Берлине. Осенью 1923 года деятельность Берлинского Интернационала пресеклась репрессиями со стороны властей, с 1924 года движение пошло на спад, и к 1932 году анархо-синдикалистов в Германии поддерживали всего 4,5 тысячи человек.

В 1920 – начале 1930-х Рокер активно борется с фашизмом в Европе, критикует сталинизм. У анархо-синдикалистов Германии в 1920-е годы появляется мощный конкурент – «Федерация анархистов-коммунистов Германии». С приходом к власти Гитлера Рокеры переезжают в США, где продолжали бороться против фашизма и активно поддерживают революцию в Испании. В 1937 году Рокер создает «Анархистское сообщество» в Нью-Йорке, редактирует еврейский анархистский еженедельник «Свободный голос рабочего».

В 1940-х годах активность анархистского движения канула в Лету. Из эмиграции Рокер пытается сформировать анархо-синдикалистское подполье в оккупированных фашистами странах Европы. Однако после окончания Второй мировой войны значение анархо-синдикализма сходит на нет, и Рокеру уже не по силам возродить это движение в Германии.

БОРОВОЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

(род. в 1875 г. – ум. в 1935 г.)

Идеолог анархо-индивидуализма.

Алексей Боровой родился 30 октября 1875 года в Москве в семье чиновника-дворянина. После окончания юридического факультета Московского университета в 1898 году Алексей посвятил себя педагогической и научной деятельности, преподавал в Московском университете и в московском Техническом училище. Боровой был оставлен при Московском университете на кафедре права для получения звания профессора. С 1902 года он – приват-доцент университета. В 1903–1905 годах, путешествуя по Европе, Боровой собирает материал для докторской диссертации по юриспруденции.

Еще студентом Боровой заинтересовался социалистическими идеями. В Европе стал приверженцем анархизма, после чего вознамерился создать собственную теорию анархизма. С 1906 года Боровой читает в Москве публичные лекции по теории анархо-индивидуализма, которые принесли ему огромную популярность. Устами Борового, выступившего с публичной лекцией об анархизме в Государственном историческом музее, анархизм в России впервые в 1906 году открыто, легально и

публично высказал свое кредо. После первой лекции, прочитанной с большим успехом, Боровой посвятил себя революционной агитации – он выступал во многих городах России перед различными аудиториями, редактировал анархическую литературу в московском издательстве «Логос».

Боровой опубликовал ряд книг, в которых подвергал критике «рационализм» и «мечтательность» традиционного анархизма, пропагандировал анархо-индивидуализм. Он считал личность абсолютной ценностью, первичной и уникальной, а общество – ценностью вторичной, относительной. Он осознавал, что построение «идеального общества» означало бы смерть личности, что общество всегда усредняет, нивелирует, подавляет личность. В то же время Боровой утверждал, что личность невозможна без общества, хотя и не растворял личность в обществе, как Прудон и Кропоткин, и не отрицал общество во имя свободы личности, как Штирнер… Боровой видел невозможность их полной противоположности и полного соответствия. Он писал: «Никогда личность не уступит обществу этого последнего своего «одиночества», общество никогда не сможет «простить» его личности… общественность не может быть абсолютной целью личности. Она не может быть безусловным критерием ее поступков. Она – есть средство в осуществлении личностью ее творческих целей». Общество, по Боровому, предстает одновременно и как условие появления и развития личности, условие ее свободы, и как ее антагонист, тормоз на пути ее развития. Борьба личности против социальных условностей и оков за свободу, за личное освобождение есть, одновременно, борьба за прогресс самого общества.

В середине 1907 года Боровой переходит на позиции анархо-синдикализма. В работе «Революционное миросозерцание» (1907 г.) он обращается к проблеме психических механизмов регулирования социальной жизни, к соотношению «личной» и «коллективной психики».

За свои «радикальные» лекции Боровой подвергается месячному аресту. В знак протеста против политики царизма он уходит в отставку, а в 1910 году оказывается под судом за руководство издательством «Логос». Не дожидаясь решения суда, Боровой бежит во Францию, где и живет до 1913 года, читает лекции в Свободном коллеже социальных наук и в Русском народном университете. В 1913 году, в связи с амнистией по случаю 300-летия дома Романовых, Боровой возвращается в Россию. Однако на родине он вынужден прекратить всякую политическую анархическую деятельность и преподавание в высших учебных заведениях и занимается, в основном,

журналистикой и научными исследованиями.

Февральская революция 1917 года подталкивает Борового к политике, дает возможность вернуться к преподавательской деятельности. Он вновь становится приват-доцентом Московского университета. В 1917–1918 годах Боровой активно сотрудничает с московскими анархистами, принимает участие в просветительской деятельности, в издании газет и книг, создает «Московский союз идейной пропаганды анархизма» и синдикалистскую «Федерацию работников умственного труда».

В 1917–1921 годах выходят главные теоретические работы Борового: «Революционный синдикализм», «Анархизм», «Личность и общество в анархическом мировоззрении». В эти годы он разрабатывает новую теорию анархизма, которую можно обозначить как анархо-гуманизм, или анархо-динамизм, рассматривает анархизм как процесс, вечное движение, открытое и динамичное учение. «Конструирование “конечных” идеалов – антиномично духу анархизма. Анархизм – миросозерцание динамическое». По Боровому, власть – мощная, сверхиндивидуальная сила, имеющая источником индивидуальное человеческое сознание, воздействующая на сознание и поддерживаемая им. Суть анархизма, согласно его теории, – коррекция общественного сознания и изменение с его помощью некоторых форм власти, общественного устройства. Как произошел исторический самогипноз, так необходимо должно произойти и самоосвобождение общественного сознания от предрассудков, а вместе с этим и освобождение человека от созданных им самим фетишей.

В книге «Анархизм» (1918 г.) Боровой останавливался на различных проблемах социальной психологии, отмечал решающее значение воли, сознания личности, групп личностей в формировании и поддержании различных социальных явлений.

В 1921 году как «неблагонадежного» большевистские власти изгоняют его из Московского университета и запрещают педагогическую деятельность. В 1924–1929 годах, в «эпоху» нэпа, Боровой работает рядовым консультантом на Московской товарной бирже.

В первой половине 1920-х годов Боровой все еще «грешит» анархизмом – он один из учредителей «Всероссийского комитета по увековечиванию памяти Петра Кропоткина», анархической секции в музее Кропоткина в Москве, разрабатывает свою, оригинальную, теорию анархизма. Однако в 1924 году власти закрывают последнее анархо-синдикалистское издательство в СССР – «Голос труда», в котором Боровой был редактором, а в 1926 году теоретик анархизма вынужден прекратить свою

деятельность в Кропоткинском музее. В 1929 году его арестовывают и ссылают в Вятку. Последние годы своей жизни Боровой проводит в Вятке и во Владимире под усиленным надзором, забытый всеми, кроме чекистов.

Боровой так характеризовал «свой» анархизм:

«Анархизм есть апофеоз личного начала; общественный процесс для него есть процесс непрестанного самоосвобождения личности через прогрессирующую же общественность… Анархизм строит свои утверждения на новом понимании личности, предполагающем вечное и антагонистическое ее движение (борьба с культурой за культуру). Поэтому он объявляет антагонизм личности и общественности неразрешимым и не формулирует никаких программ»… «Личность есть центр анархического мировоззрения. Полное самоопределение личности, неограниченное выявление ею своих индивидуальных особенностей – таково содержание анархического идеала»… «Подлинной самоочевидной реальностью – является личность. Только она имеет самостоятельное нравственное бытие, и последнее не может быть выводимо из порядка общественных отношений»… «Всякое знание может быть опровергнуто, а веру опровергнуть нельзя. И анархизм есть вера. Его нельзя доказать ни научными закономерностями, ни рационалистическими выкладками, ни биологическими аналогиями. Его родит жизнь, и для того, в ком он заговорит, – он достоверен. Тот, кто стал анархистом, не боится противоречий; он сумеет их творчески изжить в самом себе. И анархизм не чуждается «науки», и анархизм не презирает формул, но для него они – средства, а не цель».

Историческое значение социализма Боровой видел в том, что он «…накормит голодающих… уничтожит страдание тела». Но он не сможет устранить «страдания духа». Это главная задача анархизма. Последняя рукопись Борового «Власть» датирована 1929 годом. В ней он призывал вести борьбу прежде всего с организованной властью как одной из форм и пережитков фетишизма в человеческом обществе в силу «загипнотизированное™» сознания «…гипотезами и фикциями, возникшими в историческом процессе, в силу их относительной полезности» и «бессознательного уважения» власти всеми членами общества.

ТАРАТУТА ОЛЬГА ИЛЬИНИЧНА

Настоящее имя – Рувинская Элька Голда Эльева
(род. в 1875 г. – ум. в 1937 г. (?))

Одна из самых знаменитых женщин-анархисток, организатор ряда громких террористических актов.

Родилась Элька в бедной мещанской еврейской семье в глухом местечке Херсонского уезда. Ей удалось окончить учительское училище и некоторое время поработать в школе. Впервые «за революционную деятельность» Эльку арестовывают в 1895 году. В 1898 году девушка вступила в марксистскую группу братьев Гроссман в Елисаветграде. Эта группа впоследствии стала первой ячейкой РСДРП. Вскоре Элька была привлечена к дознанию по делу марксистов и попала под гласный надзор полиции. В 1901–1903 годах она живет в эмиграции – в Германии и Швейцарии, встречается с Лениным и Плехановым.

Но марксизм не отвечал бурному темпераменту некрасивой еврейской девушки из провинции, и Элька в 1903 году становится одной из первых анархисток-коммунисток в Российской империи. Она вернулась в Россию, вошла в одесскую группу «непримиримых» анархистов-махаевцев, которые подумывали о том, чтобы призвать уголовников и босяков к свершению

социальной революции и считали врагами трудящихся не только помещиков и буржуазию, но и «паразитический класс интеллигенции».

В начале 1905 года Элька организует в Одессе группу анархистов-коммунистов, в октябре 1905 году она снова арестована, но после объявления царского манифеста отпущена. В декабре 1905 года Элька участвует в актах «безмотивного антибуржуазного террора» в Одессе – бросает бомбы в кафе Либмана, в толпу «черносотенцев» и в казаков. На ее совести десятки невинных жертв, ведь анархисты-«безмотивники» считали, что нужно убивать каждого, кто «красиво» и сыто живет.

Ольга Таратута (кличка – Бабушка) была осуждена 1 ноября 1906 года Одесским военно-окружным судом на 17 лет каторги, хотя все ее подельники были повешены. Спустя полтора месяца она бежит из одесской тюрьмы и в конце 1906 года оказывается в Москве, где участвует в организации группы анархистов «Бунтарь» и в издании нелегальной анархистской газеты. Однако вскоре Ольга перебралась в Женеву. В Швейцарии была сформирована первая боевая группа анархистов – Боевой интернациональный отряд анархистов-коммунистов, в которую вошли Борисов, Сандомирский, Эрделевский, Музель, Тарло, Тыш, Таратута и др. Эта группа должна была провести в Украине ряд экспроприаций, закупить оружие, устроить серию терактов и поднять восстание на юге Украины. Вскоре удачный «экс» принес анархистам 60 тысяч рублей. Таратута готовила террористические акты и «эксы» в Одессе, Киеве и Екатеринославе (ныне Днепропетровск).

После провала киевской группы анархистов Таратута организует взрыв Лукьяновки и побег арестованных. Однако в январе 1908-го начались аресты лидеров боевой группы: Тыша, Гроссмана, Борисова, а марте 1908-го в Екатеринославе полиция задержала Ольгу с саквояжем, набитым ручными бомбами. По приговору Одесского военно-окружного суда она получила 21 год каторги и отбывала ее в Лукьяновской тюрьме Киева.

После освобождения 1 марта 1917 года Таратута работает в Политическом Красном Кресте в Киеве, оказывает помощь политссыльным. Октябрьскую революцию Ольга Таратута не приняла. В 1919-м она – советник у батьки Махно и член конфедерации анархистских организаций Украины «Набат».

Осенью 1920 года Таратута организовала в Харькове анархистский «Черный Крест» для оказания помощи анархистам, заключенным в тюрьмах. Во время подготовки «объединительного» анархистского съезда в Харькове 26 ноября 1920 года она была арестована, заключена в Бутырскую тюрьму,

но принимала участие в похоронах Кропоткина. С апреля 1921 года Таратута сидит в Орловском централе, а в 1922 году ее выслали в Вологодскую губернию.

В 1924 году Ольга возвращается в Москву, она – член Всесоюзного общества бывших политкаторжан, но выходит из общества, так как не согласна с диктатурой большевиков. Она писала:

«Я отказываюсь состоять членом общества, в стенах которого вербуются и рекомендуются члены в Р.К.П.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое, игнорируя инакомыслящих членов своих, морально их насилуя, шлет приветственные телеграммы Третьему Интернационалу.

Я отказываюсь быть в обществе, от членов которых требуют всем составом войти в МОПР.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое исключает из своей среды (бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев) осужденных за политические убеждения существующей властью и горячо протестую против этого параграфа в уставе.

Я отказываюсь состоять членом общества, которое разделилось на господ и рабов – первые директивным, насильственным путем проводят свои политические, чуждые обществу, цели, вторые по мотивам, во всяком случае не революционным, глухо ропща, подчиняются им. Позор насилующим и насилуемым.

Членам общества – коммунистам, хочу еще раз напомнить, что история делается не только ими, хотя они и пытаются узурпировать ее, и не кончается история на них, хоть и гарцуют они на коне победителями.

Далекой, но яркой звездой, то тускнея за тучами, то вновь появляясь, великая революция грядет к нам и победная придет.

Воскреснет, вновь задохшаяся в тисках партийности, идея об обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев в первоначальной своей красе и жизни.

Вновь зазвенит живой могучий голос подлинной истории революционного движения в прошлом. Отмечено историей будет и возникновение и духовная смерть нашего Общества.

Печатью каинов будут отмечены коммунисты – члены общества, каинов – убийц моральных, лучших товарищей своих по движению и борьбе с врагами революции вчера и в борьбе за грядущее завтра».

В конце 1920-х годов Ольга Таратута живет в Одессе, ее снова арестовывают за попытку создать анархистскую группу среди местных рабочих-железнодорожников и распространение анархистских воззваний. В 1927 году Таратута принимала

участие в акции защиты анархистов Сакко и Ванцетти, а в 1928–1929 годах пишет о необходимости организовать всемирную кампанию защиты анархистов, репрессированных в СССР, на уровне кампании поддержки невинно осужденных Сакко и Ванцетти. О них необходимо сказать особо. Никола Сакко (1891–1927) и Бартоломео Ванцетти (1888–1927) были американцами итальянского происхождения, рабочими и членами организации анархистов-коммунистов США. Они вели борьбу против так называемой «ловли красных» – устранения путем арестов, ссылки и убийств деятелей революционного рабочего движения (прежде всего, анархистов), которое в 1920 году инициировала американская полиция.

Сакко и Ванцетти были обвинены по заведомо ложному доносу в убийстве 15 мая 1920 года в городке Соут-Брэнтри кассира обувной фабрики и похищении 16 тысяч долларов. Ванцетти было предъявлено обвинение в нападении 24 декабря 1919 года в городке Бриджуатер на грузовик, перевозивший 30 тысяч долларов. Ванцетти был приговорен к 15 годам тюрьмы, хотя ему и удалось доказать свое алиби. Сакко и Ванцетти были приговорены 14 июля 1921 года судом в Дедхеме (Массачусетс) к смертной казни, но ложность обвинения была очевидна. Несмотря на то что еще осенью 1925 года бандит Мадейрос сознался в убийстве кассира в Соут-Брэнтри и подтвердил невиновность анархистов, 11 января 1926 года Верховный суд США утвердил смертный приговор Сакко и Ванцетти. Апелляционные заявления были оставлены без внимания.

Приговор вызвал мощное движение протеста среди рабочих и революционеров во многих странах мира, а дело Сакко и Ванцетти получило всемирную известность. Борьба за их жизни, которую возглавил специальный «Комитет защиты Сакко и Ванцетти», длилась 6 лет, в течение которых осужденные оставались в тюрьме. Грандиозная кампания протеста рабочих всего мира, сопровождавшаяся демонстрациями и пикетами перед зданиями американских посольств, столкновениями с полицией в Париже и Женеве, вызвала резонанс в западной и советской прессе. Для успокоения общественного мнения губернатор штата Массачусетс Фуллер организовал специальную комиссию, которая удостоверила «беспристрастность суда». Казнь состоялась в ночь на 23 августа 1927 года. Во второй половине 1920-х годов Сакко и Ванцетти были признаны в СССР «народными героями» и «образцовыми революционерами», пополнив «мартиролог жертв рабочего класса». Их именами называли улицы и заводы, пионерские лагеря и пароходы. Но советская пропаганда нигде не указывала, что эти люди были убежденными анархистами и

считали СССР «страной диктатуры».

В 1931 году, когда Таратута вышла из тюрьмы, восемь членов Всесоюзного общества бывших политкаторжан обратились к властям с просьбой предоставить ей пенсию как очень больной и крайне нуждающейся старой революционерке. Но вместо пенсии ее ждал новый арест. Скорее всего, она погибла в лагере во второй половине 1930-х.

ЧЕРНЫЙ ЛЕОН

Настоящее имя – Турчининов Павел Дмитриевич
(род. в 1878 г. – ум. в 1921 г.)

Известный русский анархист, создатель теории ассоциативного анархизма, организатор «Черной гвардии» в России.

Павел Турчининов – поэт и теоретик анархизма, родился в богатой дворянской семье в Воронеже. Его отец был полковником, участвовал в Русско-турецкой войне. В 1896 году Павел был исключен из 5-го класса Рославльской гимназии «за плохое поведение», однако в 1899 году он все же закончил Черниговскую гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета.

За организацию студенческих выступлений в 1901 году был исключен из Московского университета и сослан под надзор полиции в Рославль. В этом уездном городишке Смоленской губернии Павел Турчининов создал эсеровский кружок, вел революционную пропаганду среди местных крестьян и рабочих железнодорожных мастерских. В 1902 году он неожиданно увлекается анархизмом и, приняв псевдоним Леон Черный, решает изменить мир.

В 1902–1904 годах Черный разрабатывал теорию «ассоциативного анархизма», который предполагал систематический террор против буржуазно-монархической власти для устрашения врагов и привлечения на сторону анархистов рабочих. Он упорно работает над планами построения общества будущего.

В 1903 году за революционную деятельность эсер Турчининов-Черный был сослан в Якутию на 6 лет. Однако в октябре 1905 года он выходит на волю по амнистии и включается в революционную работу. В декабре 1905 года Турчининов создает в Москве террористическую группу «ассоциативного анархизма», принимает активное участие в баррикадных боях на красной Пресне, в террористических актах и экспроприациях. В 1907–1910 годах Леон Черный снова заключен в тюрьму, позже сослан на каторгу, потом в сибирскую ссылку. Два раза он бежит из ссылки и два раза его ловят.

В 1908 году Черный возглавил восстание политических ссыльных и местных крестьян Туруханского края, организовал из революционеров «коммуну боевиков», даже в ссылке они занимались экспроприациями. В 1909 году за новые «эксы» и бунт в сибирской ссылке Черный заключен в Енисейскую тюрьму. В 1910 году Леон Черный все же бежит из ссылки во Францию, работает шофером в Париже. В 1913 году он был амнистирован и возвратился в Россию, где нашел скромную работу в Московском уездном земстве. Черный принял участие в событиях Февральской революции и был одним из основателей «Федерации работников умственного труда», секретарем Московской федерации анархистских групп.

После Октябрьского переворота и до середины апреля 1918 года Черный – лидер и организатор «Черной гвардии» в Москве. В столице анархисты копили силы для «третьей революции». Вооруженное восстание в Москве против советской власти намечалось на конец апреля 1918-го. Черный тогда выступал против сотрудничества анархистов с большевиками, он – лидер «антибольшевистского» анархизма.

В апреле 1918 года во время кампании по ликвидации отрядов «Черной гвардии» в Москве Черный был арестован и на два месяца заключен в Бутырскую тюрьму. После освобождения из тюрьмы он продолжает подпольную антибольшевистскую деятельность, хотя в тюрьме потерял зрение. В начале 1919-го Черный создал анархистскую «Иностранную коллегию» в оккупированной войсками Антанты Одессе, а весной 1919-го некоторое время перебывает в Гуляйполе – в армии Махно.

По сфабрикованному делу «об анархистских грабежах и

фальшивомонетничестве» Черный был арестован в середине 1921 года, и в сентябре того же года вместе с 9 анархистами «подполья» расстрелян в подвалах ЧК.

МУЗЕЛЬ (РОГДАЕВ) НИКОЛАЙ ИГНАТОВИЧ

(род. в 1880 г. – ум. в 1934 г.)

Известный русский анархист, создатель первых боевых анархистских групп в Украине.

Николай Музель был лидером анархизма в России в 1903–1909 годах, одним из отцов-основателей первых подпольных боевых анархистских групп, теоретиком анархизма и анархистским литератором. Он родился в бедной семье чешских переселенцев в помещичьем имении под Москвой, где отец его служил техником. В 1900 году Николай Музель закончил механико-техническое училище в Костроме. В этом городе начинались его «революционные университеты». В 1899 году он – член местной народнической революционной группы. В 1901 году Музель переехал в Рязань, где примкнул к эсеровской боевой группе.

С конца 1890-х Музель участвует в европейском революционном движении, в 1902 году – он признанный анархист-коммунист. После трехмесячного ареста Музель скрылся «из-под надзора полиции» в Болгарию, где был обвинен

болгарскими анархистами в провокаторстве. Однако специальная комиссия революционеров доказала его невиновность.

В 1902–1905 годах он (вместе с женой – анархисткой Ольгой Малецкой) создал анархистские группы в Болгарии, Чехии, Западной Украине (Львов, Черновцы), Киеве, Екатеринославе, Александровске (ныне Запорожье). В 1903–1904 годах Музель разъезжает по России, Швейцарии, Англии, участвует в съезде российских анархистов в Лондоне. В Лондоне он становится правой рукой Кропоткина и разрабатывает план создания анархистских групп «Хлеб и воля» в Украине. В революционном подполье его знали под фамилией «Рогдаев» или кличкой «дядя Ваня».

В 1904–1906 годах Музель участвует в дерзких актах политического и экономического террора, в экспроприациях. В 1907 году он один из лидеров анархистских групп «Черное знамя», «Интернационал» и «Буревестник», издатель газеты «Буревестник». В 1907 году, когда все вожаки анархистов были арестованы, Музель становится руководителем боевой группы. Он организует (неудачный) налет на местную тюрьму, в мае 1907-го взрывает гостиницу «Франция». 23 декабря 1907 года Музель организовал взрыв полицейского участка в рабочем поселке Амур (пригород Екатеринослава), в результате которого погибли три казачьих офицера и околоточный надзиратель. В Екатеринославе Музель восстановил анархистскую типографию, где отпечатал 6 тысяч экземпляров листовки «Павел Гольдман». В конце 1907 года террорист уезжает за границу.

В 1908 году, как руководитель Боевой интернациональной группы анархистов-коммунистов, он пытался поднять восстание рабочих в Екатеринославе.

Музель – идейный вдохновитель молодого Нестора Махно и Маруси Никифоровой, он представляет российских анархистов на Международном анархистском конгрессе в Амстердаме (1907 г.).

В 1908–1917 годах Музель живет в эмиграции (Франция, Греция, Сербия, Швейцария, Австро-Венгрия), издает газету «Буревестник» и первое анархистское издание на украинском языке «Вильна община», создает группу украинских анархистов с тем же названием. Однако в 1913 году часть анархистов-эмигрантов обвиняют Музеля в провокаторстве… В этот раз он сумел оправдаться и убедить большинство анархистов-эмигрантов, что провокатором является анархист Аполлон Карелин.

В 1917–1918 годах Музель принимает активное участие в анархистском движении в России как один из лидеров анархо-коммунизма, создатель Федерации анархистов Москвы,

соредактор газеты «Анархия».

Октябрьскую революцию Музель поначалу горячо приветствовал. В начале 1918 года он становится одним из лидеров Бюро анархистов Донецкого бассейна, сражается против австро-немецких захватчиков. С середины 1918 до начала 1921-го он ведет агитацию за Советы в Туркестане, занимается журналистской деятельностью на Урале и в Поволжье. Весной 1919-го Музель приезжает в расположение армии Махно, но не получает руководящего поста, на что рассчитывал.

Однако с лета 1920-го Музель активно критикует политику советской власти, что приводит к нескольким кратковременным арестам. В 1923–1928 годах он работает в научной секции музея Кропоткина в Москве, ведет легальную агитацию. С 1929 года Музель заключен в Суздальский политизолятор, а в 1934 году его ссылают в Ташкент, где вскоре он умирает от многочисленных болезней, приобретенных в тюрьмах.

ВОЛИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ

Настоящая фамилия – Эйхенбаум
(род. в 1882 г. – ум. в 1945 г.)

Лидер анархистского движения в России, Украине, Франции, создатель теории «единого анархизма» и конфедерации анархистов «Набат», один из идеологов махновского движения.

Волин родился 11 августа 1882 года в семье ассимилированных еврейских интеллигентов (по одной из версий он родился в Тихвине, по другой – недалеко от Воронежа). Его дед по отцовской линии был математиком и поэтом, родители – врачами. Брат Волина Борис Эйхенбаум стал литературным критиком, основателем формалистической школы.

Всеволод в Воронеже закончил гимназию, правовую школу Санкт-Петербургского университета. В 1905 году бросил учебу, чтобы вступить в партию социалистов-революционеров (эсеров). На жизнь Волин зарабатывает частными уроками.

Уже будучи эсером, он организовывал просветительские рабочие кружки, основал рабочую библиотеку. 9 января 1905 года Волин участвовал в массовой демонстрации протеста у Зимнего дворца, закончившейся кровавым побоищем. Его можно было

видеть и среди создателей первого Петербургского Совета, и среди участников Кронштадского восстания 25 октября 1905 года.

В конце 1905 года Волин отбывал короткий срок заключения в Петропавловской крепости, а в 1907-м был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь.

Но из ссылки ему удается бежать во Францию, где он знакомится с лидером анархистов Себастианом Фором. Это знакомство круто меняет его судьбу, он становится анархистом. В 1909 году Волин женится на эсерке Татьяне Солоповой, вскоре у них рождаются сыновья Игорь и Георгий. Однако в 1913 году он расстается с Татьяной и женится на Анне Григорьевой, которая родила ему троих детей: Наталью, Леона, Александра.

В 1911 году Волин присоединился к анархо-коммунистической группе Карелина. В 1913 году он – активный член Комитета за международное действие против войны, участвует в антимилитаристской агитации. В 1915 году французское правительство решает интернировать его до окончания войны. Но Волин уехал из Парижа в Бордо, где устроился моряком на грузовое судно, идущее в США.

Попав в начале 1916 года в Нью-Йорк, Волин вступил в «Союз русских рабочих США и Канады» – анархо-синдикалистскую организацию, насчитывавшую около 10 тысяч членов. Тогда же он вошел в редакцию газеты Союза – «Голос труда». В 1917 году при помощи анархистского «Черного Креста» редакция «Голоса труда», включая Волина, перебралась в Петроград, где начала издаваться газета «Голос труда» – орган Союза анархо-синдикалистов России. В то время Волин – уже известный литератор и поэт, оратор, лектор, редактор и журналист.

На митингах в Петрограде он призывает к рабочему контролю над производством, к свержению Временного правительства. В то время анархисты – союзники большевиков. Однако с февраля 1918-го пути их разошлись… Волин критиковал Брест-Литовский мирный договор, призывал к «неустанной партизанской войне» против австрийско-немецких оккупантов. В марте 1918 года он уехал в Украину для организации анархистских партизанских отрядов.

Летом 1918 года Волин живет в городе Боброве и работает в просветительском отделе местного Совета. Однако осенью 1918 года он нелегально переезжает в Харьков (тогда еще в составе Украинской Республики), где становится организатором и позже секретарем конфедерации анархистских организаций Украины «Набат» и редактором ее газеты. Уже на Первой всеобщей конференции «Набата», состоявшейся в ноябре 1918 года в Курске, Волин – ее лидер. Конфедерация «Набат» создала свои

отделения в Киеве, Харькове, Одессе, Елисаветграде (ныне Кировоград), Екатеринославе и в ряде других городов Украины. Она объединила все течения анархизма – от анархизма-индивидуализма до анархизма-синдикализма. Волин разработал теорию «единого анархизма», что позволило объединить большинство анархистских групп в Украине. Помимо издания газеты «Набат», Конфедерация выпускала несколько региональных газет, брошюры и прокламации; при ней существовала молодежная организация. В 1919–1920 годах конфедерация «Набат» рассматривала махновское движение как начало «третьей революции», а Махно считала лидером «мирового анархизма». Многие анархисты Конфедерации служили в махновской бригаде на должностях пропагандистов и командиров.

В начале 1919 года Волин работает лектором при Харьковском отделе народного образования. В апреле 1919-го после отсидки в Харьковском ЧК он отправился в Гуляйполе, где присоединился к Повстанческой армии Махно, став руководителем культурно-просветительского отдела армии, редактором махновской газеты. В течение шести месяцев он работал в Военно-революционном совете махновского движения, был главой этого Совета, пытался провести «анархистский эксперимент» на территории, захваченной махновской армией. Однако у Волина возник конфликт с Махно по вопросу власти в «вольном районе».

В декабре 1919 года махновский Военно-революционный совет послал Волина в Кривой Рог для пропаганды. По пути туда он заболел тифом и его больного оставили в ближайшем селе. 4 января 1920 года его арестовали красноармейцы 14-й Красной армии и передали в руки ЧК. Троцкий отдал распоряжение расстрелять лидера анархистского движения, однако европейские анархисты развернули кампанию за освобождение Волина. С марта по октябрь 1920 года он без предъявления обвинений содержится в Бутырской тюрьме.

В соответствии с соглашением, достигнутым между Красной армией и махновской Повстанческой армией, Волин вышел на свободу и вернулся в Харьков, где возобновил издание «Набата» и приступил к подготовке Всероссийского съезда анархистов, который был запланирован на конец года. Но в конце ноября 1920 года чекисты арестовали всех анархистов, приехавших в Харьков для участия в анархистском съезде. Волин вновь заключен в Бутырки, где провел более года.

В июле 1921 года несколько иностранных делегатов Профинтерна обратились к Ленину и Дзержинскому с протестом

против преследования лидеров анархистов. В то же время Волин, Максимов и другие анархисты провели одиннадцатидневную голодовку, протестуя против арестов. Все это послужило причиной того, что в январе 1922 года лидеры российского анархизма были высланы из Советской России. Волин поселяется в Берлине, где анархист Рудольф Рокер и другие видные немецкие анархисты помогают обосноваться семье Волиных. В Берлине Волин становится редактором журнала «Анархический вестник», который является органом «единого анархизма». В 1922 году Волин написал книгу «Гонения на анархизм в Советской России» и предисловие к «Истории махновского движения» Аршинова.

В 1924 году Себастиан Фор пригласил Волина в Париж для работы над созданием четырехтомной «Энциклопедии анархизма». Семья Волиных поехала в Париж, и Волин написал для энциклопедии ряд статей. В то же время он активно посещает французские масонские ложи. В 1920– 1930-х годах Волин сотрудничает в нескольких анархистских периодических изданиях: «Либерте» и «Ревю анаршист» в Париже, «Интернационал» в США, «Дело труда» и «Фрайе арбетер штиме» в Германии. Волин выпустил поэтический сборник, написал фундаментальную историю российской революции – «Неизвестная революция».

В 1926 году Волин порвал с Аршиновым и Махно, разойдясь с ними в вопросе об «Организационной платформе», которая призывала к созданию Всеобщего союза-партии анархистов с центральным исполкомом, координировавшим бы его деятельность. «Синтез»-«единый анархизм», который уже несколько лет пытался пропагандировать Волин, ссылаясь на опыт «Набата», не нашел поддержки в мировом анархистском движении.

В декабре 1926 года группа русских анархистов за границей напечатала коммюнике в журнале анархистов-коммунистов «Дело труда», в котором выказала Волину публичное порицание. В апреле 1927 года он опубликовал брошюру и написал обличительную статью, где обвинил Аршинова и Махно в развязывании кампании против «анархистов-интеллектуалов». Журнал «Дело труда» характеризовался Волиным как «настоящий анархо-хулиганизм» и обвинялся в «антисемитизме».

В то же время лидер анархистов взял на себя организацию похорон Махно в 1934 году и издания посмертно 2-го и 3-го томов его воспоминаний.

Волин рассматривал власть в СССР как «красный фашизм», сравнивая Сталина с Муссолини и Гитлером. Во время

гражданской войны в Испании он принял предложение испанской Национальной конфедерации труда стать редактором издания «Антифашистская Испания». В 1938 году Волин переехал из Парижа в южно-французский городок Ним и вошел в редакцию анархистской газеты «Тер либр».

После оккупации севера Франции фашистами в 1940 году Волин перебирается в Марсель, где входит в подпольную Интернациональную анархистскую группу. Его семья влачила жалкое существование, а сам лидер мирового анархизма работал кассиром в кинотеатре, долго болел туберкулезом. 18 сентября 1945 года Волин умер, прах его был захоронен на кладбище Пер-Лашез недалеко от могилы Махно. Троцкист Виктор Серж писал, что Волин обладал «…ясным умом, был кристально честным, полным таланта, вечной молодости и радости борьбы».

НОВОМИРСКИЙ ДАНИИЛ

Настоящее имя – Кирилловский Янкель Ицков
(род. в 1882 г. – ум. в 1937 г. (?))

Знаменитый анархист, создатель и теоретик анархо-синдикалистского революционного движения в Российской империи, организатор подпольных профсоюзов и террористических групп.

Янкель Кирилловский-Новомирский был ведущим теоретиком и практиком анархо-синдикализма, организатором первых анархо-синдикалистских групп в Российской империи. Кирилловский родился в марте 1882 года в местечке Гайсин Подольской губернии в семье учителя-еврея. В 1898 году он окончил Одесское коммерческое училище, в 1898–1900-х годах учился в Сорбонне на юридическом факультете. Именно пребывание за границей поставило крест на карьере талантливого юноши. Во Франции он познакомился с марксистами, стал фанатиком «социального равенства».

В революционных организациях Кирилловский состоял с 1900 года, но сначала примыкал к русским социал-демократам. В 1901–1904 годах под кличкой Даниил Кирилловский работает в Одесской и Уманской организациях РСДРП. Позже он руководит

Пересыпской районной организацией РСДРП в Одессе.

Первый раз Кирилловский был арестован в феврале 1904 года после сходки рабочих-каменотесов одесской Слободки. Однако в сентябре 1904 года он был освобожден под залог и немедленно уехал за границу. В 1905 году, находясь в эмиграции, Кирилловский порвал с марксистами и примкнул к анархистам. Но в марте 1905 года Одесским комитетом РСДРП Кирилловский был избран на III съезд партии. Но на съезд он не приехал, отказавшись от предложений бывших товарищей-большевиков.

В середине 1905 года Яков Кирилловский меняет имя – теперь он Дмитрий Новомирский. В Париже он изучал опыт европейского и американского синдикалистского рабочего движения. Тогда же он начал издавать в Париже первую анархо-синдикалистскую газету «Новый мир» на русском языке. В ноябре 1905 года Новомирский вернулся в Одессу, где попытался возглавить местных анархистов и направить разрозненное анархистское движение в русло синдикализма. Главными его конкурентами в Одессе были вожаки анархистов-«чернознаменцев» Гроссман-Рощин и анархистов-«безмотивников» Ольга Таратута и Моисей Мец.

В Одессе Новомирский создает анархо-синдикалистский «Союз коммунистов». В декабре 1905 года из-за преследований полиции он вновь эмигрирует, на этот раз в Нью-Йорк, где из числа русских еврейских эмигрантов создает анархо-синдикалистскую группу «Новый мир», ведет пропаганду в США среди рабочих-эмигрантов из России, издает газету «Новый мир».

Новомирский вернулся в Одессу в сентябре 1906 года. Этот приезд для него ознаменовался тем, что в организацию вступили эсеры-максималисты Одессы. Вскоре Новомирский создает объединенную «Южно-русскую группу анархо-синдикалистов “Новый мир”», имевшую отделения в ряде городов Украины. Количество членов группы доходило до тысячи человек. То были моряки, портовые грузчики, рабочие, деклассированные элементы. При группе действовала законспирированная боевая дружина, в которую входило до сотни боевиков, осуществлявших террористические акты и экспроприации.

В ноябре 1906 года Новомирский напечатал в Одессе «Программу синдикалистского анархизма», где обосновал принципы нового направления и цели борьбы синдикалистов. Он участвовал во всех терактах группы, в том числе в ограблении Одесского отделения Петербургского коммерческого банка в ноябре 1906 года. Тогда было украдено 60 тысяч рублей. В мае – июле 1907 года организация анархо-синдикалистов пыталась оказать давление на дирекцию «Русского общества пароходства и

торговли» (РОПИТ) в Одессе с целью выполнения ею требований бастовавших моряков. Новомирский организовал два взрыва на пароходах РОПИТа, убийства капитана Сенкевича, директора пароходства, а также полицейских в Одесском порту и другие террористические акции.

В июле 1907 года Новомирский вынужден скрыться за границей. Он уехал в Женеву, где несколько месяцев вел переговоры с анархистской группой «Буревестник» о планах совместной борьбы. В 1907 году Новомирский пишет программную книгу «Что такое анархизм?», в которой выступает против парламентаризма, заявляя, что, привлекая в парламент рабочих, революционеры сами «…усиливают авторитет политической диктатуры буржуазии». Отрицание государства Новомирским мыслилось как отрицание всех его элементов и составляющих его органов и институтов: армии и полиции, правительства, суда и закона, парламента.

В сентябре 1907 года Новомирский вновь возвращается в Одессу для того, чтобы объединить группы местных анархистов. Он потребовал у боевиков-анархистов отказаться от практики вымогательских «мандатных писем», от мелких грабежей, отказаться от «союза» анархистов с одесскими бандитами. В октябре 1907 года при ликвидации группы анархо-синдикалистов Новомирский был арестован, а 1 апреля 1908 года осужден Одесским военно-окружным судом на 8 лет каторжных работ. До июля 1909 года он отбывал наказание в Одессе, позже – в каторжном отделении Бутырской тюрьмы в Москве.

1 марта 1915 года Новомирский направляется на поселение в Иркутскую губернию, но летом 1915 года бежит в США, где принимает активное участие в синдикалистском движении. В то же время подпольная группа анархо-синдикалистов в Одессе продолжает свое существование, пытается организовать тайный профсоюз матросов Черноморского флота и участвует в издании нелегальной газеты «Моряк».

Летом 1917 года Новомирский возвращается в Россию и активно включается в революцию, поддержав большевиков в их борьбе против Временного правительства. Он восстанавливает связи с анархистскими организациями, пишет брошюры и анархистские воззвания, сотрудничает в ряде анархистских газет.

В 1918–1920 годах Новомирский – сотрудник издательства «Голос труда» в Петрограде – Москве, одновременно он пытается примирить анархо-синдикализм с большевизмом – создать организацию «советских большевиков». В 1919 году Новомирский посещает Махно, желая склонить его к «советскому синдикализму». В 1920 году теоретик анархо-синдикализма

становится членом Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопереселенцев, в 1920-е годы получает персональную пенсию как «старый революционер». В мае 1920 года Новомирский опубликовал в «Правде» «Открытое письмо к анархистам», в котором заявил о своем вступлении в РКП(б) и призывал анархистов последовать его примеру.

Но в 1922 году Новомирский выступил с резкой критикой большевизма в книге «О большевизме». Тогда же он писал: «Большевизм есть чистое якобинство. Его религия – государство. Вне государства он не мыслит общество, а общество… это стадо, которое пасет и стрижет государство. Большевизм – это социализм без культуры социализма. В школе социализма он учился только экономике, но и ей он не научился. Это он возвел хозяйство в культ с его черствым материализмом и небывалым эгоизмом… Большевизм – есть конец эпохи, а не начало. У него нет будущего. Это последний день железного века».

В 1920-х годах Новомирский занимается литературной и издательской деятельностью, публикует статьи по истории анархизма в России: «П. А. Кропоткин как теоретик анархизма», «Коммунистический Интернационал». В своей работе «Петр Лаврович Лавров на пути к анархизму» Новомирский утверждал, что в будущем безгосударственном социалистическом обществе сохранится антагонизм между личностью и обществом и делом анархизма станет защита прав личности от посягательств общества. Виктор Серж утверждает, что Новомирский вступил в Коммунистическую партию и «выказывал перед Зиновьевым необычайное рвение неофита». Но это не спасло старого анархиста…

В 1929 году Новомирский был арестован и сослан на три года в Сибирь. В 1932 году он вернулся из ссылки без права проживать в столице и крупных городах СССР. В 1936 году лидер анархистов снова подвергся аресту и был приговорен к 10 годам лагерей. Очевидно, в 1937 году Новомирский погиб в лагерях, хотя о подробностях его смерти историкам ничего не известно.

ЯРЧУК ЕФИМ ЗАХАРОВИЧ (ЗАХАРЬЕВ ХАИМ)

(род. в 1882 г. – ?)

Известный анархист, один из организаторов Октябрьской революции.

Хаим Ярчук родился в захолустном еврейском местечке Березно Волынской губернии в семье мещан. В молодости он работал портным, но в 1903 году, переехав в Белосток (ныне Польша), становится анархистом, активным членом группы анархистов-коммунистов «Хлеб и воля», создателем анархистской группы в Житомире. В первой половине 1905 года Ярчук активно участвует в революции, грабит лавки и богатых, добывает деньги «для нужд революции». За участия в террористических актах и «эксах» он приговаривается к двадцатилетней каторге.

В 1905–1907 годах Ярчук находился в Лукьяновской тюрьме Киева, а в 1907–1913 годах – в якутской ссылке. В 1913 году после побега из ссылки эмигрирует в США. В Америке Ярчук ведет пропагандистскую работу, участвует в издании анархистской газеты «Голос труда», в создании синдикалистских и анархистских организаций. С 1913 года анархист-коммунист Ярчук – анархо-синдикалист.

Весной 1917 года Ярчук возвращается в Россию и поселяется в Петрограде. Летом 1917-го он входит в состав Петроградского Совета, становится одним из лидеров Союза анархо-синдикалистской пропаганды «Голос труда». Ярчук был избран делегатом от Петроградского Совета в Кронштадт для ведения революционной агитации среди матросов и рабочих. Там он возглавил группу местных анархистов, был избран членом исполкома Кронштадского Совета и членом военно-технической комиссии Кронштадтского Совета.

3 июля 1917-го года в Кронштадте Хаим Ярчук добился принятия матросами решения о вооруженном выступлении против Временного правительства. 4 июля 1917-го с одним из отрядов кронштадтских солдат и моряков Ярчук прибыл в Петроград для участия в вооруженном восстании, о котором так

долго говорили лидеры большевиков и анархистов. 5 июля Ярчук поддержал большевиков, считая восстание «не выгодным и обреченным на поражение». За участие в июльской демонстрации-восстании он преследовался Временным правительством.

В октябре 1917-го Ярчук избирается членом Петроградского Военно-революционного комитета, который готовил Октябрьскую революцию (в этом комитете видный анархист представлял Союз анархо-синдикалистской пропаганды и моряков Кронштадта). Будучи одним из руководителей кронштадтских моряков, Ярчук идет во главе революционных матросов на штурм Зимнего.

В первые часы после революции он участвует в формировании новой власти как делегат от Кронштадта на Втором Всероссийском съезде Советов, на следующий день уже организует сводный отряд моряков и солдат Кронштадта для подавления мятежа Керенского – Каледина в Гатчине. В 1917 – начале 1918 года Ярчук – член редколлегии печатных органов российских анархо-синдикалистов «Голос труда» и «Вольный голос труда». Он – один из лидеров Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов. Однако эта Конфедерация не смогла организовать серьезное рабочее движение, а с весны 1918-го анархо-синдикалистские организации жестоко преследуются органами ЧК.

В январе 1918 года Ярчук избирается делегатом Третьего Всероссийского съезда Советов от Кронштадтского Совета. Но уже в апреле 1918-го его арестовывают чекисты. В январе 1921 года он был освобожден и 8 февраля 1921-го, как член комиссии по организации похорон Кропоткина, подписал телефонограмму на имя Ленина с просьбой о временном освобождении анархистов из мест заключения для участия в похоронах Кропоткина. Ярчук был одним из главных организаторов этих похорон.

Но 8 марта 1921-го Ярчук был вновь арестован, однако через несколько дней отпущен на свободу, 29 марта 1921-го снова арестован и брошен в Бутырскую тюрьму. В знак протеста против ареста он провел 10-дневную голодовку. В сентябре 1921 года большевистские власти решили выслать некоторых лидеров анархизма из страны Советов. Ярчук дал подписку, что по освобождении и вплоть до отъезда за границу не будет заниматься политикой. 5 января 1922 года в числе десяти наиболее известных лидеров российского анархизма Ярчук был выслан из Советской России. Жил в Германии, где состоял в редакции журнала русских анархо-синдикалистов «Рабочий путь». После 1925 года сведения о нем отсутствуют…

ГРОССМАН-РОЩИН ИУДА СОЛОМОНОВИЧ

Полное имя – Гроссман Иуда Соломонов Шлоймов
(род. в 1883 г. – ум. в 1934 г.)

Известный анархист, создатель особого террористического направления в русском анархизме – «чернознаменства».

Родился Иуда Гроссман в феврале 1883 года в зажиточной купеческой семье в местечке Новоукраинка под Елисаветградом в Украине. В возрасте 15 лет он становится социал-демократом, его неоднократно арестовывают. Иуда находился под влиянием своего старшего брата Александра (Абрама), который в 1897 году создал Елисаветградский кружок «Южно-русский союз рабочих», в котором оказался и Иуда. Александр и Иуда были арестованы в 1898 году. С 1899 года Иуда проживает в местечке Новоукраинка и находится под гласным надзором полиции.

Летом 1902 года Иуда Гроссман эмигрировал в Европу, где завязал контакты с русскими эмигрантами – социал-демократами. В 1903 году в Лондоне он перешел на анархистскую платформу и оказался в анархистской группе, возглавляемой Кропоткиным. В Лондоне он связывается с Федерацией еврейских анархистов, печатает статьи в газете Федерации «Свобода». В том же году Гроссман посещает Женеву, где входит в местную группу анархистов-коммунистов-эмигрантов «Хлеб и воля», работает в редакционном совете.

Выступая с лекциями перед революционерами, Гроссман призывал начать в России тотальный революционный террор, добывать деньги на революцию путем экспроприаций. В 1904 году он порывает с кропоткинским кружком «Хлеб и воля», пытается создать собственное направление в анархизме – «чернознаменство», которое отличалось прямо-таки кровожадностью среди и так склонных к экстремизму анархистов.

В конце 1904 года, вернувшись из эмиграции в Российскую империю, Гроссман поселяется в Белостоке, где к этому времени сформировалась группа анархистов-террористов «Хлеб и воля», в

которой были исключительно молодые рабочие-евреи. Там ему удалось перетянуть в анархисты членов местного БУНДа. На основе белостокской группы Гроссман организует террористическую анархистскую организацию «Черное знамя», которая террором и «эксами» завоевывает себе популярность у люмпенизированных слоев города. В Белостоке образовалось сильнейшее в России анархическое объединение. Тут появились многочисленные группы анархистов, которые практиковали террористические акты против предпринимателей, полицейских, чиновников, казаков, солдат. Анархистские боевики открыто обосновались на Суражской улице Белостока, куда полиция боялась и сунуться. Белостокские боевики совершали нападения на офицеров и солдат Казанского пехотного, Харьковского и Мариупольского драгунских и 4-го Донского казачьего полков. 27 мая 1906 года анархисты под руководством Иуды Гроссмана бросили бомбу в колонну солдат Казанского пехотного полка, вследствии взрыва были убитые и раненые. Очень часто среди бела дня они нападали на постовых городовых, и те все реже и реже стали появляться на улицах.

Анархист Нисель Фарбер бросил бомбу в полицейский участок, ранил двух городовых, писаря, убил «двух буржуа, случайно находившихся в канцелярии», анархист Гелинкер-Елин тяжело ранил помощника полицмейстера, пристава, двух околоточных и троих городовых. Другие белостокские боевики ранили 5 офицеров, 7 солдат, убили пристава, 4 городовых, 2 жандармов… Власти постоянно боялись того, что анархисты на Суражской «начнут бунт», полицейские привыкли, «что бунта надо ждать и сегодня, и завтра, и послезавтра».

«Чернознаменцы» Гроссмана «…склонялись к тому, чтобы начать усиленную боевую деятельность, которая по возможности непрерывно поддерживала бы атмосферу классовой войны». Они открыли террор на еврейских буржуа: Фарбер тяжело ранил владельца мастерской Кагана «ударом ножа в шею»; было совершено нападение на владельца мастерской Лифшица, купца Вейнрейха… «Чернознаменцы» провели ряд «крупных антибуржуазных безмотивных актов», «…пусть вечная угроза смерти… висит над буржуа каждый миг, каждый час его существования».

Тогда среди анархистов обговаривалась изуверская идея «… по всей [главной улице Белостока] расставить адские машины и взорвать на воздух всех крупных буржуа» сразу или «…захватить город, вооружить массы, выдержать целый ряд сражений с войсками, выгнать их за пределы города… осуществить захват фабрик, мастерских и магазинов».

Но рабочие массы Белостока не поддержали анархистов, и Гроссман стал работать по «ликвидации… пассивного настроения масс», перенеся восстание в Белостоке на 1906 год. В ознаменование начала восстания анархисты убили полицмейстера на Суражской улице, где базировалась еврейская анархистская организация, затем анархисты стреляли и бросили бомбу в проходящую по улице церковную процессию.

В 1905 году Гроссман организует группы «чернознаменцев» в Одессе, Николаеве, Елисаветграде, Екатеринославе, Киеве. В 1905 году он издает нелегальную газету «Черное знамя», в которой призывал революционеров к тотальному террору против буржуазии и к организации кровавых бунтов против власти. Тогда окончательно сложились «теории» Гроссмана. Он выступал как сторонник немедленного бунта, который можно вызвать тотальным террором, был антисиндикалистом и противником анархо-коммунизма. Весной 1906 года Гроссман ездит по городам России, организовывает террористические акты против буржуазии и крупных царских чиновников.

Иуда Гроссман-Рощин боялся «…поддаться постепеновщине и благоразумию», решив в июне 1906 года «взять в свои руки город» и экспроприировать производства. «Полагалось, что уход из Белостока без последней классовой битвы ни на чем не основан и является капитуляцией перед сложной задачей высшего типа»; если «…не перейдем к высшей стадии борьбы, то масса потеряет доверие [к нам]».

Но для захвата Белостока у анархистов не хватало ни сил, ни оружия, и Гроссман уехал в Варшаву просить помощи у боевой организации ППС (польских социалистов). В Белостоке же произошел еврейский погром, в ходе которого было убито 70 и ранено 80 человек.

Интересно, что кроме погромщиков в «охоте» на евреев-революционеров принимали участие и войска. Против отрядов анархистов и еврейской самообороны вышли пехота и кавалерия.

В 1906–1907 годах Гроссман создает анархистские группы в Украине, Литве, Белоруссии, российской Польше, на Кавказе. В конце 1905 года он поселяется в Вильно (Вильнюсе), где организует покушения на «власть имущих». В Одессе Гроссман разрабатывает планы взрыва биржи и планирует ряд террористических актов. Анархисты Гроссмана в Одессе неоднократно совершали убийства казаков 8-го Донского полка, солдат и офицеров Люблинского и Замосцкого пехотных полков, военных моряков.

В Польше Гроссман становится одним из организаторов анархистской группы «Интернационал». Он провел конференцию

«чернознаменцев» юга и северо-запада России, съезд анархистов-«безмотивников» в Кишиневе. Летом 1907 года Гроссман был арестован полицией накануне отъезда на Амстердамский конгресс анархистов. Полиция не догадывалась о всех грехах Гроссмана, он тогда «отделался» 4 месяцами тюрьмы в Киеве и ссылкой в Тобольскую губернию на три года.

В начале августа 1908 года Гроссман бежит из ссылки за границу, где уже выступает за союз всех анархистских сил, симпатизирует анархо-синдикализму и Бергсону. В 1910 году он издает журнал «Черное знамя», с 1914 года сотрудничает в газете анархистов-эмигрантов «Рабочий мир», а с 1915 года – в анархистской газете «Рабочее знамя».

Весной 1917 года Гроссман возвращается в Россию, где активно включается в анархистскую агитацию и работу анархистского издательства «Голос труда». Лидер террористов активно поддержал большевиков в Октябрьском перевороте, а в конце 1917 – начале 1918-го организует Бюро анархистов Донецкого бассейна. Летом 1918 года он участвует в Московской конференции анархистов.

В начале 1919-го Гроссман – один из организаторов группы «советских анархистов» «анархо-большевизма», признававших диктатуру большевиков необходимой для «переходного периода» к анархизму. В мае 1919-го он посещает Гуляйполе, старается перетянуть Махно на платформу «советского анархизма».

В середине 1920-х годов Гроссман полностью отходит от анархизма и публикует в «Правде» письмо, в котором объявляет себя приверженцем большевиков и «ренегатом анархизма». Теоретик «безмотивного терроризма», Гроссман-Рощин был другом Луначарского, он разрабатывал теорию анархо-коммунистической диктатуры пролетариата. В 1920-х годах Гроссман интегрировался в советскую систему, став ведущим литературным критиком РАППа и членом Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопереселенцев. Он постоянно печатался в журналах «На литературном посту», «Октябрь», «Печать и революция», «Былое». Писал о творческом методе пролетарской литературы, отстаивая революционное, идейное содержание литературных произведений, остро критиковал Маяковского и «лефовцев», группу Воронского. Гроссман выпустил сборник статей «Художник и эпоха», книгу «Искусство изменять мир». Он один из немногих русских анархистов, которые умерли своей смертью: он скончался в июне 1934 года в Москве.

Вот что писал И. Гроссман-Рощин в 1920-х годах в программной работе «К критике основ учения П. А. Кропоткина».

«Странно: я никогда не был сторонником кропоткинизма, боролся с кропоткинизмом в лекциях и докладах; писать же о Кропоткине мне приходилось скорее догматически – я чувствовал, что необходимо дать более углубленное понимание и оценку системы, а потом только возможно будет приступить к плодотворной критике. Только в статьях, посвященных борьбе с милитаристической позицией Кропоткина в период империалистической войны, я критикую Кропоткина, где я вскрываю противоречия милитариста Кропоткина с самим собой…

Кропоткин занимает своеобразно-промежуточное место между научным социализмом и утопизмом. Он не настолько утопист, чтобы не пытаться обосновать «естественнонаучно» свое мировоззрение, но не настолько научен и объективен, чтобы не подчинять бессознательно-научные доводы своему моральному идеалу. Это-то делает особенно трудным анализ кропоткинизма, это же накладывает на все учение печать некоторой туманности и расплывчатости, несмотря на изумительное техническое умение ясно, соблазнительно ясно, излагать свои мысли…

Что ярче всего бросается в глаза при анализе учения Кропоткина, это чисто этический, моральный характер его. Оно все пронизано моральным пафосом, категорией должного; это вполне понятно, если вспомним, что Кропоткин, славный представитель плеяды «кающихся дворян», поклявшихся уплатить «долг народу» и хоть чуточку вознаградить его за обиды и гнет. Но ни к кому так не приложим афоризм Владимира Соловьева о том, что интеллигенция мыслит по парадоксальному положению – «человек произошел от обезьяны, а потому будем добрыми», как к системе Кропоткина. Ибо свой этический идеал Кропоткин хочет обосновать натуралистически – естественно-научным методом. А это теоретически безнадежно…

По существу своему Кропоткин умудряется соединить различные категории, спутать воедино натуралистический аморализм с панморализмом. Возьмем пример. Какой смысл учения Кропоткина, что космос организован федералистически? Что там, в космосе, нет «центра», нет властелина, что космос есть уже готовое царство анархического федерализма? Ведь безначалие, федералистическая организация имеет смысл и значение только там, где есть живые люди, элементы, проклинающие централизм, борющиеся за автономию. В приложении же к механической природе все эти термины – только метафоры; но для Кропоткина это не только метафоры. Здесь несомненно – неосознанный антроморфизм. И здесь сразу вскрывается основное противоречие всей системы: сторонник

чисто механического миропонимания, применяющий естественно-научный метод, не знает и не может знать этической категории. Он знает только веления природы, а эти веления безразличны к добру и злу…

Взаимопомощь для Кропоткина не просто факт, а формула прогресса. И эта формула прогресса контрабандно подбрасывается природе, как будто бы из природы «вытекает» и естественно-научным методом открывается. Естественно-научный факт в сущности толкуется, как моральная норма, а эта моральная норма живет под фальшивкой естественно-научного «закона»…

Нам, после пережитых великих годов, трудно уже представить себе, какое ошеломляющее впечатление произвела, и не только среди революционеров, весть о том, что П. А. Кропоткин «принял» войну. Ликовали бешено и исступленно идеологи империалистов и их соглашательские помощники! Знаменитое письмо Кропоткина, кажется, шведскому ученому, о том, почему социалисты и анархисты должны стать под знамена Антанты против Германии, – это письмо сделалось одновременно как будто бы знаменем, а на самом деле прикрытием для империалистов. Для многих лозунг Кропоткина – «отливайте пушки и везите на позиции» – был равносилен идейному кризису. Многим казалось, что этим наносится глубочайший и непоправимый удар вере в значимость и прочность какой бы то ни было идеологии. Да на самом деле: какое значение имеет тростник-идеология, когда вихрь фактов гнет и пригибает в какую угодно сторону?..

П. А. Кропоткин проделал цельно весь цикл анархо-шовинизма, принял войну, отверг лозунг гражданской войны, отвернулся от Октябрьской революции и с принципиально-несущественными оговорками признал Версальский мир… В лице Кропоткина сошел в могилу последний великий представитель полуутопического, полунаучного анархизма. Моральная связь с трудовым народом дала возможность Кропоткину в «Речи бунтовщика» вскрыть язвы буржуазного общества, в «Хлеб и воля» дать несколько наивную, но во многом не устаревшую картину будущего общества».

МАРУСЯ

Настоящее имя – Никифорова Мария Григорьевна
(род. в 1885 г. – ум. в 1919 г.)

Известная анархистская «атаманша» времен Гражданской войны.

Родившаяся в 1885 году в семье штабс-капитана Григория Никифорова дочь Мария стала самой известной «бандиткой» Гражданской войны… В восемнадцать лет она сошлась с боевиками из партии социалистов-революционеров, а в 1905-м оказалась втянутой в группу анархистов-«безмотивников», которые возвели террор в культ. Первое ее дело – нападение на кассу завода сельхозмашин в Александровске. Были убиты сторож и главный кассир, захвачено 17 тысяч рублей. Позже Маруся принимает участие в актах «экономического террора»: от взрыва бомбы погиб заводской администратор, следующая бомба остановила работу завода на несколько недель. На суде в 1908 году Маруся обвинялась в политических убийствах, в четырех экспроприациях. Только юный возраст и принадлежность к «слабому» полу спасли ее от виселицы. Приговор по ее делу гласил: 20 лет каторги. Вскоре она совершает побег из тюрьмы и

оказывается в США в среде анархистских идеологов, среди которых были Арон Барон, Волин, Раевский – будущие лидеры анархистов времен Октябрьской революции. Последний издает в Нью-Йорке анархистскую газету «Голос труда», где печатает свои статьи и Никифорова. В 1913 году она отправляется в Испанию, делится с испанскими анархистами опытом «террористической работы». Далее путь ее лежит в Париж, там Маруся посещает школу живописи и скульптуры Родена. По непроверенным данным, в годы Первой мировой войны Маруся окончила офицерскую школу под Парижем и даже была направлена на фронт в Грецию (Салоникский фронт).

В апреле 1917 года Никифорова пробирается в революционную Россию, в Петроград, входит в группу анархистов-коммунистов… В июле 1917 года она отправляется в Кронштадт, где стремится поднять матросов на штурм Петрограда и «буржуазной власти». Попытка большевиков и анархистов осуществить 2–3 июля 1917 года революцию закончилась провалом. Мария бежит из Питера, опасаясь ареста, и пробирается в Украину. Анархисты юга Украины принимают ее как своего лидера. Она поселяется в Александровске, организует анархистские боевые отряды Черной гвардии. Вскоре подобные отряды появляются в Одессе, Николаеве, Херсоне, Юзовке (ныне Донецк)… Они экспроприируют деньги и ценности у буржуазии, терроризируют государственные структуры Временного правительства, а с ноября 1917 года и структуры власти Украинской Республики. В сентябре 1917 года Маруся пытается совершить революционный переворот в Александровске. Но эта попытка заканчивается ее арестом. В ответ на арест Маруси тысячи рабочих пришли к зданию Совета и к воротам тюрьмы с требованием освободить арестованную. Власти вынуждены уступить. В тот же день Совет Александровска был переизбран, кадетов, эсеров и меньшевиков сменили анархисты, левые эсеры и большевики.

В конце 1917 года красные развернули наступление на Украину, стремясь свергнуть Центральную Раду. «Левые» Александровска решили помочь большевикам. 4 января 1918 года они подняли в Александровске восстание и захватили город. Никифорова стала товарищем председателя Александровского ревкома. Однако через два дня Александровск штурмуют казаки. Никифоровой и Махно со своими отрядами удалось разоружить восемнадцать казачьих эшелонов. С первых дней пребывания в «руководстве» Александровска Маруся конфликтует с большевистским ревкомом. По ее приказу анархисты арестовали председателя Совета Александровска и членов исполкома. Вскоре

Никифорова выходит из Совета, чтобы заняться подготовкой «третьей анархической революции». 28 января 1918-го отряд Никифоровой прибыл в Елисаветград «устанавливать власть Советов». Анархисты вместе с отрядом большевиков разогнали местный гарнизон Центральной Рады, арестовали представителей украинской власти. Со своим отрядом Маруся участвует в установлении советской власти в Крыму, сражается с крымскими татарами за Ялту. Анархисты разграбили Ливадийский дворец, расстреляли десятки офицеров. В Феодосии Маруся избрана в исполком уездного Совета. Далее путь Маруси лежит в Севастополь, где в тюрьме томятся 8 анархистов. Севастопольские большевики, опасаясь столкновения, по требованию Маруси выпустили арестованных.

Во второй половине февраля 1918 года на Украину двинулись войска Германии и Австро-Венгрии. Посадив свой отряд на коней, Маруся решает дать отпор интервентам. Костяк отряда Маруси составляли анархисты-террористы, матросы Черноморского флота, уголовники. Отряд насчитывает 580 человек, 2 пушки, 7 пулеметов, броневик. В последних числах февраля 1918 года отряд Маруси появился в Елисаветграде. Возобновился террор и грабеж «буржуинов». Против анархистского террора выступили вооруженные жители города под руководством лидеров местных профсоюзов. На улицах города три дня гремел бой. Маруся приказала открыть огонь по городу из пушек бронепоезда. Только вмешательство красного отряда матроса Полупанова прекратило бойню. На счету Маруси 90 убитых. Конфликт произошел и в местечке Березовка, которое Маруся обложила большой контрибуцией.

Отряд Маруси обороняет от немецких войск Александровск, Бердянск, Гуляйполе. Антонов-Овсеенко вспоминал, что его штабу удалось установить связь только с отрядом Никифоровой, большевистские же отрады разбежались. В апреле 1918 года под давлением германских войск отряд Маруси отходит на Таганрог. Но в Таганроге командир большевистского отряда Марусю арестовал. Никифоровой грозил расстрел за превышение власти, самочинные казни, разграбление Елисаветграда. Ее отрад потребовал освобождения атаманши. Анархисты обратились за помощью к командующему фронтом Антонову-Овсеенко. Последний ответил телеграммой: «Отряд анархистки Марии Никифоровой, как и сама товарищ Никифорова, мне хорошо известны. Вместо того чтоб заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их». В конце апреля в Таганроге состоялся революционный суд над Никифоровой. Анархисты заявили, что

поднимут восстание, если Марусю не освободят, и суд признал ее невиновной. В мае 1918 года отрад Маруси наводит ужас на Ростов-на-Дону и Новочеркасск. Анархисты захватили банк, и на одной из площадей Ростова долго пылал костер из ценных бумаг и облигаций. Летом 1918-го отрад Маруси появляется у Брянска и Саратова, воюет против «белоказаков», сталкивается с советскими войсками у Царицына (ныне Волгоград) и Воронежа. В районе Царицына анархистские отрады Никифоровой и Петренко дают бой большевикам, но были разбиты. Отрад Маруси разгоняют и разоружают за неподчинение законам. Сама атаманша, чудом избежав ареста, скрывается в Саратове. Там Маруся пытается поднять восстание против большевиков, но все заканчивается арестами анархистов.

В сентябре 1918 года Маруся арестована по решению Саратовского Совета и вывезена в Москву. Местные чекисты не решились расстрелять на месте «героиню революции», знавшую Ленина. Осень 1918-го Маруся проводит в советской тюрьме – ожидая суда за грабежи, расстрелы без суда, восстания против советской власти. В октябре 1918 года ее освобождают на поруки члена ВЦИК Советов анархиста А. Карелина и Антонова-Овсеенко. Член ЦК Компартии Украины Юрий Пятаков возглавил комиссию по расследованию преступлений Никифоровой. Эта комиссия, признав Марусю виновной по всем статьям, потребовала сурового наказания. Именно Пятаков впервые назвал Марусю «бандиткой». Суд Ревтрибунала состоялся в январе 1919 года. За «дезорганизацию и дискредитацию» власти она была приговорена к «лишению на 6 месяцев права занимать ответственные командные посты в РСФСР». Маруся избирается в секретариат Всероссийской федерации анархистов-коммунистов. А с декабря 1918 года она уже «гуляет» по Украине. Возможно, некоторое время она повоевала и в армии Петлюры. В конце декабря 1918-го Антонов-Овсеенко назначает Марусю командиром Вольной боевой дружины (200 бойцов), которая вошла в состав войск Украинского фронта. С января 1919-го она воюет уже против петлюровцев. Отряд Маруси первым врывается в Екатеринослав, занятый войсками УНР. В марте 1919-го Никифорова со своим отрядом вступает в повстанческую анархистскую бригаду батьки Махно. В то время махновцы формально входили в состав красного Украинского фронта. Маруся вновь командует конным партизанско-террористическим отрядом, хотя официально она занималась пропагандой и просвещением в бригаде Махно. Антонов-Овсеенко сообщал Центру: «Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание “единого революционного фронта” против контрреволюции…» Маруся Никифорова к военным делам

не допускается, находя, что ее место – дела «милосердия». Однако и с батькой Махно она с трудом ладила, постоянно обвиняя его в диктаторстве и лояльности к большевикам. В мае 1919 года Маруся предложила Махно возглавить анархистское восстание в Украине – «третью анархистскую революцию», а когда тот отказался, попросила у него крупную сумму на организацию антибольшевистского террора.

В начале июня 1919 года Махно и его армия были объявлены большевиками вне закона. В ответ на расстрел махновских командиров Маруся решила провести террористические акты против Ленина и Троцкого, на что потребовала у Махно 700 тысяч рублей. Получив отказ, Никифорова пригрозила забрать деньги силой. Ссора с Махно едва не дошла до перестрелки. По другим данным, Махно одобрил план террора и дал Марусе 500 тысяч рублей. Группа Маруси и Ковалевича направляется в Москву, чтобы убить Ленина. В Москве Маруся вместе со своим мужем – польским анархистом Бжестоком, рассчитывала раздобыть деньги на всемирную революцию. Из Марусиных друзей и местных анархистов была создана террористическая организация «Анархисты подполья – Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан» (80 человек). Анархисты-подпольщики провели в Москве, Туле, Иваново-Вознесенске несколько «эксов», которые принесли анархистам более 4 миллионов рублей. На эти деньги подпольщики планировали подготовить убийства Ленина и Троцкого, взорвать Кремль.

25 сентября 1919 года анархисты взорвали здание Московского комитета РКП(б), где ожидалось присутствие Ленина. Однако Ленин случайно задержался на совещании и не прибыл к открытию пленума МК РКП(б). При взрыве было убито 12 человек, в том числе В. Загорский – председатель Московского комитета партии. Ранения получили Н. Бухарин, Е. Ярославский и другие – всего 55 видных партийцев. В своей листовке анархисты подполья провозгласили: «Смерть за смерть! Начало динамитной борьбы с Совнаркомом и ЧК!». На октябрьские праздники анархисты планировали взорвать Кремль. Однако за несколько дней до взрыва ЧК раскрыла организацию, и почти все анархисты были схвачены или погибли. В конце августа 1919-го Маруся и Бжесток покинули Москву и уехали в Крым, занятый белогвардейцами. Они планировали пробраться на Дон, чтобы взорвать ставку Деникина. В Севастополе Мария была опознана белогвардейским офицером и арестована. В тот день, когда Москву потряс взрыв в здании МК РКП(б), Маруся и ее муж Витольд Бжесток были повешены белогвардейцами во дворе севастопольской тюрьмы.

АРШИНОВ (МАРИН) ПЕТР АНДРЕЕВИЧ

(род. в 1887 г. (?) – ум. в 1937 г. (?))

Организатор анархистского движения в Украине, руководитель террористических групп, идеолог махновского движения.

Родился Петр Марин предположительно в 1887 (1886?) году в селе Андреевка Нижнеломовского уезда Пензенской губернии в семье рабочего. В революционном движении участвовал с лета 1904 года. В 1905 году он – слесарь железнодорожных мастерских городка Кизил-Арват, член РСДРП, редактор социал-демократической газеты «Молот». В 1906 году Марин, скрываясь от преследований полиции, переехал в Екатеринослав, сблизился с анархистами-террористами.

Работая в Екатеринославе слесарем на заводе Шодуара, Марин-Аршинов занимается организацией террористических актов, убивает представителей городских властей и полиции: 22–23 декабря 1906 года Марин вместе с единомышленниками взорвал полицейский участок в Амур-Нижнеднепровске, 7 марта

1907 года – убил начальника железнодорожных мастерских Александровска Василенко за то, что тот выдал полиции 100 рабочих, участвовавших в декабрьском вооруженном восстании 1905 года.

В 1907 году Марин был арестован и приговорен военно-полевым судом к смертной казни через повешение. В ночь на 22 апреля 1907 года он бежал из тюрьмы вместе с группой заключенных и вскоре эмигрировал во Францию. Там он «довольствовался» литературной работой в ряде анархистских изданий, но его буйная натура требовала «революционного экстрима».

Весной 1909 года Марин нелегально вернулся в Россию и принялся восстанавливать разгромленные полицией анархистские организации Москвы и Брянска. Осенью 1909-го он был арестован за пропаганду анархизма среди рабочих Брянска. Ему удается бежать из тюрьмы до суда. Перейдя на нелегальное положение, Марин проводит агитационную работу среди рабочих и крестьян Костромской и Смоленской губерний. В мае-июле 1910 года Марин участвует в ограблениях казенных винных лавок и их хозяев в селе Филиппово Костромской губернии, селе Степаново-Жилино Смоленской губернии и почтово-телеграфной конторы в городе Судиславле Костромской губернии.

В августе 1910 года Марин-Аршинов уехал в Австро-Венгрию за транспортом оружия и литературы для России, но в сентябре 1910-го на пути в Россию был арестован на границе. В мае 1911 года по требованию русского посла Марин был передан российским властям как опасный преступник. С июля по октябрь 1911 года под фамилией Михальский Марин находится под следствием в России. В октябре 1911 года он был приговорен Московской судебной палатой к 20 годам каторги и отбывал наказание в каторжном отделении Бутырской тюрьмы, где познакомился с Махно, стал его учителем и ближайшим другом.

Освобожденный из тюрьмы Февральской революцией 1917-го, Марин-Аршинов пытается создать единую анархистскую организацию в Москве, становится одним из основателей и секретарем Московской федерации анархических групп, секретарем Московского союза идейной пропаганды анархизма, организатором анархистского издательства «Голос труда», издателем газет «Анархия» (1917 г.) и «Голос анархиста» (1917–1918 гг.). В начале 1918-го он возвращается в Украину, где становится во главе анархистов Екатеринослава, участвует в вооруженном восстании местных рабочих против Центральной Рады, организует мощный анархистский центр «Бюро анархистов Донецкого бассейна». Весной 1918 года Марин редактирует газету

«Голос анархиста», которая издается в Донбассе. В марте-апреле 1918-го он вновь встречается с Махно и вместе с будущим «батькой» поднимает анархистские отряды на защиту Советской Украины от полчищ австро-германских интервентов.

В конце мая 1918-го Марин возвращается в Москву и участвует в Московской конференции анархистов (июнь 1918 г.). Гонения на анархистов в Советской России не обошли стороной и Марина, он не раз был на волосок от ареста и расстрела. После нескольких месяцев пребывания в советских тюрьмах ему удается уехать в Украину для подпольной работы против Директории. Но, оказавшись в Украине, в марте 1919-го Марин-Аршинов едет в Гуляйполе, где его друг Махно создал независимую «Махновию».

Марин-Аршинов становится ближайшим сподвижником Нестора Махно, организатором крестьянского повстанческого движения. В 1919–1921 годах Марин – один из руководителей махновского движения. Он руководил культурно-просветительским отделом Повстанческой армии махновцев, долгое время был главным идеологом движения, членом Военного совета махновцев и махновского штаба армии. В 1919–1920 годах Марин редактирует махновские газеты «Путь к свободе» и «Повстанец» (Гуляйполе), вместе с Волыниным возглавляет Конфедерацию анархистских организаций Украины «Набат» (в 1919–1920 гг.), претендовавшую на роль политического руководителя махновским движением. Осенью 1920-го он расходится с анархистами из «Набата» и выходит из Конфедерации.

В 1920 году Марин в советском Харькове пытается наладить выпуск анархистских газет «Набат» и «Голос махновца». В декабре 1920 года он покидает армию Махно и нелегально поселяется в Москве, чтобы вдали от сражений писать фундаментальную историю махновского движения. Во время чекистских обысков у Аршинова изымают рукописи и документы по истории махновского движения, а самого «писателя» отправляют за решетку.

В 1922 году Марин эмигрирует из СССР. Вместе с несколькими лидерами русского анархизма он поселяется в Берлине, где тогда были сильны анархистские и синдикалистские организации. Марин сотрудничает в различных эмигрантских анархических изданиях: журналах «Волна» и «Анархистский вестник». В 1923 году он издает в Берлине «Историю махновского движения» – на долгие годы ставшую библией мирового анархизма.

В 1925 году Марин-Аршинов с семьей перебирается в Париж, где становится ведущим анархистским публицистом и одним из

лидеров мирового анархистского движения. В 1925–1929 годах в Париже он редактирует журнал «Дело труда» – орган русских анархистов-коммунистов (в 1930–1956 годах этот журнал издавался в Чикаго).

Аршинов разрабатывает вопросы теории и тактики анархизма, публикует отклики на события в СССР. Вместе с Махно и некоторыми другими анархистами он разработал «Платформу» – проект создания единой анархистской партии и нового анархистского Интернационала, которая вызвала резкую критику со стороны большинства анархистов (Волин, Малатеста, Фор). Тогда Марину приписывали желание «большевизировать анархизм». «Платформа» идеализировала опыт Повстанческой армии, ратовала за создание анархистского руководящего политического центра. В 1927 году Аршинов и Махно создали Временную комиссию по организации анархистского Интернационала. Аршинов опубликовал в «Деле труда» статью «Старое и новое в анархизме», в которой пытался представить новую теорию анархизма, обосновывал необходимость придать движению более организованный характер.

Некоторое время Аршинов (в Париже он жил под фамилией Паньковський) жил в одной квартире с Махно. В 1929 году французская полиция закрыла анархистский журнал «Дело труда» как экстремистский и носящий подрывной характер и выслала редактора журнала Аршинова из Франции. Французская полиция вменяла в вину Марину деятельность, несовместимую со статусом политического беженца. Временно семья Аршиновых переселяется в Бельгию.

В Бельгии Марин публикует брошюру, в которой, ссылаясь на работу Ленина «Государство и революция», признает необходимость диктатуры пролетариата. Даже для испанского революционного движения 1931 года Марин видел только один путь – установление диктатуры пролетариата и союз с коммунистическими партиями всех стран. Одновременно Марин печатает критические статьи, резко отзывается о большевизме и Сталине. Проживая в Бельгии, Марин испытывал острую нужду, переживал крах своих прежних идеалов. В 1932 году Аршинов внезапно уезжает в СССР, заявив о пересмотре собственных позиций и о признании власти большевиков. Он списался с Серго Орджоникидзе (с которым еще до революции сидел в одной тюремной камере), и Серго организовал Марину советский паспорт, работу и полное помилование… В СССР Марин планировал вступить в Коммунистическую партию, чтобы «внедрять анархистские идеи в коммунистическое движение».

Марин с семьей выехал в СССР уже как «советский анархист».

Он поселился в Москве, работал корректором в одном из московских издательств.

В 1935 году Марин в газете «Известия» (30 июня 1935 г.) опубликовал статью «Крах анархизма», в которой отрекся от анархизма. По одной из версий, «отречение» Аршинова было лишь игрой для получения разрешения на возвращение в СССР, целью же его было создание подпольной анархистской организации. В 1937-м Аршинов был репрессирован и расстрелян в Москве по обвинению в попытке «реставрировать анархизм в Советской России».

БОГРОВ ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Настоящее имя – Богров Мордехай (Мордко) Гершкович (род. в 1887 г. – ум. в 1911 г.)

Секретный агент Киевского охранного отделения, «освещавший» деятельность социал-демократов, анархистов, эсеров. 1 сентября 1911 года во время премьеры оперы «Сказки о царе Салтане» в Киевском оперном театре выстрелом из револьвера смертельно ранил премьер-министра Столыпина. Казнен 12 сентября 1911 года. Предполагают, что террористический акт, направленный на устранение «главного сатрапа России», был спланирован и проведен руководством Департамента полиции.

Дмитрий Григорьевич Богров родился 29 января 1887 года в семье присяжного поверенного Григория Григорьевича Богрова, богатого киевского домовладельца, активно занимавшегося благотворительной деятельностью. Семья Дмитрия занимала видное положение в обществе и имела обширные связи и знакомства в разных сферах.

Во время учебы в гимназии будущий террорист познакомился

с теорией социал-демократов и стал принимать активное участие в революционном движении. Продолжил образование Дмитрий в Киевском университете, где примкнул к партии эсеров. Однако уже в 1906 году он перешел к максималистам, а в 1907 году – к монархистам. В среде молодежи этот элегантный молодой человек, картежник и любитель женщин, был довольно популярен. А среди товарищей по партии его знали как Митьку-буржуя. Он свободно владел тремя иностранными языками, был умен, расчетлив и не нуждался в средствах. Богров был известен как молодой, но успешный адвокат и коммерсант. Вскоре он перебрался в Петербург, где в 1907 году был арестован. При допросе Дмитрий скрыл свою настоящую фамилию, так что по этапу отправился под вымышленным именем. Правду знали только в Киеве. Вскоре молодого человека освободили из-под ареста – его отец ходатайствовал об этом перед губернатором и начальником Киевского охранного отделения. От тюрьмы Дмитрия спасло и то, что кроме разрозненных и неконкретных агентурных данных, никаких улик, подтверждавших его антиправительственную деятельность, не было.

Однако освобождение из-под ареста в столь рекордно короткий срок подорвало доверие к Богрову со стороны его товарищей по партии. Воронежские максималисты обвинили Дмитрия в предательстве, тайных связях с охранным отделением и растрате имевшихся у него партийных денег. В результате в 1908 году над Митькой-буржуем был учинен общественный суд, в ходе которого его полностью оправдали. В том же году молодой человек попросил разрешения на выезд за границу. Вице-губернатор Чихачев прошение подписал, и вскоре Богров поселился в Ницце. Он также часто и подолгу жил в Мюнхене, Монте-Карло и Париже. В столице Франции Дмитрий привлек к себе внимание полиции. Так, в 1909 году заведующим заграничной агентурой Департамента полиции было получено интересное донесение. В нем сообщалось, что Богров, выступая на собрании эмигрантов-анархистов, заявлял о необходимости убить российского самодержца или Столыпина. При этом он утверждал, что с радостью возьмется выполнить такое поручение партии. Интересно, что свое решение молодой человек обосновывал совершенно неожиданным образом: мол, в таких условиях жизнь не стоит того, чтобы ее тянуть.

Как бы там ни было, весной 1909 года Богров возвратился в Киев и сразу же попал под негласное наблюдение охранного отделения. Однако поведение молодого человека было безупречным: он всерьез занялся учебой. В феврале 1910 года, получив диплом Киевского университета, Дмитрий снова уехал в

Париж. Вернулся он домой лишь через год и поселился в доме своих родителей. Но интерес охранки к Богрову не утих, в дело была пущена активная агентурная разработка, которая не дала ничего нового: установить какие-либо конкретные факты его антиправительственной деятельности долгое время не удавалось. Настораживало, правда, то, что поднадзорный несколько раз встречался с анархистом-террористом Муравьевым, состоявшим на учете в полиции. Муравьев проживал в Киеве под вымышленным именем и готовился эмигрировать за границу. Наблюдение осложнялось и особенностями характера самого Богрова: этот крайне замкнутый, нервный, упрямый и довольно агрессивный человек с большой неохотой шел на контакт с посторонними людьми, хотя и производил впечатление личности, способной на самые непредсказуемые действия. Письма будущего палача Столыпина, датированные 1906–1908 годами, пронизаны странной усталостью и отсутствием всякого интереса к жизни. Он часто говорил о тоске, скуке и одиночестве, о том, что работа присяжного поверенного ему опостылила. Богров жаловался приятелю, что ему надоело все и хочется совершить что-нибудь из ряда вон выходящее.

Стремление свое террорист осуществил 1 сентября 1911 года. В тот день он проник в Киевский оперный театр, где должна была состояться премьера оперы «Сказка о царе Салтане». На представлении присутствовал Столыпин, к убийству которого террорист долго и тщательно готовился.

В самом начале второго акта, подойдя к премьер-министру, Богров дважды выстрелил в него из револьвера. Интересно, что сам звук выстрелов услыхали немногие. В зале стоял общий шум, так что большинство присутствующих попросту не обратили внимание на негромкий треск. Однако стоявшие вблизи люди подняли крик, и через несколько мгновений внимание присутствующих сосредоточилось на Столыпине, в зале воцарилась тишина. Пострадавший как будто не сразу понял, что произошло. Он с удивлением рассматривал свой белый сюртук, который с правой стороны начинала заливать кровь из ран.

Богров же в это время пробирался к выходу из зала. Еще немного, и ему удалось бы беспрепятственно покинуть место преступления. И только в партере преступнику загородили проход. Один из зрителей кинулся на него, и это словно сняло оцепенение с присутствующих. Через несколько секунд к террористу сбежались не только молодые люди, но и старики. Богрова стали бить кулаками, шпагами и шашками. Вероятнее всего, судить вскоре было бы просто некого… Но в театр возвратился полковник Спиридович, пробился через толпу и

объявил Богрова арестованным, тем самым предотвратив самосуд. Сам террорист к этому моменту имел весьма жалкий вид: одежда его была порвана, лицо в багрово-синих кровоподтеках, изо рта у него шла кровь.

Столыпина спешно перенесли в одну из комнат театра, чтобы иметь возможность осмотреть его и перевязать рану. Здесь выяснилось, что убийца был метким стрелком, а от мгновенной смерти премьера спасла случайность: первая пуля попала в крест Святого Владимира, раздробила его и ушла в сторону от сердца. Однако она все же пробила грудную клетку, разворотив плевру, грудобрюшную преграду и печень. Вторая пуля пронзила кисть левой руки. Врачи срочно поместили раненого в клинику доктора Маковского, но сделать что-либо для спасения жизни сановного пациента оказались бессильны. Столыпин пережил четыре дня мучительной агонии. Под конец он впал в забытье, из которого уже не вышел. 5 сентября врачи констатировали его смерть. После вскрытия тела было установлено, что убийца использовал разрывные пули.

Богрову же предстояло прожить еще неделю. Хотя при попытке самосуда толпы он получил увечья, но на допросах держался с достоинством, демонстрируя редкое хладнокровие. Он утверждал, что является анархистом по убеждению, а покушение подготовил и осуществил в одиночку. На все последующие вопросы убийца отвечать отказался. Добиться от него каких-либо новых сведений следователи так и не смогли, и дело было передано в суд. 9 сентября состоялось закрытое заседание Киевского военно-окружного суда по делу Богрова. Адвокат в процессе участия не принимал, поскольку террорист сам отказался от защиты. Рассмотрение дела заняло всего лишь три часа, а на совещание судей перед вынесением приговора ушло лишь 20 минут. Богрова приговорили к смертной казни через повешение. Но и это не поколебало самообладания убийцы. Он был удивительно спокоен, а обжаловать приговор или подавать прошение о помиловании категорически отказался.

Казнь состоялась через три дня. В начале четвертого утра Богрова разбудили и повезли в тюремной карете на виселицу. Для наблюдения за исполнением приговора были допущены представители нескольких партий: они опасались, что Богрова, являвшегося агентом охранки, могут подменить и вместо него повесить другого человека. Палачом согласился быть один из заключенных. Жандармы попросили присутствующих, среди которых был и человек, задержавший террориста в театре, опознать приговоренного. Убийца Столыпина неожиданно обратился к публике с просьбой передать последний привет

родителям. Перед тем как накинуть ему веревку на шею, Богрову предложили высказать свою последнюю волю. Он захотел переговорить с глазу на глаз с раввином, но получил отказ: жандармы заметили, что у него была такая возможность в тюрьме. Преступника вешали дважды, поскольку первый раз оборвалась веревка. После повешения тело находилось на виселице 15 минут, в соответствии с законом. По истечении этого времени врач констатировал смерть преступника. Его тело положили в вырытую поблизости яму, засыпали и сровняли с землей. Вся процедура заняла в общей сложности не более 45 минут.

Казалось бы, все. Что еще можно сказать об этом деле? Тиран убит, преступник понес заслуженное наказание. Но вот тут-то и начинается самое интересное.

Выяснилось, что в театр на премьеру было не так-то просто попасть. Богров же пришел по билету, выданному ему лично начальником охранки подполковником Н. Н. Кулябко… К тому же, террорист действительно сотрудничал с охранным отделением еще с 1906 года, поставляя сведения о деятельности социал-демократов, анархистов и эсеров, с которыми имел тесные связи. Оказалось, что в деле убийства Столыпина замешаны командир Отдельного корпуса жандармов, товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант Курлов и другие высокопоставленные лица: подполковник Спиридович (начальник дворцовой охраны), вице-директор Департамента полиции Веригин, уже упоминавшийся начальник Киевского охранного отделения подполковник Кулябко и другие. Они не только позаботились о том, чтобы Богрову был выдан специальный пропуск, но и создали в театре беспрецедентный вакуум охраны высших должностных лиц, включая и Николая II. Все это как нельзя лучше способствовало выполнению плана, составленного террористом. Последний наивно полагал, что России по тогдашнему положению дел не хватает именно такого акта для начала еврейских погромов (ведь сам убийца – еврей), которые должны вызвать революцию. Но его расчет оказался ошибочным. Погромов не было, поскольку их истинной причиной является отнюдь не смерть сановного лица, на которого большинству наплевать.

И еще: заговор расследовался на сенатском уровне, но государь внезапно прекратил дело. Почему? Может быть, смерть Столыпина его не так уж и огорчила?

Так каковы же на самом деле были причины убийства российского премьер-министра? Версий существует множество. Среди них выделяются несколько достаточно правдоподобных.

Это сионистская версия и вероятные условия, поставленные Богрову эсерами, подозревавшими Митьку-буржуя в сотрудничестве с охранкой. Однако и для суда, и для близких террористу людей его поступок так и остался загадкой. О какой сионистской версии может идти речь, если с иудеями-ортодоксами Дмитрий отношений не поддерживал, а реформы, проводимые Столыпиным, считал прогрессивными и необходимыми? Да и мнение премьера касательно своих соплеменников хорошо знал: в то время права евреев были действительно ущемлены, и Столыпин планировал предоставить им те же привилегии, что и остальным гражданам империи. А от обвинений со стороны товарищей по партии Дмитрию удалось избавиться еще в 1908 году. Многие историки до сих пор настаивают на причастности к данному террористическому акту большевиков, мотивируя свое мнение довольно близким знакомством Богрова и его двоюродного брата с Лениным. Кроме того, теоретически заказать убийство большевики могли, но нужно ли это было им в тот момент? Ведь их организация ставила перед собой задачу окрепнуть, набраться сил; убийство же Столыпина повлекло бы за собой волну репрессий, так что подобный теракт большевикам был тактически невыгоден. А о том, что поводом для выстрела, прозвучавшего 1 сентября, стали гонения на революционеров, последовавшие за взрывом столыпинской дачи, не стоит и говорить ввиду отсутствия самих репрессий. А ведь премьер не боялся испачкать руки! И если революционеры не понесли наказания, то не является ли это следствием того, что Столыпин прекрасно знал: за первым покушением стояли вовсе не они. И кстати, поведение Николая II тоже наводит на разные мысли. Ведь он сделал все, чтобы люди, так или иначе причастные к трагедии, избежали какого-либо наказания.

Так что же в действительности стало причиной убийства премьер-министра?

Мало кто знает, что, несмотря на борьбу с революционным движением, то время было периодом расцвета религиозной терпимости и демократии. Вся молодежь поголовно увлекалась революционными идеями. Особой популярностью пользовались эсеры, анархисты и либералы. Каждый находил в их организациях что-то свое, заражаясь иллюзией борьбы с режимом (большинство этих организаций было неспособно вести настоящую борьбу за власть). Кроме того, практически все революционные организации в Российской империи тогда существовали за счет… охранного отделения или иностранных финансовых источников! Ведь охранке было важно не допустить слияния слабых мелких

объединений в одну политическую силу, способную привести к смене режима в стране. Для правительств иностранных государств многочисленные агрессивные организации были выгодны по другой причине: они дестабилизировали ситуацию в Российской империи, тормозя ее экономический рост. Но тут на политической арене появился Петр Столыпин, и ситуация в корне изменилась. Став премьер-министром, он занялся наведением порядка в распределении казенных средств, чем, естественно, многим перешел дорогу. Однако по-настоящему сильно он мешал своему предшественнику на посту премьера, Сергею Витте, и его влиятельной группировке. А тут подвернулась возможность убрать неугодного сановника, свалив вину на революционеров, объявивших терроризм одной из форм революционной борьбы. «Оппоненты» Столыпина постарались не упустить такой шанс. И вспомнили о странноватом агенте охранного отделения, не скрывавшем своей приверженности идее индивидуального террора.

Примечателен тот факт, что после смерти Столыпина охранное отделение провело у него на даче… обыск! Кто еще, кроме царя, отдал бы подобное распоряжение? Это мог сделать только один человек, непосредственный помощник Столыпина, его заместитель генерал Курлов. А сей господин погряз в коррупции, о чем премьер был прекрасно осведомлен, собрав на своего зама внушительное секретное досье. После злополучной премьеры в оперном театре Столыпин собирался отправиться к государю и потребовать пресечь деятельность Курлова, назначенного на должность, кстати, помимо его воли самим Николаем II.

Богров тщательно планировал убийство и искал политические силы, которые взяли бы на себя ответственность за теракт. При этом он пользовался данными из личных дел революционеров, имевшихся в архивах полиции. Странно, но за время сотрудничества с охранкой Богров не «сдал» ни одного человека, заслужив при этом уважение руководства. Не исключено, что Дмитрий был принят на агентурную работу для того, чтобы его впоследствии можно было использовать для особых поручений. Тем более, что у него была «подходящая» национальность и революционные взгляды, да и натура достаточно управляемая.

И все же – как террорист попал в театр 1 сентября? Ведь по инициативе Столыпина агентам охранки запрещалось сопровождать высокопоставленных особ! Но Богров, тем не менее, билет получил, причем на имя, являвшееся одним из его «рабочих» псевдонимов. Пристав вообще отказался пропускать его

в театр, но в разговор вмешался начальник охранного отделения Кулябко, и Богров попал-таки в фойе. Все дальнейшие события говорят о том, что смерть премьера планировалась Департаментом полиции при молчаливом согласии царя. Николай наблюдал за происходящим в партере, но не отдавал никаких распоряжений, заметив, что в сторону его ложи направляется неизвестный. Убийца и его жертва в течение нескольких секунд рассматривали друг друга, стоя рядом, но охрана премьера почему-то ничего «не заметила». Дмитрий, посмотрев на царя, перевел взгляд на Столыпина, после чего беспрепятственно выстрелил, спокойно спрятал оружие и пошел к выходу. Ни царские телохранители, ни охрана премьера не сделали никаких попыток его задержать. Охранники в зале ожидали приказа о задержании преступника, но его никто не торопился отдавать. И только у самых дверей на убийцу бросился один из зрителей… В чем же причина ненависти представителей охранки к премьеру? Столыпин пытался сильно оградить ее руководство от превышений полномочий, не раз наказывая провинившихся и скрупулезно собирая на них досье, в которые вносились все факты злоупотреблений служебным положением. Так что высокопоставленные чины охранного отделения были крайне заинтересованы в том, чтобы весь компромат на них не получил огласки. Смерть же Столыпина гарантировала исчезновение с политической арены могущественного противника. Да и сам Николай II вряд ли не оставался причастен к убийству. Ведь он явно потворствовал тому, чтобы люди, имевшие отношение к террористическому акту, не были привлечены к ответственности. И государь, и его супруга не могли дальше терпеть премьера, который их заслонял. Возможно, царская чета была даже рада смерти строптивого министра-реформатора. Вот только его гибель обернулась драмой для всей России… Для нас, ориентирующихся на сведения из старых учебников истории, «Столыпин» и «палач» – синонимы. А ведь в действительности дело обстояло несколько иначе. Вклад этого человека в развитие империи огромен. Например, именно благодаря его реформам в 1913 году Россия заняла первое место в мире по росту промышленного производства. Столыпин разрушил крестьянскую общину, являвшуюся основой самодержавия, благодаря чему государство стало иным. Резкие реформы премьер-министра были направлены на усиление державы и ограничение самодержавной власти. (Именно поэтому его ненавидели как революционеры, так и монархисты.) Этот сановник фактически требовал от царя изменить государственное устройство, конституционно ограничив монархию. Он

подготавливал проект изменений правового законодательства, активно занимался благотворительной деятельностью, держал под контролем работу многих попечительских советов, не позволяя их членам злоупотреблять своим положением и расхищать вверенные им средства. Премьер, заручившись поддержкой матери Николая II, собирался перенести столицу государства в Киев (именно во время той поездки, закончившейся гибелью Столыпина, царь должен был принять такое решение). Он стал первым в истории борцом с коррупцией и международным терроризмом. Столыпин был прекрасно осведомлен, кто на самом деле создавал революцию: очень многие развитые страны заботились, чтобы политическая ситуация в России не изменилась, так как наличие межпартийной борьбы выступало гарантом экономической нестабильности державы. В общем, слишком многие обрадовались гибели премьера, в котором видели главную опасность для революционного движения в России. Ведь он боролся с Первой русской революцией столь активно, что заслужил прозвища «палач» и «вешатель»…

Итак, окружение Николая II при его молчаливом согласии санкционировало убийство Петра Столыпина, стремясь остановить реформы в стране и сохранить абсолютную монархию. Для этого царя убедили в том, что действия премьера подрывают его власть. Те, кто старался убрать неугодного и непредсказуемого сановника руками Митьки-буржуя, были уверены: монархия от этого только выиграет. Сам же Богров был убежден, что самодержавие в России падет после смерти министра-реформатора, и оказался проницательнее представителей правящих кругов. Ведь сейчас совершенно ясно, что именно этот выстрел, прозвучавший 1 сентября 1911 года, стал одной из главных причин распада Российской империи.

ГОРДИН АБА

(род. в 1887 г. – ум. в 1964 г.)

Известный анархист, идеолог анархо-универсализма, «левый» еврейский политик.

Аба Гордин родился в 1887 году в местечке Сморгонь под Вильнюсом (тогда – Виленская губерния Российской империи). Он был сыном известного литовского раввина Йегуды-Лейбы Гордина. В детстве Аба учился в хедере и йешиве, после окончания которых получил удостоверение раввина.

До 1908 года Аба Гордин был активистом сионистского движения «Цеирей Цион», разрабатывал систему еврейского образования «иврит бе-иврит». Вместе с братом Зеевом-Вольфом Гординым открыл в Сморгони экспериментальную еврейскую школу «Иврия» и напечатал серию брошюр по проблемам воспитания. Под влиянием книги Макса Штирнера и революции в России Гордин переходит к анархистам. В 1910–1916 годах братья Гордины – активисты российского анархистского движения, на русском и идиш пишут статьи по теории анархизма. Аба активно участвовал в Февральской и Октябрьской революциях 1917-го, входит в общероссийские анархистские организации. В 1917–1918 годах Аба Гордин среди организаторов Московской анархистской федерации, редактор газеты «Анархия». Вместе с Даном он один из двух делегатов от оппозиции на Втором Всероссийском съезде Советов. Братья Гордины то пытались заигрывать с советской властью и даже разрабатывали «советский анархизм», то пребывали в оппозиции к большевикам. В 1917–1920 годах они издали ряд брошюр по теории интериндивидуализма и пананархизма. Аба Гордин стал лидером Всероссийского движения пананархизма. Он изобрел также новый универсальный односложный язык «Ао», которому, правда, не нашлось применения.

В 1920 году Гордин организовал новое анархистское движение – Всероссийскую секцию анархо-универсалистов, которая имела свои группы в десяти городах. Главная идея анархо-универсализма – восприятие анархизма как единого глобального социума. Власть, по Гордину, позволяет тем, кто ею

обладает, достигать своих целей, непосредственно не совершая насилия и не принимая непосредственного участия в социальной организации. Все делается опосредованно, совершается другими. Власть рассматривалась как своего рода политический капитал, а владеющие ею, – как «политические капиталисты». На этом основании Гордин заявлял, что «власть есть высшая форма эксплуатации».

«Обладать властью, – писал он, – значит иметь право пользоваться и распоряжаться “общественной силой”». В книге «Интериндивидуализм» (М., 1922) Аба Гордин изложил свою концепцию генезиса государственной власти. В будущем обществе, полагал известный анархист, возникнет «универсальная мировая власть», которая перестанет быть властью в прежнем смысле слова, тогда произойдет как бы самоотрицание прежних форм власти.

Весной 1919-го Аба Гордин находился в армии Махно в Гуляйполе, работает то в махновской контрразведке, то в культпросветотделе. Во время выступления на одном из анархистских митингов в Москве он был ранен агентом ЧК.

В 1921 году Аба Гордин был арестован, однако стараниями Крупской избежал расстрела, а только был сослан в Сибирь на границу с Маньчжурией. В 1923 году Гордин бежал из Советской России через Китай и Японию в США.

В США Аба Гордин – один из лидеров идиш-анархизма, автор литературных и философских трудов, пишет на идиш, иврите, английском. В 1932–1934 годах в Нью-Йорке он редактирует журнал «Клариан», в 1941–1958 годах там же издает и редактирует журналы «Идише шрифтн» и “Problems”. До конца жизни Гордин – редактор газеты аргентинских анархистов на идиш «Дос фрайе ворт» и газеты нью-йоркских анархистов «Фрайе арбетер штиме».

В 1958 году Аба Гордин переехал в Израиль и поселился в Рамат-Гане. В Израиле он возрождает анархистские группы, в 1960 году начинает издавать анархистский журнал на иврите и идиш «Проблемот-Проблемен» (Тель-Авив). Он являлся одним из серьезных исследователей еврейской мистики и каббалы, профессиональным литературоведом, автором исторических эссе, романов, воспоминаний.

Аба Гордин стал «властителем умов» для «леваков» Израиля. Он дядя Давида Разиэля – национального героя Израиля, и Эстер Разиэль-Наор – депутата кнессета. Умер Гордин на 78-м году жизни в Тель-Авиве.

СОЛОНОВИЧ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1887 г. – ум. в 1937 г.)

Один из лидеров анархизма в Советской России, идеолог мистического анархизма.

Знаменитый анархист Алексей Солонович родился в местечке Казимерж Люблинской губернии (тогда Российская империя, сейчас – Польша) в семье русского полковника артиллерии, потомственного дворянина. В юности Алексей жил в Карачеве Орловской губернии, учился в Орловском кадетском корпусе и в Московском университете на физико-математическом факультете. В 1905 году был поставлен «на учет за революционную агитацию».

В 1911 году в связи со студенческими беспорядками Солоновича исключили из числа студентов, ему запрещено проживание в Москве. Но вскоре, по ходатайству жены, он был восстановлен ив 1914 году закончил университет. Некоторое время Солонович даже был послушником Святогорского монастыря.

С 1914 по 1918 год Солонович преподает математику и механику в гимназиях Москвы, позже, в 1920–1925 годах, читает курс математики в Московском высшем техническом училище. В эти годы он прославился как писатель и поэт, математик и философ, теоретик мистического анархизма. Он сумел изложить теорию Лобачевского в стихах. С юности Солонович увлекался каббалистикой, и анархист Ю. Аникст назвал его «трубадуром мистического анархизма».

В связи с выходом книги Солоновича мистико-символического содержания «Скитания духа» против него было возбуждено судебное дело. Церковная цензура обвиняла Солоновича в порнографии, в оскорблении религии и нравственности. Однако, хотя книга была с явно эротическим оттенком, суд вынес оправдательный приговор.

В 1914–1916 годах Солонович выступает за продолжение войны России с Германией. Февральскую и Октябрьскую революции Солонович принял восторженно, активно участвует в анархистском движении. Он – один из основателей Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, член секретариата ВФАК. Поддерживая советскую власть, Солонович работает заведующим культурно-просветительским отделом, комиссаром просвещения Виндавской железной дороги.

Однако уже с конца 1918-го он активно выступает против советской власти, неоднократно попадает в застенки ЧК. В 1923 году Солонович отошел от работы в секретариате ВФАК. Он руководит тайными кружками анархистов и секцией анархистов в Кропоткинском музее. Лекции Солоновича в Кропоткинском музее пользовались огромным успехом у слушателей. В 1920-х он и его жена Агния Анисимовна входят в Кропоткинский комитет, Кареленский комитет, «Черный анархистский крест», организовывают и руководят рядом анархо-мистических парамасонских оккультных кружков, например рыцарей «Ордена света». Солонович претендует на роль лидера анархистов, преемника Карелина, руководителя анархистской секции при музее имени Кропоткина. Во главе «Ордена света» стоит сам Солонович, он – командор Ордена, члены которого называют себя рыцарями Ордена. Организация строилась по принципу десяток, переход из низовых «званий» в вышестоящие производился через «рыцарское посвящение».

Руководящее ядро «Ордена света» вело работу в музее имени Кропоткина, все они были членами Кропоткинского, Бакунинского и Карелинского комитетов и членами анархистской секции музея. «Рыцари» устраивали вечера, лекции и беседы, широко привлекая, в основном, интеллигентную молодежь,

сотрудничали в газетах американских «леваков» и мистиков «Рассвет» и «Пробуждение». Солонович писал: «Человек есть “гроб Господень” – его надо освободить новыми крестовыми походами и должно для этого возникнуть новое рыцарство, новые рыцарские ордена – новая интеллигенция, если хотите, которая положит в основу свою непреоборимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве».

В 1925 году Солонович был арестован и приговорен к трем годам заключения в Суздальском политизоляторе постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ «за подпольную анархическую деятельность и попытку организации анархистского рабочего союза». Но через 4 месяца пребывания в политизоляторе он был освобожден благодаря прошению Карелина. В 1928 году разгорелся острый конфликт между двумя идеологами анархизма – Солоновичем и Боровым за лидерство среди московских анархистов. Тогда Борового поддержали Аршинов и Махно, клеймя из французского далека Солоновича и его последователей «пособниками белогвардейцев и мировой буржуазии», «мистиками» и «фашистами».

В изданной за границей брошюре анархиста С. Володькина читаем:

«Сообщение наших московских товарищей о том, что группа реакционных мистиков во главе с А. Солоновичем путем “борьбы из-за угла и прямой провокации” вынудила анархистов уйти из музея им. П. А. Кропоткина. Под видом борьбы за анархическую свободу личности, за “общечеловеческую любовь” выросла и воцарилась в музее имени Кропоткина реакционная партия мистиков-иезуитов во главе с Солоновичем».

В сентябре 1930 года Солоновича арестовали вместе с его старшим сыном Сергеем (родился в 1907 г.). На следствии он не выдал ни одного из своих единомышленников. Солонович-старший был приговорен к пяти годам заключения в политизоляторе. Однако в 1933 году был досрочно освобожден из политизолятора и отправлен в ссылку в Нарымский край, где из числа ссыльных поселка Каргасок создал анархистский кружок. В начале 1937 года Солоновича снова арестовывают… в знак протеста он объявляет голодовку. Больное сердце не выдерживает, и он умирает.

Солонович прославился рядом анархо-оккультных работ: «О Христе и христианстве», «Волхвы и их предтечи», «Квадрига мировой революции». Одним из основных пунктов обвинения Солоновича в «антисоветской пропаганде и контрреволюции» стал его шеститомный труд-исследование «Бакунин и культ Иальдобаофа». Органами ГПУ были изъяты и уничтожены все

экземпляры рукописи. В этой работе Солонович писал: «… большевики вогнали клин государства между рабочими и крестьянами, разъединили город и деревню, благодаря мероприятиям эпохи военного коммунизма, и затем в 1920–1921 годах подавили революцию, шедшую глубже… Последние всплески революции раскатились громами Кронштадтского восстания, махновщины, крестьянских восстаний и так называемых «голодных бунтов»… Удушив революцию, погубив революционные элементы крестьянства, они тем самым подготовили себе прочную и бесславную гибель в объятьях буржуазно-мещанского элемента и того же крестьянства, а растоптав все элементы общественной самодеятельности, они отрезали себя и от пролетариата как массы, как революционного класса в городах. Они, таким образом, выделили и обособили сами себя в новый, неслыханно беспощадный и глубоко реакционный отряд иностранных завоевателей».

Большевики, по мнению Солоновича, были людьми, одержимыми «демоном власти», поскольку «Принцип власти привит человечеству как болезнь, подобная сифилису. От властолюбия надо лечиться, а с его безумством беспощадно бороться, ибо по следам Иальдобаофа ползут лярвы и бесовская грязь пакостит души людей и их жизни… Среди наиболее мощных фанатиков власти, для которых цель оправдывает средства, мы найдем Ивана IV, Филиппа II, Лойолу, Торквемаду, Ленина, Маркса и др. Все они были под непосредственным руководством ангелов Иальдобаофа в той или другой форме или степени».

Размышляя о будущем социализма, Солонович писал: «…если говорится о светлом «будущем», то будьте осторожны: не хочет ли проповедник светлого будущего просто закрыть этим будущим позор настоящего. Настоящие поколения людей нисколько не хуже будущих, чтобы их приносить в жертву тем, будущим. У настоящих есть одно крупное преимущество – они уже существуют, чего нельзя сказать с уверенностью о последующих поколениях. Глупо и преступно менять счастье реальных людей на весьма проблематическое счастье людей нереальных. В самом деле, почему отцы не имеют права на счастье? Почему они должны быть навозом для взращивания счастья детей и внуков?»

«Империализм же московских большевиков пока, т. е. в 1927 году, занят внутренней войной и безнадежным старанием покорить страну. Однако занятость внутренняя может искать себе сил и во внешних завоеваниях. Но не нужно забывать немецко-еврейского происхождения большевизма, остающегося и обреченного всегда оставаться чуждым совокупности народов

СССР», – писал Солонович.

Он различал «гетерономную» и «имманентную» власти. Первую, как навязанную извне, чуждую внутренней природе человека, он отрицал, относя к этой власти принуждение во всех сферах общественной жизни. Власть имманентную Солонович признавал.

В распространявшейся среди членов анархо-мистических кружков рукописи говорилось: «Современное российское правительство выбросило лозунг: “религия – опиум для народа”. В противовес ему можно выбросить другой лозунг: “государство – опиум для народа”. С понятием “государства” какого бы то ни было неразрывно связано понятие насилия – насилия над обществом, над личностью, над индивидуальностью и т. д.».

МАХНО НЕСТОР ИВАНОВИЧ

(род. в 1888 г. – ум. в 1934 г.)

Повстанческий «батька», организатор повстанчества юга Украины и крупной анархистской армии, которая сражалась с красными, белыми, интервентами, петлюровцами.

Нестор Иванович Махно родился 27 октября 1888 года в селе Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии (ныне – районный центр Запорожской области) в бедной крестьянской семье. Рано лишившись отца и будучи последним, пятым, сыном в семье, Нестор с детства работал пастухом, маляром, чернорабочим. Все образование его сводилось к четырем классам местной церковно-приходской школы. Будучи рабочим на заводе сельскохозяйственных машин, Нестор Махно вошел в гуляйпольскую группу «Вольный союз анархистов-хлеборобов» (Крестьянская группа анархистов-коммунистов). В 1906–1908 годах Нестор участвовал в ряде террористических актов и экспроприациях, которые были делом рук местных анархистов. Был арестован вместе со всей группой в 1908 году.

На следствии Махно виновным себя не признал, но военно-

окружной суд в 1910 году приговорил его к смертной казни, которая, как несовершеннолетнему, была заменена 20 годами каторжных работ. В поддельных документах Нестор значился на год моложе, годом его рождения ошибочно считается 1889-й, хотя рожден он в 1888 году. Срок Махно отбывал в Екатеринославской тюрьме и в московских Бутырках. Влияние на Махно оказали анархисты А. Семенюта, В. Антони, П. Аршинов.

Сразу же после победы Февральской революции 1917-го Махно как политический заключенный был освобожден и вскоре отправился на родину – в Гуляйполе. В Гуляйполе летом 1917-го Махно – революционный лидер волости – он избран председателем Крестьянского союза, местного крестьянского Совета, ревкома, рабочего профсоюза, командиром отряда анархистов. Осенью 1917-го он изгоняет администрацию Временного правительства из волости и начинает передел земли, проведя «октябрьскую революцию» на месяц раньше, чем в Питере.

В начале 1918 года Махно участвует в боях за установление советской власти в Александровске, принимает участие в Донской конференции ревкомов и Советов, созванной по решению Бюро ВРК Донбасса. В то время отряд Махно успешно разоружает казачьи эшелоны. Зимой – весной 1918 года Махно приветствует большевиков и выступает за «союз левых сил» против белогвардейцев и белоказаков, Центральной Рады и стран германского блока. В Гуляйполе Махно организует отряды для сопротивления австро-германским войскам и сам командует этими отрядами на фронте. Но под давлением интервентов отряды Махно откатываются на восток, к Таганрогу.

После оккупации Украины австро-германскими интервентами летом 1918 года Махно приезжает в Поволжье, где участвует в ряде антибольшевистских выступлений. Далее его путь лежит в Москву, где он встречается с лидерами анархистов: Кропоткиным, Черным, Гроссманом, Аршиновым, а также с вождями большевиков – Лениным и Свердловым. В августе 1918-го Махно нелегально, под чужим именем, возвращается на юг Украины. Там он создает небольшой партизанский отряд для борьбы с интервентами и полицейскими частями гетмана Скоропадского. В сентябре 1918-го в отряд Махно вливаются несколько десятков местных партизанских отрядов. В ноябре 1918-го после ряда успешно проведенных боев, в ходе которых Махно проявил недюжинные организаторские способности, талант военачальника и удивительную храбрость, повстанцами и местными крестьянами он избирается «батькой».

В середине декабря 1918 года партизанские отряды Махно, в

которых уже 7 тысяч повстанцев, контролируют шесть волостей. В этой анархистской «республике Махновия» признается только воля батьки. После разгрома интервентов и гетмана Махно временно борется в союзе с петлюровскими войсками. Однако в конце декабря 1918-го он выступает против своих союзников.

Подпольный Екатеринославский губком КП(б)У и ревком назначают Махно командующим всеми повстанческими войсками Екатеринославщины. В ходе боев с петлюровцами ему удается на несколько дней захватить Екатеринослав, однако из-за слабости сил и разногласий между большевиками, левыми эсерами и анархистами город пришлось оставить.

В феврале 1919 года, когда армия Деникина вторглась в Украину и уже приблизилась к «вольным» от всех властей районам «Махновии», повстанческие отряды Махно стали союзниками Красной армии в борьбе с белыми. В январе-феврале 1919-го махновцы вели ожесточенные бои за Гуляйполе, которое несколько раз переходило из рук в руки. С февраля 1919-го махновские отряды влились в состав 2-й Украинской Красной армии отдельной бригадой 1-й Заднепровской стрелковой дивизии комдива Дыбенко (позже 7-й дивизии), сохранив выборное командование, внутреннюю самостоятельность, черные знамена анархии.

В марте 1919 года бригада Махно, которая насчитывала 12 тысяч бойцов (в мае 1919-го – 20 тысяч), развила успешное наступление, выбив белых из Мелитополя, Бердянска, Гришино (ныне Красноармейск), Мариуполя, Юзовки. Махно удерживал важнейший участок красного фронта от Волновахи до Мариуполя и пытался захватить Таганрог, где была ставка Деникина. За военные заслуги он был представлен к награждению орденом Красного Знамени. Однако весной 1919-го у Махно назрел острый конфликт с красным командованием и красной администрацией Украины.

Батька не пускал в свой «вольный район», который контролировался его бригадой, ни чекистов, ни продотрядовцев, ни комиссаров, а большевики не желали терпеть такое положение, это государство в государстве. Власти опасались и созданной в «махновском» районе структуры «вольных Советов».

В начале июня 1919-го Махно объявлен большевиками вне закона, якобы за развал фронта, отступление и аресты коммунистов. На него началась настоящая охота, сотни махновцев и их командиры были расстреляны или заключены в тюрьмы. Воспользовавшись этим, белогвардейцы начали наступление на юге Украины, прорвав фронт, удерживаемый махновцами. В тяжелых боях с белыми за Бердянск и Гуляйполе

погибло несколько тысяч махновцев. Еще несколько тысяч во главе с батькой ушли в красный тыл, в район днепровских плавней для партизанской войны против большевиков.

10 тысяч махновцев временно остались на фронте в составе Красной армии. В июле 1919-го на Херсонщине отряд Махно объединился с остатками восставшей против большевиков дивизии атамана Григорьева. Но скоро Махно устраняет Григорьева и присоединяет его части к своему отряду, создав мощное соединение – Революционную повстанческую армию Украины имени батьки Махно. К армии Махно присоединились местные крестьяне, еще состоявшие в Красной армии махновцы и даже бывшие красноармейцы. Эта армия (40 тысяч штыков) в августе-сентябре 1919-го воевала против белых и красных в Правобережной Украине. В сентябре 1919-го Махно заключил союз с Петлюрой о совместных боевых действиях против белогвардейцев, занял участок фронта под Уманью.

В конце сентября 1919 года конные части Махно разгромили белых у села Перегоновка и тремя колоннами устремились на восток, громя тылы белых. За пять-шесть дней они преодолели расстояние от Умани до Приднепровья, захватив Александровск, Никополь, Гуляйполе, вскоре выбили белых из Мелитополя, Мариуполя, Екатеринослава. Махно стал «хозяином» огромной территории, провозгласив о «начале первого в мире эксперимента по строительству анархистского общества» и создании анархистского государства – Южно-Украинской Трудовой Федерации.

В октябре 1919 года численность войск Махно увеличилось до 80 тысяч человек. Его армия сыграла одну из решающих ролей в разгроме войск Деникина, совершив беспримерный внезапный рейд по белогвардейским тылам и перерезав пути снабжения белогвардейцев оружием. Это сказалось на наступлении белых на Москву. Чтобы предотвратить полный захват Украины повстанцами, Деникин был вынужден снять с московского направления несколько дивизий и бросить их против махновцев. В ноябре 1919 года в районе Гуляйполя и Александровска произошли кровавые бои между махновцами и белыми. Несмотря на ряд поражений, махновцам удалось удержать в своих руках Приднепровье с Екатеринославом и Никополем. Но к началу декабря 1919-го почти треть повстанцев Махно оказались жертвами эпидемии тифа, свирепствовавшего на юге Украины.

В конце декабря 1919 года, когда Красная армия вошла в Украину, наметилась перспектива нового союза махновцев и Красной армии. Но невыполнение махновцами приказа реввоенсовета 14-й Красной армии двинуться в район Ковеля для

борьбы против белополяков стало предлогом для объявления Махно «вне закона». Повстанческая армия махновцев приказом самого Махно была распущена, часть махновцев разоружена и арестована. Батька в тифозном бреду был вывезен сторонниками из Александровска и спрятан в Гуляйполе. Впоследствии больного Махно тайком перевозили из села в село, пряча от всевидящего ока ЧК.

В марте 1920-го Махно объявил о возрождении своей армии и вновь вступил в жесточайшую схватку с советской властью. В марте – сентябре 1920 года махновцы совершили разрушительные рейды по советским тылам – Полтавщине, Екатеринославщине, Северной Таврии, Харьковщине, Донбассу. В это время армия Махно насчитывала 10–15 тысяч штыков.

Однако в октябре 1920-го Махно заключил новый военный союз с Красной армией для совместной борьбы против генерала Врангеля, вторгшегося в пределы «Махновии» – в район вольного Гуляйполя. Армия Махно участвовала в операциях по изгнанию белогвардейцев с юга Украины и из Крыма, в штурме Перекопа и Юшуня. 15 тысяч махновцев ударили по укреплениям белогвардейцев у Александровска и Гуляйполя. Махновцы, первыми переправившись через Сиваш, ударили в тыл белых у Перекопа, чем обеспечили Красной армии победу над русской армией генерала Врангеля.

Сам Махно в боях против Врангеля не участвовал, так как еще не оправился от тяжелого ранения. После окончательного разгрома Врангеля в конце ноября 1920 года красное командование третий раз объявляет Махно «вне закона».

Несмотря на то что против армии Махно (17 тысяч бойцов) было брошено 90 тысяч бойцов Красной армии, махновцы не только сохранили свою армию, но и провели рейд по красным тылам, пройдя Херсонщиной, Киевщиной, Полтавщиной, Черниговщиной. Они вторглись даже в район Курск – Белгород и вернулись в феврале 1921 года на Екатеринославщину. В марте – июле 1921-го года махновцы, которых осталось 10 тысяч, прошли рейдом по Левобережной Украине, нанеся существенной урон советской власти и Красной армии. Однако после разгрома на Полтавщине и в районе Гуляйполя Махно был вынужден направить остатки армии на Дон. Но, не получив никакой поддержки от донских казаков, он решает увести свою армию за границу – в Западную Украину, которая входила в состав Польши, и там поднять восстание.

28 августа 1921 года Махно, его жена Галина и 76 махновцев переходят пограничную реку Днестр и, оказавшись на территории Румынии, сдаются румынским властям. Правительства Советской

России и Украины в ноте правительству Румынии требовали выдачи Махно, но ответа не получили. Махно поселяется в Бухаресте, а рядовые махновцы оказываются в лагерях для интернированных. 11 апреля 1922 года вместе с 11 товарищами Махно бежит в Польшу, где он, его жена и спутники были арестованы и заключены в Стржалтавский лагерь. В 1922 году у Махно родилась дочь Елена. В ноябре 1923 года в Варшавском окружном суде слушалось дело по обвинению Махно, его жены, соратников Хмары и Домащенко в попытке поднять антипольское восстание в Галиции и в связях с агентурой СССР. После оправдательного приговора и освобождения Махно с супругой перебрались в вольный город Данциг, где батьку вновь ожидала тюрьма, а потом бегство во Францию.

С 1925 года Махно живет во Франции, где участвует в издании журнала анархистов «Дело труда», пишет статьи для анархистско-эмигрантских изданий и свои воспоминания. За границей он устанавливает связь со всеми влиятельными лидерами мирового анархизма, признан всеми как «великий практик» дела анархизма. В то же время Махно мечтает сформировать единую организацию – партию, которая бы сплотила всех анархистов мира, мечтает о возвращении на родину, новом восстании. Но к 1925 году махновское подполье в Украине было полностью ликвидировано.

В Париже Махно продолжает популяризировать анархистскую программу «Платформа» с целью объединить различные организации анархистов. Махно обратился с пламенным призывом к участникам Съезда революционного коммунистического анархистского союза, состоявшегося в мае 1930 года в Париже, и призвал к созданию Международной «либертарной» (свободной) анархо-коммунистической федерации. Осенью 1927 года сторонники «Платформы» одержали победу над приверженцами программы «Синтез» (Волин и компания).

Однако здоровье Махно было подорвано 12 тяжелыми ранениями и туберкулезом. Живя в Париже, он тяжко болел, не мог подолгу работать на одном и том же месте. Из-за материальных трудностей и туберкулеза Махно поселился отдельно от жены и дочери. После операции 6 июля 1934 года он умер в Париже и был похоронен с большими почестями на кладбище Пер-Лашез.

Выдержки из Протеста-обращения анархистов и синдикалистов к трудящимся всех стран

«Русская Коммунистическая партия, утвердившая свое господство в стране путем неслыханного террора, истребляющая

в массовом масштабе по сей день анархистов и революционных синдикалистов, домогается всеми способами заполучить в свои руки Нестора Махно – героического вождя революционного рабоче-крестьянского повстанчества на Украине – чтобы тем или иным путем убить его…

В 1921 году Нестор Махно, окруженный многочисленными советскими войсками, вынужден был перебраться на румынскую сторону, где был интернирован и заключен в лагерь. В течение долгого времени советская власть требовала от румынского правительства его выдачи и, быть может, добилась бы этого, если бы весной 1922 года Махно не бежал из Румынии. Однако на территории Польши он был задержан польскими властями, которые также заключили его в лагерь и намеревались судить за участие в русской революции. Газеты последнего времени сообщают, что из лагеря Махно был переведен в варшавскую крепость. Это говорит о том, что русское и польское правительства пришли между собою к какому-то соглашению относительно Махно: его могут или засудить и умертвить в Варшаве польские власти, или же последние могут передать его русскому правительству.

Таким образом реальная и серьезная опасность нависла над жизнью этого выдающегося революционера, вышедшего из глубины трудового подневольного люда. Рабочие всех стран должны поспешить ему на помощь, должны сделать все возможное, чтобы не допустить подготовляемого русским и польским правительствами преступления…

Народ, совершивший великую революцию, неминуемо должен вступить в борьбу со всеми силами, покушавшимися на его революционные права и завоевания. На Украине эта борьба вылилась в форму революционного восстания крестьян и рабочих. Это великое историческое движение боролось не только с диктатурой большевиков, но также в одинаковой мере с диктатурой других партий – монархических и демократических.

Основной целью этого движения было – обратить всю землю, средства и орудия производства в общее достояние трудящихся и организовать общественно-хозяйственную жизнь на принципах рабоче-крестьянского самоуправления. Столкнувшись с организованным врагом в лице контрреволюционных армий царских генералов и коммунистической диктатуры, движение для борьбы с ними создало свою революционную, построенную на принципе добровольчества армию, которая в течение четырех лет вела героическую борьбу на многочисленных фронтах, стремясь отстоять от покушений революционную территорию и революционные права трудящихся…

Борясь с врагами революции на военных фронтах, махновщина заботилась о том, чтобы внутри революционного района жизнь строилась на принципах независимости и самоуправления трудящихся… Махновщина и большевизм – два антипода. Первая стремится к полному самоуправлению трудящихся; второй – к диктатуре над ними. Гнусной, подлой клеветой является утверждение советвласти о бандитском и погромном характере махновщины. Махновская армия является единственной в мире армией, непричастной ни к каким антиеврейским актам. Наоборот, с революционной честью и решительностью она всегда их сурово преследовала.

Сейчас, когда великое революционное движение русских тружеников временно разбито армиями советвласти, последняя прилагает все усилия, чтобы добиться головы Нестора Махно, являющегося выдающимся руководителем революционного повстанчества. Она не может быть спокойна, пока этот необыкновенный человек, вышедший из народа, жив и одним своим именем волнует и поддерживает революционное настроение в народе.

Братья трудящиеся! Помешаем осуществиться презренному замыслу русского и польского правительств. Подымем голос протеста против готовящегося убийства тов. Махно и против убийства других революционеров.

Пусть каждый рабочий союз, каждая фабрика вынесут свое требование немедленного освобождения Махно из заключения. В каждой стране, где есть польские и советские посольства, революционные рабочие должны подвергнуть последние тому или иному революционному воздействию».

Этот протест подписали: Французская федерация анархистов, Федерация анархистов-коммунистов Германии, Вольный союз рабочих-синдикалистов Германии, Федерация российских рабочих организаций в Южной Америке, Группа русских анархистов в Германии.

СВЯТОГОР

Настоящее имя – Агиенко Алексей Федорович
(род. в 1889 г. – ум. в 1937 г.)

Известный анархист и поэт, создатель движения анархизма-биокосмизма.

Алексей Агиенко – сын священника Харьковской губернии, еще семинаристом увлекся анархизмом, вступил в подпольный кружок, принимал участие в революционной агитации и экспроприациях, за что неоднократно сидел в тюрьмах. Одновременно с революционной деятельностью Агиенко, взяв псевдоним Святогор, стал одним из первых поэтов-футуристов в России.

Первые положения футуризма Святогор провозгласил еще в 1909 году в сборнике «Вехи». Через десятилетие Святогор стал основоположником нового литературного поэтического направления – «вулканизма». Он считал себя «крайне левым» поэтом – лидером «космической творческой революции».

После Февральской революции 1917-го Святогор объединяется со знаменитым актером анархистом Мамонтом-Дальским и занимается экспроприациями «буржуазных квартир», становится командиром одного из отрядов Черной гвардии. Как командир Черной гвардии принимал активное участие в Октябрьской революции в Петрограде и Москве. Святогор идеализирует победу Октября, восхищается большевиками, видя в революции «начало вселенского освобождения и творческой перестройки мироздания».

В 1918 году Святогор примкнул к группе анархо-футуристов, сложившейся вокруг газеты «Анархия» (орган Московской федерации анархистских групп). После разгрома этой федерации большевиками в апреле 1918 года Святогор уезжает в Украину, где как анархист-подпольщик принимает участие в борьбе против австро-немецких оккупантов. Вернувшись из Украины в Москву в середине 1919-го, Святогор оказывается в рядах Всероссийской секции анархоуниверсалистов Гордина. Тогда Святогор отстаивал «интерпланетаризм», то есть идею вселенского единства.

В 1920 году Святогор создает мирную мистическую фракцию

в среде универсалистов-анархистов – фракцию биокосмистов. Биокосмисты считали своим главным долгом культурно-просветительную работу и пропаганду анархии. Они утверждали, что космическим кораблем для освоения просторов Вселенной должна стать Земля, что все «глобальное человечество» должно стать единым экипажем своего дома-корабля. Сильное влияния на Святогора оказали труды Федорова и Циолковского. Идеи личного бессмертия и путешествия в пространстве и времени Святогор совместил с идеей необходимости всеобщей анархии, с максимальной свободой личности.

В декабре 1921 года Святогор пишет манифест, в котором объявляет анархо-универсализм исчерпанным и распускает все местные организации анархо-универсалистов. Вместо универсализма Святогор создает направление в анархизме и новую организацию «Креаторий российских и московских анархистов-биокосмистов» и клуб «Креаторий биокосмистов» под своим началом. Святогор настаивает на полной поддержке анархистами советской власти, заявляя, что советская власть постепенно исчезнет и по мере победы всемирной революции уступит место анархизму. В 1922–1923 годах биокосмические ячейки и инициативные группы существовали в Москве, Петрограде, Харькове, Одессе, Пскове, Киеве, Омске, Иркутске.

Святогор выпускает журнал «Биокосмизм», в котором объявляет начало «великой эры бессмертия и бесконечности». Возможность воскрешения из мертвых он связывает с культом здорового тела и культом силы. Проповедуя анархизм-индивидуализм, Святогор писал: «Жажда личного бессмертия – это звериная, пышущая жаром любовь к себе». В борьбе против власти смерти, ограниченности планеты Земля, против гнета пространства и времени Святогор нашел союзника – поэта Божидара (Б. Гордеева) из объединения «Центрифуга».

Однако уже в 1923 году наметился раскол «Креатория»: петроградская группа биокосмистов во главе с А. Ярославским отошла от организации, перейдя к литературной и оккультной деятельности, изучая регенерацию, евгенику, омолаживание, анабиоз. Однако журнал этой группы «Бессмертие» вскоре был закрыт властями и обвинен в порнографии.

Еще в 1917 году в журнале «Шлях» Святогор выступает как богоискатель – с программной статьей о необходимости реформы церкви и революции духа. Христианскую церковь будущего он представляет свободным объединением людей, не ждущих сошествия Духа Святого, а творящих в себе этот дух.

С началом революции Русская православная церковь испытывает кризис. Как грибы после дождя появляются новые

направления. Один из «раскольников», лишенный священного сана, Владимир Путята, создает в Пензе Свободную Трудовую Церковь, к нему присоединяется иеродиакон Иоанникий Смирнов, «викарий Пензенской епархии». Перебравшись в Москву в 1922 году, Смирнов самочинно захватывает храм Никола Красный Звон в Зарядье, который становится центром Свободной Трудовой Церкви. Власти санкционировали этот самочинный захват, ведь новая церковь должна «…проникнуться революционным пафосом современности… принятием идеи всемирной революции!»

В Москве во главе этой церкви становится Святогор, проводит «церковные митинги самого базарного уровня»: всякий, кто пожелает, мог войти на кафедру и произнести речь. Святогор пишет радикальную программу новой «Церкви», основой которой было примирение религии с наукой и социализмом. «Социализация христианства» превратила церковь в дискуссионный клуб, в котором Святогор выступает с чтением своих стихов и заявляет, что Христос своим воскрешением ознаменовал бессмертие и жизнь во Вселенной. Сам Святогор до 1923 года был человеком религиозным, соблюдал православные обряды и постился несколько раз в год.

По предложению Святогора колокольни церквей должны быть переделаны «под метеорологические пункты для изучения погоды», а в церквах читать проповеди и молиться за советскую власть. Святогор призывал «новых верующих» к коллективной борьбы с «враждебными силами природы», к «освобождению человека от власти природы». Святогор поддерживал изъятие всех золотых и серебряных предметов культа, до колоколов включительно, и передачу их в Фонд помощи голодающим Поволжья. Настоятели всех храмов СТЦ добровольно передали все ценности государству.

В 1923 году Святогор порвал со Свободной Трудовой Церковью и перешел на позиции марксистского материализма. Он вел активную атеистическую работу, стал членом Центрального совета Союза воинствующих безбожников. В 1930-х годах Алексей Федорович – журналист в московских «Известиях» и в журнале «Антирелигиозник». Но в июне 1937 года Святогор был арестован и осужден на 8 лет лагерей, откуда уже не вернулся.

АТАМАН ЗЕЛЕНЫЙ

Настоящее имя – Терпило Данило
(род. в 1886 (1888?) г. – ум. в 1919 г.)

Лидер крестьянского повстанческого движения на Киевщине в 1918–1919 гг., символ крестьянского сопротивления.

Данило Терпило родился в селе Триполье (Киевская губерния) в бедной многодетной семье плотника, в 1886 году (1888?). Известно, что он закончил двухклассное училище, готовился стать учителем в начальной сельской школе. В семнадцать лет стал революционером, боевиком-террористом (анархистом или эсером). В 1908 году будущий атаман был арестован, судим и сослан в Сибирь (по другим данным, 4 года отбывал ссылку в Архангельской губернии). Он вернулся в Триполье в 1913 году, после объявления амнистии политическим заключенным к 300-летию дома Романовых. В Первую мировую войну Данило воевал на Западном фронте. В 1917-м он поддержал Октябрьскую революцию, был выбран членом солдатского Совета дивизии. Вернувшись с фронта в Триполье, Данило организовал ячейку «независимых» украинских социал-демократов.

Летом 1918 года Данило становится атаманом Зеленым – вождем восставших против интервентов и гетмана Украины Скоропадского на Киевщине казаков, атаманом Повстанческого Днепровского коша. В октябре 1918-го в отряде Зеленого насчитывается 170 повстанцев. «Зеленовцы» нападали на гетманскую полицию, местных помещиков, небольшие отряды немецких оккупантов. У них был свой почерк – убитых и пленных топили в Днепре. В ноябре 1918-го Зеленый захватил Триполье, Обухов, Ржищев. Когда Директория УНР объявила о всеобщем восстании против гетмана, а повстанческие части Петлюры устремились к Киеву, Зеленый мобилизовал до 2 тысяч крестьян на борьбу против гетманского режима. Петлюра признал Зеленого трипольским атаманом, и Зеленый был выбран главой ревкома Триполья и командиром повстанцев. Петлюра распорядился сформировать из повстанцев Зеленого Днепровскую

повстанческую дивизию, которая должна была войти в состав Осадного корпуса полковника Коновальца. 14 декабря 1918-го корпус Коновальца ворвался в Киев, повстанцы атамана Зеленого под красным флагом и с лозунгом «Вся власть Советам!» заняли Крещатик. Дивизия Зеленого вошла отдельным подразделением в столичный гарнизон. Большевистские агитаторы свободно общались с «зеленовцами», сея сомнение в «народности» власти Директории. Атаман Зеленый призывал лидеров Директории уничтожить частную собственность. Вскоре под его командование была отдана Днепровская дивизия атамана Данченко. В дивизии Зеленого таким образом состояло 4 полка общей численностью 6 тысяч штыков.

После того как дивизия Зеленого была выведена за пределы Киева, в Святошино разразился скандал между властью и атаманом. Петлюра решил отправить дивизию Зеленого в Галицию, где дружественная Директории Западноукраинская Народная Республика боролась против польской армии. Однако Зеленый заявил, что отказывается выполнять приказ и подался в родную волость. Из Триполья Зеленый направил ультиматум Директории, требуя немедленно провозгласить советскую власть в Украине и прекратить всякое сопротивление Красной армии. Прекрасный организатор, Зеленый, фактически, стал главой независимой Приднепровской Республики, включавшей несколько районов Киевщины. Он изгнал администрацию Директории из своего района, утвердил в селах ревкомы. В ответ Петлюра издал приказ об аресте Зеленого «за измену».

24 января 1918 года войска Директории разгромили и распылили тысячу «зеленовцев», захватили Триполье и разоружили местных крестьян. Но вскоре в Триполье был созван уездный съезд, который принял решение не признавать власти Директории. Повстанцы Зеленого вновь захватывают Обухов и Триполье… 6 февраля 1919-го большевики вытеснили петлюровцев из Киева. На следующий день Зеленый повел свое воинство против петлюровцев на станцию Васильков. После разгрома петлюровцев Зеленый прибыл в Киев на встречу с командующим большевистской армией Антоновым-Овсеенко. Зеленый предложил свои услуги большевикам, попытался договориться с командованием о вхождении «зеленовцев» в состав Красной армии на правах самостоятельной независимой дивизии при сохранении за собой должности атамана. Зеленый предлагал военный союз с советской властью, потребовал от новой власти политических уступок – создания «левого фронта» всех социалистических партий Украины, «вольности» Трипольскому району. Какие-то обещания командующим были

даны, и Зеленый две недели ходил в «красных комдивах».

Но к концу февраля 1919-го Антонов-Овсеенко забыл о своих обещаниях и решил переформировать и «почистить» дивизию Зеленого, направить туда комиссаров. Эти действия вызвали резкий протест атамана, который уже с начала марта 1919 года перестал исполнять приказы командующего. Восстание под руководством атамана Зеленого началось 20 марта 1919 года. Собрав три тысячи повстанцев, атаман Зеленый уничтожил заезжих большевиков-агитаторов в Триполье и продовольственный отряд. Повстанцы организовали Центральный революционный комитет повстанцев Украины (Совнарком), в котором наркомом по военным делам стал атаман Зеленый. 25 марта 1919-го решением СНК УССР Зеленый был объявлен «вне закона» как «грабитель и насильник».

Зеленый в борьбе за «свободу и равенство» враждебно относился не только к помещикам и буржуазии, но и к местному кулачеству, пытаясь ограничить их экономическое и политическое влияние на селе. «Зеленовцы», да и сам атаман, называли себя «независимыми большевиками». Именно Зеленый впервые выдвинул лозунг «Советы без коммунистов!». Раковский писал, что атаман ведет «человеконенавистническую пропаганду против евреев». В начале апреля 1919-го повстанцы нападают на Васильков, Таращу, Белую Церковь, Фастов. Зеленый перекрыл железнодорожное и речное сообщение с Киевом, разрушал мосты и железнодорожное полотно. Под Киевом возник «Зеленовский фронт», где наспех собранные красные части держали оборону против повстанцев. 25 марта 1919 года состоялась первая битва «зеленой компании», в ходе которой красные дрогнули и отступили к Киеву. Собрав 5 тысяч повстанцев при 4 орудиях, Зеленый решил захватить Киев. 8 апреля 1919-го Зеленый направил Совнаркому Украины ультиматум, требуя сдачи Киева «Армии независимой Советской Украины» (отряду Зеленого). 10 апреля Зеленый начал штурм Киева.

С севера на Киев наступали отряды атамана Струка. Они просочились на Подол и окопались в 300 метрах от Крещатика. 400 повстанцев Зеленого высадились с кораблей на Печерской пристани. Из-за недостатка патронов и снарядов наступление Зеленого захлебнулось. 11 апреля 1919 года из Киева отступил отряд Струка.

2 мая 1919-го красные начали второй поход против Зеленого, но повстанцы отбили атаку неприятеля. 14 мая красные выбили Зеленого из «базового» района Триполья. Но к концу мая 1919 года он собрал 8 тысяч бойцов при 6 орудиях и возвратил себе Триполье. Четвертое наступление Зеленого 24 июня 1919 года

закончилось разгромом красного десанта у Триполья. Но 2 июля 1919 года красные захватили Триполье. Однако конница Зеленого внезапно атаковала село, взяла в плен около 300 красноармейцев. По приказу Зеленого были казнены 100 пленных красноармейцев и комсомольцев.

15 июля отряд Зеленого переправился на левый берег Днепра и захватил Переяслав. Атаман провозгласил, что отменяет решение Переяславской Рады 1654 года о воссоединении России и Украины. В боях за Триполье 17–25 июля «армия» Зеленого терпит поражения, потери огромны – около половины бойцов. После разгрома Зеленый вынужден оставить Приднепровье и отойти к Умани. В начале августа 1919 года Зеленый (3 тысячи бойцов) пытается захватить Умань, но безуспешно, и отводит свой отряд к Белой Церкви. 24 августа Зеленый вместе с армией УНР штурмом берет Белую Церковь.

В 20-х числах августа 1919-го в Приднепровье на авансцене событий появляется белая армия Деникина. 26 августа петлюровцы передают власть в Белой Церкви белым. Отряд Зеленого занял демаркационную линию между частями Деникина и армией УНР у Белой Церкви. После того как белые вытеснили петлюровцев из Киева, Зеленый отошел в Трипольский район, пытаясь не допустить туда белогвардейцев. В сентябре 1919 года атаман Зеленый посетил Каменец-Подольский, где встречался с представителями Директории и Петлюрой. Отряд Зеленого вошел в состав армии УНР как Конно-повстанческая дивизия. В октябре-ноябре 1919 года Зеленый ведет партизанскую войну против деникинцев. В начале декабря 1919-го в бою с белыми атаман был смертельно ранен. По другой версии, Зеленый погиб, когда его предательски заманили в отряд красных партизан и там расстреляли по приказу красного партизанского командира Колоса.

АРОН БАРОН

Настоящее имя – Факторович Арон Давидович
(род. в 1891 г. – ум. в 1937 г.)

Лидер анархистских организаций в Украине, один из основателей конфедерации анархистских организаций Украины «Набат», один из идеологов махновского движения.

Арон Факторович происходил из евреев-мещан Киевской губернии. Под псевдонимом Полевой в 1907–1909 годах он участвует в анархистских группах Киева, в организации киевского профсоюза пекарей. Преследуемый царской полицией Факторович эмигрировал в США, где играл заметную роль в анархо-синдикалистском движении. В Чикаго Факторович, принявший псевдоним Арон Барон, редактировал анархистскую англоязычную газету “Alarm”.

Вернувшись в Россию в 1917 году, Барон поселяется в Киеве, где пытается возродить профсоюз пекарей, от которого он был делегирован в Киевский Совет. Барон принимает активное участие в вооруженном восстании на киевском Подоле против Центральной Рады в январе 1918-го, в боях против казаков Каледина в феврале 1918 года.

В марте 1918 года Барон организовал и возглавил анархистскую партизанскую дружину для борьбы в Украине. Вместе с отрядами левых эсеров Киквидзе и Саблина, «червонными казаками» Примакова и другими революционными частями его дружина пыталась оборонять Екатеринослав от наступающих германо-австрийских войск. Барон входит в штаб обороны Полтавы от немецких войск и несколько дней даже был комендантом этого города.

Возвращение советской власти в Украину застало его в Киевском анархистском подполье. Судя по сообщениям газет, Барон ездил по городам Украины, выступал с лекциями от имени конфедерации анархистских организаций Украины «Набат». Барон в ней – главный идеолог, он выступает с платформой «единого анархизма» – объединения всех направлений анархизма в одну организационную структуру.

В начале 1919 года Барон работает в анархистском подполье в Одессе и организует выпуск листовок на английском и французском языках, которые анархисты распространяют среди матросов и солдат Антанты.

Весной 1919 года Барон разъезжает по стране, организует ряд анархистских групп в России и Украине, в Одессе редактирует газету «Одесский набат». В Александровске и Екатеринославе Барона несколько раз арестовывают чекисты, ему грозит расстрел. В июне 1919-го он переходит на антибольшевистские позиции, а в августе уезжает в Москву для подпольной работы.

9 октября 1919 года Барон арестован в Москве в связи с массовыми арестами анархистов по делу о взрыве Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке. Сам Арон Барон, в отличие от своей жены Фанни Анисимовны Барон, эмигрантки из США, имел косвенное отношение к «анархистам подполья» и вскоре был выпущен из тюрьмы на поруки.

В ноябре 1919 года Барон снова в анархистском подполье Киева. Он борется против деникинцев, возрождает «Набат» в городах Украины. Летом 1920-го «набатовцы» документально оформили соглашение Конфедерации с Повстанческой армией батьки Махно, после чего члены секретариата Конфедерации вошли в состав политических органов армии махновцев. Если в июле – декабре 1919-го председателем реввоенсовета армии Махно был «набатовец» Волин, то в июле 1920 года эта должность досталась Барону. Однако председателем махновского реввоенсовета Барон оставался недолго – менее двух месяцев. Он добивался, чтобы боевые операции согласовывались с ним и другими «набатовцами», пытался отстранить Махно от решения главных политических вопросов. Поговаривали, что Барон даже метит на место батьки. Разногласия с махновскими командирами вынудили Барона покинуть Повстанческую армию, и в октябре 1920-го он уехал в Харьков.

Пользуясь договором Махно с Красной армией, который привел к временной легализации анархистских организаций «Набат» в Советской Украине, Барон разворачивает активную пропаганду анархистских идей в Харькове, Луганске, Юзовке, возрождает издание анархистской литературы, пытается издавать в Харькове газету «Набат». Барон готовил Всероссийский съезд анархистов, который должен был открыться в Харькове 1 декабря 1920 года.

Но 26 ноября Барон был арестован чекистами вместе с другими членами секретариата конфедерации «Набат» и прибывшими в Харьков делегатами анархистского съезда. Всех арестованных отправили в московские тюрьмы. В 1921 году

Барону разрешили принять участие в похоронах Кропоткина, после которых он снова возвратился за решетку.

10 июля 1921 года жена Арона Барона Фанни бежала из Рязанской тюрьмы, но была схвачена вместе с участниками анархистских «эксов» и расстреляна по приговору Московского ЧК вместе с Леоном Черным и другими анархо-подпольщиками. В ноябре 1922 года Барон был освобожден – его готовили к высылке из Советской России вместе с «партией» известных анархистов. Но он нарушил данное при освобождении обещание – не вести в течение месяца до своего отъезда анархистскую пропаганду. По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ Барон был отправлен на три года в Соловецкие лагеря.

В Соловецком лагере Барон представлял анархистов в старостатах политзаключенных. Барону, отбывшему после Соловецкого лагеря трехгодичную ссылку в Сибири и трехгодичную ссылку в Ташкенте, новым постановлением Особого совещания в 1931 году было запрещено проживать в ряде городов и местностей СССР («минус 15»). Тогда он поселяется в Воронеже, где ему удается устроиться на работу плановиком в Энерготрест. В начале 1930-х годов несколько бывших активистов «Набата», живших в Харькове, возмущенных результатами коллективизации, решили возобновить анархистскую подпольную работу с целью «пропагандировать идеи сопротивления масс». Активисты «нового подполья» вышли на Барона и попросили его собрать «старых» анархистов в подпольную федерацию, восстановить связи с анархистами других городов. По делу анархистских групп в городах центрально-черноземной области Барон был снова арестован.

В Воронеже, Курске и Орле одновременно с Бароном были привлечены к суду 23 анархиста. Анархисты собирались созвать подпольную учредительную конференцию в Харькове 1 февраля 1934 года, но ГПУ разгромило новый «Набат». В Харькове арестованы 8 человек, в Воронеже, Курске и Орле – все анархисты.

За новые анархистские «грехи» в мае 1934 года Барон был сослан на три года в Обско-Иртышскую область. Роковой 1937 год застал его в Тобольске, где он работал плановиком в одном из сибирских трестов. 20 марта 1937-го Арон Барон был арестован и в конце августа того же года расстрелян.

МИШКА ЯПОНЧИК

Настоящее имя – Винницкий Моисей (Мойше-Яков) Вольфович
(род. в 1891 г. – ум. в 1919 г.)

Знаменитый одесский «король» бандитов, лидер анархистов-налетчиков, красный командир полка, прототип героев многих рассказов Бабеля.

Будущий «король воров» Мишка Япончик родился в Одессе в пригороде Молдаванка в многодетной семье еврейского фургонщика Меера-Вольфа Мордковича Винницкого. С десяти лет Мишка-Мойше работал и учился в еврейской школе при синагоге, в шестнадцать начал работать заводским электриком.

В октябре 1905 года в Одессе вспыхнул кровавый еврейский погром. В те дни революционно настроенная часть еврейской молодежи взяла в руки оружие, чтобы не допустить погромщиков в еврейские кварталы Молдаванки. В один из таких отрядов вступил Мойше Винницкий. Вскоре молодой боевик присоединился к отряду анархистов-террористов «Молодая воля», состоявшему из юношей 15–19 лет. В отраде было 150 боевиков. Анархистская «Молодая воля» не только обороняла еврейские

кварталы от черносотенцев, но совершала налеты на магазины, склады, частные квартиры для изъятия денег «на революцию».

«Молодую волю» возглавили анархист Лева Мочман и бандит Яша Фукс. Вместе с товарищами из «Молодой воли» Винницкий занимался вымогательством и принимал участие в ряде террористических актов. Он был замечен среди нападавших на казачьи казармы (казаки участвовали в усмирении забастовщиков), в покушении на полицмейстера, в налете на мучную лавку, на частную квартиру купца Ландера… В конце 1907 года «Молодая воля» была разгромлена полицией, а Винницкий (бандитская кличка Япончик) – арестован. Приговор Одесского окружного суда гласил: 12 лет каторжных работ в Сибири.

Только в марте 1917 года он был реабилитирован как «политический» анархист, летом того же года возвратился в Одессу, где связался с анархистскими организациями и организовал вооруженную Еврейскую революционную дружину самообороны, которая экспроприировала ценности «для нужд революции». В дружине Япончика состояло 120 человек, вооруженных винтовками и револьверами, имелось 2 пулемета. Эта дружина грабила почтовые отделения, магазины и склады, игорный клуб. «Изъятие ценностей у буржуазии» Япончик оправдывал эксплуатацией еврейского пролетариата.

В ноябре 1917 года Япончик инспирировал бунт в Одесской тюрьме, устроил побег уголовников. В то же время он призвал бандитов не грабить рабочих, а «перенести свою деятельность в центральные, буржуазные кварталы». Один вор был убит людьми Япончика за ограбление рабочих, на грудь ему положили воззвание, написанное Япончиком, в котором говорилось о терроре против грабителей «трудящегося человека». Молдаванка, где хозяйничал Япончик, объявила себя «Молдаванской республикой». Япончик написал «Манифест независимой Молдаванки».

1 декабря 1917 года на улицах Одессы, которая с ноября 1917-го вошла в состав Украинской Народной Республики, разгорелся бой между анархистами и гайдамаками. Двадцать анархистов Япончика напали на гайдамацкий патруль, гайдамаки же попытались штурмовать штаб анархистов, анархисты бросили бомбу в районный комиссариат.

Отряд Япончика в конце 1917 года «реквизировал» более миллиона рублей у сахарозаводчика Гепнера, купца Карского, дворянина Сухомлинова, ограбил кассы кожевенного и мыловаренного заводов…

13 января 1918 года большевики, анархисты и левые эсеры

подняли восстание в Одессе против власти Центральной Рады УНР. Тогда левый эсер Яков Блюмкин вместе с Япончиком формирует в Одессе 1-й Добровольческий революционный железный отряд, участвовавший в уличных боях против гайдамаков 14–18 января 1918 года.

Япончик напал на полицейский участок и освободил 30 уголовников. Закончилась «одесская революция» нападением уголовников на Регистрационное бюро милиции и сожжением 16 тысяч карточек, заведенных на уголовников Одессы. Боевая дружина Япончика вошла в состав Одесской красной армии как резерв правительства советской Одессы (СНК) и командования и была переведена на государственное обеспечение. Винницкий после «одесского Октября» стал известным «славным» революционером.

Под влиянием Япончика воры-«профессионалы» Одессы давали слово грабить только богатых и требовали к себе «уважения». «Мы, группа профессиональных воров, также проливали кровь в печальные январские дни, идя рука об руку с товарищами матросами и рабочими против гайдамаков. Мы тоже имеем право носить звание граждан Российской республики!» – писали в своем воззвании «профессионалы».

13 марта 1918 года красное командование сдало Одессу, в Одессу вошли германские и австро-венгерские части. В ночь на 13 марта отряд Япончика совершил нападение на банк, гостиницу, военные склады. Большевики оставили отряд Япончика в подполье и делали все возможное, чтобы провести в «короли воров» Одессы своего человека – анархиста Япончика. Этой цели добивались и вооруженные дружины террориста Котовского, анархиста Зайдлера, подпольная дружина «Моревинт». Япончик умело использовал «левую фразу» и игру в политику, чтобы заручиться сильной финансовой и организационной поддержкой подпольщиков и их «кураторов» из Советской России.

В ноябре 1918 года Япончик сосредоточил в своих руках огромную власть: ему подчинялись все предместья Одессы и уголовники, которых насчитывалось 15 тысяч. Контроль над ворами, «патронаж» спекулянтов, проституток, шулеров, валютчиков приносили громадные деньги. Япончик объединил весь уголовный мир Одессы, стал «королем». Гетманская полиция Одессы завела дело о «похождениях короля». Расследование его деятельности завершилось решением о высылке Япончика и его жены за пределы Украины. Но он бежал из-под ареста, ушел в глубокое подполье. Большевик Акулов сообщал: «Большие услуги штабу ВРК в доставке оружия оказывал Мишка Японец, который за сравнительно небольшую плату продавал штабу, главным

образом, лимонки и револьверы».

12 декабря 1918 года власть гетмана Украинской Республики в Одессе пала, и в город ворвались петлюровцы. В это же время в порту высадились войска Антанты. Япончик решил воспользоваться ситуацией и со своей тысячной «армией» уголовников штурмовал полицейский участок (выпустил 56 заключенных) и одесскую тюрьму, в которой сидело 700 заключенных-уголовников. Охрана тюрьмы была буквально растерзана, начальник тюрьмы сожжен, все дела преступников – уничтожены. Новая украинская власть, узнав о разгроме тюрьмы, срочно бросила на поимку преступников полк солдат и два броневика. У стен тюрьмы завязался бой между бандитами и петлюровцами, но большинство бандитов скрылись. 16 декабря 1918 года Япончик обратился с новым воззванием к преступникам Одессы, призвав их не грабить рабочие кварталы. 18 декабря 1918-го белогвардейцы и части французских интервентов оттеснили украинские войска из Одессы. В городе устанавливается двойная власть – французского командующего и белого генерала. В разгар уличных боев между белыми и петлюровцами Япончик ограбил казначейство на миллион рублей. Новая власть решила очистить Одессу от уголовно-революционных шаек. Облавы и расстрелы без суда стали обычным явлением для Молдованки. Тогда Япончик направил губернатору Одессы письмо-просьбу: «Мы не большевики и не украинцы. Мы уголовные. Оставьте нас в покое, и мы с вами воевать не будем». Но губернатор Одессы генерал Гришин-Алмазов твердо решил «искоренить преступность». На белогвардейские репрессии бандиты ответили «бандитским террором» – Япончик и его «армия» начали в Одессе «партизанскую» борьбу против белых и французов. Япончик распространял слухи о том, что в «бандитской армии состоит 10 тысяч человек». За его голову белогвардейцы обещали 100 тысяч «наградных» рублей.

Япончик через Котовского и анархиста Анатолия Железнякова заключил союз с подпольным ревкомом Одессы, который получил от Япончика 80 револьверов, несколько винтовок и 200 гранат. Япончик помогал подполью выкупать большевиков из тюрем, уничтожал провокаторов-предателей, «отстреливал» белых офицеров. Часть отобранных у буржуазии денег он передавал на закупку хлеба для голодающих Одессы. Когда в начале апреля 1919 года части красных повстанцев и Красной армии штурмовали Одессу, «армия» Япончика ударила по белым с тыла, подняв восстание на Молдаванке. Против Япончика белогвардейцы бросили две тысячи штыков и два

броневика. Вскоре в Одессу ворвались отряды красного комдива атамана Григорьева.

Япончик, как «старый революционер», был назначен на командную должность в советскую Заднепровскую дивизию, вскоре он – командир 56-го Жмеринского полка. Но этот полк был разбит петлюровцами под Тульчиным, Япончик попал в плен. В мае 1919-го он бежит из плена и становится командиром советского бронепоезда, который был направлен на подавление восстания, поднятого атаманом Григорьевым.

В начале июня 1919-го Япончик явился в Особый отдел ЧК 3-й Украинской Красной армии и предложил организовать отряд из числа своих приверженцев «для защиты революции». Это предложение поддержал реввоенсовет 3-й армии, и Япончику было разрешено сформировать батальон особого назначения из одесских бандитов. Когда число добровольцев в отряде Япончика превысило тысячу, батальон был развернут в 54-й имени Ленина (!) красный стрелковый полк 3-й Украинской Красной армии. Полк насчитывал 2200 бойцов, 40 пулеметов, конную сотню, был даже полковой оркестр. Командиром полка остался «товарищ Мишка», а комиссаром был назначен секретарь Одесского исполкома анархист Фельдман. Тогда Япончик даже сделал заявление в местной газете, в котором говорилось: «…буржуазия, привыкшая грабить бедняков, сделала меня грабителем ея, но именем такого грабителя я горжусь, и покуда моя голова на плечах, для капиталистов и врагов народа буду всегда грозой». В полк Япончика было зачислено 132 коммуниста, мобилизованных губкомом КП(б)У для воспитательной работы. Однако большинство коммунистов отказались вступить в полк, ссылаясь на то, что пребывание в бандитском полку опасно для жизни.

В июле 1919 года полк Япончика использовался как карательный отряд для подавления крестьянских восстаний. Совет обороны Одесского военного округа направил полк Япончика на «петлюровский фронт» в 45-ю дивизию Якира. Комендант Одессы большевик Мизикевич наградил Япончика от имени Совета обороны серебряной саблей с революционной монограммой и именным красным знаменем. Когда началась погрузка полка в эшелон, выяснилось, что не явилось около 700 одесских воров. По дороге на фронт сбежали еще несколько сот «боевиков», а до фронта доехало 704 бойца.

Полк Япончика участвовал в боях против армии Петлюры у станции Вапнярка 26–28 июля 1919 года. Первый день боев был для Япончика удачным, его полк развил наступление на Крыжополь. Но на следующий день петлюровцы обратили Япончика в бегство. «Боевики» заявили, что их предала

Бессарабская бригада Котовского, и потребовали вернуть полк в Одессу. Часть бывших уголовников, бросив Япончика, бежала в Одессу, часть ушла в окрестные села на «реквизицию».

Комдив Якир решил расстрелять Япончика как «контрреволюционера и паникера». Он направил Япончика с остатками полка в штаб армии в Киев, рассчитывая арестовать его по дороге, а полк разоружить. Путь в Киев для эшелона Япончика был закрыт, его перекрыли петлюровцы и повстанцы. В столицу Япончик ехать не собирался, потому что знал, что там его ждут арест и застенки ЧК. Он отобрал 116 преданных «боевиков» в свою личную «охранную сотню» и отбыл поездом на Ольвиополь. Япончик мечтал прорваться в Одессу и… стать ее «королем»…От станции Помашная он поворачивает эшелон на Одессу. Командование приказало догнать беглецов и наказать виновных в бегстве с позиций по всей строгости военного времени. Комиссар Фельдман с особым отрядом ринулся в погоню, всем военкомам станций было предписано блокировать поезд Япончика. Далее обратимся к докладу уездвоенкома М. Синюкова Одесскому окружному комиссару по военным делам:

«4 августа 1919 года я получил распоряжение со станции Помашная от командующего внутренним фронтом т. Кругляка задержать до особого распоряжения прибывающего с эшелоном командира 54-го стрелкового советского украинского полка Мишку Японца. Во исполнение поручения я тотчас же отправился на станцию Вознесенск с отрядом кавалеристов Вознесенского отдельного кавалерийского дивизиона и командиром названного дивизиона т. Урсуловым, где распорядился расставить кавалеристов в указанных местах и стал поджидать прибытия эшелона. Ожидаемый эшелон был остановлен за семафором. К остановленному эшелону я прибыл совместно с военруком, секретарем и командиром дивизиона и потребовал немедленной явки ко мне Митьки Японца, что и было исполнено.

По прибытии Японца я объявил его арестованным и потребовал от него оружие, но он сдать оружие отказался, после чего я приказал отобрать оружие силой. В это время, когда было преступлено к обезоруживанию, Японец пытался бежать, оказал сопротивление, ввиду чего был убит выстрелом из револьвера командиром дивизиона. Отряд Японца, числом 116 человек, арестован и отправлен под конвоем на работу в огородную организацию».

Легендарный Япончик послужил прототипом для «короля» одесских бандитов Бени Крика – одного из главных героев Исаака Бабеля. В 1926 году вышла киноповесть И. Бабеля «Беня Крик», а в следующем году режиссер В. Вильнер на Одесской кинофабрике

снял художественный фильм «Беня Крик». Известный куплетист Владимир Коралли вспоминал: «Знаменитый “король” одесских налетчиков Мишка Япончик был одной из ярчайших личностей старой Одессы. Это был колоритный тип романтического разбойника и афериста… О Мишке Япончике рассказывали разного рода романтические истории. Говорили, что он не грабит врачей и артистов, любит ходить в театр, кино и на дивертисменты. А его “мальчики” работают очень картинно: на вечерах и маскарадах появляются в смокингах, ничем по облику не отличаясь от господ, и вежливо просят дам и кавалеров расстаться с драгоценностями. Никакой грубости, хамства, а тем более насилия не допускают, только поигрывают своими никелированными браунингами. Для маскировки налетчики иногда облачались и в студенческую форму…

Я жадно рассматривал Мишку Япончика. Ему было лет тридцать. Брюнет, широкие смуглые скулы. Обращали на себя внимание неспокойные раскосые глаза. Они мгновенно и как-то незаметно перебегали с предмета на предмет, казалось, что он смотрит на всех и на все сразу. Он часто оглядывался. А одет был богато и несколько мрачновато. Пальто украшал черный каракулевый воротник, шапка того же меха лежала на коленях, едва придерживаемая рукой. Пальто было расстегнуто, и виднелся черный костюм и того же цвета косоворотка. Япончик сидел на крайнем месте, поставив ногу на проход, словно каждую минуту готов был вскочить…»

Леонид Утесов в книге «Спасибо, сердце» добавляет, что «Япончик очень неохотно шел на “мокрые дела” (убийства), а вид крови его смущал». Утесов писал: «У Япончика недурные организаторские способности. Это сделало его королем уголовного мира в одесском масштабе. Смелый, предприимчивый, он сумел прибрать к рукам всю одесскую блатную шпану… Белогвардейцев он не любит и даже умудрился устроить “на них тихий погром”».

ЗАДОВ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ

(род. в 1893 г. – ум. в 1938 г.)

Анархист-махновец, ставший прообразом известного литературного героя романа А. Толстого «Хождение по мукам».

После экранизаций романа Алексея Толстого «Хождение по мукам» зрителям запомнился анархист Левка Задов – хамоватый, наглый, злопамятный и эгоистичный «поэт-юморист», патологический садист, любитель славы и женщин, которого «Одесса носила на руках». Для советских людей Задов и есть воплощение анархизма.

Задов (это его настоящая фамилия, а не псевдоним) родился в апреле 1893 года в еврейском поселении Веселая, недалеко от Юзовки. Отец Левки занимался сельским хозяйством и извозом, имел 10 детей и был выкрестом (крещеным евреем). В 1900 году семья Задовых перебралась в Юзовку, Левка стал грузчиком. Попутно он учился в еврейской школе. В 18 лет Левка – рабочий доменного цеха на заводе, а в 19 лет он попадает в круг анархистов-террористов «Летучего боевого отряда». С этим отрядом Лева совершает вооруженные нападения на рудничных

артельщиков, почтовую контору, на железнодорожную кассу станции Дебальцево. В 1913 году практически вся группа анархистов была отловлена полицией. Суд назначил Левке 8 лет каторги.

Февральская революция 1917 года открыла двери тюрем, и Задов вышел на свободу. Он возвращается в Юзовку, в доменный цех. Вскоре он, как «политический каторжанин», избирается членом Совета рабочих депутатов Юзовки и восстанавливает связи с местными анархистами, которые к тому времени создали Конфедерацию анархистов Донецкого бассейна. В декабре 1917-го Задов командует вооруженным анархистским отрядом, проводящим «экспроприацию экспроприаторов» и борется против белоказаков есаула Черенцова, которые с Дона совершают налеты на шахтерские поселки. В феврале 1918 года австро-германские войска и войска УНР развернули наступление против красных, намереваясь выгнать большевиков с Украины. Анархисты поддержали большевиков и направили свои отряды Черной гвардии против «беляков». В числе черногвардейских отрядов был и отряд анархиста Черняка, в котором Задов командовал отделением. Отступление Черняка закончилось только под Царицыном, где отряд был разоружен большевистскими частями за грабежи и анархистский мятеж в городке Лебедянь.

Десять дней анархисты просидели под арестом, но потом их снова вооружили и направили воевать против атамана Краснова. Задов назначается командиром боевого участка, который простирался от станицы Потемкинская до станицы Жутово, то есть фактически оказывается в составе Красной армии. Но красноармейская жизнь не понравилась анархистам, исповедующим безвластие и неподчинение. Через три месяца боев отряд Черняка покидает фронт и выезжает в Украину для участия в восстании против гетмана Скоропадского. Советские власти снабдили будущих партизан фальшивыми документами и деньгами. Сначала анархисты пытались поднять восстание шахтеров в районе Юзовки, но с декабря 1918-го влились в армию Махно. Лева – помощник командира полка и одновременно вербует добровольцев в махновские полки, участвует в издании махновской газеты «Путь к свободе».

Весной 1919-го Задов возвращается к своему любимому занятию – изъятию ценностей. В составе «инициативной группы по взысканию контрибуции с буржуазии» Задов «изымает» деньги и ценности у жителей Мариуполя и Бердянска – городов, занятых махновцами. В середине июня 1919-го большевики объявляют Махно вне закона. В ответ тот объявляет войну красным и белым, сформировав Повстанческую армию Украины в 50 тысяч человек.

Осенью 1919-го Задов – член штаба армии и начальник контрразведки Первой Донецкой бригады-дивизии, а потом и Донецкого корпуса армии Махно. Одновременно Задов и заместитель начальника всей армейской махновской контрразведки, которую возглавлял Лева Голик. Из-за сходства имен Задова и Голика их часто путали, ошибочно говоря о Задове как о начальнике всей махновской контрразведки, хотя он возглавлял контрразведку одного из четырех махновских корпусов. Задов разоблачил готовившийся заговор Полонского, целью которого было убить Махно и перетянуть его армии на сторону большевиков. Махновцы реквизировали имущество и драгоценности у буржуазии, взимали контрибуции с жителей Александровска, Екатеринослава, Никополя, Верхнеднепровска, Павлограда. Репутация махновской контрразведки пугала даже членов махновского Революционного совета, стремившегося взять ее под свой контроль и запретить пытки, аресты и бессудные расстрелы.

В январе 1920 года Красная армия начала активные действия против армии махновцев. Страшная эпидемия тифа, болезнь Махно, разгром армии заставили Махно временно распустить свою армию. Задов уезжает в Юзовку, где уходит в подполье. Возрождение махновской армии вновь приведет Задова в ее ряды. В апреле 1920-го он избирается членом «Комиссии по антимахновской деятельности» – судебно-карательного органа махновской армии, в ведение которого контрразведка и исполнение расстрельных приговоров. Среди членов комиссии жена Махно – Галина Кузьменко. Эта комиссия действовала с мая по сентябрь 1920-го, она лично провела сотни казней коммунистов, комсомольцев, белых офицеров. С октября 1920-го махновцы сражаются против генерала Врангеля. Махно договорился с командованием Красной армии о военном союзе против белых. Задов был назначен комендантом Крымского корпуса махновской армии, он – один из организаторов штурма Перекопско-Юшуньских укреплений. После объявления махновцев «вне закона» в 20-х числах ноября 1920 года группе Задова чудом удается выскользнуть из крымского окружения у городка Саки.

В последние месяцы махновского сопротивления (декабрь 1920 – август 1921 г.) Задов был личным адъютантом Махно. Брат Левки Данька руководит махновской разведкой. Тогда братья Задовы меняют фамилию: Лева становится Зиньковским, а Данил – Зотовым. В марте 1921 года Задов два раза спасает тяжело раненного батьку, вынося его на руках из-под огня красных.

В конце августа 1921 года 77 махновцев во главе с батькой

переходят границу Украины и бегут в Румынию. Махно с женой, начальник штаба Данилов и Задов поселились в гостиничных апартаментах в Бухаресте. Данилов и Задов создают в Бухаресте «Закордонный центр махновской армии». Безденежье заставляет братьев Задовых работать на лесопильне в Плоешти.

9 июня 1924 года группа махновцев во главе с братьями Задовыми тайно переходит советско-румынскую границу и, углубясь на 30 километров на советскую территорию, сдается представителям советской власти. На следствии братья Задовы утверждали, что их сдача – итог долгих раздумий и разочарования в махновском движении. Они показали, что вошли в диверсионно-разведывательную махновскую группу, чтобы иметь возможность проникнуть на территорию Украины и склонить к покаянию разрозненные группы махновцев. Чекисты тщательно проверяли братьев Задовых, которые каялись и давали важные показания. Вскоре братьев завербовали в ЧК – ОГПУ. Лев Зиньковский-Задов в декабре 1924-го становится сотрудником ОГПУ – ЧК в Одесской области по борьбе с контрабандой, позднее он – сотрудник Иностранного отдела ОГПУ в Одесской области, уполномоченный ИНО ОГПУ по агентуре в Румынии. Он занимался формированием в Румынии сети советской разведки, используя бывших махновцев. За свою успешную работу он четыре раза награждался почетным оружием, благодарностями, денежными премиями. Во второй половине 1930-х годов в период тотальных чисток бдительные чекисты решили, что братья Задовы проникли в органы ОГПУ – ЧК со специальным заданием – помочь махновцам легализоваться в УССР, поддержать подполье и организовать махновский центр в Одессе. В 1935 году в Румынии была внезапно провалена вся агентурная разведывательная сеть ГРУ и ОГПУ. Выяснилось, что информация просочилась из одесского ИНО ОГПУ. Братья Задовы были арестованы и признались в своей предательской деятельности в пользу махновского «Закордонного центра» и румынской разведки. В 1938 году они были расстреляны. В годы перестройки ряд авторов пытались доказать невиновность Задовых только на том основании, что в 1937–1938 годы во время сталинского террора расстреливали только честных людей, но дыма без огня не бывает. Возможно, братья Задовы не предали анархистские идеалы своей юности и до конца дней работали на махновское подполье.

ЖЕЛЕЗНЯКОВ (ЖЕЛЕЗНЯК) АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

(род. в 1895 г. – ум. в 1919 г.)

Легендарный матрос-анархист, разогнавший Всероссийское Учредительное собрание в 1918 г.

Анатолий Железняков – человек-легенда, произнесший историческую фразу: «Караул устал!», которая стала символом утверждения ленинской тирании и окончания демократического этапа Второй русской революции 1917 года. Посмертную славу анархисту принесла советская песня «Матрос Железняк», где романтизировался героический образ Анатолия, который «…шел на Одессу, а вышел к Херсону».

Анатолий родился в Подмосковье в селе Федоскино в семье скромного бухгалтера. В 1911–1912 годах будущий анархист учился в военно-фельдшерском училище в Москве, но был исключен из него за отказ участвовать в параде в честь тезоименитства императрицы Александры Федоровны. Некоторое время Анатолий работал ткачом на текстильной фабрике, но вскоре нанялся на Черноморский флот, где служил кочегаром в

1914–1915 годах. В 1915-м Анатолий устраивается на снарядный завод в Москве рабочим. Уже тогда он интересуется идеями анархизма и большевизма, распространяет антивоенную литературу.

Осенью 1915 года Железняков был призван на Балтийский флот, зачислен матросом на учебное военное судно «Океан». В 1916 году он входит в подпольную матросскую организацию анархистов. Боясь ареста, Анатолий дезертирует с флота и уезжает на юг, где по поддельным документам нанимается кочегаром на торговое судно, плававшее по Черному морю.

Весной 1917 года Железняков возвращается в революционный Петроград, где его брат – лидер матросов-анархистов Балтийского флота. В Петрограде Анатолий работал матросом в тыловой машинной школе и активно участвовал в работе анархистов революционной столицы.

В июне 1917-го Железняков принимает участие в стычке анархистов с частями Временного правительства во время осады последними дачи Дурново в Петрограде, которая была реквизирована анархистами под свой штаб. В июле 1917-го Железняков – организатор вооруженных демонстраций против властей в Кронштадте и Петрограде. За вооруженное сопротивление властям он был приговорен к 14 годам каторги, однако сумел бежать из «Крестов», спрыгнув с семиметровой тюремной стены.

В сентябре 1917 года братья Железняковы становятся во главе анархистской «бучи» на Балтийском флоте. Анатолий избирается секретарем на Втором съезде моряков Балтики, который проходил на яхте «Полярная Звезда», пришвартовавшейся к финскому берегу. Анатолий Железняков выступает за немедленную революцию, против Временного правительства, против продолжения войны, за передачу власти съезду Советов. Он избирается делегатом от моряков на Северном губернском съезде Советов, на Втором Всероссийском съезде Советов, членом Военно-морского революционного комитета и штаба моряков, который формировал отряды матросов на штурм Зимнего дворца.

Братья Железняковы привели отряд 2-го флотского экипажа для участия в Октябрьском перевороте. 24 октября 1917 года отряд Анатолия Железнякова захватил здание телеграфного агентства в Петрограде, а 25-го – штурмовал Зимний дворец.

3 ноября 1917 года отряд Анатолия Железнякова прибыл в Москву для участия в боях против сторонников Временного правительства. Уже в начале января 1918-го Железняков возвратился в Питер, где был назначен комендантом

Таврического дворца. Именно в этом дворце 4–5 января проходило первое и последнее заседание демократически избранного Учредительного собрания. Отряд Железнякова «охранял» Учредиловку, но через несколько часов такой «работы» по поручению наркома военморфлота Дыбенко разогнал «надежду демократии», предложив депутатам покинуть дворец, бросив ставшую хрестоматийной фразу: «Прошу прекратить заседание! Караул устал!» Ленину не нужен был контроль общественности. Ему нужна была безраздельная власть.

На следующий день отряд Железнякова участвовал в кровавом разгоне демонстрации жителей столицы, которые протестовали против разгона Учредительного собрания. В середине января 1918-го Питер захлестнула анархистская матросская вольница, грозившая большевикам новым, анархистским переворотом. Революционные «братишки», вышедшие из повиновения большевикам, громили винные склады, проводили повальные обыски и экспроприации, захватывали арсеналы и особняки. С большим трудом большевикам удалось направить эту разбушевавшуюся массу на юг для борьбы против Украинской Республики и донских казаков. Анатолий стал помощником командира матросского отряда, укатившего на Украину на борьбу с «буржуазными националистами».

В конце января 1918 года Железняков появляется в Одессе, которая уже неделю как занята большевиками. Там Железнякова назначают главой Революционного штаба военной Дунайской флотилии и командующим Дунайским флотом, действующим против Румынии. Именно в те дни территория Бессарабской губернии была провозглашена Молдавской Народной Республикой, и руководство молдавского парламента решило «пригласить для обеспечения необходимого порядка» в Бессарабию румынскую армию. Это было сделано для присоединения Молдавии к Румынии. В первые дни 1918 года Румыния оккупировала Бессарабию, 22–25 января 1918-го румынские войска захватывают Измаил и Килию, а 23 января большевистский Румчерод (солдатский и матросский Совет Румынского фронта и Черноморского флота) объявил Румынии войну.

26 января – 15 февраля 1918 года революционные матросы Дунайской советской флотилии героически обороняют Вилково от румынских войск. С 30 января обороной руководит Железняков. Но румынским войскам все же удается полностью захватить Бессарабию. А в марте 1918-го Железняков вместе с местными революционерами покидает Одессу, которую

штурмуют австро-венгры.

Летом 1918 года Железняков назначен командиром Еланского пехотного полка красной дивизии Киквидзе (левого эсера). В декабре 1919 года появляется в Одессе. На этот раз он становится одним из организаторов анархистского подполья и анархистского «Иностранного Бюро», которое проводит революционную пропаганду среди солдат Антанты. Анатолий редактирует подпольную анархистскую газету. В одесском подполье он сошелся с бандитом-анархистом Мишкой Япончиком и авантюристом Григорием Котовским – будущим героем Гражданской войны.

После захвата большевиками Одессы в апреле 1919 года Железняков становится руководителем профсоюза моряков и портовиков Одессы, женится на шестнадцатилетней анархистке из ортодоксальной еврейской семьи. В мае 1919 года он формирует отряды для борьбы против мятежного атамана Григорьева (командира дивизии Красной армии, который поднял восстание против большевиков в начале мая 1919 г.).

За независимость и анархизм Железняков был объявлен большевиками «вне закона», однако продолжал сражаться как командир бронепоезда Красной армии. Бойцы его бронепоезда – добровольцы из анархистов и левых эсеров, поднялись на борьбу против деникинцев, которые в июне 1919-го прорвали фронт.

В июле 1919 года Анатолий погиб в бою против белогвардейцев за стратегическую станцию Верховцево. Ему было 24 года. Железняков постоянно ссорился с большевиками, перед смертью был объявлен «вне закона», и его сын – Юрий Альтшуль, автор книги об отце, уверен, что Железняков был убит по приказу красного командарма Ворошилова.

ДУРРУТИ БУЕНАВЕНТУРА

(род. в 1896 г. – ум. в 1936 г.)

Лидер революционных анархистов Испании, герой гражданской войны в Испании.

Буенавентура Дуррути родился 14 июля 1896 года в Леоне – гористой области центральной Испании. Он был одним из девяти братьев в бедной семье железнодорожного рабочего Леонского вокзала, который был настроен революционно, считал себя «свободным социалистом». Все братья Дуррути погибли либо в восстании 1934 году в Астурии, либо на Мадридском фронте, либо были казнены фашистами.

Буенавентура оставил школу в четырнадцать лет и стал работать стажером-механиком на железнодорожном вокзале. В 1912-м он – анархист-синдикалист. В 1917 году по Испании прокатилась волна забастовок железнодорожных рабочих, и Буенавентура принял активное участие в забастовке, которая 10 августа 1917-го переросла во всеобщую. Испанское правительство бросило против рабочих армию. В ходе столкновений с армией было убито 70 и ранено 500 рабочих, в тюрьмах оказалось до 2 тысяч забастовщиков. Дуррути бежал в Париж, где до начала 1920

года работал механиком.

В 1920 году он возвратился в Испанию, в Сан-Себастьяне вступил в местную анархистскую группу. Руководство анархистской Национальной конфедерации труда убедило Дурутти переехать в Барселону, где у испанских анархистов был главный плацдарм.

В 1919–1922 годах большинство анархистов и синдикалистов Барселоны оказались в тюрьмах, в изгнании или были убиты. Один из наиболее известных анархистов в стране – глава профсоюза Сальватор Секви – был застрелен полицейским на улице Барселоны. В ответ на террор властей сторонники Секви объявили террор анархистский. В 1923 году Аскасо и Дурутти убили «святого человека», кардинала Сарагосы Солдевильи – одного из главных противников анархии в Испании. Кардинал был миллионером и финансировал лояльное власти профсоюзное движение. После его убийства Дуррути в 1924 году начал готовить покушение на короля Испании Альфонса XIII. За радикализм и стремление установить диктатуру анархического пролетариата Дуррути и его сподвижники были названы анархо-большевиками.

Тем временем в Испании к власти пришел диктатор Примо де Ривера, который запретил все анархистские газеты. Большинство видных анархистов оказались в тюрьме. Аскасо и Дуррути бежали из Испании в Аргентину, но были высланы оттуда. Следующие 10 лет Дуррути скитается из страны в страну, преследуемый полицией и безденежьем; чтобы прокормиться и помочь революции, Дуррути и Аскасо участвовали в разбойных грабежах во Франции и в странах Латинской Америки. Преследование и тюрьмы ждали беглецов в Чили, Уругвае и Мексике. Вскоре аргентинское правительство заочно приговорило их к смерти как анархистов-террористов. В четырех государствах мира Дуррути был осужден на смерть.

В середине 1920-х годов Аскасо и Дуррути перебрались во Францию. В Париже Дуррути открыл книжный магазин, который стал штаб-квартирой европейских анархистов. Когда король Испании Альфонс XIII посетил Париж, Аскасо и Дуррути попытались его убить, но после закончившегося неудачей террористического акта были арестованы и заключены на год в тюрьму. После освобождения Аргентина потребовала их выдачи для исполнения смертного приговора. Но французские анархисты развернули кампанию протеста с целью помешать этому. В июне 1925 года по решению французского суда террористы должны были покинуть Францию в течение двух недель. Однако Бельгия, Люксембург и Германия отказались их принять.

Аскасо и Дуррути незаконно возвратились во Францию и нелегально жили в Лионе и Париже. Дуррути месяц скрывался от полиции в квартире Махно и был арестован, когда выходил из нее. Их поместили на шесть месяцев во французскую тюрьму. В июле 1927 года на парижской квартире Махно состоялся банкет Международного комитета защиты анархистов по случаю освобождения (стараниями Себастиана Фора) из французской тюрьмы Дуррути и Аскасо.

В 1927 году Дуррути некоторое время нелегально жил в Бельгии и Германии, но и оттуда он был выслан… Наконец в 1928 году Аскасо и Дуррути было разрешено поселиться в Бельгии. В то же время правительство СССР предложило им политическое убежище. Но они отказались добровольно «лезть в красную клетку». В июле 1927 года на тайной встрече в Валенсии анархисты Испании объединились в Федерацию анархистов Иберии.

С падением испанской монархии в апреле 1931 года Аскасо и Дуррути возвратились в Испанию. Однако изменение политической обстановки не принесло мира и не решило главных социальных проблем. В мае 1931 года республиканцы, радикалы и социалисты заняли большинство мест в кортесах, а выборы рекламировались как самые справедливые в истории Испании. Однако Дуррути выступал против того, чтобы Федерация анархистов поддерживала республиканское правительство. Он стал одним из организаторов забастовки рабочих Барселоны. Во время разгона манифестации многие из ее участников были расстреляны. Неделю спустя в Севилье 30 забастовщиков были убиты и 300 ранено. В ответ на расстрелы анархисты развязали вооруженную борьбу против республиканского правительства Азана. Анархисты начали с ограбления банков, чтобы добыть деньги для пострадавших рабочих и движения сопротивления. Дуррути возглавил вооруженное нападение анархистов на Банк Испании в Хихоне.

В январе 1932 года Каталонская федерация анархистов и Левая Коммунистическая партия организовали восстание в Каталонии. Но армия быстро подавила восстание, и около 120 анархистов (в том числе и Дуррути) и левых коммунистов были арестованы и высланы на каторжные работы в Испанскую Гвинею. Три месяца Дуррути томился в тюрьме в Гвинее, но благодаря международной поддержке был освобожден.

15 апреля 1932 года Дуррути возвратился в Испанию и зажил жизнью образцового семьянина, воспитывал ребенка. Он работал на фабрике в Барселоне, стал активистом профсоюзов текстильных рабочих. Но в 1933–1935 годах Дуррути вновь

становится объектом преследования полицией. Его арестовывали без всяких обвинений и посадили в тюрьму снова. Так продолжается до 1936 года.

Тем временем в Астурии анархисты, социалисты, коммунисты-сталинисты и троцкисты развернули партизанскую войну против правительства и католической церкви. Правительство обращается к генералу Франко с просьбой о подавлении восстания. В ходе карательной экспедиции армия расстреляла более тысячи рабочих, несколько десятков тысяч оказались в тюрьмах. Однако уже в феврале 1936 года социалистическое Правительство народного единства пришло к власти и бескровная революция в Испании победила. 11 июля 1936 года в Испании начинается восстание фашистов-фалангистов против «левого» правительства, так называемая «консервативная контрреволюция генерала Франко».

17 июля 1936 года Дуррути сражается на баррикадах, руководит налетом анархистов на арсенал, где были захвачены винтовки и динамит для вооружения революционных отрядов. 20 июля вооруженные части троцкистов и анархистов во главе с Дуррути, Франциско Аскасо и Гарсиа Оливером захватывают Барселону и разоружают преданные Франко части. Аскасо гибнет, Гарсиа Оливер становится министром юстиции в правительстве Испании (первым в истории министром от партии анархистов).

Дуррути организует нападение анархистов на центры фашистов в Каталонии, подавление фашистского путча в Барселоне. Он, фактически, «владелец» Барселоны. Каталонские рабочие создают Комитет антифашистской милиции из представителей анархистов, коммунистов, троцкистов, республиканцев. Этот комитет – «правительство» Каталонии. Дуррути сформировал милицейскую вооруженную Колонну Дуррути, чтобы освободить от фашистов Сарагосу. В нее вошло 10 тысяч добровольцев, главным образом анархистов или им сочувствующих. Колонна Дуррути «разрушала буржуазное общество». Несмотря на отсутствие боевой иерархии и самоорганизации, это было самое боеспособное и самое крупное соединение республиканской армии.

Дуррути удалось захватить Сарагосу и часть провинции Арагон и установить в окрестностях Сарагосы анархистскую диктатуру. Анархисты и местные крестьяне, не подчинявшиеся ни Мадриду, ни Барселоне, сформировали региональный «Совет защиты» в городке Фрага, оттуда пытались руководить трудящимися Арагона.

Дуррути начал «анархистский эксперимент построения нового общества свободного социализма» (как некогда Махно) с

сожжения Сарагосского собора и объявления города свободной коммуной. Земля и предприятия в районе были социализированы и переданы трудовым коллективам, а излишки продовольствия добровольно отправлены в Мадрид и Барселону. Дуррути говорил: «Мы покажем вам, большевики, как надо делать революцию! Мы приносим Гитлеру и Муссолини гораздо больше беспокойства нашей революцией, чем целая Красная армия России. Мы даем пример для немецкого и итальянского рабочего класса, как надо бороться против фашизма».

На пике популярности Дуррути был назначен командующим Сарагосским фронтом республиканцев. В начале ноября 1936 года четыре армии Франко подошли к Мадриду. Дуррути направляет 4 тысячи бойцов своей Колонны из Арагона на помощь Мадриду. Приход Колонны под Мадрид спас на какое-то время республику.

Но 20 ноября 1936-го, когда Дуррути выходил из своего автомобиля, пуля предателя поразила его в затылок, он мгновенно умер. Незадолго до смерти он говорил: «Я не ожидаю никакой помощи для свободной революции от любого правительства в мире… Мы не ожидаем никакой помощи даже от нашего собственного правительства». Возможно, смертельная пуля была выпущена не фашистом, а сталинистом. Ведь коммунисты Испании болезненно воспринимали рост влияния анархистов и всеми силами старались не допустить роста популярности анархистов среди испанцев.

22 ноября 1936 года в Барселоне прошли многотысячные похороны героя. Все предприятия города прекратили работу, 400 тысяч горожан, крестьян Каталонии и Арагона проводили в последний путь «пламенного анархиста». Над колоннами развивались черные транспаранты с надписью: «Мы будем мстить!»

Илья Эренбург писал о Дуррути: «Описать его не отважился бы ни один писатель – так как слишком его жизнь была похожа на приключенческий роман. Рабочий-металлист, он с ранней молодости отдал себя революционной борьбе, принимал участие в нападениях на банки, похищал судей, три раза был приговорен к смертному наказанию – в Испании, в Чили и в Аргентине, познал десятки тюрем; восемь стран его высылали одна за другой…», «Французы его арестовали и решили выдать. Спорили только кому: Испании или Аргентине. На допросах изысканный следователь время от времени проводил рукой по своей шее: он хотел напомнить, что именно ждет Дуррути в Испании или в Аргентине. Дуррути просидел семь месяцев, гадая, кому его выдадут. Пока юристы спорили, в стране началась кампания против выдачи. Дуррути спасся. Его выслали в Бельгию. Из

Бельгии его выслали в Германию. Из Германии в Голландию. Из Голландии в Швейцарию. Из Швейцарии во Францию… Это повторялось по многу раз. Как-то в течение двух недель Дуррути кидали из Франции в Германию и назад: жандармы играли в футбол. Другой раз французские жандармы решили провести бельгийских: двое вступили с бельгийцами в длинную беседу, тем временем автомобиль с живой контрабандой помчался в Брюссель. Дуррути менял что ни день паспорта. Он не менял ни профессии, ни убеждений: он продолжал работать на заводе, и он остался анархистом…»

ХОФФМАН ЭББОТ

(род. в 1936 г. – ум. в 1989 г.)

Лидер молодежного «левацкого» движения.

Эббот (Эбби) Хоффман родился 30 ноября 1936 года в семье аптекаря в городишке Уорчестер штат Массачусетс (США). Двоюродный дед Эбби, некий Шапошников, живший в Киевской губернии, чтобы эмигрировать за границу, «позаимствовал» у заезжего немца фамилию Хоффман вместе с его документами. Так семья Шапошниковых стала семьей Хоффман. Вскоре в США перебрался и дед Эбби, он тоже взял фамилию Хоффман. С детства будущий анархист проявлял характер – был исключен из школы за то, что ударил оскорбившего его учителя. Позже Эбби призовет молодежь Америки во имя революции убивать своих родителей. Хотя он подчеркивал, что этот призыв нельзя понимать буквально.

В университет Беркли Эбби все же поступил и не просто учился, но учился хорошо, входил в сборную университета по классической борьбе, занимался теннисом, был инструктором по подводному плаванию, президентом студенческого психологического общества, возглавлял университетский Клуб

любителей кино, и вообще, обнаруживал задатки лидера. Во время обучения Хоффман близко сошелся с преподавателями – «властителями умов» 1960-х – Гербертом Маркузе, Эйбрахамом Маслоу, Морисом Стейном, дзэн-буддистом Судзуки. Закончив учебу в университете и получив диплом психолога, Эбби был приглашен для работы над диссертацией по оккультизму в Калифорнийский университет. Однако профессором он так и не стал.

Два года Эбби проработал психотерапевтом в госпитале для душевнобольных. С 1962 года Хоффман стал заниматься политикой – участвовал в избирательной кампании в сенат пацифиста Хьюза. В середине бурных 1960-х он учительствует в негритянских школах, помогает регистрироваться черным избирателям, участвует в демонстрациях, дружит с «леваками» и лидером «Черной власти» Кармайклом. В 1965 году в Миссисипи Хоффман организует кооператив народных ремесел – «Корпорацию бедняков». Для реализации изделий этого кооператива Хоффман перебирается в Нью-Йорк, где открывает магазин «хипповой» одежды. Богема, джаз, джинсы, радикальные взгляды, нарочито неряшливый вид – вот мир молодого Эбби. Кумирами его стали Фидель и Троцкий, Че Гевара и Мао, Бакунин и Махно. Серьезное влияние на Хоффмана оказал писатель-битник Ален Гинзберг.

В 1966 году Хоффман становится лидером «леваков» Нью-Йорка. Он устраивает громкие действа, основывает бесплатный магазин, объявляет себя «лидером движения хиппи на Восточном побережье», а вскоре и лидером «Международной молодежной партии йиппи» (обновленных хиппи).

Движение йиппи сформировалось в конце 1967-го и стало вызовом «обществу благоденствия». Йиппи разработали программу, в которой фантастические призывы соседствовали с общедемократическими лозунгами. Они требовали всеобщего разоружения, запрещения оружия и прекращения вьетнамской войны, ликвидации военной промышленности и отмены воинской обязанности, вывода военных баз США из разных стран, свободу «Черным Пантерам», свободу СМИ, отмены цензуры. Йиппи считали, что политическая система должна отвечать нуждам всех, независимо от возраста, пола и расы, что власть нуждается в децентрализации путем создания множества коммун, чтобы каждый американец мог выбирать сообщество по душе, что для определения направления государственной политики нужны регулярные общенародные референдумы.

Одновременно йиппи допускали свободную любовь «когда и с кем захочется», предлагали легализовать аборты, марихуану и

психоделики, отменить деньги, плату за жилье, транспорт, питание, образование, одежду, медицину, отменить все законы против преступлений, в которых нет жертв, а тюрьмы приспособить для реабилитации преступников, передать всю власть студентам…

Йиппи призывали к охране окружающей среды, к переселению из больших городов на лоно природы, верили, что в будущем люди будут выполнять только творческую работу и «каждый станет художником».

В 1967 году в парке «Золотые ворота» в Сан-Франциско Эбби провел «Первый в мире День человечности», на который собралось 15 тысяч молодых людей. Тогда он продемонстрировал новую эстетику йиппи: радость, спонтанность, театрализованное действо. Он назвал эти действа «провокацией против мира взрослых». На Пасху 1967-го 10 тысяч йиппи и хиппи устроили новый праздник «Власти цветов и любви» в нью-йоркском Центральном парке, собрав до 30 тысяч человек. Это был праздник наркотиков и поцелуев.

Эбби и его последователи ворвались в центральный железнодорожный вокзал, «наводнили» его воздушными шариками и сорвали стрелки с циферблата. Полиция разогнала «шалунов» дубинками. Двенадцать человек, в том числе Хоффман, были серьезно ранены. Избиение получило в США огласку, вызвало всенародное возмущение и сделало имя Хоффмана знаменитым. Эбби знакомится с другим профессиональным бунтарем – Джерри Рубином. О своей дружбе с Джерри Эбби напишет: «Мы были нужны друг другу с Джерри, как Че с Фиделем».

15 апреля 1967-го Хоффман организует крупнейшую в истории Америки демонстрацию – 700 тысяч человек прошли к зданию ООН, требуя прекратить вьетнамскую войну. 20 мая Эбби устраивает представление «театральной герильи», разбросав тысячу долларов однодолларовыми бумажками у нью-йоркской биржи. В июне того же года он устроил из своей свадьбы акцию протеста и службу пародийного левацкого культа «бу-ху» в Центральном парке Нью-Йорка.

21 октября 1967-го Эбби и Джерри организовали осаду Пентагона толпой хиппи и йиппи.

В августе 1968 года Хоффман устроил «Праздник Жизни» в Чикаго. Вскоре йиппи захватили Калифорнийский университет, создали там «Народный парк». Ректор послал против йиппи бульдозеры и полицейских. В США вторжение полиции на территорию самоуправляемого университета было делом неслыханным. Когда 75 молодых людей были выдворены из

здания, сбежалось две тысячи студентов, что привело к столкновению с полицией. Полиция стреляла дробью, в ответ полетели камни. 60 студентов были ранены, случайный прохожий был убит. Но на три дня университет оказался в руках студентов, полиция отступила. Губернатор Рейган ввел против студентов две тысячи гвардейцев, которые зверски избили протестующих.

В Чикаго полиция разогнала йиппи, 20 человек были арестованы. Йиппи захватили парк и устроили там «Фестиваль Любви», но полиция вновь применила дубинки, одному из йиппи проломали череп. Два дня молодежь сражалась с полицейскими. На улицах строили баррикады – символ неповиновения. Во многих университетских центрах США проходили антивоенные демонстрации, которые безжалостно разгонялись полицией… Поговаривали о начале гражданской войны «отцов и детей».

Эбби был арестован за то, что щеголял по улицам, написав на лбу слово «FUCK». Вскоре Эбби и Джери вместе с друзьями взрывают памятник полицейским в Чикаго. За 1968 год его арестовывали восемь раз. На суде его представляли как «красного шпиона», но на вопрос о его симпатиях к Ленину он признавался в любви к Леннону. О жизни в СССР он писал: «Тягомотина, бюрократия, стерильность, пуританство…» В сентябре 1968-го он был арестован в аэропорту, когда пытался вылететь в Прагу – на помощь растоптанной советскими танками «Пражской весне». Вскоре Эбби заработал 30 дней тюрьмы за «надругательство над американским флагом».

Главным событием американской рок-революции стал музыкальный рок-фестиваль «Вудсток». Эбби пытался возглавить это мероприятие, сам себя назначив «Главным Координатором Культурной Революции», пытался стать «отцом нации Вудстока», возглавить молодежную революцию, скрестить политику и движение хиппи. На «Вудстоке», где собралось до 500 тысяч молодежи, Эбби потребовал освободить из тюрьмы лидера коммуны «Белые пантеры» Джона Синклера, прекратить войну во Вьетнаме и легализовать наркотики.

В 1969 году Эбби и Джерри Рубин были обвинены в пересечении границ штата Иллинойс «для подстрекательства к мятежу», взяты под стражу и предстали перед судом. Их судили вместе с лидерами «Черных пантер» как подрывающих устои Америки, но йиппи тогда отделались легким испугом. На суде Хоффман и Рубин кривлялись и паясничали, по роли им полагалось вести себя как «неуравновешенным лоботрясам». Клоунада, эпатаж и безответственность были их оружием. И хотя Эбби был прозван «выродком Америки», но был приговорен всего к 8 месяцам тюрьмы условно. В Англии, куда уехал Хоффман, он

пытался организовать молодежные беспорядки, но английская полиция выслала Хоффмана из страны, навсегда запретив ему въезд на территорию королевства.

В 1969–1970 годы в университетах США прошло 9408 акций протеста, 700 раз в кампусы вводилась полиция или национальная гвардия. Хоффман и Рубин были лидерами студенческого движения протеста в США. Весной 1970 года 500 йиппи штурмом взяли Диснейленд и водрузили над ним флаг Вьетконга (вьетнамских партизан). В мае 1970-го перед 30-тысячной толпой, собравшейся на антивоенный митинг, Эбби устроил ритуал вуду. Бормоча заклинания, он разбил телевизор, с экрана которого Никсон объявлял о вводе американских войск в Камбоджу. В мае 1971-го в День труда Эбби организовал молодежную антивоенную демонстрацию в Вашингтоне. Для координации движения йиппи Хоффман основал “Movement Speakers Bureau”. Но в 1972 году движение пошло на спад, полиция несколько раз подбрасывала в штаб-квартиру йиппи наркотики, за что Эбби получил еще 5 лет условно.

Хоффман прославился как теоретик «левых» – он пишет книги: «К черту Систему», «Нация Вудстока», «Революция ради ада революции» (гонорар за это издание он пожертвовал в фонд «Черных пантер»). В своих книгах Хоффман назвал события 1967–1970 годов «Второй Американской революцией», а себя – «артистом революции». Вспоминая 1960-е, он писал: «Мы были единственным поколением, так и не ставшим похожими на родителей», и заклинал – «…лучший мир – здесь и сейчас, немедленно! При этом все, что связано с миром отцов, никуда не годится».

В августе 1973 года Хоффман был арестован по обвинению в продаже кокаина. Ему грозило до 25 лет пожизненного заключения. Отпущенный под залог, Хоффман исчез из поля зрения почти на семь лет. Он перекрасил волосы, сделал пластическую операцию и до начала 1980-х годов жил по фальшивым документам и под чужим именем. Но в 1980 году Эбби неожиданно сдался властям, отсидел около года и был амнистирован.

Хиппи и йиппи постарели, звезда Эбби закатилась… Он еще мотался по университетам, выступал перед студентами, подбивал их протестовать против военно-промышленного комплекса, внешней политики США, загрязнения окружающей среды. В 1987 году его арестовали как зачинщика студенческой забастовки в Массачусетском университете. Однако он понимал, что возврата к былому уже нет. 12 апреля 1989 года в состоянии депрессии и под воздействием наркотиков Хоффман свел счеты с жизнью.

РУБИН ДЖЕРРИ

(род. в 1938 г. – ум. в 1994 г.)

Радикальный лидер молодежного «левацкого» движения в США, творец движения йиппи.

Джерри Рубин родился и вырос в Цинциннати (США), учился в колледже, 5 лет работал репортером-газетчиком. Рубин полтора года изучал социологию в Иерусалимском университете, а в 1963 году поступил в Калифорнийский университет. Летом 1964 года он провел два месяца на революционной Кубе – знакомился с «опытом настоящей революции».

В середине 1960-х годов Рубин участвует в движении за расовое равноправие в США и в движении за свободу слова. Он был инициатором первых крупных акций против войны США во Вьетнаме. Во время организованного им антивоенного Дня Вьетнама американские студенты легли на рельсы перед составом с военной техникой, которую везли для погрузки на корабли для отправки во Вьетнам. Весной 1967 года Джерри – уже признанный лидер мятежного «левацкого» студенчества, он выдвигается на пост мэра студенческого города университета Беркли. Его предвыборный лозунг – «Войне конец, а марихуану легализовать!» С этим лозунгом он набрал 22 % голосов избирателей. В тот же год он сошелся с лидером «леваков» Эбби Хоффманом, «молодежную революцию» 1968 года в США они делали вместе.

«Не верь никому старше 30!» – вот эпатажный лозунг, с которым Рубин вошел в историю. Он уточнял: «Не слушайтесь родителей. Сожгите деньги… Все наши общественные институты – это иллюзорные порождения человеческого сознания. Ниспровергайте семью, церковь, Вселенную, города, экономику… Надо, чтобы пришло новое поколение: взбалмошное, сумасбродное, безрассудное, сексуальное, неистовое, свободное от религии, ребячливое и полоумное. Это народ, сжигающий призывные повестки, школьные аттестаты и дипломы колледжей». Стайн назвал Рубина «…человеком, полностью очистившимся от мифов своего общества», и Рубин ниспровергал мифы, заявляя: «…ясность – вовсе не наша цель. Наша цель – сбить всех с толку. Беспорядок и кутерьма, сумятица и сумбур разят цивилов

наповал. Нас не понимают – и это замечательно: понимая нас, они бы нашли способ нас контролировать».

Осенью 1967 года Рубин перебирается в Нью-Йорк и возглавляет осаду Пентагона, которую провели политические радикалы – «новые левые». Толпа хиппи в разноцветных лохмотьях забрасывала солдат и полицейских цветами, предлагая им присоединиться к ним и совершить революцию. Йиппи протестовали против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию.

В 1968 году Рубин писал в одной подпольной газете: «Я считаю, первым делом надо создать из йиппи бродячую труппу партизанского театра, гастролирующую по студенческим кампусам с представлениями: сожжение книг, зачетных и экзаменационных ведомостей, журналов посещаемости, громящих аудитории, выпускающих наших братьев на волю из тюрьмы, которой стали университеты».

В апреле 1969 года Рубину запретили выступать перед студентами Калифорнийского университета. В знак протеста те подожгли здание университета, в стычке с полицией один из студентов был убит, четверо ранены, а через несколько месяцев Джерри был арестован за хранение наркотиков.

В августе 1969 года Рубин возглавил толпу йиппи, которая пыталась захватить Центральный парк Нью-Йорка. Тогда он объявил поросенка Пигасуса кандидатом в президенты от йиппи и выдвинул лозунг: «Мы изберем своего президента, и пусть люди его съедят!»

Но в 1974 году стало ясно, что «карнавал революции» закончился, из Вьетнама начали выводить американские войска. Отойдя от политики, Джерри занялся йогой, парапсихологией, биоэнергетикой. Одно время он стремился наладить выпуск новых «революционных» джинсов, но затем увлекся бизнесом на Уолл-стрите, стал вести модные семинары – тренинги для молодых банкиров-профессионалов. В 1980-е годы вместе с женой он написал книгу о мужской сексуальности и организовал серию радиодебатов «Йиппи против яппи», начал выпускать тонизирующий напиток на основе пчелиной пыльцы и женьшеня. В 1994 году, переходя улицу в неположенном месте, Джерри попал под машину и две недели спустя скончался в больнице…

КОН-БЕНДИТ ДАНИЭЛЬ

(род. в 1945 г.)

Лидер парижских студентов в мае 1968 г., лидер французских «леваков» и немецких «зеленых».

Даниэль Кон-Бендит родился в 1945 году в Париже в немецкой семье еврейского происхождения. Его отец был адвокатом, человеком «левых убеждений», до 1933 года он жил в Берлине, но после прихода к власти Гитлера эмигрировал во Францию. Там отец Даниэля не имел права заниматься адвокатурой, а потому работал торговым агентом. После 17 лет эмиграции он развелся с матерью Даниэля и вернулся в Германию.

Даниэль остался в Париже и вскоре стал студентом социологического факультета университета Нантер (филиал знаменитой Сорбонны). В двадцать лет он принял участие в альтернативном движении против атомных электростанций. Кон-Бендит критиковал индустриальный способ производства, выступал за мирное использование атомной энергии, против атомной угрозы. Студенты Нантерского университета подняли восстание в мае 1968 года, восстание, которое, всколыхнуло

молодежь Запада и подтолкнуло ее к борьбе против буржуазного «общества отцов».

Даниэль завоевал популярность среди нантерских студентов своими выступлениями, в которых говорил о необходимости немедленно разрушить буржуазное общество, совершить революцию «здесь и сейчас», «превратить Париж в Гуляйполе». Он отвергал какой-либо конкретный общественный идеал и ратовал за молодежную перманентную революцию. Кон-Бендит проповедовал идеи Руди Дучке, презирая СССР и коммунистов. Его можно назвать стихийным анархистом, хотя многие считали только «гошистом»-леваком.

22 марта 1968-го в Нантере студенческие группы левых радикалов захватили здание и башню административного корпуса, требуя освобождения своих шестерых товарищей, членов Комитета защиты Вьетнама, которые, протестуя против Вьетнамской войны, 20 марта напали на парижское представительство «Американ Экспресс» и были арестованы полицией. Этот поступок анархисты рассматривали как акцию «прямого действия». Власти наводнили Нантер полицейскими агентами, но студенты их сфотографировали и устроили в университете выставку фотографий. Начались столкновения, в ходе которых студенты вытеснили полицейских из университета. 30 апреля администрация обвинила лидеров студенческих беспорядков в «подстрекательстве к насилию» и о прекращении занятий в университете. Это стало искрой, от которой загорелось пламя пожара «Красного Мая». Национальный студенческий союз Франции совместно с Национальным профсоюзом работников высшего образования призвал студентов к забастовке. 1 мая 1968-го 100 тысяч человек вышли на улицы Парижа. 2 мая Кон-Бендит призвал студентов Нантера к походу на Париж, заявив: «Нас здесь 300 львов среди 20 тысяч телят, мы не продержимся и трех часов. Идем в Сорбонну. Там нас будет 3 тысячи, и даже телята зарычат вместе с нами». Участники «Движения университетских действий» захватили зал Сорбонны для проведения в нем митинга с участием Кон-Бендита и студенческих лидеров Италии, ФРГ, Бельгии, Западного Берлина и Испании.

«Движение 22 марта», в котором Кон-Бендит играл лидирующую роль, быстро радикализировало обстановку в Нантере и вовлекло в революционную деятельность огромную массу студентов. Кон-Бендит заявлял, что главная цель студентов Франции свергнуть режим де Голля, что в Париже «…проходит революция с большой буквы». Даниэля называли «Дантоном 68-го» или «красным Дэни» за красно-рыжий цвет его непокорной шевелюры. Столкновения с полицией, митинги и демонстрации

прошли практически во всех университетских городах Франции. Студенты строили баррикады, ввязывались в драки с полицией, разбрасывали листовки.

Кон-Бендит пытался объединить разрозненные анархистские, маоистские и троцкистские группы для формирования боевых революционных отрядов, призывал к немедленным выступлениям против существующей системы. За несколько майских дней 1968-го 23-летний Кон-Бендит стал известен всей Франции и большинству «леворадикальной» молодежи Западной Европы и США.

Полиция штурмовала Сорбонну, применив дубинки и гранаты со слезоточивым газом. Студенты взялись за булыжники. В столкновениях в Латинском квартале Парижа участвовали две тысячи полицейских и две тысячи студентов, 596 студентов было арестовано. 5 мая 13 зачинщиков беспорядков были осуждены парижским судом. В ответ на это их товарищи организовали «Комитет защиты против репрессий». Кон-Бендит призвал студентов создавать «комитеты действия» – структуры самоуправления и сопротивления, создать Советы, освободить людей от «отчужденности». Французское телевидение на целый час предоставило эфир Кон-Бендиту, чем способствовало росту его популярности.

6 мая 1968-го 20 тысяч человек вышли на демонстрацию протеста, требуя освобождения осужденных, открытия университета, отставки министра образования и ректора Сорбонны, прекращения полицейского насилия. Студенты прошли по Парижу с плакатом «Мы – маленькая кучка экстремистов». Но когда колонна повернула к Сорбонне, ее атаковали полицейские. Латинский квартал покрылся баррикадами, став ареной ожесточенных столкновений. Против 6 тысяч полицейских боролось 25 тысяч студентов. До 600 человек (с обеих сторон) было ранено, 421 – арестован. 7 мая бастовали уже все высшие учебные заведения и большинство лицеев Парижа. В столице на демонстрацию вышли 50 тысяч студентов, требовавших освобождения своих товарищей, вывода полиции с территории Сорбонны. Власти объявили об отчислении из Сорбонны всех участников беспорядков, студенческую колонну вновь атаковали силы полиции.

Студентов поддержали профсоюзы преподавателей, учителей и научных работников, крупнейшие профцентры Франции, партии коммунистов, социалистов, левых радикалов, Французская лига прав человека, лауреаты Нобелевской премии и представители французской интеллигенции – Жан Поль Сартр, Симона де Бовуар, Франсуаза Саган, Франсуа Мориак и другие. 10 мая 20-

тысячная демонстрация студентов вновь столкнулись с полицией. Студенты построили 60 баррикад и несколько часов сопротивлялись полиции. В них швыряли гранаты со слезоточивым газом, они в ответ поджигали автомашины. Повсюду развевались красные флаги, слышалось пение «Интернационала». В рукопашной драке студентов с полицией было ранено 367 человек, 460 арестовано. Разгон демонстрации привел к общеполитическому кризису. 13 мая профсоюзы призвали рабочих поддержать студентов, и Франция была парализована всеобщей 24-часовой забастовкой. В Париже прошла 800-тысячная демонстрация, в первом ряду которой шли руководитель Всеобщей конфедерации труда, коммунист Жорж Сеги, и Кон-Бендит. Сразу после демонстрации студенты захватили Сорбонну.

Под руководством Кон-Бендита студенты создали «Генеральные ассамблеи» – дискуссионные клубы, законодательные и исполнительные органы. «Генеральная ассамблея Сорбонны» объявила Парижский университет «автономным народным университетом, постоянно и круглосуточно открытым для всех трудящихся». Рабочие захватывали предприятия по всей Франции. Актуальным был лозунг: «Фабрики – рабочим, университеты – студентам!» 15 мая студенты захватили парижский театр «Одеон» и превратили его в дискуссионный клуб, подняв над ним красный и черный флаги. Сорбонной управлял «Оккупационный комитет» из 15 человек. По требованию анархистов, боровшихся с «угрозой бюрократического перерождения», состав комитета каждый день обновлялся.

22 мая 1968 года французские власти пытаются выслать из страны Кон-Бендита как иностранца, поскольку он, хотя и родился во Франции и до июня 1968-го жил в этой стране, не был гражданином Франции. Когда Даниэль родился, его родители хотели перебраться из Франции в Америку и не зарегистрировали младенца как французского гражданина, поэтому мальчик оставался личностью без гражданства до 15 лет, пока не получил немецкое гражданство. В ответ на угрозу высылки вождя студенты устроили в Латинском квартале «ночь гнева», построили баррикады, подожгли здание Парижской биржи. Через несколько дней лидеры «Красного Мая» призвали к захвату власти, поскольку она «валяется на улице». Но 12 июня 1968-го власть перешла в наступление. Были запрещены основные левацкие группировки, «очищены» от студентов «Одеон» и Сорбонна, а Кон-Бендит выслан в ФРГ. Газеты называли Даниэля «немецким анархистом» и намекали на его «подозрительное» еврейское происхождение. Когда Кон-Бендита депортировали, в Париже

прошла 100-тысячная демонстрация под лозунгом: «Мы все – немецкие евреи».

После депортации Кон-Бендита в Германию он еще несколько лет оставался самым популярным в мире «леваком» – молодежным бунтарем. В Германии он участвовал в «левацких» студенческих акциях в 1968–1970 годах, в движении против ядерной энергетики, в движении за мир. В сентябре 1968-го Дэни был арестован во Франкфурте после «левацкой» демонстрации. Из Германии он призывал студентов Франции, США, Италии к продолжению борьбы против капитала. В своих идеологических пристрастиях он и сам не мог разобраться, одновременно принимая пацифизм и «зеленое» движение, анархизм и троцкизм. Кон-Бендит резко критиковал коммунистов в СССР за однопартийную диктатуру и подавление «Пражской весны». Вместе с братом Габриэлем – преподавателем университета, Дэни написал нашумевшую книгу «Устаревший коммунизм. Альтернатива левого крыла», которая сделала их идеологами неоанархизма. В этой книге братья идеализируют опыт «комитетов действия» 1968-го и пишут о том, что «махновщина, возможно, лучше, чем любое другое движение, показывает, что русская революция действительно могла стать великой освободительной силой».

Через 10 лет Франция отменила решение о депортации Кон-Бендита, но Дэни остался жить во Франкфурте, стал одним из лидеров движения «зеленых», движения против расовой дискриминации. В ФРГ он работал издателем, журналистом, стал известным политиком партии зеленых, министром правительства. Бунтарь в 1980–1990-е годы превратился в государственного чиновника. Во Франкфурте в 1989–1997 годах Дэни занимает официальную должность в городском управлении по вопросам культуры и эмиграции. Он стремится примирить городское население Франкфурта с многочисленными «цветными» эмигрантами. В то же время он выступает за введение войск ООН в Боснию и Герцеговину. В конце XX века Дэни разорвал с крайними «леваками», не стал связывать свою судьбу с антиглобалистами, напротив, он выступал за объединение Европы, за блок «зеленых» с немецкими социал-демократами, которых было большинство в парламенте ФРГ, выдвигал свою кандидатуру в Европейский парламент.

notes

1

Населенная итальянцами Ницца с 1792 года находилась в составе Франции, а в 1814 году была передана под власть Пьемонт-Сардинского короля.

2

Кхмеры – народ, составляющий основное население Камбоджи. Живут также во Вьетнаме, Таиланде и других странах. «Красные кхмеры» – левоэкстремистская группировка, захватившая власть в Камбодже в 1975–1979 гг.

3

Кампучия – название Камбоджи в 1976–1989 гг.

Инсургент – участник восстания.